
С. ДИЛЭНИ
ПАДЕНИЕ БАШЕН

Падение башен

Сэмюэль Дилэни

Аннотация
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА. 7. Самуэль Р. Дилэни.
ПАДЕНИЕ БАШЕН
ПАДЕНИЕ БАШЕН
- ПРОЛОГ
- КНИГА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
- КНИГА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4

ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
КНИГА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ЭПИЛОГ
НОВА
ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЗВЕЗДИЕ ДРАКОНА, ТРИТОН, ГЕЕННА-3, 3172 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СОЗВЕЗДИЕ ДРАКОНА, ТРИТОН, ГЕЕННА-3, 3172 г.
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Аннотация

Выпуск 7. Трилогия «Падение башен» и внецикловый роман.

Оглавление:

Сэмюэль Дилэни. Падение башен (цикл)
• Пленники огня (роман), стр. 3-110
• Башни Торона (роман), стр. 111-208
• Город тысячи солнц (роман), стр. 209-302
Сэмюэль Дилэни. Нова (роман), стр. 303-533

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА
7
Самуэль Р. Дилэни
ПАДЕНИЕ БАШЕН

ПАДЕНИЕ БАШЕН

ПРОЛОГ

Зелень пчелиных крыльев… Красный цвет полированного карбункула… Паутина серебряного огня… Свечение разрывает глаза, бьет глубоко в тело. Он чувствовал, что его кости расщепляются, зажимают живот и крутят, чтобы причинить боль. Но боли нет. Он падает сквозь синий дым, холодный как лед. Он протягивает вперед руки, чтобы удержаться…

Ладони и колени в чем-то горячем. Джон Кошер потряс головой, посмотрел вверх. С него посыпался песок. Волосы упали на глаза, он откинул их и присел на пятки.

Небо было бирюзовое. Горизонт слишком близко. Песок больше походил на известь. Он посмотрел вниз. От его тела отходили две тени. Зубец скалы неподалеку тоже отбрасывал двойную тень.

Шатаясь, он встал. Он был очень легким: с гравитацией было что-то неладно. Ноги зарылись в песок. На шее и подмышками выступил пот. Воздух жалил ноздри. Джон прищурился.

Далеко за песком было озеро. Рядом с озером или, может, из него поднимался город?.. Он еще

сильнее прищурился, вглядываясь…

Выкинуть человека из одного мира в другой. Это заставит его одновременно понять, где он, и вспомнить, где он был. Каждое определяет другое.

Джон Кошер сделал шаг вперед. Левая штанина хлюпала мокрым по колену. Он снова взглянул вниз. На ногах были полосы грязи. Где-то недавно он попал в лужи? Он растерянно оглядел еще раз пустыню и сделал второй шаг. Волосы вновь упали на лицо.

Когда он откидывал их назад, что-то скользнуло под его рукой. Он схватил это.

В его загрубевших пальцах был зажат фрагмент папоротника. Где-то недавно он пробивался через множество листьев. Он посмотрел по сторонам, морщась от отраженного жара. В дюнах нигде не было никакой зелени. Он снова пошел, но остановился: его рука задела за что-то на бедре. Он осмотрел брюки, потом нижние стороны рукава: там были соединенные углами зеленые квадраты… древесных вшей? Он недоумевал, оглядывая безлесное пространство — да, древесные вши зацепились за грубую одежду.

Добравшись до озера, он посмотрел на воду и увидел свое грязное лицо, разорванное плечо

рубашки. Он коснулся царапины на плече, где его ударила в темноте ветка… Но пустыня была слепяще яркой и деревьев нигде не было видно.

Губы его беззвучно шевелились, проверяя цифры на комбинезоне. Этот номер был его номером в последние пять лет. Но теперь этот номер был неправильным!

Но ведь это отражение! Надо было читать наоборот. Он поднял глаза, прошептал правильный номер, и за ним снова встали пахнущие креозотом стены тюремного барака, разбивающие кольца на зубьях резака, которым он работал в течение пяти лет, вгрызаясь в тетроновую руду, и листья и кусты, бьющие его по лицу и плечам, когда он бежал в темноте…

И он узнал город.

Там, через озеро, этот город ударил ему в глаза так фамильярно, что он отступил назад. Это была абстракция, теперь ставшая башнями, петляющими дорогами Тилфара! Как стрелка указывает направление, или театральный шатер означает развлечение, так шпили Тилфара символизировали смерть.

В горле пересохло, ладони стали влажными. Он отступил назад. Кожа на спине шевелилась. Его взбаламученный мозг вытягивал факты:

Я Джон Кошер, и я хотел стать свободным! Это было первое, кроме страха, первое за пятилетнее заключение в рудниках, что достигло высшей точки, когда они втроем бежали… Сколько часов назад?

Но это было на Земле. Он был на Земле. Как и город. Видеть его от изрытого края джунглей и лавовых полей означало смерть. Но здесь он видит Тилфар на чужой планете, под двойным солнцем.

Обессиленный, он смотрел на город от изрытых скал. И тогда же услышал: ВЛАСТЕЛИН ПЛАМЕНИ.

И внезапно не стало оснований бояться. Он попытался разобраться в воспоминаниях. Он должен войти в город, найти посылающую платформу транзитной ленты, металлическую полосу, которая пронесет его над джунглями, над головами стражников, над морем, обратно к жизни, в островной город Торон…

Вдруг он нахмурился, затем лицо его выразило ярость и отчаяние, когда он искал серебряную ленту, которая должна была выходить из окна далекого здания, плыть от столба к столбу, светясь над песком.

Но транзитной ленты… нет!

Исчезла? Сломалась? Снова охваченный страхом, он почти кричал. Не было ни столбов, ни металлического катка ленты. Город стоял изолированно на чуждом песке. Ох, только бы она не была сломана! Молюсь!.. Все вдруг исчезло из его глаз. Не осталось ничего, кроме синего дыма, холодного, как лед, он кружился в синеве. Свечение опаляло глаза, последовательные образы дрожали, мерцали, становились серебряными, красными, пчелиными крыльями.

КНИГА ПЕРВАЯ
ГЛАВА 1

Хрустальный шар над пустой платформой в башне лаборатории мертвого города Тилфара потускнел. В помещении уже шестьдесят лет стояла тишина. От кристалла тянулась металлическая лента, она парила над балконом, над мокрыми сожженными и грязными дорогами. Солнце только что осветило зазубренный горизонт, мокрый металл блестел, как спинка спящей змеи.

За много миль отсюда тьма побледнела перед рассветом. В лавовых полях среди папоротников стояли бараки. Легкий дождь только что кончился. Вода капала с поддерживающего столба. Лента казалась черной в бледнеющей ночи.

Из джунглей к баракам подошли шесть человек. Все они были свыше семи футов росту. Они несли тела двух людей обычного роста, двое, шедшие сзади, отстали, чтобы поговорить.

— Что насчет того парня, Ларта?

— Кошера? Он далеко не уйдет.

Она откинула меховой капюшон на плечи. Взошедшее солнце светило на медных браслетах

выше локтя.

— Если он это сделает, он будет первым за двенадцать лет, — сказал мужчина.

— Если бы он попытался вернуться на побережье, и оттуда в Торон, — сказала Ларта. — Раз мы его не поймали, это означает, что он пошел вглубь, к радиационному барьеру. — Они прошли под тенью транзитной ленты. Браслеты и глаза Ларты затуманились. — Если он пошел к Тилфару, нам нечего беспокоиться, верно, Торн?

— Полагаю, что мне и в самом деле нечего беспокоиться об одном сбежавшем, — сказал высокий лысый Торн. — Но за прошлый год было невероятное количество попыток…

Ларта пожала плечами:

— Требования на тетрон почти удвоились.

Когда она вышла из тени, солнце осветило три параллельных рубца на щеке, спускавшиеся до шеи.

Торн взял ее под руку.

— Хотел бы я знать, какие кровопийцы живут за счет этих жалких… — он не договорил и кивнул вперед.

— Гидропонные сады, аквариумные производства в Тороне, — сказала Ларта. Они как раз и требуют руды. Кроме того, подготовка к войне.

— Говорят, — задумчиво сказал Торн, — что с тех пор, как аквариумы стали производить сверхзапасы рыбы в Тороне, рыбаки на побережье не могут продать свой улов и умирают с голода. А с увеличением требований на тетрон заключенные на рудниках мрут как мухи. Я иной раз удивляюсь, как им хватает рудокопов.

— А их и не хватает, — Ларта окликнула идущих впереди. — Ладно, дальнейшее мы оставим людям, — чувствовалось чуть заметное презрение в слове «людям», — которые охраняют их. Мы свое дело сделали. Бросьте тела перед хижиной. Может быть, это послужит уроком для других.

После дождя двор был в лужах. Послышался глухой всплеск, еще один.

— Может быть, — сказал Торн.

Но Ларта уже повернулась обратно к джунглям, тень от деревьев легла на ее лицо, на тройной шрам.

Лучи солнца пронзили желтые облака и погрузились в глянец лесов Томорона у побережья. Свет играл на мокрых зеленых сваях, забивался во влажные трещины камней. Затем заря налетела на металлическую ленту, тянущуюся над деревьями. Паутина тени от поддерживающих столбов упала на лавовое ложе.

Группа воздушных кораблей блеснула в прорыве облаков, как горсть серебряных обломков. Жужжание их тетроновых моторов спускалось меж деревьев, и Лаг, четырех футов трех дюймов ростом и с низким, в толщину пальца, лбом, посмотрел вверх.

Другие того же роста, с округлыми плечами, переговаривались между собой. Чаще всего повторялось слово «война». Лаг подошел к ним. Они снова пошли по джунглям. Их ноги с полуотставленными большими пальцами небрежно ступали по камням, сучьям или корням. Наконец, Лаг прислонился к дереву.

— Курл! Курл! — крикнул он.

Под ветвями, наваленными в виде бесформенного убежища, что-то зашевелилось. Рука схватила ветку, и кто-то внутри сел.

Они смотрели, перешептывались и снова смотрели, Курл встал, постепенно возникая из вершины убежища. Желтые глаза не были сонными, хотя мускулы лица только начали вставать на место после широкого зевка. Ноздри округлились от утренних запахов. Затем он улыбнулся.

Со своего чахлого роста они таращились на семифутовую громадину. Одни смотрели только на внушающую удивление руку, держащуюся

большим пальцем за пояс, другие смотрели выше шишковатого колена.

— Курл, — сказал Лаг.

— В чем дело, Лаг?

— Идут вокруг горы, мимо озера. Не такие большие, как ты, но выше нас. Они похожи на рудничных, на заключенных. Но они не заключенные, Курл. Они строители. — Курл кивнул.

— Это хорошо. Самое время пройти. Время строить.

— Ты видел их?

— Нет.

— Тебе кто-нибудь уже говорил?

— Нет. — Улыбка Курла была чуть насмешливой и слегка сожалеющей. — Самое время им прийти. Это же просто.

Они пошептались между собой, смущенные словами этого великана, и тоже улыбнулись.

— Пошли, — сказал Курл, — покажите мне.

Лаг оглянулся на остальных.

— Да, — сказал Курл, шагнув из убежища, — давайте пойдем.

— Зачем? — спросил Лаг. — Ты хочешь разговаривать с ними?

Курл потянулся, сорвал два плода кхарбы и протянул их мальчику и девочке.

— Нет, — сказал он, — просто посмотрим. — Он сорвал еще два плода и дал Лагу. — Раздели.

Лаг пожал плечами, и все пошли между деревьями. Плоды были разделены. Два обезьяноподобных мальчика стали кидать друг в друга семенами, потом с хохотом затеяли возню. Курл оглянулся, и они тут же прекратили.

— Зачем нам идти? — снова спросил Лаг. Такая возня и хохот были ему привычны, и он не замечал этого. — Ты уже знаешь, что это люди, — в слове «люди» слышалось чуть заметное почтение, — и что они делают. Зачем тебе смотреть? Разве мы поможем им строить? Не связано ли то, что они строят, с войной?

— Сегодня утром шел дождь, — сказал Курл. — Ты знаешь, как выглядит озеро в утреннем тумане после дождя?

Лаг выпрямил плечи, с удовольствием напрягая плечи.

— Знаю, — сказал он, оскаливая желтые зубы.

— Вот поэтому мы и идем смотреть, — сказал Курл, хлопнув Лага по плечу.

Позади них лента пересекла вершину стофутового столба, ясно видимую за деревьями.

Пока заря скользила через джунгли, лента больше и больше светилась из-под отступающих

теней, пока наконец не воспарила над песком, отмечающим край моря.

В пятидесяти ярдах ниже бухты, считая от последнего поддерживающего пилона, стоявшего в сухом песке, рыбак Сайтон вышел из своей лачуги.

— Тил! — позвал он. Это был желтый человек среднего роста. Лицо его потрескалось от песка и ветра. — Тил! — он повернулся к хижине. — Куда опять запропастился этот парень?

Грилла уже села за ткацкий станок, и ее сильные руки двигали челнок взад и вперед, а нога нажимала педаль.

— Куда он делся? — спросил Сайтон.

— Он ушел рано, — спокойно сказала Грилла, не глядя на мужа. Она следила за челноком, сновавшим между зелеными нитями.

— Я и сам вижу, что он ушел, — рявкнул Сайтон. — Но куда? Солнце уже встало. Он должен быть со мной в лодке. Когда он вернется?

— Не знаю.

Услышав звук снаружи, Сайтон резко повернулся и пошел за угол хижины. Мальчик умывался, склонившись над желобом.

— Тил!

Тил быстро взглянул на отца. Худощавый маль-

чик лет четырнадцати с копной черных волос и зелеными как море глазами, сейчас широко раскрытыми от страха.

— Где ты был?

— Нигде. Я ничего не сделал.

— Где ты был?

— Нигде, — снова промямлил Тил. — Просто прошелся, собирал морские раковины…

Рука Сайтона внезапно поднялась, и усаженный кнопками ремень, служивший поясом, дважды хлестнул мальчика по мокрому плечу.

— Спускайся в лодку.

Челнок в руке Гриллы на миг остановился, но затем снова пошел между нитями.

К югу от бухты транзитная лента шла над водой. Она казалась тусклой в сравнении с похожей на слюду поверхностью моря.

Заря тянулась через воду, пока наконец ранний свет не упал на берег острова. Лента парила высоко в воздухе над пирсами и утренним движением верфи. За пирсами городские башни покрылись золотом, и пока солнце поднималось, золотой свет спускался по фасадам зданий.

У дамбы разговаривали два торговца, стараясь перекричать рев лебедок и транспорта на тетроновой энергии.

— Похоже, твои лодки везут груз рыбы, — сказал один тучный мужчина.

— Может, рыба, а может, и что-нибудь другое, — ответил другой.

— Скажи, друг, — спросил тучный, в хорошо сшитом пальто, намекающем, что догадки в делах у хозяина весьма правильные, — зачем тебе беспокоиться, посылая лодки на материк, чтобы покупать там у мелких рыбаков? Мой аквариум может снабдить провиантом весь город.

Второй торговец посмотрел на край инвентарного списка.

— Возможно, моя клиентура несколько отличается от твоей.

Первый торговец засмеялся:

— Ты продаешь тем семьям острова, которые все еще настаивают на сомнительном превосходстве твоих привозных деликатесов. Ты же знаешь, мой друг, что я во всех отношениях выше тебя. Я кормлю больше народу и значит, моя продукция выше твоей. Я беру с них дешевле, так что с финансовой стороны я великодушнее тебя. Я зарабатываю больше, чем ты, следовательно, и в этом я превосхожу тебя. Сегодня моя дочь возвращается из Островного университета, и вечером я устраиваю прием, такой большой и та-

кой пышный, что она будет любить меня больше, чем другие дочери любят своих отцов.

Самодовольный торговец снова засмеялся и пошел к верфи взглянуть на груз тетроновой руды, пришедшей с материка.

Пока торговец, импортирующий рыбу, загибал другой инвентарный список, к нему подошел еще один человек.

— Над чем это хохочет старый Кошер? — спросил он.

— Он хвастался своей удачей в этой дурацкой затее с аквариумами. И еще он пытался заставить меня завидовать его дочери. Он дает сегодня бал, на который я, без сомнения, буду приглашен, но приглашение придет вечером, так, чтобы у меня не было времени ответить достойно.

Собеседник покачал головой.

— Он гордый человек, но ты можешь поставить его на место. В следующий раз, когда он упомянет о дочери, спроси его о сыне, и увидишь стыд на его лице.

— Может, он и гордый, — ответил торговец, — но я не жесток. Зачем мне делать ему неприятное? Об этом позаботится время. Начнется война — увидим.

— Возможно, — сказал другой торговец.

Над островным городом Тороном — столицей Томорона, транзитная лента спустилась с обычного курса и пошла между башнями, среди высоких шоссе, и, наконец, пересекла почти голый бетон, окаймленный длинными блоками ангаров. Несколько воздушных кораблей только что прибыли. У пассажирских ворот люди ждали прибывших, столпившихся за изгородью.

Среди ожидавших был молодой человек в военной форме. Щетка рыжих волос, темные глаза, казавшиеся еще темнее от бледности лица, бычья сила в ногах, спине и плечах бросались в глаза с первого раза, а со второго — несоответствие между майорскими нашивками и его молодостью. Он жадно следил за пассажирами, идущими к воротам.

— Тумар! Я здесь.

Он ухмыльнулся, нахально пробился сквозь толпу, остановился, смущенный и счастливый, перед девушкой.

— Я рада, что ты пришел, — сказала она. — Пойдем, проводишь меня к отцу.

Ее черные волосы падали на широкие восточные скулы, странный рот улыбался.

Тумар покачал головой. Они пошли рука об руку, сквозь толпу.

— Нет? Почему нет? — спросила она.

— У меня нет времени. Я улизнул на часок, чтобы встретить тебя, и через сорок минут должен быть в Военном министерстве. У тебя есть чемоданы?

Кли подняла вверх счетную линейку и записную книжку.

— Я путешествую налегке.

— Что это? — он указал на рисунок, зажатый между линейкой и обложкой книжки.

Она протянула ему сложенный листок… Сверху был рисунок. Тумар нахмурился, пытаясь понять формы и их значения. Внутри было стихотворение, заставившее его нахмуриться еще сильнее.

— Я мало понимаю в таких вещах.

— Посмотри, — настаивала она. — Стихотворение написано школьником. Я его не знаю, но он написал несколько стихов вроде этого. Кто-то сказал мне, что рисунок сделала подружка мальчика, Ренна… какая-то.

Тумар медленно прочел стихотворение и пожал плечами:

— Совершенно не понимаю такого. Но оно… странное. Насчет глаза в языке мальчика… мне тоже от этого как-то не по себе.

Тумар снова поглядел на рисунок. Из-за зубов и

искаженных криком губ проглядывал странный ландшафт.

— Я… не понимаю, — повторил он недовольно, быстро вернул рисунок и тут же осознал, что хотел бы еще раз взглянуть на него и перечитать снова. Но Кли вложила стихи в блокнот.

— Странно, — сказала она, — как раз перед отъездом из Островного университета я слышала, что мальчика исключили за мошенничество на экзамене. Вот теперь и не знаешь, что делать с двумя кусками информации о человеке.

— Какими двумя?

— Один кусок из его стихотворения, второй — его изгнание. Они упали в случайном порядке, и непонятно, как их соединить.

— Мы живем в смутное и беспорядочное время, — сказал Тумар. — Народ начинает мигрировать по всему Томорону. Да еще эта подготовка к войне. Ну, ладно, раз у тебя нет багажа, я, пожалуй, вернусь в Министерство. У меня куча работы.

— В следующий раз я буду с чемоданом. Я предполагаю вернуться в университет на летние занятия, поэтому ничего не везу домой, — она помолчала. — Ты не слишком занят? Придешь на вечер, который папа устраивает сегодня для

меня?

Тумар пожал плечами.

— Тумар?

— Да?

У него был низкий голос, и при печали спускался до тонов звериного рычания.

— Война и в самом деле будет?

Он снова пожал плечами.

— Все больше солдат, больше самолетов. Министерство работает все больше и больше. Я сегодня встал до рассвета, чтобы отправить целый флот разведывательных самолетов на материк через радиационный пояс. Если они вернутся днем, я просижу весь вечер за отчетами.

— Ох, Тумар!

— Да, Кли Кошер?

— Ох, ты иной раз говоришь так официально. Ты достаточно давно в городе, чтобы научиться расслабляться со мной. Тумар, если начнется война, как ты думаешь, заключенных из тетроновых рудников возьмут в армию?

— Поговаривают.

— Потому что мой брат…

— Я знаю.

— А если заключенный с рудников отличится как солдат, его освободят, когда война закончит-

ся? Не пошлют обратно в рудники?

— Война еще не началась, и никто не знает, каков будет ее конец.

— Ты прав, как всегда, — они дошли до ворот. — Ладно, Тумар, я не буду тебя задерживать, раз у тебя дела. Но обещай мне прийти ко мне хотя бы на один вечер, пока я не уехала обратно на занятия.

— Если начнется война, ты не поедешь на занятия.

— Почему не поеду?

— У тебя уже есть степень по теоретической физике. Теперь тебе надо работать на войну. Мобилизуют не только заключенных с рудников, но и всех ученых, инженеров и математиков.

— Этого я и боялась. Ты думаешь, война действительно начнется?

— К ней готовятся день и ночь. Что может остановить ее? Когда я был мальчишкой, на отцовской ферме работы было много, а еды мало. Я был крепким парнем и с сильным желудком. Я приехал в город и поступил в армию. Теперь у меня есть работа, которая мне нравится, и я не голоден. Война даст работу куче народа. Твой отец будет богачом. Твой брат, может быть, вернется, и даже воры и нищие в Адском Котле получат

шанс иметь честную работу.

— Возможно, — сказала Кли. — Ну, вот я сказала, что не хочу задерживать тебя, а сама… Когда у тебя будет немного времени?

— Вероятно, завтра днем.

— Отлично. Устроим пикник, идет?

Тумар нахмурился.

— Да, — сказал он и взял ее за обе руки, и она улыбнулась. Затем он повернулся и исчез в толпе.

Она посмотрела ему вслед и повернула к стоянке такси. Солнце начало нагревать воздух, когда она вошла в тень громадного полотна транзитной ленты, парившей между башнями.

Лента шла через город. В центре его она поднималась на последние двести футов и входила в окно башни-лаборатории в западном крыле королевского дворца Торона.

Помещение, в которое входила транзитная лента, было пустым. На конце металлической полосы был прозрачный хрустальный шар пятнадцати футов в диаметре. Он висел над приемной платформой, дюжина маленьких тетроновых блоков разных размеров стояла вокруг комнаты. Видеоэкраны — мертвенно-серые. На контрольной панели возле богато украшенного окна сорок

девять ярко-красных кнопочных выключателей были в положении «выключено». Подвески для осветительной аппаратуры над приемной платформой были пусты.

В другой комнате дворца кто-то завопил:

— Тетрон!

— …если бы Ваше Величество подождали минутку и выслушали рапорт, — начал старый министр, — я уверен…

— Тетрон!

— …вы поняли бы необходимость, — спокойно продолжал министр, — беспокоить вас в такой безбожно ранний…

— Я не желаю больше слышать слова «тетрон»!

— …утренний час.

— Уходите, Черджил! Я хочу спать!

Король Оск, которому только что минул двадцать один год, хотя он был официальным правителем Томорона с девятнадцати лет, сунул светловолосую голову под туго набитые подушки, лежавшие на пурпурных простынях, худая рука слабо подтянулась к покрывалу.

Старый министр спокойно взял край горностаевого покрывала и держал его вне досягаемости королевской руки. Через несколько секунд свет-

лая голова снова появилась и холодно спросила:

— Черджил, почему дороги строились, заключенные получили отсрочку казни, изменников потрошили днем и ночью, и никто не спрашивал моего мнения, а сейчас вдруг… — Оск взглянул на инкрустированный драгоценностями хронометр у постели. — Боже мой! Семь часов утра! Почему вдруг нужно советоваться со мной о каждом движении в империи?

— Во-первых, вы теперь совершеннолетний. Во-вторых, вот-вот начнется война. Во время потрясений ответственность идет сверху, а вы как раз в этом невыгодном положении.

— А почему мы не может вступить в войну и покончить с ней? Я устал от этого идиотства. Вы же не думаете, что я уж такой хороший король?

Молодой человек сел, поставив тощие ноги на мех трехдюймовой толщины.

— Ну, если будет война, я поеду в первой линии огня в самой что ни на есть роскошной униформе и поведу своих солдат к стремительной победе.

При последних словах он нырнул под одеяло.

— Похвальное чувство, — сухо сказал Черджил, — принимая во внимание, что война может начаться прямо сегодня, почему бы вам не выслушать рапорт о том, что еще одно звено

самолетов-разведчиков повреждено в попытке наблюдать за врагом сразу за тетроновыми рудниками над радиационным барьером.

— Давайте, я продолжу: никто не знает, каким образом самолеты были повреждены, но эффективность методов позволила Совету предположить, что возможность открытой войны стала еще серьезнее. Ведь примерно такие рапорты были за последние недели?

— Да, — ответил Черджил.

— Тогда зачем же вы мне надоедаете? Кстати, мы действительно должны сегодня присутствовать на этом дурацком вечере в честь дочки рыбного торговца? И, пожалуйста, говорите как можно меньше о тетроне.

— Нужно ли напоминать вам, — терпеливо ответил Черджил, — что этот рыбный торговец собрал состояние, почти равное королевской казне (хотя я сомневаюсь, что он имел возможность сравнивать), благодаря правильной эксплуатации неупоминаемого материала. Если начнется война и нам понадобятся фонды, их с охотой предоставят нам. Отсюда ясно, что мы будем присутствовать на вечере, на который он так сердечно приглашал вас.

— Послушайте, Черджил, — сказал Оск, — сей-

час я намерен говорить серьезно. Это военное дело смехотворно, и если вы рассчитываете, что я приму его всерьез, то, значит, Совет готов принять его всерьез. Ну, как мы можем воевать с кем-то, находящимся за радиационным барьером? Мы ничего о нем не знаем, что там — страна? Город? Империя? Мы не знаем, есть ли у нее название. Мы даже не знаем, каким образом покалечили наши самолеты. Мы не можем перехватить никаких радиосообщений. Мы даже не знаем, человек ли наш враг. Может, наш самолет получил свой тетрон — простите меня: если вы не должны произносить этого слова, то и я не должен — случайно выбил прибор, и снаряд ударил в него. Раз — и все. А Совет говорит — война. Ну, так вот, я отказываюсь принимать это всерьез. Зачем мы продолжаем зря тратить самолеты? Почему бы не послать несколько человек транзитной лентой, и чтобы они произвели разведку? Транзитная лента была построена до того, как мы организовали карательные рудники, и сразу после присоединения лесного народа, правильно? Докуда она идет?

— До мертвого города Тилфара, — ответил Черджил.

— Точно. А Тилфар не весь был мертв шестьде-

сят лет назад, когда мы строили ленту. Радиация далеко не распространилась. Так вот, почему бы не послать разведчиков в Тилфар, а оттуда через барьер на вражескую территорию? Затем они вернутся и все расскажут.

— Ваше Величество, разумеется, шутит, — улыбнулся Черджил. — Не могу ли я напомнить вашему Величеству, что уровень радиации в Тилфаре смертелен для человека. Смертелен. Враг, похоже, здоров за барьером. Совсем недавно с помощью большого количества тетрона… о, простите, полученного с рудников, нам удалось сконструировать самолеты, которые, может быть, пройдут через барьер. И это единственная возможность.

Оск улыбнулся. Улыбка перешла в хихиканье, затем в хохот. Оск вдруг упал на кровать с криком:

— Никто меня не слушает! Никто не принимает моих советов! — Он застонал и сунул голову под подушку. — Все только и делают, что противоречат мне! Убирайтесь! Проваливайте! Дайте мне спать!

Черджил вздохнул и вышел из королевской опочивальни.

ГЛАВА 2

Все было тихо в течение шестидесяти лет. И однажды засиял кристалл над приемной платформой башни-лаборатории в королевском дворце в Тороне.

На платформе мерцала голубая дымка. Красное пламя пробило сквозь туман сеть ярко-красных, сокращающихся, как пульсирующих вен и артерий. Среди бегущих огней появилась тень костей, которые сформировались в человеческий скелет. Потом форма неожиданно обшилась серебром — сетью нервов, которые держат тело в плену ощущений. Голубизна потеряла прозрачность. Джон Кошер качнулся к перилам и задержался на миг. Кристалл наверху погас.

Джон поморгал и огляделся.

— Все в порядке, — громко сказал он. — Где мы? — Он помолчал. — Ладно, понял. Я полагаю, что со мной все в порядке. Чувствую себя прекрасно. — Он отпустил перила и оглядел руки. — Чертовски грязные. Где бы мне вымыться? — Он посмотрел вверх. — Ну, конечно. Почему бы и нет? — он нырнул под перила и спрыгнул на пол, снова обернулся. — Значит, я и в самом

деле во дворце. После стольких лет. Не думал, что когда-нибудь увижу его снова. А вот, оказывается, я здесь.

Он шагал вперед, но когда проходил под тенью конца ленты, кое-что случилось.

Он исчез.

Во всяком случае, частично. Исчезли видимые части его тела — голова, руки, ноги. Он остановился. Сквозь голые ноги он видел заклепки в металлическом полу. С гримасой отвращения он пошел к двери. В солнечном свете он стал снова непрозрачным.

В коридоре никого не было. Он шел, не глядя на триптих серебряных делений, отмечавший зал Совета. Золоченый диск хронометра, укрепленный в потолке за резным кристаллом, показывал 7.10.

Он остановился перед библиотекой и открыл стеклянную дверь.

— Здесь, — сказал он вслух. — Да, я знаю, что у нас нет времени, но ты из пустынного мира с двойным солнцем. Здесь объяснят тебе все лучше, чем я. — Он выдернул книгу из ряда. — Мы учили это в школе очень давно.

Книга называлась «Исправленная история Торомона» Катэна. Он открыл кожаный переплет и

перелистал несколько страниц.

— …из нескольких библиотек и текстов, переживших Великий Пожар (от которого мы будем датировать все последующие события) Цивилизация упала ниже варварства. Но постепенно мы, выжившие на острове Торон, устроили поселение, деревню, город. Мы продвинулись к материку, и побережье стало главным источником пищи для населения острова, которое занялось промышленностью. На побережье процветали фермы и рыбачьи деревни. На острове наука и индустрия стали неожиданными факторами в жизни Торомона, теперь Империи.

За равнинами побережья исследователи обнаружили лесных людей, живших на полоске джунглей, которая тянулась полумесяцем по всему материку. Это было племя мутантов. Некоторые были гигантами, другие — низкорослыми, похожими на неандертальцев, но и те, и другие миролюбивые. Они быстро без сопротивления стали частью империи Торомона.

За джунглями тянулись лавовые поля и мертвая земля, и был обнаружен странный металл тетрон. В громадной империи процент преступников был очень велик. Наша карательная система стала поставлять рудничных рабочих

для добычи тетрона. Технология шагнула вперед, и мы нашли множественное использование энергии, высвобождаемой тетроном.

Дальше, за лавовыми полями, мы обнаружили то, что удлиняло и укорачивало тела лесных жителей, убило всю зелень за пределами джунглей. Оставшаяся от дней Великого Пожара огромная полоса радиоактивной земли все еще горела вокруг лавовых полей и отрезала нам дальнейшее продвижение.

Возле этого смертельного поля растения стали шишковатыми, искривленными, карикатурами на себя. А дальше шли одни камни. Если человек рисковал зайти туда и вернуться, то сначала его мучила жажда, потом высыхала кожа, затем слепота, жар, безумие и наконец смерть.

На краю радиационного барьера, бросив вызов смерти, основался город Тилфар. Он стоял достаточно далеко, чтобы быть в безопасности, но достаточно близко, чтобы видеть зарево на горизонте, над разрушенными холмами. В то же время производились опыты по передаче первичной материи. Как свидетельство этого нового направления науки, транзитная лента связала два города. Это было в большей степени жестом солидарности со стороны империи Торомона,

чем практичным приложением. Одновременно можно было переслать всего три-четыре сотни фунтов или двух-трех человек. Транспортация была мгновенной и предвещала в будущем великие исследования во всех частях мира теории путешествия к звездам.

Но однажды августовским вечером шестьдесят лет назад граждане Тилфара заметили усиление бледного света на насыщенном радиацией западе. Через семь часов все небо над Тилфаром замерцало синими и желтыми полосами. Эвакуация уже началась, но через три дня Тилфар был мертв. Внезапный подъем радиации теоретически приписывался многому, но для более чем полстолетия желательно было иметь неопровержимое объяснение.

Продвижение радиации остановилось перед тетроновыми рудниками, но Тилфар был надолго потерян для Торона…

Джон внезапно закрыл книгу.

— Понятно? — Вот почему я испугался, когда увидел мертвый город. Вот почему…

Он замолчал.

— Ты не слушаешь, — и он поставил книгу на полку.

В пятидесяти футах дальше по коридору справа

и слева поднимались две богато украшенные лестницы. Он сунул руки в карманы и рассеянно глянул в окно, как бы ожидая чьей-то подсказки. Не дождавшись ее, он решительно шагнул на левую лестницу. Пройдя полпути, он стал более внимательным, его босые ноги ступали мягко, рука осторожно тянулась к перилам.

Поднявшись, он свернул в коридор, где по стенам в нишах стояли резные бюсты и статуи. Из-за статуй слева шел голубой свет, а из-за статуй справа — желтый. Звук за углом заставил его спрятаться за каменную русалку, играющую с морскими водорослями. Мимо прошел старик с папкой. Он выглядел озабоченным.

Джон, затаив дыхание, ждал. Затем выскочил и побежал дальше. Наконец, он остановился перед группой дверей.

— В которую? — спросил он.

На этот раз он получил ответ, потому что подошел к одной двери, открыл ее и скользнул внутрь.

Отослав Черджилла, Оск натянул простыню на голову. Он слышал несколько щелчков и легкий шум, но слышал сквозь туман сна, снова окутавшего его. Первым достаточно определенным звуком, разбудившим его, был звук капания во-

ды на кафель. Минуты две он прислушивался, борясь со сном, и только когда звук прекратился, Оск нахмурился, скинул простыню и сел. Дверь в его личную ванную была открыта. Света не было. Но кто-то, похоже, закончил принимать душ. Окна его спальни были задернуты вышитыми шторами, но он не решался нажать кнопку, отводящую их.

В ванной кольца душевого занавеса скользнули по пруту. Загремела вешалка для полотенец. Несколько шепчущих нот. Затем на меховом ковре, растянутом на черном камне, появились темные пятна. Одно за другим… Отпечатки ног! Перед ним шли бестелесные отпечатки ног.

Когда они были в четырех футах от его постели, Оск нажал всей ладонью на кнопку, и шторы раздвинулись. Солнечный свет наполнил комнату.

В последней паре отпечатков стоял голый человек. Он прыгнул к Оску, а тот бросился в гору подушек и хотел закричать, но его схватили, подняли, и край ладони вошел в открытый рот его. Он хотел укусить его, но только чавкнул.

— Молчи, дурак, — прошептал голос позади него. Король вяло кивнул.

— Ну, тогда секундочку…

Мимо плеча Оска протянулась рука, нажала

кнопку на ночном столике, и шторы метнулись обратно через окно. Рука отдернулась, словно кнопка была раскаленной.

Давление ослабло. Король упал на постель и затих на мгновение, а затем повернулся. Никого не было.

— Где у тебя хранится одежда? Мы примерно одного роста с тобой.

— Там… в стенном шкафу.

Отпечатки без тела зашлепали по ковру, дверца шкафа открылась. Вешалки заскользили вдоль перекладины. Открылся ящик в глубине шкафа.

— Это пойдет. Не думал я, что когда-нибудь снова прилично оденусь. Минуточку… — звук отрываемой нитки. — Это мне подойдет, только я снял подплечники.

Нечто отошло от шкафа, уже одетое. Форма человеческая, но без головы и без рук.

— Теперь, когда я в приличном виде, открой шторы и впусти в комнату немного света. — Костюм стоял и ждал. — Ну, давай, открывай!

Оск медленно нажал кнопку. В солнечном свете стоял свежевыбритый человек и осматривал себя. Под открытым вышитым серебряной филигранью жакетом была белая шелковая рубашка с кружевами. Узкие серые брюки подпоясаны ши-

роким с кнопками ремнем, застегнутым золотым диском. Джон Кошер оглянулся вокруг.

— Как приятно вернуться.

— Кто… кто ты? — прошептал Оск.

— Верноподданный короны, — сказал Джон. — Пошевели мозгами.

Оск плюнул.

— Вспомни, как пять лет тому назад мы с тобой учились в школе.

В лице короля мелькнуло узнавание.

— Помнишь парня на два года старше тебя, который спас тебя от побоев, когда ребята из механического класса пошли всей бандой на тебя за то, что ты намеренно раздавил высокочастотную катушку? А помнишь, как ты подначил того же парня забраться во дворец и украсть королевское знамя из тронного зала? Ты даже дал ему для этого зажигающий нож, хотя в суде об этом не упоминалось. И ты известил стражу, что я приду? В этом я не особенно был уверен.

— Послушайте, — начал Оск. — Ты спятил.

— Мог бы чуточку и спятить. Но пять лет в тетроновых рудниках привели меня в чувство.

— Ты убийца…

— Это была самозащита, и ты это знаешь. Стражники двигались на меня не на шутку. Я убил

его не намеренно… Я только не хотел, чтобы мне сожгли голову.

— Ты первый сжег голову одному из них. Джон Кошер, по-моему, ты спятил. Что ты здесь делаешь?

— Долго объяснять. Но поверь мне, я пришел сюда не для того, чтобы поквитаться с тобой.

— Но ты вошел сюда, украл мою одежду… — Оск вдруг засмеялся. — Ох, ну конечно, мне все это снится. Какая глупость! Ну, ясно, я сплю!

Джон нахмурился. А Оск продолжал:

— Вероятно, я чувствовал себя виноватым во всем этом деле, когда мы были мальчишками. Конечно, ты просто плод моего воображения. Ну, да! Кошер… Имя! Имя человека, который сегодня дает бал, и я туда пойду, как только проснусь. Вот в чем причина такого сна!

— Какой бал? — спросил Джон.

— Твой отец дает его для твоей сестры. Она у тебя очень приятная. А теперь я намерен поспать. И когда проснусь, тебя, понятное дело, не будет. Это просто глупый сон.

— Минуточку. Зачем ты туда идешь?

Оск уткнул голову в подушку.

— Кажется, твой отец собрал состояние кругленькое. Черджил сказал, что я должен держаться

с твоим отцом по-дружески, потому что позднее из него можно будет выкачать монету. Хотя это, может быть, мне тоже снится.

— Тебе не приснилось.

Оск открыл один глаз и снова закрыл.

— Расскажи об этом моей кузине герцогине Петре. Она приволоклась из своего островного государства, чтобы узнать это. Единственные люди, кому наплевать на это — моя мать и младший брат.

— Можешь засыпать снова, — сказал Джон.

— Проваливай, — сказал Оск и снова закрыл глаза.

Джон нажал кнопку, чтобы задернуть шторы, когда безголовая фигура вышла за дверь, Оск вздрогнул и натянул на себя одеяло.

Джон шел по коридору. В одной из комнат, куда он не входил, герцогиня Петра стояла у окна, глядя поверх городских крыш богатых домов купцов и промышленников, поверх похожих на муравейники зданий, где жили ремесленники, клерки, секретари, кладовщики, а ниже их — вонючие переулки Адского Котла.

Утреннее солнце горело в ее рыжих волосах, белило ее лицо. Она приоткрыла окно, и ветер колыхал ее голубое платье, пока она рассеянно

касалась дымчатого камня на серебристой цепочке, висевшей на ее шее.

Джон все шел по коридору.

Еще за одной дверью старая королева лежала на груде матрацев, угнездившись в центре огромной, в форме морской раковины, постели. Ее белые волосы были свернуты в узлы по бокам головы, рот слегка приоткрылся. Она дышала со свистом. Над постелью висел портрет последнего короля Олсена. На ночном столике стояло дешевое в ладонь величиной плохо нарисованное изображение ее сына, короля Оска. Она потянулась во сне, ударила по нему, а затем ее рука упала на край постели.

В соседней со спальней королевы-матери комнате Лит, принц королевской крови, наследник и претендент на трон империи Торомона, сидел в пижаме на краю постели и протирал глаза.

Тонкие ноги четырнадцатилетнего мальчика висели неуклюже и сонно. Как и его брат, он был хрупок и светловолос.

Все еще моргая, он надел белье и брюки, застегнул рубашку, взглянул на часы и нажал кнопку интеркома.

— Я проспал, Петра, — извинился он. — Но теперь встал.

— Ты должен научиться вставать вовремя. Помни, что ты наследник трона Торомона. Не забывай этого.

— Хотел бы забыть. Иногда.

— Никогда не говори так. Никогда даже не думай такого.

— Прости, Петра, — сказал Лит. Его кузина-герцогиня как-то странно вела себя с тех пор, как два дня назад прибыла из своего островного государства. Она была на пятнадцать лет старше его, и из всех членов семьи была для него самой близкой. С нею можно было забыть о короне, которая всегда как бы качалась над его головой. Его брат был слаб здоровьем, и даже, как поговаривали, не в своем уме. Однако, сейчас сама Петра указывала на золотой обруч королевства Торомона. Это казалось изменой.

— Во всяком случае, я здесь. Что ты хочешь делать?

— Пожелать тебе доброго утра, — улыбка в ее голосе вызвала ответную и на лице Лита. — Помнишь, что я рассказывала тебе вчера о заключенных в тетроновых рудниках?

— Конечно. Я долго не мог уснуть, все думал об этом.

— Ну, — сказала Петра, — когда стража смени-

лась, стражник стал спускаться, и его захлестнула веревка. Другой стражник побежал кругом, посмотреть, что случилось. Беглецы бросились через обыскивающий луч в лес и… — она помолчала. — Во всяком случае, один. Двух других поймали. И убили.

— Да? И это все?

— Примерно.

Накануне вечером, они сидели тогда в саду, через час после наступления темноты, и она подробно рассказывала о попытке трех заключенных бежать с рудника. Она закончила тем, как трое скорчились у лестницы, в темноте, под дождем, ожидая возможности броситься в лес.

— Что ты имеешь в виду? — вчерашний рассказ был полон деталей: обращение с заключенными, их старания прорыть туннель, предосторожности, предпринятые ими: зримые описания тюрьмы, заставлявшие его вздрагивать, словно он сам жил в этих промозглых лачугах. — Нельзя же закончить вот так! Каким образом их поймали!? Который убежал? Круглолицый с веснушками? Как они умерли?

— Тяжело, — ответила Петра. — Нет, веснушчатого поймали, и хромого тоже, утром принесли их тела и бросили в грязь перед бараками, чтобы

отбить у других охоту к таким попыткам.

— Ох! А как насчет убежавшего?

— Лит, я хочу предупредить тебя: в скором времени ты, может быть, втянешься в приключения и захочешь забыть некоторые вещи, вроде того, что ты принц Торомона. Но ты не забывай этого, Лит. Не забывай.

— Какие приключения, Петра?

Она опять не ответила на его вопрос.

— Помнишь, я описывала тебе тюрьму? Что бы ты сделал, если бы был королем и правил этими заключенными, с их гнилой пищей, крысами, ежедневной четырнадцатичасовой работой в рудниках?

— Ну, я не знаю, Петра, — неохотно ответил он. — Наверное, поговорил бы с Советом и выслушал, что скажет Черджил. Наверное, все зависело бы от личности заключенных, от их вины и от того, конечно, как люди относятся к этому. Черджил всегда говорит, что ничего нельзя делать второпях…

— Я знаю, что говорил Черджил, а что я говорила, ты помнишь?

— Как насчет третьего, который убежал?

— Он… он вернулся в Торон.

— У него, наверное, была куча приключений.

Что с ним случилось, Петра? Расскажи!

— Вообще-то он ухитрился избежать приключений. Он шел очень быстро. Проскочив освещенные зоны, он нырнул в джунгли и почти сразу же разделились они. Черноволосый повернулся и пошел в неправильном направлении, пока не вышел из леса, прошел мимо рудников и сделал добрых пять миль по каменистой почве. Когда стало достаточно светло, он сообразил, что идет к радиационному барьеру. Вдали, как черная рука, цепляющаяся за горизонт, лежали руины Тилфара, Мертвого Города.

— Как же его не убила радиация?

— Вот и он о том же подумал. Он считал, что если он подошел так близко, чтобы видеть этот город, он должен был бы умереть еще за несколько миль до этого места. Он устал, но был жив. Наконец, он решил, что вполне может идти к городу. Он сделал несколько шагов и кое-что услышал.

Интерком замолчал. Лит выждал время, достаточное для драматической паузы, и спросил:

— Что он услышал?

— Если ты когда-нибудь услышишь это, ты узнаешь.

— Ну скажи, Петра, что это было?

— Это все, что я знаю об этой истории. И это

все, что тебе нужно знать. Может быть, я смогу закончить ее, когда вернусь с бала.

— Пожалуйста, Петра…

— Пока все.

Они помолчали.

— Петра, а приключение — это война? И потому ты говоришь, чтобы я не забывал?

— Просто я хочу этого, Лит. Давай, поговорим о чем-нибудь другом. Только обещай мне напомнить этот рассказ, и то, о чем я тебя просила.

— Буду помнить, — удивленно сказал Лит. — Буду.

Джон спустился по винтовой лестнице, кивнул стражнику внизу, прошел в дворцовый сад, искоса взглянул на солнце и вышел через ворота в город.

Адский Котел опрокинул свое грязное варево на край города. Вдоль старинных переулков тянулись каменные дома. Многие из них развалились, надстроились и снова развалились. Они были самыми древними в котле. Неразлучный с человечеством и отбросами, Котел тянулся от порта до границы с пятью домами, в которых жили служащие и профессионалы Торона… Здания без промежутков между ними поспешно собирались

из досок и листового металла. Металл ржавел. Доски прогибались. Порт представлял помещения лишь имиграционной службе и лодочной, нужной для аквариума и гидропоники растений, которые плавали на понтонах в море.

Почти час назад в док прибыло закопченое неповоротливое судно. Но пассажирам разрешили сойти на берег только сейчас. За деревянным столом сидели чиновники и проверяли бумаги пассажиров. Грубая изгородь по пояс высотой отделяла пассажиров от людей в гавани. Пассажиры медленно продвигались. У некоторых были узлы. У большинства ничего. На портовой улице стоял страшный шум: кричали разносчики, грохотали тележки. Некоторые пассажиры смотрели через изгородь на трущобы. Большинство не смотрело.

Среди тех, кто прошел мимо чиновников, стала проталкиваться женщина с ящиком разных мелочей. Ей было около пятидесяти, на левой щеке красовалось родимое пятно.

— Купи шнурки для башмаков, хорошие, крепкие, — обратилась она к молодому человеку. Тот повернулся с застенчивой улыбкой.

— Я… у меня нет денег.

Рэра глянула на его ноги.

— Похоже, что у тебя и башмаков нет. Удачи

тебе здесь, в Новом мире, на Острове Возможностей. — Она протиснулась мимо него и направилась к мужчине и женщине, которые несли мотыгу, грабли, лопату и младенца.

— Портрет, — сказала она, роясь в ящике. — Нашего прославленного Оска, в металлической рамке, ручная миниатюра в честь его дня рождения. Ни один патриот не может обойтись без портрета.

Женщина наклонилась над большим портретом молодого человека с короной в светлых волосах.

— Это и в самом деле король?

— Конечно: он самый, — заявила торговка. — Он сам позировал. Посмотри, какое благородное лицо. Оно будет вдохновлять твоего малыша, когда он подрастет.

— Сколько стоит?

— Для портрета в ладонь величиной очень дешево. Скажем, полденьги?

— Порядочно. — Сказала женщина и, увидев хмурое лицо мужа, покачала головой.

Но мужчина неожиданно сунул в руку Рэры монету в полденьги.

— Нет. — Он взял рисунок, протянул жене и кивнул. — Красиво.

— Удачи вам в Новом Мире, — сказала Рэра. — Добро пожаловать на Остров Возможностей. — Она достала из ящика следующую вещь и повернулась к другому мужчине. — Я вижу, вам очень нужна катушка хороших ниток для этого, — она показала на дыру в его рукаве, где виднелось голое коричневое плечо.

— Мне бы нужно и иголку тоже, — ответил он. — И новую рубашку. Обошелся бы рубашкой и ведром золота, но с тем, что у меня в кармане, равные шансы получить и то, и другое.

— Ну, хотя бы катушку прекрасных, прочных…

Кто-то толкнул ее сзади.

— Проходите, леди, здесь нельзя торговать.

— Мне-то можно, — воскликнула она, оборачиваясь. — У меня лицензия…

— Ни у кого нет лизенции торговать перед имиграционным зданием. Проходите.

— Удачи вам в новом Мире, — крикнула она через плечо, пока полицейский вынуждал ее уйти.

У ворот началась суматоха. У кого-то бумаги оказались не в порядке. Затем босоногий мальчишка вырвался из ряда, подбежал к изгороди и прыгнул. Изгородь была хилой и развалилась, а мальчик тем временем убежал.

Пассажиры заволновались. Их волна разби-

лась. Чиновники за столом вскочили, замахали руками, закричали, затем встали на скамьи и опять кричали. Полицейский, прогнавший Рэру, исчез в толпе.

Рэра метнулась за угол и слилась с толпой, направлявшейся к двум домам в трущобах.

— Рэра!

Она остановилась и оглянулась.

— А, это вы! — сказала она и подошла к девушке с таким же ящиком.

— Рэра, что случилось?

Родимое пятно сморщилось, когда женщина засмеялась.

— Ты видишь начало трансформации. Страх, голод, чуть больше страха — не срабатывает, еще больше страха — и любой из этих бедняг станет первоклассным гражданином Адского Котла. Много продали?

— На две деньги, — ответила девушка. Ей было лет шестнадцать. Светлые волосы, голубоватые глаза, сильно загоревшая кожа придавали ей вид экзотического свежего животного. — Почему они бегут?

— Сначала начал панику какой-то паренишка. Он сломал забор, ну и, остальные побежали тоже.

Из-за угла вывернулся второй поток людей.

— Куда они все пойдут? — спросила Алтер.

— В земляные норы, в уличные щели. Кому повезет — пойдут в армию. Но даже и это не поглотит всех. Женщины, дети…

Рэра пожала плечами.

— Эй! — раздался мальчишеский голос.

Женщины обернулись.

— Смотри-ка, как раз тот самый парень, что сломал изгородь! — воскликнула Рэра.

— Что ему нужно?

— Не знаю. В жизни не видела его до сегодняшнего дня.

Мальчик подошел к ним. Смуглый, черноволосый, глаза зеленые, как волна.

— Это ты продаешь разные вещи?

— Да, — кивнула Рэра. — Что ты хочешь купить?

— Ничего. Я хочу продать тебе кое-что.

Он был бос, штаны едва доходили до половины икр, рубашка без рукавов не имела застежки. Он достал из кармана сверток зеленой фланели и развернул его.

Раковины были в молочных оттенках. Одни с золотыми прожилками, другие переходили от теплых коричневых тонов к желтым. Две

были отшлифованы до непорочной матери-жемчужины, их матово-серебряная поверхность туманилась пастельными тонами. На зеленой ткани их завитки мерцали и переливались.

— Это же просто морские раковины, — сказала Рэра. Но Алтер коснулась их пальцами.

— Какие красивые! Где ты их взял?

Раковины были подобраны по размерам от сустава ее большого пальца до ярко-розового ногтя на среднем пальце.

— С отъездом твоей матери, а моей сестры, Алтер, мы не можем дать ему даже сотой части денег. Я продала всего одну вещь, прежде чем эта скотина полицейский прогнал меня.

— Я нашел их в бухте, — объяснил мальчик. — Я спрятался на судне. Делать мне больше нечего, вот я и полировал их.

— Зачем ты прятался? — резко спросила Рэра. — Ты хочешь сказать, что ехал без билета?

— Угу.

— Сколько ты за них хочешь? — спросила Алтер.

— Сколько… сколько будут стоить еда и ночлег?

— Много больше, чем мы можем заплатить, — прервала Рэра. — Пошли, Алтер. Этот парень

невесть чего наговорит, если ты будешь слушать.

— Послушай, — сказал мальчик. — Я их уже просверлил. Ты можешь нанизать их и надеть на шею.

— Если ты хочешь получить еду и ночлег, — сказала Алтер, — то денег ты не хочешь. Ты хочешь иметь друзей. Как тебя зовут? Откуда ты?

— Меня зовут Тил. Я с материкового побережья. Сын рыбака. Я думал, что приеду сюда и получу работу в аквариумах. На побережье все о них слышали.

Алтер улыбнулась.

— Прежде всего, ты слишком молод.

— Но я хороший рыбак.

— Это дело сильно отличается от рыбной ловли с лодки. Знаю, ты скажешь, что здесь уйма работы в аквариумах и в гидропонных садах. Но со всеми имигрантами приходится по три человека на одно место.

— Все равно, я могу попытаться.

— Правильно, — сказала Алтер. — Пошли. Пойдем с нами. Тетя Рэра, отведем его к Джерину и, может, найдем ему какую-нибудь еду. Он, вероятно, останется там некоторое время, если понравится Джерину.

— Нельзя же всех бездомных тащить к Джерину. Они наползут из всех щелей Котла. А вдруг этот бродяга ему не понравится? И он возьмет да и выгонит нас на улицу?

— Тетя Рэра, пожалуйста! Я договорюсь с Джерином.

Рэра раздраженно фыркнула.

— Мы и так уже две недели не платим, что ты можешь сказать старику, когда он грозится выкинуть нас… И всего лишь за горсть раковин…

— Прошу тебя… К тому же, он может пригодиться Джерину. Раз Тил ехал без бумаг, значит, у него их нет.

Тил выглядел растерянным. Рэра нахмурилась.

— Не вздумай упомянуть об этом.

— Глупости, — сказала Алтер. — Без бумаг Тил не получит работы в аквариуме, даже если бы там и захотели взять его. Так что, если Джерин подумает, что Тил пригодится для его безумного плана, Тилу будет куда легче, чем если бы он имел работу за десять денег в неделю. Понимаешь, Рэра, каким образом Джерин может похитить…

— Заткнись, — рявкнула Рэра.

— Даже если он сделает это, что это даст? Это же не сам король…

— Я не понимаю, — сказал Тил.

— Вот и хорошо, — сказала Рэра. — Если хочешь держаться нас, то и не пытайся понять.

— Мы можем сказать, — добавила Алтер, — что хозяин гостиницы, где мы живем, хочет кое-что сделать. Вообще-то, он немножко свихнулся: разговаривает сам с собой. Но ему нужен человек, не зарегистрированный в городе. Если он подумает, что сумеет воспользоваться тобой, ты получишь хорошую еду и место, где спать. Он был садовником на островном государстве герцогини Петры. Но то ли он пил лишнего, то ли еще что, но она, похоже, его уволила. Он уверяет, что она пишет ему насчет его плана. Но…

— Хватит, замолчи, — оборвала ее Рэра.

— Ты сам услышишь от него об этом, — продолжала Алтер. — Почему ты уехал без билета и без бумаг?

— Я был сыт по горло домашней жизнью. Мы ежедневно ловили рыбу, а потом она гнила на берегу, потому что мы могли продать только пятую ее часть, а то и вовсе ничего. Некоторые бросили это дело. Другие же вбили себе в голову, что надо работать больше. Я думаю, так считал и мой отец. Он воображал, что если будет добывать много рыбы, то кто-нибудь станет ее покупать. Но никто не подумал покупать. Моя мать зани-

мается ручным ткачеством, на это, в основном, мы и жили. Я решил, что съедаю больше, чем сам стою… Вот я и уехал.

— Прямо так, без денег? — спросила Рэра.

— Прямо так.

— Бедный мальчик, — сказала Рэра и с неожиданным материнским чувством обняла его за плечи.

— Ой! — вскрикнул Тил и сморщился.

Рэра убрала руку.

— В чем дело?

— У меня тут болит, — он осторожно потер плечо.

— Что там?

— Отец побил.

— А, — сказала Рэра, — теперь понятно. Ну что ж, по каким бы причинам ты не уехал, это твое личное дело. Я еще не знала никого, кто делал бы что-то по одной причине. Пошевеливайся. Мы придем к Джерину как раз к завтраку.

— Я подумал, что если мне удастся пробиться на борт, — предложил Тил, — то меня пустят в город, хотя у меня и нет денег. А насчет бумаг я ничего не знал. И когда шел в шеренге, я думал, как объясню людям за столом. Может, отдам им раковины, и мне дадут бумаги. Но у парня передо

мной была ошибка в бумагах, какие-то даты, кажется, и ему сказали, что его отправят обратно на материк и что с корабля он сойти не может. Он сказал, что может заплатить и даже достал деньги из кармана, но его оттолкнули назад. Вот тогда я и выскочил из рядов и перемахнул через забор. Я не знал, что еще кто-нибудь побежит.

— Наверное, у половины пассажиров бумаги были не в порядке. Или вообще фальшивые. Поэтому люди и бежали.

— Ты цинична, тетя Рэра.

— Просто практична.

Когда они еще раз свернули за угол, зеленые глаза мальчика уставились на голубые балки дворца за крышами торговых заведений.

В нем воевали два противоречивых впечатления: первое — узость переулков, в некоторых два человека не могли бы разойтись, не повернувшись. Второе — бесконечность города. Он пытался объяснить свои ощущения Алтер, но та улыбнулась и покачала головой.

— Нет, не понимаю. Постарайся еще раз сказать, что ты имеешь в виду.

А в его голове металось море. Желтая бухта хлестала через его мозг и жгла глаза. Он видел изъеденные солью камни, усеянные раковина-

ми моллюсков. Он видел коричневые пальцы водорослей, цеплявшихся за песок, когда волны откатывались. Наконец в глазах Тила вновь появился город. Слезы омыли растрескавшиеся стены, прогнившие оконные рамы, сделали их яркими и блестящими.

— Он хочет сказать, что тоскует по дому, — перевела Рэра. — Нет, мальчик, это никогда не пройдет. Но станет легче.

Улица дважды резко повернула и стала шире.

— Вот мы и пришли, — сказала Алтер.

Над дверью двухэтажного каменного дома висела красная вывеска. Они вошли.

По низкому потолку тянулись балки. Вдоль одной стены шла стойка. В середине комнаты стоял длинный стол, и в комнату спускалась лестница в виде буквы У.

Из мужчин и женщин, находившихся в комнате, Тилу бросился в глаза один. Он был выше семи футов ростом и сидел на скамье перед столом. У него было лошадиное лицо, на щеке тройной рубец, спускавшийся на шею и исчезавший под курткой. Тил вспомнил высоких лесных людей, иногда приходивших в рыбачью деревню, и маленьких, которые тоже приходили и слишком много пили. Но таких рубцов на высоких он еще

не видел.

На вершине лестницы появился старик, прямой, как гарпун. Он спешил вниз, его седые волосы торчали во все стороны. Спустившись, он обвел всю комнату темными глазами.

— Все в порядке! — крикнул он. — Я получил послание!

— Это Джерин, — шепнула Алтер Тилу.

— Все здесь? — спросил старик. — Мы все здесь?

Женщина за стойкой хихикнула. Джерин повернулся к Тилу, Алтер и Рэре.

— Эй, ты! — сказал он. Его палец качался, так что неясно было, на кого из троих он указывал.

— Ты имеешь в виду его? — спросила Алтер, указав на Тила.

Джерин кивнул.

— Что ты тут делаешь? Ты шпион?

— Нет, сэр.

Джерин обошел стол и приблизился. Темные глаза выделились двумя резкими пятнами на лице цвета корабельного борта, прошедшего две зимы без окраски.

— Джерин, — сказала Алтер, — он не шпион. Он с материка. И, Джерин, у него нет никаких бумаг. Он ехал зайцем.

— Ты не шпион? — снова спросил Джерин.

— Нет, сэр, — снова повторил Тил.

— Ты нед?

— А? А что это?

— Недовольный. Мы все здесь неды. Ты знаешь, что это означает?

— А? — снова сказал Тил. Лающие вопросы старика пугали его, но и очаровывали, как пугала и очаровывала изумительная путаница города.

— Это означает, что тебе понравилось там, где ты был, место, где ты сейчас — зловещее, а то единственное место, куда ты можешь попасть, ничем не лучше двух первых.

— Ну да, мне вовсе не нравилось… — Тил сделал небольшую паузу и потер больное плечо, — мне вовсе не нравилось, там, где я был.

— Тогда не стой просто так на дороге. Делай что-то. Следуй моему плану. Пойдем с нами!

— Но я не знаю…

— …куда пойдешь? Все равно иди! — старик отступил назад. — Ты мне нравишься, я тебе верю. У меня, видишь ли, нет выбора. Слишком поздно. Послание пришло. Так что ты мне нужен. — Он засмеялся, но смех его резко оборвался. Он прикрыл глаза руками. — Я устал, Рэра, ты задолжала мне. Плати, или я выкину вас всех. Я

устал. — Он тяжело пошел к стойке. — Дай мне чего-нибудь выпить. Могу же я выпить в собственной таверне.

Кто-то снова хихикнул. Тил взглянул на Алтер.

— Ну, — сказала она, — ты ему понравился.

У бара Джерин осушил стакан зеленой жидкости, стукнул пустым о стойку и закричал:

— Война! Да, война!

— Начинается, — шепнула Алтер.

Джерин обвел пальцем край стола.

— Война, — повторил он и резко повернулся. — Наступает. А вы знаете, почему она наступает? Вы знаете, как она наступает? Вы знаете, почему мы не можем остановить ее, и никто не может? Я получил сигнал, так что надежды нет. Мы должны идти вперед, попытаться что-то спасти, что-то начать и отстраивать снова, — Джерин взглянул на Тила. — Мальчик, ты знаешь, что такое война?

— Нет, сэр, — ответил Тил не вполне искренне. Он слышал это слово.

— Эй, — крикнул кто-то от бара, — мы опять будем слушать о великих пожарах и разрушениях?

Джерин игнорировал выкрик.

— Ты знаешь, что был великий Пожар?

Тил покачал головой.

— Когда-то мир был больше, чем сегодня, — ска-

зал Джерин. — Когда-то люди плавали не только между островом и материком или от острова к острову, но и объезжали весь земной шар. Когда-то люди летали на луну, даже к другим светилам. Были империи вроде Торомона, только больше, и было их очень много. Они часто сражались друг с другом, и это называлось войной. И в конце концов, в последней войне был Великий Пожар. Это было пятьсот лет назад. Большая часть мира, из которого мы теперь знаем лишь малую часть, разрезана полосами непроходимой земли. Море проходит через них мертвыми потоками. Возможно, один лишь Торомон способен поддерживать жизнь, мы все уверены в этом. А теперь у нас снова будет война.

— Если она настанет, — крикнул кто-то от стойки, — она принесет некоторое возбуждение.

Джерин крутнулся.

— Ты не понимаешь! С кем воюем мы? Мы не знаем?! По ту сторону радиационного барьера нечто безымянное. Почему мы воюем?

— Потому что… — начал надоевший голос от бара.

— Потому что, — перебил его Джерин, — мы должны воевать. Торомон дошел до такого состояния, что его излишества должны быть связаны

с чем-то внешним. Наши законы стали строже якобы для того, чтобы остановить беззакония. Наша наука опередила нашу экономику. Но на самом деле законы ужесточились для того, чтобы поставлять рабочих в рудники. Рабочие будут добывать больше тетрона, все больше горожан останется без работы и будут нарушать законы, чтобы выжить. Десять лет назад до аквариумов, рыба была в пять раз дешевле, чем сейчас. Безработных в Тороне было четыре процента, а сегодня они составляют двадцать процентов от городского населения. Четверть нашего города голодает. И каждый день прибывает все больше людей. Что мы будем с ними делать? Университеты увольняют профессоров, чья наука не подходит для лишения людей работы. Что мы будем с ними делать? Пошлем воевать. Постепенно рудники завалят нас тетроном, его будет слишком много даже для аквариумов и гидропонных садов. И мы будем использовать его для войны.

— А что потом? — спросил Тил.

— Мы не знаем, с кем воюем, — повторил Джерин. — Может, мы будем сражаться сами с собой, но не будем знать этого. Судя по истории, во время войны каждую сторону держали в неведении относительно другой, или говорили им ложь

вместо правды. Но правда может быть… — его голос оборвался.

— Какой же у вас план? — спросил Тил.

У стойки опять засмеялись.

— Каким-то образом мы должны спасти хотя бы часть от грядущего уничтожения. Лишь немногие из нас знают все, знают, что надо делать.

— Что? — снова спросил Тил.

Джерин неожиданно повернулся.

— Выпьем! Выпьем все!

Все оживленно двинулись к бару.

— Какой у вас план? — снова спросил растерявшийся Тил.

— Я расскажу тебе, — почти шепотом ответил старик, — но не сейчас… — он опять обернулся назад. — Пить до дна!

Трое мужчин, уже получивших стаканы, одобрительно закричали.

— Вы со мной, друзья? — спросил старик.

— С тобой! — крикнули еще шестеро, стукнув стаканами по столу.

— Мой план… — начал Джерин. — У всех есть стаканы? Еще один круг на всех!

Раздались общие крики одобрения.

— Мой план… понимаете, он не совсем мой, это лишь малая часть великого плана. Мой план

— похитить принца Лита из дворца. Это та часть, которую должны выполнить мы. Вы со мной, друзья?

Поднялся крик. Кто-то у стойки затеял драку. Голос Джерина пробился сквозь шум, заставив его на несколько секунд утихнуть, и перешел в затихающий шепот:

— Вы должны быть со мной! Сегодня ночью! Я… Я так планировал.

Тил нахмурился, а Алтер покачала головой Старик закрыл глаза. Рэра встала рядом с ним.

— Ты сам заболеешь от этого крика. Давай, я отведу тебя наверх, в твою комнату.

Когда она повернула старика к лестнице, гигант со шрамом встал, пристально поглядел на Джерина и осушил свой стакан. Джерин кивнул, тяжело вздохнул и позволил Рэре вести его. Тил и Алтер смотрели ему вслед. Пьющие снова зашумели.

ГЛАВА 3

Она сделала запись в блокноте и взяла жемчужную застежку, которой скрепляла плечи своего белого платья.

— Мэм, я причешу вас? — спросила горничная.

— Одну секунду. — Кли повернулась к интегральным таблицам, определила дифференциал субкосинуса А плюс В и перенесла его в блокнот. — Можешь начинать. — Она отодвинулась в гамаке и подняла с шеи темную массу волос.

Горничная взяла это эбеновое богатство и потянулась к концу серебряной цепочки с нанизанными через каждые полтора дюйма жемчужинами.

— Мэм, что вы там рисуете?

— Надеюсь установить инверсию субтригонометричееких функций. Мой учитель в университете открыл непрерывные функции, но никто еще не доходил до обратных.

Горничная вплела цепочку и воткнула гребень в каскад волос, упавших на плечо Кли.

— А... а что вы будете делать с ними, когда найдёте?

— Да-а, — сказала Кли, — действительно, они будут совершенно бесполезны. Когда-нибудь мы найдем им применение, но пока они бесполезны. Но интересны.

— Наклоните голову чуть влево, мэм. Вы будете выглядеть превосходно. — Пальцы ловко сделали волну в волосах. — Прямо замечательно.

— Надеюсь, что Тумар придет. Без него будет скучно.

— Но ведь король приедет, — сказала горничная. — Я сама видела карточку его согласия.

— Мой отец будет радоваться этому больше, чем я. Мой брат ходил в школу вместе с королем до… до коронации Его Величества.

— Удивительно! — сказала горничная. — Подумать только! Они дружили!

Кли пожала плечами.

— Мэм, вы видели бальный зал? А все закуски из рыбы. Знаете, это самая мелкая из тех, что выращивает ваш отец.

— Знаю, — улыбнулась Кли. — Не думаю, что я когда-нибудь съем в своей жизни хоть одну папину рыбу. Это прямо ужасно. Но считается, что она очень хорошая.

— Очень хорошая, мэм, очень. Ваш отец замечательный человек. Он выращивает такую хорошую, крупную рыбу. Но правда ведь, она чем-то отличается от той, что привозят с побережья. Я пробовала, так что знаю.

— А в чем разница? — спросила Кли.

Горничная задумалась:

— Не знаю, мэм. Но каждый скажет, что разница есть.

Замок на парадной двери помнил отпечаток его большого пальца. В этот момент Джон говорил:

— Пока ты был прав. Да, я верил тебе. Выбора у меня немного. — Он был в кладовой отцовского дома. — Я буду верить тебе. — Какой-то своей частью, во всяком случае. Почти пять лет назад меня посадили за глупость, которую я сделал, и я, при всем желании не смог себя убедить, что в этом повинен я один. Я не собираюсь сваливать вину целиком на Оска — шальной случай и все такое… Но я хочу только выбраться из этого. Я хочу быть *свободным*. Я шел почти на самоубийство, пытаясь бежать с рудников. И два человека, вероятно, умерли, помогая мне. Да, ты вывел меня из этого безупречного стального кладбища, и я пошел в обратную сторону, к радиационному барьеру. За это спасибо. Но я все еще не свободен и все еще хочу свободы больше всего на свете. Да, я знаю, ты хочешь, чтобы я что-то сделал, но я не понимаю, что именно. Ты обещал рассказать. Ладно. Но ты мотаешься в моей голове, так что я не свободен. Если дело в том, чтобы повиноваться тебе, то я это делаю. Но предупреждаю: если я увижу еще одну трещинку в стене, еще один проблеск света — я воспротивлюсь попытке пробиться, и к дьяволу тебя. Потому что, пока ты здесь, я все еще заключенный.

Свет в кладовой закачался. Джон был за вы-

соким шкафом с фарфоровой посудой. Кто-то вошел в кладовую. На углу шкафа показалась рука, широкая с черными волосами, украшенная браслетом с голубым стеклом неправильной формы. Когда дверь открылась, рука исчезла из виду. Звон тарелок на полках, скольжение фаянсовой посуды, и голос:

— Здесь все в порядке. Неси эту.

Дверь закрылась. Джон шагнул вперед. Все здесь было ему знакомо. Вот дверь в главную кухню. Он вышел и медленно пошел по холлу к столовой. В холле стоял стол красного дерева, на нем свободной формы скульптура из алюминиевых прутьев и стеклянных шаров. Она была ему незнакома. Раньше здесь стояла голубая керамическая ваза. Глазурь ее была вся в трещинах. Комбинация бирюзы и пламенеющего красного стола казалась слишком богатой, слишком чувственной. Он разбил эту вазу. Разбил нечаянно. Он вспомнил свою первую реакцию: удивление, что глазурь покрывала керамику только снаружи. Ему было тогда четырнадцать лет.

Он вошел в семейную столовую и остановился. Когда использовался бальный зал, сюда никто не мог бы войти. Здесь слышалось нежное тиканье часов. Все полки были уставлены отцовской кол-

лекцией хронометров. Он посмотрел на полки вровень с его глазами. Когда он в последний раз был в этой комнате, полки были выше. Свет из двери падал на циферблаты, одни с ноготь величиной, другие больше его головы. За пять лет прибавилось много новых, подумал он.

Когда ему было восемнадцать лет, он стоял в этой комнате и рассматривал тонкий двойной развилок энергетического ножа. Позднее в королевском дворце, с тем же ножом он испытал внезапный страх обнаружения. Страх перешел в панику. Паника осложнилась растерянностью, а растерянность снова перешла в страх. Страх тянул его вниз, а когда Джон пытался бежать через сводчатый коридор, ноги его как бы прилипали к полу. Он наткнулся на статую в нише, повернулся к преследовавшему его стражнику и метнул белую иглу энергии. Плоть стражника зашипела, стала опадать и Джон сразу обессилел. Его легко взяли. Неумеха, подумал он. Не пальцы — он исправлял многие из этих часов, когда отец приобретал их в разных стадиях поломок — а мозг. Его эмоции не были тонкими и обнаженными, а стрелы злобы или страха падали вокруг него без фокуса или без видимого источника. Отвращение или любовь, когда он испытывал их, были

нечеткими и легко превращались одно в другое.

Затем пять лет тюрьмы. И первое резкое ощущение пронзило его мозг: желание, боль, агония по свободе. Планы побега были замысловаты, но тонки, как трещинки на голубой глазури. Желание побега давило на желудок, и когда они втроем ждали под дождем у лестницы, желудок невыносимо сжимало. А потом…

А потом — что заставило его потерять других? Почему он пошел не в нужном направлении? Неумеха! А ведь он хотел освободиться и от этого. Теперь он думал: может он хотел освободиться от всего, что было связано с тюрьмой.

Позднее на горизонте появилось свечение, вспыхивающая дымка за холмами. Возле Джона были скелеты древних деревьев. Почва была как бы усыпана горстями чего-то черного. На горизонте виднелся черный скелет города. Башни за балкой поднимались на фоне перламутровой дымки. Среди них виднелась сеть дорог, Тилфар.

Затем он заметил металлическую нить, идущую из города в его направлении, но отклоняющуюся вправо. Она шла с полмили мимо него и исчезала в джунглях позади него. *Тилфар*! Название пришло в его мозг, как знак, связанный со струнами его сознания. Радиация! И снова название города,

как бы громко прозвучало в его голове. Он остановился, поняв, что слышал голос… Голос! *Лорд Пламени*. Он отчетливо слышал это…

В бальном зале заиграла музыка. Он выглянул в коридор. Навстречу шел парень в фартуке с пустым подносом.

— Простите, сэр, — сказал парень. — Гостям не полагается быть в этой части дома.

— Я искал… — Джон кашлянул.

— Да, понимаю. Вернитесь в зал и выйдите в коридор через третью дверь слева.

— Спасибо. — Джон улыбнулся и пошел по коридору. Он вошел в бальный зал через высокий арочный альков, где стояли белые столики с подносами с икрой красной рыбы на кружочках тостов, пирожками с белым, красным и темным рыбьим мясом, рыбным филе, нарезанными полосками и закрученными в виде раковин, креветками с рыбным фаршем.

На возвышении оркестр из десяти инструментов давал легкую музыку. Немногие гости затерялись в зале. Джон пошел через него.

Там и сям стальные фонтаны источали голубую или розовую жидкость на горки колотого льда. У каждого фонтана была полочка со стаканами. Джон взял стакан и наполнил его. Пошел дальше,

потягивая напиток.

Глашатай возвестил о прибытии мистера Килора. Да с сопровождающими. Все головы повернулись, и через секунду множество блестящего зеленого шелка и голубой сетки на вершине мраморной лестницы распалось на четырех дам и их эскорт.

Джон глянул на балкон, идущий вокруг второго этажа здания. Невысокий джентльмен в строгом костюме прошел в нескольких ярдах от него.

Отец! Потрясение было такое же, как при осознании Тилфара. Волосы отца стали реже, сам он заметно отяжелел. Отец был уже на другом конце зала, проверял официантов. Это было так знакомо и причиняло боль.

Зал начал наполняться. Джон обратил внимание на одного гостя, рыжеволосого молодого человека в военной форме. На плечах была эмблема майора. Джон некоторое время следил за ним. Молодой человек ничего не ел и не пил, только прохаживался мимо балконной лестницы. Ждет, подумал Джон и дошел уже до двери, когда глашатай объявил:

— Его Величество Король.

Зашуршали платья, люди повернулись и отступили от лестницы. Король и высокая рыже-

волосая женщина, явно старше его на несколько лет, появились на мраморных ступеньках. Пока они спускались, народ справа и слева кланялся. Джон наклонил голову, когда заметил, что дама, сопровождавшая короля, смотрит прямо на него. Он снова взглянул, но ее изумрудный шлейф уже заворачивал влево. Эмблема на ее накидке говорила, что она герцогиня.

Старый Кошер прошел между склонившимися гостями и поклонился. Бледный молодой король пожал ему руку.

— Ваше Величество… — начал Кошер.

— Да, сэр?

— Я не видел вас с тех пор, как вы были школьником.

Король бледно улыбнулся. Кошер поспешно продолжал:

— Я хотел бы представить вам мою дочь, потому что это ее вечер. Ее зовут Кли.

Старик повернулся к балконным ступеням, и глаза толпы повернулись с ним.

Она стояла на верхней ступеньке, в белом платье с жемчужными застежками на плечах. Черные волосы, перевитые серебряной цепочкой с жемчугом, падали на плечи. Она спустилась и, улыбаясь, прошла вперед и встала рядом о

отцом.

— Моя дочь Кли, — сказал старый Кошер. Он поднял левую руку, и оркестр заиграл интродукцию к танцу перемены партнеров. Джон смотрел, как король обнял Кли за талию. Он видел, как военный шагнул было вперед, но остановился. Перед Джоном внезапно возникла женщина в дымчато-сером платье, улыбнулась и спросила:

— Вы танцуете?

Джон улыбнулся и обнял ее за талию. По-видимому, с военным произошло то же, потому что Джон увидел его танцующим.

Кли и король кружились и кружились, белое с белым, брюнетка с блондином. Па танца возвращались к Джону, как вспомнившаяся поэма: поворот, наклон, разделение пары и соединение снова. Когда дама делает шаг назад, а кавалер кланяется, он на мгновение теряет ее из вида, но платье ее всегда шуршит именно так. Да, именно так! Весь этот день был наполнен воспоминаниями, пять лет забыты, и все узнавалось с такой живостью, что потрясало Джона. Музыка дала сигнал к смене партнеров, платья закружились в пестром калейдоскопе, и вот Джон танцует с черноволосой дамой, бывшей минуту назад партнершей майора. Глянув влево, он увидел,

что майор сумел получить в партнерши Кли. Придвинувшись ближе, он услышал:

— Я уж думала, что ты так и не подойдешь. Я так рада, — говорила Кли.

— Я подошел бы раньше, но ты была занята, — отвечал Тумар.

— Ты бы мог подняться наверх.

— Когда я появился здесь, я не думал, что у нас будет возможность поговорить.

— Ну что ж, теперь она у нас есть. Но мы скоро сменим партнеров. Что случилось с теми самолетами-разведчиками?

— Все покалечены. Ничего не видели. Они вернулись на базу. Никакого рапорта. Как насчет пикника, Кли?

— Мы можем устроить его…

Взрыв музыки означал смену. Джон надеялся, что будет танцевать с сестрой. Он видел, что ее белое платье повернулось к нему, но заслонилось изумрудным сверканием и пламенем красного дерева. Он стал танцевать с герцогиней. Она была почти одного роста с ним, и смотрела на него с улыбкой не то дружественной, не то циничной. Она двигалась легко, и он только подумал, что должен тоже улыбнуться, как музыка объявила о смене. За мгновение до того, как герцогиня

отвернулась, он отчетливо услышал ее слова:

— Желаю удачи, Джон Кошер.

Он остановился и глядел ей вслед. Когда он повернулся к своей новой партнерше, его глаза заполнила белизна. Это была Кли. Он должен был танцевать, но стоял неподвижно. Она вопросительно взглянула ему в лицо и вдруг ахнула. Сначала Джон подумал, что ее голова снова исчезла, но взглянул в ее широко раскрытые глаза и шепнул:

— Кли!

И ее рука прикрыла раскрывавшийся рот.

Неужели? Неумеха! подумал он, и это слово отозвалось болью в руках и груди. Надо потянуться к ней, танцевать… но музыка вдруг смолкла, и томный голос короля громко сказал:

— Леди и джентльмены, граждане Торомона, я только что получил послание Совета, которое вынуждает меня известить вас, моих друзей и верноподданных. Совет просит меня дать согласие на официальное объявление войны. Непредвиденные обстоятельства сделали необходимым, чтобы мы начали немедленные действия против самых злых врагов за барьером. Поэтому я заявляю перед вами всеми, что империя Торомона будет воевать!

В возникшем молчании Джон взглянул на сестру, но она исчезла. Кто-то крикнул в микрофон:

— Да здравствует король!

Крик подхватили. Музыканты заиграли снова, партнеры сменились. Смех и разговор входили в его уши, как волна, как крошащийся камень.

Джон потряс головой. Но он ведь был в собственном доме, его комната на втором этаже, он может подняться туда и лечь. И у его постели должен быть медный ночной столик и книга, которую он читал прошлой ночью…

Он вышел из бального зала, пошел по коридору и вдруг вспомнил, что его комната, вероятно, больше не его, и прошлая ночь была пять лет назад. Он остановился перед одной из гостиных. Дверь была открыта и он услышал женский голос:

— Не можешь ли ты сделать что-нибудь с его индексом рефракции? Если он хочет сделать какую-то работу ночью, нельзя же ему появляться и исчезать, как вспышка света. — Молчание. Затем: — Хорошо, но ты же не думаешь, что он расскажет больше, чем знает? Прекрасно. Так я и сделаю, тем более сейчас, когда война объявлена официально.

Джон вошел в комнату. Изумрудный шлейф

прошелестел по более тусклой зелени ковра, когда она обернулась. Блестящие волосы, скрепленные двумя коралловыми гребнями, спадали на плечи. Ее улыбка показывала слабое удивление. Очень слабое.

— С кем вы разговаривали? — спросил Джон.

— С нашими общими друзьями, — ответила герцогиня. Они были одни в комнате.

Через минуту Джон сказал:

— Что они хотят от нас? Это измена, не так ли?

Герцогиня сузила глаза.

— Вы это серьезно? Вы называете изменой уберечь этих идиотов от самоуничтожения в войне с безымянным врагом, с кем-то таким могущественным, что и мы можем быть уничтожены одной его мыслью. Вы помните, кто этот враг? Вы слышали имя. Только три человека в Торомоне знают его, Джон Кошер. Так что, мы единственные, кто несет полную ответственность. Ответственность за Торомон. Вы имеете какое-нибудь представление об экономике государства? Ваш отец ответствен за добрый кусок ее. Однако, дело идет к тому, что если он закроет свои аквариумы, это вызовет панику, равную разрушению экономики уже известными причинами. Империя катится к хаосу, как снежный

ком, и это должно удержать ее от войны. Вы можете назвать предупреждение этого изменой?

— Как бы мы это ни называли, но выбора у нас мало.

— С людьми вроде вас я не так уверена, что это неплохая мысль.

— Видите ли, — сказал Джон, — я был заперт в тюремном руднике на пять лет. Все, чего я желал, ушло. Осталось только желание свободы. Сейчас я вернулся в Торон, но я не свободен и все еще жажду свободы.

— Прежде всего, если бы это не было нужно им, вы не были бы так свободны, как сейчас. Если после дня в чистой одежде и прогулки по свежему воздуху вы не считаете себя на дороге к тому, чего хотите, тогда я сменю некоторые свои идеи. Я тоже кое-чего хочу. Когда мне было семнадцать лет, я работала летом в аквариуме вашего отца. Девять часов в день я проводила с металлической ложкой, величиной с вашу голову, очищая дно цистерны. Я очищала то, что не брали даже стеклянные фильтры. К вечеру я так уставала, что могла только читать. И я читала. Главным образом, историю Торомона. Я много читала о ранних экспедициях на материк. Затем в первую зиму после окончания школы я жила в рыбачьей

деревне на краю леса и изучала обычаи лесного народа. Я делала наброски их храмов, пыталась составить карту их кочевых перемещений. Я даже написала статью о их временных убежищах, она была опубликована в университетском журнале. Джон Кошер, я хочу, чтобы Торомон был свободен от своих самоограждений. Возможно, из-за моего происхождения из королевской семьи, я эмоционально легче постигла смысл Торомонской истории. Но я хотела большего. Поэтому я шла дальше. Торомон должен взять себя за шиворот и встряхнуть, я бы это сделала. Вот чего я хочу, Джон Кошер. Я жажду этого так же сильно, как вы жаждете свободы.

Джон помолчал, затем сказал:

— Чтобы получить то, что мы хотим, мы должны делать более или менее одно. Ладно, я с вами. Но вы должны объяснить мне некоторые вещи. Я очень многого не понимаю.

— Мы оба многого не понимаем. Но мы знаем одно: они не с Земли, они не люди и идут издалека. Из непостижимого далека.

— Чего они хотят?

— Они хотят помочь нам, помочь Торомону, если мы поможем им. Как, я не вполне понимаю. Я уже устроила похищение принца Лита.

— Похищение? Зачем?

— Потому что, если мы пройдем через все это, Торомону понадобится сильный король. Я думаю, вы согласитесь, что мой кузен Оск никогда таковым не будет. Он болен. А при любом сильном напряжении… кто знает, что может случиться. Подпольные группы недов примутся разрушать все, что сделает правительство, как только начнется война. Сейчас я работаю через одного такого неда. Лит пойдет туда, где он сможет стать сильным человеком, правильно тренированным, так что, если с Оском что-нибудь случится, Лит вернется и будет кому провести правительство через кризисы. Но как мы поможем им — я не знаю.

— Понятно, — сказал Джон. — Каким образом они захватили вас? Так же, как и меня?

— Они вошли в контакт с вами неподалеку от Тилфара, верно? Они перестроили молекулярную структуру некоторых ваших наиболее хрупких белков и сделали общий ремонт вашей субкристаллической структуры, чтобы радиация не убила вас. К несчастью, это имело неприятный побочный эффект — понижение вашего индекса рефракции на пару пунктов, из-за чего вы пропадаете при тусклом свете. Я получила подробное

описание вашего побега как раз от них. Это держало меня всю ночь на кончике стула. Со мной сконтактировались так же неожиданно и с теми же словами: *Лорд Пламени*. Итак, первым вашим заданием будет…

В другой комнате Кли сидела на голубой бархатной подушке, сложив руки на коленях.

— Пожалуйста, извините, Тумар, — сказала она. — Но я расстроена. Это было так странно. Когда я танцевала с королем, он рассказал, что видел во сне моего брата. Но я не задумалась над этим. Просто болтовня. А затем, когда я в третий раз сменила партнера, я увидела — лицо — могла бы поклясться, что это было лицо Джона. Этот человек не стал танцевать, он просто смотрел на меня, а потом назвал по имени. Тумар, это был его голос, только чуточку ниже. Ох, это, наверное, не он, потому что он был слишком высок и худ, но так похож… Как раз в это время король держал свое сообщение. Я повернулась и убежала. Все это казалось психозом… Нет, не беспокойся, я в полном порядке, я думаю, что это никак не мог быть Джон, но все равно это нервировало меня. А тут еще то, о чем мы говорили утром…

— О чем? — спросил Тумар. Он стоял рядом, заложив руки в карманы, и терпеливо слушал.

— Насчет привлечения всех студентов к военной работе. Но, Тумар, я работаю над собственным проектом, и больше всего на свете хочу, чтобы мне дали спокойно работать над ним. И я хочу видеть тебя, хочу на пикник. Я уже близка к решению своей проблемы, и вдруг все прекратить и работать над прицелом и траекторией снаряда… Тумар, в том и прелесть абстрактной математики, что она не имеет дело со всякими такими вещами. А тут — и ты, может быть, уедешь, и я улечу, и это тоже плохо. Было ли когда-нибудь, что ты держал в руках вещи, которые хотел, и вдруг наступает ситуация, когда ты видишь, что они вот-вот улетят навсегда?

Тумар провел рукой по волосам и покачал головой.

— Было время, когда я хотел многого. Мальчишкой на материке я хотел еды, работы и кровати, у которой все четыре ножки стоят на полу. Вот я и приехал в Торон. И получил все это. И получил тебя, и думаю, что больше мне нечего желать, и это не так уж плохо.

— Я вот думаю… — начала она, — так ли уж он похож на моего брата…

— Кли, насчет твоего брата я хотел сказать тебе позднее. Может, не следовало тебе говорить об

этом сейчас, но ты спрашивала, будут ли брать в армию заключенных, и если будут, то освободятся ли они после службы. Ну, и я кое-что выяснил. Их возьмут, и я послал рекомендацию, чтобы твоего брата взяли в числе первых. И получил меморандум от карательного чиновника. Твой брат умер.

Она подняла на него глаза, стараясь удержать рыдание.

— Это произошло прошлой ночью, — продолжал Тумар. — Он и двое других пытались бежать. Двоих поймали, и нет никакого шанса, что третий мог уйти живым.

Помолчав, она сказала:

— Давай вернемся в зал. — Они пошли к двери. — Хорошо, что ты сказал об этом. Не знаю… может быть, это был знак… знак, что он умер. А может быть, знак… нет, этого не было. Ничего этого не было.

Они снова спустились по лестнице в бальный зал в радостную музыку.

ГЛАВА 4

За несколько часов до этого Джерин дал Тилу плод кхарбы. Мальчик видел крапчатые дыни вокруг гостиницы, выглядывая Алтер. Не найдя

ее, он пошел по улице. Ему перебежал дорогу кот, державший в зубах что-то серое, бьющееся. Затем Тил увидел опрокинутый мусорный бак, кучу украшали филигранные рыбьи кости. Над крышами башен Торона разливалась голубизна. Обогнув квартал, Тил увидел на углу Рэру. Она останавливала случайных прохожих.

— Ваша судьба, сэр. Я разверну ее перед вами, покажу ваше будущее, как в серебряном зеркале…

Человек прошел мимо. Рэра повернулась к проходившей женщине:

— Мэм, за часть деньги перед вами развернется ваша жизнь, ваш разрисованный ковер, и вы увидите свою судьбу… всего за четверть деньги.

Женщина улыбнулась, но покачала головой.

— Вы, похоже, приехали с материка, — крикнула ей вслед Рэра. — Удачи тебе в Новом Мире, сестра. — И тут же повернулась к мужчине в темно-зеленой униформе.

— Сэр, за одну деньгу я распутаю нити вашей судьбы…

— Проходите, леди, — сказал человек в униформе. — Здесь предсказывать судьбу не разрешено.

— Но у меня есть лицензия! — рука ее нырнула в складки серых лохмотьев.

— Не трудитесь, леди, просто уматывайте отсюда! — он дал ей тычка, и Рэра пошла прочь.

— Сын электрического угря! — ворчала она. — Вот и попробуй прилично жить!

— Хочешь кусок? — спросил подошедший Тил.

Рэра покачала головой, и они пошли обратно в гостиницу.

— Ты не знаешь, где Алтер? — спросил Тил. — Я искал ее, но в гостинице ее нет.

— А ты смотрел на крыше?

Они вошли в гостиницу и Тил поднялся наверх. Он открыл трап в потолке и подтянулся к пыльному краю.

Алтер свесила голову с трубы, идущей от дымохода к поддерживающей трубе.

— Что ты делаешь? — спросил Тил.

— Тренируюсь.

— В чем?

Она схватилась за трубу, перевернулась в воздухе, вытянув прямые ноги вниз.

— Это мой номер. Я акробатка.

Она взмахнула ногами так, что ее лодыжки почти коснулись рук, снова быстро спустила их и закончила тем, что перенесла себя на трубу. Затем бросила ноги назад — Тил ахнул, думал, что она сейчас упадет — вниз, под трубу, выгну-

лась, и снова спустилась в гигантском круге. Она сделала еще круг, затем, согнувшись наверху, пропустила трубу под колено, сменила направление и неожиданно оказалась сидящей на трубе.

— Здорово, — сказал Тил. — Как ты это делаешь?

— Нужно быть достаточно сильной, чтобы поднять свой вес. Может быть, немного сильнее. А все остальное вопрос времени.

— Значит, я тоже мог бы?

— Хочешь попробовать? Иди сюда. Хватайся за трубу.

Тил вылез и достал до трубы.

— Теперь подтянись и закинь левую ногу вокруг трубы.

Он взмахнул ногой, промахнулся и попробовал снова.

— Когда закидываешь ногу, откинь голову назад, — учила она.

Он так и сделал, просунул ноги через руки и вдруг почувствовал, что труба скользит под его согнутым коленом, и он повис на руках и на левом колене.

— Теперь выпрями правую ногу и качни ее вверх и вниз три раза, а затем качни по-настоящему сильно. Только не сгибай ногу, а то упустишь

момент.

Он махнул ногой в третий раз, напряг мышцы бедра, и вдруг небо скользнуло над ним, а тело понеслось вверх в обратном направлении от движения ноги.

— Гоп, — сказал он и почувствовал, что ее рука держит его запястье. Он сидел на трубе, вытянув вверх ногу. — Ты этого и хотела?

— Конечно. Теперь ты оседлал трубу. Это называется посадкой с колена.

— Что теперь делать?

— Выпрями руку. Вытяни одну ногу назад.

Сделав это, он почувствовал ее руку на своем колене.

— Эй, — сказал он, — я теряю равновесие.

— Не беспокойся, я тебя держу. Держи руки прямо. Если не будешь повиноваться инструкциям, то размажешь мозги по крыше. Семь футов — не очень высоко, но для головы очень неприятно. Теперь, когда я скажу «три», лягни ногой, которую я держу, вперед, голову откинь назад как можно дальше.

— Раз…

— И что будет?

— Ты слушай меня. Два… Три!

Тил откинулся и лягнул ногой. А Алтер в это

время дала его ноге дополнительный толчок. Небо и даже крыша быстро двинулись на него, а затем отошли, он переместился мимо крыши и даже смеющегося лица Алтер, и снова все стало на свои места. Почувствовав, что останавливается, он согнулся и закрыл глаза. Рука Алтер была на его запястье, и он снова сидел на трубе.

— Ты сделал двойной обратный круг, — сказала она. — И сделал очень хорошо. Но повторения не будет. Теперь слезай.

— А как я слезу?

— Выпрями руки. Эту руку переставь сюда, — она показала место по другую сторону его ноги. — Так. Теперь сними ногу с трубы, наклонись вперед и медленно перекатывайся.

Через мгновение ноги его задели крышу. Он встал и потер руки.

— Ну вот, теперь ты знаешь, что сделать можешь, остальное пойдет легче. Ты сделал меньше чем за пять минут три трюка. Это очень хорошо для первого раза.

— Спасибо, — сказал Тил. — Да, я ведь искал тебя, хотел дать тебе кое-что. Надеюсь, что не сломал. — Он вытащил из кармана нанизанные на узкие ремешки раковины. Было сделано три петли, каждая длиннее предыдущей, раковины

разнесены в стороны и удерживались на месте крошечными ремешками. — Джерин дал мне ремешок, и я все это приладил. Это ожерелье, видишь?

Он завязал концы узлами на ее шее сзади.

— Спасибо, Тил. Большое, большое спасибо.

— Хочешь кхарбы? — спросил он, подняв плод и снимая с него кожуру.

— Давай.

Он дал ей половину. Они подошли к краю крыши, наклонились над баллюстрадой и смотрели на улицу, на крыши других домов Адского Котла и на темнеющие башни.

Кто-то окликнул их. Они обернулись и увидели белую бороду Джерина, высунувшегося из люка.

— Спускайтесь вниз. Пора.

Гигант со шрамами все еще сидел за столом и постукивал по нему пальцами. Джерин сел за стол и хлопнул связкой бумаг по нему.

— Все сюда!

Народ неохотно отошел от бара.

— Вставайте кругом.

Верхний лист был заполнен тонким почерком и тщательно выполненными чертежами.

— Это план, — сказал Джерин. Такими же были и другие листки, когда он развернул их. — Я

разобью вас на группы. Эркор. — Он посмотрел на гиганта. — Ты берешь первую группу. — Он выбрал шестерых мужчин и трех женщин и повернулся к беловолосой акробатке. — Алтер, ты будешь в особой группе. — Он назвал еще шестерых, в том числе и Тила.

Третья группа сформировалась с самим Джерином во главе. Группа Эркора была для физической работы, группа Джерина для сторожевой службы и для расчистки пути, когда принца будут переправлять в гостиницу.

— Люди в особой группе уже знают, что делать.

— Сэр, — сказал Тил. — Вы мне еще не говорили.

Джерин взглянул на него.

— Ты будешь отвлекать.

— Сэр?..

— Ты пойдешь мимо стражников и сделаешь достаточно шума, чтобы они схватили тебя. Пока они будут заниматься тобой, мы пробьемся внутрь. Поскольку у тебя нет документов, они не смогут выследить тебя.

— И я так и останусь захваченным?

— Нет, конечно! Мы отвлечем их, и ты удерешь.

— Ох, — сказал Тил. Джерин снова вернулся к

бумагам.

Когда план был рассмотрен, Тил узнал две вещи: первое — полноту расследования, информацию и внимание к деталям (личные привычки стражников: один уходит с первым звуком сигнала к смене, другой ждет, пока появится сменщик, и обменивается с ним приветствием), второе — сложность. Так много было всякого, цеплявшегося одно за другое, время было рассчитано по секундам, и Тил даже сомневался, пройдет ли все как надо.

Пока он об этом думал, они уже оказались на ходу, у каждого своя часть плана в голове, но никто не имел ясного рисунка всего замысла в целом. Группы разделились на подгруппы по два и три человека, а затем все собрались на указанных местах вокруг дворца. Тил и Алтер прошли с гигантом через город.

— Вы из леса? — спросил гиганта Тил.

Тот кивнул.

— А зачем вы пришли сюда?

— Хотел увидеть город, — сказал Эркор и поднес руку к своим шрамам. Больше он ничего не говорил.

Первый министр Черджил вышел на вечернюю прогулку по обычно пустой в это время улице. У

первого министра всегда была с собой связка ключей от личных комнат королевской семьи. В этот вечер какой-то пьяный шарахаясь вышел из боковой улицы и столкнулся со старым министром. Рассыпаясь в извинениях, пьяница отступил назад, кланяясь и держа руки за спиной. Свернув в переулок, он сразу же перестал смеяться, рука ушла из-за спины, и в ней оказалась связка ключей от личных комнат королевской семьи.

Стражник у системы тревоги любил цветы. Было известно, что он по крайней мере два раза в неделю в свободное время ходил к торговцу цветами. Так что, когда мимо него прошла старуха с ярко-красными анемонами и предложила ему посмотреть на них, он наклонился над лотком, и его легкие наполнились странным запахом едким, средним между запахом апельсиновой корки и морского ветра. Через сорок семь секунд он зевнул, а еще через сорок секунд он сел у стены, свесил голову и захрапел. Две фигуры увидели через ворота бокс с сигналом тревоги… Там никого не было.

У другого входа во дворец два стражника заметили мальчишку, с черными волосами и зелеными глазами, пытавшегося влезть на забор.

— Эй, слезай оттуда! Давай-давай! Где твои бумаги? Как это — нет? Как это — нет? Пойдешь с нами. Джо, возьми камеру, сейчас мы его сфотографируем и пошлем изображение в управление записей. Там скажут, кто ты такой, парень. А сейчас стой смирно.

Позади них из тени вышла беловолосая девочка и в один миг скрылась в воротах. Стражники не заметили ее.

— Стой смирно, щенок, пока я снимаю.

Группа хулиганов под предводительством гиганта подняла адский шум у дворца. Они и не пытались увести мальчишку из сторожевой будки, но тот каким-то образом удрал в суматохе. Один стражник в униформе 17 размера получил удар по голове и лишился сознания, но больше никто не пострадал. Стражники разогнали хулиганов, унесли пострадавшего в лазарет и там оставили. Доктор Уинтл увидел его в приемной и на минуту вышел, чтобы взять бланк рапорта о несчастном случае из кладовой в другой стороне дома, хотя мог бы поклясться, что десять минут назад здесь была целая куча бланков. Когда доктор возвратился, стражник был по-прежнему здесь… но совершенно голый.

Минуту спустя незнакомый стражник в уни-

форме 17 размера откозырял стражнику у ворот и вошел в них.

Двое неизвестных во дворце закинули веревку с грузом на одном конце на карниз третьего этажа. Первый раз они промахнулись, но второй раз закрепили веревку и оставили ее висеть.

Стражник в униформе 17 размера прошел по коридору в западное крыло дворца, остановился перед широкой двойной дверью, на которой была серебряная корона, указывающая комнату королевы-матери, достал из кармана связку ключей и запер Ее Величество в комнате. У следующей двери он запер для надежности принца Лита и быстро пошел дальше.

Тил добрался до угла, свернул и проверил уличный знак. Все правильно. Он вошел в подъезд и сел ждать.

В это время принц Лит в одной нижней рубашке лежал в постели и читал. Взглянув на окно, он увидел девушку с белыми волосами, висевшую вниз головой по ту сторону ставня, перевернутое лицо улыбнулось принцу. Затем к закрытому окну протянулись руки, что-то сделали, и обе рамы распахнулись. Девушка быстро качнулась, перевернулась и через мгновение уже сидела на подоконнике.

Лит схватил пижамные штаны и бросился к двери. Не сумев открыть ее, он отвернулся и натянул на себя штаны.

Алтер приложила палец к губам и спустилась в комнату.

— Спокойно, — прошептала она. — Меня послала герцогиня Петра. В какой-то мере. — Ей велели воспользоваться этим именем, чтобы успокоить принца, но это выглядело шуткой. — Видишь ли, тебя похищают. Для тебя это очень хорошо, поверь мне. — Она не спускала глаз с белокурого мальчика, который отошел от двери.

— Кто ты? — спросил он.

— Твой друг, если ты захочешь.

— Куда ты собираешься отвести меня?

— Ты отправишься в путешествие. Но вернешься обратно.

— А что сказала моя мать?

— Она не знает. Никто не знает, кроме тебя и герцогини, и нескольких человек, которые помогают ей.

Лит задумался. Он сел на постель и прижал пятку к боковой стене. Раздался щелчок, но больше ничего не произошло.

— Почему дверь не открывается? — спросил он.

— Она заперта на ключ, — ответила Алтер, взглянула на часы у постели принца и повернулась к окну. Свет от канделябра играл на раковинах ее ожерелья. Лит спокойно положил руку на колонку кровати, но ничего не произошло, кроме щелчка.

Алтер высунулась из окна, как раз когда сверху спустился на веревке узел. Она втащила его в окно, отвязала веревку, и та сразу же вылетела из окна.

— Вот, — сказала она и бросила Литу рваную одежду. — Надевай.

Лит снял пижаму и оделся в лохмотья.

— Посмотри в кармане, — сказала Алтер.

Мальчик сунул руку в карман и извлек связку ключей.

— Открывай дверь.

Мальчик помешкал, но пошел к двери. Прежде чем вставить ключ в замок, он наклонился и посмотрел в замочную скважину.

— Эй, — сказал он, поворачиваясь к девушке. — Иди-ка сюда. Видишь что-нибудь?

Алтер подошла и посмотрела. Лит отклонился к стенной панели, и та произвела легкий щелчок. Больше ничего не случилось.

— Ничего не вижу, — сказала Алтер. — Откры-

вай дверь.

Лит послушался. Дверь распахнулась.

— Молодцы, ребятки, — сказал стражник в униформе 17 размера, стоявший за дверью. — Пошли со мной. — Он крепко взял Лита за руку, другую протянул Алтер, и они пошли по коридору. — Предупреждаю, веди себя тихо, — сказал он Литу, когда они повернули за угол.

Через минуту они вышли из дворца. Проходя мимо часового, стражник сказал:

— Вот еще дурачье пыталось проникнуть во дворец.

— Ну и ночка! — вздохнул часовой. — И девчонка тоже?

— Похоже, что так. Сейчас их сфотографирую.

— Правильно, — сказал часовой и отсалютовал стражнику.

Они прошли дальше, к караульному помещению, но не вошли в него, а свернули в боковую улицу. Стражник неожиданно исчез, а навстречу ребятам шел черноволосый зеленоглазый мальчик.

— Это и есть принц? — спросил он.

— Угу, — ответила Алтер.

— Кто ты? — спросил Лит. — Куда вы ведете меня?

— Меня зовут Тил. Я сын рыбака.

— А я Алтер, — представилась девушка.

— Она акробатка, — добавил Тил.

— Я — принц, — сказал Лит. — Настоящий. Принц Лит. Не забывайте этого.

Двое посмотрели на белокурого мальчика в таких же лохмотьях, как и у них, и вдруг расхохотались. Принц нахмурился.

— Куда вы ведете меня? — снова спросил он.

— Туда, где ты чего-нибудь поешь и хорошо выспишься, — ответила Алтер. — Пошли.

— Если вы повредите мне, моя мать сошлет вас в рудники.

— Никто не повредит тебе, дурачок, — сказал Тил. — Ты тоже нед?

— Что?

— Ну, как и мы, недовольный, — объяснил Тил. — Это значит, что нам не нравится, где мы были, где мы сейчас, и там, куда идем. А как ты?

— Я… — принц растерялся. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ладно, все равно идем, — сказал Тил и они пошли по улице.

ГЛАВА 5

Герцогиня Петра сказала:

— Твоим первым заданием будет…

Зелень пчелиных крыльев, красный цвет полированного карбункула, паутина серебряного огня, свечение и дым. Все это ушло из его глаз.

Теперь только одно солнце лизало горизонт. Песок стал малиновым. Озеро пылало. А рядом с озером, под облаками, полосующими небо, был… город.

Там все двигалось, поворачивалось, одна форма сливалась с другой, охватывалась свечением, соединялась с другими формами, темнела…

Джон пытался рассмотреть, что делается у озера, но не смог.

— *Лорд Пламени*.

— Там, — спросил Джон. — Внутри?

— Нет, это только город. Здания.

— Что это за место? — спросил Джон. — Где я?

— Ты на окраине разрушенного города на планете, далекой от твоей. Двенадцать миллионов лет назад эта планета была домом для цивилизации, построившей этот город. Теперь эта

цивилизация мертва. Но город был сконструирован таким образом, что мог отстраиваться сам.

— А ты сказал, что Лорд Пламени не живет там?

— Нет. Никто не пользовался этим городом, так что мы сейчас живем там.

— Вы… почему ты не скажешь мне, кто вы?

— Каждый раз, когда мы говорим с тобой, мы сообщаем тебе чуть больше. Твой мозг должен постепенно привыкать к нам. Ты живешь в скованном ограниченном мире, и если мы сразу бы ворвались в твое сознание, ты захотел бы отогнать нас, как больную фантазию. Мы приходим к тебе, уходим, и ты начинаешь забывать о нас, и приходим снова. У нас три агента в вашем мире, ты и еще двое. Теперь, когда ты вошел в контакт с одним из них, ты имеешь некоторую поддержку в своем мире, и мы должны сказать тебе больше.

Джон смотрел на сказочное творение по ту сторону дюн, а с ним говорили.

— Мы странники из другой вселенной. У нас нет дома, он был разрушен войной на таком уровне, которого ты не можешь постичь. Теперь мы спокойно живем в вашей вселенной, живем только в покинутых городах, разбросанных по вашим планетам. Мы можем пересекать рассто-

яния между звездами, галактиками, пренебрегая временем. Обычно мы не сталкиваемся с живыми существами, только наблюдаем. Но недавно — недавно по нашим понятиям, потому что наше настоящее время больше — в этот отрезок в континуум пришла другая жизненная сила. Она развивалась так же, как и мы. Как и мы, она может восприниматься жизненными формами на различных планетах, это требует много больше труда и энергии, чем для путешествия с одного конца вселенной до другого, потому что мы должны изменять наше видение, в котором ни время, ни пространство не имеет значения, до миниатюрной границы жизненных форм, не видящих предмета за стеной, и у которых опыт одного индивидуума может вызвать эмоции и идеи, неизвестные мозгу и сердцу другого.

Но и между нами есть различия. Новое существо моложе нас по циклам времени. У нас трехдольный интеллект, и мы можем коснуться трех мозгов одновременно в любом простом мире, новое же существо имеет лишь одного агента в мире. Мы никогда не вмешиваемся в основную структуру цивилизаций, в то время, как это существо не задумывается полностью уничтожить мир, введя технологические, философские

или психологические факторы, которые дадут пагубный резонанс, разрушающий планету. Мы решились предупредить вас, вести вас, управлять вашим мозгом, но должны были изменить ваши тела, прежде чем изменять ваш мозг, и только тогда беречь вас от смерти, как берегли тебя от радиации. Так что битва будет победой или поражением в пределах вашей собственной цивилизации.

— Битва?

— Да. Мы тоже готовимся к борьбе, но с Лордом Пламени, которого мы только что описали тебе. Лорд Пламени нашел убежище в Торомоне.

— Ты хочешь сказать, что именно он находится за радиационным барьером, и Торомон вступает в войну с ним? Как можем мы воевать с таким могущественным существом?

— Лорд Пламени в Торомоне. Он ждет у радиационного барьера, сразу за Тилфаром.

— Но это место дальше того, куда может зайти человек.

— Лорд Пламени имеет некоторые возможности сделать своего агента и тех, кому покровительствует, иммунными к радиации, как имеем эти возможности и мы. Он в твоем мире, и мы должны изгнать его. Но без твоей помощи мы

не можем этого сделать. Ты и два других наших агента должны загнать его в угол, где вы сразу его почувствуете, а самим быть в таком месте. Все остальное мы сделаем сами, но пока вы не ощутите его, мы ничего не можем. Мы защитим вас и ваших друзей, которые придут с вами, от радиации, ваша технология сама лет через десять откроет эти возможности. Но мы не можем уберечь вас от человеческих опасностей — насилия или любой естественной смерти.

— Но враги за барьером…

— Наш враг в Торомоне. Но пока вы помогаете нам изгнать нашего врага, вы не сможете встать перед своим. И это держит тебя, Джон Кошер, в плену и отказывает в свободе.

Ничего не понимая, он оглянулся на город у озера. У края воды двигались фигуры, носили бревна, тащили тележки с грузом. Кран поднимал стену на скелетную основу, а фигура наверху подавала сигналы крановщику.

— Город, — сказал Джон.

— Да. Он все еще строится сам.

— Но я вижу… — он прищурился, чтобы ясней разглядеть фигуры, но они расплывались.

— Город отвечает на физическое воздействие тех, кто находится вблизи, в соответствии с мето-

дами и технологией их.

— Но…

— Он отвечает тебе. Ты сосредоточился на нем. Мы сосредоточились на тебе и Торомоне.

— Место вроде этого, наверное, очень… приятно вам.

— Да, когда мы проходим через него и даем наши разумы для его формирования и развития. Но сейчас все наше внимание занято Лордом Пламени. Помни, что ты и два других наших агента встретитесь с Лордом Пламени на краю барьера.

— Но силы за барьером…

— Ты можешь воспользоваться любым методом, чтобы выполнить ваше дело и наше.

Город на фоне темно-красного неба изменялся и рос. Дым застилал глаза Джона. Песок вспыхивал под его ногами. Серебро сменялось красным, зеленым…

Джон заморгал. Герцогиня шагнула навстречу. Зеленый ковер, стены, обшитые деревянными панелями, стол, покрытый стеклом, они снова были в гостиной дома его отца.

— Что именно я должен сделать? — спросил Джон. — Объясните хорошенько.

— Я собиралась сказать, чтобы вы взяли принца, который сейчас в гостинице Адского Котла, и

проводили его к лесному народу. Я хочу оставить его там, пока эта дурацкая война не кончится. Их жизнь резко отличается от жизни других людей в империи. Они дадут ему кое-что полезное. Я говорила вам, что провела там несколько лет, когда была моложе. Я не могу объяснить точно, что это такое, но оно имеет некую строгость, некую силу.

— А как насчет… Лорда Пламени?

— Я не… у вас есть какая-нибудь идея?

— Ну, если предположить, что мы пойдем к радиационному барьеру, найдем тех, кто крутится вокруг Лорда Пламени и сразу же все трое ощутим его — тогда проблемы нет. Если я буду сопровождать принца, я буду ближе всех к радиационному барьеру. Я постараюсь попасть туда, выяснить ситуацию, а затем вы оба можете приехать. Идет?

— Отлично.

— Только бы это привело меня к Лорду Пламени… и к моему освобождению.

— Разве вы не свободны сейчас?

Вместо ответа он сказал:

— Дайте мне адрес гостиницы в Адском Котле.

Получив адрес, Джон вышел в коридор и ускорил шаг. В его мозгу был чуждый мозг, который

однажды спас его от смерти. Как же он мог считать себя свободным… от обязательств?

У поворота он услышал голоса:

— А теперь, пожалуйста, объясните это мне. Не каждый день меня просят объявить войну. Мне кажется, что я сделал это достаточно красноречиво. Теперь, скажите зачем.

— Дело в вашем брате, — сказал другой голос. — Его похитили.

— Его… что? — спросил Оск. — Зачем? И кто?

— Мы не знаем, — ответил офицер. — Но Совет решил, что лучше всего просить вас объявить войну.

— Ага, — сказал король, — так вот почему я произнес эту маленькую речь. А что сказала мать?

— Неловко повторять, сэр. Ее заперли в спальне, и она страшно оскорблена.

— Еще бы! Значит, враги проникли сюда и захватили моего глупого братца.

— Ну, Совет не знает, но решил, что надо объявить войну.

— Ладно, — сказал король.

Шаги и тишина. Джон вспомнил этот акустический фокус. В детстве он вставал на это место и подслушивал болтовню сестренки с подружками, когда они приходили в дом.

Завернув за угол, Джон увидел, что шкаф для верхней одежды приоткрыт. Он взял большой плащ, завернулся в него, поднял капюшон и вышел мимо швейцара на улицу.

На окраине Адского Котла шла Рэра в темных очках с чашечкой в руке и ощупывала путь тростью.

— Подайте бедной слепой, — умоляла она. — Подайте слепой!

В ее чашку упал медяк. Она поклонилась, улыбнулась и сказала:

— Добро пожаловать в Новый Мир. Удачи вам!

Человек, бросивший медяк, обернулся.

— Если ты слепая, откуда знаешь, что я здесь новичок.

— Иноземцы щедры, — объяснила Рэра, — а те, кто живет здесь, слишком бессердечны, чтобы подавать.

— Мне говорили, чтобы я остерегался слепых, которые вовсе не слепые.

— Как не слепые? — вскричала Рэра. — У меня есть лицензия, которая позволяет мне просить милостыню из-за потери зрения. Я могу показать вам ее.

Она повернулась и пошла в другую сторону. Человек почесал в затылке и ушел.

Через несколько минут из-за угла появился человек в плаще с капюшоном и остановился перед Рэрой.

— Подайте слепой!

— Это пригодится? — спросил он, доставая из-под плаща жакет, изящно вышитый металлической нитью.

— Конечно, — тихо сказала Рэра, но спохватилась. — А… а что это?

— Жакет, — сказал Джон. — Очень хорошо сделан. Может, ты сумеешь продать его?

— О, спасибо, спасибо, сэр.

Чуть дальше оборванный мальчик по имени Кайно был ошеломлен, получив от человека в сером плаще шелковую рубашку. Через два дома в дверях была оставлена пара туфель с дисками и ровно через сорок секунд схвачена парикмахером, который возвратился домой в Адский Котел. Затем человек в плаще остановился в переулке под бельевой веревкой. Он бросил на нее серый сверток и развернул его — это оказались штаны. Еще через дом последние мелкие детали одежды были брошены в открытое окно. Поворачивая за угол, Джон мельком увидел фигуру, нырнувшую в дверь дальше по улице. Один из приземистых неандертальцев — их было очень мало в городе

— явно следил за Джоном.

Джон шел очень медленно, держась в тени дома. Грабитель по имени Дже крался следом. Он схватил Джона за плащ, сдернул его и прыгнул вперед.

Однако там ничего не было. Дже постоял, покачивая плащом, и смотрел на то место, где должен был находиться человек. Затем что-то ударило Дже в челюсть. Он покачнулся, получил удар в живот согнулся и увидел при свете уличного фонаря прозрачную человеческую фигуру, неожиданно возникшую перед ним. Фигура приложила к челюсти Дже вполне материальный кулак. Тот упал и отключился.

Джон оттащил неандертальца в переулок, снял с него одежду, надел на себя. Одежда была грязная, вонючая и слишком маленькая. Обувь Джон не взял, но снова надел плащ и поднял капюшон.

Пройдя несколько кварталов, он нашел гостиницу. Подходя, он услышал глухой стук в проходе между домами и девичий голос.

— Да, вроде этого. Но лучше делать точно, как я сказала, иначе можешь сломать руку, ногу, а то и спину.

Джон подошел к углу здания и заглянул в проход.

Алтер стояла и смотрела вверх, на крышу.

— Давай, Тил!

Кто-то упал с крыши, слегка стукнулся о землю, откатился и встал на ноги. Черноволосый мальчик провел рукой по волосам.

— Здорово, — сказал он. — Красота!

— С тобой все в порядке? Ничего не растянул?

— Нет, вроде все на месте, — он посмотрел вверх.

— Ваша очередь, Ваше Высочество, — сказала Алтер.

— Высоко, — сказал голос с крыши.

— Пошевеливайся, — сказала Алтер. Голос ее стал властным. — Считаю до трех. И помни: колени вверх, подбородок вниз, и быстро катись. Раз… два… три!..

Вздох, что-то упало, покатилось и твердо встало на ноги, и обратилось в мальчика-блондина, более щуплого, чем первый.

— Эй, ребятки! — крикнул Джон.

Они обернулись. Джон взглянул на второго мальчика. Хрупкий костяк, слабое тело явно принадлежало королевской семье.

— Что вы здесь делаете? Тем более, вы, принц?

Все трое вздрогнули и вроде бы собирались удрать, так что Джон быстро сказал:

— Меня послала герцогиня Петра. Как это вы падаете? Вы предполагали оказаться снаружи?

— Мы предполагали остаться на верхнем этаже, — сказал Тил. — Но он, — он указал на оборванного принца, — был встревожен, и мы начали рассказывать ему о трюках, и пошли на крышу, и Алтер сказала, что может спустить нас вниз.

— А как ты поднимешь их обратно? — спросил Джон.

— Просто влезем…

— Постой. Пойдем в дом и поговорим с хозяином. Не беспокойся, ничего плохого не будет.

— С Джорином?

— Вроде так его зовут. А что он за человек?

— Старик со странностями. Все время разговаривает сам с собой, но он хороший.

Разговаривает сам с собой, подумал Джон и кивнул. Дойдя до двери гостиницы, он сдернул капюшон и шагнул в свет.

— Джерин, наверное, наверху, — сказала Алтер.

Они поднялись на второй этаж. Когда они вошли в темный коридор, он пропустил ребят вперед, пока Алтер не открыла дверь в конце коридора и яркий свет из комнаты не осветил их.

— В чем дело? — рявкнул Джерин и быстро повернулся на стуле. Гигант Эркер стоял у окна. Серые глаза Джерина метались по сторонам. — Зачем вы здесь? А это кто? Что вам надо?

— Я пришел увести Лита к лестным людям.

— Да, — сказал старик. — Да. — Он сморщился, как бы пытаясь что-то вспомнить, и вдруг встал. — Ладно, идите! Я сделал свою часть работы. Сделал! Каждая минута, проведенная им в моем доме, навлекает опасность на моих жильцов, на моих друзей. Берите его и уходите!

Гигант повернулся.

— Я пойду с вами. Меня зовут Эркер.

— Зачем?

— Мы пойдем в мою часть страны. Я знаю, как туда добраться и провожу тебя. Джерин сказал, что это часть плана.

Джон почувствовал негодование. Планы герцогини, Джерина, а не тройного существа, обитающего в них. Они поймали его в западню. Свобода. Слово пришло и ушло, как тень.

— Когда же мы пойдем? — спросил он.

— Утром, — сказал Эркор.

— Алтер, — сказал Джерин, — отведи его в комнату. Убери его отсюда. Быстро!

Они вышли в коридор. Джон задумался. Эркор

передаст Лита лесному народу, а он, Джон, пойдет дальше. Он должен перейти радиоактивный барьер. Но через барьер должны перейти все трое, если хотят сделать что-то хорошее. Так почему же Джерин не идет сам, а посылает Эркора? С Джерином их было бы двое рядом с Лордом Пламени. Но Джерин стар. Может, герцогиня возьмет его с собой, когда пойдет? Он мысленно шмякнул кулаком по этим рассуждениям. Не надо думать. Мышление связывает мозг, и ты никогда не будешь… Ему вспомнились пять лет мечты о свободе.

В эту ночь он спал прескверно. Рано утром его разбудили лучи света из окна.

Едва он успел встать, как в дверь постучали. Эркор ввел принца и тут же вышел.

— Он говорил, чтобы мы встретили его внизу через пять минут, — сказал Лит.

— Ладно, — ответил Джон, застегнул рубашку рваную, отнятую вчера у грабителя, и посмотрел на мальчика у двери.

— Думаю, ты не привык к такой одежде. Когда-то я тоже не знал ее. Она очень скоро свалится.

— Кто вы? — спросил Лит.

Джон подумал минуту.

— Ну… друг твоего брата, знакомый, во всяком

случае. Я предполагаю отвести тебя в лес.

— Зачем?

— Там ты будешь в безопасности.

— А, может, мне лучше отправиться к морю?

— Моя очередь спросить — зачем?

— Тил вечером много рассказывал мне о море. Он говорил, что там скалы самых разных цветов. Он еще рассказывал о лодках. Я хотел бы работать на лодке, правда, хотел бы. Дома мне не позволяли ничего делать. Мать говорила, что я могу заболеть. А мне выпадет случай поработать?

— Возможно.

— Тил знает множество историй о рыбной ловле. А вы знаете какие-нибудь истории?

— Не уверен. Никогда не пробовал рассказывать. Ну, пошли.

— Я люблю рассказы, — сказал Лит и вдруг опечалился. — Я так стараюсь быть дружелюбным.

Джон рассмеялся.

— Я расскажу тебе одну историю. Насчет рудников. Ты что-нибудь знаешь о тюрьме за лесом?

— Кое-что.

— Ну, так вот, однажды в рудниках было трое заключенных. Они были там очень долго и очень хотели убежать. Один… ну, скажем, был похож на меня. Другой был хромой…

— А третий с веснушками, — перебил Лит. — Я знаю этот рассказ.

— Знаешь? Ну, тогда рассказывай дальше.

Лит стал рассказывать, и закончил, когда они уже вышли и ждали Эркора.

— Вот видишь, я же говорил, что знаю.

— Угу, — спокойно сказал Джон. — Значит, говоришь, двум другим не удалось?

— Да, — сказал Лит. — Стража поймала их и бросила их тела в грязь…

— Забили.

— Что?

Джон немного успокоился.

— Кто тебе рассказал это?

— Петра. Хороший рассказ, верно?

— Да. Я и был тем убежавшим.

— Вы хотите сказать, что… это случилось на самом деле?

Эркор подошел к дверям гостиницы и остановился снаружи.

— Все в порядке, — сказал он. — Идем.

ГЛАВА 6

Служба новостей Торомона в городе Тороне пользовалась как общественными выступлени-

ями, так и видеонитями для тех, кто был достаточно состоятелен, чтобы иметь собственный аппарат для проигрывания. А для материковых деревень была специальная бригада, передававшая новости устно из поселка в поселок.

В это утро все объявляли:

ПРИНЦ ПОХИЩЕН!
КОРОЛЬ ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ!
ПРИНЦ ПОХИЩЕН!
КОРОЛЬ ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ!

В Военном министерстве директивы входили вдвойне, выходили втройне. В 27В коммуникационном секторе началась безнадежная путаница, в результате которой сборно-щитовые казармы были погружены и отправлены на материк в порт за 82 мили от предполагаемого места назначения.

Лит, Джон и Эркор были взяты на борт личной яхты герцогини Петры, ожидающей их в конце гавани. Позднее, когда остров Торон остался позади, Лит сказал Джону о страшной суматохе в доках.

— Так не всегда бывает, — сказал Джон, вспомнив времена, когда он ходил с отцом по утрам на пирс. — Сейчас проверяют грузы. Но я не знаю, почему сегодня чиновников больше, чем обычно.

Одна группа военных приказов, переданных быстро и точно, касалась поставки пищи для армии. Два распределителя импортной рыбы, которые не имели шанса получить контракты, послали предложение на цены и письмо, объяснявшее (на основании мошеннической статистики), насколько импортная рыба дешевле по сравнению с аквариумной. Затем они наняли группу бандитов, которая ворвалась в дом личного секретаря старого Кошера, еще спавшего после вчерашнего бала (о нем упоминалось ранее, как о руке на дверце шкафа в кладовой, на этой руке был широкий браслет с синим стеклом неправильной формы). Его привязали к стулу и били, пока он не выдал желаемую ими информацию, позволившую им потопить три судна из грузового флота Кошера, только что вошедшие в док.

Личная яхта герцогини договорилась с тетроновым грузовым судном, возвращавшимся на материк, и Лит, Джон и Эркор перешли на него, где быстро затерялись среди пассажиров, возвращавшихся к своим семьям.

В Тороне механик челночного судна, перевозившего рабочих из города в аквариумы, обнаружил в туалете неуклюже слепленную, но безошибочно узнаваемую бомбу. Ее обезвредили, так что

несчастья не произошло. Но заместитель главного контролера концерна синтетической пищи Кошера сжал челюсти, кивнул и дал несколько неофициальных приказов от себя. Через двадцать минут Аквариумы Кошера получили правительственный контракт на поставку рыбы армии Торомона. Оба соперника Кошера, торговцы импортной рыбы, за двенадцать минут до этого перестали существовать как конкуренты: им отказали в месте на складе и весь их груз (семь тонн мороженой рыбы) был выброшен на улицы гнить, потому что рефрижераторы были наняты у компании Решок, а никто не подумал прочитать это имя наоборот.

В Военном министерстве майор Тумар и капитан Климон заканчивали эвакуацию четырех верхних этажей смежного служебного здания, чтобы разместить там новые группы инженеров, физиков и математиков, только что призванных в армию, но от этой работы их отозвали. На улицах вокруг старых зданий «Рефрижераторы Решок», похоже, начались беспорядки. Склады были всего в нескольких кварталах от официальной границы Адского Котла. Тумар и Климен были там через десять минут после получения ими приказа.

— Что тут, черт побери, происходит? — спросил Климен у шефа отряда городской полиции. За строем людей в униформе толкалась и кричала масса народу. — И откуда такая вонища?

— Рыба, сэр, — ответил начальник отряда. — Ее целые тонны по всем улицам. Люди пытаются унести ее.

— Ну и пусть берут, — сказал Климен. — И им хорошо, и улицы очистятся.

— Вы не понимаете, сэр, — сказал полицейский. — Рыба отравлена. Перед тем, как выбросить, ее залили барбицидом. А с полтонны этой гадости уже растащили.

Климен повернулся к Тумару:

— Майор Тумар, вернитесь в штаб-квартиру и постарайтесь, чтобы в городе было объявлено об отравленной рыбе. Сообщите медицинской службе, пусть найдут противоядие и информируют весь город.

Тумар так и сделал. Составленное им предупреждение гласило:

> «Внимание! Граждане, взявшие рыбу с улицы в районе „Рефрижераторы Решок“ находятся в непосредственной опасности отравления. Рыба была обработана

барбицидом. Можно есть только ту рыбу, что привезена прямо с Синтетических рынков.

Предупредите своих соседей!

Если рыба уже съедена, немедленно обращайтесь в здание Медицинской службы (следовал адрес).

Симптомы отравления: судороги примерно через час-два, рвота, жар, вздутие лимфатических узлов. Через двадцать минут после начала судорог наступает смерть. Пища с высоким содержанием кальция (молоко, толченая яичная скорлупа) отодвигает смерть максимум на полтора часа. В Медицинской службе вам сделают уколы, обезвреживающие яд».

Тумар лично послал это объявление в коммуникационный Сектор 27В, указав на его важность и срочность. Через десять минут позвонил инженер Сектора и сообщил, что 27В все утро барахлил так же, как и другие. В сущности, сказал инженер, работают только те Секторы, которые не имеют выхода в городскую линию.

Тумар сделал три копии объявления и разослал по трем Секторам. Через полчаса ему позвонил

главный инженер Коммуникационной службы и сказал:

— Майор Тумар, мне очень жаль, но из-за поломки я получил ваше сообщение только сейчас. По причине беспорядков мы получили инструкции допускать до Секторов только уполномоченных лиц, по специальному разрешению.

— К дьяволу уполномоченных, — закричал Тумар. — Если вы не передадите это быстро, то к вечеру умрет полгорода.

— Извините, сэр, но… Ну, ладно, я передам это самому инженеру Коммуникаций, когда он вернется.

— А когда он вернется?

— Не знаю.

— А кто уполномоченные?

— Только члены Совета, сэр, и то лишь те из них, кто непосредственно связан с военными действиями.

— Ясно, — сказал Тумар и выключил связь.

Он сделал семь копий с объяснительной запиской для семи членов Совета, когда позвонил главный инженер.

— Майор, в чем дело с этой рыбой?

— Видите ли, семь тонн этой дряни валяется на улицах.

— И вы говорите, она отравлена?

— Точно. Присмотрите, пожалуйста, чтобы это было объявлено по всему городу и как можно скорее. Вопрос жизни и смерти.

— Нам приказано работать по передаче военных сообщений. Но я понимаю, что ваше имеет приоритет. О, это объясняет некоторые сообщения, которые мы подучили. Я уверен, что одно из них для вас.

— Ну? — спросил Тумар после паузы.

— Мне не разрешено передавать ее вам, сэр.

— Почему?

— Вы не уполномоченный, сэр.

— Черт побери, возьмите ее прямо сейчас и прочтите мне.

— Ладно… вот оно, сэр. Оно от шефа отряда городской полиции.

Послание коротко говорило, что двадцать три человека, в том числе капитан Климен, были затоптаны насмерть примерно двумя с половиной тысячи голодных жителей Адского Котла, в основном иммигрантами с материка.

Полторы тонны рыбы были в конце концов убраны с улиц и уничтожены. Но пять с половиной тонн разошлись по городу. Главный инженер добавил, что пока они тут беседуют, меморандум

пошел через Секторы, но пусть майор снова позвонит в 27В, может, они там наладились.

В аквариум прибыла вторая смена рабочих. В громадном плавучем здании тянулись ряды прозрачных пластиковых труб по три фута в диаметре, с тетроновыми поршнями в обоих концах. Вибраторные сети делили трубы на двадцатифутовые отрезки. Узкие мостики связывали шестиэтажную структуру, всю залитую красным светом от фосфорных стержней, выступающих из поршней. Свет синего конца спектра раздражал рыбу, которая должна была быть все время в движении и на виду, чтобы можно было заметить болезнь или деформацию. В прозрачных трубах рыба была в состоянии почти приостановленной жизни, она подвергалась вибрации, питалась, жирела, сортировалась по возрасту, размеру и породам, а затем шла на убой. Вторая смена рабочих сменила первую.

Приблизительно через два часа вспотевший рабочий явился с жалобами на слабость. Изнеможение от жары было частой жалобой в аквариуме, поэтому доктор велел ему полежать некоторое время. Через пять минут у рабочего начались судороги. Вероятно, ему уделили бы больше внимания, но несколько минут спустя

с мостика на шестом этаже упала женщина и размозжила череп.

Рабочие собрались вокруг ее тела у конца разломанной трубы. В увеличивающейся луже слабо шевелила плавниками жирная краснокожая рыба.

Другие женщины, работавшие с погибшей, сказали, что она жаловалась на плохое самочувствие, а когда пошла по мостику, вдруг забилась в конвульсиях. Когда доктор вернулся в лазарет, рабочий был в жару, а сестра сказала, что его сильно рвало. А затем он умер.

В течение следующих двух часов около четырехсот рабочих упали в судорогах и умерли. Лишь одного, всегда выпивавшего за ленчем две кварты молока, успели перевести в челноке в Торон, в Медицинскую службу, но через десять минут он все-таки умер. Это был первый случай в Медицинской службе, лишь после шестнадцатого случая они составили окончательный диагноз — отравление барбицидом. И тогда кто-то вспомнил об утреннем запросе военного министерства о противоядии.

— Каким образом, — сказал доктор Уинтл, — эта гадость попала в пищу. Возможно, по всему городу.

Он сел за стол и написал предупреждение гражданам Торона, содержащее описание признаков отравления барбицидом, противоядие и рекомендацию немедленно принять пищу, содержащую большое количество кальция и обратился в Медицинскую службу.

— Как можно скорее пошлите это Военному министерству и по всем источникам информации, — сказал он своему секретарю.

Когда помощник главного инженера Коммуникаций (самого инженера не было) получил послание, он даже не потрудился взглянуть от кого оно, а с отвращением бросил его в корзину для ненужных бумаг, пробормотав что-то насчет неавторитетных писем. Если бы уборщицы удосужились подсчитать, они обнаружили бы в разных корзинах тридцать шесть копий приказа майора Тумара.

Лишь малая часть жертв отравления попала в Медицинскую службу, однако докторам работы хватало. Произошел один инцидент, но вопящие и корчащиеся пациенты не задумывались о нем. Двое мужчин, пришедших в самом начале потока пациентов, получили доступ в приемную и видели всех пришедших туда. Они обратили внимание на одну особенно страдавшую девушку

лет шестнадцати со снежно-белыми волосами и сильным стройным телом, скрученным сейчас судорогами. Пот струился по ее лицу, в открытом вороте виднелось ожерелье из раковин.

— Это она, — сказал один из мужчин.

Другой кивнул, подошел к врачу, производящему инъекции, и что-то прошептал ему.

— Конечно, нет! — с негодованием сказал врач. — Пациенты нуждаются по крайней мере в сорокавосьмичасовом отдыхе и тщательном наблюдении после вспрыскивания противоядия. У них крайне низкая сопротивляемость и осложнения…

Мужчина сказал что-то еще и показал документ. Доктор подошел к постели девушки, быстро сделал два укола, записал ее имя — Алтер Ронайд — и сказал мужчинам:

— Должен вам сказать, что я категорически возражаю и буду…

— Ладно, доктор, — сказал первый мужчина, поднял Алтер и вынес ее из здания госпиталя.

У королевы-матери была своя приемная. Королева сидела на своем высоком троне и рассматривала фотографии. Две цветные показывали комнату кронпринца. На одной принц сидел на постели в пижамных штанах и прижимал пятки

к боковине кровати, у окна стояла беловолосая девушка с ожерельем из раковин. Следующая фотография изображала принца, положившего руку на спинку кровати. Девушка отвернулась к окну. Третья, снятая как бы через замочную скважину, показывала страшно увеличенный человеческий зрачок! Сквозь радужную оболочку виднелись пунктиры и крошечные линии рисунка ретины. На подлокотнике трона лежала папка, озаглавленная АЛТЕР РОНАЙД.

В папке было свидетельство о рождении, четкая фотография того же самого рисунка сетчатки, контракт с бродячим цирком, нанимавшим на сезон детей-акробатов, диплом начальной школы, копии квитанции за трехлетний период обучения гимнастике, медицинский счет за лечение растяжения связок и два бланка смены адреса. Там также были сведения об Алине Ронайд (матери, ныне умершей), и Рэры Ронайд (тетке по матери, официальной опекунши).

Королева положила фотографии на папку, повернулась к четырем охранникам, стоявшим у стены, подняла тяжелый скипетр и сказала:

— Введите ее.

В другом конце комнаты открылась дверь.

Среди комнаты стояли два блока в четыре фута

высотой. Они отстояли друг от друга на фут.

Стражники поставили Алтер между блоками, которые доходили ей до подмышек, растянули руки и привязали к блокам.

Королева улыбнулась.

— Это всего лишь предосторожность. Мы хотим помочь тебе. — Она сошла по ступенькам трона. — Мы кое-что о тебе знаем. Знаем, что ты кое-что знаешь, и если ты мне об этом расскажешь, я буду чувствовать себя намного лучше. Недавно я была очень расстроена. Ты это знаешь?

Алтер старалась сохранить равновесие. Блоки были чуть высоковаты для нее, она не могла полностью встать, не могла и повиснуть.

— Мы понимаем, что ты очень устала, и после барбицида чувствуешь себя плохо, верно? — сказала королева, подойдя ближе.

Алтер покачала головой.

— Куда ты девала моего сына? — спросила королева.

Алтер закрыла глаза, снова открыла их и покачала головой.

— У нас есть доказательства. Хочешь посмотреть? — Королева протянула Алтер фотографии. — Мой сын снял и тебя, фото очень четкие. —

Она убрала фотографии в карман. — Будешь рассказывать?

— Я ничего не знаю.

— Брось. В комнате столько же камер, сколько икринок у осетра. И десятки скрытых включателей. Сигнал тревоги, связанный с ним, почему-то не сработал, но сами камеры работали, как надо.

Алтер снова покачала головой.

— Не бойся, — сказала королева. — Мы понимаем, что ты устала, и хотим вернуть тебя в госпиталь как можно скорее. Ну, давай, что случилось с моим сыном, принцем?

Молчание.

— А ты очень миловидная девочка. И ты акробатка? Почему ты боишься ответить? Ты акробатка?

Алтер кивнула. Королева протянула руку и коснулась тройного ремешка ожерелья.

— Прекрасное украшение. — Она подняла его с груди Алтер. — Тело акробатки должно походить на драгоценность, прекрасную, изысканную, совершенную вещь. И у тебя такое…

Ожерелье вдруг упало на пол.

Раковины слабо звякнули. Глаза Алтер следили за ними.

— Ох, извини, — сказала королева. — Жаль

было бы разбить такую вещь. — Она подобрала платье и занесла ногу над ожерельем. — Ты скажешь, где мой сын?

Несколько секунд молчания.

— Прекрасно. — Королева опустила ногу. Звук раздавленных раковин был заглушен воплем Алтер, потому что королева с силой опустила скипетр на привязанную Алтер раз, другой. Комната заполнилась криком и треском сломавшегося скипетра. Затем королева ударила по повернутому вверх локтю Алтер.

Когда настала относительная тишина, королева снова спросила:

— Ну, где мой сын?

Алтер ничего не сказала, да и ничего не могла сказать — ничего хорошего это не дало бы.

— В рудники?

— Что она может сейчас там делать? — Королева вернулась на трон. — Унесите ее обратно в госпиталь. Мы всегда сможем взять ее оттуда, если понадобится. Она явно работает на кого-то. Может, на врага. — Королева взмахнула скипетром, и на ее голову посыпались капли. — Фу! Унесите ее отсюда!

Бесчувственную Алтер завернули в серое одеяло и отнесли в Медицинскую службу.

— Опять отравление? — спросил клерк.

Мужчина кивнул. Доктор, который был тут, когда Алтер уносили из госпиталя, еще работал. Отвернув одеяло, он узнал девушку. Когда он отвернул одеяло полностью, у него перехватило дыхание, и он прохрипел сестре:

— Несите в неотложную хирургию! Быстро!

В Адском Котле Тил только что оправился от поноса, из-за которого целый день ничего не ел. Чувствуя голод, он пошарил в холодном чулане гостиничной кухни, нашел остатки рыбы и отрезал кусок. Открылась дверь и вошла семидесятилетняя барменша. Она подскочила к Тилу и выбила рыбу у него из рук.

— Ты спятил? Хочешь, чтобы тебя вынесли отсюда, как других?

Тил растерянно смотрел на нее, а в кухню вошла Рэра.

— Умираю с голода, — заявила она. — Я продавала тоник, который сварила вчера, и около полудня все вдруг бросились покупать его. Люди хотели что-то от судорог, и я подумала, что мой тоник ничем не хуже чего-нибудь другого. У меня не было времени даже поесть. Эпидемия, что ли, какая? Эй, а ведь это неплохо выглядит! — и она потянулась к рыбе.

Старая барменша схватила блюдо и вытряхнула рыбу в мусорное ведро.

— Она отравлена, ты что, не знаешь? Из-за рыбы все и случилось! Всех, кто ее ел, унесли в госпиталь с судорогами. Куча народу умерла. Я и женщина, что живет через улицу, вычислили, что это от рыбы. Мы обе купили ее утром у одной бабы. Сама я никогда не ем эту дрянь, но подала ее на ленч.

— Ладно, но я все-таки голодный, — сказал Тил.

— Не съесть ли нам немного сыру и фруктов? — спросила Рэра.

— Я думаю, это не повредит, — сказал барменша.

— А кого унесли? — спросил Тил.

— Ах, да, ты ведь был наверху весь день! — и старуха рассказала.

Примерно в то же время наблюдатель в самолете-разведчике заметил судно с военным оборудованием в шестидесяти милях от любого места, где могли принять такой груз. Вообще-то он должен был послать приказ, исправляющий типографскую ошибку в... ну, да, конечно, это то самое судно. Он пошлет приказ сегодня же через Сектор 27В. Судно недалеко от берега, от одного

из немногих мест, где лес спускается к самой воде. Крошечный порт — единственное место цивилизации между зеленым морем и зеленью деревьев. Наблюдатель заметил также, что в доке стоит маленький тетроновый грузовоз. Но тот транспортный корабль… Наблюдатель окликнул пилота и попросил наладить связь с кораблем.

Пилот дрожал и тряс головой. Второй пилот откинулся в кресле открыв рот и выпучив глаза.

— Я чувствую… — начал первый пилот и потянулся скомкать листок фольги в котором несколько часов назад лежал сэндвич с рыбным филе и был съеден обоими пилотами, но вдруг упал с кресла, задев рукоятку на контрольных панелях. Самолет накренился, наблюдатель в своем отсеке был выброшен из кресла, микрофон выпал из его рук.

Второй пилот открыл глаза, хотел схватиться за рукоятку, которая была не на месте, но промахнулся. Через сорок секунд самолет врезался в док в каких-нибудь тридцати ярдах от стоявшего там на якоре тетронового грузовика.

В воздухе стоял рев. Лит закричал и побежал через палубу. Затем тьма. Затем вода. Затем гром, потом визг. Что-то разорвалось пополам. Он поскользнулся и упал. Джон и Эркор подняли

потерявшего сознание принца, прыгнули через борт и поплыли. В доке завыли сирены, когда они положили Лита на сухие листья лесной поляны.

— Мы оставим его здесь, — сказал Эркор.

— Здесь? — спросил Джон.

— За ним придут. А ты должен идти дальше. Мы оставим принца, и ты расскажешь мне о своем плане.

— Мой план… — сказал Джон, и они пошли между деревьями.

ГЛАВА 7

Одну щеку кололи сухие листья, а другую холодил ветер. Что-то коснулось его бока. Он задремал в маленьком парке за дворцом. Скоро пора идти ужинать. Запах листьев был свежее, чем когда-нибудь…

Что-то снова дотронулось до его бока. Он открыл глаза: он вовсе не в парке и не собирался идти ужинать, и кто-то громадный стоит над ним.

Лесной человек еще раз коснулся мальчика ногой. Мальчик откатился и замер. Гигант сказал что-то, помолчал и снова сказал то же слово:

— Курл…

Он произнес это в третий раз и показал на себя. Затем указал на мальчика и улыбнулся. Мальчик молчал.

Гигант снова хлопнул себя по груди и сказал «Курл», и опять протянул руку к мальчику, ожидая имени в ответ. Ответа не было. Он пожал плечами, сделал мальчику знак подойти. Тот медленно встал. Скоро они уже шли по лесу.

Пока они шли, мальчик вспомнил: тень от потерявшего управление самолета над ними, удар самолета о воду, поднявшаяся горой вода. Пожар. Что-то рвалось…

Все началось в его спальне во дворце, когда он в первый раз нажал пяткой скрытый выключатель. Камеры, вероятно, сработали, но не было ни сирены, ни стражи. Так же было, когда он нажал на второй выключатель на спинке кровати. И когда он постарался поставить девушку в нужное положение, чтобы сфотографировать ее глаз, не произошло *ничего*. Его увели, а мать спокойно оставалась в своей комнате. Как могло случиться, чтобы кто-то похитил принца?

Сбивало с толку и отношение к нему мальчика, рассказывавшего ему о море, и девушки, учившей его падать. Зачем тюремщикам, похитившим его, рассказывать принцу о красотах морского

заката или учить его делать невероятные вещи со своим телом?

Когда девушка велела ему прыгать с крыши, он был уверен, что она хочет убить его. Однако, послушался ее. Он всегда слушался. И сейчас он шел за гигантом, потому что тот велел.

Если бы он остался там, больше разговаривая с мальчиком и девушкой, он мог бы что-то понять. Но черноволосый и гигант со шрамом увезли его. Он пытался свести воедино «есть» и «возможно» и рассказать черноволосому историю рудничных заключенных, настоящую, хорошую, «возможную» историю. А тот человек повернул ее на себя и сказал, что это не «возможно», а «было». И нить лопнула.

Пока они шли по лесу, вспыхнуло последней искрой воспоминание о ком-то умолявшем не забывать о чем-то, но о чем — он не помнил.

Дорога шла под уклон. Стали попадаться камни, обросшие мхом. Один раз Курл резко остановился и протянул руку, загораживая мальчику дорогу.

Кусты перед ними раздвинулись, и вышли две женщины: темно-синие глаза, плоские носы, острые скулы. Двойняшки, подумал мальчик. У обеих женщин на левой стороне лица по тройному рубцу. Они не обратили внимания на Курла и

мальчика, пересекли дорогу и скрылись за деревьями. Курл снова пустился в путь. Они прошли мимо двух высоких лесных жителей, но у них как и у Курла, не было шрамов.

Один раз встретилась группа приземистых созданий ростом даже ниже мальчика. Увидев Курла, они вроде бы собирались заговорить с ним, но поглядели на мальчика и не стали, а только помахали Курлу. Он улыбнулся им в ответ, и не было напряженности, как при встрече с женщинами.

Затем они свернули к небольшой скале. Возле толстого дерева была навалена куча веток. Курл раздвинул их и достал клетку из прутьев, связанных Лианой. В ней что-то верещало. Курл открыл дверцу и сунул внутрь руку. Верещание сменилось визгом, а затем все стихло. Курл вытащил зверька, похожего на ласку, со сломанной шеей. Мальчик со страхом посмотрел на руки гиганта. Курл поставил клетку обратно под ветки и пошел с мальчиком через поляну, где была спрятана другая ловушка. Когда он сунул туда руку, мальчик отвернулся.

Прикосновение к плечу заставило мальчика обернуться. Курл показал ему второго зверька, и они вернулись в лес. Позднее он развел костер

и зажарил мясо. Когда оно было готово, Курл достал из кармана кожаный мешочек, вытряс из него на мясо немного белого порошка и протянул его мальчику. Тот высыпал немного на ладонь и лизнул. Соль.

— Тлото, — резко позвал Курл — как только они начали есть, в лесу стало прохладно и тихо, но тут же хрустнула ветка, и оба оглянулись.

У края освещенного костром места появилась высокая тень. Курл взял прут и взмахнул им. Тень отклонилась и слабо мяукнула.

— Уходи, Тлото, — сказал Курл. — Уходи.

Но Тлото двинулся вперед.

Может, он родился от родителей людей, но назвать его человеком… Он был голым, безволосым, белым, как раковина. Не было ни глаз, ни ушей, только безгубый рот и плоские ноздри. Ноги были кривые, изуродованные, на каждой руке только два пальца не были парализованы. Он с мяуканьем тянулся к кучке обглоданных Курлом костей. Взмахом руки Курл отшвырнул полупарализованную лапу. Тлото попятился и шагнул к мальчику, расширив ноздри.

У мальчика еще оставалась еда. Он всего на голову выше меня, думал мальчик. Если он из этой расы гигантов, он, наверное, еще ребенок. А

может, моих лет, он посмотрел в пустое лицо и протянул Тлото остатки своей еды.

Лапа дернулась вперед, схватила и отлетела назад. Мальчик постарался улыбнуться, но Тлото все равно не видел, так что это не имело значения. Он отвернулся к костру, и когда снова взглянул, Тлото уже исчез.

Пока Курл забрасывал угли землей, он говорил мальчику насчет Тлото. Мальчик внимательно слушал и кое-что понял, что Тлото все равно не оценил его заботы. Но речь имела мало значения для принца. В этом мире не было ничего знакомого, о чем можно было говорить, а о доме он не скучал.

Кто-то выдернул его из одного места и перенес в другое. Элементы одного места определяли другое. Но шок от перемещения был так велик, что определения не получалось. Лит пропускал слова. Он слушал Курла внимательно, но не ради слов, он исследовал их по тону, по интонациям, следил за лицом гиганта, за его громадным телом, за движениями плеча, руки, колена. Он пытался уловить намек на эмоции, которые он мог бы соотнести со своими. Кое-что он обнаружил.

Затем они улеглись на траву и заснули.

Было еще очень темно, когда рука гиганта

потрясла мальчика за плечо. Стало холоднее, и ветер шевелил волосы. Над деревьями пронесся высокий звук и смолк. Курл взял мальчика за руку, и они пошли в темноте.

Свет появился в темноте. Утро? Нет. Всходила луна. Свет стал белым, затем серебряным. Они дошли до утеса, за которым было темное море. Скала раскрошилась уступами вниз. Там в ста футах над водой было каменное плато. Луна уже стояла высоко и освещала плато, и храм в конце его.

Перед храмом стоял высокий человек в черном и дул в изогнутую раковину. Жалобный звук летел над морем и лесом. Вокруг плато собирался народ. Некоторые парами, кое-кто с детьми, но больше всего поодиночке, мужчины и женщины. Были там только высокие люди. Мальчик стал было спускаться вниз, но Курл удержал его. По звукам вдруг мальчик понял, что тут есть и другие, и тоже смотрят сверху. Со скал наблюдали несколько неандертальцев. Волны на воде засверкали изломанными линиями, отраженными луной. Небо усыпали звезды.

Из храма на платформу вывели группу людей, в основном детей, но были также бородатый старик и величественная женщина. Все были

связаны, все почти голые, и все, за исключением женщины, волочили ноги и нервно озирались.

Жрец в черном исчез в храме и появился снова, держа в руке что-то, что издали показалось мальчику чесалкой для спины. Он поднял это в лунном свете, и в конце людей возникло смятение. Мальчик увидел, что это был трезубец на рукоятке.

Жрец подошел к первой девочке, взял ее одной рукой за голову и быстро провел трезубцем по левой стороне ее лица. Она издала неопределенный звук, потонувший в шепоте толпы. То же самое он сделал со следующим. Женщина стояла совершенно спокойно и даже не вздрогнула, когда лезвия резали ей щеку. Старик боялся. Он хныкал и пятился. Из круга людей вышли мужчина и женщина и придержали старика. Когда трезубец прошел по его лицу, старческие хныканья сменились визгом. Мальчик вспомнил пойманных в западню животных. Старик отшатнулся от державших его, но никто уже не обращал на него внимания. Жрец снова поднес раковину к губам, и высокий чистый звук поплыл между скал.

Затем люди исчезли в лесу. Курл коснулся плеча мальчика, и они тоже вернулись в лес. Мальчик растерянно посмотрел в желтые глаза

Курла, но в них не было объяснения. Один раз он увидел белую фигуру мелькнувшую слева. Тлото шел за ними.

Мальчик учился целыми днями. Курл показывал ему, как делать тетиву из кишок животных, сменить наживку в ловушках, сортировать хворост для костра, держать ветки, когда Курл связывал их для навеса в дождливую ночь, и многое другое.

Обучая, Курл пользовался немногими словами. Он называл типы ловушек, деревья, места в лесу, животных. Мальчик научился понимать, но сам пока не говорил.

— Ты идешь громко, как тапир.

Мальчик шел по сухим листьям. Он тут же послушно перешел на влажные листья, которые не хрустели.

Иногда мальчик ходил один вдоль ручья. Однажды за ним погнался кабан, и мальчик влез на дерево, сел на развилке ветки и смотрел на оскаленную морду со сломанным клыком. Затем он услышал мяукающий звук и увидел Тлото, бредущего к дереву. Мальчик закричал «уходи!» впервые с тех пор, как появился в лесу. Но Тлото не мог ни увидеть, ни услышать его.

Животное вдруг отвернулось от дерева и бро-

силось к Тлото. Тлото мгновением позже исчез. Мальчик слез с дерева и побежал по звуку кабана, продирающегося сквозь кусты. Он тоже пролез, выскочил на поляну и остановился.

Это была не поляна, а болото, покрытое плавающими листьями. Кабан наполовину увяз и отчаянно пытался выбраться. Тлото стоял на другом конце болота. Ноздри его дрожали, слепая голова поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Каким-то образом этот урод заманил кабана в болото. Животное, видимо, бежало слишком быстро и не успело остановиться. Мальчик обернулся. Позади него стоял Курл.

Визг, бульканье и тишина. Мальчик снова повернулся к болоту. Не было ни кабана, ни Тлото.

Курл повел мальчика обратно к их лагерю. Проходя мимо ручья, он увидел отпечатки ног мальчика и нахмурился.

— Оставлять следы в мокрой земле опасно. Хищные животные придут пить, унюхают тебя и пойдут за тобой. Что, если вместо того, чтобы бежать в болото, этот кабан начал охотиться за тобой? Если уж ты хочешь оставить следы, делай их на сухой пыли. Но лучше не оставляй вообще.

Мальчик слушал и запоминал. Но в эту ночь он отделил от своей порции большой кусок и отдал

Тлото, когда тот появился у костра.

— Он бесполезен, — сказал Курл. — Не трать свою еду на него. Впрочем, мы все гистосенты.

Мальчик хотел спросить, но не сумел и засмеялся. Курл удивленно посмотрел на него. Мальчик снова засмеялся. И Курл засмеялся тоже.

— Ты научишься. Научишься в конце концов. — Гигант стал серьезным. — Знаешь, это первый гистосентный звук, какой я услышал от тебя с тех пор, как ты здесь.

Мальчик нахмурился, и Курл повторил фразу. По лицу мальчика он понял, какие слова оказались непонятными. Он на минуту задумался.

— Ты, я, даже Тлото — гистосенты, деревья, камни, животные — нет. Ты смеешься — это гистосентный звук. Слово это исторически означало («чувствующий», и это значит, что ты знаешь, где ты был, где ты сейчас и куда пойдешь: оно также означает «оценивающий».

Мальчик посмотрел в ту сторону, куда исчез Тлото.

— Тебя интересует Тлото? Я расскажу тебе, как здесь живут, на материке, близко от радиации. Некоторые из наших племен ушли на тысячелетие вперед по цепи человеческой эволюции, другие пошли назад, но и те и другие — до той

точки, где могли поддерживать какой-то вид генетической стабильности. Но Тлото — таких, как он, сейчас очень мало — случайный бросок куда-то в сторону от человеческого спектра. Когда я вижу, что неандертальские ребятишки дразнят его, я всегда останавливаю их. По тем же причинам, я хотел бы, чтобы ты прекратил оказывать ему помощь… Но сейчас эти слова тебе не нужны.

Мальчик задумался. Гистосент? Откуда-то пришло к нему другое слово, притянутое по ассоциации рифмы, и затем по значению. Он пытался поставить одно слово перед другим, чтобы понять, которое было первым. Так начался процесс определения.

Мальчик наблюдал за Курлом, когда они встречали других лесных жителей. Часто были дружеские слова и ощущение добра. Но если встречался кто-то со шрамами, Курл как бы застывал.

Однажды мальчик подошел к храму на каменной платформе, на камне были вырезаны фигуры. Может, это были люди, но такие искаженные и деформированные, что стали почти неузнаваемыми. Разглядывая их, он заметил, что из храма вышел жрец и наблюдает за ним. Мальчик убежал.

Потом он пытался взобраться на гору. Это было трудным делом потому что весенние ручьи разбухли и заливали камни, и опора часто уходила из-под ног. Он встал на камень и посмотрел вниз по склону горы. Он высоко поднялся.

Однажды он с Курлом ставил ловушки на краю луга, в другом конце которого стоял покосившийся фермерский домик. Людей в нем не было. В другой раз они ставили ловушки на краю джунглей, за которыми земля была серая и растрескавшаяся, и на ней рядами стояли среди папоротников шаткие хижины. Многие из живущих там лесных людей имели рубцы и держались большими группами. Мальчик подумал, не увидит ли он с горы тот пустой луг или ряды тюремных хижин.

Сначала он услышал, потом почувствовал. Он хотел спуститься на более твердую почву, но не успел. Камень наклонился, сорвался с места, и мальчик упал. Ему вдруг вспомнились слова: «…колени вверх, подбородок вниз, и быстро катись», давным-давно сказанные девушкой. До следующего ровного места было, вероятно, футов двадцать. Три ветки сломались при его падении, он ударился о землю и покатился. Что-то — камень или гнилой сук — стукнулось о то место, где

он только что был. Затем он ударился обо что-то твердое и все вытянулось пеленой боли.

Много позже он открыл глаза. Боль была в ноге, да и вообще болела вся левая сторона тела. Он попытался ползти, но чуть не оторвал ногу. Кое-как приподнявшись, он оглянулся. Чурбан толще его тела лежал поперек его левой ноги. Он стал толкать его, но только потерял сознание от усилий и боли.

Придя в себя, он снова боролся с чурбаном, но забвение снова закрыло ему глаза.

Тлото дотянул Курла до середины горы, прежде чем гигант понял, в чем дело, и пустился бегом. Он нашел мальчика как раз перед заходом солнца. Мальчик тяжело дышал, глаза его были закрыты, кулаки сжаты. В пыли темнела засохшая кровь.

Большие темные руки взялись за бревно и стали двигать. Мальчик вскрикнул.

Руки стали поднимать бревно. Крик перешел в вопль. Бревно, поднимаясь, свезло кожу с ноги мальчика. Он снова взвыл.

Руки подняли мальчика. Они были теплые, держали крепко. Щека мальчика прижалась к жесткому мускулистому плечу, и он перестал кричать. Но боль не уходила. Первые слезы показались на глазах мальчика, и он плакал, пока

не уснул.

На следующий день Курл принес лекарство, сказал, что от жреца. Оно успокоило боль и помогло заживлению. Курл сделал для мальчика костыли. Мышцы и связки были сильно помяты, но кости остались целыми.

Вечером был дождь, и они ели под навесом. Тлото не пришел, но на этот раз Курл сам отложил кусок мяса и поглядывал сквозь мокрые деревья. После ужина Курл рассказал мальчику, как Тлото вел его. Затем Курл взял мясо и вышел под дождь.

Мальчик лег спать. Он подумал, что мясо было вознаграждением для Тлото, но Курл, казалось, был более серьезным, чем обычно. Последней мыслью мальчика перед сном, было удивление, каким образом слепой и глухой Тлото мог найти его.

Когда он проснулся, дождь прекратился. Воздух был сырым и холодным. Мальчик сел и вздрогнул от боли в ноге. Сквозь деревья мерцал лунный свет. Трижды раздался звук, чистый и далекий. Мальчик взял костыли и встал. Некоторое время он ждал, пока Курл придет и пойдет с ним.

В конце концов, он вздохнул и осторожно пошел. Он дошел до места, откуда можно бы-

ло увидеть сквозь мокрую листву каменную платформу внизу. Народ на ней уже собрался. Мальчик увидел жреца, оглядел круг людей. Среди них был Курл!

Жрец снова подул в раковину, и из храма вышли пленники, впереди три мальчика, затем девочка постарше и мужчина, а за ними… Тлото! Он был бел, как мрамор, в лунном свете. Изуродованные ноги волочились по камню. Безглазая голова растерянно качалась вправо-влево.

Когда жрец поднял свой тройной нож, мальчик судорожно сжал свои костыли. Жрец шел от одного пленника к другому. Тлото съежился. Когда нож опустился, у мальчика сжалось горло, как будто резали его собственную плоть.

Голоса смолкли, пленники были развязаны, и люди потянулись обратно в лес.

Мальчик пошел навстречу. Множество людей шло по тропам от каменного храма. Курл увидел его и отвел глаза. Затем сказал:

— Ты не понимаешь. Я должен был поймать его и отдать на отметку. Но ты ничего не понимаешь.

Мальчик почти не видел, где они идут. Он не сводил глаз с гиганта.

— Ты не понимаешь, — повторил Курл. — Это…

обычай. Важный обычай. Да, я понимаю, что ему было больно. Знаю, что он боялся, но это нужно было сделать. Тлото один из тех, кто знает мысли других. — Курл помолчал. — Я попробую объяснить, почему я должен был причинить боль твоему другу. Да, я знаю, что он твой друг. Но однажды я сказал, что Тлото — гистосент. Я ошибся. Тлото больше. Он и другие отмеченные — те, кто знает многое. Поэтому Тлото и выжил. Поэтому он знал, когда с тобой случилась беда. Он читал в твоей голове. У высокого народа родится много таких, и с каждым годом все больше. И как только мы их обнаруживаем, мы отмечаем их. Многие пытаются скрыть это, и иногда на долгое время. Ты понимаешь? Когда Тлото показал мне, где ты, он знал, что я буду знать, и что его схватят и отметят. Понимаешь? — он снова замолчал и поглядел на мальчика. В глазах его была боль. — Ты хочешь знать, зачем? Мы… в давние времена убивали их, когда находили. Теперь у нас спектр любви больше, чем у вас. Отметка напоминает им, что они хоть и другие, но все-таки те же, что и мы. Может, это и неправильно. Это не очень больно и скоро заживает. Во всяком случае, их больше не убивают. Мы знаем, что они важны… — он вдруг вспомнил, что мальчика привезли в лес,

поскольку герцогиня решила, что это необходимо для его безопасности. — Я ошибся. Мне очень жаль. Я завтра поговорю с жрецами.

Они шли, пока заря не осветила небо за лесом. Курл сказал:

— Я хочу показать тебе кое-что. Мы уже близко, а погода подходящая.

Через несколько минут они стояли на маленьком утесе. Бледно-золотой туман тянулся через все небо. В центре горизонта пылало туманное солнце, а внизу проглядывала вода цвета пламени, не имеющая конца и края.

— Это озеро между этой горой и следующей, — сказал Курл, указывая на воду. Ты видишь, что они там делают? Нет, туман слишком густой. Но посмотри на озеро.

— Я думал… — с некоторым усилием сказал мальчик. — Я думал, это море.

Курл улыбнулся. Рядом с ним появилась фигура Тлото. Капли с мокрой листвы стекали по его шее и спине, по засохшей крови на лице. Он поворачивал пустое лицо вправо и влево, и со всеми, кто его знал, мог общаться без страха.

ГЛАВА 8

Кли Кошер была устроена в правительственном офисе на три дня... Заметки о субтригонометрических функциях, над которыми она работала, были убраны в стол, когда она впервые сделала открытие, обеспечивающее ей постоянное место в истории Торомонских войн как первого военного героя. Она стукнула кулаком по компьютеру, швырнула ручку и позвонила в Военное министерство.

Тумара пришлось ждать десять минут. Затем его рыжая голова появилась в видеофоне. Он улыбнулся.

— Привет!

— Привет и тебе, — сказала она. — Я только что просмотрела те цифры, которые твои люди послали насчет сведений из радиационного барьера, и старые записи времен разрушения Тилфара. Тумар, я даже не собиралась вводить их в компьютер, я только посмотрела на них. Эта радиация была создана искусственно! Ее рост полностью равномерен. Во всяком случае, на второй производной. Схема увеличения такова, что там не может быть больше двух простых

генераторов или одного комплексного…

— Давай помедленее, — сказал Тумар. — Что ты имеешь в виду с этими генераторами?

— Радиационный барьер, или большая его часть, поддерживался искусственно. Там не больше двух генераторов, а может, и один.

— А как можно поддерживать радиацию?

— Я не знаю. Но кто-то это делает.

— Не хочу критиковать тебя, гения, но почему никто раньше не подсчитал этого?

— Наверное, никто не думал о такой возможности, а может, если и думал, но не хотел бесплатно выводить вторую производную, а то и вообще поленился взглянуть на цифры, а прямо сунул их в компьютер. За двадцать минут я вычислю для тебя этот участок.

— Давай, а я пока узнаю, кто хотел получить это. Ты знаешь, что это первая часть важной информации, которую мы должны получить от всей батареи логарифмических линеек, собранных здесь? Я так и думал, что это скорее всего придет от тебя. Спасибо, если мы сможем этим воспользоваться.

Она послала ему воздушный поцелуй и снова достала свои записи. Через десять минут затрещал телефон. Она обернулась, попыталась

вызвать оператора, но не смогла. Она взяла со стола карманный набор инструментов и собралась атаковать паз частотного фильтра, но треск усилился, и она услышала голос. Она положила отвертку обратно на стол. На экране мелькнуло лицо и исчезло. Черные волосы, лицо вроде знакомое, но оно пропало раньше, чем она успела его разглядеть.

Пересеклись сигналы с другой линии, подумала она. Может быть, замыкание в настраивающем механизме. Она снова взглянула на свою записную книжку, но на экране снова вспыхнуло изображение. Теперь уже четкое, стабильное. Она не сразу сообразила, что лицо мужчины на экране очень похоже на ее собственное.

— Привет, — сказал мужчина. — Привет, Кли.

— Кто это?

— Это Джон.

Она неподвижно сидела, стараясь соединить две половины чего-то (как принц в лесу чувствовал, что такая же вещь разорвалась). Ей это удалось.

— Предполагалось, что ты… умер. Я имею в виду, что я так думала. Где ты, Джон?

— Кли… мне нужно поговорить с тобой.

Пять секунд молчания.

— Джон, Джон, как ты?

— Прекрасно. Правда, я больше не в тюрьме. Я давно оттуда, и сделал кучу вещей. Но мне нужна твоя помощь, Кли.

— Конечно, только скажи, чем я могу помочь. Чего ты от меня хочешь?

— Ты хочешь знать, где я и что делаю? Я в Тилфаре и пытаюсь остановить войну.

— В Тилфаре?

— Есть кое-что за радиационным барьером. Я хочу пройти через него и посмотреть, что можно сделать. Но мне нужна помощь из дома. Я наладил связь с Тороном. Здесь куча всякого оборудования, которое более или менее мое, если бы я знал, как им пользоваться. И мне нужен друг, который в этом разбирается, и которому я могу доверять. Я знаю, что ты пользуешься вниманием майора Тумара, и знаю, что он один из немногих по-настоящему ценных людей во всем этом военном винограде. Кли, за мертвым городом есть нечто враждебное Торомону, но война — не ответ. Война вызвана беспорядком в Торомоне, но она не вылечит этого. Положение с эмиграцией, положение с пищей, избыток рабочей силы, инфляция — вот причины войны. Если ее остановить, то с тем, что есть здесь, можно

решить вопрос быстро и мирно. Вы в Тороне даже не знаете, кто ваш враг, и он не позволит вам узнать этого, даже если бы сам себя знал.

— А ты знаешь? — спросила Кли.

Джон помолчал.

— Кто бы он ни был, война не изгонит его.

— А ты можешь?

Джон снова сделал паузу.

— Да, я не могу сказать тебе сейчас, скажу только, что доставить ему неприятности много проще, чем в Торомоне.

— Джон, на что похож Тилфар? Ты знаешь, что я помогу тебе, если смогу, но расскажи.

Джон глубоко вздохнул.

— Кли, он похож на открытую могилу. Он ничуть не напоминает Торон. Он был хорошо спланирован, все улицы прямые, нет Адского Котла и не могло быть. Дороги вьются над землей среди высотных зданий. Сейчас я нахожусь в Звездном Дворце, это было великолепное здание. Оно и сейчас прекрасно, здесь были поразительные лаборатории, залы, где потолки воспроизводят звезды. Электроустановки все еще работают. В большинстве домов есть освещение. Правда, водопровод в городе наполовину разрушен, но во Дворце работает. Наверное, в Тилфаре было

очень хорошо жить. Когда жители отсюда эвакуировались во время подъема радиации, почти ничего не было разграблено.

— Радиация… — начала Кли.

Джон засмеялся.

— О, это нас не беспокоит. Сейчас долго объяснять, но в самом деле не беспокоит.

— Я не это имела в виду. Я поняла, что раз ты жив, значит, радиация тебе не мешает. Но, Джон, дело не в правительственной пропаганде, потому что я сама сделала открытие: что-то за барьером создает усиление радиации, погубившее Тилфар. Где-то поблизости от Тилфара есть прожектор, вызвавший подъем радиации, и он функционирует до сих пор. Это еще не опубликовано, но прекратить нашу войну, тебе не удастся, потому что правительство получит основание свалить разрушение Тилфара на врага. Им только того и надо.

— Кли, я еще не кончил рассказывать о Тилфаре. Я говорил, что электричество работает. Так вот, если ты войдешь в какой-нибудь дом и включишь свет, ты увидишь на полу трупы шестидесятилетней давности. На дорогах через каждые сто футов следы аварий. На Звездном стадионе около десяти тысяч мертвецов. Не очень

приятное зрелище. Я и Эркор — единственные, кто имеет какое-то представление об итогах разрушения Тилфара.

— Джон, но я ведь не могу взять обратно информацию…

— Нет-нет, я не прошу тебя об этом. Тем более, что я слышал твой последний разговор, и знаю, что информация уже ушла. Я хочу, чтобы ты сделала для меня две вещи. Одна касается отца, вторая — послать сообщение. Я подслушал телефонное совещание между первым министром Черджилом и несколькими членами Совета. Они собираются просить у отца крупную сумму денег на финансирование наступления в этой войне. Попытайся убедить его, что это принесет больше вреда, чем пользы. У тебя, Кли, математический ум. Покажи ему, как все это работает. Он не думает, что несет такую же ответственность, как и все. Пригляди, чтобы его продукция не наводняла город. И ради спасения Торомона, вплотную следи за его контролерами. Они готовы утопить остров в море своими перекрестными интригами. Видишь ли, я могу только навести тебя на правильный след, а ты уж сама пойдешь дальше. Теперь насчет сообщения: я не могу пробиться в систему королевского дворца. Могу

только подслушивать. Надо передать сообщение герцогине Петре. Скажи ей, чтобы она в ближайшие сорок восемь часов отправилась в Тилфар по транзитной ленте. Скажи ей, что она обязана помочь двум ребяткам, особенно девочке. Она сообразит, кто они.

Кли записала.

— А разве транзитная линия работает? — спросила она.

— Когда я бежал из тюрьмы, она работала. С чего бы ей сейчас остановиться?

— Ты пользовался ей? Значит, ты был в Тороне?

— Да. Я был на твоем балу.

— Значит… — она остановилась и засмеялась. — Я так рада, Джон. Я так рада, что это и в самом деле был ты!

— Ну, сестричка, расскажи о себе. И что произошло в реальном мире? Я долго был вдали от него, и здесь, в Тилфаре, не чувствую себя много ближе. Тем более, я теперь хожу в чем мать родила. На нашем пути мы попали в темную ситуацию, и мне пришлось бросить свою одежду, чтобы меня не схватили. Потом объясню. Как ты?

— Да нечего рассказывать. Я получила степень с отличием. Выросла. Помолвлена с Тумаром,

ты ведь об этом знаешь. Папа одобряет, и мы поженимся, когда кончится война. Я работаю над проектом определения обратных тригонометрических функций. Вот самые важные события в моей жизни. Считается, что я работаю на военные нужды, но до сегодняшнего дня я мало что сделала.

— Прекрасно. Пропорция примерно правильная.

— А как ты? И что насчет одежды? — она хихикнула, и он ответил тем же.

— Видишь ли… Да нет, ты не поверишь, если я расскажу о необыкновенном. Здесь со мной Эркор, друг из лесных жителей. Он оставил лес, чтобы пожить некоторое время в Тороне, там мы и встретились. По-видимому, ему удалось собрать поразительный запас информации о всевозможных вещах — электронике, языках и даже музыке. Можно подумать, что он читает мысли. И мы прошли через лес, через тюремные рудники в Тилфар.

— Джон, что это за рудники? Меня всегда интересовало, как папа мог пользоваться тетроном, зная, что тебя погнали добывать его.

— Как-нибудь вечером мы с тобой выпьем и я расскажу тебе, что за штука рудники. Но не сей-

час. Когда будешь убеждать отца, заведи разговор обо мне и рудниках.

— Будь спокоен. Сделаю.

— Так вот, — продолжал Джон, — мы с Эркором тайно шли через лес, а там из-за листьев здорово темно. Эркор прошел бы, он лесной житель, его никто не остановит, а чтобы не увидели меня, я большую часть пути шел голый, как яйцо.

— Не понимаю, Джон, ты, часом, не заговариваешься?

Джон засмеялся.

— Нет, конечно. Со мной все в порядке. Только сейчас я не могу тебе объяснить все. Если мне посчастливится увидеться с тобой снова, я расскажу. Ох, сестричка, я так давно мечтаю быть свободным, увидеться с тобой, отцом и… Нет, со мной все в порядке, просто шмыгнул носом.

У нее брызнули слезы и покатились по щекам.

— Вот видишь, что ты сделал, — сказала она, и оба засмеялись. — Увидеть тебя снова, Джон, это так… замечательно!

— Я очень люблю тебя, сестричка. Спасибо, и до скорого.

— Я передам твое послание. До свидания.

Видеофон потемнел, и она села, надеясь, что напряжение не слишком сильно. Ей надо было

передать сообщение.

ГЛАВА 9

В течение следующих двух часов умерло два человека, находившихся за много миль друг от друга.

— Не дури, — говорила Рэра в гостинице Адского Котла. — Я отличная сиделка. Хочешь, покажу лицензию?

Седовласый Джерин сидел в кресле у окна.

— Зачем я это сделал? — говорил он. — Это было неправильно… Я люблю свою страну.

Рэра сняла одеяло со спинки кресла и закутала дрожащие плечи старика.

— О чем ты? — спросила она, но родимое пятно на щеке стало пурпурным от волнения.

Он скинул одеяло и показал на стол, где лежало старое объявление:

ПРИНЦ ПОХИЩЕН
КОРОЛЬ ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ

Плечи Джерина затряслись сильнее. Он встал.

— Сядь, — сказала Рэра. — Не волнуйся, сядь.

Джерин опустился в кресло и повернулся к

ней.

— Неужели я развязал войну? Я же хотел только остановить ее. А если бы…

— Сиди спокойно. Если тебе нужно говорить с кем-нибудь — говори со мной. Я могу тебе ответить. Нет, Джерин, не ты начал войну.

Джерин снова встал, покачнулся, оперся руками о стол и закашлялся.

— Пожалей ты себя, — закричала Рэра, пытаясь снова усадить старика. — Ты же болен! Сядь и успокойся!

Снаружи послышалось слабое биение лопастей вертолета. Джерин повернулся в кресле и вдруг откинулся назад, запрокинув голову. Рэра бросилась к нему.

— Прекрати, — шептала она, — прекрати, иначе ты повредишь себя.

Наконец Джерин поднял голову.

— Война! Меня заставили начать ее…

— Тебя никто ничего не заставлял, и не ты начал войну.

— Ты уверена? Нет, откуда тебе знать? Никто не знает. Никто.

— Успокойся, пожалуйста, — повторила Рэра, поднимая одеяло.

Джерин расслабился. Слабость прошла по все-

му телу, начиная с рук. Опустились плечи, голова подалась вперед, живот ослаб, спина согнулась. Хрупкий орган, посылающий жизнь в его увядшее семидесятилетнее тело, затрясся в слабой груди и остановился. Джерин сполз на пол.

Не зная, что он умер, Рэра пыталась посадить его в кресло. В это время лопасти вертолета зажжужали очень громко. Рэра увидела, что окно закрыла тень.

— Боже! — прошептала она.

Стекло разлетелось. Она закричала, бросилась к двери и выскочила, захлопывая ее за собой.

Гибкая металлическая лестница зацепилась за окно, и в комнату вошли двое с зажигающими ножами. Они подняли тело и вынесли через окно. На их рукавах были эмблемы королевской дворцовой стражи.

Тил бежал по улице, потому что кто-то преследовал его. Он нырнул в переулок и помчался по каменистым ступенькам. Где-то над головой шумел вертолет.

Сердце Тила билось, как море, как океан. Однажды он заглянул в трещину между прозрачной водой и вершиной обычно затопленной пещеры и увидел оранжевые морские звезды, вцепившиеся в мокрый камень. Теперь он сам попал в ловушку

пещеры города, и прибой страха поднялся, чтобы закрыть его там. Над ним прошли шаги.

Поблизости была лесенка, и двери трапа, который мог вывести Тила в коридор многоэтажного дома. Тил вошел туда, свернул к лестнице на крышу. Выбравшись, он подошел к краю и заглянул в переулок. Двое мужчин, наверное, те самые, что бежали за ним, шли навстречу друг другу с двух концов переулка. Когда они встретились, один указал на крышу.

— Черт побери! — пробормотал Тил, поспешно отступая, и вдруг раскрыл рот от изумления: вертолет завис над ним.

На Тила упало что-то легкое. Он стал отбиваться, но оно оказалось сильнее. Оно сбило его с ног, а затем поднялось вместе с ним. Тут только он сообразил, что это сеть. Она тащила его вверх, к вертолету.

Получив приказ, он даже не имел времени проститься с Кли. Два математика из корпуса высказали соответствующее почтение открытию Кли и приступили к определению местонахождения генератора. Один из имеющих какое-то отношение к этому делу генералов, работающих над стратегией, которую Тумар не вполне понимал, решил, что сейчас самое время для удара.

Тень от контрольной башни упала через обзорный экран и скользнула по лицу Тумара. Он снял темные очки и вздохнул. Сражение. Как, черт побери, они должны сражаться? Беспорядок, дезорганизованность вначале производили на него впечатление фарса. Но после отравленной рыбы фарс уже не был смешным.

Здания аэродрома ушли вниз и назад. Транзитная лента сверкнула под ним, когда шесть других самолетов звена поднялись позади. Через мгновение остров стал ущельем тьмы на гребне вечернего моря.

Темно-синий горизонт окаймляли облака. Виднелось три звезды, на которые он, бывало, смотрел мальчишкой, когда кончалась работа от зари до зари.

Контрольные аппараты были установлены, делать было нечего, кроме как ждать.

На конце металлической ленты был прозрачный хрустальный шар пятнадцати футов в диаметре. Он парил над приемной платформой. Десять маленьких тетроновых приборов стояли вдоль стен. У окна панель с сорока девятью ярко-красными кнопками в положении «выключено». Два человека стояли на узком мостике над приемной платформой: один молодой, черноволосый,

другой — темнокожий гигант с тремя шрамами на левой щеке. В другой комнате сидели на зеленом бархате ссохшиеся тела.

Вечер в солярии на верхнем этаже главного медицинского здания. Пациенты готовились к тому, что их отведут из шезлонгов и карточных столов обратно под стеклянные крыши в палаты. Затем звук бьющегося стекла. Взвизгнула одна женщина, завизжали и другие пациенты.

Алтер услышала рев вертолета. Люди побежали. Внезапно толпа пациентов в купальных халатах раздалась, и Алтер все увидела.

Стеклянный купол был разбит у края, и от вертолета к солярию тянулся металлический трап. По нему шли люди с эмблемами королевской стражи. Алтер стиснула зубы и пошла следом за медсестрой. Люди с эмблемами, подняв зажигающие ножи, уже шли среди опрокинутых карточных столов. Боже, они идут к ней!

В тот миг, когда стражники увидели ее, она поняла, что единственная возможность убежать — это сразу броситься через ограждение солярия к лестнице. Она наклонила голову, пробиваясь сквозь толпу больных, и понеслась, удивляясь, почему она так сглупила и не убежала раньше.

Стражник метнулся за ней, она снова услышала

визг и крики.

Она упала на твердый металлический пол и почувствовала боль под гипсовой повязкой. Стражник хотел поднять ее, и она ударила его по шее ребром ладони. Он пошатнулся, а она сама поскользнулась. Затем кто-то схватил ее за волосы и оттянул голову назад. Она закрыла глаза, затем снова открыла, увидела надвигающуюся через купол солярия ночь. Мимо нее прошел разбитый край стекла, стало холоднее, и вертолет ревел прямо над ней.

— На курсе?

— Ничего путного на курсе, — ответил Тумар в микрофон. Внизу скользила земля.

— Что вы об этом думаете, майор? — спросил голос из переговорника.

— Ничего не думаю. Просто жду. Смешно даже, что вы в этой армии в основном ждете. Сначала вы ждете, когда можно будет выйти и сражаться, а как только выйдете, начинаете ждать, когда можно будет вернуться обратно.

— Хотел бы я знать, как это будет выглядеть.

— Несколько бомб на генератор, затем активное сражение, и все счастливы.

Смех.

— А если они отразят «активность»?

— Если они покалечат наши самолеты, как делали раньше, мы вернемся на остров.

— Хотел бы я, чтобы было светло и вы видели, что будем делать.

— Хватит скулить.

— Эй, майор, я изобрел новую игру в кости.

— С тебя станется.

— Возьмите пятнадцать монет по сотой части деньги, и расположите их квадратом 4 X 4 с одним недостающим углом. Затем берете шестнадцатую монету и бросаете ее под углом в 45 градусов к диагонали в пустой угол. Как бы вы это не сделали, если все монеты соприкасаются в квадрате, две монеты из семи в дальнем конце вылетят. Каждая имеет номер, и два номера вылетевших все равно что две цифры, которые выпадают на костях. Это лучше, чем обычные кости, потому что в некоторых комбинациях шансы повышаются. Ну, конечно, имеет значение и ловкость. Парни назвали эту игру «слумат», то есть «случайные числа» и «матрица».

— Как-нибудь я сыграю с тобой в эту игру, — сказал Тумар. — А знаешь, если взять в качестве биты меньшую по размеру монету, скажем, в десятую часть деньги, то шансы, что она выбьет обе угловые монеты повысятся.

— В самом деле?

— Верно. Моя подруга — математик, и она както говорила мне, насчет вероятности. Я уверен, что она заинтересовалась бы этой игрой.

— Знаете, майор?

— Ну?

— Я думаю, вы самый лучший офицер в этой чертовой армии.

Таков был разговор перед первым военным сражением.

Таков был разговор, который вел Джон Кошер в лаборатории Звездного Дворца в Тилфаре.

— О, черт побери, — сказал он. — Пойдем, Эркор. Нам лучше пойти. Если герцогиня с Джерином не появятся здесь в ближайшее время, то... Ну, об этом лучше не думать. — Он написал записку, пристроил ее перед видеофоном и набрал на другом номер станции на приемной платформе транзитной ленты. — Вот это инструкции ей следовать за нами, как только она здесь появится. И ей не стоит пренебрегать этой инструкцией.

На улице ждали два кара: их управление было поставлено на движение в одном и том же направлении. Джон и Эркор сели в один кар, нажали кнопку, и он помчался по дороге надземной. Белый ртутный свет заливал полосу, пока

машины кружились по мертвому городу.

Дорога опустилась, дома с обеих сторон стали ниже. Горизонт сиял. Желтые облака клонились к желтому позднему вечеру. Над головой послышался звук летящих самолетов.

Когда кар остановился у перегороженных границ последнего предместья Тилфара, с горизонта вдруг полетела белая полоска.

— Ого, — сказал Джон, — этого я и боялся.

Что-то загорелось в воздухе, дико завертелось и стало кругами спускаться вниз.

— Майор! Майор! Что случилось с Д-42? Что-то взяло его и тянет вверх. И всех тянет!

— Мы не можем обнаружить это. Откуда оно?

— Ломайте строй! Ломайте, я сказал!

— Майор, я собираюсь бросить бомбу. Может, при ее свете мы увидим, откуда это идет.

— Бросай!

— Майор Тумар, говорит Б-4. Мы… — неразборчивый шум.

Еще кто-то медленно шипел в микрофон.

— Ломайте строй, я говорю! Ломайте!

Над самолетом полыхал огонь и Джон с Эркором попятились от перил, ограждающих дорогу. От горизонта отделилась еще одна белая полоса. Через секунду долетел звук взрыва. Другой звук

позади заставил их обернуться. К ним подъезжал кар. Освещенные дороги Тилфара окружили городские башни, как нитки жемчуга на шее скелета.

Еще один воющий снаряд показался в небе, и через секунду самолет понесся вниз. Он пролетел так близко над их головами, что они присели, а затем исчез среди башен. Взрыв, и пламя перекинулось на здания.

— Надеюсь, это не рядом со Звездным Дворцом, — сказал голос возле Джона, — а то нам понадобится масса времени для возвращения. — Герцогиня вышла из кара.

— Нет, это не рядом, — сказал Джон. — Рад вас видеть.

Вслед за герцогиней из кара вышли Тил и Алтер. Девушка была в больничной одежде и с загипсованной рукой.

— Прекрасно, — сказал Джон, — значит, вы привезли и ребят.

— Это лучше, чем оставить их в Тороне, Джон, Джерин умер. Я спрашивала, что делать, но ответа не получила. Так что мы на всякий случай приволокли его тело.

— Что нам теперь делать?

Эркор у перил засмеялся.

— Ничего смешного нет, — сказал Джон.

Герцогиня посмотрела вверх, где разорвался еще один снаряд.

— Я надеялась, что этого не случится. Это означает настоящую войну. Джон, ее уже не остановить.

Еще один самолет упал, на этот раз совсем близко, и они бросились за кары.

— Ну и ну! — вздохнул Алтер.

— Пошли, — сказал Эркор.

— Куда? — спросил Джон.

— Идите за мной.

— А как с Джерином?

— Оставьте его здесь. Его тело не может помочь.

— Значит, ты знаешь, что делать? — спросил Джон.

— Лучше, чем когда знал Джерин, — ответил гигант. — Пошли!

Они нырнули под ограду и пошли по каменистому пустырю.

— Куда мы идем? — шепотом спросил Тил.

— Хороший вопрос, — отозвался Джон.

Самолет накренился, и за те несколько секунд, пока стрелки качались, Тумар не знал, куда он летит — на восток или на запад, вверх или вниз.

Внезапно в полутьме кабины вспыхнул зеленый свет. Генератор! Радиационный генератор был прямо под ним. Затем Тумара ослепила белая вспышка за экраном. О, боже!

Он почувствовал толчок, и воздух вдруг понесся назад. Адский грохот, а стрелка спокойно покачивалась. Он падал! Земля стала дыбом перед обзорным стеклом. На ней стоял маленький блокгауз с тремя крутящимися антеннами на крыше. Наверняка это он и есть!

Руки и пальцы Тумара действовали сами собой, без участия головы, потому что он вдруг толкнул рукоятку вперед, самолет, бывший слева от блокгауза, повернулся, и Тумар смотрел прямо вниз. И стал приближаться…

Конечно, действовали только его руки, потому что голова думала о том времени, когда девушка с жемчугом в черных волосах спрашивала его, чего он желал, и он ответил «Ничего». А сейчас он осознал, что ошибся, потому что вдруг сильно пожелал…

(Блокгауз подскочил и ударил его) …ничего.

Тил и герцогиня закричали. Остальные только откачнулись назад.

— Он внутри, — сказал Эркор. — Ваш Лорд Пламени.

Ландшафт пылал вторгнувшимся светом факела. Они увидели блокгауз с его крутящимися антеннами на крыше. Перед тем, как самолет упал, сбоку блокгауза открылось отверстие, и три фигуры побежали по камням.

— Средний, — сказал Эркор. — Смотрите на него, сосредоточьтесь на нем.

— Что ты… — начал Тил.

— Ты пойдешь со мной, мальчик, — сказал Эркор, но не двинулся.

Две фигуры упали, а средняя бежала к Эркору, и его спутникам. Факел взметнулся, и тень внезапно понеслась по неровной дороге навстречу им.

ГЛАВА 10

Зелень пчелиных крыльев… красный цвет полированного карбункула… паутина серебряного огня… и сквозь плывущий синий туман Джон метнулся через небо.

Чернота, страшная и холодная. Рваный горизонт футах в десяти. Джон вытянул когти и со знанием дела пополз через трещину, но очень медленно. Небо было резко звездное, солнце едва виднелось в своем световом кольце. Как скользящий пузырь, Джон осторожно пристроился

на краю камня, который кружился где-то между Марсом и Юпитером. Теперь он потянулся своим мозгом, чтобы коснуться этого создания на другом камне.

— Петра, где он?

— Его орбита должна пройти между нами через полторы минуты.

— Хорошо.

— Джон, кто этот третий? Я так и не поняла.

Другой мозг коснулся их.

— Ты еще не поняла? Я третий, я всегда был им. Я тот, кто направлял Джерина к созданию плана похищения. Джон, почему ты решил, что он в контакте с тройным существом?

— Не знаю, — сказал Джон. — Какое-то недоразумение.

Тил засмеялся и сказал:

— Эй, друзья, мы с Эркором.

— Тихо, — сказала Алтер. — Недоразумение произошло по моей вине, Джон. Я сказала тебе, что Джерин разговаривает сам с собой, вот ты и подумал, что это он.

— Готовьтесь, — сказала Петра. — Он идет сюда.

Джон увидел, вернее, почувствовал, что к ним приближается другой крутящийся астероид. И

обитаемый! Да! *Лорд Пламени*! Все трое бросили свои мысли через пространство. Вот…

Ревущий пар кружился над ним. Он поднял глаза-стебельки еще на пятнадцать футов, посмотрел на вершину водопада в каких-то четырех милях наверху. Затем опустил сифон на край каменного бассейна и напился. Далеко в берилловом небе три солнца дико носились друг за другом и давали мало тепла этой самой далекой из их шести планет.

Джон опустил свои скользуны, чтобы отползти от метанового водопада и подняться почти по вертикальному склону горы.

Кто-то двигался ему навстречу и приветливо махал блестяще-красными глазами-стебельками. «Привет новому контакту» просигналили глаза-стебельки.

Джон отсигналил в ответ, но вдруг сообразил (ощущение в задней части скользунов), кто это. Лорд Пламени! Джон прыгнул вперед и нанес двойной удар кожистой плотью по своему противнику и снова пополз вверх.

Внезапно его глаза-стебельки заметили крупную фигуру. Это, вероятно, Эркор идет вниз с Тилом и Алтер. Да, точно: фигура вдруг сделала летящий прыжок между двумя скалами, что

можно было сделать только под надзором девушки-акробатки. Чуть позднее он увидел Петру, которая подошла к другому берегу метановой реки. Пользуясь своими скользунами как веслами, она быстро перебралась через пенный поток.

Думать о нем, сосредоточиться… Вот…

Воздух был чистым, в пустыне тишина, и он лежал в теплом песке под светом луны. Он наращивал, добавлял грани: он дал свету проникнуть в свое прозрачное тело, уменьшив поляризацию перекрещивающихся частот. Свет был прекрасен, даже слишком прекрасен — опасен! Джон начал пульсировать, краснеть. Его основание горело бурым жаром, уже второй слой песка под ним расплавился и стал частью его кристаллического тела.

Он поднял поляризацию: тело затуманилось и стало остывать. Музыка пела в нем, и его громадная верхняя грань отражала звезды.

Он еще раз понизил поляризацию, и свет вползал все дальше в его существо. Его температура поднималась. Его прозрачность залили вибрации. Музыка заставила танцевать три пыльные частицы, которые поселились на его колоссальном лице семьсот тридцать лет назад. Он чувствовал их отражение глубоко в своем приз-

матическом центре.

Затем это пришло. Он пытался остановить это, но поляризационный индекс вдруг полностью сломался. Из-за одного страшного мига экстаза свет луны и звезд полностью прошел через него. Струна за струной лопались в ночной пустыне. Вибрация шла по его осям, потрясая его субстанцию, дергая и колотя его. На секунду он стал полностью прозрачным, а в следующую раскалился добела. До того, как расплавиться, он почувствовал начинающийся треск.

Треск прошел по всей длине его сорокадвухмильного тела. Теперь он состоял из двух частей. Двенадцать кусков отпали. Снова лопнула струна, и ее стон заживо разрезал его. В нем было почти тридцать шесть тысяч отдельных кристаллов, каждый из которых должен был снова расти, тридцать шесть тысяч мозгов. Теперь же у него их нет.

— Джон, — пропел голос.

— Я здесь, Петра, — прогудел он. Нота была отличная, на четверть тона ниже ля бемоль. Отличная! Отнюдь не неумелая!

— Где Эркор?

Слева прозвучала тройная нота ми бемоль минор (Эркор, Тил, Алтер):

— Здесь.

Как только они вошли в контакт до того, как музыка смолкнет и их мысли снова разделятся, станут индивидуальными и они потеряют сознание друг друга и сотен других кристаллов, что лежат в пустыне под чистой бесконечной ночью — именно тогда между ними вторгся диссонанс, скрипучий, неприятный.

— Вот, — пела Петра.

— Вот, — гудел Джон.

— Вот, — пришла триада ми бемоль минор. — Лорд Пламени.

Они сосредоточились: наладили свои мысли против диссонанса.

Джон перекатился на спину, сдернул шелк со своих белых плеч и потянулся. Сквозь синие колонны виднелось желтое вечернее небо. Из-под балкона доносилась легкая и быстрая музыка. Рядом раздался голос:

— Ваше Величество! Вам нельзя отдыхать сейчас. Все ждут, когда вы спуститесь. Тлтлтрит будет в ярости, если вы опоздаете.

— А мне наплевать, — ответил Джон. — Где мое платье?

Горничная быстро вышла и вернулась с прозрачным мерцающим платьем, в котором были

вплетены нити королевского черного цвета. Оно легло складками на плечи Джона, задрапировало грудь и бедра.

— Зеркало! — сказал Джон.

Горничная подала зеркало, и Джон взглянул в него. Длинные раскосые, широко расставленные глаза на белоснежном лице с высокими скулами. Под прозрачной тканью выступали полные груди, тонкая талия переходила в пышные соблазнительные бедра. Джон чуть не присвистнул, глядя на свое отражение.

Горничная надела на его ноги крошечные пластиковые сандалии и Джон пошел к лестнице. Толпа внизу одобрительно зашепталась, когда он начал спускаться. На одной колонне висела клетка с трехголовой птицей, пение которой заглушало оркестр. Это нелегко было сделать, потому что оркестр состоял из четырнадцати медных инструментов (четырнадцать — королевское число).

Джон остановился на ступеньках.

— Не беспокойтесь, — сказала горничная, — я позади вас.

Джон вдруг почувствовал ужас.

— Это вы, Петра? — мысленно спросил он.

— Как я уже сказала, я прямо за вами.

— Как я попал в это тело?

— Не знаю, дорогой, но выглядите вы потрясающе.

— Спасибо, — сказал он, мысленно проецируя насмешливую улыбку. — Где Эркор и К^0?

Музыка смолкла. Осталось только пение трехголосой птицы.

— Вот они.

Духовые инструменты снова взревели и у входа в зал народ расступился в обе стороны. В дверях стоял Тлтлтрит. Он был высоким и смуглым, в его плаще было много больше черных нитей, чем в платье Джона. Он шагнул вперед с обнаженным мечом.

— Ваше правление кончено, дочь Солнца, — объявил он. — Время для нового цикла.

— Прекрасно, — сказал Джон.

Волна снова с грохотом набежала на берег. Джон откачнулся назад, когда она запенилась на песке. Небо было сине-черное. Он поднес к губам пальцы — семь длинных зубцов, соединенных перепонками — и завыл в ночь. Он поднял прозрачные веки с громадных светящихся глаз, чтобы посмотреть, нет ли хоть слабого следа судна. В глаза летели брызги, и он хлопал поочередно всеми тремя веками. Он снова завыл, и

вторая волна выросла перед ним.

Он открыл два непрозрачных века, и ему показалось, что он видит вдали пятиугольный парус, синий, мокрый, надутый. Джон снова поднял веки, и увидел, как ему казалось, фигуры на волнистом гамаке судна. На синем парусе белый круг Мастера Рыбака. Мастер Рыбак — его родитель, и он идет за ним, Джоном.

Взлетела новая большая волна, и он согнулся в пене, глубоко вонзив ноги в галечный берег.

Судно царапнуло по отмели. Они все выскочили. У одного на шее была цепь с печатью Мастера Рыбака. Другой нес семизубец, еще двое были просто рабочими руками и носили отличительные черные пояса из раковин килпода.

— Мой отпрыск, — сказал тот, что с печатью. — Мои плавники болели за тебя. Я думал, что нам уже никогда не плавать вместе.

Он наклонился и поднял Джона на руки. Джон прижался к родительской груди.

— Я испугался, — сказал он.

— Я тоже, — засмеялся родитель. — Зачем ты заплыл так далеко?

— Я хотел увидеть остров. Но пока я плыл, я увидел…

— Что?

Джон опустил веки. Родитель снова засмеялся.

— Ты спишь. Пошли.

Джон чувствовал, как его несут в волны. Брызги казались теперь теплыми. Страха у него не было, он распустил жаберные щели, и вода летела через него. Все поднялись на судно.

Ветер надул парус. Длинные облака кружились вокруг лун-близнецов, как зубья рыболовных вил, которыми рыбаки салютовали священным утренним звездам, когда возвращались с лова. Он качался на воде. Родитель привязал его за судном, и он так и плыл на конце веревки. Вода окатывала его плечи, скользила под вялым спинным плавником. Ему приснилось существо, которым он был, когда рос сначала под водой, а потом поднялся наверх… Он вдруг застонал и потряс головой.

Он услышал, что другие на судне шлепали перепончатыми ногами по мокрым доскам. Он открыл глаза и взглянул вверх. Двое гребцов, держась за распоры, указывали на воду. Его родитель подошел к ним с гарпуном, и к ним присоединился Второй Рыбак.

Джон вылез из воды на мостик. Родитель обнял его одной рукой и притянул к себе, а другой коснулся печати власти, словно, она давала ему

какую-то защиту.

— Вот оно! — закричал Джон. — Это я и видел! Поэтому я и боялся плыть обратно. («Он идет сюда», — сказал Эркор. — «Он уже здесь», — сказал Джон.)

Под поверхностью воды мерцал фосфоресцирующий диск. Второй рыбак поднял гарпун.

— Что это? — спросил он. («Какой он на этот раз?» — спросила Петра.)

Неопределенное, сверкающее, размером с судно нечто плыло почти в трех гребках от них под поверхностью воды.

(«Я хочу посмотреть», — сказала Петра).

Второй Рыбак вдруг нырнул и исчез. Джон и его родитель, держась за остов судна, ушли под воду, где можно было лучше видеть.

Сквозь воду Джон увидел Второго Рыбака, подплывающего к огромной светящейся полусфере, которая покачивалась вдали. Второй Рыбак остановился, сделал двойной поворот и очутился рядом с полусферой.

— Не могу понять, что это такое, — сигнализировал он. («Это огромная медуза», — сказала Петра.) Второй Рыбак вытянул семизубец и вонзил его в оболочку. Семь зубцов вошли в нее и вышли. Медуза быстро двинулась. Щупальца,

свисающие с нижней части мешка, переплелись вверху, как нити. Тело раздулось и всплыло боком. Два щупальца были обвиты вокруг Второго Рыбака, пока он пытался отплыть назад. («Ох, — сказала Петра. — Эти штуки опасны».)

Родитель Джона, стоя на палубе, выкрикивал команды гребцам, судно повернулось к существу, которое было сейчас на поверхности.

(«Давайте покончим с этой штукой навсегда. Сосредоточьтесь», — сказал Эркор. — «Вот…»)

(Они чувствовали из-под воды, как Петра тянет свой мозг в пульсирующую массу. Вот…)

(Когда щупальца обхватили ее, а она снова и снова втыкала копье в сочащуюся оболочку, она чувствовала, что мозг Джона присоединился. Вот…)

Судно протаранило медузу, оболочка разорвалась, что-то вонючее фонтаном взлетело вверх. Существо почти перевернулось, щупальца бились над водой. Одно из них схватило Второго Рыбака.

Вдруг щупальце оторвалось от судна и ушло под воду. Голова Второго Рыбака поднялась на поверхность, трясла зеленым зубцом, венчающим череп, и смеялась.

Частота колебаний Джона была от трех до ше-

сти, когда он плыл сквозь облака раскаленного газа.

Повышение. Кто-то идет! Приближается. Повышение частоты, а затем понижение, когда они прошли один сквозь другого.

— Привет, — сказала Петра. — Имеете какое-нибудь предсказание, где мы?

Кто-то прошел сквозь Джона и Петру. Эркор.

— Мы на полпути между поверхностью и центром звезды вроде нашего солнца, — сказал он. — Обратите внимание на странность элементов вокруг.

— Они превращаются один в другой, — сказала Петра.

— При такой температуре (где-то около трех четвертей миллиона градусов) вы тоже превратились бы, будь вы атомом, — сказал ей Джон.

— Где Лорд Пламени? — спросил Эркор.

— Слушайте, — сказал Джон. — Надо что-то делать с этим вторгшимся колебанием. Оно не только трансцендентальное, оно увеличивается так быстро, что через некоторое время разнесет эту звезду.

— И она станет Новой, — сказала Петра. Она дала нечто вроде толчка этому колебанию, а когда оно повернулось схватить ее, она исчезла, и оно

пошло по другому пути. — Думаю, никто никогда не делал того, что делаем мы. Видите, бедняга сжимается. Давайте сосредоточимся…

Вторгшееся колебание повернулось, нырнуло, хотело ударить, но не смогло. Тогда оно сжалось в маленький шарик и исчезло.

— Вот…

Джон Кошер потряс головой, качнулся вперед и упал на колени в белый песок. Он поднял глаза: перед ним были две тени. Затем он увидел город.

Это был Тилфар, стоящий в пустыне под двойным солнцем.

Он встал и боковым зрением увидел футах в двадцати от себя женщину с падающими на плечи рыжими волосами. На ней была прямая юбка, в руках записная книжка.

— Петра? — спросил он. Да, это была Петра. Но Петра измененная.

— Джон, что с вами случилось?

Он оглядел себя. Он был в тюремной униформе. В своей тюремной одежде.

— Эркор, — неожиданно сказала Петра. Голос ее стал выше и менее уверенным.

Они оглянулись. Эркор стоял босиком на белых холмиках песка. Из тройного рубца на щеке сочилась кровь.

Они подошли к нему.

— Что происходит? — спросил Джон.

Эркор пожал плечами.

— А где ребята? — спросила Петра.

— Все еще здесь, — ухмыльнулся Эркор и показал головой.

Затем его пальцы коснулись рубца. Отняв их, он увидел кровь, нахмурился и бросил взгляд на город. Солнце играло на башнях и скользило, как жидкость, по петляющим дорогам.

— Послушайте, — обратился Джон к Петре (теперь он понял, что это Петра, помолодевшая на пятнадцать лет) — что это за блокнот?

Она удивленно посмотрела на него, на то, что оказалось в ее руках, оглядела себя, засмеялась и стала листать записную книжку.

— В этой книжке окончание моей статьи об архитектуре убежищ лесного народа. Я одета именно так, как в те дни, когда заканчивала статью.

— А ты? — обратился Джон к Эркору.

— Моя… метка кровоточит, как в ту ночь, когда ее сделал жрец. Именно в ту ночь я по-настоящему стал самим собой. Я осознал, каков мир, его беспорядок, глупости, страх. В ту ночь я решил оставить лес. — Он взглянул на Джона. — Ты был

в этой одежде, когда бежал из тюрьмы.

— Да, — ответил Джон. — Я думаю, что тоже стал самим собой, когда носил ее. В то время самым дорогим казалась свобода. Я хотел обрести ее любым путем. Однако, я почувствовал, что меня отвлекли в сторону. Хотел бы я знать, все ли я еще в стороне.

— Когда я закончила это эссе, я тоже по-настоящему стала собой. Я прошла через всю серию открытий себя, общества, своих ощущений общества, даже аристократии, что в ней имеет значение, а что нет. Наверное, поэтому я здесь. — Она взглянула на город. — Он там, Лорд Пламени.

— Да, — сказал Джон.

Они пошли по песку и дошли до озера быстрее, чем предполагали. Двойная тень одна чуть светлее другой, лежала двумя чернильными штрихами на странице пустыни.

— Но каким образом мы попали в наши собственные тела? — спросила герцогиня, когда они дошли до тени от первого здания. — Ведь мы жили в формах…

Раздался какой-то звук, тень зашевелилась. Джон поднял глаза к транзитной ленте над ними и вскрикнул.

Пока металл рвался, они отскочили в сторону,

а через секунду кусок завесы-стены ударился в песок, где они только что стояли.

— Вы чертовски правы, он здесь, — сказал Джон. — Пошли.

Они снова двинулись в путь. Под песком пустыни уже ощущалась дорога, она поднималась к Тилфару. Башни впереди казались темными полосами на голубом небе.

— Знаешь, Петра задала неплохой вопрос, — сказал через несколько минут Эркор.

— Угу, — ответил Джон. — Я тоже думаю об этом. Похоже, мы были в наших собственных телах, только они различны, как они были в наиболее важные моменты нашей жизни. Может быть, мы каким-то образом попали на планету в далеком углу вселенной, где три существа, почти идентичные нам, не отличающиеся телами, делали по какой-то причине, которой мы никогда не узнаем, почти то же самое, что делаем мы сейчас.

— Может быть, — сказал Эркор. — При всех мириадах возможных миров вполне может случиться, что какие-то из них схожи между собой.

— Даже разговор об этом схож? — спросила Петра и ответила сама: — Да, я думаю это возможно. Но говорить о причинах, которых мы не

понимаем… Нет, так не должно быть. У меня от этого мурашки по коже.

Еще звук. Они застыли на месте. Глухой звук падения. Но они ничего не видели.

Чуть дальше, когда дорога поднялась над землей, и первая башня оказалась рядом с ними, они снова услышали треск. Дорога под ними качнулась.

— Осторожно! — крикнул Эркор, и затем дорога обрушилась. Они стали выкарабкиваться из-под обломков бетона.

— Нога застряла, — крикнула Петра.

Эркор стал поднимать бетонную плиту, державшую ее.

— Минутку, — сказал Джон, схватил металлическую распорку все еще качавшуюся в камнях, и подсунул ее между плитой и основанием, на котором она лежала. Они вдвоем приподняли бетонную плиту.

— Теперь вытаскивайте ногу!

Петра откатилась в сторону.

— Кость не сломана? — спросил Джон. — Однажды мой друг спас меня от несчастья таким же образом. — Он снова уронил плиту и подумал: «Я знал, что надо делать. Я не неумеха. Я знал…»

Петра потерла лодыжку.

— Нет, просто нога заклинилась в трещине, а плита упала выше. — Она встала и подняла блокнот. — Ой, больно!

Эркор взял ее под руку.

— Идти можете?

— С трудом. — Петра стиснула зубы и шагнула.

— Алтер говорила, что надо встать на здоровую ногу, а больной описывать круги, чтобы восстановить кровообращение.

Петра покрутила ногой и снова шагнула.

— Чуточку легче. Я испугалась. Это и в самом деле больно. Может, это тело только похоже на мое, но болит оно как мое. — Она вдруг оглянулась на город. — О, дьявол, он там! Давайте, пойдем!

Они снова пошли вперед, теперь уже под дорогой. Узкие мостики, пустые и посеревшие, скользили мимо. Они шли через торговый центр. Зубы разбитых стекол торчали из рам витрин магазинов. Наверху две дороги меняли направление и перекрещивались, образуя черную вытянутую свастику на фоне белых облаков. А затем они внезапно рухнули.

Тишина. Люди остановились. И снова треск, громовой, длительный. Запах пыли.

— Он там, — сказал Эркор.

— Да, — ответил Джон.

Затем город взорвался. Был миг настоящей агонии для Джона, когда мостовая под его ногами взорвалась, и осколки бетона ударили в лицо. Вот…

Петра увидела, как раскололся фасад здания рядом с ними, порыв ветра вырвал из ее рук блокнот, и она тут же выплеснула свои мысли. Вот…

И мысли Эркора (он не видел взрыва, потому что как раз в это время закрыл глаза) вырвались сквозь веки. Вот…

ГЛАВА 11

Оск повернулся в постели, открыл один глаз и вроде бы услышал какой-то звук.

— Эй, дурак, — прошептал кто-то.

Оск потянулся и включил ночник. Тусклый оранжевый свет едва доходил до середины комнаты.

— Не паникуй, — продолжал голос. — Ты видишь сон.

— Хм? — Оск приподнялся на локте, поморгал и почесал голову.

Тень, голая, прозрачная, без лица, подошла к нему и остановилась, наполовину освещенная.

— Ты видишь плод своего воображения, — ска-

зал голос.

— Я помню тебя, — сказал Оск.

— Прекрасно, знаешь ли ты, что я делал со времени нашей последней встречи?

— Меня это меньше всего интересует, — ответил Оск и отвернулся к стене.

— Я пытался остановить войну. Ты веришь мне?

— Слушай, плод воображения, сейчас три часа утра. Тебе-то что, верю я или нет?

— Я думаю, мне это удалось.

— Даю тебе две минуты, а затем я ущипну себя и проснусь. — Оск снова повернулся.

— Как ты думаешь, что за радиационным барьером?

— Я об этом не думаю. Это меня нисколько не касается.

— Это нечто такое, что, вероятно, не может повредить нам, тем более сейчас, когда генераторы разбиты. Вся его артиллерия шла из источника, который теперь не функционирует. Видишь ли Оск, я твоя преступная совесть. Неплохо было бы на время стать королем и остановить войну. Ты объявил ее. Теперь объяви мир. Затем начни изучать местность и сделай что-нибудь с ней.

— Мать и слышать не захочет об этом. И Чер-

джил тоже. К тому же, вся эта информация только сон.

— Точно, Оск. Ты видишь во сне то, что в действительности хочешь. Давай договоримся: считай меня своей виновной совестью и представителем себя самого, если этот сон окажется правильным, ты объявляешь мир. Это только логично. Пойди дальше, поднимись выше себя, будь королем. Ты войдешь в историю, как объявивший войну, разве тебе не хочется войти и как остановивший войну?

— Ты не понимаешь…

— Да, я знаю: война нечто большее, чем желание одного человека, даже если он король. Но если ты поставишь дело на правильную ногу, то история будет на твоей стороне.

— Плодик, твои две минуты урезаны до одной, и она истекла.

— Ухожу, ухожу. Но подумай об этом, Оск.

Оск выключил свет, и призрак исчез. Несколько минут спустя Джон перелезал через окно лабораторной башни, застегивая рубашку.

Эркор с улыбкой покачал головой.

— Хорошая попытка, — сказала Петра, — надеюсь, она даст что-нибудь путное.

Рэра встала рано, чтобы подмести крыльцо

гостиницы. Окна были заколочены, кухня осаждалась, но сейчас там не было никого, а ключ был у Рэры. Она мела и говорила:

— Господи, не оставляй все так! Продолжай же, помоги нам!

— Ох, простите…

— Имейте совесть, женщина, нельзя же идти среди такого беспорядка в заколоченный дом честной женщины. Мы откроемся на этой неделе, как только вставим разбитые стекла. Вандалы не оставили ни одного окна целым после смерти старого хозяина. Я только что получила лицензию, так что все законно. Как только вставим стекла, тогда и приходите.

— Я только что приехала… нам не сказали куда идти, а просто выставили с судна… Было так темно, и я так устала… Я не знала, что город такой большой. Я ищу своего сына… Мы рыбаки с материка. Я немного ткала…

— …а ваш сын удрал в город, а вы побежали за ним. Удачи вам в новой стране. Добро пожаловать на остров Возможностей. Ну, поднимайтесь и садитесь.

— Но мой сын…

— Здесь в Адском Котле больше сыновей рыбаков, чем листьев на деревьях. Сыновья рыбаков,

фермеров, кузнецов, и у всех матери ткачихи, водоносы или птичницы. Я иной раз разговаривала с ними, но, пожалуй, не буду посылать вас к катерам, которые возят рабочих к аквариумам и гидропонным садам. Молодые люди, приехавшие сюда, в основном работают там… если получают работу. Но я не советую вам идти туда, потому что народу там очень много, и вы хоть десять дней ходите там, все равно просмотрите своего сына.

— Война… может, он присоединился…

— Где-то в этом беспорядке пропала моя племянница, которая была мне как дочь. По всем сведениям, она умерла… Так что, вам еще повезло, что вы не узнали такого о сыне. Вы счастливая, уж поверьте мне!

— Вы говорили о катерах, — сказала женщина. — Как к ним дойти?

— Говорю вам, не трудитесь. Дальше по улице, пройдете два квартала и налево, и упретесь в доки, но право, не ходите!

— Спасибо, — сказала женщина, уже выйдя на улицу. — Спасибо вам!

Она дошла до середины квартала, когда из-за угла бегом вывернулся Тил, столкнулся с ней и бросился к двери гостиницы.

— Тил! — прошептала Рэра. — Тил!

— Привет, Рэра, — он остановился, тяжело дыша.

— Войди, — сказала она. — Войди внутрь. — Они остановились в коридоре гостиницы. — Тил, ты что-нибудь знаешь об Алтер? В Медицинском Центре я услышала жуткую историю, а потом пропал ты. Господи, я, наверное, круглая дура, что открываю это заведение. Но если она вдруг вернется, а меня здесь не будет… Да и то сказать, куда мне идти? Здесь хоть еда есть, и…

— Рэра, — перебил ее Тил. — Я знаю, где Алтер. Она в безопасности. А что касается тебя, то ты не знаешь, где она, не знаешь, жива она или нет. Предполагаешь, что ее нет в живых. Поняла? Я пойду к ней, но этого ты тоже не знаешь. Я пришел только затем, чтобы кое-что проверить.

— Я сложила все ее вещи. В госпитале мне отдали ее одежду, и я все связала в узел на случай, если нам придется быстро удирать. Один раз так было, когда мы работали на карнавале, и менеджер начал приставать к ней, да сам заболел. Такая скотина! Ей было всего двенадцать лет. Может, ты возьмешь…

— Что-то маленькое. — Тил увидел на столе у двери узел. Сверху лежал кожаный ремешок, на котором еще болталось несколько раковин. —

Может, это, — сказал он и взял ремешок. — В каком состоянии комната Джерина?

— Она была обыскана, когда его унесли, — сказала Рэра. — Кто только не рылся там! И копы, и его брат. А когда Джерин…

— Умер! — сказал Тил. — Я прибежал, чтобы сжечь его планы похищений.

— Умер? Ну, я не удивлена. Да, планы! Я сама сожгла их, как только вернулась в его комнату. Они лежали на столе. Не знаю уж, почему их не взяли сразу же.

— Ты в самом деле сожгла все листки?

— Все. И пепел растерла, и за три дня по горсти перенесла в доки.

— Тогда мне больше нечего тут делать. Имей в виду, что ты давно не видела, ни меня, ни Алтер. Я передам ей привет от тебя.

Рэра наклонилась и поцеловала мальчика в щеку.

— Для Алтер, — сказала она. — Тил!

— Да?!

— Когда ты бежал по улице, ты столкнулся с женщиной…

— Ну?

— Ты когда-нибудь видел ее раньше?

— Да я и не разглядывал ее. Вроде бы нет. А

что?

— Ничего. Но ты и в самом деле уходи отсюда, пока… Ну, мотай.

— До скорого, Рэра. — И он убежал.

Кли наклонилась над перилами балкона своего дома. На белом мраморном столе лежал ее блокнот, телефонный справочник и логарифмическая линейка.

— Кли!

Она обернулась на голос.

— Спасибо, что передала мое послание.

— Это ты, — медленно сказала она. — Теперь уже лично.

— Угу.

— Я даже не знаю, что сказать… кроме того, что я очень рада.

— Я принес дурные вести.

— Что ты имеешь в виду?

— Очень дурные. Они причинят тебе боль.

Она встревоженно смотрела на него, склонив голову набок.

— Тумар погиб.

Ее голова выпрямилась, черные брови сошлись, нижняя губа задрожала. Она быстро кивнула, так же быстро взглянула на него и закрыла глаза.

— Да, это очень больно.

Он подождал несколько минут и сказал:

— Позволь мне показать тебе кое-что.

— Что?

— А подойди к столу. — Он отодвинул сложенную бумагу со странным рисунком на ней. Бумага развернулась, но он не обратил внимание, что там напечатано стихотворение, заметил лишь, что его сестра делала на полях математические заметки. Он сложил бумагу, положил на нее книги и линейку и достал из кармана горсть монет. Он выложил пятнадцать медяков по сотой части деньги квадратом 4 X 4 с одним недостающим углом. Затем достал монету меньшего размера и положил на стол примерно в футе от пустого угла.

— Брось ее в эту брешь, — сказал он.

Она взяла кончиками пальцев серебряный диск и бросила в угол квадрата. На противоположной стороне вылетели два медяка. Кли вопросительно посмотрела на Джона.

— Это игра под названием «слумат». Она становится очень популярной в армии.

— Слу — случайные числа, мат — матрица?

— Ты уже слышала о ней?

— Нет, просто догадалась.

— Тумар хотел познакомить тебя с ней. Он го-

ворил, что тебя могут заинтересовать некоторые аспекты.

— Тумар?

— Как раз когда я налаживал телефонную связь с тобой, я подслушал его разговор с солдатом насчет того, перед тем… перед тем, как он разбился. Он действительно думал, что тебе будет интересно.

— Хм, — произнесла она, взяла серебряный кружок, снова составила из медяков квадрат и бросила монетку. Выскочили два других медяка. — Черт побери, — сказала она тихо.

Он поднял глаза. По щекам Кли катились слезы.

— Тяжело, черт побери, — сказала она и, смахнув слезы, снова подняла глаза. — Ну, а как ты? Ты еще не рассказал, что с тобой произошло. Одну минутку… — она взяла блокнот и что-то записала.

— Идея? — спросил он.

— От этой игры. Кое-что, о чем я никогда не думала.

Он улыбнулся.

— Не решит ли это все твои проблемы с этими, как их там, субтригонометрическими функциями?

— Обратными субтригонометрическими функциями, — поправила Кли. — Нет. Все не так просто. Ну, а ты остановил войну?

— Пытался. Но это тоже не так просто.

— Но ты свободен?

— В большей степени, чем раньше.

— Рада это слышать, как все это произошло?

— Я всегда был упрямым, своевольным, неловким мальчишкой, и всегда попадал в куда большие неприятности, чем всякий другой, сделавший то же самое, что и я. Вот я и продолжал делать всякие вещи. К несчастью, я делал их плохо. Но, будучи упрямым, я в конце концов приобрел некоторую ловкость. И я стал делать то, что могло либо повредить мне, либо нет. Все сошло удачно. Я пошел дальше, видя многое, и решил, что это расширяет горизонт и дает больше свободы.

— Детство и тюремные рудники не много дали тебе в этом смысле.

— Да.

— Так это насчет войны, Джон?

— Пока она остается. Поскольку то, что находится за радиационным барьером, в значительной степени обезврежено. Война не нужна. Совершенно не нужна. Если это увидят и поймут люди,

способные видеть и понимать — прекрасно. Если же нет — что ж, тогда все не так просто. Кли, я ведь пришел только на несколько минут. Я хочу покинуть дом, пока отец не увидел меня. Поговори с ним. Я на некоторое время исчезну, а ты действуй. Только не говори ему, что я жив.

— Джон…

Он улыбнулся.

— Я хочу сделать это сам, когда вернусь.

Она опустила глаза, а когда снова подняла их, он уже ушел. Она хотела крикнуть ему слова прощания, но удержалась… Она села к столу, перечитала стихотворение, открыла блокнот, тяжело вздохнула и снова начала писать.

КНИГА ВТОРАЯ
ГЛАВА 1

На небольшой карточке было напечатано изящными, склонившимися, как танцоры, буквами:

> «Ее светлость герцогиню Петру приглашают посетить бал на рассвете, который дает Его Королевское Величество. Король Оск, в честь патриотических усилий Аквариумов Тилдона „У нас есть враг за барьером“.»

В этом приглашении бросались в глаза две вещи: первая — что «Аквариумы Тилдона» было напечатано кривовато и по шрифту чуть отличалось от остального, вторая — в нижнем углу была продернута десятидюймовая проволочная спираль.

Герцогиня вытащила спираль, заправила ее в машину. Цветные пятна на экране стали нездоровым лицом молодого блондина:

«Привет, дорогая кузина, — говорил он с томным высокомерием. — Как видите, я посылаю с приглашением личную просьбу: приезжайте с

вашего маленького острова на мой большой. Вы всегда были моей любимой кузиной, и жизнь была страшно скучной с тех пор, как вы отправились — как бы это выразиться — в затворничество. Прошу вас, дрожайшая Петра, прибыть на мой вечер, и отпраздновать нашу грядущую победу. Многое произошло… многое произошло… многое произошло…»

Герцогиня с отвращением фыркнула, нажала выключающую кнопку, и лицо распалось.

— Трещина в проволоке, — сказала она. — Тилдон — вспомогательная кампания у вашего отца, Джон?

— Нет, одна из немногих оставшихся.

— Интересно, много ли Тилдон дал королю. Мой бедняга кузен уверен, что может выпросить деньги, нужные ему для поддержания войны, за обещание официальных балов при дворце.

— Королевское покровительство все еще сохраняет свою магию, Петра. Ваша семья владела Торомоном не одно столетие, а мои прапрадеды, и Тилдона, были фермерами, вручную вспахивавшими землю на материке, или вытаскивавшими рыбу через борт весельной лодки. Когда Совет решил, что эти отряды надо взять, он знал, что делал.

Петра провела пальцами по перламутровой инкрустации стола.

— У нас такие несравнимые страны. На материке народ все еще похож на пещерных жителей, а у нас есть самолеты и такие ученые, как ваша сестра. — Она покачала головой. — Неужели люди вроде вашего отца, и Тилдона, и других, не понимают, что реальная власть теперь у них? Я имею достаточно, чтобы жить роскошно на этом острове, но могу принести для военных усилий лишь символический дар по сравнению с тем, что могут дать индустриальные семейства… даже если бы я хотела поддержать войну.

Джон улыбнулся.

— Однако, давая, они хотят, чтобы герцоги и бароны кланялись им за то, не говоря уж о короле.

Герцогиня снова посмотрела на приглашение, и лицо ее исказилось.

— Он печатает их тысячами и просто вставляет имена следующих денежных мешков, которых надо будет почтить, прямо на пунктирную строчку. Боюсь, ничто не раздражает меня так, как вульгарность.

— Но ваша семья — стандарт хорошего вкуса, Петра. Вашего брата учили этому всю жизнь. — В его голосе чувствовалась чуть заметная насмеш-

ка.

— Да, — согласилась она и отложила карточку. — Нас учили тому же. Но должны же быть какие-то стандарты, даже во время войны.

— Ну да. Они и изучаются, Петра. Мой отец и другие начинают изучать, много ли у них силы. Война-то в конце концов для них. Пока их продукция используется в войне, пока недовольные жизнью и Тороном могут быть втянуты в войну, каждый счастлив и на своем месте. Если война прекратится, то королевская семья опрокинется.

— Пока они настолько слепы, что ищут королевских милостей, они не готовы управлять такой сложной вещью, как Торомон. Вот поэтому я тайно отправила принца Лита на материк, чтобы был кто-то с чувством ответственности, когда интриги, действующие сейчас вокруг нас, пройдут полный круг.

Лицо Джона утратило часть цинизма.

— При поддержке Совета и правительства, Петра, король может еще скрывать большую часть своего могущества. А пока оно скрыто, никто не может судить о нем. Безумен Оск или очень, очень умен?

— Он мой кузен. Вы с ним были школьными товарищами. Как считаете вы?

— В эту войну включены великие тайны. Но великие тайны держат королевскую семью в могуществе с тех пор, как она создалась и поставила себя во главе этого хаотического фрагмента планеты.

Герцогиня кивнула.

— Мои далекие предки на своих кораблях грабили побережье, грабили своих соседей на этих островах, используя жалкие остатки технологии, сохранившиеся от Великого Пожара. Радиация на материке и горячие течения остановили их продвижение вглубь. Но остановившись, они решили, что организованное правительство может действовать более эффективно, чем пиратство. Было множество вариантов насчет земли Торомона, но его ограничили. Люди научились не истощать то, что лежало в этих границах, и началась линия королей и королев. Теперь власть вот-вот сменится. Но и другая должна научиться тому же.

— Несмотря на то, что ваши предки усвоили это, Петра, сегодня люди вроде Тилдона и моего отца готовы платить непомерную цену за ваше одобрение. Может быть, они подозревают, что вы знаете… — Джон взял карточку. — А может, потому, что они суетны и невежественны. Для моего

отца было величайшим позором, что я оскорбил короля и пошел за это в каторжные рудники. Его величайшим триумфом было то, что сам король оказал честь моей сестре по ее возвращении из университета своим королевским присутствием на ее балу. Поскольку это предел его счастья, король может получить деньги на свою войну и вписать имя в пунктирную строку.

— Хотела бы я позволить себе такую интеллектуальную неловкость. Вы назвали свое истерическое убийство просто оскорблением.

Джон стиснул зубы.

— И вы не разговаривали, — продолжала она, — со своим отцом после «оскорбления» и не знаете точно, что он чувствовал. И вы так легко называете марионеткой этой суетности своего отца, который был достаточно проницателен, чтобы сделать блестящее состояние, пусть беспринципной экономической эксплуатацией. Нет, если атаковать проблему таким образом, то остается слишком много вопросов.

— Петра!

Герцогиня удивленно подняла глаза, провела рукой по медным волосам, откидывая их назад горящим клубком золотых морских змей.

— Прости, Джон! — она взяла его за руку. — Мы

все слишком долго были здесь вместе. Но когда я вижу, как моя семья, мой народ ставят себя в глупое положение, мне больно. Чувство порядочности — вроде барометра, показывающего здоровье человека и страны. Не знаю, может, я слишком влюблена в некоторые идеи аристократии. Я родилась в ней. Я отвернулась от нее, когда была молода, теперь я снова возвращаюсь в нее. Я думаю, мы примем это приглашение, Джон Кошер.

— Понятно. С Эркором, конечно?

— Да. Мы трое снова понадобимся. Вы…

— Все на борту, — доложил герцогине Джон.

— Тогда, в путь.

Она повернулась, чтобы отдать команду. Яхта приподнялась и затем нырнула вперед, в ночь.

Когда тьма омыла небо и высыпали звезды, Джон и Петра задержались у поручней.

— Война где-то там. В каком направлении? — спросила Петра.

— Кто знает… — Джон оглядел горизонт. — Где-то за радиационным барьером.

— Торон впереди! — крикнули с мостика.

— Мы постоим там, — сказала Петра.

Они посмотрели через воду, поверх носа яхты.

Вообразите руку в черной перчатке, расшитой

по швам мириадами бриллиантов, и аметистов, бирюзы, рубинов. Теперь представьте, что эта сверкающая рука поднимается над полуночным горизонтом, и у каждого камня свой внутренний огонь. Это остров Торон подымается над краем моря.

Окна бального зала в королевском дворце Торона, поднимались двумя этажами к потолку и имели форму гробов. Когда стекла осветились, музыканты выдули из морских раковин музыку ветра, и в эти морские аккорды вплелся голос. Изумрудные, и коралловые сетки сверкали на женских плечах, пурпурные и малиновые на жакетах мужчин.

Сквозь широкие окна виднелась темная полоса транзитной ленты, выпрыгнувшей из башни-лаборатории и исчезающей среди других башен города, затем она парила над морем, над бухтой материка, над лесом пышных пальм и потомков тех дубов, что росли на земле пятьсот лет назад, над каторжными рудниками, где заключенные добывали из шахт металл тетрон, над равнинами, где всего три года назад стала робко проявляться растительность, и наконец, попадала в материковый город Тилфар. Три года назад он был превращен в сильную военную базу, какую ко-

гда-либо знала земля — по крайней мере, так хвастались ее генералы.

— Утренний бал, — воскликнула девушка в рубиновом шелке. Платье скреплялось на плече медным омаром, изогнутый хвост которого покрывал ее правую грудь. — Вы не находите, это потрясающая идея — бал на рассвете?

Женщина в годах рядом с нею поджала губы.

— Смешно, — тихо сказала она. — Я помню времена, когда балы были делом вкуса и происхождения. — Мимо прошел слуга, предлагая закуски. — Вы посмотрите, — продолжала она. На голове ее был серебряный парик с продернутой в него ниткой жемчуга. — Только посмотрите на это! — на кружочках тостов лежали ломтики рыбы. — Это рыба из аквариумов. Рыба из аквариумов служит делу государства! А я помню время, когда никто не думал служить чему бы то ни было, а рыбу просто привозили с материка. Рыба, выращенная в аквариуме! Ну и идея! Куда катится мир?

— Я никогда не видела разницы между той и другой рыбой, — ответила девушка, вгрызаясь в паштет из икры с нарезанным зеленым луком.

Женщина в серебряном парике хмыкнула. Джон Кошер отошел и побрел через зал по бе-

лому полированному камню, отражающему сказочные наряды. В одном конце зала одиноко стояли два закутанных в меха представителя лесных стражей, гиганты из громадного леса на материке. В нескольких шагах от них стояли три приземистых посланника от неандертальских племен. Они носили кожаные юбки и бронзовые браслеты на запястьях. В другом конце зала народ собирался вокруг почетных гостей — представителей аквариума Тилдона. Да, три года назад было бы все по-другому. Но сейчас…

Кто-то взвизгнул. Джон обернулся. Визг снова пронесся по бальному залу. Все головы повернулись. Люди двинулись вперед, напирая друг на друга, а затем вдруг подались назад. Джона толкнули, кто-то заехал локтем ему в грудь. Многие кричали и пятились от того, что началось на полу зала.

Что-то внутри Джона, всегда заставлявшее идти его наперекор толпе, толкнуло его вперед, и он внезапно очутился на краю пустого пространства. Старик в ярко красном костюме, шатаясь, шел, прижимая руки к глазам. За ним тянулась алая накидка. Она пригибалась к его лодыжкам, а затем снова волочилась, когда он наклонился вперед. Что-то липкое и красное пузырилось

между его пальцами, капало на манжеты, покрывая их темными пятнами. Он снова завизжал, и визг его перешел вдруг в бульканье.

Старик упал на одно колено, а когда встал, на полу было пятно, а штанина на колене стала темно-коричневой.

От толпы отделилась другая фигура, вся в белом, тонкая, светловолосая. Джон узнал короля. Алая фигура скосилась к полу, к ногам Величества, и упала. Скорченные руки упали с лица.

Люди снова закричали, и даже Джон задохнулся.

Кровь лилась из манжет и штанин. Красное желе соскользнуло с того, что было лицом. Выпуклая грудь опала, и красная одежда обвисла, словно под ней были только голые кости. Одна рука, лежавшая на залитой кровью накидке, чуть приподнялась, но снова упала и стала распадаться на мелкие кусочки. Череп скатился с шеи и тоже распался на отдельные кости.

Сквозь толпу Джон увидел герцогиню, идущую к одному из выходов. Он тут же повернулся и через три минуты был у выхода, где она ждала его. Петра схватила его за руку.

— Джон, — вы знаете, кто это был? Знаете? — прошептала она.

— Я знаю, как это было сделано, — ответил он, — но не знаю, кто.

— Это был первый министр Черджил, глаза Совета. Теперь скажите, что это было.

— Когда я был в тюрьме, в рудниках, один из не слишком близких моих друзей был опытным токсикологом и иной раз кое-что выпускал изо рта. Это — теренид. Его ферментное действие — клеточный транквилизатор.

— Вы хотите сказать, что клетки тела становятся настолько спокойными, что уже не могут держаться друг за друга?

— Что-то вроде этого. Результат вы видели на Черджиле.

Музыка, прекратившаяся было, снова зазвучала, но над мелодией поднялся голос через громкоговоритель.

— Леди и джентльмены, мне очень жаль, что такая неприятность прервала мой утренний бал. Страшно жаль. Однако, я вынужден просить вас всех отправиться по домам. Сейчас нам наш оркестр сыграет Победный Гимн Торомона.

Мелодия резко оборвалась, а затем бросилась в стремительно повышающуюся тему Победного Гимна.

— Немедленно поднимайтесь в мои комна-

ты, — шепнула герцогиня Джону. — Я еще до этого хотела показать вам кое-что. Сейчас это уже необходимо.

Первый свет пятнами лег на стекла гробоподобных окон. Он тянулся через комнату поверх суетливо расходящихся гостей, но обошел красный кошмар, высыхающий на полу танцевального зала. Джон и Петра поспешили уйти.

У герцогини Петры была своя квартира среди личных помещений дворца. Через несколько минут она ввела Джона через тройные двери в мягко освещенную комнату, застеленную пурпурным ковром.

— Джон, — сказала она, едва они вошли. — Это Рольф Катем. Рольф, это Джон Кошер, о котором я вам рассказывала.

Джон остановился в дверях, глядя на… человека в кресле. Он даже протер глаза, но то, что он видел, не собиралось исчезать. Половина лица Катема была прозрачной. Часть черепа была заключена в пластиковый чехол. Через него было видно, что кровь течет по сети искусственных капилляров, в пластиковую челюстную кость были вставлены металлические зубы, а над местом, где раньше был глаз, нависали призрачно-серые извилины мозга, полуприкрытые сетью сосудов.

Опомнившись от первого изумления, Джон сказал:

— Катам. «Пересмотренная история Торомона» Катама. — Он ухватился за первую знакомую мысль и повернул ее в шутку, чтобы победить удивление. — Мы изучали вашу книгу в школе.

Три четверти рта Катама, которые были плотнее, улыбнулись.

— А ваша фамилия Кошер? Есть какая-нибудь связь между вами и Аквариумами или Гидропоникой Кошера? Или с доктором Кошер, которая открыла обратные субтригонометрические функции и применила их в случайной системе пространственных координат, каковая является более или менее технологической причиной внешних конфликтов, в которые ввязался Торомон?

— Кошер Аквариумов и Гидропоники — мой отец, доктор Кошер — моя сестра.

Одна бровь Катама поднялась.

— Профессор Катам, — сказала герцогиня. — Мы собираемся сегодня обменяться историями. Одну минутку. Эркор!

В наступившем молчании профессор Катам заметил, как пристально смотрит Джон на его блестящее лицо, и снова улыбнулся тремя чет-

вертями рта.

— Когда я встречаюсь с кем-нибудь впервые, я обычно сразу же поясняю, что пятнадцать лет назад пострадал при взрыве в Островном университете. Я один из наиболее удачливых, хотя и чуточку, в странном эксперименте Медицинского Центра.

— Я и предположил что-то в этом роде, — сказал Джон. — Я как раз вспомнил, что случилось однажды в тюремных рудниках, где я был. Произошел несчастный случай, и моему дружку снесло половину лица. Но Медицинский Центр был далеко, а местная медицина не была на высоте. Он умер.

— Понятно, — сказал Катам. — Это, вероятно, была рудничная катастрофа 79-го года. После этого было сделано что-нибудь насчет условий безопасности?

— Нет. По крайней мере, за то время, пока я там был. Я попал в тюрьму восемнадцати лет, и тетроновый взрыв произошел в первый год моего пребывания там. За пять лет даже не сменили режущие механизмы, вызвавшие беду.

Открылась боковая дверь и вошел Эркор. При виде тройного рубца на щеке гиганта, историк снова поднял бровь.

— Вы всегда держите у себя на службе телепа-

тов, Ваша Светлость?

— Эркор у меня не на службе, и мы не у него. Профессор, очень важное дело, двадцать минут назад был убит первый министр Черджил. Я хотела бы, чтобы вы повторили то, что рассказывали мне.

— Черджил?.. — начал историк. Бровь его опустилась и сошлась с другой. — Убит? Ну, это либо работа недов, либо сам Совет пожелал убрать его с дороги.

— Прошу вас, профессор, — сказала герцогиня, — повторите свой рассказ. А мы добавим, что сможем.

— Ладно, я расскажу. Когда Ее Светлость впервые посетила меня в университете, она… ну, выведала у меня кое-что. — Он поочередно посмотрел на Джона, Петру и Эркора. — Кое-что. Торомон, возможно, самая странная империя в истории Земли. Вы прожили в ней всю жизнь, и ее уникальные особенности не бросаются вам в глаза. Но тому, кто изучал развитие мира до Великого Пожара пятьсот лет назад, ее уникальность видна. Империя Торомона состоит из острова Торон, горсточки разбросанных вокруг него островов и примерно полутора тысяч квадратных миль материка напротив островов: это прибрежная

полоса, луга, потом леса, за ними необитаемый скалистый полумесяц, более или менее отрезающий эти пятнадцать сотен квадратных миль от остального континента, до сих пор безнадежно радиоактивного. После Великого Пожара, эта область, которую я оконтурил, была полностью изолирована от остального мира радиоактивной землей и радиоактивными течениями в море. До недавнего времени мы и не думали, что на отрезанной земле что-то осталось. У нас сохранилось несколько хороших технических библиотек, и некоторые из наших предков, к счастью, были людьми культурными и образованными, так что мы имеем прекрасную картину мира, каким он был до Великого Пожара. И хотя здесь сначала наблюдался экономический и социальный спад, равновесие в конце концов восстановилось, технология снова стала прогрессировать, и за сравнительно короткое время сравнилась с той, что была до Великого Пожара, а во многих областях даже превзошла ее. Очень рано в нашей истории мы открыли металл тетрон, как источник энергии, главный фактор, который наши допожарные предки, кажется, целиком игнорировали, если судить по сохранившимся записям. Так вот, что же уникального в Торомоне? Мы не

знаем ни одной империи до Великого Пожара, прожившей более ста лет в полной изоляции после какого-нибудь разрушения. Мы также не знаем ни одной империи, страны, даже племени, которые, оставаясь в изоляции, сразу бы стали снова развиваться.

Да, через странное стечение обстоятельств — уцелевшие библиотеки, интеллигентность наших предков, географическое разнообразие нашей страны, позволившее производить взаимный обмен между сельской и городской культурами. Торомон просуществовал полтысячи лет в одиночестве и ухитрился сохранить постоянное развитие технологии. Детали этого процесса очаровывают, и я посвятил большую часть этой жизни их изучению, но сейчас я хочу говорить не об этом.

Эффект этой ситуации, однако, напоминает термическую реакцию внутри закупоренной бутылки. Сколько бы времени это ни заняло, рано или поздно бутылка взорвется. И чем дольше она останется закупоренной, тем дальше разлетятся осколки. И вот, этот взрыв произошел. Шестьдесят пять лет назад Торомонские ученые провели первые эксперименты в передаче материи. Была построена транзитная лента между Тилфаром,

нашим городом на материке — единственным — и Тороном, нашим островным капитолием. Затем Тилфар был отрезан от нас увеличившимся радиационным барьером — почти так, как если бы пространство Торомонской империи было бы уменьшено, чтобы ускорить последний взрыв. Три года назад мы склонились к мысли, что группа лесных жителей, возможно, контролируемых врагом, искусственно усилила радиацию, пользуясь каким-то оборудованием из самого Тилфара.

Катам повернулся к Джону.

— Три года назад ваша сестра, д-р Кошер, открыла обратные субтригонометрические функции и их применение. Через шесть месяцев старая транзитная лента превратилась в антенну, могущую передавать энергию куда бы мы не пожелали, и Тилфар, снова обитаемый, стал военной базой для пересылки тысяч людей в любое место планеты. И война продолжается. Почему война? Почему не мир? Торомон слишком долго жил в мире. Вот и все, что я знаю.

— Я думала, вы упомянете то, что, как я поняла, самое явное во всем этом, — сказала герцогиня. — Доктор Катам, вы помните инцидент, вызвавший объявление войны три года назад?

— Да. Младший брат короля, принц Лит был

похищен. Это, вероятно, сделала какая-то ранняя группа недовольных. Неды вернулись на спокойный путь, но они никогда не были так сильны, как сейчас. Они и раздувают смуту. Кое-кто думает, что они связаны с врагом. И никто, как я слышал, не ходит через Адский Котел после наступления темноты.

— Котел никогда не был особо приятным городским районом, — ответила Петра. — Ну, профессор Катам, теперь я расскажу вам мою историю. Она много короче вашей и куда более невероятная. Но она правдива. Торомон имел доступ к передаче материи по широкой шкале в течение трех лет. Но по крайней мере, две другие расы во вселенной имели доступ к ней миллионы лет. Они пользовались этим для межзвездных путешествий. Эти расы даже не состояли из индивидуумов, а являлись скорее коллективным разумом. Их метод межзвездных путешествий более психический, чем физический. Одна раса, похоже, является аморальным экспериментатором. Другая более старая, благожелательна и состоит из трех центров разума, которые, кажется, проверяют и уравновешивают друг друга. Мы зовем их Тройным Существом.

Вы говорили об уникальности Торомона, о

комбинации его изолированности и развития. Экспериментатор, которого мы зовем Лордом Пламени, также знал об уникальности Торомона, и начал извне вмешиваться в порядок, чтобы сохранить Торомон изолированным как можно дольше. Вы хотели знать, откуда мятежники получают оборудование и умение подойти близко к радиационному барьеру? От Лорда Пламени.

Я, Джон и Эркор были в контакте с Тройным Существом три года назад. С их помощью мы уничтожили агента Лорда Пламени, но слишком поздно, чтобы остановить главный взрыв. Но Лорд Пламени вернулся снова. Каков будет результат его присутствия на этот раз, мы не знаем. Похищение принца Лита, дело наших рук. В течение последних трех лет он был в безопасности на материке у лесных стражей. Мы надеемся, что в конце концов эта истеричная война кончится, и тогда принц Лит вернется, и, может быть, исправит то, что останется от Торомона… если что-нибудь останется от него. Пока он жил во дворце с матерью и братом, его жизнь и рассудок были в опасности. Вот и все, что мы могли сделать.

— Так. И вы можете доказать все это? И вообще, зачем вы сказали мне об этом?

— Потому что нам нужен кто-то с исторической ориентацией, чтобы помогать нам советами. Тройное Существо будет помогать настолько, чтобы не повредить нашу культуру введением посторонних смущающих элементов. Первый совет, какой нам нужен — что делать с двумя юнцами, которые помогали нам в первом нашем деле, парнем и девушкой. Парень, Тил, бежал из маленькой рыбачьей деревушки на материке в Торон, где и включился в наши дела. Девушка — акробатка. Они очень помогли нам тогда, но теперь в них нет нужды, и вроде бы стыдно держать их так долго вне общества. Но у них громадная информация, которая может стать опасной, главным образом, для них самих. И есть еще одна проблема. — Она повернулась к Эркору. — Не приведешь ли ты их сюда?

Эркор вышел и вернулся с парнишкой лет семнадцати с темной кожей и глазами цвета моря. За ним шла девушка примерно на год старше и на дюйм выше. Ее кожа загорела так же, как у мальчика, но волосы по цвету и текстуре походили на отбеленный шелк. Оба, казалось, были удивлены таким явлением, как Катам, но промолчали.

— Особая проблема вот в чем, — сказала герцогиня и нажала кнопку на подлокотнике кресла.

Освещение комнаты упало вдвое.

Рольф Катам дернулся в своем кресле, он сидел в комнате… с пятью пустыми креслами, но одушевленными костюмами. Женское платье сидело в кресле рядом с ним, а скудная одежда двух младших парила в дверях. Но хотя свет был тусклым, было все-таки хорошо видно, что тела, обитавшие ранее в этих одеждах, исчезли.

Голос герцогини продолжал:

— Начиная с того времени, как мы впервые включились в это дело, Тройное Существо сделало нас иммунными к некоторым частотам радиации, перестроив нашу кристаллизационную матрицу. Побочный эффект выразился в том, что индекс рефракции субстанции наших тел сделал нырок носом. Это означает, что при слабом освещении мы исчезаем… — свет стал ярче, и все пятеро снова оказались видимыми. — Теперь вы видите, в чем проблема. Кстати, демонстрация — наше единственное доказательство.

— Я поражен, — сказал Катам, — но я не могу поверить вам, поскольку это и может быть розыгрышем. Но я приму это как теоретическую проблему. Вы хотите знать, что делать с ребятами? Спрысните их пигментирующей жизненной пеной, которую Медицинский Центр

разработал для меня, хотя я не настолько суетен, чтобы носить ее. Верните их миру, и пусть они занимаются своими делами. А остальные трое — сконцентрируйтесь на Лорде Пламени. — Катам встал. — Вы можете снова встретиться со мной в университете. Должен сказать, что все это очень интересно, но всерьез я не верю, что тут нечто большее, чем психологическая фантазия с вашей стороны. — Он улыбнулся своей трехчетвертной улыбкой. — А это стыдно, Ваша Светлость, потому что у вас ужасно живое воображение. Но я буду давать вам советы, насколько смогу. Обдумайте это, пока я не ушел. Вы сказали, что похищение принца Лита организовали вы. Правительство в конце концов решило, что это сделали неды. Скорее всего, они ответственны и за смерть Черджила… если он умер. Вы в вашем фантастическом мире, возможно, считаете себя виновными в этом? — Катам открыл дверь, кажется, удивился, что она не заперта, и вышел.

Эркор, герцогиня, Джон переглянулись.

— Итак, — сказал Эркор, — он согласен давать советы, но он нам не верит.

— Это лучше, чем ничего, — сказал Джон.

— Эркор, узнай, есть ли жизненная пена, и доставь немного как можно скорее, — сказала

герцогиня.

ГЛАВА 2

Пятнадцать медяков по сотой части деньги были разложены квадратом минус один угол на перевернутом картонном ящике. Волосатый кулак шмякнул по поверхности, монеты подпрыгнули, и три человека стоявшие на коленях вокруг ящика, повалились назад.

— В чем дело? — спросил один, с курчавыми черными волосами.

— Эй, смотрите на меня! — ухмылка прорезала широкое лицо вмешавшегося, без шеи, с волосами и бровями цвета нечесанной пеньки, он откинул голову и захохотал, повторяя: — Смотрите на меня!

— Ах, да брось ты! — жалобно сказал зеленоглазый веснушчатый парень, которого называли Креветкой. — Приставал бы к кому-нибудь твоего размера.

Приземистый торс Лога повернулся на тазовых костях и хлопнул себя по животу.

— Я пристаю… — он повернулся к третьему человеку, — к тебе!

Третий человек у ящика, Фургон, имел такое

же физическое сложение, но волосы его напоминали черную проволоку, а лоб был еще ниже, чем у Лога.

— Оставь Фургона в покое, — сказал Креветка. — Вы хотели научить его этой игре.

— Он моего размера, — проворчал Лог, хлопая Фургона по плечу.

— Оставь его в покое, Лог, — повторил Креветка.

Лог снова ударил Фургона по плечу. Фургон неожиданно повернулся, мускулы на плечах и бедрах вздулись, он прыгнул на Лога и оба покатились по полу. Другие рекруты смотрели на них со своих коек, где они сидели и читали военные памфлеты. Семифутовый лесной страж отделился от стены и пошел к двум сцепившимся неандертальцам. Вой, еще вой — и вот Фургон и Лог качаются в воздухе, их воротники в кулаках лесного великана.

— Почему вы, обезьяны, не научились прилично подражать людям? — спросил страж.

Те только моргали и поджимали пальцы. Лесной страж выпустил их, и они шлепнулись на пол. Встряхнувшись, они разошлись и инцидент был забыт.

— Внимание! — сказал голос от двери.

Все вскочили, когда вошел офицер. За ним шли три новых рекрута: лесной страж с лысым черепом, темнокожий черноволосый паренек с зелеными глазами, как море, и необычно приземистый неандерталец, все время мигающий.

— Новички, — сказал офицер, — внимание! Торн 04?!

Лысый страж шагнул вперед.

— Тил 211!

Зеленоглазый шагнул вперед.

— Ког 019!

Вышел мигающий неандерталец.

— Вольно, парни! Не забудьте, ориентационное собрание через… — он взглянул на часы в потолке, — одиннадцать минут. Как услышите гонг — бегом! — Офицер вышел.

Три новичка улыбнулись полудюжине людей, бегло оглядевших их.

— Привет.

Веснушчатый Креветка шагнул вперед.

— Кто-нибудь из вас интересуется игрой в удачу? Пошли со мной и познакомитесь кое с кем из парней. Меня зовут Арчибальд Сквеш. Это понастоящему. Подумать только, — мать назвала ребенка Арчибальдом! Но вы можете звать меня Креветкой. — Он, казалось, обращался в основ-

ном к неандертальцу, и, наконец, полностью повернулся к нему. — Тебя звать Ког, верно? Ну, пойдем, сыграем.

Тил и Торн переглянулись и последовали за Креветкой и Когом туда, где другой человек укладывал монеты на перевернутый ящик.

— Привет, Кудряш, — сказал Креветка. — Это Ког. Хочешь сыграть с ним, Кудряш. Правильно, Ког?

Его восторженное дружелюбие показалось Тилу натянутым. Но неандерталец осклабился и кивнул.

— Садись сюда, — Креветка положил руку на плечо Кога и заставил присесть на корточки возле ящика. — Вот, значит, как мы играем: устанавливаешь монеты квадратом с одним пустым углом. Берешь монетку в десятую часть деньги и бросаешь ее через верх ящика, чтобы она попала в этот угол, понял? С дальнего конца квадрата вылетят две монетки. Мы нумеруем монетки в дальнем конце — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и ты делаешь ставку на две любые. Сейчас покажу: я ставлю на 2 и 6. Значит, ты получаешь мои полденьги, потому что выпала только половина моей ставки. Ну, хочешь попробовать?

— Э… ну… — Ког кивнул. — Как вы зовете эту

игру?

— Слумат, бродяга. Двойная кость. Семерка — выбирай любое.

— Бродяга?..

— Бродяга, — повторил Креветка. — Теперь клади свои деньги. На какое ставишь?

— Ну… на 2 и 6.

Ког бросил. Две монеты вылетели, но не 2 и 6.

Кудряш поднял банкноту Кога.

— О, игра не кончилась, — сказал Креветка. — Это просто первая проба. Сейчас мы все сыграем снова.

Смятые банкноты легли на верх ящика. Монета бросалась снова и снова.

На лице Кога выразилась растерянность, когда над импровизированным столом вдруг наклонился лысый лесной страж Торн и сказал ровным голосом:

— Как насчет того, чтобы дать шанс и мне?

Креветка поднял глаза и неловко сказал:

— Я как раз хотел предложить прекратить игру. То есть…

— Продолжай, — настойчиво сказал Торн. Его длинная рука протянулась над плечом Тила, темные пальцы сложили квадрат. Креветка и Кудряш с тревогой переглянулись.

— Вот деньги, — сказал Торн, кладя банкноту.

— Я, пожалуй, возьму свою бумажку прямо сейчас, — сказал Кудряш, но Креветка лягнул его из-за угла ящика, и протянувшаяся было рука Кудряша молниеносно втянулась обратно, как спущенная пружина.

— 3 и 5,— сказал Торн.

Из квадрата вылетели 3 и 5.

Торн взял банкноту.

— 2 и 6,— сказал он, выбирая угол вторым броском.

Вылетели 2 и 6.

Торн снова смял банкноту.

— 2 и 4.

Щелчок — 2 и 4.

Торн подождал, пока они положили последние банкноты на его широченную ладонь, а затем выложил деньги перед Когом.

— Это твои, обезьяна, — сказал он и пошел прочь.

Креветка прошипел сквозь зубы:

— Чертовски большие парни, — пробормотал он, глядя вслед стражу. — Как они это делают? Это совершенно честная игра, а они каждый раз выигрывают. — Он вдруг взглянул на Тила и улыбнулся. — Спорю, ты из материковой рыба-

чьей деревни.

— Верно, — сказал Тил. — Откуда ты знаешь?

— По глазам, — сказал Креветка. — Зеленые, как мои. Слушай, мы рыбаки, должны держаться вместе. Чего ради ты связался с армией?

Тил пожал плечами.

— А что еще делать?

— Это верно, — согласился Креветка. — Да, вот Кудряш, он фермер.

Кудряш, все еще думающий о своем проигрыше, проворчал.

— Какой я фермер? Я почти год провел в Адском Котле в банде недов?

— Верно-верно, — сказал Креветка. — Знаешь, это абсолютно честная игра, клянусь желтыми локонами Его Величества, но каким образом…

Воздух пробил удар гонга, и металлический голос ударил им в уши.

— Все новые рекруты идут к Звездному стадиону…

— Это мы, — сказал Креветка, и все они бросились к дверям.

Среди центральных зданий Тилфара, которыми были ограничены действия рекрутов, было одно, погруженное в город, как опрокинутый пузырь. Оно могло вместить под своим куполом десять

тысяч человек, но беспокойные солдаты заполнили только одну секцию.

На сияющем возвышении офицеры выглядели игрушечными. Один подошел к микрофону, кашлянул и, когда эхо прокатилось по арене, начал:

— За барьером у нас есть враг, враждебный всем принципам, которые человеческий род…

Тил сидел среди шестисот новобранцев и слушал. Затем у рекрутов было свободное время до следующего дня. Тил все еще держался с Креветкой и Кудряшом. Когда они возвращались в барак, он спросил:

— Как вообще работает эта игра?

Креветка пожал плечами.

— Точно не знаю. Но почему-то обезьяны как раз не имеют шанса. Нет, игра честная, но вот они выигрывают не больше, чем один раз из десяти. Обычные люди, вроде нас с тобой, делают как надо, а с практикой выигрывают чаще. А вот эти большие парни… просто забудь об игре, когда они поблизости. Ты разве не идешь с нами в барак? — они остановились у двери.

— Не-а, — сказал Тил, — я, пожалуй, пройдусь и посмотрю вокруг.

— Могу сказать тебе, что здесь не много увидишь, — сказал Креветка, — но дело твое. Уви-

димся позже.

Когда Тил ушел, Креветка пошел в барак, но Кудряш смотрел вслед Тилу, исчезавшему в полутьме.

— Чего ты ждешь? — спросил Креветка.

— Слушай, какого цвета глаза у этого парня?

— Зеленого. Чуть темнее моих.

— Я тоже так думал, а сейчас посмотрел, когда мы возвращались сюда, и они вовсе не зеленые.

— А какие же?

— В том-то и дело, что никакие. Просто дыры в голове.

— Ну, черт возьми, сейчас почти темно, ты просто не разглядел.

— Видел, и клянусь, за его веками ничего не было. Просто дыры.

— Вечерний воздух вреден тебе, парень, — сказал Креветка, покачивая головой. — Входи давай, и поиграем в честную игру «бродяга».

Тил шел по темнеющей дороге, он пошел по крутому переходу с одной спиральной дороги к другой и прошел над большинством окружающих зданий. Только центральный дворец был заметно выше дороги. Когда дорога завилась вокруг темной башни, он смотрел на крыши меньших зданий Тилфара.

Внизу город вытянулся к равнинам, а равнины к горам, которые все еще слабо мерцали от радиационного барьера, идущего вдоль зубчатого края. Все это было знакомо Тилу. Ртутный свет вдруг замерцал и выбелил тени на перилах. Подняв глаза, Тил увидел ярдах в двадцати другого рекрута из разведки и узнал в нем лесного стража, который прибыл вместе с ним сегодня днем. Торн увидел его и помахал рукой.

— Как дела?

— Хорошо, — сказал Тил. — Ты тоже решил прогуляться?

Торн кивнул и посмотрел через ограду. Тил остановился рядом с ним и тоже наклонился над перилами. Ветер задирал верх их рукавов и дергал открытые воротники.

— Слушай, — сказал Тил, — как ты делаешь этот фокус с игрой?

— Ты не поймешь.

— Ну да! Думаю, что пойму! Попробуй.

Торн повернулся боком к перилам.

— Если ты действительно хочешь знать, то старайся думать: представь, что ты в Тороне и стоишь на тротуаре. Один из больших грузовиков Гидропоники Кошера идет вниз по улице, и мотор выключается примерно в четверти мили

от конца квартала. Что произойдет?

— Покатится по инерции.

— Далеко?

Тил пожал плечами.

— Наверное, это зависит только от того, насколько он тяжел и насколько быстро ехал.

— Правильно. Но если бы ты переходил улицу, ты мог бы судить вполне точно, успеешь ли ты перейти, и даже определить место, где грузовик должен остановиться — как только увидишь, что он замедляет ход.

— Думаю, да.

— Ну, вот, и когда ты это делаешь то подсознательно решаешь задачу, для решения которой математик должен взять бумагу и карандаш, знать точно вес грузовика, скорость, коэффициент уменьшения скорости, трение, и тогда минуты через две он решит. А ты сделал это за полсекунды и с весьма неточной информацией, которую твои чувства успели собрать за долю секунды.

Тил улыбнулся.

— Да, поразительно. Но какое отношение это имеет к игре?

— Прямое. Ты и я рассчитаем и перейдем улицу, а обезьяна будет стоять на углу до тех пор,

пока грузовик не остановится намертво, и только тогда перейдет улицу. Конечно, если ты научишь его математике, дашь ему бумагу, он высчитает это за то примерно время, что и всякий другой математик. Но он может просто глянуть на замедляющий ход грузовик и представить себе, где машина остановится.

— И все-таки, не вполне понимаю…

— Вот: смотри — путь, который вы, люди, точно представляете себе, только глянув на вещи, обезьяны постичь не могут, мы представляем себе вещи с одного взгляда, например, под каким углом и с какой силой бросить монету, чтобы выбить именно те монеты с дальнего конца квадрата слумата, какие мы хотим. Если ты можешь судить о направлении и скорости брошенной монеты, ты представишь себе эластичность игры и игру сил в матрице, и каким образом это сработает в конце.

— Я, кажется, понял, — сказал Тил.

— Я не могу объяснить тебе это математически, но и ты не можешь объяснить математически замедление своего грузовика.

— Пожалуй, нет, — Тил вдруг нахмурился. — Послушай, когда ты сказал «вы, люди» — это прозвучало так, будто это… не ты.

Торн засмеялся.

— Что ты хочешь сказать? Обезьяны часть вас, так же, как и вы, люди, часть нас.

— Вот-вот! Разве ты не слышишь, как ты это говоришь?

— Да, — сказал Торн, помолчав, — я слышу.

— Так вот, насчет игры. Может ли кто-нибудь из… нас, людей, сделать это, на что ты только что намекал?

Торн пожал плечами.

— Полагаю, какой-нибудь исключительный мозг может. Но ведь, в сущности, это неважно.

— По-моему, важно. Мы, люди… — повторил Тил. — Как же вы себя называете, если не думаете о себе, как о людях?

Торн пожал плечами.

— Мы думаем о себе, как о стражах, лесных стражах. Только «лес» — это не главное.

— Это верно. Иногда вы называете себя лесным народом.

— Как стражи мы охраняем ваши каторжные рудники на краю леса и возвращаем бежавших заключенных.

— Ах, да. Я и забыл. Я знал одного бежавшего заключенного, до того, как вступил в армию, — он задумался.

— О чем думаешь? — спросил Торн.

— По правде сказать, об ожерелье. Это ожерелье было однажды сломано, на него наступили. Но потом я его укрепил. Красивое было ожерелье. Я сам полировал раковины. Как ты думаешь, что там за свет на краю города?

— Не знаю. Может, собираются что-то делать в учебном лагере. Хотя, похоже, что свет из очень ограниченной части города.

— Ну. Но зачем им свет, если там никого нет?

— Кто знает… — Торн внезапно выпрямился. — Смотри-ка, видишь, некоторые бегут прямо вскачь.

— Угу, я тоже увидел одного. Интересно, куда это они.

— Не знаю. Те, кто бегут, обратно не возвращаются. Хотел бы я знать, связано ли это с базовыми учениями. Говорят, эти шесть недель будут здорово трудными.

— Знаешь, я не видел среди рекрутов ни одного из… стражей, которые читают мысли, стражей с тройными рубцами.

— В самом деле? А что ты знаешь о телепатах?

— Ничего, — сказал Тил. — Знаю только… да, я знал, когда-то одного мужика, я хочу сказать, стража, который мог читать мысли. И у него

были шрамы…

— Ты знаешь кучу интересных людей. Знаешь ли ты, что очень немногие из них, ваших людей, знают о стражах-телепатах? Очень, очень немногие. Я бы сказал, знают человек сорок вне леса, и большинство из членов Совета.

— А ты не телепат? — спросил Тил.

— Нет. А ты прав, в армии их нет. Их не призывают.

— Обычно я ничего не говорю о них.

— Думаю, это хорошо, — он вдруг положил руку на плечо Тила. — Пойдем со мной обратно в барак, малыш. Я хочу рассказать тебе одну историю.

— О чем?

— О заключенном. Я имею в виду бежавшего заключенного.

— Да?

Они пошли к дороге, ведущей к баракам.

— Я жил неподалеку от каменных рудников, Тил. Не все лесные стражи патрулируют рудники, но если уж родился возле них, шансы будут. Мы были организованы в отряды, в мини-армию. Отдаленные племена стражей гораздо более неофициальны, но те, кто близок к рудникам и работает на них, должны быть в известной степени точными. Нашим отрядом командовал

спокойный страж с тремя рубцами на лице. Мы сидели у костра и болтали, а Рок — так его звали, — стоял у дерева. Был вечер, в воздухе чувствовалось приближение дождя. Вдруг хрустнула ветка, и на поляне появилась Ларта, лейтенант отряда Фрола, который патрулировал лес в миле от нас. Она и Рок молча разговаривали несколько секунд, а потом заговорили вслух, чтобы мы поняли.

— Когда они пытаются бежать из рудника? — спросила Ларта.

— Перед самым рассветом, — ответил Рок.

Мы все слушали.

— Сколько их? — спросил Рок.

— Трое, — ответила Ларта. — Один — хромой старик. Он пробыл в рудниках четырнадцать лет. Пять лет назад при обвале ему раздробило ногу. Ненависть в его мозгу пылает, как полированный рубин, сверкает в глазах. Он скорчился у ступенек сторожки, ждет и крутит в пальцах прутик, стараясь не думать о боли в ноге. Он чувствует себя очень старым.

Рядом с ним сильный человек. Текстура его мозга похожа на железо и ртуть. Он очень заботится о своем теле и сейчас думает о жировой складке на животе, куда прижаты его колени, и о

веснушках на лице. У него на животе шрам после удаления аппендикса, и он думает о нем, мельком вспоминая стены Медицинского Центра. Он всегда старался выглядеть в тюремном лагере легко адаптирующейся личностью, спокойно и точно действующей в некоторых новых ситуациях. Но решимость, с которой он готовится к побегу — он вспоминает, как он чуть не застрял в тоннеле, который они рыли ложками, башмаками и руками, чтобы добраться до сторожки — решимость, твердая и холодная.

Третий, самый молодой, черноволосый сжался позади тех двоих. Думает о гладкой поверхности пруда, о чем-то ярком, что бросает снизу вверх, об энергоноже и искрах на его поверхности. Вот так выглядит в его мозгу идея свободы.

Пока Ларта говорила, пошел дождь.

— Они прижались ближе, — сказал Рок. — Против двери через ступеньки сторожки натянут шнурок. Сменщик всегда входит в эту дверь за секунду до того, как первый страж выйдет в заднюю дверь. Сменщик зацепится за веревку и упадет и заорет, первый вернется посмотреть, что случилось, и тогда беглецы проскочат освещенное место и скроются в джунглях. Так спланировал Ртуть и Железо. Пылающий Рубин привязал один

конец шнура, а Лезвие — другой. Они ждут под моросящим дождем.

Мы тоже сидели и ждали. Ларта ушла к своему отряду.

Такова первоначальная история. Затем сам побег: крик стражника, быстрые шаги второго, беглецы перебежали освещенную полосу и скрылись в темноте среди мокрых деревьев. Я пошел по следу Рубина, услышал, как он ковыляет по мокрой траве, как он остановился и прошептал: «Харт, Джон, где вы? Ради бога...» Я тронул рукоятку энергоножа, и мокрые листья засияли зеленым светом. Старик отшатнулся и вскрикнул, рубиновая ненависть сверкала в его глазах. Он снова закричал и упал ничком на мягкую траву. Я снова коснулся рукоятки, а его тело вытянулось. А веснушчатый кричал и кричал, вцепившись в мокрый ствол дерева. И Ртуть испарилась, железо вытекло с горячей жидкостью страха. В последний раз он закричал: «Кто вы? Покажитесь! Это нечестно!» И мы взяли его в кольцо.

На заре под дождем, мы отнесли два тела обратно и оставили в грязи перед хижинами. Это давняя история, история побега.

Они уже почти дошли до бараков.

— Зачем... — начал Тил, — зачем ты рассказал

мне это?

Торн улыбнулся.

— Мы же унесли только два тела. Третий самый молодой, свернул к радиоактивному барьеру, куда мы не могли следовать за ним. Он должен был умереть. Но не умер. Он спасся. Ты сказал, что знал бежавшего заключенного, а он был единственным за последние шестнадцать лет. И ты также знаешь о телепатах. И кроме того, у тебя странные глаза. Ты знаешь это?

Тил сощурился.

— Я не телепат, — снова сказал Торн, — но любой лесной страж рассказал бы тебе эту историю, если бы ты сказал ему то, что сказал мне. Мы… чувствуем вещи чуть более ясно.

— Но я все-таки не понимаю…

— Завтра мы идем на базисное облучение. Через шесть недель мы встанем перед врагом. А до тех пор, друг, держись подальше от игр удачи. Они вовсе не так случайны, как ты думаешь. И держи язык за зубами.

И они вошли в барак.

ГЛАВА 3

Островной город Торон располагался концентрическими кругами. В центре — королевский дворец и вдоль улиц с колоннами высокие особняки богатых купцов и промышленников. Здания смотрели друг на друга широкими окнами. Вдоль верхних этажей шли латунные или мраморные балконы. По улицам бродил праздный народ в яркой одежде.

Внешнее кольцо — берег, пирсы, пристани, общественные здания, склады. Внутри к нему примыкал район, известный как Адский Котел с запутанными узкими улицами, где злобные серые коты охотились за портовыми крысами у опрокинутых мусорных баков. Здесь жило в основном рабочее население Торона, а также подонки общества, многие из которых входили в бродячие банды недов.

Между внутренним и внешним кольцами был район неприметных домов — меблированных комнат, а иногда и частных жилищ служащих, ремесленников, инженеров, врачей, адвокатов — всех тех, кто достаточно зарабатывал, чтобы подняться над беспорядком Котла, но был слиш-

ком слаб, чтобы удержаться в центре.

В двухкомнатной квартире одного из таких домов лежала женщина с закрытыми глазами. Пальцы теребили простыни постели. Она сильно ощущала город вокруг себя и старалась не кричать.

На дверях была табличка с именем, написанным черными по желтому металлу: Кли Решок. Это была ее настоящая фамилия, написанная наоборот. Когда-то ее отец по совету ее назвал побочную рефрижераторную компанию «Решок». Кли было тогда двенадцать лет. А теперь она сама воспользовалась этим именем. Три года она жила то в отцовском доме, то в университете. И тогда она сделала три открытия.

Теперь она жила одна, мало чего делала, только гуляла, читала, делала расчеты в блокноте, лежала и удерживалась от крика и плача.

Первое открытие Кли — это человек, которого она любила с болезненной страстью вызывавшей покалывание в затылке при мысли о нем, о его рыжих волосах, бычьем теле, внезапной усмешке и утробном хохоте вроде медвежьего рева — что этот человек умер.

Второе открытие, над которым она работала половину времени, проведенного в университете,

и девять десятых времени, считавшегося потраченным на государственный проект, к которому она была подключена сразу же после получения ее степени — обратные тригонометрические функции и их применение к случайным пространственным координатам. Результатом был доклад, представленный в университете, а затем правлению правительственных советников. Воспоминание все еще пронизывало ее мозг.

«...итак, джентльмены, более чем возможно, что с преобразованием уже существующей транзитной линии мы сможем посылать от двухсот до трехсот фунтов материи в любое место земного шара с точностью до микрона...»

В любое место!

Третье открытие...

Сначала кое-что о ее мозге. Это был сильный, блестяще отточенный математический мозг. Однажды Кли среди пятидесяти других математиков и физиков получила три страницы сведений о радиоактивном барьере, чтобы открыть способ пройти через него, под ним или в обход его. Она смотрела на три страницы три минуты, отложила на три дня, чтобы заняться собственными расчетами, а потом объявила, что радиация за барьером искусственная, генериру-

емая проектором, который можно уничтожить, и таким образом проблема будет решена. Короче говоря, мозг пробивается сквозь информацию к правильному ответу, даже если вопросы ставились неправильно.

Это третье открытие она сделала, когда после представления доклада о субтригонометрических функциях ее назначили на работу над малой частью особо секретного правительственного проекта. Ей не говорили ни о проекте, ни о значении ее части работы, но ее мозг, экстраполируя от своего фрагмента, врезался и врезался в тайну. Это была часть какого-то невероятно сложного компьютера, назначение которого, по-видимому, должно быть… должно быть…

Сделав это открытие, она исчезла. Легче всего было переиначить фамилию. Труднее было убедить отца позволить ей занять эту квартиру. Нелегко было также тщательно уничтожить некоторые государственные записи: все копии ее контрактов на работу по военным усилиям и рисунок сетчатки глаза ее, записанные при рождении. Она надеялась, что в общей военной неразберихе ее не найдут. Устроившись в этих двух маленьких комнатах, она стала методически притуплять остроту своего поразительного

мозга. Она все больше отделялась от своих книг, пыталась игнорировать военную пропаганду, наводнившую город, принимала как можно меньше решений, и если ей не удалось полностью затупить мозг, она достаточно смазала его остроту.

Она много думала об умершем, гораздо меньше о субтригонометрических функциях и если подходила в воспоминаниях близко к третьему открытию, она тут же начинала думать о чем-нибудь другом. Только бы не закричать, а оставаться молчаливой и спокойной.

На столе лежал смятый плакат, который она однажды сорвала со стены. По зеленой бумаге ярко-красными буквами объявлялось:

У НАС ЕСТЬ ВРАГ ЗА БАРЬЕРОМ

Кли накинула халат, подошла к столу, но вдруг вышла в переднюю комнату, не зажигая свет. Ее платье висело на спинке стула. Она оделась в темноте, вышла в холл и пошла к лестнице. В углах холла заклинилась серо-голубая пыль.

У входной двери она увидела доктора Уинтла, пытавшегося войти. Она открыла дверь, и он ввалился.

— Доктор Уинтл! Что с вами?

— Алкоголь… — колени его разъезжались. —

Прекрасный зеленый алкоголь, мисс Решок… но лишнего… Помогите мне подняться… только бы моя жена не услышала.

Кли вздохнула и повела доктора.

— Ох, война — ужасная вещь! — бормотал он. — У нас враг за барьером, а что делается с нами здесь, в Торомоне… Мы должны тяжело работать, чтобы идти вперед к лучшей жизни, но это так трудно… Иногда действительно можно позволить себе… Вы знаете насчет роста производительности всевозможного оборудования? А порядочные граждане не могут ничего этого получить. Вот завтра ко мне придет один больной, волчанкой. Его послал ко мне специалист, которому несколько лет назад я делал кое-какие исследования в этой области и кое-чего добился. Но как я могу лечить волчанку без некоторых гормонов? В каталоге Медицинского Центра числится многое для лечения армии, а мне говорят: простите, но неармейские врачи могут получить только минимум лекарств. Что же я скажу этому человеку? Пусть убирается? Что я не могу лечить его? Что я не могу достать лекарства? А у него денег, что соли в море. Я сделаю ему укол, который ему не повредит, и возьму с него деньги. Я честный человек, мисс Решок. Но стараюсь сделать,

что могу для своей семьи, только и всего.

Они добрались до квартиры доктора. Он привалился к стене и стал прикладывать большой палец к замку, хранящему его отпечаток, а Кли снова спустилась вниз.

Она вернулась домой в шесть часов утра. За последние два часа хозяин бара навалился на стойку и следил за женщиной в черном платье и с гладкой прической, которая пила только слабые напитки и собирала феноменальные выигрыши с игральных автоматов.

В дверях ее встретила женщина с повязанной шарфом головой: она высыпала мусор в ящик.

— Так рано встали, мисс Решок? Это очень хорошо, встать рано и прогуляться. Сразу видны правильные привычки. С этой войной так трудно оставаться бодрой. Я так хотела бы, чтобы можно было посылать нашим парням письма и посылки, узнать, что там делается, тогда мне было бы много легче. Иногда я желала бы иметь сына, чтобы гордиться… А с дочерьми так трудно. Думаете, она ценит, как мне трудно? Сейчас, когда все подходящие женихи за барьером, девушка должна быть особенно осторожной в знакомствах. Я стараюсь знакомить ее с хорошими мальчиками, а она подцепляет кого попало? Эх, это прямо ужас-

но! Если девушка хочет преуспеть… ой, надо быть осторожной. Ренна несколько лет встречается с ужасным мальчишкой, Валом Ноником. А вы знаете, где живут его родители? — Она показала в сторону Котла. — А он и с ними-то не живет!

— Извините, — прервала ее Кли, — у меня еще есть дела, так что я пойду.

— О, пожалуйста, пожалуйста! — женщина отступила от двери.

Войдя в квартиру, Кли закрыла дверь и в задумчивости остановилась возле нее.

У него были такие сильные руки… он смеялся своим медвежьим смехом, когда мы следили, как две белки болтают друг с другом на лужайке… В тот день он навестил меня в университете. Он сказал: «Ты можешь выбирать, что хочешь». И я ответила: «Я хочу работать над своим проектом субтригонометрических функций, и я хочу быть с тобой, но если это война…» Война! И он умер! Кли запретила себе думать.

Она закрыла окно, легла, и в мозг снова хлынули воспоминания. Вскоре после доклада она работала на компьютере.

«Нужно ввести мощность для получения информации от полуторных до трех с четвертью килоспик и управления по крайней мере сорока

тысячами данных». Она лениво предположила, что это, вероятно, должна быть мощность, чтобы взять информацию непосредственно из человеческого мозга, поскольку энергия мозга неандертальца как раз измерялась полуторами килоспик, в то время, как необычная кора мозга лесных стражей производит энергию до трех с четвертью килоспик. Нет, нельзя делать такие выводы… Позднее она увидела на столе коллеги чертеж выключателя в цепь того же вольтажного дифференциала, чтобы можно было изменить вход на выход. Ввести или вывести до сорока тысяч битов информации непосредственно в человеческий мозг, подумала она. Она решила проблему сорока тысяч данных с помощью трехгранных кристаллов тетрона, приведенных в соответствие с частотой шума. С десятью кристаллами — каждый размером с булавочную головку — она получила систему, могущую управлять шестьюдесятью семью тысячами данных, и очень гордилась этим. Однажды, обследуя дальний конец здания, где она работала, она увидела через открытую дверь несколько приколотых к стене эскизов гротескных воображаемых болотных пейзажей и структурно-невозможных анатомических расчленений. Через две

недели распространились слухи, что два художника, работавших в этом здании, подверглись прифронтальной лоботомии по настоянию правительственных психиатров. Еще кое-какие мелочи: посыльный принес те самые эскизы и катушку магнитной ленты в кабинет двумя этажами выше. Возможно, та самая катушка перешла из рук техника к военному чиновнику, когда Кли спросила о рисунках, техник-лаборант ответил: «Их сожгли. Они больше не нужны». Это походило на внезапную ликвидацию всего проекта, а она занялась чем-то другим, первые рапорты об изменении транзитной ленты от проволочной до беспроволочной передачи материи, затем разговор за ленчем со знакомым из совершенно другого департамента: «…работаю на жутком компьютере. Он вводит информацию прямо в мозг с лент. Я не могу себе представить, что человеческому мозгу делать с шестьюдесятью семью тысячами битов информации, а вы представляете?» И еще пара-тройка мелких деталей. И однажды поздним вечером она гуляла у верфей, и ее как ударило: первое — он умер! Второе — в любое место! Третье… Она запретила себе думать, потому что готова была закричать.

Думать о чем-то другом, не вызывающем же-

лания кричать, быть спокойной, быть ничем… Постепенно напряжение оставило ее тело, и она уснула.

К вечеру она встала, умылась, поела и вышла купить еды на следующий день. Как-то она разработала новый метод расчета, но забыла его, пока снова не пошла по вечерним улицам.

Крик слева оторвал ее от размышлений. Рядом в переулке раздались шаги, звук падения, опять крик и несколько быстрых шагов. Она мельком глянула в бок и прижалась спиной к стене. Неды!

Двое мужчин и женщина бежали к тому месту, где какое-то количество мужчин затеяло шум. Кто-то отскочил, мужчину ударили ногой в живот, и он покатился по мостовой. Женщина кричала и ругалась, размахивая руками. Кто-то вырвался от дерущихся — девушка с белыми волосами! Она бежала по направлению к Кли, но двое мужчин загородили ей дорогу. Один из них поднял руку, в ней блеснули белые искры. Энергонож!

Кли наклонилась, схватила ведро из-под водосточной трубы и выплеснула воду на мужчину. Энергонож укоротился, окутался паром и только скользнул по плечу девушки с белыми волосами.

Но теперь безопасное место Кли за водосточной трубой было открыто. Девушка, отскочив назад, взглянула на Кли, Боже, подумала Кли, у нее нет глаз!

Мужчина с энергоножом бежал к Кли. Его ухмылка напоминала трещину в гнилом плоде кхарбы. Кли пнула его и вильнула в сторону, думая о своих математических расчетах. Он перенес тяжесть тела на левую ногу, и поднял правую, чтобы ответить пинком. Но Кли быстро повернулась к нему лицом, резко ударила краем башмака по верху его правой ступни — он был бос — и одновременно локтем в живот. Когда он упал под ее двойной атакой, она бросилась бежать, слыша за собой легкие догоняющие ее шаги. Она снова повернулась, думая: «сейчас я сама кинусь и вцеплюсь зубами в шею. Он этого не ожидает». Но обернувшись, она остановилась: за ней бежала девушка, и глаза у нее были ярко-голубые!

Беловолосая девушка была под фонарем.

— Бежим, — сказала она. — Вот сюда. Они погонятся за нами.

Они свернули за угол, шмыгнули по двум переулкам и замедлили ход. Кли хотела спросить: «Кто вы?», но девушка в это время сказала:

— А вы здорово деретесь!

Удивленная Кли взглянула на девушку.

— Спасибо. Что с вашей рукой?

— Ничего, — ответила та, прижимая левую руку к правому плечу.

— Вам больно, — сказала Кли и увидела ожог. — Слушайте, я живу неподалеку. Пойдем, я приложу что-нибудь к этому. — И подумала про себя: «И узнаю, кто ты такая».

— Спасибо, доктор Кошер.

Кли вздрогнула, но быстро пошла вперед.

Прикладывая палец к замку, Кли спросила:

— Кто послал вас следить за мной? И называйте меня только по имени.

— Идет, — сказала девушка.

Дверь открылась, и Кли включила свет.

— Как вас зовут?

— Алтер.

— Садись, Алтер, и снимай блузку.

Кли пошла в ванную и принесла оттуда три пузырька, рулончик ленты и марлю.

— Ого, по вашему плечу словно рашпилем проехали.

— Вы, похоже, укоротили лезвие, но все равно оно было еще горячим. Моя рука однажды чертовски пострадала, и ее надо беречь.

— Интересно, где они взяли это оружие. Его

имеет только стража и военные.

— Вот у них и взяли, — сказала Алтер и сморщилась, когда прозрачная жидкость полилась на содранную кожу, но расслабилась, когда полилась красная. — Никто меня сюда не посылал, честно.

— Может, я вовсе и не хочу знать, — сказала Кли, но внезапно ее голос потеплел. — Что это? — она коснулась петли из ремешков, на которой висели полированные раковины.

— Это ожерелье. Мне подарил один мальчик.

— Оно было сломано, — сказала Кли, — а потом починено.

— Верно, как и моя рука. Откуда вы знаете?

— С правой стороны на поверхности ремешка надрезы, как будто что-то тяжелое упало на ожерелье и раскрошило раковины на этой стороне. А ваше плечо чуть шире левого. Но я уверена, оно работает хорошо.

Алтер широко раскрыла бирюзовые глаза.

— Так и было. Кое-кто наступил на ожерелье… однажды. А почему вы сказали мне об этом?

— Потому что я наблюдательна, и хочу, чтобы вы поняли это. — Четыре полосы ленты легли крест-накрест поверх марли на плечо Алтер. Кли достала из холодильника свежих фруктов и

положила на стол. — Хотите?

— Угу. Спасибо.

Когда Алтер покончила с половиной, Кли сказала:

— Видите ли, если вас послало правительство, мне нечего и пытаться удрать. Но если кто-нибудь другой, тогда…

— Ваш брат, — сказала Алтер, — и Эркор, и герцогиня Петра.

— Брат… — тихо произнесла Кли.

— Он не посылал меня, — сказала Алтер вгрызаясь в плод. — Точно. Но они сказали мне, где вы, и я решила прийти и поглядеть, что вы за особа.

— Ну, и какая же я?

— Сражаетесь вы классно, — засмеялась Алтер.

Кли тоже улыбнулась.

— Как там Джон?

— Прекрасно. Все в одном месте.

— За три года я слышала о нем только три раза. Он не передавал письма?

Алтер покачала головой.

— Ну, я рада, что он жив, — сказала Кли, собирая пузырьки.

— То, что они пытаются сделать с войной…

— Я не хочу об этом слышать. — Кли понесла пузырьки обратно в ванную. — Я не хочу ничего

слышать об этой проклятой войне.

Когда она вернулась, Алтер была у стола, Она сдвинула смятый плакат и разглядывала блокнот.

— Из-за этого?

Кли пожала плечами.

— Вы изобрели вещь, которая может послать людей через барьер, верно?

Кли кивнула.

— И зачем?

— Совершенно зря.

— Вы можете объяснить, как эта барьерная штука работает?

— Я могу объяснять всю ночь, Алтер, но вы все равно не поймете.

— Жаль. И я не могу слушать всю ночь, потому что завтра я пойду узнавать насчет работы.

— Да? Тогда, я думаю, вы можете ночевать здесь. С какой стати эти неды пристали к вам?

— Я была на улице, и они тоже. У них всегда так.

— Значит, вам негде остановиться?

— Было одно место, где я могла бы ночевать, в гостинице в Котле, но ее разорили. Так что я бродила по улицам. Какое-то время меня здесь не было, я была далеко.

— Где далеко?

— Просто далеко. — Алтер засмеялась. — Вы расскажете, как работает эта чрезбарьерная штука, а я вам расскажу, где я была. И ваш брат был там.

— Договорились, — сказала Кли. — Но завтра.

Алтер легла на диван, а Кли в свою постель. Прежде чем лечь, Кли сказала:

— По-моему, вы вчера шли за мной?

— Правильно, — отозвался голос с дивана.

— И вы вдруг исчезли.

— Правильно.

— Объясните.

— Вы когда-нибудь слышали о жизненной пене?

— Нет.

— Я услышала о ней всего четыре дня назад. И до сегодняшнего утра не брала в руки. Это пигментирующий пластик, набрызгивающийся на кожу. Я покрыта им. Иначе в сумерках вы меня не увидите.

— Завтра вы расскажете мне подробнее.

— Конечно.

Кли села на постели.

— Откуда взялись эти неды? Чего они хотят?

— А вы разве не из недов тоже?

— То есть?

— Из недовольных. Зачем вы зарылись здесь и прячетесь от всех? У некоторых это внутри, а у других снаружи, я думаю.

— Вы, похоже, все знаете, — хихикнула Кли.

Ответом ей был громкий зевок.

Что я делаю здесь? — размышляла Кли и думала об этом, чтобы не закричать.

Раннее утро осветило стену красно-золотыми лучами, Алтер вышла из ванной.

— Привет!

— Куда вы собираетесь?

— В цирк. Наниматься на работу. Хотите пойти со мной? Пошли, вам полезно выйти.

Кли встала, умылась и стала закручивать волосы в тугой черный узел.

— Заплетите их, — сказала Алтер.

— Что?

— Почему бы вам не заплести косу? Это гораздо быстрее, и не будет выглядеть так… — она слегка вздрогнула.

Кли снова распустила волосы и разделила их на три части.

Когда они вышли на улицу, воротник Кли был расстегнут, а толстая черная коса перекинута через плечо.

— Куда? — спросила Кли.

— По этой дороге.

Они пошли между домами к Адскому Котлу.

В этом спрессованном краю города свободное место было редкостью. Феерия Тритона («Величайшее на острове, на море и на материке представление») захватила пространство двух кварталов. По одной стороне участка выстроились клетки с пумами, восьминогим бизоном, коричневым медведем, двухголовой лисой, гигантским кабаном. Аквариум на пять тысяч галлонов служил домом для дрожащего осьминога-альбиноса. В другом аквариуме тигровые акулы тыкались носами в стеклянные углы.

Стайка ярких воздушных артистов выбежала из одной палатки и исчезла в другой.

— Кто это?

— Работают на трапеции. Они называют себя летающими рыбами. Банально. Пойдем дальше, мне надо увидеть мистера Тритона.

Они подошли к большому фургону в конце участка с громадным бородатым и пузатым Нептуном из папье-маше на крыше.

— Это шоу-фургон. Знаете, а что, если вам пойти вон в ту палатку и что-нибудь поесть, пока я повидаюсь с мистером Тритоном? Потом я по-

дойду к вам, а сейчас мне на просмотр нужно на пустой желудок, иначе черта с два что-нибудь получится.

Алтер вбежала по ступенькам в большой фургон, и Кли осталась одна. Утро было ветреное и холодное. Она повернулась к кухонной палатке. Над деревянными столами нависал зеленый с желтым тент. На гриле шипел жир. Кли села напротив мужчины, тянувшего похлебку из глиняной кружки. Он улыбнулся, и на лице его натянулась сеть морщин.

Официантка за спиной Кли сказала:

— Давайте, заказывайте, что же мне стоять весь день?

— Что у вас есть?

— Жареная рыба, вареная рыба, рыбная похлебка, молоки, особое блюдо — жареная рыба с яйцами, пятьдесят сотых деньги.

— Особое, — сказала Кли.

— Хорошо, — официантка улыбнулась. — Сегодня оно съедобно.

Мужчина снова улыбнулся и спросил:

— Вы с каким номером? Я — клоун.

В это время рядом с мужчиной села женщина в джемпере с блестками и спросила:

— Новенькая на просмотр?

— О, я… у меня нет никакого номера. Я хочу сказать, что не собираюсь выступать в цирке.

Мужчина засмеялся, а женщина сказала:

— Я заготавливаю контракты, милочка, так что не задирайся.

Официантка принесла заказ. Кли взяла вилку, а клоун спросил:

— Вы наслаждаетесь едой, милочка?

Кли недоуменно посмотрела на него.

— Нет, я не имею в виду ваш вес, я имею в виду манеру, с какой вы смотрите на пищу. — Он повернулся к женщине: — вы понимаете, что я имею в виду? Когда человек смотрит на пищу, словно проводит специальный опыт, он не заботится о своей фигуре, и понятно, почему он толстый и сдержанный; а если он щурится и выпячивает губы — ясно, почему он худой и вспыльчивый. А вот вы смотрели… — он снова повернулся к Кли.

— Заткнись, — сказала женщина. — Ты будешь болтать бесконечно, а мы так и сиди здесь весь день?

Все трое засмеялись. Затем клоун посмотрел куда то за плечо Кли и сказал:

— Ого!

Кли обернулась, на участке поставили трамплин. Беловолосая девушка кувыркалась и

вертелась. Тройной кувырок назад, тройной вперед, лебедь, обратный лебедь, складной нож назад…

— Хороша! — сказал клоун.

Женщина кивнула. Люди на участке зааплодировали. Алтер пошла к кухонной палатке. Рядом с ней шел человек, обняв ее за плечи. Он был немолод, толст, с большой бородой.

Кли встала, чтобы дать им место за столом и, к своему удивлению, увидела, что за другим столом тоже встали. Раздался дружный хор голосов:

— Привет, мистер Тритон! Добрый день, мистер Тритон!

— Садитесь, садитесь, — экспансивно потребовал Тритон. Все сели, а он продолжал разговор с Алтер: — Так что ты у нас с послезавтра. Очень хорошо. И ты можешь ночевать на участке.

— Спасибо, — сказала Алтер. — Ой, вон моя подруга, о которой я вам говорила.

Удивление оттянуло уголки рта Кли вниз, прежде чем она смогла поднять их в защитной улыбке.

— Ты бухгалтер, правильно? Ну, мне нужен кто-нибудь, чтобы держать книги в порядке. Будь здесь с девочкой…

— Но я… — начала Кли, глядя на ухмыляющу-

юся Алтер.

— …послезавтра, — закончил мистер Тритон, — и работа твоя. Доброго утра всем. — Он сделал паузу, серьезно посмотрел на Кли и добавил: — Знаешь, мне нравится твоя манера смотреть. Я имею в виду, как ты смотришь на вещи. Доброго утра всем.

— Именно это я и говорил вам, — сказал Клоун.

— Но я… — повторила Кли. Мистер Тритон уже отошел. — Я вовсе не ищу работу. Я не думаю…

Алтер подала руку клоуну, женщине и даже официантке, которая поздравила ее. Через минуту она обернулась к Кли, но та уже исчезла.

Она шла, не глядя ни на закоптелые фасады дощатых строений, ни на визжащих ребятишек, ни на башни, поднимавшиеся в центре города. Она просто шла вперед, пока не дошла до своего дома.

— О, мисс Решок, это вы. Как всегда рано. Я всегда говорила, что это очень хорошо — вставать рано… но подумайте, моя дочь Ренна улизнула сегодня из дома на рассвете, и я уверена, что она проведет весь день с этим типом, Валом Ноником. Какие у него виды на будущее? Я, в конце концов, разумная женщина. Что он намерен делась с

собой? А вы знаете, что она мне ответила? Он пишет стихи! И только! Ну, просто смешно! Но у меня для нее сюрприз, который, я уверена, вымечет из ее головы этого Ноника: я получила для нее приглашение на Бал Лиги Победы. Я полчаса пререкалась с мистером Мулкин. Может, Ренна встретит приличного парня и забудет этого дурака и его дурацкие стихи. И почему этот Ноник не идет в армию? У нас враг за барьером…

— Извините, — сказала Кли.

— Да-да, конечно. Я не хочу задерживать вас. Всего доброго.

У нас враг за барьером… Кли подумала о плакате, валяющемся на ее столе, и он, как стимулятор, условного рефлекса, вызвал: …его сильные руки уверенно обнимали меня и такими же уверенными были его смех и его мудрость… Он умер, «…мы можем послать от двухсот до трехсот фунтов материи куда угодно…» В любое место. Этот компьютер запрограммирован бессмысленно, дико, случайно…

Когда она захлопнула за собой дверь, в горле ее стоял крик. Она прислонилась к двери и старалась отдышаться.

Весь день она пробыла дома, и только к полуночи решила выйти прогуляться.

На этот раз она думала не о своих трех открытиях, а о матери Ренны, о Ренне и о Вале Нонике. Это имя было ей почему-то знакомо. Затем она подумала о докторе Уинтле и его пациенте и о жене доктора. За дверью была ночь, но из цирковых кварталов слышался слабый звон калиопы. Кли вскоре вернулась домой.

На следующее утро, заплетая косу и расстегнув ворот платья, Кли пошла по направлению цирка. Когда она подошла к ограде участка, к ней подбежала смеющаяся Алтер и схватила ее за руку.

— Я так рада, что вы вернулись!

— Почему бы и нет? — сказала Кли. — А почему вы не вернулись ко мне домой? Вы могли бы ночевать у меня. Вы меня огорчили.

Алтер опустила глаза.

— Ох, я подумала, что вы рассердитесь.

— Зачем вы сказали мистеру Тритону, что я ищу работу?

— Да, просто мне пришло в голову, что это будет интересно. А вы могли бы отмахнуться от этого.

— Весьма признательна. Слушайте, я надеюсь, что ваш друг, который подарил вам ожерелье, как-нибудь появится. Он намеренно поместил раковины на логарифмически возрастающее расстояние?

— Что? Нет, не думаю… Он сейчас на войне… Эй, я что-нибудь не так сказала?

— Война? Нет… Он не может…

— В чем дело?

— Ничего, — сказал Кли и сжала плечо Алтер.

— Вы уверены, что с вами все в порядке?

Кли вздохнула и опустила руку.

— Уверена.

И они вошли на участок.

ГЛАВА 4

На следующий день у Тила начались занятия.

— Вольно, парни! Разбивайтесь на группы и отправляйтесь в указанные комнаты.

Тил вошел в большую учебную комнату: дальняя стона ее была увешана чертежами машин. Ярлыков на чертежах не было. Громкоговоритель в передней части класса неожиданно объявил:

— Садитесь. Начинаем базовые занятия.

Рекруты уселись за металлические столы.

— Сейчас я зачитываю список имен, — продолжал голос. — Все названные перейдут в комнату 40-а, на два пролета вверх и по коридору направо… Вот…

Названные рекруты встали и вышли. Когда

вышла почти половина, диктор сказал:

— Те, кто остался, наденьте наушники и смотрите в свой видеоэкран.

Экран был вмонтирован в стол. Он замерцал наплывами в туманных цветах, в основном синего и зеленого, с отдельными размывами красного. Течение их шло медленно, очень медленно.

В наушниках раздалась музыка. Затем приятный мужской голос произнес:

— У нас враг за барьером. Мы совсем недавно смогли подойти к радиационному барьеру, но уже обнаружили угрозу таких бесчеловечных и злобных намерений…

Голос зажужжал, а цвета объединились, сформировав знакомую бухту. Голубые волны разбивались в белую пену, летевшую над бухтой. Девушка с отличной фигурой, в купальнике, подошла к воде, коснулась ногой пены, повернулась, как бы глядя на Тила, и со смехом побежала к нему. Ветер трепал ее каштановые волосы.

— Др-р-р-р-р!

Тил откинулся от экрана, выпрямился на стуле и сорвал с головы наушники. Глаза его все еще моргали от ослепительного белого света, неожиданно залившего экран. Все вокруг было как в тумане, и где-то смеялась женщина. Этот смех

перешел в голос:

— Все в порядке. Садитесь на свои места.

Многие солдаты вскочили со своих стульев.

Женский голос продолжал через громкоговоритель:

— Ваша реакция на эту последнюю проблему была не той, которая, как мы надеемся, должна быть после вашего шестинедельного курса. Вы, кто только что вошел… — Тил только сейчас заметил, что в дверях стоит только что пришедшая группа рекрутов. — Как по-вашему, похожи они на тех, кто готов к борьбе с врагом за барьером?

Во все время ваших занятий вы будете встречаться с такого рода проблемами. Мы ждем от вас спокойствия, бдительности и быстрой реакции. Никакого смущения и беспорядка. Иногда проблемы будут не столь очевидны, так что, будьте внимательны. Мы хотим спокойствия, бдительности и быстрой реакции.

Рекруты, только что прибывшие, займите свои места. Всем надеть наушники, смотреть на свои экраны.

Тил обратил внимание, что та половина класса, которая была здесь с самого начала, много медленнее надевала наушники и наклонялась к экрану.

На экране шло объяснение насчет механизма под названием 606-Б. Детально показывалось, как разбирать и собирать эту вещь и следить, чтобы нумерованные ее части, механические и электронные, шли в нужном порядке. Но почему-то (может быть Тил пропустил начало, пока надевал наушники) он никак не мог понять, для чего служит этот 606-Б. Но фильм продолжался сорок минут, и за это время он получил уверенность, что сможет собрать эти проклятые детали даже во сне.

Нежный звон сигнализировал о конце периода, и все подняли головы. Тил посмотрел в своей программе, в какую комнату ему идти, и встал. По-видимому, все прибывшие позднее должны были остаться в этой комнате.

— Эй, — прошептал кто-то, и Тил повернулся в дверях. Среди оставшихся сидел Креветка. Тил кивнул ему, Но тот выглядел растерянным. — Эй, — зашептал он снова, — какого дьявола они делали с вами, когда мы вошли. Вы все выглядели так…

— Прекратить разговоры! — на этот раз голос был явно мужским. — Ты, там, сзади, уходи! Быстро, в следующий класс!

И Тил вышел.

Два пролета вверх, и Тил вошел в класс, почти такой же, как и тот, из которого он вышел. Немолодой голос объявил:

— Всем сесть. Сейчас я оглашу список имен. Те, кого я назову, пойдут в комнату 51-Д. Вот…

Среди прочих он назвал Торна. А Тил даже не обратил внимания, что Торн был в одной с ним комнате.

После отбоя они некоторое время разговаривали в темноте.

Креветка: — Эй, Лог, чему ты научился сегодня?

Лог: — Собирать, разбирать, держать центральный стержень вертикально… Ладно, давай спать.

Тил: — Лог, это был 606-Б?

Лог: — Семь тридцать чего-то. Давайте спать. Я устал.

Креветка (обращаясь к Торну): — А ты, большой парень, чему научился сегодня?

Торн: — Не столь многому, чтобы стоило говорить. Завтра нам вставать в шесть. У нас враг за барьером, ты не забыл?

Креветка: — Ага, помню. Спокойной ночи!

Тил: — Лог, для чего служит семь тридцать чего-то?

Лог: зевок, затем храп.
Тишина…

На следующий день взводу был показан документальный фильм. Экран осветился и начался фильм без названия.

В первом кадре Тил увидел болотный пейзаж, каких было много в классных комнатах. Зеленый туман пузырился вокруг стеблей качающихся растений. Сцена сместилась на более плотную полосу земли. Мимо проплывали камни, ямы в земле, фрагмент машины — может, это 606-Б? — камера шла слишком быстро, чтобы можно было разглядеть. Наконец, камера остановилась перед развалинами армейских бараков. Одна стена сгорела и кровля провисла. Камера вплыла через обугленное отверстие в хижину.

В кресле сидел человек без головы. Несколько коек перевернуто. На смятой куче белья лежали два трупа. Камера вышла и показала труп солдата у наружной стены. Сцена оборвалась.

Сквозь туман Тил увидел ряды хижин, точно таких же, что и в предыдущей сцене. Несколько человек ходили вокруг. Камера подошла вплотную к молодому солдату и он сказал:

— Э-э… я думаю, здесь ошибка.

В громкоговорителе щелкнуло, и мужской го-

лос сказал:

— В чем дело, рядовой Тил-211?

— Я же вроде должен работать на 606-Б?

Долгое молчание, затем женский голос:

— Коррекция будет сделана, когда и если понадобится.

Внезапно Тил смутился, от десятка мыслей, спутанных, как рыбачья леска. Смущение перешло в злость, а затем в страх. Что с ним хотят сделать? Для чего служит эта проклятая машина? Если он этого не знает, как он будет сражаться с врагом за…

Др-р-р!

Прежде, чем жужжание прекратилось, в мозгу Тила возникли слова, настолько отчетливые, что он сначала принял их за слова из громкоговорителя: спокойствие, бдительность, быстрая реакция. Он отбросил вопросы, которые только что пытался построить в мозгу.

Он медленно расслабился. Он спокоен. Он бдителен. Кое-кто в мастерской уже прекратил работу, так что он поднял связующий брус от рамы на столе. На миг ему захотелось швырнуть его в угол, но он осторожно поместил его между бисерными пластинками и ввернул спиральный болт на место.

В этот вечер некоторые солдаты вышли за дверь и сели за игру. Далеко за оградой, в городе, беспрерывно мигал бессмысленный свет.

В третьей неделе Тила поместили в темную комнату.

— Твое имя и номер.

— Тил-211-Б.

Др-р-р-р.

Он качнулся назад и закрыл глаза, но вспышки света не было. Спокойствие, бдительность, быстрая реакция.

Кругом!

Он повернулся.

Вперед!

Он пошел. Он шел долго, и подумал, что наверное, вошел в туннель.

Др-р-р-р…

Спокойствие, бдительность, быстрая реакция. Он шел вперед, хотя напряженность в спине и плечах была почти болезненной. И на этот раз была вспышка света, но неяркого зеленого. Он мельком увидел туман, растения без листьев, где-то пузырилась грязь… Нет, это не была комната, его класс…

— Твое имя и номер.

— Э… Тил… 211… Б.

— Опиши, что видишь перед собой, продолжай идти.

Новая зеленая вспышка.

— Вроде… море, волны ударяются в песок, лодка…

Др-р-р-р…

— Опиши, что видишь.

Свет снова вспыхнул.

— Нет, я имел в виду 606-Б или, может 605-Б, я не уверен… Я должен собрать ее. Я могу собрать и ту, и другую, они почти одинаковые, отличаются только боксом управления. Я налажу их… — И вдруг в мозг входит теплая, уютная мысль, и с ней потрясающее облегчение — чтобы мы могли сражаться с врагом за барьером. Для того они и существуют. Так должно быть. Это 606-Б, и я могу разобрать ее и собрать, разобрать и собрать…

Вспышка.

— Да, здесь грязь, растения без единого листочка, везде грязь, туман. И камешки. Нет, это не камешки, а раковины, очень красивые, красные, бронзовые и молочные, блестящие, словно кто-то их долго полировал…

Др-р-р-р…

— Долго…

Др-р-р-р…

— Камешки…

Боль в спине, бедрах, руках. Тил почти теряет сознание, останавливается, шатается, закрывает глаза руками, хотя вспышки света нет.

— Твое имя и номер.

— Э-э… Ти… мое имя Тил СО… 5… 6… Тил…

— Твое имя и номер.

Что-то, державшее язык Тила, вдруг исчезает, и у Тила вырывается крик:

— 606-Б! 606-Б! 606-Б! Я не знаю. Мне не сказали! Мне не сказали, которая… Мне не сказали!

— Твое имя и номер.

— Э-э-э… Тил-211-Б.

— Опиши, что видишь.

— Я вижу… грязь и растения, и хижины, где солдаты. Они сидят перед хижинами, играют в удачу. Я должен наладить машину, пока они играют, потому что… враг… да…

А за туманом что-то движется по грязи, расшвыривает растения. Тил сначала подумал, что вернулся один из танков, но это не был…

— Нет! Нет! — кричал Тил. — Она еще не налажена! Это 606-Б, я еще не наладил ее, а она движется! О, боже, она…

Др-р-р-р…

Потом, когда его вывели из комнаты, громкого-

воритель сказал ему мягким женским голосом:

— А ты молодец! В самом деле молодец. Ты будешь ценным вкладом в нашу борьбу с врагом за барьером.

Он уже не был уверен, что именно происходило в комнате. Но раз он все сделал хорошо, он и чувствовал себя хорошо.

Вечером обезьяны играли между собой в удачу. Все остальные сидели на койках, смотрели на неуклюжую игру неандертальцев и почти не разговаривали.

ГЛАВА 5

Джон Кошер шел по одной из радиальных улиц Торона мимо купеческих особняков, многоквартирных домов на границе с Адским Котлом, мимо участка, где развернулись палатки «Цирка Тритона», мимо пристаней, где «челноки» выгружали рабочих гидропонных садов. Ветер трепал его черные волосы. Черные глаза были спокойны, когда он шел через поток людей, высыпавших с пристани. Еще ниже стояли частные яхты. Он шел к королевскому пирсу. Двойная раковина, эмблема герцогини Петры, купалась в воде. У поручней появился Эркор.

— Привет, — сказал Джон. — Какие новости из университета?

— Я разговаривал с Катамом, — ответил Эркор, спускаясь к нему. — Он, похоже, здорово удивился, увидев меня. Расскажи мне о здешних новостях, а я расскажу тебе о моих.

— Алтер, по-видимому, с моей сестрой, так сообщила герцогиня. А Тил пошел в армию, сражаться с врагом за барьером.

— Катам сказал, что надо найти Лорда Пламени и изничтожить его как можно быстрее. А потом задавал вопросы.

— Зачем?

— Он говорит, что это историческая необходимость. Если бы Черджил не был уже убит, мы, вероятно, потратили бы больше времени на вычисление Лорда Пламени.

— Вроде звучит разумно.

Они оставили пирс и пошли по набережной.

— Эркор, что ты слышишь?

— Мозгом?

— Да.

— В тебе?

— Вокруг меня и во мне тоже.

Эркор улыбнулся.

— Ты, вероятно, думаешь, что это очень важ-

но, поскольку сам ты не видишь, как я, и не слышишь, как я. Это не совсем так. — Он помолчал. — Я чувствую приблизительно на квартал во всех направлениях, во всяком случае, отчетливо. Вот работница, которая вспоминает, как ее брат умер, поев отравленной рыбы. В этом здании неандертальцу по имени Джеф, снится кто-то, кого он недавно жестоко избил на верхнем этаже. Некто Вал Ноник сидит за столом и пытается написать стихотворение о девушке. Он смотрит на свой портрет, который девушка набросала красным мелком и повесила на стену и пишет: «Ренна, твои карие глаза открыты океану света…» Где-то в парке я чувствую женщину со стальным мозгом, которая быстро просматривает счетные книги… — Он вдруг улыбнулся. — Это твоя сестра, Джон. — Улыбка исчезла. — Что-то не так…

— В чем дело. Она в порядке?

— Да. Но есть что-то… в ее мозгу. Очень глубоко. — Эркор нахмурился и покачал головой. — Нет, не могу почувствовать, что это. Она как бы прячет это под чем-то другим. Я вижу рисунок, слышу звук того, но оно слишком глубоко, чтобы можно было добраться до смысла.

— А что ты чувствуешь в моем мозгу?

— Крик, резкий как нож.

— О чем крик?

— Об… осознании того, что ты зовешь свободой.

Джон улыбнулся.

— Я рад, что оно еще здесь. Знаешь, Эркор, мне поручено сделать как можно больше для окончания этой войны. Но я не вполне добровольно стал агентом Тройного Существа. Передо мной был выбор: смерть от радиации или присоединение к нему. Так что, я не буду свободным, пока Тройное Существо не оставит нас.

— Еще я слышу и в мозгу твоем, и в голосе, как сильно ты хочешь, чтобы я поверил тебе…

— Но это правда. Давай, читай дальше в мозгу.

— Я уже прочел. Я хочу, чтобы ты понял, Джон. Ты думаешь, что основное различие между мной и тобой в том, что я знаю твои мысли, а ты моих не знаешь. Дело не в этом. Главное различие в восприятии у вас, людей, и у нас, стражей. Разница между стражами-телепатами и стражами-нетелепатами — это разница между нормально видящими и дальтониками. Разница между людьми и лесными стражами — это разница между слепыми и зрячими.

— И это значит…

— И это значит, что то, что я слышу — не важ-

но. А как я интерпретирую это — ты не можешь понять.

Они шли к центральному кольцу города. Небо на востоке потемнело. Они вдруг остановились.

— Лорд Пламени, — сказал Джон.

— Даже ты чувствуешь его, — сказал Эркор.

Джон кивнул.

— Ты можешь точно указать, где он или в ком обитает?

— Пока нет.

Они пошли дальше.

— Что ты слышишь сейчас?

— Я слышу администратора одного из предприятий твоего отца, размышляющего не отразится ли убийство Черджила на его жаловании. Он разговаривает с женой насчет этого…

— Лорд Пламени, — снова сказал Джон.

— Мы приближаемся.

— Ты видишь, что он делает теперь?

— Пока нет.

Они шли мимо знакомого Джону особняка.

— Там твой отец, — сказал Эркор. — Он думает вызвать своего секретаря и продиктовать письмо интенданту Тилфара с выражением своей полной веры в военные успехи и присовокупить дар в полмиллиона. Будет ли реклама равноценна

дару? — думает он.

— А думает ли он обо мне или моей сестре?

Эркор покачал головой. Они все ближе подходили к королевскому дворцу. Наконец они свернули под каменную арку, и Джон открыл дверь старинным ключом, которым до сих пор пользовались во дворце. Они прошли по коридору и свернули к широкой мраморной лестнице. Поднявшись на пятый этаж жилой башни, они вошли в аппартаменты герцогини.

Петра стояла у окна и смотрела на вечерний город. Она повернулась, когда они вошли.

— Вы опоздали. Я чувствую Лорда Пламени, словно он в моей комнате.

— Он во дворце, — сказал Эркор.

— Близко? Ты можешь сказать, что он сделал на этот раз? Я анализировала правительственные рапорты за неделю и не нашла ничего, во что можно ткнуть пальцем.

— Пока что еще не все ясно. Может быть, он причастен к убийству Черджила?

— Возможно, — сказала Петра. — На это я тоже не могла пролить никакого света.

— Ты говоришь, он во дворце, — сказал Джон. — В каком направлении?

Эркор подумал и указал:

— Там.

Они вышли в коридор, прошли мимо незанятых теперь комнат королевы-матери и других помещений для королевских гостей и поднялись по короткой лестнице в холл, уставленный с обеих сторон статуями.

— Мы идем к тройному залу, — сказала Петра.

— Правильно, — кивнул Эркор.

Холл выходил в один из альковов тронного зала. На пятнадцатифутовых окнах висели тяжелые драпировки.

— Подойдите, — сказал Эркор.

В слабом освещении они видели, как его лоб собрался в складки. Он указал по диагонали через зал на один из многих других альковов.

— Мы разделимся, — прошептала Петра. — Не забудьте, нам надо увидеть его всем вместе.

Она двинулась влево, а Джон вправо. Держась в тени гобеленов, изображающих морской пейзаж, он прошел к пустому трону.

Раздался глухой голос:

— Что это? Кто тут?

Глаза Джона быстро устремились к алькову.

— Кто тут? Я вызову стражу… — белая фигура прошла через полосу света, неуверенно оглядываясь вокруг. — Кто здесь?

Король! Джон почувствовал боль узнавания и отступил от гобеленов. В то же время Эркор и герцогиня вышли из укрытия. Сначала король увидел только герцогиню и сказал:

— Петра! Вы меня напугали. Я на секунду подумал, что вы…

Затем…

Зелень пчелиных крыльев… Краснота полированного карбункула… паутина серебряного огня. Молния ударила в глаза Джона, и он нырнул в синий дым. Его мозг швырнуло через парсеки.

Он видел серое, громадные полосы серого, но с оттенками лавандового, красного, желтоватого, оранжевого. Он быстро сообразил, что он в пустыне под тусклым серым небом. Ветер пульсировал, и оттенки менялись: оранжевый отливал зеленым, красный светился желтым, голубоватый цвет слева углубился, но серый главенствовал над всем, бесконечный, зыбкий.

Усики Джона скользнули вверх по стволу. Корни вошли глубоко в песок, к потоку чистой фтористоводородной кислоты, питательной и холодной. Но здесь, на поверхности разряженная атмосфера была холодной, сухой и серой.

Три горячих чувствительных щели в его оболочке зарегистрировали присутствие двух других

кактусов поблизости. Он снова зашелестел усиками, и те тоже прошелестели в ответ.

— Следи, — прошелестел Эркор, — он здесь…

Другой кактус (Петра) качнулся, усики зашелестели по песку.

За ближайшей дюной что-то подняло голову. Три глаза мигнули и ушли обратно.

Чувствилища Джона бессильно повисли.

Голова (черный оникс) поднялась снова, снова мигнули три глаза. Ящерица зашипела, острые как иглы зубы окаймляли губчатую пасть. Она снова зашипела, и яркий песок закружился перед ее ртом. Ящерица ползла по дюне на шести черных ногах, направляясь к Джону.

Джон внезапно вытянулся, схватил животное за шею. Задыхаясь, ящерица дернулась назад, но высокое растение, которое было Эркором, наклонилось, и три гибкие вайи окружили тело рептилии.

Герцогиня схватила две бьющиеся ноги, и когда все трое подались назад, шипение ящерицы перешло в визг. Он прекратился, когда горло было сжато усиками. Вот…

Было темно. Влажная почва скользила под грубой кожей Джона, когда его бескостное тело втискивалось в землю. С одной стороны чув-

ствовалась вибрация (да, это Петра). Он стал закапываться под углом, пока не пробил разделяющий их слой земли, и они пошли вглубь вместе, соприкасаясь боками.

— Где Эркор? — спросил Джон.

— Он ушел вперед, к храму.

— Он снова в милости у жрицы?

— По-видимому. Она послала ему вызов горячий цикл назад.

— Его поступок был очень велик, и она вряд ли простила его. Я думаю, что и мы впутались в интригу.

Дрожь прошла по телу громадного червя рядом с Джоном.

— Надеюсь, что нет, — нервно провибрировала она. — Но все равно мы будем там. Будем ждать молитв в конце цикла, и я надеюсь, что она не произнесет открытого обвинения.

Затем они молча пробивались к храму и к церемонии конца цикла.

Храм был участком мягкой почвы, влажной от ароматизированной жидкости, бьющей из всех углов подземного мира. Джон почувствовал экзотический запах еще до того, как изменилась текстура земли и он пробился в роскошный ил. Они свернули у края, дожидаясь, когда соберутся

остальные черви и начнутся молитвы.

Когда наконец участок заполнился, по храму пошли знакомые вибрации жрицы, со своей паствой она общалась посредством хитроумной системы из двух металлических колец, окружавших участок, и когда она кружилась вокруг колец и говорила, ее слова слышались везде.

— Да здравствует великая богиня Земли, в чьей пищевой колее мы находимся, — начала жрица. — Пусть грязь всегда уступчива будет.

— Пусть никто под ее защитой не раздвоится, пока сам не решил, — ответила паства, и началась молитва.

Наконец ритуал был закончен, и жрица объявила:

— У нас хорошие известия для вас, друзья. Член нашего стада, который ранее вызвал наше неудовольствие, теперь снова с нами.

Джон почувствовал в вибрациях новый, но знакомый рисунок: видимо, Эркор вошел в храм. Но в то же время он понял, что здесь присутствует кто-то еще, кто был много длиннее, но внезапно сжался. И он осознал, что это Лорд Пламени. Герцогиня зашевелилась рядом.

— Лорд Пламени, — прошептала она, касаясь его бока. — Он — жрица!

— Я знаю, — шепнул он в ответ, а жрица между тем продолжала:

— Этот отступник, что снова с нами, устроил заговор, чтобы покончить с нашим циклическим обычаем приносить жертву богине Земли, одиннадцать отделенных детей. Он уверяет, что опускать их глубоко в землю, пока их тела не ссохнутся от Великого Центрального Жара, ниже нашего червиного достоинства. Но теперь он вернулся и согласен принести в жертву себя самого в начале следующего жаркого цикла, и с ним будут принесены в жертву два его сообщника…

Джон и Петра не стали дожидаться указующих вибраций, а сразу бросились вперед между другими поклоняющимися и заскользили по храмовой грязи. Джон столкнулся с телом, посылавшим вибрации Эркора, но тело это было вялым. Видимо, его наркотизировали и притащили сюда против его воли. Но Лорд Пламени…

Джон прыгнул на жрицу и обвился вокруг ее тела, а Петра уже вцепилась в нее. Нижним концом тела он подтащил к себе Эркора. Движение несколько оживило червя, но кто-то обвился вокруг говорящих колец и закричал:

— На помощь! На помощь! Жрицу убивают!

Другие мускулистые тела включились в драку,

но не Лорд Пламени. Вот…

Поток синевы лился со скал. Гейзеры оранжевого вздымались от горячих камней, хлестали темное небо. Огонь был прекрасен, и единственный другой свет шел от трех лун в их быстро движущемся в ночи треугольнике.

Джон парил над огнем, экзальтация сжимала мускулы его груди. Воздух бился о его вощеные перья. Его свистящие крылья выгибались в ночь, когда он поднимался.

Открыв клюв, он издал поющий зов:

— Эркор! Петра! Где вы?

Голос Петры пропел:

— Я лечу над зелеными огнями, где горит медь, а сейчас над желтыми натриевыми…

Издалека пришел третий голос:

— Углеводород течет в прибое оранжевого…

Из сотен птиц вокруг к Джону присоединились две, и они вместе поднимались сквозь густеющий дым, пока воздух не охладил их крылья, которые бились как сердца, без остановки, без отдыха. Музыка менялась, мелодии сплетались и переходили одна в другую.

Дымный воздух прорезало карканье. Черные крылья захлопали среди золотых. Пролетая, черная птица яростно вырывала пурпурным клювом

пух у других птиц. Ярко-красный коготь бил по глазам. Когда она пролетала сквозь тучу птиц, золотые перья падали вниз и сгорали в огне.

— Следуйте за ней, — крикнула Петра.

— Следуем, — ответили Джон и Эркор.

Джон понесся к мародеру: его клюв погрузился в черные перья. Эркор поднялся выше, а страшное хлопанье крыльев Петры било снизу. Затем клюв Эркора клюнул блестящий глаз, и громадные черные крылья затряслись и ослабли. Джон выпустил тело, и оно, крутясь, упало вниз, в огонь.

— Лорд Пламени там, — запели они.

Из дымящегося тела на скалах вырвалось последнее пламя, а затем Джон уловил нечто, воспарившее из пепла, услышал мощный взрыв мелодии, когда это новое существо поднималось к стае, и затем Джона окутал синий дым. Он попал в ловушку серебристого огня. Он затерялся в красном цвете полированного карбункула, его глаза затуманила слабая зелень мерцающих пчелиных крыльев.

Джон стоял в тронном зале и моргал.

Рядом с ним стояли в тусклом свете Петра и Эркор. Направо, в футе от трона, фигура короля распростерлась на полированных ступенях. Одна рука еще слабо двигалась. Джон подбежал к

королю.

— Он жив!

Послышались шаги. Джон поднял глаза и увидел окруживших его стражников с поднятыми энергоножами. Кто-то включил освещение. Эркор и Петра стояли среди стражи.

— Что случилось с его Величеством?

Джон был взволнованным, но Петра спокойно ответила:

— Мы не знаем. Когда мы шли к тронному залу, мы услышали его крик. Затем он вдруг побежал по залу и упал.

— Он жив, — повторил Джон. — Вызовите врача.

— Отойдите, — сказал стражник, и Джон отступил. — Кто вы?

— Я кузина короля, — сказала герцогиня, — а это мои гости.

Страж нахмурился.

— Вам бы лучше вернуться в свои комнаты, Ваша Светлость. И оставайтесь там, пока мы все не выясним.

Подошел еще один страж.

— Да, сэр, к счастью, он включил камеры, прежде чем что-то случилось.

— Прекрасно, — сказал начальник стражи и

оглядел по очереди Петру, Джона и Эркора. — Этот зал набит камерами, и их можно включать из десятка мест, — он ждал их реакции, но ее не было. — Мы их вскроем и увидим, что произошло. Прошу вас, идите к себе.

Джон, Эркор и герцогиня вышли из зала.

В своей квартире герцогиня упала в кресло и запустила в волосы пальцы.

— Полагаю, что и здесь есть камеры и микрофоны, — сказала она, оглядываясь по сторонам.

Эркор подошел к стене, где был морской подводный пейзаж в коричневых и оранжевых тонах, и положил ладонь на стилизованный глаз осминога.

— Сейчас нет, — сказал он, — или, во всяком случае, они ничего не слышат через это. Вообще-то говоря, они еще не поставили тут монитор.

— Эти камеры чуть не погубили нас, когда мы похищали принца Лита. Слава богу, на этот раз там ничего нет. Эркор, ты имел случай увидеть, что сделал Лорд Пламени в этот свой визит?

— В этот раз было труднее, — сказал Эркор. — Мозг людей чуточку тяжелее обшаривать, чем мозг неандертальцев. Где он прятался в прошлый раз.

— Но что-нибудь ты можешь сказать?

— Могу сказать, кто убил Черджила.

— Кто же?

— Его Величество.

— И ты знаешь, зачем?

— В этом не уверен. В его мозгу было что-то еще… — он вдруг повернулся к Джону. — Помнишь, когда мы шли сюда, я ухватил мысли твоей сестры, и сказал, что что-то вроде не так? Я сказал, что там какое-то калейдоскопическое изображение, и я уловил его рисунок, но не смысл. В мозгу короля был тот же рисунок, тот же образ.

Помолчав, Джон спросил:

— Что означает это подобие?

— Оно означает, что они оба знали что-то одно, и даже чувствовали тот же путь. Но это было скрыто, как если бы они узнали и тут же постарались забыть. В мозгу Оска это было много сильнее, но оно было у обоих. И это, возможно, имеет какое-то отношение к Лорду Пламени.

— Тогда что же это произошло в обоих этих мозгах? — спросила Петра.

— Хороший вопрос, — сказал Эркор. — Мы пробовали его на Катаме, чтобы посмотреть, как он с ним разберется… среди множества других…

В дверь постучали. Появился начальник стражи.

— Ваша Светлость, джентльмены, фильмы просмотрены. Вы свободны приходить и уходить по вашей воле, но позднее вас, возможно, допросят…

— Его Величество сказал что-нибудь еще? — спросила Петра.

Страж взглянул изподлобья.

— Его Величество скончался. — Он резко повернулся и вышел.

Джон медленно закрыл за ним дверь.

— Догадываюсь, — сказала Петра, — что изгнание Лорда Пламени оказалось таким ударом, какого король не вынес.

— Всякий здоровый человек устоял бы, — сказал Эркор, — но король всю жизнь был больным.

Петра сложила тонкие пальцы.

— Черджил убит по наущению короля. А теперь король умер из-за… — она не закончила фразы. — Со всеми этими военными делами правительство скоро полностью исказится. Все мелкие чиновники начнут качаться и изгибаться.

— Вы думаете, никто не попытается воспользоваться королевой-матерью как сплачивающей точкой? — спросил Джон.

— Сомневаюсь. Она спокойно живет в своей обители, мягкой комнате в Медицинском Центре

под присмотром психиатров. Она страшно сдала за последний год. Я помню, какой властной личностью она была и могла бы тогда дать благо империи.

— Означает это, — сказал Эркор, — что принцу Литу пора вернуться.

Герцогиня кивнула.

— А кто наследник трона после Лита? — спросил Джон.

— Я, — коротко ответила Петра. — Сегодня вечером вы и Эркор должны ехать на материк и как можно скорее привезти принца сюда.

— Если мы найдем его в лесах.

— Найдем, — сказал Эркор.

Джон отодвинул штору и посмотрел на освещенный город. Транзитная лента тянулась из дворца, сверкая под луной.

— Не знаю, — сказал он, — но хотел бы я знать, не вышло ли это дело из повиновения. Никто не собирался убить короля — я во всяком случае.

— Не намекаете ли вы, что это сделала я? — спокойно спросила Петра. — Спросите Эркора, было ли у меня такое намерение.

— Нет, не спрошу, — сказал Джон. — Когда я был в тюрьме, я хотел… — он замолчал.

— Джон, кто был виноват в том, что вы попали

в тюрьму?

— Три года назад я назвал бы короля Оска. Но мы оба тогда были школьниками. Да, нечто изломанное и садистское заставило его подначить меня пробраться в тронный зал и стащить королевское знамя. Но нечто равно глупое и опрометчивое заставило меня согласиться и настолько испугало меня, что я убил стражника, пытавшегося задержать меня. Но сейчас, когда я узнал, что король умер, я ожидал в себе чувство свершившейся мести, облегчение, свободу, но ничего этого не было. Я до сих пор не свободен, не только от Тройного Существа, но и от чего-то в самом себе.

— У всех так, — сказала Петра. — У вас, Джон, может быть, больше.

Не поворачиваясь от окна, Джон сказал:

— Эркор, ты можешь почувствовать это. Скажи мне, что это такое?

Голос Эркора был полон серьезного чувства, какого Джон у него еще не слышал:

— Не могу, Джон. Это другая маска, которую я не могу пробить.

Джон резко повернулся.

— Может, тебе кажется, что это вина? Но я очень тонко чувствую нечто, и это нечто не вина,

Эркор. Это что-то другое.

Глаза гиганта сощурились в минутной сосредоточенности, а затем он сказал с ноткой неуверенности:

— Нет, это не вина.

— Я не понимаю, — сказал Джон. — Может быть, Катам прав. Каждый раз, когда мы изгоняем Лорда Пламени, я думаю… не является ли все это болезненной фантазией.

— Я знаю одно, — сказала герцогиня, — чем бы это ни являлось, мы можем действовать только так, как действуем. И мы должны как можно скорее вернуть в Торон принца Лита.

— Ладно, — сказал Джон, — значит, едем в лес и привозим Лита обратно.

— Да, — сказала герцогиня. — А я постараюсь узнать кое-что в совете и посмотреть, не смогу ли я перехватить смятение, которое последует.

Джон и Эркор вышли, в дверях Джон растерянно повторил:

— Болезненная фантазия.

— У тебя нет времени думать об этом, — ответил ему Эркор. — Подумай только раз или два и убеди себя, что это не фантазия.

ГЛАВА 6

Вырвали человека из одного мира и швырнули в другой.

Подошвы сапог вязли в грязи, он был на вражеской территории за барьером. Земля здесь была мягкая, болотистая. Туман был таким же плотным, влажным, как осенний туман на море, окутывавший на рассвете рыбачью лодку. Воздух по-октябрьски холоден. И небо позади тумана слабо блестело, как полированные раковины.

Нет. Что-то не позволяло ему думать об этом. Нельзя. Тил пошел вперед. Он чувствовал себя неуверенно. На миг туман разошелся, и он увидел бараки, к которым и направился.

Почва стала тверже, и он наконец остановился перед дверью хижины. Света не было. Он чувствовал запах тумана, плавающего в темноте. Слегка пахло водорослями, и этот знакомый запах сделал все более реальным.

— Алло! — окликнул он.

— Привет, — отозвался знакомый голос. Из тумана появилось лицо Торна. — Значит, и ты здесь. Настоящая ловушка.

— Ну.

— Вот твоя койка.

Тил вошел внутрь хижины и увидел у стены ряд коек.

— А в какой стороне враг? — спросил он. — И где все остальные?

— Мы позади линии огня. А остальные скоро будут здесь.

— Здесь, как в аду, ничего не видно, — сказал Тил, косясь на дверь. — Кто-нибудь из этих проклятых ублюдков, может, шляется здесь, подкрадется и сожжет тебя, откуда ты знаешь?

Торн пожал плечами.

— Эй, парень! — в дверях показалась тень.

— Креветка! Как тебе здесь нравится?

— Сырость! И пахнет, как в брюхе старого омара.

Еще одна тень закрыла вход.

— Ух, здесь ничего не видно.

— А здесь нечего смотреть, обезьяна. — Креветка повернулся к своей койке и лег. — Этот транзитный прыжок принес чертовски многих. Когда враг появится, разбуди меня, но не раньше, понял?

— Привет, Тил, — сказал Лог, входя в хижину. — Я будут играть с тобой в «бродягу».

— Я побью тебя.

— А мне все равно. Мне просто хочется играть.

— Ладно, — сказал Тил. — Пару туров.

Лог прилег у двери, где было светлее и высыпал на порог горсть медяков. Тил тоже сел на корточки и помог выложить монеты квадратом.

На его руки упала тень. Он и Лог подняли глаза. В тумане стоял лесной страж. Лица его не было видно, только желтые глаза.

— Подвиньтесь, я хочу войти, — холодно сказал он.

Если бы голос имел цвет, подумал Тил, он блестел бы, как смазанная сталь.

— Разве ты не можешь перешагнуть? — вежливо спросил Лог. — Мы только что уложили монеты… — и вдруг лицо его осветилось радостью. — Ой, Курл! Ты тоже здесь?! Ты первый, кого я встретил, из дома. Рад тебя видеть…

Нога в сапоге выбросилась вперед. Тил и Лог вовремя убрали руки. Монеты разлетелись.

— Курл! — крикнул ему вслед Лог. — Что с тобой? Какие манеры! Будь ты моих размеров, я бы вздул тебя!

— Успокойся, Лог, — сказал Тил. Что-то в голосе стража показывало напряженность, и он не хотел, чтобы она прорвалась. Вспомнив, что Торн говорил о восприимчивости, Тил подумал, что не

чувствует ли Лог это тоже.

— Но я знал этого парня в лесу, — сказал Лог, собирая монеты. — Курл был моим другом, а теперь ведет себя, как обезьяна, которая должна была бы весить совсем мало.

— Эй, ребята, вы новички здесь? — еще один неандерталец появился в дверях.

— Да, — сказал Торн.

— Тогда выходите, — сказал неандерталец. — Я кое-что покажу вам.

Торн, Лог и Тил вышли.

— Меня зовут Илло, — представился неандерталец.

— Что ты хочешь показать нам? — спросил Тил.

— Увидишь, — сказал Илло. — Мы показываем это каждому, кто появляется здесь. Это улучшает настроение. Некоторым, во всяком случае.

Они вышли на поляну между хижинами. В центре ее стоял шест. Подойдя ближе, Тил увидел, что на шесте прибит знак, указывающий в туман:

«ТОРОМОН — ДОРОГА ДОМОЙ»

— Это поставил Разведчик, — сказал Илло.

— Какой Разведчик? — спросил Тил.

— Лесной страж в вашей хижине, по имени

Курл. Он пришел как раз передо мной, — ответил Илло и посмотрел на знак. — Разве тебе не становится лучше?

Тил был в замешательстве. Но Лог положив на шест свои окорокообразные руки, удовлетворенно сказал:

— Угу. Теперь мы знаем, в какой стороне наш дом. Это означает, что мы знаем, где мы. И я чувствую себя лучше.

— Я же говорил, — усмехнулся Илло. — Мы показываем это всем новичкам.

— Значит, это поставил Курл? — спросил Лог. — Да, это на него похоже. В лесу он множество раз заставлял меня чувствовать себя лучше. Почему он так странно действует?

Илло пожал плечами.

— Здесь многие действуют странно. Через некоторое время вы привыкнете.

— А ты давно здесь? — спросил Лог.

— Ну… очень давно. Ты знал Разведчика там, дома? Расскажи, что делается дома.

— Все чокнулись, — сказал Лог. — Только и говорят о войне, больше ни о чем.

Илло кивнул.

— А теперь ты сам на войне. Разведчик здесь чертовски важный парень. Расскажи мне о Кур-

ле, каким ты знал его в лесу.

— Ну, он явно отличался от теперешнего… — и оба неандертальца отошли, оставив Торна и Тила.

— Интересно, как он это вычислил? — сказал Тил, разглядывая знак.

— Видимо, знает математику, — ответил Торн.

Когда они вернулись к баракам, большая часть коек была занята. В неосвещенной хижине сквозь висящий даже внутри туман люди выглядели тенями. Тил пошел к своей койке и сел. Фигура на соседней койке повернулась.

— Ты из новых парней, пришедших заполнить дыры?

— Какие дыры?

— Ну, замена.

Тил не мог различить лица, и через некоторое время ему вспомнился голос из громкоговорителя на занятиях.

— А что случилось с теми, кого мы заменили?

— Тебе обязательно это знать?

— Нет. Не обязательно. Ну-ну. А что точно вы здесь делаете?

— Ну… — промычала тень, — это зависит от того, чему тебя учили.

— Я механик-ремонтник 606-Б. И так же хорошо

знаю 605-Б.

— Ага, тогда у тебя не будет проблем с поисками, чего бы сделать.

Тил усмехнулся и почувствовал жаркую уверенность.

— Я, пожалуй, посплю, — сказала тень.

— Слышь, еще один вопрос, — Тил понизил голос. — Как насчет этого желтоглазого стража?

— Ты имеешь в виду Курла, Разведчика? — спросил человек сзади.

— Ну, того, что поставил указатель.

— Так что ты подразумеваешь под «как насчет» него?

— Ну, он действует как-то странно.

— Так и есть, — ответил голос. — Он Разведчик. Ты тоже был бы странным, если бы делал то, что он. Но поговорим об этом в другой раз, я хочу спать.

— Ладно, — сказал Тил. — Приятного сна.

Он сидел и размышлял, каковы функции Курла, а потом задумался, кого же он, Тил, заменил. Надо бы спросить, что случилось с тем человеком, но… он порадовался, что здесь есть работа по ремонту 606-Б, потому что он мог бы получить машину в разобранном виде, собрать ее, заменить изношенные детали. Если бы он только знал, что…

Нет, он не должен думать об этом. Лучше думать о том, что дает хорошее самочувствие.

Через несколько часов Тил бродил возле бараков и услышал голос:

— Кто это?

— Тил 211-Б.

— А, привет, это я, Лог.

— А, это ты, обезьяна. А я думал, что сержант или еще кто.

— Нет, черт побери. — Лог появился в тумане. — Ты тоже напугал меня.

Он едва достигал плеча Тила, но улыбка его сияла сквозь туман.

— Твой приятель Илло сказал тебе что-нибудь насчет того, что готовится.

— Не знаю, понял ли я это. — Лог почесал голову.

— Что именно он сказал?

— Сначала он сказал, что мы перед главной линией вражеских сил. Мы часть полосы перед этой линией. И еще Илло сказал, что боятся, как бы враг не окружил нас и не напал с тыла.

— Чего же ты не понял?

— Как они могут напасть с тыла, если они перед линией баз? И в тридцати милях от нее?

— Очень просто, — начал Тил, но сделал паузу,

вспомнив, что говорил ему Торн насчет восприимчивости. — Лог, какова длина линии баз?

— Не знаю. С одного конца до другого, — сказал Лог, пожимая плечами. — Какая это длина?

— Такая и нужна: с одного конца до другого. А допустим, враг обойдет вокруг концов, тогда он и окажется позади нас, верно?

Лог подумал.

— Ага. Наверное, они так и сделают. Я не подумал об обходе. Это значит, что мы в опасности, а?

— Думаю, да, — сказал Тил, чувствуя тревогу и в то же время некоторое превосходство, что решил топологическую задачу Лога. Вероятно, Торн чувствовал то же самое по отношению к нему, Тилу, подумал он. Освидетельствовав свои ощущения, он успокоился, поскольку не нашел в них ничего обидного для обезьяны. — Для того мы и здесь, Лог, чтобы быть в опасности.

— Угу. У нас враг за барьером. Только теперь мы и сами за барьером.

Они подошли к утесу.

— Камень, — сказал Лог, положив ладони на разбитую поверхность. — Они напоминают мне… — он не закончил фразы.

— Лог, как было там, откуда ты пришел?

— Ты имеешь в виду… дом?

— Какой у тебя дом?

— Дом… это… место, где я жил. Нора… и Порм, и Кваг. Они жили там со мной. Порм — моя дочь.

— У тебя есть дочь? Сколько ей лет? А сколько тебе?

— Ей четыре лета. А мне девятнадцать зим.

Тил вспомнил, что средняя продолжительность жизни у новых неандертальцев сорок пять лет. Казалось бы, при такой короткой жизни все должно быть по-другому. Оказывается — дочь, семья. Тил почувствовал уважение к этому конденсированному, чужому образу жизни.

— Какой у тебя дом? — спросил он снова.

— Он был в лесу.

— А еще что?

— Он был в разрушенном каменном здании в «руинах», как это называют. Оставшийся после Великого Пожара. Большие деревья сбили большую часть здания, и там были лестницы, ведущие наверх прямо в открытый воздух. Дети играли на ступенях, а когда приходил ветер, мы забирались в угол внутри здания и пели ветру, а когда лилась вода с неба, мы пели воде. Когда было очень жарко, мы танцевали для луны, только по-другому, потому что солнце и луна разные и не похожи на дождь и ветер. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Иногда мы чинили кожу над отверстием в стене. Выходили и выслеживали кабана, и снаружи уже не был дом. Там…

— Остаток большого мира, — подсказал Тил.

— Да. И он очень, очень большой, этот остаток. Он сильно отличается от дома. Дом… — он сделал паузу и вернулся к первоначальному определению. — Дом — это где я живу. Наверное, вы, большие и мудрые люди, думаете, что это глупо. Вы должны знать, что такое дом.

— А разве ты думаешь, что это глупо?

— Нет, — сказал Лог. — По…

— Тогда и не печалься. Вовсе это не глупо.

Лог, видимо, был удовлетворен.

— А какой дом у тебя? Это место, где ты живешь?

— Нет, — сказал Тил. — Во всяком случае, я не жил там три года. Я оставил его, когда в четырнадцать лет приехал в Торон.

— Кое-кто из моего народа поехал туда. Не знаю нравится ли им там. Те, кто вернулся обратно, говорили, что город очень сложен.

— Это верно.

— А что ты делал в городе?

— Да, так, мотался туда-сюда, — уклончиво

ответил Тил. — Работу найти не смог, потому что ее мало, и наконец, пошел в армию. Скажи, Илло говорил тебе что-нибудь насчет твоего друга Курла?

— Стража, который поставил указатель?

— Да, и расшвырял нашу игру.

— Ох, у него никаких манер. Я знаю только, что он очень влиятельная особа здесь. Правда, я не знаю, что он тут делает.

— Может, ходит и шпионит за врагом, судя по его имени, Разведчик. Хотел бы я знать, как выглядят враги.

— А знаешь, ты прав. Как мы будем сражаться с ними, если мы их не видели? Придет кто-нибудь из них и скажет «привет», а мы и не узнаем, что это враг?

— Узнаем.

— Ну, — сказал Лог, подумав, — вроде бы должны.

ГЛАВА 7

Звезды над яхтой были неподвижны. Вода билась о корпус. На горизонте уменьшались и тонули башни Торона.

— Как ты думаешь, ты узнал бы принца, если

бы он вдруг появился и сказал «привет»? — спросил Джон Эркора. Ветер прикладывал холодную ладонь к его щеке, холодные пальцы играли его волосами.

— Не знаю, — ответил Эркор. — Его мозг должен был измениться, тело — вырасти.

Джон наклонился и прищурился, стараясь разглядеть что-нибудь между двумя полотнами черноты — неба и моря, сливающимися перед ними.

— Не поспать ли нам? — сказал он. — Мы будем там на рассвете.

И они отошли от поручней.

Солнце пробивалось сквозь слои ночи, пока не загоралось в воде. Берег был уже виден. Лес подходил почти к самой бухте. Когда-то тут был иммиграционный порт с материка на островной город. Теперь обгорелый док повис там, где три года назад разбился военный самолет. Джон поднялся на палубу и не увидел других судов. Небо прорезал тонкий вой. Высоко над Джоном неожиданно сверкнули самолеты. Это были военные машины, перевозившие рекрутов из Торона в Тилфар.

С трудом причалив к разрушенному доку, Джон и Эркор выскочили на берег и через полчаса уже

стояли среди деревьев. Эркор прислушался, положив ладонь на ствол дерева.

— Теперь ты дома, — сказал Джон. — Каково это ощущение?

— Не такое, как ты думаешь. Я еще ничего не слышу. Пошли дальше.

Они быстро шли лесом. Деревья резко утончились, и Джон увидел впереди блеск, вероятно, отражение солнца в море. Они дошли до утеса, спускавшегося уступами вниз. В пятидесяти футах внизу, но все еще в сотне футов от воды, было обширное каменное плато. Оно горело под солнцем. Маленький храм в конце отбрасывал резкую тень.

— Жрец здесь, — сказал Эркор. — Идем вниз.

Прежде чем они достигли плато, из двери храма вышел человек. Ветер раздувал его черную мантию. На плече висел на кожаном ремешке рог из раковины. Лицо его было много старше, чем у любого другого стража, которого Джон когда-либо видел.

— Зачем ты вернулся? — спросил жрец.

— Взять молодого короля править в Тороне. Его брат, король Оск, умер.

— Здесь в лесу нет королей, — сказал жрец. — Ты ушел от нас, зачем ты вернулся?

Помолчав, Эркор сказал:

— Три года назад молодой светловолосый мальчик пришел в лес. Он был младшим братом короля. Король умер. Теперь мальчик должен править.

Джон обратил внимание, что жрец не был отмечен тройным рубцом телепата.

— Ты чего-то хочешь от него? Ты пришел, чтобы взять что-то из его мозга? Ты знаешь, что это не разрешено.

— Я ничего не возьму из его мозга. Его согласие должно быть дано, а не взято.

— Он не из лесного народа?

— Нет. Он пришел сюда и решил воспользоваться гостеприимством нашего народа. И он вправе уйти. Могу ли я получить разрешение искать его?

Жрец некоторое время молчал.

— Ты можешь искать его, где хочешь, своими методами, — сказал он наконец и вернулся в храм.

Джон и Эркор снова пошли в лес.

— Что все это значит? — спросил Джон.

— Много ли из этого ты понял? — спросил Эркор. — Я не имею в виду слова, а то, что было за ними.

— Ты спросил у него разрешения искать Лита… и сказал, зачем ты пришел.

— Да, но я сделал много больше, я, как бы ты сказал, подтвердил статус кво. Дело в том, что среди лесных братьев телепаты находятся в двусмысленном положении и неудобном. В сущности из-за этого я и ушел. Остальные сразу видят, что телепаты выше, и боятся. Понятно, природа нацелена на то, что со временем все стражи станут рождаться телепатами, однако, нетелепаты знают, что это меньшинство растет и угрожает им. Поэтому телепатов нужно отмечать при выявлении и подтвердить номинальную власть жреца-нетелепата. Это сохраняет мир и позволяет природе идти дальше.

— Не хочется думать, что случилось бы, если бы телепаты стали родиться у нас, людей, — сказал Джон. — Тут мир сохранился бы недолго.

Эркор кивнул.

— Вот поэтому мы и скрываем от вас наши способности, насколько это возможно.

— Я сам иногда желал бы слышать мысли других людей, — сказал Джон.

— Это равносильно тому, чтобы дать цветное зрение человеку, неспособному отличить одну форму от другой и не могущему даже оценивать

расстояния. Сначала это было бы забавно, вроде игры, а потом стало бы ненужно, и досадной помехой для тебя.

Джон пожал плечами.

— Где мы будем искать Лита?

— Сначала найдем кого-нибудь и поспрошаем о мальчике.

— Именно это жрец и имел в виду, когда сказал, что ты можешь искать где и как хочешь?

— Да.

— Может, твой народ более цивилизован, чем мы.

Эркор рассмеялся.

Десятки троп тянулись, как капилляры по телу леса. Джон и Эркор прошли многие из них, прежде чем Джон начал замечать разбросанные кучки сбитых листьев на черной земле, сломанные веточки, легкие уплотнения почвы, указывающие, что тут кто-то проходил.

— Вон там, — сказал Эркор, — две женщины дремлют на траве. Одна из них видела странного светловолосого мальчика, слегка хромавшего, не из лесного народа. Похож на Лита.

— Откуда у него хромота?

Эркор пожал плечами и, помолчав, сказал:

— Мужчина, прошедший там, однажды охотил-

ся со светловолосым мальчиком. Шесть месяцев назад они вместе ставили ловушки.

— За шесть месяцев он мог уйти куда угодно.

— Правильно.

Внезапно Эркор становился, и Джон тоже застыл рядом. Через секунду листья пред ними раздвинулись, и высокий страж с копной седых волос шагнул вперед. По левой стороне лица бежали три рубца.

— Вы идете за молодым иностранцем, — сказал он.

— Ты знаешь, где он сейчас, — сказал Эркор. — Ты знаешь, что он идет мимо больших камней, сейчас остановился, оперся на палку и вглядывается в небо.

— Ты не следуешь за паутиной мысли, в центре которой он находится, — сказал седой старик.

Ничего не говоря больше, Эркор пошел дальше, а седой прошел мимо них в своем направлении.

— Теперь ты знаешь, где Лит? — спросил Джон.

Эркор кивнул.

— Почему вы разговаривали вслух?

— Из вежливости.

— Вы говорите вслух, когда хотите быть вежливыми друг с другом.

Эркор взглянул на Джона.

— Мы были вежливыми с тобой.

Они шли дальше, Эркор вдруг сказал:

— Что-то не так.

— С принцем?

— Нет, с мысленным рисунком, за которым я следую. Это вроде радарной сети, которую все телепаты, или большая часть их, поддерживают для направления, для информации. Просишь разрешения воспользоваться ею. Но в ней что-то неправильное. — Он остановился. — Джон, это смотрит на весь мир, как тот рисунок, что я видел у твоей сестры и у короля.

— Но зачем же этому быть в лесу? Можешь ты сказать, что это означает?

Эркор покачал головой.

— Принц за теми деревьями, — сказал он. — Пожалуй, лучше сначала тебе одному поговорить с ним. Он быстрее все вспомнит.

— А разве он не помнит?

— Все это было давно, а он еще мальчик.

Джон кивнул и зашагал вперед.

Фигура резко повернулась, светлые глаза на темном лице прищурились.

— Ваше Величество, — сказал Джон. — Вас зовут Лит? Вы наследник трона Торомона?

Мальчик стоял неподвижно. В одной корич-

невой руке он держал посох. Он носил одежду лесных жителей: кожаные штаны и шкура на одном плече в качестве накидки. Ноги были босые.

— Ваше Величество, — снова сказал Джон.

Глаза раскрылись, удивленно яркие на бронзовом лице.

— Извините… извините меня… — голос был хриплый, но юношеский, — что я говорю медленно… я не… говорил… очень давно…

Джон улыбнулся.

— Вы помните меня? Я с другом привез вас сюда три года назад. Теперь мы снова здесь, чтобы увезти вас обратно. Вы помните, что вас послала сюда герцогиня Петра?

— Петра? — Лит сделал паузу и огляделся вокруг, как бы ища ответа у деревьев.

— Моя… кузина Петра? Она рассказывала мне сказку о бежавшем заключенном. Только это была не сказка, а быль…

— Правильно, я и есть тот заключенный.

— Зачем вы пришли? — спросил юноша.

— Ваш брат умер. Вы должны занять трон.

— Значит, вы знаете моего брата?

— Знал, но очень давно, до того, как попал в тюрьму. Мне было тогда примерно столько же лет, сколько вам теперь.

— Пох, — сказал принц. Он сделал несколько шагов и Джон заметил легкую хромоту. — Там идет война. Я слышал о ней несколько раз, когда приезжали брать людей из леса сражаться с… врагом за барьером. Я хочу узнать многое, и там будет много дел. Теперь я вспомнил.

Они пошли к тому месту, где их ждал Эркор. Джон удивился, как быстро юноша приспособился к новой ситуации. Тонкость восприятия, думал он, или просто жизнь среди этого народа оказала такое воздействие на принца.

Они почти достигли берега, когда Эркор неожиданно остановился.

— Судно!

— Что с ним? — спросил Джон. Они были еще в лесу.

— Неды в доках, пытаются потопить корабль.

— Здесь, с побережья? — спросил Джон. — Зачем? Я думал, что неды только в городе.

— Банды распространились по всему Торомону. С ними лесной страж и… я видел этот рисунок!

— Зачем они хотят утопить яхту? Ты видишь какую-нибудь причину?

Эркор покачал головой.

— Команда защищается. Один матрос пытался запустить мотор, но огненное лезвие хлестнуло

его по спине, и он с криком упал на панель управления. Блеск огня в глазах человека, который прыгнул назад с наклонившейся палубы, когда волна хлынула через борт и закипела на судне в огне. Дым окутал рулевое колесо, где лежит матрос. — Эркор тяжело вздохнул.

— Но зачем? — спросил Джон. — Чего они хотят? У них есть какой-то план?

— Нет, я не могу определить плана.

— Что же нам делать? — спросил Лит.

— Каким-то способом нам надо вернуться. Может быть, сумеем отплыть из рыбачьей деревни или на грузовом пароходе, везущем руду с рудников в Торон.

Они снова шли по лесу до ночи, спали на краю поляны, а с рассветом продолжали путь.

Эркор первым услышал звук. Затем и двое других остановились и прислушались. За деревьями в утреннем воздухе тонко звучала калиопа…

ГЛАВА 8

— … затем начали бросать в нас огонь. Мы бросились за те каменные мешки, как каракатицы. У них есть что-то горящее, как солнце, а там, где оно бьет, его скрывает туман. Я раза два был в

передовых отрядах, чтобы установить начало постоянного лагеря, но ничего не вышло. То, что они делают, просто ужасно: повсюду разбросанные куски ребят. Нам говорили, что пройти тут будет столь же легко, как разрезать плод кхарбы. Говорили, что здесь, вероятно, стрельбы не будет. Ну, а я вовсе не хотел кончить так, как эти выпотрошенные отряды, и клянусь, готов был выйти из-за мешков и драться. И вдруг началась какая-то свалка футах в двадцати ниже. Ну, все, подумал я, они пробились и через десять секунд я мертвый. Но я ошибся. Суматоха внизу усилилась, затем кто-то включил фонарик, и я увидел в тумане высокую фигуру. Это возвращался Курл. Я мигом очутился внизу. Все столпились внизу, вокруг него, послушать, что он скажет. Он присел на корточки в грязь и велел парню с фонариком посветить. И начал рисовать на мягкой земле. «Это наша стена. Здесь гнездо, и здесь, так что они могут бить вдоль стены. Но помните, это только два лагеря. Если вы пойдете по прямой, вы пройдете мимо обоих, и они не увидят вас. Так что идите в этом направлении, оно приведет вас прямо к нашей базе». Прежде чем мы успели задать ему какой-нибудь вопрос, он перебрался через стену и исчез в темноте.

Я тоже перелез и побежал следом за каким-то парнем. Этот Разведчик, — закончил повествователь, сидевший на пустой клети от машины, в то время, как остальные сидели на куче досок перед бараками, — чертовски хороший парень. — Он посмотрел на Тила. — Так что, ты не задирайся с ним. Ну да, он со странностями, но…

Перед костром прошла тень. Свет коснулся длинной шеи, открытого ворота, желтых глаз. Курл окинул всех взглядом и пошел к хижине. Креветка, стоявший в дверях, посторонился. Через минуту заскрипели пружины койки.

— Он в самом деле близко видел врага? — спросил кто-то.

— Ну, если кто и видел, то это он, — тихо ответил рассказчик и зевнул. — Пойду спать. Здесь так же тяжело вставать, как и в Торомоне.

Другие стали тоже расходиться. Тил уже входил в хижину, как вдруг услышал звук, средний между чириканьем и писком. Тил заглянул за угол хижины и затаил дыхание. Что-то двигалось в грязи. Тил быстро нырнул обратно и схватил за плечо кого-то из солдат.

— Там кто-то есть! — прошептал он. — Слышишь?

Раздался смех, и плечо под рукой Тила затряс-

лось.

— Брось, солдат, это просто хлопун. Они иногда бродят здесь.

— Что они такое?

— Кто знает. Животные, я думаю. А может, растения. Они никому не мешают, разве что шумят немного.

Звуки раздались снова, отчетливое регулярное хлопанье, затем писклявая мелодия.

Тил вошел в хижину, разделся и лег. Равномерное хлопанье снаружи напомнило хлопанье ткацкого станка матери, ладоней отца, стряхивающего воду с плаща, его бьющего ремня…

Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп. Тил открыл глаза. Было раннее утро. Звук шел прямо из-под двери. Тил сунул ноги во влажные сапоги и пошел к двери. Последний ночной костер погас, угли и полусгоревшие доски лежали в нескольких футах от него. Вокруг нервно ходила не то птица, не то животное, а может, исключительно самособравшаяся перьевая метелка для смахивания пыли. Существо исследовало остатки костра, стоя на трех широких перепончатых лапах, а четвертой подталкивало уголек. Оно трижды обошло вокруг него, присело и… стало клевать его!

Сначала Тил подумал, что видит голову или

хвост, но нет, все тело было бесформенным клубком перьев. Животное похлопало вокруг другого уголька и издало свое пищащее кудахтанье. Тил вышел и остановился в дверях. Создание, видимо, заметило его, сделало шесть хлопающих шагов к нему, наклонилось и два раза присело.

Тил засмеялся и хлопун закудахтал.

— Эй, что это? — спросил Лог.

Тил пожал плечами.

— А он симпатичный, — сказал Лог.

Хлопун попятился, а затем осторожно подобрался ближе к двери. Тил протянул руку и быстро щелкнул пальцами.

— Он кусается? — спросил Лог.

— Сейчас узнаем.

Хлопун отскочил на десять дюймов и снова присел.

— Подъема еще не было. Почему вы встали?

Тил и Лог быстро повернулись на стальной голос позади. К двери шел Разведчик.

— Либо заткнитесь, либо выйдите, — сказал Курл. — Люди-то спят, Лог. Если хотите трепаться — уходите отсюда. — Затем он увидел хлопуна.

Тил и Лог вышли и неловко стали у стены. Курл с улыбкой смотрел на них. Он указал на хлопуна, который делал теперь арабеск двумя ногами и

как бы слушал.

— Это твой друг? Хочешь иметь домашнего любимца?

Тил пожал плечами. Курл наклонился, поднял уголек и поднес его к хлопуну. Создание опустило ноги, подбежало к руке, вспрыгнуло на нее и присело, а затем быстро обвило перепончатыми лапками запястье Курла. Когда Курл выпрямился, животное повисло на его руке.

— Вытяни руку, — сказал Курл Тилу.

Тил вытянул руку рядом с рукой Курла. Курл начал сжимать кулак. Хлопун вдруг заволновался и осторожно переместился на руку Тила.

— Он любит уголь и тепло, — сказал Курл. — Давай ему и то, и другое, и он останется с тобой. — Он повернулся и зашагал в туман.

— Не иначе, как пошел вынюхивать какой-нибудь вражеский лагерь, — сказал Лог. — Что ты будешь делать с этим зверем?

Тил посмотрел на хлопуна, хлопун открыл глаза и тоже посмотрел на Тила. Юноша громко рассмеялся.

Глаз имел молочный оттенок полированной раковины, пронизанный золотыми жилками. Другой глаз отливал перламутром. Затем оба глаза закрылись, сквозь перья блеснул третий, тоже,

как и первый, пронизанный жилками, только красными.

— Видел ты такое? — спросил Тил, но третий глаз закрылся.

— Что?

— Ну, этого уже нет.

Лог зевнул.

— Пропусти меня в хижину и дай доспать мои последние пять минут, — сказал он. — Я встал только затем, чтобы посмотреть, что ты там разглядываешь. — Он вошел в хижину.

Тил поднял хлопуна и стал его рассматривать. В перьях появилось семь глаз без зрачков. Их приглушенная серебряная поверхность отливала пастельным глянцем. Теплое чувство, поборовшее холод тумана, пронизало Тила. Он был за барьером, смотрел в дружеские, знакомые, такие знакомые пастельные глаза.

В этот вечер он проверил 606-Б. Асбестовое покрытие на одной зажимной пластине облезло, так что он снял ее и отнес на склад, где получил новую.

Один раз танк прошел так близко, что Тил увидел в открытом куполе Креветку.

— Как идет? — спросил Тил.

— Могу повернуть его почти на пол-оборота.

— Поздравляю.

Танк прогремел дальше, и его скрыл туман. Тил вдруг заметил, что хлопуна нет на месте — на верхушке сборочной стойки. Он быстро огляделся вокруг. Откуда-то позади Тила послышалось хлопанье. Тил вытер руки о штаны, повернулся и пошел в туман. Один раз он споткнулся и чуть не упал. Обретя равновесие, он увидел, что стоит как раз перед полукругом хижин. Щебет доносился слева. Тил перелез через трехфутовую каменную стену, остановился и щелкнул пальцами. Щебет тут же возобновился, но достаточно далеко. Тил побежал вперед.

— Эй, иди сюда! Возвращайся и оставайся со мной!

Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп. Тил пробежал шагов двадцать. Когда он остановился, хлопун остановился тоже и закудахтал.

— Ну и черт с тобой! — сказал Тил и пошел назад.

Он сделал несколько шагов, но вдруг замедлил ход и нахмурился. Он сделал пять шагов вправо и наткнулся на группу безлистых деревьев. Он еще сильнее нахмурился и пошел в другом направлении. Через пять минут он обратил внимание, что земля под ногами стала исключительно твер-

дой. Он не помнил, чтобы когда-нибудь шел по такой. Он пошел дальше. Что-то ударило его по шее. Оказывается, он снова зашел в рощу колючих деревьев. Но прутик, хлестнувший его по лицу, не был острым и колючим, но гнулся, как резиновый. Мысль об утерянном значении этого скользнула в его мозгу. Рука его отдернулась назад, шея и часть спины как бы ощетинились. Он отступил от скелетоподобных деревьев на шатких ногах. Туман был очень плотным.

Что-то защебетало слева. Тил резко повернул вправо и побежал. Сначала грунт был твердым, затем мягким. Туман вползал в легкие, жалил ноздри. Тил бежал.

Он вовремя успел вытянуть руки, чтобы не удариться лицом о внезапно выросшую перед ним скалу. Утес был громадный: он исчезал наверху и по обе стороны. Тил прижался спиной к камню и пытался закрыть глаза, но они упорно не хотели закрываться и истерически вглядывались во мглу. Что-то двигалось к нему.

— Ты выбрал чертовски неподходящее время для прогулок, — сказал Курл и хлопнул ладонью по груди Тила, который почти терял сознание. — Дыши!

Тил стал дышать и сам отклонился от утеса.

Рубашка его была мокрой от пота.

— Не падай, — сказал Курл. — Я не намерен нести тебя.

Тил не упал.

— Пошли. Не стоять же здесь всю ночь.

Ноги Тила не желали работать, и первые шаги были неуверенными.

— Где… где мы?

— Примерно в сорока ярдах от вражеского гнезда, — медленно сказал Курл.

Это остановило Тила.

— Подожди минутку… — он задохнулся. — Я же не мог зайти так далеко.

— Они не ждут, когда мы придем к ним. Давай, двигай. Мы нигде не в безопасности.

— Подожди минутку, — снова взмолился Тил. — Ты хочешь сказать, что они на самом деле располагаются лагерем… Я имею в виду, что ты видел их. Ты не можешь взять меня поближе, чтобы я тоже посмотрел на них…

— В темноте и в этом тумане тебе нужно подойти чертовски близко, чтобы увидеть что-нибудь, — сказал Курл и, помолчав, добавил: — Я тоже никогда их не видел.

Наконец туман впереди был прорезан светом лагерного костра. Мороз пробежал по спине Тила,

но он сказал:

— Спасибо. Почему ты пошел за мной?

— Ты хороший механик. 606-Б очень важная машина.

— Угу, — сказал Тил. — Так я и подумал.

Когда они проходили мимо столба с указателем, раздалось кудахтанье и щебет, и что-то захлопало у его левой ноги.

— Он бродил здесь всю ночь, разыскивая тебя, — сказал Курл. — Ему было очень одиноко.

— Да? — Тил наклонился и протянул руку. Мягкие лапы надежно обвились вокруг его запястья. — Ты хочешь сказать, что ты ждал меня здесь все это время? Ты хочешь сказать, что ты торчал тут и мигал всеми своими глазами, в то время, как я бегал кругом в этом…

Как чистое облегчение, как толчок вверх, освобождающий от давления, поднялось чувство привязанности. Когда Тил выпрямился, по лицу его скатилась слеза.

Курл исчез в тумане у бараков.

Ночная игра в удачу заканчивалась. Тил выудил кусочек теплого угля, пищу хлопуна, и посадил самого хлопуна греться у самой золы.

— Друг, — сказал Илло, увидев Тила. — Мы удивлялись, куда ты ушел. Что ты выглядывал?

— Просто исследовал, — ответил Тил.

— Хорошо, что тебя самого не исследовали во вражеском лагере. Ты знаешь, что они подошли ближе?

— Угу, слышал.

— Возможно, скоро будет главный удар.

— Ты имеешь в виду сражение?

— Конечно, не игру в удачу. Ну, ладно. Я рад, что ты вернулся.

ГЛАВА 9

Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп: парусиновый чехол, который Кли сняла с калиопы, ударяет ветром с луга о спинку консоли клавиатуры. Записная книжка открыта на музыкальной сетке, и странный график множественных линий волной проходит по странице, местами прорезаясь двойными и тройными штрихами. Кли ставит четвертый, добавляет пятый.

— Что ты там пишешь?

Кли повернулась, улыбаясь.

— Привет, мистер Тритон.

Полный бородатый джентльмен посмотрел на палатки, вагоны, карусели.

— Сегодня вечером не слишком много работы.

Вот когда мы путешествовали по фермерским землям, у нас бывало полно деревенщины. А когда наступало время Большого Шоу, успевай только отгонять зевак от палаток. Война — плохой бизнес. Все-таки у нас враг за барьером. Что это за каракули?

— Это новейший, совершенно бесполезный метод музыкальной записи. Он очень сложен для чтения, но охватывает гораздо больше нюансов в музыке, чем обычная система.

— Понятно, — сказал мистер Тритон. Одной рукой он погладил бороду, а другой начал арпеджио на резких нотах. — Я начал играть на этой штуке тридцать семь лет назад. А теперь, — он убрал руку с клавиатуры и сделал жест в сторону участка, — я хозяин всего этого. Да, дело швах. Конечно, плохие сезоны бывали и раньше, но такого никогда не было. В конце этой недели мы отправимся обратно в город. По крайней мере, там мы будем уверены в постепенной толпе. Война не располагает к цирку. Все люди перебираются любыми средствами в город.

Кли глянула на покрытый травой луг и вдруг вскочила.

— В чем дело? — спросил мистер Тритон. — Кто эти люди?

Кли уже спрыгнула с платформы и побежала по лугу.

— Джон!

— Кли! — он схватил сестру и закружил ее.

— Что ты здесь делаешь, Джон?

— Мы пришли к тебе с визитом. Что делаешь ты?

— Так много, что не знаю, с чего начинать. Я открыла новый обертон в серии вибрации тетрона. Ты знаешь, что плотность жилок листа постоянна, как бы далеко они не отошли от стебля, и эта постоянная различна для каждого листа? Но эта информация тебе не нужна. Затем я выработала что-то большее, чем все это, но по-настоящему я еще не дошла. Да, и по утрам я составляла отчетность. — Пока они шли к вагону калиопа, она спросила: — Кто твои друзья?

— Эркор, это моя сестра, доктор Кошер. А это…

— Извини, — перебила Кли, я работаю здесь под псевдонимом. Меня здесь знают как Кли Решок.

Джон засмеялся.

— Мы знаем этот секрет. Кли, это Его Королевское Величество принц Лит. Мы везем его обратно в Торон для коронации.

Кли остановилась и в упор посмотрела на Лита.

— Если удастся, — сказала она. — Он мертв. По крайней мере, такова была официальная информация Службы Новостей, когда он был похищен. Ты все еще работаешь с герцогиней Петрой?

— Да.

— Ага. Ну, пошли. Я представлю вас мистеру Тритону.

— Какого сорта шоу вы делаете?

— Хорошего, — сказала Кли, — но работы нет. — Когда они вошли в тень загона, Кли посмотрела на Джона и Эркора. — Глаза у вас… Джон, могу я поговорить с тобой позднее и задать несколько вопросов? — она возвысила голос, глядя на платформу: — Мистер Тритон, это мой брат и его друзья.

— Правда? — сказал мистер Тритон. — Ты ничего не говорила.

— Мы возвращаемся в Торон, — вмешался Эркор, — по вашим следам, и в рыбачьей деревне увидели вашу афишу, вот и решили зайти. Отличная афиша. Прямо приковывает взгляд. Кто ее сделал?

— Я сам делал ее. Вам понравилось? Этот цирк снизу доверху мой.

— Вы не покажете нам его? — спросил Эркор.

— Идет. Пошли. — Польщенный импрессарио

сполз по ступенькам и повел гостей к палаткам.

Язык солнечного света падал между полотнищами шатра. Джон стоял в дверях, вдыхая теплый запах опилок. Кли прислонилась к туалетному столику.

— Неужели все это барахло твое, сестренка? — он указал на открытый гардероб.

— Я делю эту гардеробную с твоей приятельницей. А теперь — что происходит, брат мой?

— Сейчас покажу, — сказал он, взялся за кусочек кожи на шее повернул его и тот вдруг отпал. Джон облупил кожу выше, и половина шеи и щеки исчезли. — Ты имеешь в виду акробатку? Она хорошая девчонка, Кли. — Он отодрал еще полосу с лица, и остались только рот и глаза, а между ними ничего не было.

— Я знаю, что она хорошая, — ответила Кли. — Я здесь только из-за нее. Я однажды спрашивала ее, что произошло с вами, но она ответила, что чем больше людей узнает, тем больше будет для них опасности. Так что я оставила вопрос открытым, но все-таки я любопытна.

— Она была в группе, которая сегодня называется недами. Я тоже был ее членом. К несчастью, мы были мечеными, вроде лесных стражей с их тремя рубцами. Наша метка в том, что мы исче-

заем при слабом освещении, как призраки. — Он сильно провел пальцами по волосам, и они исчезли. — Как болезненная фантазия, — добавил голос из пустого воротника.

Затем его рука опустилась в карман, достала крошечную капсулу, поднесла к тому месту, где должна была быть его голова, и надавила кнопку на конце.

Брызнул веер жидкости, создал форму человеческого черепа, затем лицо.

— Это решение всего, — сказал Джон. — Теперь дело в том, чтобы вернуть короля на трон как можно скорее и покончить с войной. — Другой конец капсулы дал черную струю, проявились волосы. — Ты поможешь нам, Кли?

— Я поражена, хотя Алтер мне уже показывала это. Ты мог бы делать номер в шоу. Эта штука не закупоривает поры?

— Нет. Высыхая, она перфорируется и пропускает воздух и пот. Но нам нужно доставить Лита в Торон.

— Для какой фракции ты работаешь? Не хочет ли сама герцогиня наложить руку на трон?

Джон покачал головой.

— Кли, это больше, чем всякие политические интриги. Это даже больше, чем наш враг за ба-

рьером, потому что мы можем иметь союзника среди звезд.

Алтер вышла из заднего выхода большой палатки. У нее слегка кружилась голова после выступления на трамплине. Увидев гиганта со шрамами, она остановилась.

— Эркор! Ну, как ты? Как герцогиня и Джон? Не было ли известий от Тила?

— Нет. Но все живы и брыкаются. Джон здесь со мной. И принц Лит.

— Вы везете его обратно, требовать трон? Хорошее дело. На что ты так пристально смотришь?

— Я слушаю, Алтер. В мозгу Кли что-то есть, чего я не вполне понимаю… Это вещь, которую она прячет от себя самой. Ты каким-то образом помогла этой вещи пробиться, но я не настолько хорошо вижу ее, чтобы понять.

— Это Тумар, — сказала Алтер. — Военный, с которым она была обручена в самом начале войны. Он погиб. Она говорила мне, когда начала работать над своим новым проектом. Она сказала, что этот проект даже более важен, чем проектирование передачи материи.

Эркор покачал головой.

— Это не то, Алтер. То лежит гораздо глубже. Это что-то такое, что она вычислила однажды, и это

такое ужасное, что она пользуется смертью Тумара, чтобы не вспоминать о той вещи. Это нечто такое, что связано тоже с Лордом Пламени.

— Кли? — удивленно спросила Алтер.

— Как я уже сказал, я точно не знаю, что это такое. Но дело вот в чем: все лесные стражи — телепаты тоже знают об этом и пользуются своей объединенной мощью, чтобы держать эту вещь подальше от меня. Видимо, они знают о моем контакте с Тройным Существом, и не уверены, что с этим делать. Информация есть в мозгах всех главных советников, но стражи защищают их мозги. Кли, похоже, вычислила эту вещь сама по себе, а затем отбросила, как невероятную. Алтер, прислушивайся ко всему, что она говорит, и смотри, не возникнет ли что-нибудь.

— Я думала, что уже отошла от интриг, — сказала Алтер. — Но я буду прислушиваться. — Ее пальцы коснулись кожаного ремешка, на котором были нанизаны полированные раковины.

— Тебе нравится, сынок? — мистер Тритон подошел к белокурому мальчику в одежде лесного стража, который смотрел на сверкающий номер на трапеции.

— Это замечательно, — ответил Лит. — Я никогда раньше не видел ничего подобного.

— Никогда? — мистер Тритон оглядел прямую фигуру мальчика. Судя по его росту, он явно не страж. — Ну, тогда для тебя это действительно зрелище.

— Наверно, это очень трудно делать, — сказал Лит.

— Конечно. Но знаешь, что самое трудное? Направлять всех этих людей с их индивидуальными номерами.

— Как делаете вы?

— Ну да. Я делал в этом бизнесе почти все, начиная от игры на этой окаянной калиопе и кончая дрессировкой диких акул. Но, как я уже сказал, самое трудное дело — заставлять их всех работать вместе. Надо выслушивать каждого и стараться, чтобы каждый был доволен.

— Как вы этого добиваетесь?

Иногда обсуждаешь, а иногда топаешь ногой, когда начинаются свары. А когда сам неправ, как можно скорее признаешь это и меняешься в правильном направлении, если можешь.

— А потом?

— А потом надеешься, что все пойдет как надо, и что сохранишь свое шоу на следующий сезон.

Принц посмотрел на кружащихся артистов.

— Они прекрасны. Сила и изящество одновре-

менно. Стоит стараться поддерживать это.

— Да, — сказал мистер Тритон, складывая руки на животе. — Ты стал бы хорошим хозяином цирка.

Кли решила еще раз обойти территорию цирка, прежде чем лечь спать. Она прошла мимо потемневшей шоу-палатки и шла к чудо-колесу, когда почувствовала чей-то взгляд. Она повернула голову и увидела гиганта со шрамами, который пришел с ее братом. Он издали смотрел на нее.

Он смотрит так, словно пытается читать в моем мозгу, подумала она, но отбросила эту мысль. Под всем тем, о чем она думала недавно, был ее новый портрет. Это была поразительно прекрасная и глубоко унифицированная теория поля. Она была куда точнее любой другой теории… вернее, будет, когда закончится. Она вставала в башнях логики, измеряя глубины океанов отражающих обертонов среди силлогизмов ритмов и превосходила всю ее предыдущую работу по случайным пространственным координатам — «Джентльмены, более чем вероятно, что переделав уже существующую транзитную ленту, мы сможем посылать двести или триста фунтов материи в любое место планеты с точностью до микрона».

Нет, не думать об этом. Выкинуть эту мысль. Я

же долго-долго не думала об этом.

И она вспомнила его спокойную улыбку, рыжие волосы, неожиданную усмешку и медвежий рев-смех. И остановилась, удивленная, потому что воспоминание было сейчас гораздо отчетливее, чем она позволяла себе раньше, и прошептала: «Тумар», ожидая боли, но боли не было. За последние несколько месяцев рана зажила, но он не ушел, он подошел ближе, хотя бы потому, что она жила в мире жизни, как предполагала, а не отступила в мир смерти. Когда она остановилась, пораженная этим открытием, что-то стало выбиваться из глубин ее мысли, всплывать к сознанию, как прояснившаяся схема превращается в узнаваемую прекрасную мысль…

Нет! Она одернула себя, боролась с этим, стараясь не допускать это в свой мозг. Нет! Нет! О, помогите мне! Нет!

И… И… оно снова ушло в забвение.

Она прищурилась, посмотрела на Эркора, слегка кивнула головой и отвернулась.

Они встретились у черного чудо-колеса и поздняя луна серебрила ее волосы. Их глаза были глубокими впадинами.

Джон улыбнулся.

— Как ты живешь теперь в нормальной жиз-

ни?

— Ты называешь цирк нормальной жизнью? — она тоже улыбнулась. — Как дела с войной? Вы остановили ее?

— Мы сделали еще одну попытку. Мы изгнали Лорда Пламени из короля Оска.

— Что он сделал в этот раз?

— Мы еще не знаем. А вот Кли знает. Во всяком случае, так думает Эркор. Но это слишком глубоко в ее мозгу.

— Должно быть, он это и имел в виду, когда разговаривал со мной. — Сказала Алтер. — Но откуда Кли может знать?

Он пожал плечами.

— Точно это неизвестно, но похоже, что у нее есть темная информация, совпадающая с той, что была в мозгу короля Оска, когда Лорд Пламени вышел из него.

— Понятно. Странная вещь, я имею в виду себя и Тила. Мы были единственными в Торомоне, кто знал кое-что о том, что вы в действительности делаете, и оба мы отошли от всего этого. Он в армии, а я в цирке. Он на войне, которую вы пытаетесь остановить, а я… Ну, я здесь. Надеюсь, что он скоро вернется. Я хотела бы увидеться с ним снова. Джон, а как твой поиск свободы?

— Я не получу ее, пока не кончится война и я освобожусь от Тройного Существа. По крайней мере, я так говорю себе. В тюрьме я научился ждать, это я и делаю теперь. А возможность ходить везде делает ожидание много легче. И я все еще учусь вещам, которые, я думаю, мне пригодятся, когда все это кончится. Но иногда я завидую вам, юным. Надеюсь, что вам обоим повезет.

— Спасибо, Джон.

В 6.30 утра цирковые повозки покатились к берегу и докам, где красный с золотом цирковой корабль повезет их обратно в Торон.

ГЛАВА 10

В это утро подъем прозвучал рано. Тил проверил 606-Б перед тем, как машину закатили в танк. Погода была теплой, несмотря на густой туман.

— Король умер!

— А?

— В Тороне, во дворце, умер король Оск. Сегодня утром пришел рапорт.

— Ты думаешь, это убийство?

— Не знаю. Я же не видел рапорта.

Слух волной прокатился по лагерю. Хотя никто

ничего точно не знал, все решили, что смерть как-то связана с их внезапным движением. Это было удобным объяснением, поскольку устанавливало хоть какую-то причину.

Тил вернулся со склада с мотком провода для 606-Б и обнаружил, что провод там почти сгорел. И увидел Илло, тащившего что-то на плече.

— Что это? — спросил он неандертальца.

— Это указатель. Я спросил Курла, взять ли указатель с нами, а он ответил «Зачем?» И пошел прочь. Ну, а я принес.

— Хорошо сделал, — сказал Тил.

Вернувшись к 606-му, он поспорил с двумя парнями, которые хотели взять машину, не дожидаясь, пока сменят провод. Но затем один из них увидел хлопуна.

— …А, ты, значит, тот самый парень, который, как говорят, приручил это существо?

И пока они разглядывали пернатое создание, Тил поставил провод на место, и парни покатили 605-й. Возвращаясь в барак, Тил прошел мимо Торна и Курла.

— Может, это сражение будет последним, — сказал Торн. — Ты упоминал, что был разговор о мире?

— О победе или мире, — сказал Разведчик, —

коль скоро король умер.

Тил зашел в хижину, взял рюкзак и снова зашагал по грязи. Он слышал грохот танков, выстроившихся на другом конце лагеря. В его приказе говорилось, что он должен идти к танку ГЗ. Он размышлял, будут ли у него проблемы со взятием хлопуна, когда его окликнул знакомый голос. Перед ним вырос Креветка. С ним был еще кто-то.

— Привет, Тил. Здесь Кудряш.

— А, привет, — сказал Тил, пожимая руки.

— Слушай, Тил, — сказал Креветка, — мы тут малость поспорили насчет тебя и хотели, чтобы ты помог нам разрешить спор, если ты не прочь.

— Конечно, — сказал Тил. — В чем дело?

— Какого цвета у тебя глаза?

Тил свел брови и неловко пошевелился.

— Зеленые. А что? — и тут же пожалел, что спросил.

— Можно посмотреть?

— Я… думаю, да.

Креветка подошел поближе, а Кудряш смотрел через его плечо.

— Вот видишь, я же говорил, — вскричал Креветка. — Зеленые, как и у меня. Это потому, что мы оба с побережья. Там почти у всех зеленые

глаза.

— Я не это имел в виду, — сказал Кудряш. — Я говорил о том, что случается в темноте, а не на свету. Давай-ка, иди в тень.

— Слушай, — сказал Тил, — мне нужно идти. Мой танк, наверное, уже готов к отправке.

— Ты на какой танк?

— На третий.

— Прекрасно. Я его водитель. Пошли.

Тил бросил свой мозг в пяти разных направлениях, но везде висел «кирпич», так что пришлось идти к длинному ряду танков.

— Вот мой бэби, — сказал Креветка, похлопав черный металлический корпус.

— Давайте внутрь, — сказал Кудряш, открывая дверцу. Гидравлический трап спустился в грязь. — Там я покажу, что я имел в виду.

Тил вошел в танк за Креветкой и Кудряшом.

— Нет, не включайте. Это главное.

В танке, освещенном теперь только через купол в дальнем конце, Тил встал у стены, а Креветка и Кудряш вгляделись в его глаза. Сердце Тила было как бы сжато пальцами.

— Все в порядке, — сказал Креветка. — Какой, по-твоему, у них цвет?

— Ничего не понимаю, — нахмурился Куд-

ряш. — Там, на учебной базе, как только стемнеет, его глаза выглядели так, словно их вовсе нет.

— Но… у меня зеленые глаза, — сказал Тил. Что-то в нем повернулось, вроде дымчатого кристалла, набитого воспоминаниями, которых он не мог увидеть. — Глаза у меня зеленые.

— Конечно, зеленые, — подтвердил Креветка. — Каким им еще быть у рыбака и сына рыбака?

— Ну, согласен, — сказал Кудряш, и еще раз взглянул. — Верно, зеленые. Наверное, я чокнулся.

Да, подумал Тил, глаза у меля зеленые, были такими и будут. И он удивился, с чего он так нервничал, когда ребята хотели посмотреть. Почему бы глазам стать другого цвета, удивился он. Почему?

— Король в самом деле умер?

— Угу. Я слышал официальный рапорт. Как ты думаешь, это значит, что войне скоро конец?

— Кто знает. Говорят, должно быть большое сражение. Может, оно и решит дело.

— Надеюсь. Ох, я бы отдал передние зубы, чтобы вернуться в Торон, только посмотреть, что там делается.

— И мы тоже.

Танк шел по грязи уже час, когда слева донесся

звук, как будто размалывались камни. Люди переглянулись.

— Что это? — кто-то спросил водителя.

Креветка пожал плечами.

Тетроновый мотор жужжал под ногами. Тил откинул голову к стене. Вибрация почти усыпила его, когда треск раздался снова. Тил открыл глаза и увидел через правое стекло вспышку света.

— Что там, черт побери? — взвыл кто-то. — На нас напали?

— Заткнись, — сказал Креветка.

Затем через инструктажный микрофон в углу прозвучали слова:

— Спокойствие, бдительность, как вас учили. Водители следуют по графику. Остановка по приказу.

Тил ждал, пытаясь унять биение крови. Танк катился вперед.

Через полчаса кто-то сказал:

— Хорошенькое дело — воевать запертыми в проклятом ящике!

— Заткнись, — сказал офицер.

Хлопун спокойно сидел под скамейкой. Тил нагнулся и дал ему кусочек угля. Перья хлопнули его по запястьям.

Когда Тил снова посмотрел в овальное окно,

было уже темно. А они все ехали.

— Всем водителям остановиться, — сказал микрофон. Танк накренился. Тил нагнулся и взял комок перьев к себе на колени. Все глаза хлопуна были плотно закрыты.

— Конвой, на выход, — сказал микрофон.

Люди встали, потягиваясь. Дверь открылась, трап спустился, и Тил в свою очередь вылез. Здесь, можно сказать, было то же самое место, откуда они выехали, только туман был темнее и почти чуть тверже. И в это время раздался грохот. Все глаза повернулись влево: футах в пятидесяти поднялось белое пламя. Воздух внезапно прорезали приказы со всех сторон.

— Танк 4 — влево. Конвой отправляется с рапортом майору Стентону. Конвой танка 3 — за мной!

Тил почти бежал. К нему присоединились двое из другого отряда. Неожиданно их остановили и разделили: Тила погнали влево, а тех двоих направо.

Тил миновал группу танков, когда раздался второй удар, на этот раз далеко. Темно-синий вечер вспыхнул, а затем потемнел.

— Выгружайте мешки с камнями! — закричал кто-то.

Тил вовремя повернулся: тяжелый джутовый

мешок ткнулся ему в плечо и чуть не сбил с ног. Тил подхватил его, обдирая ладони, передал человеку впереди, повернулся за следующим. Так они составили цепь мешков. Затем три человека размотали колючую проволоку над мешками.

— Эй, вы! Помогите в том конце!

Тил и еще несколько человек побежали. В это время снова грохот и вспышка. Тил закрыл глаза и наткнулся на кого-то. Этот кто-то поддержал его и сказал:

— Держись, зеленоглазый.

Это оказался Кудряш.

Им было приказано класть новую секцию стопы. В плечах Тила, во всем теле выработался ритм: держись сам, хватай, качай, бросай.

— Ложись! — крикнул кто-то.

Тил почувствовал жар справа и упал в грязь. Когда жар ушел, Кудряш схватил Тила за руку, и они побежали вдоль стены. Вдруг Кудряш потянул Тила в углубление стены. Хлопун вкатился туда вслед за ними. Позади них послышался жалобный вой танка с кашляющим, сипящим мотором, а затем тишина.

— Они снабжены 606-Б? — спросил Кудряш. — Я вроде бы слышал его жужжание. Это ведь твоя машина?

— Угу, — сказал Тил. — Но сейчас я не отличу танк от электростанции.

Новый удар заставил их присесть. Затем Кудряш поднял голову и огляделся.

— Вроде бы нас обложили, — прошептал он.

— Похоже на то. На что ты смотришь? Ничего же не видно в тумане.

— Смотрю, нет ли кого поблизости. Слушай, я… я хочу объяснить тебе кое-что, ну, насчет меня. Я сегодня чувствовал себя неловко с этим делом насчет твоих глаз и подумал, что может, надо вроде извиниться перед тобой.

— Давай, — удивленно произнес Тил.

Кудряш провел грязной рукой по лбу.

— Черт возьми, — сказал он, смущенно засмеявшись. — В банде недов, с которыми я шлялся в Тороне, я встретил парня, некоего Вала Ноника, чудной такой парень, писал странные стихи. Я хотел показать ему это, потому что он написал бы об этом стихотворение, но он не мог пойти в армию: у него что-то со спиной. Вот я и подумал, что ты мог бы сделать… — он снова засмеялся и посмотрел на свои руки. — Ты никогда не видел никого, кто это делает?

— Что делает?

— Смотри на мои руки.

— Я не по…

— Мы, может, не уйдем отсюда живыми, так что смотри на мои руки.

Тил уставился на согнутые ладони солдата. Сначала они были синеватыми в тумане, затем покраснели, заискрились, прямо над ними засиял огненный шар, отливающий то зеленым, то желтым.

— Смотри, — выдохнул Кудряш. — Видишь…

Шар вытянулся, раздвоился вверху и внизу и стал женской фигуркой. Голова поднялась, на концах крошечных рук зашевелились пальцы. Она наклонилась и покачивалась на цыпочках на его ладони. По его телу пробегали голубые, медные и золотые искры. Ветер (Тил чувствовал его на своем затылке) относил назад ее сверкающие волосы. Она подняла руки и прошептала:

— Кудряш, я люблю тебя, я люблю тебя…

— Разве она не прекрасна… — зашептал Кудряш, и его шепот был как скрежет по сравнению с голосом крошечного гомункулуса. Кудряш глубоко вздохнул, и фигурка исчезла.

Когда Тил поднял глаза от грязных пальцев, Кудряш смотрел на него.

— Когда-нибудь ты видел такое?

— Не-ет… Как ты это делаешь?

— Не знаю. Просто делаю. Я видел ее во сне еще до армии, и однажды подумал: а что будет, если я заставлю ее появиться наяву? И она появилась, как ты видел, в моих ладонях. Я никогда никому не показывал, но при этом всем, — он обвел рукой вокруг, — подумал, что должен кому-то показать. Вот и все. — Он опять смутился.

Тил посмотрел на хлопуна: полированные глаза зверька были открыты, и Тил подумал, что эти глаза тоже видели огненную девушку, такую живую, такую реальную.

Танк снова взвыл позади. Тил крутнулся и увидел машину.

— Давай отсюда! — крикнул он Кудряшу.

Кудряш дернулся вправо, а Тил отполз влево. Танк накренился и прошел в дюйме от них. Тил на миг увидел сквозь купол высокую желтоглазую фигуру Курла. Затем танк прошел мимо и проломил каменную стену. Туман сомкнулся за ним и закружился в отверстии стены.

— Куда, к дьяволу, он прет? — подумал Тил. Группа людей бежала к ним. Тил снова побежал, когда раздался новый взрыв, не так близко, чтобы ослепить, но и не так далеко, чтобы игнорировать его. Тил остановился и в жестком свете увидел Креветку, запутавшегося в колючей

проволоке, вся левая сторона тела была сожжена, но по оставшемуся лицу его можно было узнать. Охваченный пламенем, он, видимо, запаниковал и пытался перелезть через стену, забыв о проволоке…

Свет исчез, и Тил снова побежал. Было слишком темно, чтобы увидеть что-нибудь, но в его глазах стояли остатки сгоревшей униформы… Краснота сохнувшей крови… Сеть железной проволоки…

Во время затишья потекла первая струйка рассказов:

— Ты слышал, что случилось с Разведчиком?

— Что?

— Он был в том танке.

— Который спятил и пробил эту чертову стену?

— Ну. Его нашли. Он с треском прошел нашу стену во вражье гнездо и прямо размазал все устройство.

— Ну, и что дальше?

— Говорят, танк взорвался при ударе.

— Разведчик знал, что там гнездо, и что пошлют нас, если оно не будет обезврежено. Он спас нас всех.

— А где сейчас Курл?

— Ты что маленький? Куски этого танка нахо-

дятся в радиусе полмили.

Тил прижался щекой к мокрому джутовому мешку и слушал в темноте разговор соседей. Пальцы его перебирали перья хлопуна. Он думал о Курле, Креветке. Почему…

ГЛАВА 11

— Мисс Решок! Где вы пропадали? — у крыльца стояла женщина с мусорным ведром. — Я очень рада вас видеть. Не правда ли, как все это волнует — коронация и все прочее? Ох, вы не представляете, через что я прошла! Я так расстроена, что просто не знаю, что делать. Вы знаете, как я обеспокоена своей дочерью Ренной. Не знаю даже, как сказать вам…

— Извините, — сказала Кли. — Я страшно тороплюсь.

— Что произошло. Я в самом деле ухитрилась достать билет на бал грядущей победы, который давал Совет на прошлой неделе в память его Величества. Это было как раз перед тем, как нашелся принц Лит. Конечно, пришлось немало набрехать этой отвратительной бабе в комитете, но билет я получила, и мы сшили замечательное платье Ренне, белое с серебром. Любая девушка была бы

в восторге от такого платья. Великолепно! И что же? Можно было подумать, что она собирается на похороны, так она скривилась. Ренна немного рисует, но вдруг ее рисунки стали прямо ужасными, черепа в ветвях деревьев, мертвые птицы и какой-то совершенно отвратительный ребенок корчился на песке, и его вот-вот смоет волной. Мне следовало сразу понять, что дело неважно. Она не говорила, что не хочет идти на бал, но и не интересовалась им. Пойди хоть ради своей матери, сказала я ей. Ты можешь встретить там герцога или барона, и кто знает… Ну, она решила, что это вздор, и засмеялась. Но все-таки в четыре часа утра она надела свое прекрасное платье. Ох, она была так красива, мисс Решок, что я чуть не заплакала. А потом я и в самом деле плакала: она ушла и домой не вернулась. Вечером я получила письмо, что она вышла замуж за этого ужасного парня Вала Ноника, который пишет стихи и живет в Адском Котле. Вы знаете, что его даже выгнали из университета? Она приглашала меня к ним в гости, но я, конечно, не пошла. Она писала, что хочет рассказать мне насчет этого бала, который, в сущности, был не так уж плох. Вы только подумайте: бал грядущей победы «не так уж плох». Ну разве это не ужасно? Кошмар!

— Извините, — сказала Кли, — мне необходимо кое-что взять дома. Простите.

Кли проскочила в холл и там замедлила ход. Она пыталась вспомнить что-то насчет этих имен — Вала Ноника и Ренны. И она вспомнила! Вспомнила то стихотворение и рисунок Ренны. Не напрягая памяти, потому что это относилось ко времени до трех открытий, она поспешила дальше.

Она вошла в свою квартиру и остановилась. Ставни были закрыты. Как в погребе, подумала она. А я столько времени провела здесь! Здесь нет места для акробатов, слишком тесно, чтобы увидеть раскрашенное лицо клоуна, и не слышно… калиопы.

Она вернулась, чтобы взять блокнот со странными формулами, она никогда не думала, что посмотрит на них снова. Но ведь я не думала, что вообще захочу смотреть на что бы то ни было, подумала она.

Она прошла к столу, думая об Алтер, о мистере Тритоне и обо всем красном и золотом, что составляло цирк. Открывая ящик, она положила другую руку на стол, и ее пальцы коснулись смятой бумаги. Она нахмурилась, выпрямилась и расправила бумагу. На зеленом поле горели

золотые буквы:

У НАС ВРАГ ЗА БАРЬЕРОМ

Она со злостью разорвала бумагу на куски и бросила их в корзину, взяла из ящика блокнот и вышла из квартиры.

За поворотом холла что-то тяжело обрушилось на пол. Она побежала посмотреть.

— Ох… ох… доброе утро, мисс Решок!

— Доктор Уинтл, сейчас три часа дня, — воскликнула Кли. — Не рановато ли для такого состояния?

Доктор поднес палец к губам:

— Тссс… я не хочу, чтобы моя жена знала… я праздновал…

— О, господи, что вы праздновали?

— Коронацию, конечно. Что же еще? — он пытался встать, и Кли взяла его за руку. — Война кончится, и наши парни вернутся назад. — Он встал и прислонился к стене. — Новый король и новая эпоха, я бы сказал. Вы даже не представляете, как хороша будет эта эпоха! Но вы также не представляете, как хороша была и прошлая эпоха… Кто знает, куда я приду, на какие высоты взберусь…

— О чем вы говорите?

— О своей медицинской практике. Я каждый день получаю новые рекомендации, каждый день.

— Вашему волчаночному пациенту лучше?

— Э-э… которому?

— Ну, первому пациенту, для которого вам было так трудно достать лекарство.

— Тот? А-а, он умер. Насчет этого был небольшой скандальчик, когда кое-кто обвинил меня в неправильном лечении, или еще в чем-то таком. Но доказать этого не сумели. У меня есть знакомство в Совете, так что доказать и не могли бы…

— Я думаю, теперь вы и сами дойдете до своей двери, доктор Уинтл.

— Да-да, спасибо вам!

Цирковой народ бродил по дворцовому саду, ожидая начала празднества.

— Доктор Кошер!

Кли повернулась и увидела Эркора.

— В чем дело?

— Нам нужна ваша помощь.

— Что вы хотите?

— Некоторой информации. — Он сделал паузу. — Не пройдетесь ли вы со мной?

Кли кивнула. Она пошла ко входу во дворец.

— Я не хотел бы вас пугать, но то, о чем я хочу

поговорить, будет страшным. Вы поможете нам?

— Какую информацию вам нужно? Я не имею никакого представления, о чем вы говорите.

— Вы-то как раз имеете представление, — поправил ее Эркор. — Иначе почему вы бросили правительственную работу три года назад и выключили себя из мира?

— Потому что я была несчастна и смущена.

— Я знаю, почему вы были несчастны, а что вас смутило?

— Мне кажется, я не понимаю вас.

— Понимаете. У вас очень точный ум, и вы обычно знаете, что говорите. Я спрашиваю вас еще раз: что вас смутило?

— Вы не ответили на мой вопрос. Зачем вам эта информация?

— Это часть информации, которую имеют многие, в основном, члены Совета, и последний король Оск. Имеют ее также многие из лесного народа. Однако, она очень, очень хорошо защищена. Вы — единственная, кто обладает этой информацией, но находится вне защиты.

— Вы очень неточны. Если вы хотите моей помощи, то будьте честны со мной.

— Я сказал вам, что это будет странно.

— Давайте.

— Прежде всего, я могу читать в вашем мозгу. Среди лесного народа много телепатов, у них постоянная ментальная сеть, которая тянется через весь Торомон. Хотя я могу читать мысли, я отключен от этой сети. Полагаю, это потому, что я в некотором роде отступник, у меня другие интересы, а это не всем нравится. Эта часть информации, как я думаю, относится к войне, и, может быть, в самой важной степени, возможно, тайна ее окончания, победы или поражения. Первое, что скрывается в большинстве мозгов — невероятный слой вины. Я должен был бы пробиться сквозь него, но не могу, он под защитой телепатической сети, о которой я говорил. Я пытался получить какое-то объяснение от своего народа в лесу, но, хотя мне не мешали искать моими средствами, ключа я не получил. Вы единственная особа, у кого я могу определить эту информацию, и она не защищена сетью. Эту информацию вы вычислили сами в то время, как другие получили ее от другого и имели с ней дело, можно сказать, на официальном уровне, и поэтому в вас чувство вины даже более сильно, но то, чего я хочу, пылает под поверхностью вашего мозга. Особа, которой мы недавно пытались объяснить кое-что из этого, уверяла, что это бо-

лезненная фантазия, но согласилась нам помочь, как в гипотетической проблеме.

Они шли по холлу.

— Если я не защищена, — сказала Кли, — почему вы до сих нор не выкопали это из моего мозга?

— Вы работаете над объединенной теорией поля, и считаете, что это может оказаться великим открытием, я питаю большое уважение к вашим мнениям, доктор Кошер. Если бы я стал копать, ваш мозг мог бы получить страшное потрясение, и могли бы пострадать некоторые ваши теоретические способности. Вы должны сами выудить это с моей небольшой помощью.

— Гипотетическая проблема, — улыбнулась Кли. — Я не знаю, реальна она или нет, но я вхожу в игру.

— Прекрасно. Только не пугайтесь. С час назад вы разорвали кусок бумаги и со злостью выбросили его. Почему?

— Откуда вы… Я ничего не рвала… — она была удивлена и растеряна. — Ах, вы имеете в виду… Ну, это был дурацкий военный плакат, и я полагаю… (почему я так расстроилась?)

— Почему вы так расстроились?

— Я не… я хочу сказать, я просто удивилась,

откуда вы знаете, что я разорвала этот плакат. Я была в своей квартире, дверь была заперта…

— Вас расстроило не это. Зачем вы принесли плакат домой?

— Потому что… потому что мне не нравилась вся эта военная работа с самого начала. Мне не нравилась мысль, что наши люди умирают за барьером из-за… — она замолчала.

— Нет причины?

— Нет. Из-за моего открытия.

— Понятно. И поэтому вы бросили свою работу?

— Я… да. Я чувствовала себя ответственной…

— Тогда зачем вы принесли к себе в дом этот плакат? Почему ждали все это время до тех пор, пока не решили оставить этот дом, и только тогда разорвали?

— Не знаю. Я была…

— Смущены, да? Что вас смутило?

— Я была смущена, потому что чувствовала свою вину. Я чувствовала себя ответственной за…

Откуда-то нахлынула злость. Какое у него право…

— …за войну? Но у нас враг за барьером, доктор Кошер. Вы хотите сказать, что вы лично

ответственны за весь правительственный и экономический поток, вызвавший войну? Вы должны знать, что здесь работает куда больше факторов, нежели одно ваше открытие.

— По личным причинам!

— Вы имеете в виду смерть вашего жениха, майора Тумара?

— Я имею в виду его смерть *на войне*.

— Я верю вам, — помолчав, сказал Эркор.

— Это ваше право.

— Сказать вам, почему?

— Вряд ли я захочу это слышать.

— Когда погиб майор Тумар?

— Мне не хочется говорить об этом.

— Он погиб весной, три года назад, при выполнении поручения уничтожить радиационный генератор за Тилфаром. Вы сделали свое открытие обратных субтригонометрических функций и их применение в случайных пространственных координатах три месяца спустя после смерти майора Тумара. Он погиб не за барьером, но на военной службе здесь, в Торомоне. Какое отношение имело ваше открытие к его смерти?

— Но я работала для правительства…

— Доктор Кошер, будь вы другим человеком, вы могли бы впасть в такого рода сентименталь-

ность, но у вас крепкий, эластичный, в высшей степени логический разум. Вы знаете, что не поэтому чувствуете себя виноватой…

— Тогда я не знаю, почему я чувствую себя виноватой!

— Тогда ответьте: зачем вы принесли плакат домой, если бы вы не хотели воспоминаний о войне? И если вы были в ярости, если вы не были согласны со «своей этой военной работой», зачем вы содрали с забора тщательно приклеенный плакат? Почему он лежал скомканный полтора года у вас на столе? Не пытались ли вы себе напомнить о чем-то, что вы открыли, но во что не могли, не хотели верить? О чем-то, как вы сегодня подумали, вам больше не нужно напоминать, разорвать, выбросить в корзину, выкинуть из мозга…

— Но ведь больше никакой войны не будет, — перебила она. — Теперь у нас новый король. Будет объявлен мир, все вернутся обратно и не будет никакой… — она говорила быстро и громко. Они почти дошли до тронного зала. В холле не было ни души. Кли выглядела потрясенной. Что-то лезло в ее мозг, она сопротивлялась, выталкивала это. Но как только давление на мозг прекратилось, он расслабился. И это произошло. Это хлынуло со

дна ее мозга, как прибой, как гейзер, вошло в ее сознание и воспарило. Она прислонилась к стене и прошептала:

— Война…

Но Эркор сделал шаг вперед. ЭТО ударило его мозг почти так же жестоко, как и ее. Он пытался отползти от этого.

— Но мы выиграем войну! У нас враг за барьером, но мы можем… — он растерянно оглядывался по сторонам.

— Какая война! — выкрикнула Кли. — Ох, вы не понимаете! КАКАЯ ВОЙНА!

ГЛАВА 12

Илло воткнул указатель в грязь. Кто-то спросил:

— Откуда ты знаешь, что он указывает правильно?

— А какая разница! — Илло пожал плечами.

Тил стоял рядом с Торном. Хижины на краю нового лагеря едва виднелись сквозь туман.

— Хорошо снова быть в лагере, — сказал Торн.

— Угу. Чувствуешь, что вроде как снова стоишь на земле. Знаешь, я тут долго думал насчет Разведчика.

— Не ты один, — сказал Торн, показывая на группу солдат вокруг грузовика. — Какова же твоя личная мысль?

— Зачем…

— Я могу думать о шести «зачем». Которое из них твое?

— Зачем он сделал то, что сделал? Зачем он вмазал танком во вражеское гнездо ради нашего спасения?

— Может, он подумал, что если кто-нибудь не сделает этого, мы все погибнем в пламени.

— Возможно. Знаешь, я думаю, я понял бы это лучше, если бы весь полк состоял из стражей. Но ведь этого не было.

Торн засмеялся.

— Видишь ли, мы все одного биологического типа, одних генов, одной расы. Все гистозенты. Так что, зачем удивляться?

— А я удивляюсь, — сказал Тил. — Вы, стражи, живете совсем не так, как все остальные из Торомона. Однако, сражаетесь здесь. А как неандертальцы так быстро адаптировались здесь?

— А ты спрашивал кого-нибудь из них?

— Спрошу. Но все-таки я не понимаю, «зачем».

Кто-то бежал к ним сквозь туман, почти налетел на них, ухватил Тила за плечи и закричал:

— Мир! Ты слышал? Короновали нового короля, и подписывается мир! Все мы вернемся домой!

Он бежал от группы солдат, стоявших у дверей бараков. Тил и Торн переглянулись.

— Вернемся обратно! — ухмыльнулся лесной страж, и они оба обернулись и посмотрели на знак Курла.

Позднее их собрали и объявили:

— …входит в силу с шести часов сегодняшнего вечера. А до тех пор мы еще в состоянии войны. Мы находимся вблизи вражеского лагеря, так что — не выходить за пределы базы! Вражеская защита может удвоить активность, и каждого, кто выйдет за пределы лагеря, могут счесть виновным в агрессивных действиях. Как только мирный договор будет заключен, мы начнем приготовление к свертыванию базы.

Люди зашептались, засмеялись, выскочили на поляну. Кто-то сорвал с себя рубашку и размахивал ею в воздухе, кто-то с истерическим смехом повалился на землю, другие бегали вокруг, смеялись, кричали. Тил увидел, что из хижины выходит Лог.

— В чем дело? — спросил неандерталец. — Что происходит? Почему все кричат?

— Где ты был? — спросил Тил. — Разве ты не

слышал объявления?

— Я… спал, — сказал Лог, протирая глаза.

— Мир! — вскричал возбужденный Тил. — Подписан мир, Лог! Конец войне! Конец, амба, точка! Видишь, все празднуют и скачут?!

— Значит, скоро пойдем домой? Это очень хорошо. Очень!

— Лог, что ты будешь делать, когда вернешься домой?

Лог пожал плечами, но потом идея вдруг осветила его широкое лицо и взорвалась словами:

— Я знаю! Буду учить.

— Учить своих людей в развалинах?

— Правильно. Здесь я научился куче вещей, которые и они должны знать. Курл еще раньше учил меня читать и писать.

— Разведчик? — с удивлением спросил Тил.

— Да. И я начал учить свою жену и дочку, и других. Теперь, когда я вернусь, мы станем сажать кхарбу там, где местность расчищена, вместо того, чтобы собирать дикие плоды. Будем ухаживать за ней и собирать много плодов. Я разговаривал с одним парнем с ферм, и он сказал мне, как это делать. Я узнал здесь кучу вещей. И если я научу других, всем будет лучше, верно?

— Конечно.

— Слушай, — спросил Лог, глядя на пернатого любимца Тила, шлепающего туда-сюда в нескольких футах от них, — тебе позволят взять его с собой?

— Не знаю.

— Ты думаешь, он будет счастлив в Торомоне? Там нет такой грязи.

— Это верно. Но я хотел бы все-таки взять его. Я его люблю.

Лог присел на корточки и щелкнул пальцами. Хлопун подошел и влез на его руку. Лог погладил перья и хихикнул.

— Лучше, если бы у тебя было два хлопуна. Одному ему будет одиноко.

— В любом случае я хочу сохранить его при себе, пока я здесь. Даже если и не возьму его с собой. Он пошлет мне вроде волны прощания, когда я буду уходить.

— Как приятно вернуться домой, — сказал Лог. — Недалеко, от места, где я жил, есть гора, а в долине озеро. Какие-то люди пришли туда и начали строить дома, дороги, доки на озере.

— Неплохо, — сказал Тил, удивляясь, зачем они строили.

— Озеро на заре очень красиво. Курл однажды ходил со мной туда. Странно он вел себя здесь

в армии.

— Слушай, Лог, ты не посмотришь за животным? Я схожу проверю свои инструменты и посмотрю, все ли готово к отправке. Через полчаса я вернусь.

— Ладно, я послежу за ним.

— Спасибо, — сказал Тил и побежал к баракам.

Когда Тил входил в хижину, кто-то закричал вдали:

— Эй, вернись!

И раздалось двойное шлепанье по грязи: крошечными ногами и сапогами неандертальца.

Это Лог, — подумал Тил. Он гонится за моим… Черт возьми, я забыл сказать ему насчет границы! — И Тил побежал по грязи.

— Вернись, дурацкая обезьяна, — вернись сюда!

Он догнал Лога, ушедшего на сорок футов от границы лагеря, схватил его за плечо и повернул. Лог удивился.

— Он убежал, и я только…

— Удирай отсюда, как можно скорее!

— Но ведь мир!..

— Он входит в силу только в шесть часов, и враг следит вдвойне. Пошли.

Они рысью побежали обратно. Первая паника

Тила прошла, и он нашел облегчение в дружеской ругани, направленной в спину Лога.

— Я удивлялся, зачем Разведчик сломал себе шею ради нас. Может, теперь я понял бы, но черта лысого, я бы так поступил. Давай, двигай!

Лог прибавил ходу, а Тил услышал позади хлопанье, остановился, присел и щелкнул пальцами.

— Ну, где ты там? Иди сюда, малыш. Получишь хороший уголек, когда вернемся.

Лог, уже пересекший пограничную линию, обернулся.

— Ты, кажется, говорил, что надо бежать.

— Иди сюда, — сказал Тил хлопуну, который открыл четыре пастельных полированных глаза и подмигнул Тилу. — Иди…

Это были последние слова, сказанные Тилом.

Лог отмахнулся от грохота и закрыл глаза перед столбом белого огня, поднявшегося там, где только что был Тил.

— Что, черт побери? — закричали с другого конца поляны.

Торн подбежал и схватил Лога за плечо.

— Лог, что случилось?

— Не знаю… не знаю… — глаза Лога все еще были закрыты, он качал из стороны в сторону

своей большой головой.

— Черт бы вас взял, — закричал один из офицеров. — Ведь война еще не кончилась! Кто вышел за пределы лагеря? Кто?

У стены барака Кудряш поднял глаза от своих сложенных ладоней, где танцевала огненная женщина, и нахмурился.

ГЛАВА 13

— ...ПРОВОЗГЛАШАЕМ тебя королем Литом империи ТОРОМОН.

Джон, стоявший в первой галерее ниже возвышения трона, следил за советниками, отходящими от светловолосого юноши, ставшего сейчас королем. Здесь присутствовало не более шестидесяти человек. Двенадцать советников, члены королевской семьи, несколько знатных или особо уважаемых государственных особ. Джон был там как гость герцогини Петры. Среди прочих была гротескно-импозантная фигура Рольфа Катама, историка. Король оглядел присутствующих, сел на трон. Раздались аплодисменты.

Человек в конце зала оглянулся через плечо на шум более громкий, чем аплодисменты. Шум шел из передней. Обернулся еще кто-то, а затем и все.

Внимание стражи стало теперь настороженным.

— Эркор, — шепнула Петра, но Джон уже пробивался между гостями. Герцогиня задержалась ровно настолько, чтобы привлечь внимание Катама, а затем тоже последовала за Джоном.

Когда Джон вышел в переднюю, там была суматоха. Стража держала Эркора. Кли прислонилась к стене. Эркор сказал громко, но спокойно:

— Нет, мы в полном порядке, но мы должны поговорить с Его Светлостью.

Часовые переглянулись, члены Совета смотрели с изумлением. Через минуту вошел король.

Частная встреча произошла по совету Петры в зале Совета. Во главе зала сел король. По другую сторону сели Джон, Петра, Эркор, Катам и Кли.

— Итак, что вы хотите сказать?

Герцогиня кивнула Эркору, и тот встал перед советниками.

— Со мной здесь кое-кто, кто хочет сказать вам о том, что вы все знаете, но отгородились от этого. О том, что вы все сделали, сознательно решив, что это единственный путь решить проблему, но приняли это решение только при уверенности, что забудете о сделанном. — Он повернулся к Кли: — скажете ли вы Совету то, что готовы были сказать мне, доктор Кошер?

Кли встала, лицо ее побледнело.

— Они не поверят, — сказала она. Затем ее голос окреп, и она обратилась непосредственно к Совету.

— Вы не поверите этому, но тем не менее, вы это знаете, — она сделала паузу. — Я говорила со многими из вас три года назад, когда я впервые сделала открытие, позволяющее вам послать людей и технику для войны. Тогда вы отнеслись к этому скептически. И вообще, вы не поверите, войны там нет.

Члены Совета хмуро переглядывались.

Она повторила:

— Там нет войны, и вы знаете это.

— Но… — пролепетал один из советников, — тогда что… я хочу сказать, где… все солдаты?

— Они в крошечных металлических камерах, поставленных друг на друга, как гробы, в районе Тилфара, куда новобранцы допускаются.

— И что же они там делают? — спросил другой член Совета.

— Они грезят о вашей войне, каждый отчаянно старается увидеть во сне, то, что ему кажется реальностью, что скрыто глубоко в его мозгу. Наркотики держат их в тумане сильного внушения: три года непрерывной пропаганды держат их

направленными на войну, шесть недель бесконечного обучения предназначены для того, чтобы сделать психически больным самый устойчивый мозг, наложить последнюю паутину на сон, в котором будут все ощущения реального мира — шуршание скомканной бумаги, свет солнца на воде, запах гниющей растительности, ощущение мокрой одежды, пополнить мозаику тем, что каждый любит или чего боится, и это назвали войной. Компьютер с сортирующим информацию механизмом может взять все сенсорные сломы из одного мозга, передать их в другой и координировать все эти сны…

— Ох, как это может быть…

— Это невозможно…

— Я ничему этому не верю…

Казалось, сомнение открыло ментальную защиту. Джон как бы приобрел еще одно чувство, резкое, как звук или свет.

В границах света это было бы как стоять перед обширным образом яркого света, поднимавшегося вокруг него, но все-таки перед ним, в границах звука это было, как если бы началась музыкальная фраза, открывающая симфонию, и он ждал решающего ритма, в границах осязания — как если бы перед ним кружился шторм

морозного и жаркого ветров. Но это не было светом, звуком или ощущением, потому что он все еще чувствовал ребристую спинку своего стула, слушал шуршание мантий советников, видел их расстроенные лица, их суженные глаза, их надутые губы.

— Зачем же стражи-телепаты защищали эту войну в их мозгах?

Ответ пришел как фейерверк, как музыка, как волны пульсирующей пены: Эркор сказал:

— Потому что они не знали, что с этим делать: идея войны была посажена в мозг прежнего короля, но семена ее были во всех мозгах Торомона. Единственный человек, противостоящий королю даже после того, как план пошел в ход, был первый министр Черджил, и его убили. Стражи чувствовали, что они не могут ни помочь, ни воспрепятствовать вам в ваших усилиях, потому что они не понимали этого. Правительство просило их помочь в стирании знания из мозга тех, кто был официально связан с проектом, а поскольку этот проект решал экономические проблемы, стражи согласились, они не могли отказать…

Джон и Петра стояли рядом с Эркором.

— Теперь наши усилия понятны, — сказал Джон.

— Мы намеревались спасти страну, — сказала Петра.

— И спасти свободу каждого человека в ней, — сказал Джон. — Свободу от таких давящих снов.

— Что же мы должны сделать? — спросила коллективная ментальность стражей-телепатов.

— Вы должны войти в каждый мозг в Тороне и высвободить знание о войне, вы должны на миг связать один мозг с другим, чтобы они познали себя и друг друга, будь то в королевском дворце, или в гробах-камерах Тилфара, или в каменных руинах за ним. Сделайте это, и вы послужите племени обезьян, людей и стражей, которое называется человечеством.

— Некоторые мозги, может быть, не готовы.

— Все равно, давайте.

Пришла волна согласия.

И доктор в Медицинском Центре уронил термометр на стол, и, когда ртуть рассыпалась шариками по белому пластику, осознал, что его злость на старшую сестру, которая вечно ставила подставку не там, где надо, скрывала его знание о войне.

Вал Ноник, выпивающий в баре Адского Котла, провел пальцами по мокрому краю стакана на грязной стопке и понял, что огорчение по поводу

его изгнания из университета за «неприличное поведение» подхлестывает его к приличной речи.

Советнику Рилуму вспомнилось событие тридцатилетней давности — пожар на швейной фабрике, где он был помощником управляющего, и понял свою ярость по поводу слабых действий пожарной команды.

Советник Тилла сжала старыми пальцами складку своего платья, когда вспомнила катастрофу на Острове Летос, где убили ее отца, которому она, еще девочка, пришла помочь собрать коллекцию окаменелостей, и поняла, что детский страх скрыл взрослое знание о войне.

Капитан Сартос стоял на мостике грузового судна, щурился от яркого света и вспоминал человека, который встал за столом в офисе пароходной компании и поклялся: «Пока я жив, вы никогда не ступите на другой корабль!» И вдруг понял свой страх перед этим давно умершим человеком.

Женщина по имени Марла нырнула с прибрежной скалы, вырвала из глубины раковину и снова поплыла к поверхности. Через минуту она уже сидела на камне и вставляла нож между створ-

ками. Щелчок — и язык плоти, без жемчужины, мокро блестел в синем вечере. И она вспомнила другую, большую раковину, в которой лежал большой молочного цвета шар, он тогда выпал из ее пальцев, прокатился по камню и с легким всплеском упал в зеленую воду, а у Марлы скрутило живот от злости и разочарования.

Лесной страж остановился возле дерева, прижал ладонь к грубой коре и вспомнил, как семь лет назад его и еще двоих послали привести девушку, которую надо было отметить как телепатку, и как она боролась с ними молча и с остервенением и как на миг в нем возникла злоба, связанная с еще одним рубцом, сделанным ее ногтями.

Заключенная вышла из шахтного подъемника следом за надзирателем: он повернулся и пошел в заросли папоротника, и она вспомнила, как ее старший брат уходил от нее по темному коридору, а она скорчилась в углу и плакала. И сейчас она вдруг поняла эти слезы.

Советник Сорвин твердо прижал пятки к ножкам кресла в зале Совета, переводил взгляд с одного лица на другое и думал: «Суровые и непонимающие, вроде лица моего дяди в тот день,

когда он вызвал меня из моей комнаты и перед всей семьей обвинил в краже вина из кладовой. Хотя, я ничего подобного не делал, я онемел от страха и был наказан: целую неделю вся семья полностью игнорировала меня, и я даже ел в одиночку.» И понял, почему он тогда промолчал.

В другом конце Торомона офицер, набирающий рекрутов, вдруг поднял перо от бумаги, и в то же самое время сидящий напротив него молодой неандерталец, собиравшийся подписать заявление, поднял голову. Оба посмотрели друг на друга, каждый осознал собственное знание войны.

В дворцовом саду, среди клоунов и акробатов, Алтер сидела на земле у мраморной урны: перебирала свое ожерелье и думала: «Ох, он пытался увидеть что-то от меня в этом ужасном сне, мечтал вернуться в реальность. Он не знал… он не знал…»

— Каким образом ты узнала? — спросил Джон.

Кли провела рукой по полированной крышке стола и посмотрела на членов Совета.

— Я работала на компьютере. Я знала из рапортов, что изменение транзитной ленты не могло произойти так быстро. Была мелкая ошибка в расчете из-за типографской опечатки, и это

сделало весь процесс недействующим, но никто этого не заметил, кроме меня. Я знала, каково экономическое положение в Торомоне, и знала, что оно связано с большими излишествами и малой мобильностью, и это должно было означать войну. На множество вещей это был единственный ответ. Было решено, что война станет такой реальностью во всех мозгах, что никто не станет спрашивать. Правительство не поняло, что эта реальность должна подтверждаться для опрашивающих и что эта фантазия, которая идет вперед без противоречий, не имея чем доказать себя перед точной логикой. Идея задавать вопросы была почти невозможной, но только почти.

Рольф Катам встал.

— У меня еще один вопрос, доктор Кошер. Каким образом солдаты умирали?

— Вы знаете игру слумат, которая недавно стала так популярна? У компьютера есть селектор, работающий по тому же принципу, только с более широкой матрицей, и отбирающий по случайному выбору тех солдат, которые должны быть убиты. Когда выбор сделан, контролируемое внушение приводит сон в такую ситуацию, которая допускает смерть. Затем в камеру, где лежит солдат, пускают ток, тело его сгорает, и ка-

мера готова для нового одурманенного, который подготовлен для борьбы с врагом за барьером.

— Планирование тут не понадобилось, — продолжала Кли. — Исследовали и открыли. Просто дать людям затеряться в тумане их собственной поврежденной психики, и они сотворят такого врага, скрытого за их ужасом, какого не мог бы придумать для них ни один психиатр. Они были сведены на нет ужасом, но были способны думать о грани существования, после шестинедельного обучения никакие вопросы задаваться не могли.

Встал молодой парень.

— Может быть, теперь здесь будет мир, — сказал он.

Позднее все потянулись из зала ждать коронационного праздника. Джон повернул было к лестнице сада, но кто-то тронул его за плечо? Это был Катам.

— У меня еще несколько вопросов не для ушей Совета, — сказал историк. — Они касаются вашего Лорда Пламени.

— Нашей болезненной фантазии?

— Если угодно, — человеческая половина его лица выдала три четверти улыбки.

— Почему бы вам не поставить это в ряд тех элементов реальности, которые нужно допраши-

вать, чтобы доказать реальную реальность?

— Я так и сделал. Я хочу узнать вот что — думаете ли вы, что Лорд Пламени всадил в мозг короля Оска эту чудовищную идею насчет войны без врага?

— Наверняка, не саму идею, — ответил Джон, — но, возможно, метод для поворота идеи в такую реальность.

Катам кивнул и пошел дальше, а Джон спустился в сад. Цирковой народ длинной линией тянулся к дверям дворцовой аудитории, в конце линии Джон увидел сестру, спокойно стоявшую, обняв за плечи Алтер. Он подумал чему бы я научился? Я ждал все эти годы, я ждал. И все еще размышляю, чему научиться. Поднадзорный я пленник, я жду свободы. Но зато я знаю теперь, откуда она придет. Я жил наблюдениями, и теперь я вижу, какой эффект произвели на меня наблюдения.

Сад опустел, Джон стоял в темноте, внимательный актер и наблюдатель в матрице и мотивации.

А далеко во вселенной тройной мозг следил, направлял собственное знание войны и готовился.

КНИГА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА 1

Что есть город?

На планете Земля есть по крайней мере один, изолированный среди смертоносных океанов, один на острове вблизи радиоактивного континента. Часть моря и земля на краю континента была использована, в тихих прибоях и спокойных равнинах создана империя Торомон. Ее столица — город Торон.

На полпути вокруг Вселенной, в рассеянной галактике, есть другой… город.

Зубчатые скалы под двойным солнцем бросают на песок тени-двойники.

При редком ветре овраги иногда перемещаются. Небо синее, песок голубой, известково-белый. Низко на горизонте прожилки облаков. А под крутой стороной одной пыльной дюны… город.

Что есть город?

Это место в песке, где энергетическое поле держит восьмиугольные силикатные кристаллы в идеальном порядке, концами осей друг к другу. Это место, где магнитный компас стал бы

крутиться, как волчок. Это место, где обычный алюминий имеет привлекательное свойство повышать чувствительность магнитного сплава алнико. И хотя в данный момент его место служит домом для сотни обитателей, здесь нет ни зданий, ни вообще каких-либо сооружений. Песок не гладкий, и только в микроскоп можно было бы определить размещение кристаллов.

В зависимости от психического напряжения наблюдателей, город одним казался озером, другим — катакомбами пещер. Иногда он казался гейзером пламени, иногда выглядел как здания, башни, соединенные подвесными дорогами, с двойным светом, отражавшимся от тысяч окон. Но чем бы ни был этот город, он одиноко стоял в белой пустыне крошечной планеты на полпути вокруг Вселенной от Земли.

Сейчас в городе был созван митинг: обитатели встретились просто переключением внимания. Председательствующий разум был не простым, а тройным существом, много старше любого из присутствующих. Оно не строило город, но жило в нем.

— Мы создавали вас, чтобы вы помогли нам, — начало существо. — Просто присутствуя здесь, вы уже много содействуете, хотя присутствуют

не все, мы подумали, что лучше начать сейчас, а не ждать.

Одной группе на митинге, — громадным тридцатифутовым червям — город казался сетью грязных туннелей, и слова доходили до них, как вибрация через их убежища.

— Как мы уже объяснили раньше, в нашу вселенную вторглось странное аморальное создание, которое мы до сих пор называли Лордом Пламени. Пока что оно предпринимало только разведывательную деятельность, собирая возможно большую информацию об этой вселенной.

Металлический пузырь воспринял слова телепатически. Для него город был безвоздушной впадиной в скале.

— Но уже по его методам исследования мы сочли его опасным. Он нисколько не задумывается испортить или уничтожить культуру, лишь бы получить информацию.

Мы пытались выгнать его и сохранить в неприкосновенности различные культуры вселенной. Все вы наши агенты, имеете во всех мирах контакты с ним. И все вы имеете контакты друг с другом.

Пятидесятифутовым глазам-стебелькам одного

слушателя атмосфера города казалась слегка окрашенной метаново-зеленым.

— Он собрал информацию для полномасштабной атаки, но поскольку мы следим за ним на каждой планете, мы знаем, какую информацию он собирает. Каждая из наших культур подвергалась серьезному политическому и социальному перевороту, когда он брал ее для освидетельствования. Его метод наблюдения любой культуры состоял в активизации элементов, которые должны были подталкивать переворот слишком быстро и довести его до конца слишком быстро. Затем, как ни странно, он сосредоточивается не на разработке экономического или социального переворота, а на изучении личной жизни некоторых социально-отчужденных элементов, сумасшедших, политических фигур высшего эшелона, часто объявленных вне закона, разбросанных на краю общества гениев. Поговорим теперь об одном частном инциденте нашего наблюдения. Вы прибыли сюда, за исключением наших агентов с Земли, и мы воспользуемся этим, чтобы поговорить об их особой ситуации. Замкнутая и самоснабжающаяся империя Торомон существовала на Земле пятьсот обращений вокруг звезды Солнце. Переворот, через который прошел Торо-

мон, был сложной экономической, политической и психологической реорганизацией, соединенной с приливной волной технологического развития в сельскохозяйственных методах и производстве питания, чего дегенеративная старая аристократия не была способна переделать. Она решила симулировать ситуацию, которая существовала только в книгах, остававшихся после тех времен, когда вся планета была населена сходными нациями: она симулировала войну, которая должна была избавить ее от излишков энергии, продукции и жизней. Остаточный скелет военной организации, бывшей до периода их изоляции (когда такие же, но реальные войны, полностью уничтожили другие нации, оставив Торомон в одиночестве) был расширен до чудовищной силы: набиралась армия, готовилась техника, и обширная фантастическая война была инсценирована неподалеку от насыщенного радиацией края их империи. Она управлялась громадным компьютером, расположенным в руинах второго города империи — Тилфара. Из-за радиации в Торомоне пошла бурная эволюция: пошла атавистическая часть населения, регрессировавшая до той точки, которую эта раса прошла три миллиона лет назад, в то время как

другая часть прыгнула на миллион лет вперед и стала расой гигантов, многие из которых были телепатами. Телепаты старались остаться вне этой войны, но их все-таки втянули. Наши агенты, среди которых один телепат, убедили их — в усилии найти какое-то другое решение, менее деструктивное, чем эта пародийная война — установить на миг телепатическую связь между всеми обитателями империи. До народа дошел факт, что война не была реальной. Результаты были слишком жестоки для точного прогноза. Вся структура Торомона ослабела. Находящиеся вне закона банды недовольных — недов — наводнили страну. Была попытка поставить нового молодого короля, и на некоторое время это сработало, но правительственная система была предназначена для управления мирной, спокойной нацией, а не нацией воюющей. Мы описываем ситуацию столь детально из-за странных действий Лорда Пламени, когда он столкнулся с Торомоном. Прежде всего его попытка довести ситуацию до быстрого конца была неизмеримо более жестокой и разрушительной, чем он делал в других мирах. Мы, чувствующие энергию его сосредоточенности, поняли, что интенсивность его наблюдений учетверилась. То, что он искал

для уничтожения других миров, он нашел на Земле. Наши агенты один раз выкинули его, но он вернулся. Они выкинули его вторично, но он все-таки парит поблизости, готовый вторгнуться снова. Мы можем иметь на планете только трех агентов, потому что можем поселиться лишь в трех мозгах. Но с помощью трех телепатов мы контактировали еще с двумя — Тилом и Алтер, и они стали на некоторое время нашими непрямыми агентами. Тил был убит в этой поддельной войне, так что на Земле осталось всего четыре человека, с кем мы имеем контакты. Как мы уже сказали, мы можем жить только в трех разумах. Эти оставшиеся, уже использовались для контакта во внеземных испытаниях, открыты для информации, и мы уверены, что Лорд Пламени в свое третье возвращение на Землю выберет одного из наших агентов. Того, кто останется вне нашей защиты. Если мы прямо скажем им об этом, это может оказаться сокрушительным для их психики. Следовательно, наш контакт, и так уже редкий, должен полностью прекратиться после нашего следующего сообщения.

Причина интереса Лорда Пламени к Торомону ясна: он готовится начать войну в нашей вселенной. Он пытается узнать все, что возможно, о том,

как жизненная форма этой вселенной ведет себя в войне. И война в Торомоне — война чистая, потому что там нет реального врага. Возможно, мы тоже сумеем узнать кое-что. Наше преимущество в том, что каждый в том городе гораздо ближе друг к другу и к землянам, нежели Лорд Пламени, для которого такие понятия, как интеллект, сострадание, убийство, выносливость ничего не означают, он должен научить их чуждым наблюдениям. Но и мы точно так же не имеем представления о его характеристиках. Для дальнейшего нашего понимания мы просили наших агентов взять с собой три документа, продукцию трех самых восприимчивых разумов на Земле: стихи Вала Ноника, «Унификация случайных полей» доктора Кли Кошер и «Тени моря» — последний обзор истории Торомона доктора Рольфа Катама.

В городе стояла тишина. Затем слабая жизненная форма, существующая как светочувствительный вирус, спросила:

— А может ли что-нибудь помешать им взять эти… работы?

Тройное существо ответило:

— Не забудьте, что эти работы созданы самыми восприимчивыми разумными существами

Земли и никогда не дойдут до разума обычного человека, как, скажем книга или периодика, а среди наших четырех агентов постоянно будет предатель — сам Лорд Пламени…

А далеко от этой вселенной…

…и она прекрасна, когда солнце сквозь треснутое стекло играет в ее распущенных волосах, прекрасны ее закрытые глаза, ее оливковые веки, более темные, чем лицо, чем вся остальная кожа, которая тоже прекрасна с ее оттенками меда и легкой голубизны плода кхарбы, идущей от белого к розовому, прежде чем он станет пятнисто-оранжевым, спелым, ее кожа прекрасна и своей текстурой: она похожа на полированный камень там, где туго натянута на поднятом колене, и на бархат, там где расслаблена.

Трещина в оконном стекле бросает линию тени на половицы, на постель, на смятые простыни, на ее живот. Ее губы раскрыты, зубы слегка голубеют в тени верхней губы.

Она была прекрасна в длинных фиолетовых тенях, падающих на набережную, где он гулял с фонарем в прошлый вечер, прекрасна в свете фонаря, где она остановилась поболтать немного с ее другом.

— Итак, ты все-таки женился, Вал. Ну, я так и

думал. Поздравляю.

— Спасибо, — сказали они в один голос, его низкий тенор и ее богатый контральто звучали как музыка. — Ренна. Это мой друг Ки?но. Ки?но, моя жена Ренна. — Это он сказал один, как сольный инструмент после хора, и это включалось в симфонию.

— Думаю, теперь тебе нечего делать в нашей банде. Впрочем, ты никогда и не был настоящим ее членом. Теперь ты можешь сидеть и писать стихи, как ты всегда хотел, и радоваться жизни.

— Да, я не гожусь для банды, Ки?но, — сказал Вал. — Помнишь Джефа? Из-за этой дурацкой вражды между мною и им я решил, что сейчас самое время бросить все эти дела недов. Через пару деньков мы поедем на материк. Вы слышали, там есть место, которое нам хотелось бы посмотреть.

— Я не собирался упоминать о Джефе, но раз уж ты сам заговорил, я, пожалуй, скажу, что уехать — это хорошая идея. Потому что он член банды до корней своих гнилых зубов, — он кивнул и улыбнулся, как бы извиняясь. — Ладно, я пошел, а ты пригляди, чтобы Джеф не увидел ее, — он показал на Ренну.

Вал взглянул на нее, на ее темную кожу, побледневшую в свете фонаря. Ки?но ушел, а она

была…

…прекрасна, когда они шли по темным улицам Адского Котла, и, наконец, завернули в таверну-пансион и вошли в комнату.

На стене висел рисунок, который она подарила ему — прекрасный мелок на коричневой бумаге. На колченогом столе у окна лежала пачка бумаги. На верхнем листке был окончательный набросок стихотворения, представлявшего в изысканном стиле и яркой образности ее портрет.

Он сел на смятой согретой теперь их телами постели. Ренна лежала рядом с ним и он до боли в глазах смотрел на красоту ее дыхания, на легкий трепет ноздрей, на нежную шею.

Он взглянул на окно и нахмурился: вечером оно не было разбито. В окно был брошен какой-то предмет. Осколки стекла блестели на бумаге. «Я хотел бы, чтобы так сияли мои слова», подумал он. Он поднял камень, завернутый в бумагу и прочел слова, написанные расплывающимися чернилами, в них не было блеска, но были удары молота по твердому жару страха, который он давно носил в себе. Они гласили:

«После тебя видел Джефа. Достанет тебя. Сказал, что съест тебя на завтрак. Уходи немедленно. Он всерьез. Ки?но.»

Наверное, удар камня о стекло и разбудил его. Он повернулся и увидел ее открытые глаза. Она улыбнулась. В нижнем этаже раздался треск. Она спросила его молча, одними глазами, и он так же молча пожал голыми плечами.

Грубые шаги по лестнице. Резкий голос хозяйки меблированных комнат:

— Вы не имеете права вламываться сюда! Я хозяйка, у меня лицензия! Убирайтесь отсюда, хулиганье!

Голос замолк, что-то тяжелое ударило в дверь, и она распахнулась.

— Доброе утро.

— Какого дьявола вам надо? — спросил Вал.

Ответа не было, и в тишине он увидел кривоногого неандертальца с изрезанным вдоль и поперек лицом. Он вперевалку вошел в комнату. Трое других остановились позади.

— Мне надо сделать тебя несчастным, — сказал Джеф. — Я вижу, ты получил письмо Ки?но. Мы отобрали его у него, когда он сделал вечером свою первую попытку. А потом я решил, не бросить ли мне письмо самому, только утром, перед тем, как прийти поздороваться с тобой.

Джеф сделал еще шаг и увидел, что Ренна села в постели, увидел ее глаза, руки, плечи, дрожащие

от ужаса.

— Ну, приве-е-т!

Вал бросился вперед, но сильный удар в живот бросил его на пол. Когда через секунду он открыл глаза, в комнате было еще шестеро. Трое подняли его, и Джеф снова ударил его в живот.

Годы, проведенные на улицах Адского Котла, сделали Вала хорошим уличным бойцом, и научили его, что если положение безнадежное, надо беречь силы на случай чуда, если оно произойдет, сбереженная сила пригодится. Поэтому, когда Джеф шагнул к Ренне и она закричала, Вал только стоял. Но когда крик сменился долгим визгом, Вал тоже закричал и стал сражаться. Он почти убил одного из тех, кто держал его, но остальные окружили его, сломали ему четыре ребра, вывихнули плечо и свернули набок челюсть.

— Нет, — сказал Джеф, делая успокаивающий жест, — не убивайте его. Пусть посмотрит, что мы сделаем с ней. Эй, кто-нибудь, помогите мне.

Рука Джефа была в крови, а Ренна больше не кричала, потому что у нее были раздроблены горловые хрящи.

Они действовали руками, потом ногами, а затем из потайных ножен появился энергонож.

Через минуту Вал потерял сознание. Они не

стали добивать его, а просто ушли.

Через полчаса Рэра, хозяйка, наберясь храбрости, заглянула в комнату. Увидев голого человека, скорчившегося на полу, она сказала: «О, господи!» и вошла. Взглянув на то, что осталось на постели, она уже больше ничего не могла сказать, только отшатнулась, зажав руками рот.

Рука мужчины шевельнулась.

— О, боже милостивый, он жив!

Она подошла к нему и наклонилась.

— О, боже милостивый!.. — она подошла ближе. Надо унести его отсюда, пока он не пришел в себя, подумала она и попыталась поднять его.

Боль в сломанных ребрах привела его в сознание. Он открыл глаза и тупо взглянул в лицо женщины.

— Рэра? — спросил он невнятно, поскольку челюсть посинела и опухла.

— Мистер Ноник, пойдемте со мной.

Он оглянулся, и когда глаза увидели постель, застыл.

— Не надо, мистер Ноник, пойдемте со мной.

Он позволил ей поднять его и вышел с нею в коридор, несмотря на страшную боль в плече и правой стороне груди. Рэра видела, под каким немыслимым углом повисла его рука.

— Ну, — сказала она, — нам надо как можно скорее попасть в Медицинский Центр.

И он закричал. Это был долгий вой, поднявшийся почти до визга. Затем Вал опустился на пол. Он тряс головой, слезы бежали по его лицу, но он замолчал.

— Мистер Ноник, вставайте.

Он встал. Она поддержала его и повела дальше.

— Послушайте, мистер Ноник, я понимаю, что для вас не имеет значения, но послушайте. Вы молоды и вы потеряли кое-что… — он слышал ее сквозь туман боли. — Но мы все, в той или иной степени, что-то теряем. Я бы не стала этого говорить, если бы не было того, что случилось, когда мы все внезапно узнали друг друга. Тогда я догадалась, что куча людей говорила то, чего не должна была говорить в нормальном состоянии. Но вы молоды. Многие теряют тех, о ком думают… Все, кто видел вас обоих, знали, что вы о ней думаете. Но вы будете жить… У меня была племянница, которую я любила, как дочь. Ее мать умерла. Они обе были акробатками. Четыре года назад племянница моя исчезла, и я не видела ее с тех пор. Я потеряла ее, а она жила у меня с девяти лет. Но я живу.

— Нет, — сказал он, качая головой. — Нет.

— Да. И вы будете жить. В том случае, если мы отправим вас в Медицинский Центр. — И вдруг отчаяние, которое она старалась вытравить из своего голоса, не показать Валу, вырвалось наружу. — Зачем они сделали такое? Зачем? Как они могли сделать это сейчас, после того момента, когда мы все узнали?

— По той же причине, по какой они делали это и раньше, — сказал он. — Как и вы, они попались в ловушку, в тот яркий миг, когда узнали свою судьбу. Но они не возьмут меня, не возьмут!

— О чем вы говорите?

— Они никогда не найдут меня. Никогда!

Он бросился вперед и скатился по нескольким ступеням лестницы, но потом ухватился за перила и пошел. Она побежала за ним.

— Мистер Ноник, вам нужен врач!

Он остановился в дверях, голый, отрицательно качая головой.

— Они никогда не найдут меня, — прошептал он еще раз и исчез за дверью.

Она вышла, но не увидела его. Улица была пуста. Тогда она нашла полицейского, привела его в дом, и рассказала, что случилось.

Двойное солнце сияло на белом песке города.

— Когда прибудут агенты с Земли? — спросил кто-то.

— Как только найдут те три документа, — ответил тройной голос, — и… если они еще живы.

Пахнущий озоном ветер погнал белую пыль по склону дюны, так что легкая форма пустыни снова изменилась, и единственной стабильной и изолированной вещью был город.

Недалеко от центра Торона старый торговец сидел у себя на балконе, глядя на дворцовые башни и на дощатые дома в районе Адского Котла.

— Кли!

— Да, папа?

— Ты уверена, что хочешь этого? Ты пользовалась всем почетом, какой Торон мог предложить тебе как ученому из-за твоей работы с передачей энергии и твоих теоретических исследований. Я никогда не говорил тебе, но я очень горжусь тобой.

— Спасибо, папа, но я как раз этого и хочу. Ни Рольф, ни я не намерены прекращать работу. Мне нужно закончить свою объединенную теорию поля, а он будет работать над новым историческим проектом.

— Ну, ладно. Зови его сюда.

Она ушла в дом и тут же вернулась, держа за

руку высокого мужчину. Они остановились у мраморного стола, за которым сидел Кошер.

— Рольф Катам, вы хотите жениться на моей дочери, Кли Кошер?

— Да! — твердо ответил Катам.

— Почему?

Катам слегка повернул голову, и свет заиграл на прозрачном пластике его щеки. Та часть его лица, что была подвижной плотью, улыбнулась, и от этого прямой взгляд Кошера заколебался.

— Это нечестный вопрос, — сказал Кошер. — Не знаю… после той секунды, когда все мы… ну, вы знаете. Потом я догадался, что многие слышали, спрашивали и даже отвечали не так, как обычно.

Смущение, подумала Кли. Зачем говорить со смущением о том миге контакта, охватившего империю в конце войны? Она надеялась, что отец будет другим. Это смущение не от того, что он увидел, а от новизны опыта.

— Почему же? Это вполне честный вопрос, — ответил Катам. — Он частично из-за того, что мы видели в тот момент.

Катам говорил без страха. Это была одна из причин, по которой она любила его.

— Потому, что мы знаем работу друг друга. И

потому, что в тот момент мы познакомили друг друга с мозгом друг друга. И потому, что это знание послужит нам обоим, как сердцу, так и духу.

— Ладно, женитесь, — сказал Кошер, — но…

Кли и Рольф переглянулись и улыбнулись друг другу.

— Но почему вы хотите уехать?

Их лица сразу стали серьезными, они снова посмотрели на старика.

— Кли, — сказал Кошер, — ты так долго была вдали от меня. Пока ты была девочкой, ты была со мной. А потом надолго уехала жить одна, и я разрешил тебе. А теперь вы оба снова хотите уехать, и на этот раз ты даже не хочешь сказать мне, куда вы едете. — Он помолчал. — Конечно, вы можете это сделать, тебе двадцать восемь лет, ты взрослая женщина, как я могу удержать тебя? Только, Кли… не знаю, как сказать… я уже потерял сына… и не хочу потерять еще и дочь.

— Папа, — начала она.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Кли. Но даже если бы твой брат Джон был жив, а все говорит за то, что он умер — если бы он был жив и прямо сейчас пришел сюда, для меня он все равно умер. После того, что он сделал, он должен был умереть.

— Папа, я хотела бы, чтобы ты так не думал. Джон сделал глупость, сделал неумело, по-детски. Он был неуклюжим мальчишкой в те годы… и заплатил за сделанное.

— Но мой собственный сын на каторге, обычный преступник, убийца! Мои друзья добры ко мне и не упоминают о нем до сих пор. Если бы кто-нибудь из них напомнил мне, я не мог бы держать высоко голову, Кли.

— Папа, — умоляюще сказала Кли, — ему было восемнадцать лет, он был избалован, он возмущал тебя и меня… Но если он жив, прошедшие восемь лет сделали из мальчика мужчину. Нельзя же держать зло на собственного сына восемь лет. А если ты не можешь сейчас держать высоко голову, то это, вероятно, твоя проблема, и она не связана с Джоном.

Рольф положил ей руку на плечо, ласково предупреждая, что ее тон, если не слова, переходит в опасное поле оскорбления, как частицы, движущиеся в случайном поле, действуют непредсказуемо.

— Я не прощу его, — сказал старик, сжав руки. — Я не могу простить. Не могу. Я был так опозорен…

— Папа! — она отступила от оскорбительно-

го тона и говорила теперь с любовью, которую чувствовала к нему. — Папа! — И протянула к нему руки.

Он выпрямился, разжал пальцы, но не принял ее руки.

— Кли, ты сказала, что уедешь и не хочешь, чтобы кто-нибудь знал, где ты. Я люблю тебя и хочу, чтобы у тебя было все, что ты желаешь. Но хотя бы… письма или что-нибудь в этом роде. Я хоть буду знать, что с тобой все в порядке…

— Писать не будем, — сказала она, и быстро добавила: — Но ты будешь знать.

— Нам пора, Кли, — сказал Катам.

— До свиданья, папа. Я очень люблю тебя.

— И я люблю тебя, — сказал Кошер, но она уже вошла в дом.

— Я хотела бы иметь возможность сказать ему, что Джон жив, и почему мы уезжаем тайно, — сказала Кли, когда они подошли к парадной двери.

— Он узнает достаточно скоро, — ответил Катам. — Все узнает.

Она вздохнула.

— Да. Этот огромный чудовищный компьютер в Тилфаре даст им знать. Они могли бы все узнать и сейчас, если бы захотели, но все слишком растеряны, Рольф. Три тысячи лет люди пытались

найти слово, отделяющее человека от других животных. Одни ученые называли человека смеющимся животным, другие — моральным животным. Ну а я думаю, может он — смущающееся животное.

Ее будущий муж засмеялся, но не слишком весело, затем сказал:

— Кли, я уже тысячу раз спрашивал тебя, но все не могу поверить: ты уверена в тех рапортах?

Она кивнула.

— Их видели очень немногие, те, кто был близко причастен к конструкции компьютера. Мне позволили заглянуть лишь одним глазом, и то больше из-за этой последней заварухи во дворце, а не из-за чего-либо другого. Но это сделало меня больной, Рольф, потому что я ничего не могла сделать с этим чудовищем. Но ведь я и так уже поработала для этого преступного дела, верно? Рольф, они четыре раза пытались разобрать его, но ничего не вышло. Каким-то образом он защищает себя. К нему едва могли подойти близко.

— Это понятно, — сказал Рольф. — Он получил самое необычное оборудование, вооружение и т. д. для контроля над полновесной всеобъемлющей войной. Но зачем, Кли? Ты математик, ты знаешь компьютеры.

— А ты историк, и войны — твой департамент, — она еще раз оглянулась на фигуру на балконе, махавшую им. — Хотела бы я знать, скоро ли компьютер заставит его… их понять?

— Не знаю, — сказал он. — Не знаю.

Транзитная лента наверху тянулась по нему тонкой черной линией.

Когда они исчезли из виду, старый Кошер на балконе вздохнул и сделал нечто, чего не делал уже давно. Он вошел в дом, переоделся в неприметную одежду, вызвал такси и поехал по радиальным улицам города к району порта. Он спокойно переждал, пока баркас нагрузил вечерний поток рабочих Аквариумов Кошера. Потом он ждал на углу, пропуская транспорт с надписью «Гидропоника Кошера» на борту. Он остановился неподалеку от самого высокого и самого чистого здания в районе, это были офисы «Синтетика Кошера».

Позднее, идя по узким грязным переулкам грязного Котла, он остановился перед комбинацией таверны и меблированных комнат. День был жарким. Кошеру хотелось пить, и он вошел. Видимо, эта идея пришла в голову многим, и у стойки шли беседы. Кто-то сказал ему дружественно:

— Привет, старик. Что-то раньше тебя здесь

не видели.

Эта сказала женщина лет пятидесяти с большим пятном на щеке, сидевшая за столиком.

— Я не бывал здесь раньше, — ответил Кошер.

— Похоже на то, — сказала Рэра. — Садись.

Но он уже шел к бару. Взяв выпивку, он повернулся, думая, куда отойти, увидел женщину и сел за ее столик.

— Знаешь, много лет назад я проводил кучу времени в этих краях, но этого заведения не помню.

— Я завела его всего месяц назад, — объяснила Рэра, — как только получила лицензию. Пытаюсь устроить какое-то постоянное дело. В бизнесе, понимаешь, очень важно быть дружелюбной. Надеюсь видеть тебя здесь часто.

— Гм, — сказал Кошер и отпил из кружки.

— Я пыталась начать дело еще несколько лет назад. Переняла его у своего умершего друга. Но как раз в то время начали действовать неды, и однажды ночью разгромили помещение. А здесь не прошло и двух недель, как я начала, у меня уже были неприятности. Одна из этих враждующих друг с другом банд вломилась сюда утром. Убили девушку, а полицейских конечно, никогда не бывает, когда они нужны.

У стойки начался спор. Рэра повернулась, на-

хмурилась и спросила:

— Что вы там говорите насчет всего этого?

Жилистый мужчина с обветренным лицом громко говорил, а зеленоглазая женщина рядом смотрела на него. А сам он глядел на другого мужчину.

— Нет, здесь все прогнило. Все.

— Кто тебе сказал, что прогнило? — засмеялся кто-то.

— Это я сказал, Сайтон-рыбак. А это моя жена, Грелла, ткачиха. И мы говорим, что весь ваш остров прогнил!

Женщина положила руку на плечо, ее глаза молили о молчании.

— И позвольте мне сказать еще кое-что. Я всегда жил на материке, и у меня был сын. Он стал бы таким же хорошим рыбаком, как и я. Но ваша испорченность заманила его на ваш остров. Вы морили его голодом на материке и соблазняли здешней рыбой, выросшей в аквариуме. Ну, мы последовали за ним. И где он теперь? Может, он заработался до смерти в ваших аквариумах? Или ходит с вашими бандами недов? Или, может, потерял добрую морскую соль из тела в ваших гидропонных садах? Что вы с ним сделали? Что вы сделали с моим сыном?

— Проклятые иммигранты, — пробормотала Рэра. — Подожди минутку, ладно? — и она пошла к стойке. Жена того человека уже пыталась вывести его, и Рэра помогла ей. Он уже становился опасным.

Рэра вернулась, вытирая руки о юбку.

— Иммигранты, — повторила она и села. — Вообще-то я ничего не имею против них. Среди них есть разные люди, есть хорошие, есть не очень. Но попадаются и вот такие фрукты. Странное дело, женщина показалась мне знакомой. Вроде бы я ее уже где-то видела. Правда, все эти зеленоглазые с материка похожи друг на друга. О, ты уходишь? Ну, приходи, приходи сюда еще. Здесь по-настоящему дружелюбное место.

Выйдя, Кошер остановился перед дощатым забором, покрытым остатками наклеенных когда-то плакатов. Прямо по ним кто-то написал красным мелом:

«Ты попался в ловушку в тот яркий миг,
когда узнал свою судьбу.»

Неправильная форма букв, может быть, сами слога произвели на него странное впечатление. Старый Кошер пошел дальше. Сердце его разрывалось.

В далекой вселенной с дюн сыпался белый песок.

Что есть город?

Это место, где время проходит не как время. Место, где механические движения родника, лодки и механизма замедлялись бы до полной остановки. То же справедливо для тока крови, для кости, мускула, нерва. Однако, психические сверкания фотона о фотон работают нормально, если не увеличивать скорость.

— Но почему эта изолированная империя Земли так важна?

— Разве у них такая передовая технология, что эта работа о случайных полях даст нам оружие для полной победы над Лордом Пламени?

— Может ли историческая работа предсказать нам результат нашей великой войны?

— Разве среди наших культур нет искусства, способного научить состраданию, фиксирующему место жизни во вселенной, так же блестяще, как эти стихи?

Множество разумов разными способами и словами сформулировали барьер недоумения. В ответ пришел тройной смех.

— Земляне важны, потому что Лорд Пламени сейчас среди них, а «сейчас» — это неточное тол-

кование отражающей концепции пересекающегося межгалактического времени, включающего в себя смоделированное прошлое и будущее. Но если эти земляне прибудут, само их появление возвестит нашу победу над Лордом Пламени, и не будет нужно изучать их документы, разве что только назидания нам. Если они не прибудут, то мы пропали.

Недоумение сменило концентрацию.

— Вы увидите, почему, — сказал тройной голос.

Двойное солнце спустилось к горизонту, и в городе настала тишина.

ГЛАВА 2

— Откинь голову назад.

Он откинул.

— Теперь подними колени и откинься назад.

Он откинулся, чувствуя вращение перемещающегося веса от запястий к плечам. Его ноги медленно опустились на мат.

— Прекрасно, — сказала она.

Он выпустил кольца.

— На сегодня достаточно?

— Более, чем достаточно. Перерабатывать не

надо, Джон. В этом нет ничего хорошего. Входи в это легко. Ты уже великолепно делаешь. Откуда у тебя такая координация?

Он пожал плечами, сходя с мата.

— Мышцы я нарастил в тюрьме, копая тетроновую руду. А насчет остального — право, не знаю.

— Ты меня удивил, — сказала Алтер. — Метод, каким ты занялся акробатикой, впечатляет.

— Это как раз то, чему я хотел научиться. Не хочу быть неуклюжим. Давай в душ, а потом поедим чего-нибудь.

— Прекрасно.

Они вышли из гимнастического зала и отправились к душам, когда группа молодежи в купальных костюмах вышла из смежного холла. Толстая, с низким лбом девушка выхватила полотенце у исключительно высокого юноши с лошадиным лицом. Другие засмеялись и продолжали путь.

— Ты видела, как плавает эта девушка? — спросил Джон. — Скорость ее прямо фантастична.

— Я видела ее утром. Ты прав. Эти сто ярдов просто поразительны.

Они проходили мимо двух парней, подпиравших стену. Те смотрели вслед пловцам.

— Проклятые чужаки, — пробормотал один.

— Посмотрим, как они пойдут ночью по Адскому Котлу, — ответил другой, оскалил зубы и стукнул кулаком по стене.

Джон и Алтер хмуро переглянулись и расстались у душевых.

Через десять минут Джон с распаренной кожей и мокрыми волосами вышел во двор. Брызги воды из алюминиевого фонтана блестели на солнце. Алтер уже стояла там, слегка двигая загорелыми плечами и длинными ногами в сандалиях. Он подошел к ней и вдруг нахмурился.

— Что это?

— Где? — она повернулась и удивленно раскрыла глаза. — Я раньше не видела этого.

На металлической поверхности бассейна кто-то написал:

«Ты пойман в ловушку в тот яркий миг,
когда ты узнал свою судьбу».

— Что это должно означать? — спросила Алтер.

— Не знаю. Но это вызывает у меня странное ощущение.

Где-то что-то зажужжало. Один человек во дворе поднял голову, потом другой, и, наконец, все глаза обратились к поющему небу.

Над транзитной лентой сквозь облака возникли две, затем три, затем четыре серебряные точки.

— Они летят страшно низко, — сказал Джон.

— Может, самолет-разведчик? — предположила Алтер.

Маленький шарик света упал с одного самолета. Вокруг городских башен появилась беззвучная вспышка, через несколько секунд пришел звук, а затем начались вопли.

— Что за… — начала Алтер.

Еще через пять секунд раздался грохот.

— Это Военное министерство! — ахнула Алтер.

— Это *было* Военное министерство, — поправил Джон. — Что, черт побери, случилось?

Обломки обгорелого камня, остатки башни взлетели над зданиями. Во дворе начался хаос.

— Пойдем отсюда! — сказал Джон.

— Куда? — спросила Алтер.

— Туда, где можно поесть, посидеть и поговорить.

Они пошли в боковую улицу. Когда они завернули за угол, зажужжал громкоговоритель:

— Граждане, оставайтесь спокойными. В Военном министерстве произошел трагический случай. Самолеты из Тилфара, несущие взрывчатые вещества, по недосмотру были автоматически

отключены с пути из-за поломки в механизме направляющей программы.

Они вошли в ресторан и сели у окна.

— Как ты думаешь, что случилось? — спросила Алтер.

Джон пожал плечами.

— Случайная бомбежка.

— Странно, что такое произошло случайно.

Джон кивнул.

У входной двери начались какие-то беспорядки, и оба посмотрели туда. Только что вошла женщина с пышными рыжими волосами и с ней мужчина выше семи футов ростом. Хозяин ресторана, как видно, не желал обслуживать гиганта — такое становилось более и более обычным по отношению как к лесным гигантам, так и к неандертальцам, с тех пор, как множество солдат вернулось с войны. Хозяин извинился, делая оправдательные жесты.

— У нас уже полно… Может, где-нибудь в другом месте поменьше народу, и вас примут…

Женщине надоело. Она отогнула отворот жакета и показала эмблему. Хозяин остановился на полуслове, прижал руки ко рту и зашептал сквозь толстые пальцы:

— О, ваша Светлость, я не знал… Я очень сожале-

нию… Я не подозревал, что вы член королевской семьи…

— Мы сядем вон с той парой, — сказала герцогиня и двинулась вместе с лесным стражем к столику, где сидели Джон и Алтер. Хозяин медленно катился перед ними, как автомобиль на дизельном топливе.

— Ее Светлость герцогиня Петра желает знать, не будете ли вы так добры позволить ей и ее спутнику…

Джон и Алтер были уже на ногах.

— Петра! Эркор! — закричал Джон. — Ну, как вы? Что вы здесь делаете? — И Алтер эхом повторила его вопросы.

— Следуем за вами, — коротко ответила герцогиня. — Мы упустили вас в гимнастическом здании, а затем увидели, как вы нырнули за угол при всей этой сумятице.

— Могу я… принять заказ? — пролепетал хозяин.

Они заказали, хозяин ушел, и небольшой интерес других посетителей, вызванный инцидентом у двери, теперь испарился.

— Что вы хотите от нас, Петра? — спросил Джон. Приглядевшись, он увидел, какое у нее усталое лицо.

— Война, — сказала она. — По-прежнему война.

— Но ведь война кончена, — сказала Алтер.

— Так ли? — сказала Петра. — Может быть, уже слишком поздно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Джон.

— Вы видели «случайную» бомбежку несколько минут назад?

Джон и Алтер кивнули.

— Во-первых, она вовсе не случайна. Во-вторых, будет множество других «несчастных случаев», если мы сделаем что-нибудь.

— Но… — начала Алтер, — там нет врага.

— Компьютер, — сказала герцогиня. — Рапорты идут именно к нему. Я только видела их в качестве советника короля Лита. Его самоисправляющиеся цепи использовали радиокоординаторы для захвата любого оборудования под автоматический контроль. До сих пор он только защищал себя от демонтирующего агрегата, но сегодня он начал свою первую атаку на Торомон.

— Как? — спросил Джон.

— Рапорт сопровождает очень неточное объяснение. Не забудьте, что тысячи и тысячи мозгов контролировались машиной и записывались во всех деталях. Хотя она и убила тысячи людей,

она все еще имеет в своем банке данных эти ментальные записи. Каким-то образом вся схема смерти и войны была взята из мозга жертв и передана цепям активности. Результатом этого явилась бомбежка Военного министерства. Похоже, что сейчас будет долгий бездеятельный период переваривания информации. Но активность компьютера растет, и какой конец… — она замолчала.

— Итак, мы все еще против нас самих, — сказал Джон. — Только на этот раз в зеркальном отражении запасенного в банках памяти и передающих звеньях.

— А как насчет нашего прыгающего по галактикам друга, Тройного Существа? — спросила Алтер и оглянулась вокруг. Она всегда чувствовала себя как-то странно, когда упоминала о чужой славе, известной только им четверым. — Оно обещало помочь, если мы поможем ему, а ведь мы определенно помогли.

— Но мы ничего не слышим о нем, — сказал Эркор. — Я думаю, что когда был объявлен мир и Лорд Пламени ушел с Земли, интерес Тройного Существа к нам иссяк. Чтобы мы теперь ни делали, мы все должны сами.

— Но нам понадобится помощь, — сказала

герцогиня. — Я чувствую, что если мы найдем вашу…

Оно коснулось их, но слабо, регистрируя не на уровне восприятия, а на другом, так что зеленый свет от окна отразился на столовом серебре и задержался на миг слабым мерцанием пчелиных крыльев, на медной решетке — краснотой полированного карбункула, а в глазах замерцала серебряная паутина… коснулось четверых, трое ощутили присутствие Тройного Существа, а четвертый…

— Нашли вашу сестру, доктора Кошер, она могла бы оказать большую помощь. Она работала на компьютере и кое-что знает о нем, и у нее такой мозг, который сумеет пробиться в суть проблем.

— Другая особа, с которой следовало бы посоветоваться, — произнес гигант-телепат, — это Рольф Катам. Война — это историческая необходимость. Я цитирую его, и он понимает экономические и исторические влияния на Торомон лучше, чем кто-либо другой.

Другие, советовавшиеся с Катамом раньше, кивнули, и с полминуты все молчали.

— Знаешь, Алтер, кого я хотел бы найти? — спросил Джон.

— Кого?

— Того, кто написал ту вещь на стоянке у фонтана.

— Я хотела бы знать, кто именно придумал это. — Она повернулась к Петре. — Это почти строчка из стихотворения, ее кто-то написал на фонтане перед гимнастическим залом.

— «Ты попал в ловушку в тот яркий миг, когда узнал свою судьбу», — сказала герцогиня.

— Да, — сказал Джон. — Значит, вы видели это, когда искали нас.

— Нет, — она выглядела озадаченной, — сегодня утром кто-то написал это на дворцовой стене. У ворот. Меня это поразило.

— Видимо, писали двое, — сказала Алтер.

— Я хотела бы найти того, кто написал это первым, — сказал Джон.

— Но сначала надо найти Катама и вашу сестру, — сказала Петра.

— Ну, это не проблема, — сказала Алтер, откидывая назад свои серебряные волосы. — Мы найдем их в Островном университете, верно?

Заговорил Эркор:

— Вчера утром Рольф Катам отказался от своей должности председателя исторического департамента университета Торомона, вечером уехал в Торомон, не оставив сведений о своих планах.

— А моя сестра?

— Она оставила свое положение в правительственном научном объединении — тоже вчера утром. После этого никто ее не видел.

— Может быть, мой отец знает, где она.

— Возможно, — сказала герцогиня. — Мы не хотели спрашивать его, пока не поговорим с вами.

Джон откинулся на стуле и опустил глаза.

— Прошло восемь лет с тех пор, как я видел отца. На этот раз я пойду к нему.

— Если вы не… — начала Петра.

Джон быстро взглянул на нее.

— Нет, я хочу пойти… Я узнаю от него, куда она делась… если он знает. — Он резко встал. — Вы извините меня? — он вышел из ресторана.

Трое оставшихся посмотрели ему вслед, затем друг на друга. Герцогиня сказала:

— Джон изменился за последнее время.

Алтер кивнула.

— Когда это началось? — спросила Петра.

— Минуточку… на следующий день после того, как он попросил меня научить его акробатике. Я думаю, он ждал предлога, чтобы повидать отца, потому что часто упоминал о нем. — Она повернулась к Эркору. — Что именно Джо узнал, когда мы все увидели друг друга? Он всегда был

таким молчаливым, погруженным в себя… до последнего времени. Его и сейчас не назовешь разговорчивым, но …так вот, он очень старался над кувырками. Я сначала говорила, что он уже староват, чтобы делать это хорошо, и удивилась, какой у него прогресс.

— Так что же именно он узнал? — теперь уже спросила герцогиня.

— Возможно, — сказал телепат, — кто он был.

— Ты говоришь, «возможно», — сказала герцогиня.

Эркор улыбнулся.

— Возможно, — повторил он. — Больше ничего не могу сказать.

— Сейчас он пошел к отцу? — спросила Алтер.

Гигант кивнул.

— Надеюсь, что это пройдет нормально, — сказала Алтер. — Восемь лет — слишком большой срок для злопамятства. Знаешь, когда учишь человека чему-то физическому из движений его тела, то изучаешь его ощущения, по глубокому дыханию, когда он рад, или по движению плеч, когда он боится, и я наблюдала это последние два месяца. Да, надеюсь, что все пройдет нормально.

— Ты и доктор Кошер были очень близки, — сказала Петра. — Ты имеешь какое-нибудь

представление, куда она могла исчезнуть?

— Да, до момента, когда мы были все время вместе, разговаривали, смеялись. А потом она ушла. Сначала я подумала, что она скрылась в каком-нибудь убежище, в каком была, когда мы с ней впервые встретились. Но нет. Я получила несколько писем. Она не отказалась от работы, она счастлива со своей новой теорией поля, и я подумала, что она наконец обрела мир в себе. Из последнего письма явствует, что вроде бы что-то случилось, и это, кажется, останавливает ее работу. Это выглядит странным.

— Почти так же странно, — сказала герцогиня, — как страна в войне с ее зеркальным отражением попадает в стальной блок памяти.

ГЛАВА 3

О чем думает человек, когда он собирается увидеться с отцом после пяти лет каторги и трех лет изменнических приключений? Джон спросил себя об этом. Ответом был страх, сжимающий горло, замедляющий шаги, связывающий язык. Это был безымянный страх из детства, связанный с лицом женщины — по-видимому, его матери, и лицом мужчины — вероятно, отца. Но этот страх

был неопределенным. В восемнадцать лет была неделя страха, начавшегося с дурацкого вызова вероломного друга, которому посчастливилось быть королем Торомона (и Джон теперь спрашивал себя, принял бы он вызов, который исходил бы от другого парня?), и кончившегося глупой паникой, ударом энергоножа и смертью дворцового стражника. Затем пять лет тюрьмы (приговор был не пять лет, а пожизненно) со злобой, унижением и ненавистью к страже, за дрянное шахтное оборудование, горячие часы под землей, где его руки выцарапывали камень к папоротнику, бьющему его задубевшую от грязи одежду, когда он шел из хижин на рассвете и возвращался вечером. Но неприкрытый страх пришел в тюрьму только один раз, когда впервые начался разговор о побеге — разговор велся ночью, или за спиной стражников в редкие минуты отдыха в подземной работе. Это не был страх наказания, но страх самого разговора, чего-то неконтролируемого, мелкой случайности, незапланированной для плотной ткани тюремной жизни, расцветающей в обмене взглядами, в шепоте. Он по-разному удерживал этот страх, присоединившись к планам, помогая, копая руками, проход, считая шаги стражника, когда тот шел от будки к краю тю-

ремного пространства. Когда план был закончен, осталось только трое. Он был самым молодым из скорчившихся под дождем у ступеней сторожки и ждущих свободы.

Во время побега в темноте, под хлещущими лицо мокрыми вайями, страха уже не было. Для страха не было времени. Но он весь собрался и взорвался в мозгу Джона, после того, как он потерял двух других беглецов, после того, как вышел из джунглей слишком близко к радиационному барьеру, после того, как увидел шпили Тилфара, после того, как неожиданно, непредсказуемо, его, не имеющего ни ментальной, ни физической защиты, ударило со звезд.

Затем началось приключение. Была опасность, он был измучен, но не боялся, как сейчас. Та маленькая белая пустота, была негативом черного пятна ужаса из полу-запомнившегося детства.

Он еще поднялся по давно знакомым ступеням отцовского дома и остановился перед дверью. Когда я приложу палец к замку, подумал он, не окажется ли за дверью свобода?

Замок долго читал линии и завитки его большого пальца. Наконец, темное дерево отступило, и Джон вошел. Интересно, изменился ли отец так же, как я, подумал он. Если привычки отца

остались прежними, он должен быть сейчас в семейной столовой.

Джон прошел по коридору мимо гардеробной, мимо двери комнаты трофеев в бальный зал. Высокий, слабо освещенный зал тянулся впереди него до двойной, как крылья лебедя, лестницы, опускавшейся с внутреннего балкона. Его сандалии мягко щелкали, и на миг он почувствовал, как множество признаков его самого провожают его в столовую.

Дверь была закрыта. Он постучал и услышал голос:

— Кто там? Войдите.

Джон открыл дверь. И затикали сотни часов. Дородный седой человек удивленно поднял глаза.

— Кто вы? Я приказал никого не впускать без…

— Отец… — сказал Джон.

Кошер дернулся в кресле, лицо его потемнело.

— Кто вы и что вам надо?

— Отец, — сказал снова Джон. Узнавание повисло перед ним, как яркий свет, и он испуганно отступил назад. — Отец, это я, Джон, — выговорил он.

Кошер выпрямился и положил руки на стол.

— Нет!

Джон подошел к столу. Старик поднял голову и

пошевелил губами, как бы подбирая слова.

— Где ты был, Джон?

— Я… — все восприятие Джона повернулось внутрь, и как отец смотрел на него, так и он смотрел на хаос эмоций, взорвавшихся в нем. Ему хотелось закричать, как ребенку, неожиданно оказавшемуся в темноте. Рядом стояло кресло, он сел, и это помогло ему удержаться от слез. — Я долгое время отсутствовал, был во многих местах. В тюрьме, как ты, я полагаю, знаешь, потом три года был на службе у герцогини Петры, имел всякие приключения, переделал кучу дел. А теперь вернулся.

— Зачем? — голова Кошера тряслась. — Зачем? Не хочешь ли ты получить прощение за то, что обесчестил меня, так что я не мог смотреть в лицо своим друзьям, своим сотрудникам?

Помолчав, Джон сказал:

— Так ли ты страдал?

— Я?

— Пять лет, — сказал Джон мягче, чем намеревался. — Я видел солнце меньше часа в день. Меня ругали, били. Я надрывался в неоновой темноте тетроновых шахт, призывая на помощь мускулы, которых у меня не было. Я в кровь сдирал ладони о камни. Так ли ты страдал, отец?

— Зачем ты вернулся?

— Я вернулся, чтобы найти свою… — он помолчал, и его обида ушла. — Я вернулся, чтобы просить тебя простить меня за тот вред, что я причинил тебе, если ты можешь.

— Ну, я… — Кошер издал сухой надтреснутый звук. — Джон! Джон!

Джон обогнул стол и крепко обнял отца за плечи.

— Папа, где Кли? Я пришел также поговорить и о ней.

— Кли? Она ушла.

— Куда?

— Ушла с профессором университета — историком.

— Катамом?

— Они вчера поженились. Я спрашивал, куда они собрались, но они не сказали.

— Почему?

Кошер пожал плечами.

— Просто не захотели.

Джон снова сел напротив отца.

— И не назвали никаких причин?

— Нет. Поэтому я был сейчас так расстроен и так встретил тебя. Я многое передумал, Джон. Ужасно было думать, что ты в рудниках, а мы

здесь живем на доходы с руды, над которой ты гнешь спину. Это было для меня тяжелее всего, что могли бы сказать мои друзья. — Он опустил глаза и вновь поднял их. — Сынок, я так рад видеть тебя! — Он протянул сыну руку, а другой достал платок и вытер глаза.

Джон взял руку отца.

— Я тоже рад видеть тебя, папа.

Старик снова покачал головой.

— Торон — маленький мир с жесткой моралью. Я знал это еще мальчиком, и это больше чем любая другая информация, однако, эта мораль захватила меня, и держала вдали от тебя.

— Вне этого мира множество насилия, папа. Надеюсь, что оно не ударит по нашему миру и не разрушит его.

Старик фыркнул.

Снаружи не больше насилия, чем здесь, внутри.

В настольном коммуникаторе замигал желтый свет. Кошер нажал кнопку. Тонкий механический голос сказал:

— Простите, сэр, но с материка пришло важное сообщение: тетроновый грузовой пароход задержался на шесть часов при выходе из гавани. Его контрольный механизм безнадежно засорен. И

пароход не мог даже вызвать помощь по радио. В это время на него перебрались с маленького судна неды, выгрузили руду и в суматохе были убиты два офицера.

— Когда это случилось? — спросил Кошер.

— Сегодня около десяти утра.

— В задержке парохода виноваты неды? Таково было их намерение?

— Не думаю, сэр. Тут все вместе. Пароход старый, с радиоуправлением. В это утро весь район был окутан невероятными радиопомехами, по-видимому, с Тилфара. Были слухи, что у военных какие-то неприятности с компьютером, и он, похоже, как-то связан с этим. Неды просто проходили мимо и воспользовались ситуацией.

— Понятно, — сказал Кошер. — Проверьте непосредственно у военных, узнайте, что происходит и не случится ли такое снова. Ответ сообщите прямо мне.

— Слушаюсь, сэр, — голос отключился.

— Проклятые пираты, — сказал Кошер. — Ты не думаешь, что они пытались повредить лично мне в деле? Я не понимаю насилия ради насилия, Джон. Они не украли руду. Они просто выбросили ее, и тем нанесли столько убытков, сколько могли.

— Это нелегко понять, — сказал Джон и встал. — Если Кли свяжется с тобой, ты дашь мне знать? Это очень важно. Я остановился в…

— Ты не хочешь остаться здесь? Прошу тебя, Джон. Этот огромный дом так опустел с тех пор, как ушли ты и твоя сестра.

— Я очень хотел бы, папа, но я договорился в среднем кольце города. У меня там комната, и она моя. И оттуда мне легче уйти.

— Да, я не могу надеяться, что ты вернешься, как будто ничего не случилось.

Джон кивнул.

— Я скоро увижусь с тобой снова, папа, и мы поговорим как следует, и я расскажу тебе обо всем. — Он улыбнулся.

— Хорошо, — сказал отец. — Это так хорошо, Джон.

Солнце низко повисло над башнями Торона, наполнило тенью пустые улицы центра города. Джон шел, чувствуя себя одновременно сильным и расслабленным. Ближе к среднему кольцу импозантные дома центрального района уступали место более обычным. Здесь народ сновал тюда-сюда, многие возвращались с работы. Джон был уже недалеко от своей квартиры, когда увидел кое-что на другой стороне улицы и остановился.

Босой парень в обтрепанных штанах и разорванной на спине рубашке писал мелом на стене:

«Ты пойман в ловушку…»

— Эй, парень, — окликнул его Джон и пошел через улицу.

Фигура быстро обернулась и пустилась бежать.

— Подожди! — крикнул Джон и побежал за ним.

Он нагнал его в конце квартала, схватил за плечо и прижал к стене. Одна его рука уперлась парню в грудь, другая держала запястья.

— Я не причиню тебе зла, — сказал Джон. — Я хочу только поговорить с тобой.

Парень сглотнул и ответил:

— Я не знал, что пачкаю ваш дом, мистер.

— Это не мой дом, — сказал Джон, сознавая насколько лучше он одет. — Что ты писал!? Где ты видел это?

— А?

Джон отпустил его.

— Ты начал писать на стене. Зачем? Где ты слышал эти слова? Кто тебе сказал?

Парень потряс головой.

— Послушай, — сказал Джон. — Я не собираюсь донимать тебя. Как тебя зовут?

Черные глаза рыскнули по сторонам и снова остановились на лице Джона.

— Кино. Кино Клов.

— Ты из Адского Котла?

Глаза Кино обежали лохмотья, затем одежду Джона и его лицо.

— Идешь в ту сторону?

Кивок.

— Я пройду с тобой часть пути. Ты хотел написать: «Ты попал в ловушку в тот яркий миг, когда узнал свою судьбу.» Правильно?

Кино кивнул.

— Я видел много таких надписей. Ты, видно, здорово потрудился.

— Не все их писал я.

— Я так и думал. Но я хочу знать, откуда ты это взял, потому что хочу знать, кто первым написал это.

Кино шел и некоторое время молчал.

— Допустим, я первый написал это, — наконец сказал он. — Что вам от этого?

Джон пожал плечами.

— Так вот, я написал первым, — сказал Кино, как бы не надеясь, что ему поверят и добавил: — Не я первый сказал это, но написал первым я. А затем увидел, что это было написано мелом в

трех местах, где я не писал, и подумал, что это и в самом деле занятно.

— Почему?

Кино хохотнул.

— Потому что я знал, что так случится, знал, что другие тоже начнут писать это, Начнут думать об этом, удивляться. И подумал, что это самая чертовски забавная вещь в Торомоне. Вот ведь и вы тоже задумались, верно? — голос его стал угрюмым. — И никто не гнался за мной, как вы.

— Я же не повредил тебе.

— Ну, — Кино пожал плечами. — Не повредили. — И снова хохотнул.

— Кто сказал тебе эти слова?

— Мой друг.

— Кто он?

— Друг. Убийца. Вор. Поэт. Он шлялся с бандой недов в Котле.

— Как ты познакомился с ним?

Кино поднял черные брови.

— Я тоже шлялся с ними.

— Как его зовут?

— Вал Ноник.

— Когда он сказал тебе это?

— Вчера утром.

Интерес Джона усилился.

— Что за человек этот убийца, вор, поэт, предводитель ваших недов? И почему ему вдруг вздумалось сказать тебе это вчера утром?

— Зачем вам знать об этом? Вы все равно не поверите.

— Сам не знаю, зачем, — ответил Джон. — Как ты говорил, это заставляет задуматься. Но я поверю.

— Занятный вы мужик. И говорите странно, вроде нед.

— В каком смысле?

— Вы хотите знать странные вещи, поверить во что угодно. То, что сказал мне Вал, делает человека недом. Он сказал, что когда парень узнает и ткнется мордой в реальный мир, он озлится, захочет узнать, как это работает, и поверит любому, кто скажет, как — правильно или нет.

— Это сказал вам Вал Ноник?

— Ну… Вообще-то, откуда вы, фраер, в таких шикарных шмотках? — Кино снова захохотал. — Так говорят неды.

— Я был в каторжных рудниках. Я бывал в шахтах, шкет, и язык, которым ты бахвалишься и называешь языком недов — просто-напросто старинный жаргон карманников. Он достаточно известен.

— Вы были в рудниках? — удивленно спросил Кино и похлопал Джона по плечу. — Большак!

— Ну, так что насчет Вала Ноника?

— Ну, я так думаю, вреда не будет сказать. Вы вообще-то знаете о делах недов?

— Когда-то знал, но давно. Тогда они еще не назывались так, и жаргон, которым ты швыряешься, употреблялся редко. Я слышал его от двух ребят, вкалывавших в рудниках.

— А-а! Ну, так вот, жили-были три банды. Компания в них была пестрая: были такие острые, что откуда хошь прорежутся, пока не сыграют в ящик. Были причокнутые, невезучие. Обезьяны и гиганты с материка, богатые сыночки из центра города, много с окраины, а больше всего с середины между ними. Да, и марухи тоже, и такие ведьмы, что только ну! Да, три банды: банда Вала, и я был в ней, конечно. Затем банда под командой обезьяны под именем Джеф. Вы знаете этих обезьян, у них не все дома, и они это понимают. Так что, когда они входят в банду, они подчеркивают, что это важно. И джефова банда слыла важнейшей. Третьей была банда Ларты, великанши с материка. Никто не знал, зачем она пришла и что делала раньше. Она неделю терлась в Котле, вся левая щека изрезана. Кое-

кто божился, что она читает мозги. Три банды, понятно? И один квартал в Адском Котле хотели захватить и Ларта, и Джеф. Это было как раз за неделю до Момента. На этом маленьком кусочке было чем поживиться, чтобы обосноваться на спорной территории, вызывают третью банду, и она сражается с двумя первыми. Какая банда победит третью, та и получает права. Поскольку сражаться с незаинтересованным соперником, много крови или костолома не бывает. А если обе стороны отлупят третью, то вызывают четвертую и начинают все с начала. Вот Ноника и вызвали. Дрались, и Ларта получила спорный кусок. И ее ведьмы тоже. Но Джеф потребовал нового матча с Ноником. И тут вдруг Момент, когда мы все узнали насчет войны и друг друга. И тогда у недов случилось много странных вещей. Вал и еще двое порвали со своими бандами. Вал ходил с девчонкой Ренной из среднего кольца города. Они встретились в университете. Она была художница и что-то вроде учительницы, и хотела, чтобы он писал, а не хулиганил. Я думаю, он и сам этого хотел, потому что, как только вышел из банды, сразу женился на Ренне. А Джефу это не понравилось, он думал, что Вал струсил перед реваншем. Затем банду Джефа размазала по стене

другая банда, и кто-то повесил это на Вала. Джеф поклялся, что уделает его, и вчера уделал.

— Что именно он сделал?

— Убил Ренну. Она была для Вала всем самым добрым, чистым, правильным и… прекрасным. Вы бы видели их вместе, вроде бы как каждый из них был миром, к которому другой тянется. Джеф раздавил мир в Вале, а ее убил.

— А что было потом?

— Я думаю, Вал спятил. Он бежал голый по улице. Я пошел к нему утром, хотел предупредить, что Джеф хочет достать его, и на углу увидел, как он бежит голый и шатается. Я еще не знал тогда, что сделал Джеф, но видел, что Вал избит. Я оттащил его в переулок, обернул мешком, повел в свою нору в доках — в заброшенном складе — дал кое-какую одежду. Из его завываний кое-что дошло до меня. Он как в бреду болтал насчет чего-то позади него, и я подумал, что он имеет в виду Джефа. Но он оказывается имел в виду Вселенную! Затем он сказал мне то, что как вы видели, я писал на стене. И он вдруг засмеялся: Скажи, говорит, им это, и увидишь, что случится. Увидишь, как они закорчатся. Но теперь они меня не возьмут. Я попытался удержать его на ногах и сказал, что он должен идти в Медицинский

Центр. Рука у него была вывихнута, лицо избито. Я сказал, что помогу ему идти, а он сказал: «Пусть попробуют помочь себе. Уже поздно. Они пойманы в западню. Мы все пойманы». В конце концов я вывел его. Он хотел, чтобы я остановился и написал на заборе то, что он сказал, но я сказал, что мы пойдем в Медицинский Центр. Было еще очень рано, народу на улицах почти не было. Я пошел по главной улице, чтобы скорее добраться, и вдруг услышал геликоптер. Я посмотрел вверх: они летели страшно низко. Вал был почти без сознания. Вдруг вертолет стал снижаться и сел прямо среди улицы недалеко от нас. Оттуда выскочила женщина и самый страшный мужчина, какого я когда-либо видел. Представляете, полголовы из пластика, так что все мозги видны! Они бежали к нам, и мужик кричал «Вал, что случилось?» Тут-то я и правду струхнул. Может, они как раз те, про кого Вал говорил, что они его не найдут. Мужчина сказал: «Кли, помоги поднять его в вертолет» и спросил меня, что случилось с Валом. Я не мог убежать, потому что Вал был слишком тяжелым, он чуть-чуть пришел в себя и прошептал так жалобно: «Профессор Катам», что даже у меня выступили слезы.

Они подняли его, и я решил бежать. Один раз

оглянулся — они уже взлетали. Ну, я и почесал обратно на склад. Но у того забора остановился и написал крупными буквами слова Вала. Больше я ничего не мог сделать. Я в этом ничего не понимал, но когда прочитал, то почувствовал как-то странно себя — вроде бы мне даже и не надо знать, что это означает. Я написал это и в нескольких других местах. Очень скоро кто-то другой тоже стал писать это. И я подумал, что это чертовски удивительно. Дьявольски удивительно.

Они дошли до доков-муравейников.

— Ты не разыгрываешь меня? — спросил Джон.

— Я же говорил, что вы не поверите, — засмеялся Кино.

— Кто сказал, что я не верю? Ты сказал, что мужчину с пластиковым лицом зовут Катам, а женщину — Кли. Ты правильно расслышал имена?

— Конечно, правильно. Слышь, а вы не из тех, кто ищет Вала?

— Может быть.

— Черт возьми, — сказал Кино, — если бы я хотел продать друга, то должен был бы получить с вас. Чего вы хотите?

— Я хочу знать, а ты обеспечь мне это. Где ты

болтаешься, если я захочу снова поговорить с тобой?

— В округе. Но в следующий раз с вас немного монеты, чтобы я разинул пасть.

— Где в округе?

— Ну, скажем, там, где жил Вал. Этот дом держит старуха, в нижем этаже бар. Но после девяти вечера она не обслуживает. — Он дал Джону адрес.

— Значит, я увижу тебя там?

— Идет, — кивнул Кино. — И не забудьте насчет монеты? Жизнь нынче тяжелая, рудокоп!

— Проваливай, — сказал Джон.

Кино ухмыльнулся и провалился.

ГЛАВА 4

Алтер оставила в его квартире ленту-письмо. В нем говорилось:

> «Приходи и расскажи, как прошла встреча с отцом.»

Джон позвонил в королевский дворец. Перед ним появилось лицо герцогини Петры.

— Хотите услышать нечто интересное?

— Что, Джон?

— Я узнал кое-что о Ральфе Катаме и о Кли.

— Где они?

— С парнем, который первый высказал фразу «ты попал в ловушку...» Парня зовут Вал Ноник, он что-то вроде поэта, бывший лидер банды недов. — И Джон передал рассказ Кино.

Герцогиня нахмурилась.

— Вы имеете какое-нибудь представление, что общего между этим парнем и вашей сестрой и зятем?

— Никакого.

— Я проверю в главных записях, и позвоню вам, если что-нибудь найду.

— Если вы позвоните вечером, то я буду у Алтер.

— Может, вам обоим прогуляться в гостиницу, где жил Ноник, и кое-что узнать о нем?

— Хорошая идея, — сказал Джон.

Ночь была теплой. Маленькая квартирка, где жила Альтер с тех пор, как оставила цирк, была той же самой, где в свое время Кли пыталась отгородиться от мира. Алтер, подумал Джон, сумела взломать съежившийся кокон убежища математички и вывести Кли из оболочки вины обратно в реальность. Теперь Кли исчезла снова.

Джон покачал головой и постучал в дверь.

— Привет, — сказала Алтер, открывая ему. — Очень рада тебя видеть. Ты узнал от отца насчет Кли?

— Ты задаешь провокационные вопросы, — засмеялся он.

Ее улыбка стала растерянной.

— Ой, Джон, с твоим отцом все в порядке? Ты говорил с ним? Как он, все еще злится?

— Говорил. Это сработало куда лучше, чем я думал. У меня по-прежнему есть отец, а у него все еще есть силы.

— Я очень рада, — сказала она, сжав его руку. — Я часто думаю о своей тете. Я не могла ни повидаться с ней, ни даже узнать, жива ли она. Я думаю, и у тебя было вроде этого. — Она подошла к столу и села. — Ну, так что насчет Кли? Куда она делась?

— Я знаю только, что они с Рольфом Катамом поженились, а затем исчезли.

— Она вышла за Катама? — удивилась Алтер. — Ну что ж, я рада этому. И думаю, они единственные, могущие по-настоящему понимать друг друга. Куда они уехали?

— Не знаю. Но тут есть кое-что интересное. Помнишь ту строчку, которую мы прочитали

сегодня на фонтане?

Алтер кивнула.

— Автор ее — поэт-нед по имени Вал Ноник, и последним его видели Кли и Катам, увезшие его на вертолете. — Он рассказал подробности.

Алтер присвистнула.

— Странное дело.

— Это уж точно. Петра сказала, что постарается узнать, и позвонит, если…

Зажужжал телефон. Алтер ответила, и Джон снова увидел лицо герцогини.

— Джон здесь? — спросила она.

— Здесь, — ответил он с другого конца комнаты.

— Ну, я только что создала себе врага на всю жизнь в лице ночного библиотекаря Главных Записей, но получила кое-что о мистере Нонике.

— Гоните.

— Гнать? Кого?

Джон засмеялся.

— Это просто жаргон, который я вспомнил. Это означает — продолжайте.

— Ага. Ну, так вот, во-первых, Ноник был блестящим учеником в школе, хотя чуточку странным. Достаточно блестящим, чтобы получить стипендию в университете, где он занимался языками

и в меньшей степени социологией. Два из его социологических курсов он провел у Рольфа Катама.

— Значит, они хорошо знали друг друга? — спросил Джон.

— Вероятно. Он был включен в список для семинара Катама об Америке XX века. Это был весьма почетный семинар, ограниченный шестью студентами, лично выбранными Катамом.

— И Ноник участвовал в нем? — спросила Алтер.

— Нет.

— Почему?

— Его исключили из университета за неподобающее студенту поведение. Уточнений нет.

— Ну, по крайней мере, мы знаем, откуда они знакомы, — сказал Джон. — Теперь нам нужно представить, что они намерены делать друг с другом.

— Я даже могу ответить на это, — сказала герцогиня. — Как раз сейчас Эркор кое-что проверяет для меня. А, вот и он! — Она опустила глаза на что-то, переданное ей. — У него было предчувствие, и оно подтвердилось. В ту неделю, когда Ноника исключили, есть записи Катама о приобретении микропередатчика. Его можно вживить

в горло. И в ту неделю Катаму и Нонику вживили такие в Медицинском Центре, в департаменте университета.

— Вы хотите сказать, что с тех пор они были в радиоконтакте?

— Да, чуть больше трех лет.

— Зачем? — спросила Алтер.

Изображение на видеоэкране пожало плечами.

— Не знаю, но поскольку геликоптер взял его с улицы, видимо, Катам и Кли следили за ним по радиосигналам.

— Кли и Ноник были в университете в одно время? — спросил Джон.

— Да, только она была в департаменте ученой степени, а он был еще студентом. Ну, вот и все, что у меня есть.

— Немало, — сказала Алтер.

— Однако, это не говорит нам, зачем они вместе и куда направились. Петра, есть ли в аэропорту какая-нибудь запись насчет вертолета или вообще этого дела?

Герцогиня начала что-то говорить. Затем твердое выражение ее лица вдруг исчезло.

— Я… Я не знаю, Джон. Правда, я больше ничего не знаю. Совет пытался утверждать, что ничего

не происходит, и был парализован паникой, когда узнал. Может быть, нам самим надо ехать в Тилфар. Но кроме этого я ничего не знаю.

— Мы найдем их, — сказал Джон. — Если же нет — тогда Тилфар.

Твердость снова вернулась к герцогине.

— Сходите туда, где жил Ноник, может, там есть какой-нибудь ключ. Больше ничего не могу придумать.

— Сделаем, — сказал Джон. Герцогиня резко отключилась. Он повернулся к Алтер.

— Готова в поход?

— Угу.

Джон встал и хмуро сказал:

— Она устала.

— Я думаю, я тоже устала бы, пытаясь направить движение всей страны с кучкой паникующих стариков с одной стороны и с семнадцатилетним королем, который провел последние три года вне двора. О нем только и можно сказать, что он смышлен и послушен.

— Ну, пошли в гостиницу Ноника.

И они пошли.

Пока Джон и Алтер шли к Котлу, дома становились ниже, ближе один к другому, и более убогими. Они свернули в переулок, отмечающий

самую старую часть города. Хотя был уже вечер, народу в этой части города было намного больше, чем в центре.

Алтер улыбнулась, проходя мимо двух мужчин, которые ссорились из-за узла. Узел был плохо завязан, и было видно, что в нем тряпье.

— Я снова дома. Спорю, что они сперли его и не могут решить, кому его отнести. Гостиница, наверное, вон там, — они снова свернули. — Вспоминая время, когда я бегала по этим улицам, я почему-то испытываю ностальгию. Жизнь была голодная.

На углу под синим тентом находилась выставка. Она показывала выращенные гидропонным способом фрукты, а в стеклянном ящике лежала на ледяном ложе блестящая рыба, выращенная в аквариумах. Продавец в белом фартуке осуществлял продажу.

Алтер глянула, не смотрит ли он, и схватила плод. Когда они снова завернули за угол, она разломила его и дала половину Джону. Она немедленно вгрызлась в свою долю, а Джон держал свою в руках. Она улыбнулась и спросила:

— В чем дело?

— Просто думал. Я пробыл в тюрьме пять лет, но ни разу в жизни не украл ни денег, ни пищи. До

тюрьмы я имел все, что хотел, так что в тюрьме мысль взять что-нибудь никогда не приходила мне в голову. Теперь мне платит герцогиня. И знаешь, когда я увидел, что ты взяла плод, моей первой реакцией было удивление, и ты, наверное, назовешь его моральным возмущением.

Алтер вытаращила глаза, а потом нахмурилась.

— Да, наверное, глупо было… Я хочу сказать, я просто вспомнила, как таскала фрукты, когда была маленькой, но ты прав, Джон. Воровать — неправильно…

— Но я же не говорил ничего подобного.

— Но я подумала…

— Но я еще подумал, она из Котла, а я из центра, и нас разделяет целый набор морали и обычаев. И я подумал, как ты принимаешь все эти вещи и объединяешь их.

Она хотела что-то сказать, но только посмотрела на него.

— Правильно или неправильно, — сказал он. — Черт возьми, я же убийца. Как же мы сравняемся? Я сын богатого купца, а ты циркачка из Котла. Однако, у меня есть ответ: мы уже сравнялись во всем, чему ты учила меня, когда говорила, как откидывать голову, прижимать подбородок и

катиться. И мы можем быть равными и теперь. Вот так, — он взял ее за руку, — и так, — он откусил от плода.

Она слегка пожала ему руку.

— Да. Только насчет неравенства я хорошо знаю. Помнишь, мы были в поместье Петры, прежде чем вернуться в Торон? Я очень долго чувствовала себя неловко из-за всяких дурацких мелочей: как пользоваться вилкой, когда встать и когда сесть, и прочее. Когда ты пытался прекратить войну, глупо было думать о таких вещах, но я все-таки думала. Вероятно, поэтому я проводила так много времени с Тилом. Хоть он и с материка, но в этом смысле он был более похож на меня. Мы могли бы идти вместе. — Она коснулась ожерелья из раковин. — Но теперь он умер, убит на войне. Так что мне делать?

— Ты любила его?

Алтер опустила голову.

— Я очень любила его. Но он умер.

— Что ты собираешься делать? — помолчав, спросил Джон.

— Учиться. Ты можешь учить меня. Считай, что это взаимообмен.

Они оба рассмеялись.

Это было довольно крепкое строение среди

множества досчатых лачуг. Дойдя до двери, Алтер сказала:

— Надеюсь, это путешествие не обернется… — она шагнула вперед и остановилась.

Стоящая за стойкой женщина с пурпурным родимым пятном подняла глаза, отшатнулась и раскрыла рот. Алтер схватила Джона за руку и потащила вперед.

— Тетя Рэра!

Женщина выскочила из-за стойки, вытирая фартуком руки. Алтер обняла ее за плечи.

— Тетя Рэра!

— Ох, Алтер… Какими судьбами… Откуда… — Она улыбалась, но по щекам ее текли слезы. — Ты вернулась ко мне!

Люди в таверне, в основном в военной форме, подняли глаза.

— Тетя Рэра, ты, значит, работаешь здесь?

— Работаю? Я владелица. Я получила лицензию. В самом деле получила. Ох, Алтер, я так искала тебя!

— Я тоже тебя искала, но старая гостиница Джерина была разгромлена.

— Знаю. Я некоторое время работала помощницей медсестры в Медицинском Центре. Я обыскала все цирки, приезжавшие в город.

— Я стала работать там только несколько месяцев назад.

— Понятно! Как раз, когда я перестала искать. — Она смахнула слезы. — Я так рада видеть тебя, Алтер, так рада! — Они снова обнялись.

— Тетя Рэра, — сказала Алтер, вытирая слезы. — Я хочу поговорить с тобой. Но поможешь ли ты мне? Я хочу узнать о человеке, который жил здесь.

— Конечно-конечно, — сказала Рэра, и тут впервые увидела Джона. — Молодой человек, последите здесь, пока я пойду и поговорю минуту с племянницей.

— Ох, тетя Рэра, — спохватилась Алтер, — это Джон Кошер, мой друг.

— Рада познакомиться, — поклонилась Рэра. — Вы просто приглядывайте за всеми, не допускайте скандалов, и не выпускайте никого без оплаты. Хотя, не похоже, чтобы кто-нибудь ушел вообще. — Она повернулась к задней комнате, держа Алтер за руку. — Налейте себе, если хотите. Наливайте всем! — И она заторопилась, таща Алтер за руку.

Ухмыляясь, Джон подошел к стойке, налил себе и сел неподалеку от солдата. Тот взглянул на него, коротко кивнул и снова опустил глаза. Сильная

реакция Джона на встречу Алтер с теткой сделала его экспансивным, и он обратился к солдату:

— Похоже, что вы, ребята, сидите здесь весь вечер. Что вы делаете?

— Я напиваюсь, — солдат поднял кружку с зеленоватой жидкостью. Джон вдруг почувствовал, что в мозгу солдата что-то происходит, и он прислушался к тону, каким тот говорил: — Я делаю неуклюжую попытку спрятаться в кружке. — Вокруг него стояло множество пустых кружек.

— Почему? — спросил Джон, стараясь соотнести этот цинизм с собственным добрым ощущением.

Солдат повернулся и Джон увидел его эмблему: капитан психологического корпуса. После Момента многие сняли свои эмблемы, так же, как униформу.

— Видите ли, — продолжал офицер чуточку пьяным голосом, — я из тех, кто знал о войне, кто планировал ее, вычислял лучший способ ее ведения. Как и вы, горожане. Рад пожать вам руку, — однако, он не протянул руки и снова вернулся к своей выпивке.

Обычно Джон не пытался любопытствовать, если человек не был расположен к беседе. Но сейчас он сам был в необычном состоянии.

— Знаете, — сказал он, — я не был в армии, но

у меня впечатление, что из-за этого я что-то упустил. Кроме всего прочего, это, по-моему, опыт, который делает из мальчика мужчину.

— Да, я понимаю вас, — коротко ответил офицер.

— Физическая дисциплина и опыт в действии, — продолжал Джон, — пусть в гипнотическом сне, должны что-то замечать, потому что смерть ожидавшая их, была реальной.

— Видите ли, — сказал психолог, — мы делали куда больше, чем только план сражения. Мы управляли всей пропагандой, которая шла и к гражданским лицам тоже. Мне кажется, я знаю, о чем вы думаете.

Джон удивился.

— Значит, вы не считаете, что военная дисциплина может быть хорошим опытом?

— Опыт — это то, как вы это воспринимаете. Это абсолютная реальность, так? Из мальчика в мужчину? Посмотрите на ребят, которым нравится армия. Это те, у кого несовместимость с родителями так велика, что они отказываются любить отца, отдающего приказы по книге правил, даже если эти приказы отмерли. Такому парню лучше бы договориться с отцом, которого он ненавидит, чем искать замену.

Несмотря на опьянение, офицер рассуждал логично, и Джон продолжал:

— Но разве армия не создает известный суровый микрокосм для выработки определенных проблем… Ну, скажем, честь, морали, хотя бы для самого человека…

— Конечно, микрокосм, полностью безопасный, абсолютно нереальный, без женщин и детей, где Бог — генерал, а Дьявол — смерть, и вы разыгрываете так, чтобы все принималось всерьез. Все было устроено так, чтобы создать наиболее деструктивные нелогичные действия, якобы контролируемые, и насколько возможно, неслучайные. В то время, как психо-экономическое положение Торомона достигло точки, когда «война неизбежна», мы должны были иметь какое-то место для всех больных мозгов, раненых именно этим психо-экономическим положением, чтобы бросить туда армию. Но нашей задачей было заставить всех вас думать, что это безопасно, почетно и хорошо. Из мальчиков в мужчин? Дисциплина сама по себе ничего не значит для мальчика. Наши руки могут двигаться и делать. Вы выглядите интеллигентным человеком, так что вы, наверное, делаете свое дело хорошо. Когда вы учились делать что бы то ни было, вы наби-

вали мозоли, и это была дисциплина. Можете ли вы строить, можете ли следовать правилам какого-либо мастерства, можете ли заставить эти руки приказывать, работая с кем-то другим или в одиночку? Я не знаю, что вы делаете, но знаю, что воспитывая свои руки, вы имели больше дисциплины, чем десяток людей, которые только и умеют, что убивать во сне. То, что уже есть у вас в руках, мы принижали, пытаясь заставить вас думать, что это могла бы дать вам армия. Мы так здорово все спланировали! Романы, повести, статьи — все это твердо отвечало: «Да!» на вопросы, которые вы только что задали. Кстати, психологический корпус не писал их.

Мы уже закончили нашу пропагандную работу, научили неуверенных и сомневающихся интеллектуалов сделать остальное. «Да, да! Война — реальный и веский опыт», потому что они, среди вас, всех, могли достаточно сомневаться, чтобы представить себе, какая это фальшивка. Сделать из вас мужчину? А вот посмотрите на этих, — он показал на солдат в таверне. Один спал, навалившись на стол. Двое других заспорили у двери, в то время, как еще один истерически хохотал над чем-то, разговаривая с девушкой, откинулся на спинку стула и упал назад. Пятый

с тревогой ждал драки. Захохотала девушка. — Или посмотрите на меня, — добавил психолог, покачиваясь и глядя в кружку. — Посмотрите на меня.

— Вы думаете, что все вообще не имело значения? — спросил Джон и подумал о Тиле, друге Алтер. — Для всех ничего не значило?

Психолог медленно покачал головой.

— Вы не понимаете. Вы действительно ничего не понимаете. Вы знали кого-то, кто сгорел в танке смерти. Вам чертовски хочется, чтобы это что-то означало. Но я знаю многих парней, которые умерли. Я тренировал их. Там не было ни одного, кто стал бы в большей степени мужчиной, чтобы делать то, что делали вы. Мне плевать, что это так, потому что жизнь… — он вытянул палец и толкнул монету по столу к квадрату монет, который он выложил в уплату. Из дальнего конца матрицы вылетели две монеты — ожох на это. Враг не всегда тот, в кого вы можете стрелять из-за мешка с гравием. Не всегда есть тот, кто скажет вам, когда стрелять и, когда прекратить огонь. В армии все легко и просто: сражаться до смерти за правое дело. — Офицер взглянул на Джона. — Вы знали кого-то, кто сгорел. Что ж, по сравнению с тем, ради чего мы живем, он умер не

за такую уж плохую вещь. — Он помолчал. — Это трудно принять.

— А вы принимаете? — спросил Джон. Слова прозвучали жестоко, но он сказал их с удивлением, с началом понимания.

Психолог хихикнул.

— Ну. Вроде. — Он покачал головой. — Они не ненавидят меня. Вы понимаете, у них нет ненависти ко мне. Они приходят сюда, пьют со мной, не задевают меня за то, что не видели настоящего сражения, относятся с полным дружелюбием, хотя знают, что я один из ответственных лиц. О, мы делали свою работу хорошо. Им было все-таки легче идти с ощущением, которое мы с таким трудом внушали им. Но я психолог, так что я точно знаю, почему я сижу здесь и напиваюсь. Я понимаю все, что происходит в моем мозгу, и заставляет меня делать это. И я знаю, почему я пил вчера, и третьего дня. И я знаю, и они знают, и это нисколько не помогает.

Алтер и ее тетка вышли из задней комнаты, и Джон повернулся к ним.

— Вот и мы, — сказала Рэра, вытирая глаза фартуком. — Возвращайся поскорее, — обратилась она к племяннице, — твоя тетка теперь женщина респектабельная.

— Приду, — сказала Алтер, обняла тетку и взяла Джона за руку.

— Не хотите ли вы оба что-нибудь поесть? — спросила Рэра. — Или, может, просто посидим и поболтаем?

— Сейчас не можем, — сказала Алтер. — Мы скоро придем.

— Пожалуйста, поскорее, — сказала Рэра.

Они медленно вышли из гостиницы.

— Ты узнала что-нибудь о Нонике? — спросил Джон.

— Угу. — В ее руках был сложенный пакет. — Некоторые его стихи. Они остались в его комнате после… — она вздрогнула.

— О чем твоя тетка хотела поговорить с тобой?

— Она хотела, чтобы я осталась тут и жила с ней.

— Понятно.

— Меня все тут цепляет, когда я не смотрю. Я даже думаю, что могла бы любить все это. Но у меня есть своя квартира и я привыкла быть у себя дома. Но в то же время я осознала, как я любила тетку.

— Знаешь, я подумал о том, что говорил насчет обычаев и морали, разделяющих людей, делающих их отличными друг от друга. Люди гораздо

более схожи, чем различны. Гораздо более.

Они медленно вышли с окраины города и вернулись вместе, чтобы просмотреть стихи.

ГЛАВА 5

Голубая вода струилась по полу подвала, из угла шел запах мокрых рыбных мешков. Джеф присел на бочонок и вертел пальцами, сдвигая и раздвигая их жестом, который выдавал страх. Медленно дыша, он сидел в темноте уже полтора часа и не столько думал, сколько позволял изображениям формироваться в мозгу: девичье лицо, закрытые глаза, нитка крови изо рта. Тело, упавшее на пристани, когда темноту прорезала сирена. Окно склада, которое он разбил кулаком и порезался. Остался рубец. Здесь, подумал он, я могу сидеть спокойно. Одиночество было тягостным, но он принимал его, поскольку считал, что другого пути нет. Он снова сомкнул пальцы, пытаясь побороть страх. Когда-нибудь он, возможно, прекратит попытки, но это будет нескоро.

Мать Ренны смотрела, как сомкнулась дверь ее гостиной, за полицейским офицером, и думала: мои глаза лопнут, и я, наверное, завизжу. Может,

штукатурка треснет и стены обрушатся? Она ждала, но ничего не случилось. Она подошла к видеофону и набрала номер доктора Уинтли. Он был единственным врачом в доме. Когда аппарат зажужжал, она подумала: зачем я звоню доктору? Какого черта я ему звоню?

Появилось лицо доктора Уинтли.

— Да.

Что-то в ней разорвалось, и она закричала:

— Доктор, ради бога, помогите мне… Моя дочь, Ренна, умерла… ее… Ох, она умерла… — с ее языка с трудом сходили обрывки фраз. Что-то жгло ее губы, щеки, глаза.

— Вы, кажется, живете на втором этаже?

— Да… я… да…

Она задумалась, как выглядит лицо ее, но доктор уже сказал:

— Я сейчас спущусь. — И отключился.

Время шло. Время всегда идет, подумала она. А куда иду я в этом проходящем времени? Тут постучали в дверь. С истерическим спокойствием она открыла, и вошел доктор.

— Я извиняюсь, — сказала она. — Я очень извиняюсь. Я не хотела беспокоить вас, доктор. Я хочу сказать, вы ничем не можете помочь мне. Я право, не знаю, зачем вообще позволила вам

спуститься…

— Не трудитесь извиняться, — сказал Уинтл. — Я вполне понимаю.

— Сейчас здесь был полицейский. Он сказал мне. Они не могли идентифицировать ее по рисунку ретины, потому что ее глаза вообще…

— Не дать ли вам успокоительного?

— Нет. Я не хочу его. Я не намеревалась вызывать вас сюда… я… о, доктор Уинтл, я просто хотела поговорить с кем-нибудь и первым делом подумала о докторе, не знаю уж, почему. Но я просто хотела поговорить.

— Но, может быть, вы все-таки хотите успокаивающего?

— Ох, нет. Послушайте, я подам нам обоим выпить.

— Ну… ну, ладно.

Она достала стаканчики и зеленую бутылку, прошла в маленькую кухню, нажала педаль откидного стола и поставила бутылку и стаканчики на его каменную поверхность.

— Позвольте, — сказал доктор, подвигая ей стул.

Когда она села, он обошел стол, открыл бутылку и налил. Когда она взяла свой стакан, доктор сел и выпил свою порцию одним глотком и налил

снова с такой самоуверенностью, какой она от него не ожидала.

Она посмотрела на зеленую жидкость в своем стакане и сказала:

— Доктор Уинтл, я чувствую себя такой одинокой, мне хочется бежать куда-то, куда-нибудь заползти, и чтобы мне сказали, что делать. Когда умерли мои родители, я не испытывала ничего подобного…

— Говорят, что смерть ребенка… — начал доктор и закончил кивком. Может, он выпил уже третью порцию?

— Я так любила ее и, видимо, избаловала. Я посылала ее на вечера, покупала ей наряды… Все родители живут своими детьми, доктор. Так и должно быть, верно?

Она взглянула на доктора. Он наливал себе еще и виновато улыбался.

— Я, кажется, опустошаю ваши запасы. Простите меня.

— О, все в порядке. Я почти никогда не пью вина, так что продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо.

— Пожалуй, я приму успокоительное. Мне совсем не хочется выпивки.

— Прекрасно.

— Я сейчас приду в себя. Спасибо, что вы пришли, потому что я на миг почувствовала, что я не одна. Но ведь я ничего не могу сделать.

— Насчет вашей дочери, — ничего не можете.

— Это я и имела в виду. — Она встала. — Сейчас я приму ваше лекарство и лягу.

Доктор кивнул и встал, держась за край стола.

— Что с вами, доктор?

— Видно, я излишне налег на ваши запасы. — Он выпрямился и неуверенно отошел от стола. В гостиной он долго рылся в чемоданчике и наконец нашел пилюли.

— Я вам оставлю… две. — Он покачнулся. — Сначала примите одну, а потом, если понадобится, вторую. — Он протянул ей пилюли на кусочке марли.

Она проводила его до двери и открыла ее перед ним. Он шагнул в коридор, держась за косяк. Она нахмурилась, но постаралась обратить все в шутку.

— Не говорите своей жене, сколько времени вы пробыли здесь. Вы, наверное, не хотите, чтобы она знала.

Он медленно повернулся.

— Я, пожалуй, должен информировать вас, что это успокоительное я дал вам незаконно. Что же

касается моей жены, то она не узнает, потому что не живет больше со мной. Неделю назад меня объявили отстраненным из-за преступной небрежности. Не то лекарство — кто-то умер. Ну, жена узнала и ушла от меня. Так что, мне теперь не приходится что-то скрывать от нее.

Он снова повернулся и неверными шагами пошел по коридору. Она смущенно вернулась в свою пустую квартиру.

Король смотрел на свою кузину, задумчиво трогающую дымчатый камень, который висел на серебряной цепочке, на ее шее. Петра опустила шторы у окна и повернулась.

— В чем дело, Петра?

— А именно, Ваше Величество?

— Прошу тебя, Петра, не надо официальности, будь просто моей кузиной, как раньше, когда ты рассказывала мне разные истории.

Герцогиня улыбнулась.

— Лит, я избегаю рассказывать истории.

— Тогда скажи правду. Что тебя тревожит?

— Я говорила тебе о «враге»? — сказала она, усаживаясь на кушетку. — Ты был на Совете и провел замечательную работу. Ты спорил с министрами спокойно, а я бы, в конце концов, перешла бы на крик.

— Поскольку ты сидишь рядом со мной, как мой советник, я хочу, чтобы они позволили тебе говорить на официальном заседании, Петра. Я спорил спокойно, чтобы ты заблаговременно перешла на мою сторону. Я видел, что ты жаждешь выступить. Наверное, поэтому у тебя так натянуты нервы.

— Насчет нервов ты прав. Но ты и в самом деле очень хорошо говорил в Совете. Ты весьма красноречивый мальчик.

— Да, я мальчик, мне всего семнадцать лет, и я этого не забываю. И Совет тоже. Иногда я прямо-таки слышу твои мысли: «Если бы только этикет позволил мне сказать то же самое…» — он вздохнул. — Но это лишь одна половина. Как насчет второй?

— Иногда я думаю, что ты научился читать мысли, пока был среди лесных стражей.

— Я научился тщательно наблюдать. И я наблюдал за тобой. — Его голос был спокоен, но повелителен, благодаря этому голосу она получила тот небольшой успех в Совете.

Она встала, снова подошла к окну, отдернула вышитые шторы, ветер колыхнул ее синее платье.

— Сомнение, Лит. Большое и серьезное.

— В чем ты сомневаешься, Петра?

— В тебе. В себе. В этом острове, в империи. Мы отвечаем за нее. И я сомневаюсь в нас, очень сильно сомневаюсь.

— Откуда эти сомнения, Петра?

Она вздохнула.

— Лит, много лет назад, еще до объявления войны, я задумала план, который, как я надеялась, спасет Торомон. Я люблю Торомон. Я понимала, как он слаб. А план должен был спасти его силу, и, по возможности, облегчить его экономическое положение, освободить от узды Совета. Но главная моя надежда была на тебя. Увезти тебя от матери и брата, а затем утвердить на троне. Я считала, что Торомону понадобится сильный, четко выражающий свои мысли король. Я надеялась на воспитание, которое ты получишь в лесу. Однако, теперь я сомневаюсь в этом плане, в моей части его и в твоей.

— Я не вполне…

— Аристократия Торомона действительно не способна объединить страну. Она слишком стара, слишком устала и слишком связана с Советом, чтобы принять перемены, могущие спасти нас. Но она слишком мощна, чтобы умереть. Возможно, мне не следовало пытаться спокойно управлять

страной. Может, мне надо было все делать по-другому. Может, ответ был в том, чтобы убрать существующее правительство и допустить новое, сильное, выросшее из того здорового, что осталось в Торомоне. Может быть, мне следовало стать недом и разрушать ради разрушения. Но во всей системе гораздо больше плохого, чем хорошего. Может, я пыталась сохранить живым то, чему лучше было бы давно умереть? Лит, я очень сомневаюсь в своей правоте. И если я ошиблась, то мои ошибки были самыми большими за все пятьсот лет.

— Это огромная ответственность, Петра, — сказал молодой король.

Она наклонила голову, и когда снова подняла ее, он увидел на ее глазах слезы.

— Лит, я так одинока, — тихо сказала она.

— Петра! — он наклонился к ней. — Могла бы ты сделать что-то такое, чего никогда не делалось в Торомоне?

— Не знаю. Много времени прошло с тех пор, как я хотела что-то вроде этого. Чего именно вы хотите, Ваше Величество?

— Петра, я тоже чувствую себя одиноким.

— Так и должно быть. Это работа для одиноких.

Он кивнул.

— Все, кого я хорошо знал — в лесу. А здесь у меня только ты. Когда я чувствую себя особенно плохо, я думаю о том, что сделал бы, если бы, если бы… и когда-нибудь я сделаю это.

— Что же ты хочешь сделать?

— Это для всех по-разному, но…

— Расскажи.

— Давно, еще до того, как меня увезли на материк, я познакомился с мальчиком, сыном рыбака. Он рассказывал мне о море, о работе на лодках, о рыбной ловле. Я хотел бы работать на лодке, Петра. Не то, чтобы меня возили с материка на остров, а правил судном кто-нибудь другой: я хотел бы сам управлять и плыть, куда захочу. Я одинок, как и ты, Петра. Когда я ощущаю это особенно сильно, я думаю: когда-нибудь я сяду в лодку, как тот мальчик, и направлю ее в море. И это помогает.

— За окном Торомон, — сказала она.

— Да. И мы в центре. Оба одинокие.

Эркор стоял в башне лаборатории в западном крыле королевского дворца Торона и глядел в ночь.

Через комнату падали длинные тени от конверсионного оборудования, которое должно

было превратить транзитную ленту в проектор материи для использования в войне. Но оно так никогда и не использовалось.

Обычно восприятие гиганта-телепата ограничивалось всего несколькими сотнями футов. Но недавно он обнаружил, что этот круг расширяется, иногда на час и больше, на много миль. Сейчас он обнаружил подчувственную пульсацию, что извещало о таком расширении. Неожиданно город, словно с него сдернули вуаль, показал ему матрицу разумов, сталкивающихся, ссорящихся, однако, каждый был сам по себе. Я одинок, подумал он, добавив свою долю к миллионно-сложному эхо. Несколько других телепатов в городе, так же, как и стражи-не-телепаты, вспыхнули на сети более тусклых разумов. Но попытка контактировать с ними была вроде прикосновения через стекло. Был только образ, без теплоты, без текстуры. Изолированный, подумал он, один в дворцовой башне, как жестокий преступник-неандерталец на окраине города, как король и герцогиня рядом со мной, разумы, кружащиеся и одинокие, стоят вместе, как пьяный врач и горюющая мать в миле отсюда.

Где-то сидели Джон и Алтер. Они читали поэму на скомканной бумаге, часто останавливаясь и

спрашивая друг друга, что означает та или иная строчка, или возвращались к предыдущей странице. Схемы, выраставшие в их разумах, не были одинаковыми, но когда они пытались объяснить друг другу свои мысли, или читали и перечитывали свои строчки, образы поэмы поднимались к их мысли, приводили к единому опыту, к сознанию единства, и люди не чувствовали одиночества. Иллюзия? — подумал Эркор. Нет. То хрупкие, то гибкие, склоняющиеся и дрожащие огоньки все время танцевали вместе. Эркор улыбнулся, когда двое людей склонились ниже над бумагой.

ГЛАВА 6

— Ну, — сказала Алтер, — теперь ты учи меня. — Она открыла ящичек, где хранились ее маленькие сокровища. — Тут немного, но это все, что у меня есть. Что мне делать?

Джон глянул на зеленое полотно, на котором лежали несколько булавок, брошей и ожерелий.

— Прежде всего как можно меньше. Торомон — империя, связанная с морем. Значит, для официального торжества твои украшения должны иметь рисунок и материал из океана. Для менее официального случая можно обратиться к

цветочному рисунку. Но поскольку это высокий прием, я бы сказал, что ожерелье из раковин, которое ты носишь большую часть времени, годится. К нему подойдут жемчужные серьги и пряжка.

Она достала их из ящичка и подошла к стулу, где висело бежевое шелковое платье.

— Никак не могу привыкнуть. Не знаю, как и благодарить Петру за это платье. Подумать только — надеть платье, которое стоит, наверное, половину моего годового жалования в цирке!

Она развернула платье и нахмурилась.

— Что это?

— Где?

— Вот.

Она выглядела разочарованной.

— Карманы, — сказал Джон, удивленный ее реакцией.

— По-настоящему элегантное женское платье не имеет никаких карманов!

— Да? — Джон рассмеялся.

— Что тут смешного? Я думала, что…

— Послушай, если ты собираешься войти в общество, ты должна это делать как положено и знать, что ты делаешь. Я родился не в аристократической семье, но вырос рядом с ней. Так

что могу объяснить то, о чем Петра просто не подумала бы упоминать. Аристократия Торомона — поразительно функциональная группа людей. Пятьсот лет назад это были пираты, и у них всегда были карманы, но через какое-то время они перестали афишировать их. В этом платье карманы скрыты складками, и их никто не увидит, если ты не вздумаешь расхаживать, засунув в них руки. Портнихи с окраинных мастерских, которые шьют элегантные, как ты говоришь, платья, просто имитируют то, что они, как кажется, видели. Они считают аристократию декоративной, бесполезной, нефункциональной, поэтому карманов нет. А это платье, наверное, шила личная портниха герцогини, и если платье, которое ты видела, стоило половину годового жалованья, то это стоит пяти или шестилетнего. Сам удивляюсь, что все эти вещи помню.

— Вот и хорошо, что помнишь. По крайней мере, у меня будет некоторый шанс провести вечер, не сломав ноги. Ты не позволяй мне говорить, чего не надо. И если я что-нибудь возьму не той рукой, ты меня потихоньку лягни.

— Разве ты хоть раз позволила мне упасть вниз головой с высокой перекладины?

— Я и вообразить себе не могла такую вещь,

как бал во дворце! И не предполагала, что буду беспокоиться о таких глупых вещах, а, оказывается, беспокоюсь.

— Будь самой собой, — сказал Джон, беря ее за руку. — Разговаривай легко, помни, что для этих людей идеи более важны, чем действия. Будь любезна. Твоя обязанность — проявить инициативу в доброте. Говори негромко, двигайся медленно. Больше слушай, чем говори.

— Ох… — вздохнула Алтер. — Ты думаешь, что у меня получится?

Джон улыбнулся.

— Давай, одевайся побыстрее.

Вокруг зала высились широкие окна. Через верхние стекла виднелись сияющие звезды. Музыканты выдували из своих полированных раковин старинные мелодии. Бал открылся знакомым гимном Торомона.

— Мистер Килер Да со свитой, — объявил репродуктор.

Джон глянул на вход, когда там появились четко и ярко одетые фигуры, уменьшенные расстоянием бального зала. Как все это знакомо, подумал он. Но так же хорошо было знакомо, подумал он, и другое — он вспомнил жаргон рудников, такой же знакомый, как повороты и

приседания в танцах, манера держаться и этикет бала. Взглянув на свое отражение в зеркальной стене, он вспомнил восемнадцатилетнего мальчика, каким он был когда-то. Частичка его еще осталась — знакомая энергия в загорелом похудевшем лице. Он улыбнулся и повернулся к возвышению, где герцогиня и король принимали гостей. Джон коснулся плеча Алтер. Она обернулась. Серебряные брови выгнулись над большими голубыми глазами. Он взял ее за руку и повел к герцогине, одетой в изумрудное платье. Белая одежда короля казалась ослепительной против остатков темного загара. Бесцветные, пряди волос походили на полуальбиносные косы Алтер. Они как из одной семьи, подумал Джон. Герцогиня приветственно протянула руку.

— Джон, Алтер, вот и вы! Ваше Величество, вы встречались с ними.

— Джона я хорошо помню. Но… — Король повернулся к Алтер. — Прошло много времени с тех пор, как я видел вас близко. После того, как вы похитили меня, я только один раз видел вас, когда вы сверкали в воздухе в цирке.

— Так приятно снова видеть вас во дворце, Ваше Величество, — ответила Алтер.

— Здесь скучно, — конфиденциально сообщил

король. — Но вы даете мне для созерцания нечто приятное.

— О, благодарю, Ваше Величество!

— Нравится тебе прием, Алтер? — спросила герцогиня.

— Он просто… великолепен, Ваша Светлость.

Герцогиня слегка нагнулась к ней.

— Петра, как обычно.

Алтер покраснела.

— О, Петра, платье очаровательно!

— Ты удваиваешь его очарование.

— Петра, какова в сущности цель этого бала? — спросил Джон, в то, время, как Алтер просияла.

Герцогиня понизила голос:

— Прежде всего прощупать, какую финансовую помощь мы можем получить. Окончание войны поставило нас в очень стесненные условия.

— Особенно, принимая во внимание, что она, в общем-то, не кончилась, — комментировал Джон.

Петра вздохнула.

— Но мы должны делать вид, что она кончилась.

— Петра, я открою танцы? — спросил король.

Петра оглядела гостей и кивнула.

Король предложил руку Алтер.

— Вы не возражаете открыть бал с увечным?

— Ваше Величество… — Алтер глянула на Джона, и тот ласково кивнул ей. — Конечно, я не возражаю. Спасибо вам. — И она пошла рядом с королем.

Джон и герцогиня следили, как белое и бежевое приблизились к музыкантам.

— Хромота почти прошла, — сказал Джон.

— Он изо всех сил старается скрывать ее. Когда он танцует, вряд ли кто-нибудь ее заметит… хотя бы потому, что он король.

Горечь, на миг проявившаяся в ее голосе, удивила Джона.

— Алтер заметит, — сказал он. — Ее тренированное тело — удивительный инструмент.

Заиграла музыка, и кружащиеся фигуры акробатки и молодого короля открыли путь другим гостям, которые в свою очередь закружились парами на белых плитках пола.

Глаза герцогини были опущены, когда она снова подняла их, Джон увидел, как они блестят.

— Сегодня вечером мы хорошо маскируем рану Торомона, — тихо сказала она.

Музыка смолкла.

— Как мы выглядели? — спросил Лит, раскрасневшийся и чуточку задохнувшийся, когда они с

Алтер дошли до возвышения.

— Очаровательно, — сказала герцогиня.

Люди снова начали подниматься на возвышение для бесконечных официальных представлений, и Алтер быстро шагнула к Джону.

— Мы теперь пойдем, Петра. Надеюсь, что все будет хорошо.

— Спасибо, Джон.

— Доброго вечера, Ваше Величество.

— Доброго вечера. Прежде чем он кончится, мы еще раз станцуем с вами, Алтер.

— О, да, Ваше Величество.

Джон и Алтер сошли с возвышения.

— Ну и как оно — танцевать с королем? — спросил Джон.

— Он очень мил. Но мне гораздо веселее было практиковаться сегодня днем с тобой.

— Тогда потанцуй со мной сейчас.

Музыка заиграла танец смены партнеров. Алтер оказалась в кольце руки Джона, ее маленькая теплая ручка легла на его левую.

— Не отходи от меня слишком далеко, — прошептала она. — Я хочу вернуться к тебе, как можно скорее.

Поворот, приседание, разделились, снова сблизились… Музыка стала громче, Алтер отвернулась

от Джона, ее место заняла девушка в голубом. Он изящно поклонился и начал фигуру танца, еще раз глянув на Алтер. Ее новый партнер был мужчина королевского дома Брондов. Музыка снова стала громче, и через минуту Алтер снова повернулась к Джону.

— С кем ты танцевал?

— С дочерью промышленника. Он из Тилтонов.

— А с кем я танцевала?

— С графом Брондом. У него было семь жен. По-моему, парочку их он прихлопнул. Разумеется, это были несчастные случаи.

— Итак, это он? Несколько лет назад был какой-то скандал, связанный с аристократией… что-то о деле эмиграции — с материка… Говорили как раз о каком-то Бронде.

Джон кивнул.

— Видимо его привычки мало изменились. Голубая кровь Торомона не слишком крепка. Вспомни короля Оска. И королева-мать в конце концов угодила в лечебницу. Они оба были чокнутыми. Петра — исключение.

— Я так и думала, — сказала Алтер и отвернулась. Джон тоже повернулся к следующей партнерше.

Вдруг окна на западной стене посветлели, по полу метнулся свет. Женщины закричали, мужчины отступили назад, закрыв лицо руками. Раковины перестали звучать. Через мгновение музыку сменил страшный грохот. Затем он стих, и высокие окна снова потемнели.

Джон первым бросился вперед, Алтер была рядом с ним. Следом пошли посмотреть и другие. Джон распахнул тяжелую раму. Далеко среди городских башен дрожало пламя.

— Что вы…

— Это здание Медицинского Центра!

— Нет, нет, не может быть…

— Бомбят Медицинский Центр! Разве вы не видите?

Джон бросился обратно сквозь толпу. Алтер, придерживая юбки, пробивалась за ним.

— Джон, неужели это Медицинский Центр?

Он быстро кивнул ей через плечо. Петра перехватила их у другого окна.

— Джон! Вы видели?! — Она потрясла головой, как вспугнутый зверь, рыжие волосы разметались и в свете пламени стали еще ярче. — Времени нет, Джон. Поезжайте в Тилфар. Больше ничего не остается. Я поехала бы с вами, но кто-то должен остаться, чтобы помочь Литу держать

порядок в городе. Алтер, поедешь с ним?

Та молча кивнула.

— Если сможете остановить этого врага — остановите. Если обнаружите каким способом можно остановить его, скажите мне, и я остановлю. Джон, даже рапорты перестали поступать. Военные напуганы и готовы бежать.

— Можем мы взять Эркора? — спросил Джон. — Он был бы полезен нам.

Петра заколебалась и задумчиво опустила голову, но быстро подняла.

— Нет. Я не могу послать его с вами. Мне могут понадобиться его силы, чтобы выведать кое-что у Совета. Еще одна такая атака, как сегодня — и мы будем эвакуировать город. Нельзя подвергать население риску разлететься на куски. Совет уже в панике, и ничего не будет сделано, если я не приму все возможные меры.

— Ладно, — сказал Джон. Бальный зал вокруг них обезумел. — Мы пошли.

— До свидания, Петра, — сказала Алтер.

— До свидания, — сказала Петра, с неожиданной энергией пожимая ей руку. — Удачи вам.

Разговор в зале становился истерическим.

— Медицинский Центр, Джон, — сказала Алтер, — это значит…

— Это значит, что главный источник медицинской помощи для города отрезан. Будем надеяться, что не появится эпидемий, пока Центр не восстановят.

Они пошли сначала в квартиру герцогини. Им открыл Эркор.

— Я знаю, что случилось, — сказал он.

— Значит, лучший выход — ехать в Тилфар?

— Транзитная лента неисправна, по крайней мере, с этого конца. Бессмысленная конверсия оставила эту сторону бесполезной для посылки. — Говоря это, он достал из гардеробной два комплекта обычной одежды и подал им. — Не нужно ли еще чего-нибудь?

— Не думаю, — сказала Алтер, роясь в складках своей шелковой юбки. — Вот и все, что я хочу взять с собой. — Она вытащила сверток бумаг.

— Стихи Ноника? — Джон развернул сверток. — Читать, когда дело пойдет хило?

Алтер щелкнула застежкой на спине, и платье шелковым кольцом упало вокруг нее, она вышагнула из него, надела зеленую тунику, подпоясалась кожаным ремнем.

— Это я сниму, — она сняла жемчужные серьги, начала снимать ожерелье из раковин, но прикусила губу и пожала плечами. — Это оставлю.

Эркор протянул им сандалии, и они стали шнуровать их. Джон положил стихи в карман рубашки с трехчетвертными широкими рукавами.

— Я сберегу их для тебя.

— Да, я лишилась своих карманов, — засмеялась Алтер.

Зажужжал видеофон, и герцогиня объявила:

— Все королевские яхты отсутствуют. На пирсе вас ждет грузовое судно.

Через минуту они оставили квартиру герцогини. Когда они выходили из дворца, машины с открытым верхом развозили элегантных гостей. Плечом к плечу против равнодушной ночи Джон и Алтер пошли к окраине города.

ГЛАВА 7

Сирена все еще завывала в темноте. Лопнула водопроводная магистраль, и улицу залил блестящий поток.

Белая фигура, спотыкаясь, брела по мостовой. Мокрый край одежды хлопал по ногам. На седых слипшихся волосах что-то блестело. Когда фигура доковыляла до уличного фонаря, стало видно, что это полоса жести, зубцами вырезанная из

консервной банки и согнутая в обруч. Фигура повернулась к переулку и позвала кого-то.

Вышло несколько мужчин и женщин и неуверенно зашлепало по воде. Юноша с падающими на лицо волосами и надписью на пижаме «Палата 739» бессмысленно кричал и дергал себя за ухо.

Среди них началась какая-то возня. Все сгрудились вокруг странной пары: здоровенный мужчина в мокрых пижамных штанах схватил за плечо щуплого человека в мокром и перемятом костюме доктора и ударил его по затылку. Доктор упал на колени и повернул голову к высокой женщине.

— Послушайте, вы не понимаете, что вы больны… все больны… давайте, я отведу вас обратно…

Высокая женщина яростно закричала:

— Вели ему замолчать!

Мужчина ткнул доктора в спину и захохотал, когда тот шлепнулся в воду.

— Я не могу найти это! — вопила женщина, шаря в складках простыни, которая заменяла ей плащ. — Кто украл?

— Разве вы не знаете кто я такой? Как вы смеете так обращаться со мной?

Стоя на коленях в холодной воде, врач отчаянно

звал на помощь.

Из переулка вышел человек в резиновых сапогах и зеленом макинтоше.

— Эй, разойдитесь! — закричал он. — Очистите квартал, пока не починят магистраль! Быстро!

— У меня отняли *это*! — визжала женщина. — Его украли!

— Помогите, — кричал врач.

Полицейский подошел ближе.

— Что вы за типы, черт побери?

Высокая женщина быстро повернулась к нему.

— Знаете ли вы, с кем говорите? Эй, пусть он заткнется!

Бычьего сложения мужчина ударил полицейского кулаком в лицо и ребром ладони по шее, отволок бесчувственного к доктору, сунул их обоих лицами в воду и держал так.

Завывающий юноша взял с пояса полицейского что-то длинное и тонкое и направил эту вещь к небу, нажав кнопку на рукоятке. С двойного зубца энергоножа посыпались искры. Старуха сказала:

— Это явно не *оно*. Но все равно, неси его. *То* кто-то украл, но мы найдем его. Пошли дальше!

— Сюда, — сказал Джон, увлекая Алтер в переулок.

— А как насчет лопнувшей магистрали?

— Вряд ли будет глубоко. Но ведь почти все дороги к гавани блокированы. Идти в обход очень далеко.

— Ну, мы оба умеем плавать, — пожала плечами Алтер.

И они зашлепали по воде.

Завернув за угол, Джон вдруг остановился. Вдалеке послышалось шлепанье многих ног.

— Неды? — спросила Алтер.

— Пошли.

У следующего угла они опять остановились. Что-то двигалось к ним через улицу. Сначала это был белый огонь. Затем он стал энергоножом в руке парня в пижаме с надписью «Палата 739». За ним ковыляло с десяток людей. Но эти люди не походили на недов. Они не ожидали атаки, когда высокая женщина вдруг закричала, указывая на них дрожащим пальцем:

— Это, наверное, у них! Хватайте их, пока они не удрали!

Кто-то кинулся в ноги Джону и дернул их. Джон упал. Кто-то схватил Алтер за руку, другие — за плечи.

— Джон! — крикнула она, — посмотри на эту женщину!

— Боже! — воскликнул Джон. — Это же коро-

лева-мать!

— Но ведь говорили, что она в психолечебнице в… — И тут Алтер поняла, кто эти люди.

Взлетел кулак и Джон потерял сознание. Женщина в жестяной короне подошла к нему.

— Ты украл *это*! Где оно!? Отвечай! — Она выхватила у юноши энергонож.

— Ваше Величество! — закричала Алтер. — Умоляю вас!

Ее крепко держали за локти.

Лезвие остановилось в воздухе. Старуха повернула голову:

— Ты назвала меня Ваше Величество, значит, ты знаешь, кто я?

— Вы королева-мать. Не делайте ему вреда, Ваше Величество!

— Да… — женщина задумалась. — Да, правильно. Но… он украл это у меня. — Она снова взглянула на Алтер. — Да. Я королева… Но они, — она показала на людей вокруг, — не верят. Хотя они идут за мной, раз я велела, и делают, что я приказываю, потому что иначе я буду злиться, но они все-таки не верят. Видишь, у меня отняли корону, и я должна носить жестяную, и кто узнает во мне настоящую королеву?

— Я знаю, Ваше Величество! А что касается

вашей короны, то важна идея, а не предмет.

Старая женщина улыбнулась.

— Да, ты права.

Она потянулась к шее Алтер и коснулась пальцами ожерелья из раковин.

— Красивая драгоценность. Мне кажется, я помню ее. Может, у меня было такое? Ты, наверное, графиня или принцесса королевской крови, раз носишь такие драгоценности.

— Нет, Ваше Величество.

— Это же из моря. Значит, ты по крайней мере, герцогиня. Впрочем, благородная дама никогда не допытывается о ранге другой. Я забылась. Достаточно знать, что ты из нашей семьи. — Она снова повернулась к Джону. — Но этот человек, я знаю, украл *это*. Я убью его, если он не вернет мне это!

— Ваше Величество! — закричала Алтер. — Он мой друг и такой же благородный, как и я. Он ничего не брал у вас.

— Тогда кто же это взял?

— Что «это»? — рискнула спросить Алтер.

— Я… я не помню… у меня взяли корону, скипетр, даже мой… и я не могу нигде найти его! — она подняла выше искрящийся нож и снова повернулась к Джону. — Он украл *это*!

Руки, державшие Алтер, ослабили захват. Она ринулась к Джону и упала перед ним на колени, лицом к ножу.

— Ваше Величество, сделайте один порядочный поступок в своей жизни, не делайте зла этому человеку! Вы — королева. Не мне говорить вам, что не подобает королеве показывать такой гнев, если ей не нанесено оскорбления. Вы королева и должны быть милосердной.

— Я… королева? — старуха вдруг заплакала. — Я вспомнила! Это был портрет моего сына. У меня было два сына. Сначала украли младшего, потом убили старшего. Но у меня был его портрет в металлической рамке. Такие продавались в гаванях за полденьги. Но мне даже его не оставили. Все, все исчезло…

Лезвие упало в воду и укоротилось. Парень из палаты 739 поднял его. Королева, плача, пошла прочь, все остальные потянулись за ней.

Джон сел. Алтер прижала к себе его голову.

— Джон, ты не видел ее… Разговаривать с ней без крика было самым трудным делом в моей жизни.

Джон кое-как встал.

— Ну, я рад, что тебе это удалось. Давай пойдем побыстрее к этому проклятому судну. Ну,

успокойся.

Луна уже осветила море, когда они подошли к докам грузовых судов. Они поднялись на борт, и через несколько минут грязное судно вышло из дока. Они облокотились на поручни, на дрожащее отражение луны в море.

— Помнишь, мы читали стихи? — спросила она. — Какое мы не поняли?

— Что-то насчет одиночества. Я не помню начала.

— Я помню. — Она процитировала: —«Великое спокойствие также двусмысленно, маниакально и свободно, как великое отчаяние…»

Голос позади них продолжил, и они обернулись.

— …крик любимцев в разграбленной ночи, отвернись, поэт, к древним грезам, пока слезы падают в море при лунном свете… Дальше не помню.

— Где ты слышал это? — спросил Джон.

Матрос вышел из тени кабины.

— Мне сказал это мальчик с такой чудной парой. Он говорил, что сам написал это.

— Какой мальчик с парой?

— Ну, ему наверное, лет двадцать. Для меня мальчик. Они были здесь втроем. У мужика

больно уж занятная голова. Он больше сидел в своей кабине, а мальчик ходил повсюду, со всеми разговаривал, читал свои стихи.

— Видимо, Катам очень торопился, если уехал без какой-нибудь жизненной пены, — сказал Джон.

— Не удивительно, что нет записей, что их геликоптер ушел на материк, — сказала Алтер. — Они, наверное, спрятали его в городе, а сами сели на судно. Джон, он сказал, что Ноник ходил повсюду, болтал со всеми, возбужденный и довольный. Что-то не похоже на человека, жену которого только что…

— Я не сказал «довольный», — перебил матрос. — Скорее, истеричный. Он задавал вопросы странные. Но иногда ходил, отвернувшись от всех.

— Это уже больше похоже, — сказал Джон. — Давно это было?

— В тот самый день, когда бомбили министерство.

— Итак, они тоже отправились на материк, — сказал Джон. — Где они высадились?

— Там же, где через два часа будете и вы.

Они остановились за час до рассвета. Судно должно было взять груз днем, когда все пассажи-

ры высадятся.

— Никому не хочется ждать дневного света, — сказал матрос, — но здесь множество недов, а ночь — их время. — Он указал на темную груду неподалеку.

— Что это? — спросила Алтер.

— Цирковой корабль. Он возвращался из турне по материку. Неды напали на него, разграбили корабль и сожгли. Куча народу убита. Это случилось месяц тому назад. Я же говорю, здесь полно недов.

ГЛАВА 8

Каждый человек, идущий в какой бы то ни было завершенности, смотрит в определенном направлении. Из этого направления он приближается к каждому наблюдаемому случаю и разглядывает одну его сторону. Но кто-то другой, возможно видит другую сторону. Когда Алтер в Тороне кричала королеве-матери: «Сделайте один порядочный поступок в своей жизни», молодой нед, подошедший к ним раньше, повернулся и скрылся в ночи. Это был Кино.

Неизвестно, почему эта фраза из всего разговора так поразила парня из низов и осталась в его

памяти, в то время как весь эпизод показался ему одним из многих необъяснимых вещей, которые он видел на улицах. Он не узнал Джона. Он не связал невнятную речь с больничной одеждой. Но по собственным причинам он размышлял над этой истеричной властностью старухи, пока шел по набережной.

Он задумчиво вынул из кармана кусок мела и написал на остатках военного плаката на стене: «Ты попал в ловушку…»

— Кино?

— Джеф, — Кино обернулся.

— Значит, это ты пишешь этот вздор на стенах?

— Вроде того, — нахмурился Кино, думая, остаться или уйти. — Что ты здесь делаешь, Джеф?

— Это моя территория. Хочешь сказать, что я не могу ходить по ней?

— Нет, Джеф. Я ничего такого не думаю, — он положил мел в карман. — Ну, Джеф, ты когда-нибудь совершал порядочный поступок?.. Ну, сделал что-нибудь, чем мог бы гордиться?

— Я горжусь, — сказал Джеф, сжав кулаки.

Кино отступил, но продолжал:

— Чем гордишься, Джеф?

— Проваливай.

— Сейчас, минутку, Джеф, чем тебе, черт возьми гордиться? Никто тебя не уважает. Думаешь, после того дела с бабой Ноника парни считают тебя бугром? Не-а. Ты — маленькая обезьяна, такая маленькая, что, по их мнению, тебе и делать здесь нечего. Может, прямо сейчас их артель сидит где-нибудь и соображает, как взять тебя и разорвать на кусочки, вроде как ты уделал Ренну. Может, тебя уже ждут, обезьяна, и придумали, как выкурить тебя из твоей норы.

Все это было чистейшей выдумкой, но Кино, начав говорить, увидел шанс отомстить за друга.

— Чего ради ты мне это говоришь?

Кино пожал плечами.

— Просто люблю предупреждать людей. Я всегда это делаю, — он почувствовал, что его способность к блефу начинает падать. — Гляди в оба, — добавил он и пошел. Тот же страх, что заставил его придумать месть, стер легкий интерес к фразе Алтер. Он быстро шел по улице и думал: все равно, я напугал его! Осторожнее будет разгуливать!

Джеф остался один и снова сжал кулаки, обдумывая слова Кино.

— Я-то горжусь, — пробормотал он, и вдруг

лицо его исказилось. — Меня не найдут, — прошептал он и бросился бежать.

Через два квартала он остановился перед маленькой дверью в подвал. Он проскочил три ступени вниз и постучал кулаком во внутреннюю дверь.

В Адском Котле было несколько тайных лавочек, где воры могли купить энергоножи, похищенные у стражников, ворованную государственную взрывчатку, многое из оборудования, созданного для мнимой войны, исчезало при перемещении из одного склада в другой. Эти лавочки в основном работали по ночам.

Дверь приоткрылась… Джеф протиснулся внутрь. Через пять минут он уже вышел. В руке у него был латунный шар с кнопкой. Это была маленькая, но мощная граната. Однажды он бросил такую в окно крематория, менеджеры которого не захотели платить за защиту.

У своего лаза он остановился. Нет, здесь его первым делом станут искать. В этих переулках то и дело шастали другие неды, и его легко могут найти. Он пошел по набережной.

Ворота одного из пирсов были случайно открыты. В доке стояло только одно судно. Сходни не были подняты. Капитан этого баркаса был доста-

точно беспечен, чтобы уйти, ничего не закрыв. Видимо, там нечего было взять, подумал Джеф, поднимаясь на палубу. Когда он дошел до люка, над его головой пронесся воющий звук. Поднял голову и увидел за зданиями гавани далекий взрыв. Джеф быстро спустился в грязное отверстие. Опять бомбежка. Скоро взорвут весь этот проклятый город, думал он. Может, это отвлечет тех, кто преследует его — даст им возможность грабить. Он сел в сыром углу и положил гранату на колени. Пусть придут за ним сюда. Интересно, что там взорвалось?

Лит бежал в волне дыма. Дым разъедал горло, жег ноздри.

— Петра, где ты? — кричал он.

Из открытой двери справа лился яркий свет. Кто-то кашлял, они столкнулись.

— Лит, что делается?

— Бомбят, Петра. *Нас*!

Часть потолка и дальняя стена треснули. Свет погас, ветер погнал дым в их испуганные лица. Петра схватила Лита за руку и понеслась по коридору, а позади слышался рев падающего камня.

— Сюда! — она начала спускаться по лестнице.

— Нет, Петра! Пойдем другой дорогой!

Лист пластика упал со стены, за ним посы-

палась кирпичная кладка. Они повернулись к другой лестнице. Их страх усилился, когда они увидели на ступенях дворцового стража с разбитой камнями головой.

— Куда нам бежать, Петра? Все еще бомбят.

Как бы в ответ раздался грохот, пол задрожал, с потолка посыпалось стекло: разбился потолочный хронометр. В нижнем этаже кто-то визжал.

— Что с крылом Совета? — спросил Лит, когда они начали спускаться по следующей лестнице.

— Думаю, его бомбили в первую очередь, иначе мы были бы уже мертвыми. Идем отсюда, — они вышли на верхний балкон тронного зала.

— Петра! — Лит подошел к перилам и указал вниз, в зал. Горела всего одна лампа в конце зала. По залу шли люди.

Петра тоже подошла к перилам.

— Что они делают, Петра? Кто они?

Она нажала рукой на его плечо. Он пригнулся.

— Так быстро… — прошептала она. — Они уже здесь… так быстро…

— Кто *они*?

— Смотри.

Люди внизу с удивлением оглядываясь по сторонам, грабили. Один подбежал к окну, сдернул штору и обернул ее вокруг талии. Другой остано-

вился перед драгоценной инкрустацией на стене и стал ножом выламывать ее. Третий схватил что-то с пьедестала, на котором стояло несколько исторических статуэток, и поспешно спрятал за пазуху.

— Грабители, мародеры, вандалы, — прошептала Петра. — Неды!

Из дальнего входа в зал вошли еще трое: два старика и женщина. Их одежда была настолько же богата, насколько бедна у вандалов, но такая же рваная, пыльная, обугленная.

— Это члены Совета, — прошептал Лит. — Наверное, они бежали из крыла Совета.

Трое и вандалы секунду смотрели друг на друга. Затем человек со шторой шагнул вперед.

— Что вы тут делаете? — спросил он.

Оцепеневшие советники только теснее сдвинулись.

Говоривший, ободренный их молчанием, закричал:

— Вам тут нечего делать! Вы не убережете от народа то, что по праву принадлежит ему!

Советники растерянно покачали головами. Советник Тила нервно подняла руку к ожерелью из морских агатов. Советник Риллум ощупывал конец своего золотого пояса.

— Мы только хотели выйти из… — начал советник Сервин, собравшись с духом.

— Не выпускайте их! — закричал вандал. — Они разболтают! Не выпускайте!

И все разом кинулись на испуганное трио.

Затем один мужчина взмахнул в воздухе золотым поясом, а женщина подбежала к двери с ожерельем в руке.

Петра крепко сжала плечо Лита.

— Ох, Лит, неужели… нет, не может быть!

— Петра, ты, наверное, была права насчет аристократии. Может, это к лучшему, что она…

Петра резко повернулась к нему.

— Аристократия! В лучшем случае, это саргассы для всякого больного общества. Само его название требует его собственной смерти. Но она, по крайней мере, имела достоинство аплодировать собственному приказу о казни. — Она снова повернулась к перилам и заглянула вниз, где уже не было никого, кроме трех тел у подножия трона. — Но эти… нет, эти не такие… — она отвернулась.

— Даже в народе теперь исчезло всякое благородство.

— В лесу сказали бы, что исчезла всякая гистозентность.

Герцогиня вопросительно взглянула на Лита.

— Исчезло все человеческое, — перевел Лит.

Позади них раздались шаги.

— Они здесь. Это наверняка король!

Они не оглянулись, сбежали с балкона вниз и свернули в лабиринт коридоров.

— Мы их поймаем! Это всего лишь баба и хромой мальчишка!

Но их не поймали. Они знали дворцовый лабиринт, а грабители — нет. Наконец, они остановились в глубине маленького парка позади дворца.

— Теперь ты иди за мной! — вдруг прошептал мальчик.

— Куда?

Но он уже шел вперед, и она последовала за ним. Через дверь по мостику, под арку. Они шли вдоль стены авеню Устриц. Когда они дошли до домов-муравейников, она опять спросила:

— Куда мы идем? — и взглянула назад, где между шпилями города мелькали языки пламени.

— Идем! — он крепко взял ее за плечо. — Мы ничего уже не можем сделать, Петра. Прошу тебя, идем!

И они пошли.

Город охватила паника. Люди выскакивали из своих домов, иные забирались на крыши,

чтобы наблюдать за зрелищем. Войска боролись с пожарами, бушевавшими в центре города. На улицах стоял хаос, пользуясь всеобщим замешательством, Лит и Петра незаметно достигли набережной.

— Лит, куда мы идем? — в третий раз выкрикнула Петра и оглянулась на башни. — Эркор до сих пор где-то во дворце. Джон и Алтер пытаются попасть в Тилфар…

— …а ты ничего не можешь сделать, — закончил он за нее. — Пошли.

— Куда?

— К судам, Петра. Возьмем судно и отчалим. Здесь больше ничего нельзя сделать. И я так хочу! Если здесь нет ничего, что ты хотела бы сделать, то хоть раздели мое желание.

Впереди появилась группа оборванцев, и кто-то закричал:

— Посмотрите на их наряды!

Они повернулись и побежали. За ними неслись крики:

— Возьмем их шмотки! Это богачи! Отнимем у них барахло!

Ворота в доки были открыты настежь. Они бросились туда, вбежали по сходням, и, оказавшись на палубе, подняли их. Когда они бежали к рубке,

в воротах показались люди.

Петра замешкалась, глядя на них, но тут над палубой загудел мотор.

— Поднимайся сюда, Петра! Судно пошло.

Она отвернулась от фигур, стоявших у края пирса, и не видела, как трое прыгнули к борту, не видела, как четыре руки соскользнули с края палубы и два тела шлепнулись в воду, и две руки помогали этому, а затем на краю палубы показался локоть, темная голова, вторая рука. В это время Петра с Литом была у штурвала.

— Нет, Петра, не оглядывайся на город, смотри вперед! Куда поедем? К твоему острову? На материк! Или вообще к краю барьера и дальше? Мы пойдем туда, где никто еще не бывал, мы сами откроем новые острова!

Она не видела пригнувшуюся фигуру, которая прыгнула вперед, но остановилась, услышав их голоса, посмотрела по сторонам, увидела открытый люк. Босые ноги метнулись по палубе, мерцающей светом от горящих башен, и скрылись в люке.

— Петра, помнишь того мальчика, который рассказывал мне о восходе солнца над морем? Так вот, в его честь мы поплывем прямо в утро. Кто бы он ни был, мы поплывем в честь его!

— Сейчас ночь… — прошептала она и подумала: это не в честь кого-то, это просто эгоистический жест из тех многих, которые мы собираемся сделать, вроде бы позволяя всему рушиться…

— Но скоро… — шепнул он в ответ и подумал: разве ты не видишь, что нам осталось только спасать себя, сделать только этот жест, потому что все рухнуло и больше ничего нет…

Под палубой проснулся Джеф, приподнялся на локте и почувствовал биение мотора. Снаружи шипела пена, и он в ужасе подумал: не пришли ли за мной? И его рука сжала гранату.

В мерцании света через люк упала фигура, повернулась и на миг ее лицо оказалось на свету.

— Кино!

— Джеф!

Джеф нажал кнопку. На верфи все еще стояли фигуры, глазея на уходящее судно. Они увидели взрыв, и их лица вдруг осветились, как днем.

ГЛАВА 9

Ветер покатился по лесу, когда они спустились по зеленому склону.

— Не отдохнуть ли нам часок? — спросил

Джон.

— Может, хватит и полчаса?

— Пойдет.

Что-то блестящее упало в траву между ними.

— Не бросишь ли ты это обратно? — спросил кто-то из кустов.

Джон наклонился и поднял металлический кружок.

— Вот он. Получай.

Рука раздвинула ветки и человек вышел. Возраст его трудно было определить. Он был без рубашки, в одних рваных штанах, подвязанных на поясе, при ходьбе слегка приволакивал ногу. Одно плечо как-то сгорблено, правая рука вяло болталась. Волосатая грудь сместилась, когда он потянулся к кружку здоровой рукой. Но Джон решил рассмотреть его вещь. Это была медаль с изображением нескольких зданий перед пиком, из-за которого сияли солнечные лучи. По нижнему краю шла надпись:

ГОРОД ТЫСЯЧИ СОЛНЦ

Джон протянул медаль человеку. Широкие сильные пальцы взяли ее.

— Значит, вы хотите отдохнуть? Как насчет чистых простыней, толстого матраца на пружинах,

и все это в комнате, окрашенной в светло-зеленый цвет, в которую не проникают никакие звуки, а утром в окно заглядывает солнце…

— Хватит тебе, — сказал Джон. — При их крайней усталости этот дружеский треп причинял физическую боль. — Зачем треплешься?

— Пошли, если хочешь отдохнуть, — сказал человек и пошел обратно в кусты.

— Куда?

— Ты же прочел надпись.

Они лезли по камням, пробивались через кусты. Утренний туман был чрезвычайно плотным, но когда они наконец прошли сквозь листву, яркий свет загорелся на их лицах. Они стояли на маленькой скале. Когда золотистый туман внизу рассеялся, они увидели озеро между горами. На берегу озера люди строили… город. Художник, вырезавший изображение на медали, несколько идеализировал его. На диске Джон не мог разобрать, из чего построены здания. Оказывается, большая часть их была деревянной. И много зданий добавилось после того, как был вырезан диск.

— Что это за место? — спросила Алтер, глядя со скалы вниз.

— Уже сказано — Город Тысячи Солнц. Он еще

строится. Недавно начали.

— Кто его строит? — спросил Джон.

— Неды, — сказал их проводник. — Недовольные. Только эти неды недовольны другими недами так же, как и всем остальным в этом хаотическом мире. — Они тем временем спустились со скалы на мягкую траву. — Всего несколько лет назад они пришли в лес и стали строить у озера свой город.

— А почему его так назвали?

Гид пожал плечами и хмыкнул.

— С передачей материи, тетроновой энергией, гидропоникой и аквариумами Торомон имеет достаточно научного потенциала, чтобы производить пищу, жилье, оплачивать и увеличивать рабочие места, для всего своего населения, а также и достигнуть звезд. И вот маленькая кучка людей начала организовывать это. Любой желающий может приложить руки. Пока еще здесь очень примитивно, но отдых вам дадим. Тысяча Солнц — это звезды, до которых люди когда-нибудь дотянутся.

— А почему ты вышел встретить нас? — спросил Джон.

— Если бы ты шел прямо к городу, я мог бы и не встречать тебя. Но, продолжая идти так, как ты

шел, ты прошел бы мимо города ярдах в четырехстах. Нельзя полагаться на случай.

Они пошли по пыльным улицам города. На углу насос откачивал воду в сливное отверстие. С ним работала женщина в комбинезоне с маленьким ацетиленовым факелом. Когда они проходили мимо, она сдвинула защитные очки и улыбнулась. Они прошли в башню коммуникаций, где человек на земле выкрикивал инструкции человеку на антенне. Человек наверху был в военной форме. Оба мужчины повернулись и помахали гиду.

Сквозь широкое пространство между домами Джон увидел поля, где работали люди. В другом направлении было озеро, и два человека — неандерталец и лесной страж — вытаскивали из воды блестящую сеть.

Порядок, подумал Джон, но не как слово, а как восприятие, которым человек мог бы ощутить размер прекрасного стихотворения. Алтер взяла его за руку. Глядя в ее широко раскрытые глаза, он понял, что она чувствует это тоже.

Через улицу прогрохотала повозка, толкаемая лесным стражем, двумя мужчинами и женщиной, и остановилась у большого здания. Из него с шумом и смехом выбежали ребята в рабочих

фартуках. Инструктор подозвал мальчика-стража, и тот наклонился над мотором повозки. Он сделал что-то не так, класс захохотал, и мальчик засмеялся тоже. Затем он сделал что-то, и мотор зажужжал.

— Пошли, — сказал гид, и они пошли дальше.

— Кто правит этим городом? — спросил Джон.

— Вы встретитесь с ним, когда отдохнете, — сказал гид.

Теперь они шли мимо лужайки, где группа людей сидела на скамейках или бродили вокруг.

— Это новички, — объяснил гид. — После отдыха вы придете сюда и поговорите с нашими лидерами.

Молодой солдат на скамейке достал из кармана горсть монет и выложил квадрат с одним недостающим углом. Когда он бросил монету в этот недостающий угол, один из ребятишек, шнырявших поблизости — плотный неандертальский мальчик — отошел от своих друзей и подобрался поближе к солдату. Солдат улыбнулся.

— Хочешь попробовать? — спросил он. — Это игра слумат, мы играли в нее в армии. Видишь, когда я бросаю монету в этот угол, с другой стороны вылетают две монеты, и мы пытаемся угадать, какие вылетят.

— Я знаю эту игру, — сказал мальчик.

— Не хочешь для смеха сыграть пару раундов?

Мальчик подошел к скамейке и достал что-то из заднего кармана. Это был выверенный полукруг с металлической линейкой, вращавшейся вокруг его центра. Мальчик поместил инструмент по диагонали квадрата и определил угол. Затем измерил расстояние, взял свободную монету и присел на корточки, чтобы метать.

— Три и пять, — сказал он, называя монеты, которые, как он загадал, должны выпасть. Он метнул монету, и из дальнего конца вылетели три монета и пять. Он снова составил квадрат, второй раз измерил и сказал:

— Два и пять.

Метнул и выпали два и пять.

Солдат засмеялся и почесал в затылке.

— Что ты делаешь с этой штукой? — спросил он, когда мальчик снова стал измерять. — Впервые вижу обезьяну, которая играет так здорово — прямо как страж.

— Один и семь, — сказал мальчик, и выпали один и семь. — Я просто проверяю угол перемещения линии удара.

— А?

— Вот смотри, — начал объяснять маленький

неандерталец. — Монета, которую ты бросаешь, имеет вращение, скажем, омеги, которой в большинстве случаев можно пренебречь, так что тебе не надо беспокоиться насчет вращающего момента. То же самое относится к ускорению, пока оно достаточно сильно, чтобы выбить две монеты, но не настолько сильно, чтобы разбросать всю матрицу. Назовем его константой К. Единственное, что имеет значение — это угол перемещения тэта, от диагонали матрицы по линии толчка. Как только ты воспринял это правильно, результат есть простой вектор сложения силы, взятый через все возможности пятнадцати…

— Постой-постой… — сказал солдат.

— Эта игра не должна бы называться слуматом, — заключил мальчик. — Если ты правильно воспринял все факторы, никакой случайности не будет вообще.

— Это слишком мудрено, — засмеялся солдат.

— Вовсе нет, — возразил мальчик. — Просто думай, как будто ты учишься в школе. Ты здесь тоже пойдешь в школу?

Джон, Алтер и гид остановились послушать. Джон шагнул на лужайку и тронул мальчика за плечо.

— Кто сказал тебе это? — спросил Джон. — Кто

показал тебе, как это делать?

— Женщина. Женщина с мужчиной, у которого такая голова…

— У нее черные волосы? А у мужчины сквозь половину лица можно заглянуть внутрь головы?

— Правильно, — сказал мальчик.

Джон поглядел на Алтер.

— Они здесь, — сказала она.

— Пожалуйста, идемте со мной, — сказал гид. — Вам нужно отдохнуть, иначе вы свалитесь.

— Они здесь — повторил Джон, оглядываясь вокруг.

Им отвели комнату в маленьком доме, удобную, зеленую, и когда они проснулись, был вечер, и листья стучали в окно.

— Вот это да! — сказала Алтер лесному стражу, разговаривающему с ними в этот вечер. — Я и подумать не могла, что увижу такое место в нашем мире. Оно как с другой планеты. Каким образом люди приходят сюда?

— Они слышат об этом месте. Есть люди, которые ходят по всему Торомону, и есть стражи-телепаты. Нам здесь очень нужен умелый народ, но мы медленно получаем его.

— А где моя сестра и Катам? Когда мы их увидим? Надо немедленно поговорить с ними. Мы

приехали из Торона. Нас послала герцогиня Петра от имени короля.

— Мы знаем, что они здесь, — добавила Алтер. — Мы говорили с мальчиком, который видел их.

— Их здесь нет, — сказал страж. — Они были здесь некоторое время назад. За время своего пребывания Кли прочитала несколько лекций по новейшей математике и вела несколько элементарных классов. Тот мальчик, наверное, учился в таком классе. Рольф оказал большую помощь в оценке нашего экономического положения и назвал несколько путей для решения проблем, с которыми мы начали сталкиваться, но они здесь были недолго и ушли.

— Куда?

Страж покачал головой.

— Они сказали, что надеются вернуться.

— Джон, скажи ему про врага…

— Компьютер в Тилфаре? — спросил страж. — Мы знаем, что он свихнулся. Они, наверное, пошли туда.

— Это и наше назначение тоже, — сказал Джон, — если мы не найдем их.

— Почему бы вам не остаться здесь?

— Мы приняли на себя обязательства покон-

чить с компьютером.

Помолчав, страж сказал:

— Известно ли вам, что король, герцогиня Петра, большая часть советников и некоторые другие члены королевской семьи погибли?

Они оцепенели.

— Торон снова бомбили, и очень сильно. Королевский дворец разбит. Три четверти городского населения уничтожено. Идет беспорядочная эвакуация на материк. Рапорт пришел сегодня утром, когда вы спали.

Они гуляли по берегу озера и смотрели на горы.

— О чем задумался? — спросила Алтер.

— О тебе и о себе. — Теперь только это и осталось. Алтер, ты любила того мальчика, который подарил тебе ожерелье?

— Я очень любила его. Мы были хорошими друзьями. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что хочу жениться на тебе. Ты мой друг. Будешь ли ты любить меня?

— Да, — прошептала она. — Да.

Он притянул ее к себе, и она обняла его за талию.

— Жениться и остаться здесь, — сказал он. — Алтер, если там ничего не осталось, правильно

ли это будет? Я ничего не понимаю.

— Я хочу выйти за тебя, — она сделала паузу. — Джон, если это имеет значение для чего-то там — я тоже не понимаю. Но это единственное, чего я хочу.

— Тогда поженимся.

В этот же вечер они спросили на счет брачной процедуры в этом городе и на рассвете были обвенчаны на каменной платформе на берегу озера.

ГЛАВА 10

В то время, как они сидели на лужайке с новичками в ожидании начала ориентировочной беседы, воздух прорезал вой самолетов. Все посмотрели в облака. Звук усилился, и у Джона пошли по спине мурашки. Кто-то вскочил. Но затем звук ослабел, и все нервно переглянулись. Вскочивший покачал головой.

— У меня живот сводит каждый раз, когда я слышу эти проклятые самолеты. Гадай теперь, куда они летят. — Он снова сел. — Может, мне следовало бы радоваться: я был при бомбежке каторжных рудников, если бы не это, меня бы здесь сейчас не было. Но все-таки…

— Значит, рудники бомбили? — спросил Джон.

— Пару дней назад.

— Как вы попали на рудники? — спросила Алтер.

— Из Котла в яму. Довольно простая история. Взяли за дело, — он улыбнулся и явно не хотел углубляться.

— Я не собираюсь любопытствовать, — сказал Джон, — но какие они сейчас, рудники?

— Какие? Если здесь найдется какая-нибудь жидкость, мы с тобой вечером выпьем и я расскажу. А трезвый не могу.

— Видишь ли, — сказал Джон, — я знал одного… который был когда-то в рудниках, и я хотел бы знать, что там было.

— Понятно. Кто он?

— Кошер. Ты знал Джона Кошера?

— Ты его знал? — в голосе человека прозвучало удивление. — Парня, который удрал несколько лет назад. Ты знал об этом?

Джон покачал головой.

— Ну, так я расскажу тебе. Я попал в тюрьму примерно за полгода до того, как Кошер убежал. Я не знал его, хотя потом ребята говорили, что его место в столовке было за два стола от моего. Но я его не помню. И не работал с ним. Но помню, как

это произошло. Ночью вдруг заорали офицеры снаружи. Завыла сирена, кто-то застучал в дверь барака. Нас всех выгнали на дождь и полчаса делали перекличку. Пошли разговоры, что трое парней пытались сбежать. Стража нам ничего не сказала, но мы понимали, что такой шум неспроста. А на следующее утро, когда мы вышли на поверку, в грязи лежали два трупа. Затем начались разговоры: бежало вроде трое, значит, один все-таки ушел. Как по-вашему, поймают его? Кто это? Может, мальчишка Кошер? Вроде его в грязи не было. Но, может, он исчез по другой причине? Ну, и все такое.

Недели через две была вторая попытка побега. Их схватили еще до старта. Офицер сказал: «думаешь ли ты, что делаешь?», а парень усмехнулся и говорит: «Я хотел найти Кошера». Ну, ему свернули челюсть. И все вдруг заговорили о Кошере. Начались всяческие рассказы о нем. Чтобы прекратить разговоры, нам сказали, что он умер, что он заблудился и вышел к радиационному барьеру и там спекся, поэтому его тело и не принесли. Но это произвело обратный эффект — никто не поверил, только смеялись. И даже два дня тому назад, когда рудники бомбили, и все мы боялись смерти, кое-кто посмеивался и говорил:

«Может, мы все-таки найдем Кошера», — человек помолчал. — Так что ты знаешь о нем?

— Только то, что он спасся от радиационного барьера.

— Он вернулся в Торон?

— Я… там встретил его.

— И с ним все в порядке?

Джон кивнул.

— Это хорошо, — сказал человек. — Может, он когда-нибудь придет в город Тысячи Солнц и мне удастся самому встретиться с ним. — Он оглянулся вокруг. — Это такое место, куда он должен прийти. Он что-то значит для тебя? Ты ведь знал его, а мы нет. — Он засмеялся. — Я подумаю об этом.

— Я тоже, — сказал Джон и отошел.

Через лужайку к ним шел неандерталец.

— Привет, друзья! Думаю, что увижу вас здесь, когда вернусь. Сначала я думал остаться здесь, но потом решил идти дальше. — Неандерталец был в солдатской одежде.

— Почему ты не хочешь остаться? — спросила Алтер.

— Как я объяснил стражу, у меня есть дела со своим народом.

— Какие дела? — спросила Алтер.

Неандерталец протянул ей руку.

— Меня зовут Лог. А вас?

— Я Алтер. А это мой муж Джон.

— Рад встретиться с вами обоими. А делать я собираюсь вот что: мой народ еще не здесь. Я хочу научить его тому, чему научили меня. Может, я уговорю их прийти сюда и научиться большему? Эти чертовы самолеты могут прилететь и сюда. Здесь очень приятно, но не безопасно. Ну, я увижусь с вам, когда вернусь. — И он пошел дальше.

Через минуту Алтер спросила:

— Джон, ты хочешь остаться здесь?

— Нет. Я хотел жениться на тебе, но меня почему-то смущает покой и отдых, и все это, — он обвел рукой вокруг. — Нас выкинули из одного мира и бросили в другой, но они оба граничат друг с другом. Это небезопасно. Я хочу идти в Тилфар и остановить компьютер, если смогу. Ты хочешь пойти со мной и помочь?

Она кивнула.

— Мы тоже вернемся, — сказал он. — Это как раз то место, куда следует вернуться, когда мы закончим.

— Пойдем, скажем им, — ответила Алтер.

Через час они снова смотрели на озеро со скалы. Кто-то сказал:

— Не хотите ли кое-что на память об этом месте?

За ними, укрывшись в камнях, был их бывший гид.

Он бросил им медаль.

— Прицепите ее к своему ожерелью, молодая леди. Смотрите на нее иногда и вспоминайте нас.

Пока Алтер поднимала диск, человек исчез. Она еще раз посмотрела на город Тысячи Солнц.

— Надеюсь, что мы вернемся, — сказала она.

— Тогда пойдем дальше.

Днем они увидели с края оврага группу оборванных людей, осторожно идущих вдоль потока.

— Кто они? — спросила Алтер.

— Бывшие заключенные, — тихо ответил Джон.

— А я было подумала — неды… Джон, это женщины!

Он кивнул.

— В шахтах работало много женщин.

Теперь они слышали голоса. Одна женщина споткнулась и упала. Другая помогла ей подняться и слегка погладила по коротким волосам.

— Шагай, шагай, малышка, иначе мы никогда не найдем Кошера.

— Надо бы спуститься и показать им дорогу в город, — прошептала Алтер.

Джон удержал ее за плечо.

— Поток впадает в озеро. Они идут прямо к городу.

Женщины скрылись за деревьями, а Джон и Алтер пошли дальше.

Деревья постепенно редели, когда пара приближалась к лавовым полям. Однажды их остановил грохот за деревьями. Они укрылись за поросшим кустарником холмом. Давя зелень, мимо прокатился танк.

— Наверное, это последнее отступление от «врага». Танки были запасены здесь для войны, и теперь возвращаются, — сказал Джон.

— Как ты думаешь, компьютер их уничтожит?

Вслед за первым прогрохотал другой танк.

— Похоже, что у нас не много шансов, — задумчиво сказал Джон.

Примерно через час они прошли мимо группы стражей с рубцами телепатов. Они сидели на голубой поляне. Никто даже не поднял глаза на идущих.

— Ты думаешь об Эркоре? — спросила Алтер через некоторое время.

— Угу.

— Может, они знают, жив ли он и где.

— Узнаем, когда пойдем обратно.

Вечером они увидели на горизонте зарево, более бледное, чем закат, сверкающую дымку на закате. Они прошли мимо древних скелетов древних деревьев, безлистых, почти окаменевших.

Вдали показался силуэт города. Башня за башней вставали в перламутровом тумане. Сеть дорог вилась вокруг шпилей. Транзитная лента, идущая из города, шла в полумиле от путешественников и исчезала в джунглях позади них. Тилфар. Они пошли по дороге, поднимающейся к городу.

— Как ты думаешь, здесь осталась какая-нибудь армия? — спросила Алтер.

— Скоро узнаем. Я все размышляю, каким образом компьютер защищает себя. Видимо, он получил множество дистанционно управляемых механизмов, работающих на него, и это означает, насколько…

Впереди раздался грохот. Из тени башен возник танк, подобный тем, что они видели раньше, но с антенной на крыше. Он полз к ним, как гигантский жук.

— К краю дороги, — прошептал Джон. — Ты влево, я вправо.

На танке спереди было написано, белыми буквами:

«Ты попал в ловушку, в тот яркий миг,
когда узнал свою судьбу.»

Как только они разошлись по сторонам, танк остановился. Антенна перестала крутиться и закачалась вправо и влево. Мужской голос, удивительно знакомый, окликнул:

— Джон, Алтер!

Из танка вылезла фигура молодого человека. Джон узнал в нем того, кто провожал их в Город Тысячи Солнц. Позади него в танке были Катам и Кли.

— Что вы здесь делаете? — спросил Джон, оправившись от изумления. — Вы пытаетесь остановить компьютер?

Кли покачала головой.

— Тогда, что?

Катам стоял в прозрачном куполе танка, сказав:

— Мы работаем.

Джон и Алтер с недоумением смотрели на них. Кли повернулась и пошла к Рольфу. Джон и Алтер вопросительно глянули на их бывшего гида.

— Кли хочет закончить свою объединенную

теорию поля, а Рольф кладет последние штрихи на свою историческую интерпретацию случаев индивидуальных ментальных систем. В банке памяти компьютера сотни тысяч психосхем буквально всех людей, имевших какое-нибудь отношение к войне.

ГЛАВА 11

— А вы кто? — спросил Джон, уже догадываясь.

— Я Вал Ноник, а тех двоих вы знаете.

И тут Джон увидел, что его сестра и Катам вышли из танка. Он сказал им:

— Мы пришли из-за компьютера.

— Поехали с нами, — сказал Рольф, — мы доставим вас к компьютеру.

Они забрались в танк. Кли сжала руку Алтер.

— Я так рада видеть тебя!

— Есть несчетное количество атомных и астрономических сведений, которые надо обрабатывать, прежде чем Кли узнает, верна ли ее теория, и делать это, конечно, надо здесь, где находится самый большой компьютер планеты, — сказал Ноник.

— А ты зачем здесь? — спросила его Алтер.

— Приемо-передаточная станция! — сказал

Джон. — Тебе и Катаму были вживлены в глотку коммуникаторы? Зачем они? Их выявили сразу же после твоего ухода из университета.

Ноник тихо засмеялся.

— Это спасло мне жизнь. — Здоровой рукой он поднял недействующую. — После того, что сделали со мной, после того, что сделали с ней… — голос его прервался, Кли и Катам с тревогой огляну-лись, но голос вернулся. — Катам работал над своей теорией, но оставался в университете, и следовательно, был оторван от большей части Торомона. И случилось так: он создал большую теорию общества и психологии, а некий уличный парень, ничего не знающий ни об обществе, ни о психологии, пришел и сказал: «Слушайте, вы забыли то-то и то-то в своей работе». Этим улич-ным парнем был я. — Он засмеялся и обратился к Катаму: — Я убедил вас, что вы не сказали ничего слишком глупого во всей вашей абстракции, верно, Рольф?

— Более или менее, — отозвался Рольф. — И хотел знать точку зрения кого-нибудь, кто был бы явно вне общества — такого вот блестящего лидера недов, который, как поэт, был довольно точным наблюдателем, и на его точке зрения проверить свою. Ты мне очень помог, Вал.

Поэт снова засмеялся, но смех снова закончился напряженной неуверенной нотой.

— Ты знал Кли в университете? — спросила Алтер.

— Нет, только ее работы. Она опубликовала несколько статей в математическом журнале, кажется, о случайном распределении простых чисел. Очаровательно. Прекрасно! Как ни странно, мы можем точно сказать, какой процент простых чисел будет между любыми двумя числами, но не можем вывести формулу для того, чтобы точно предсказать, где они, иначе чем методом проб и ошибок. И предсказуемо, и непредсказуемо. Вроде как нерегулярность в стихотворении… — и он вдруг тихо зашептал: — Она была прекрасна…

Рольф и Кли снова с беспокойством взглянули на него.

— Ну да, — сказала Кли. — Он мог бы сказать, что мы были знакомы. Он читал мои статьи, а я кое-что из его стихов. Он отпечатал некоторые, и они ходили по университету. Стихи были прозрачные, очень чистые и ясные, — она подчеркнула эти слова, как бы желая вывести его из задумчивости, но он по-прежнему смотрел под ноги, — и приводил в порядок дикие и разбросанные вещи, близкие мне.

— Вот мы и прибыли, — объявил Рольф.

Одна стена помещения была занята циферблатами, громкоговорителями, катушками лент. Несколько компьютерных консолей стояло на полу.

— Это одна из контрольных комнат для компьютера, — сказал Рольф. — Это сделано для моей работы, а для Кли — дальше по коридору. Сама машина занимает несколько зданий к западу. Их отсюда видно в окно. Военные полностью ушли из Тилфара. Остались только мы.

— Как машина защищает себя? — спросила Алтер.

— Абсолютно адекватно, — ответил Рольф, подошел к стенному шкафчику и вынул гаечный ключ. — Это в чисто демонстрационных целях, — сказал он. — Ты понял?

Из репродуктора послышался голос:

— Я понял.

Вдоль стены стояло несколько видеоэкранов. Рольф неожиданно швырнул ключ в один из них. Но с экраном ничего не случилось: ключ остановился в воздухе, вспыхнул сначала красным светом, потом белым, а затем исчез.

— Видите, компьютер сумел захватить весь город, опутать его индукционными полями. Вы

находитесь под его постоянным наблюдением внутри его границ. Он саморемонтирующийся, и в его цепи встроен растущий потенциал. Люди не учли одной вещи, и он узнал о ней от тех мозговых схем, которые он запас: у человека в мозгу встроен контур самосохранения — я думаю, это лучший способ описания. Это чертовски важный контур, но никто никогда не думал сдублировать его в машине. Но эта машина включила его в себя, пока «росла». Она запрограммировала себя игнорировать любую программу, заставляющую себя прекратить функционирование…

— Вроде того, как вы игнорировали бы чей-то приказ упасть мертвым, — вставил Вал.

— Когда люди пытались выдрать этот контур, машина стала сопротивляться.

— А, если к примеру, лицо, приказывающее вам упасть мертвым, наставит на вас энергонож, когда вы не подчинитесь? — спросил Вал.

— Сначала это была просто защита, сопротивление попыткам демонтажа, иногда с решительными результатами. Но от всех тех воюющих мозгов компьютер усвоил, что если угрожают один раз, то будут угрожать и снова. И он методически отражал эти угрозы. Теперь он отталкивает все, что считает угрожающим действием, а после

трех-четырех угрожающих действий из одного источника будет стараться уничтожить этот источник.

— А как насчет вас? — спросил Джон. — Почему вы все еще здесь?

— Мы прибыли как раз перед тем, как ушли последние военные. Они были в таком отчаянии, что позволили нам управляться с компьютером.

— Но почему он не выкинул вас вместе с ними?

— Это очень неточное определение, — сказала Кли. — Но он страшно одинок. Мы были единственными, кто мог дать ему над чем думать, дать то, что близко его способности управлять. Он создан для работы на определенном уровне, и его контуры самосохранения хотят, чтобы он продолжал работать на этом уровне. Теперь ему есть что делать.

— Если он вас любит, не можете ли вы ему сказать, чтобы он прекратил бомбежку?

— Это не так просто. Вся его информация о Торомоне взята из ментальных схем солдат, которыми он маневрировал во время войны. Все эти солдаты были доведены специальной программой Торомона до нервоза, до психоза. Компьютеру не было нужды каталогизировать и сопостав-

лять всю эту информацию, и она действительно действовала на него, как подсознательная травма. Вот он и функционирует, как психический больной.

— Продолжим аналогию, — сказала Кли. — Проблемы, которые мы с Рольфом поставили перед компьютером, имеют самое близкое отношение к психотерапии. Сравнивая ментальные схемы, он наблюдает болезненную непоследовательность, и получает большое облегчение, занимаясь моими расчетами. Просто заняв его, мы сумеем понизить его разрушительные действия больше, чем сделали военные за все время своего пребывания здесь.

— Значит, ответ только в том, чтобы найти ему проблемы для разрушения? — спросил Джон.

— Опять-таки не так просто. Кли и я работали над формулировкой этих двух проблем не один год. То, что вы обдумывали за неделю или за месяц, машина пропустит максимум за несколько минут. Сегодня мы должны закончить, и я не знаю, что произойдет потом.

Ноник засмеялся.

— Я как раз собираюсь поболтать с ним.

— Это такая вещь, которая, похоже, займет его, — сказала Кли. — Послушав Вала, он займет-

ся полным звуковым и синтетическим анализом всего, что Вал скажет, и сравнит его со всеми знаниями, которые он собрал.

— Но я не останусь, — сказал Вал. — Это единственная проблема, не так ли, Кли? — он подошел к окну и открыл его. — Иногда я должен ходить хотя бы вокруг города, а то и уйти, вернуться в Город Тысячи Солнц или пойти дальше, посмотреть. Я не могу удержаться… — он внезапно шагнул из окна на дорогу и исчез.

— Он прошел через Ужас, — сказал Рольф.

— Кли, — сказала Алтер, — ты тоже потеряла того, кого любила, но ты же пережила это.

— Да, я пережила это, поэтому я знаю, как это ужасно. Прошло три года, прежде чем я снова была готова встать на путь человека. В этом смысле Вал поступил много лучше: он по-прежнему пишет стихи. Но он полностью в смятении, бессмысленном, хаотичном. — Она помолчала. — В мире случайностей.

— Ты однажды сказала маленькому неандертальцу, что если осознать все факторы, то элемент случайности исчезнет, — сказал Джон.

— Вы думаете, мы не пытались говорить Валу об этом? — спросил Рольф.

— Он посоветовал предсказать следующие про-

стые числа, и засмеялся, — сказала Кли.

— А его стихи? — спросила Алтер. — Они стали лучше или хуже прежних?

— Не могу сказать, — помолчав, признался Рольф. — Наверное, я слишком близок ему, чтобы судить.

— Их стало куда труднее понимать, — сказала Кли. — Но в какой-то мере они стали проще. Они содержат гораздо больше объективных наблюдений, но значение сопоставления или воображения эмоционального тона так запутано, то ли…

— …то ли от безумия, — закончил Рольф.

Вечером Джон и Алтер гуляли по темнеющей спиральной дороге. Они поднялись на верхние и оказались над всеми домами Тилфара, кроме центрального дворца. Город под ними тянулся к равнинам, а равнины к горам, которые все еще горели слабым светом радиации по зазубренным краям. Они заметили неподалеку фигуру, наклонившуюся над оградой и тоже глядевшую в город.

— Вы искали меня? — спросил Ноник.

Джон покачал головой.

— «Враг» временами ищет меня, — сказал Ноник. — Я иду гулять, думаю, что убежал, и вдруг

слышу голос ниоткуда, говорящий мне, что я ему нужен… — он резко засмеялся. — Это звучит дико, верно? Но я говорю о реальной вещи. — Он повернулся и сказал громко: — Как ты чувствуешь себя сегодня, старый потомок металлических насекомых и селеновых кристаллов?

Из ночи пришел звучный голос:

— Я чувствую себя прекрасно, Вал Ноник. Но сейчас ночь, а не день. Это имеет значение?

Ноник снова повернулся к ним.

— Всякий раз догонит. С ума сойти, а? Захватил весь этот город проклятый. Пользуется индукционными полями где-то в миле ниже, чтобы сотрясать металлическую ограду в вибрации речи, так что вся ограда становится громкоговорителем.

— И он зовет тебя? — спросила Алтер.

— Он? Тысячи, тысячи мертвых людей, зажатых в миллионе транзисторов, обструганных и отполированных, сведенных в один голос — зовут меня. Этому голосу трудно не ответить. Но иногда мне хочется уйти туда, где я могу молчать.

— А еще кто-нибудь зовет тебя? — спросил Джон.

Ноник непонимающе посмотрел на него, снова засмеялся, но на этот раз тихо и спокойно, и по-

качал головой:

— Нет. Я, видите ли, шагнул дальше Кли и Катама. Простые числа, последняя теорема Ферма, или проблема четырехцветной карты, или божественные законы — все это не имеет значения. Да, мы знаем все об исчезновении случайности, но в то же время оказывается, что мы по-прежнему имеем с ней дело. Так что, идея случайности есть философское орудие, такое, как Бог, Абсурд, Существование, Смерть. Это не вещи, они имеют названия, какие мы произвольно даем всему: точильные орудия для лезвия восприятия, которым мы поражаем реальность.

— А как насчет твоих стихов? — спросил Джон. — Кли и Рольф не могут сказать, лучше они стали или хуже.

— А я могу, — ответил Ноник. — Они лучше, чем я писал или мог бы написать раньше. И это самое ужасное, о чем я должен думать. Поэзия как и все, что делает человек, даже в этом городе, восстает против смерти. Но вы видели когда-нибудь медленно умирающее животное? В процессе умирания оно осознает, как то, что его гибель неотвратима, так и то, что оно еще живо, и его крик поднимается на октаву выше с невообразимой энергией. Это и есть мои теперешние

стихи. Рольф и Кли не понимают их, потому что они мало слышали и музыки, звучащей в этом ряду… — он помолчал и улыбнулся. — А может быть, и потому, то я в самом деле безумен.

Моя жена была художницей. Мы любили друг друга и имели друг о друге ясное представление, по крайней мере, в нашем искусстве. Наши родители не признавали его вообще. Музей Торона купил папку ее рисунков — семь были исключены как непристойные, а Королевское общество собиралось издать мою первую книгу при условии, что я уберу пять стихотворений, в которых «чрезвычайно подчеркивались некоторые печальные аспекты общества, включая слабость и распущенность правительства». Мы услышали о Новом Городе на материке и хотели поехать туда. Мы собирались уехать ночью, потому что мой друг, работавший в правительственном офисе, задерживал, насколько мог, ордер на мой арест, в результате которого я мог бы попасть на рудники. Те «печальные аспекты общества», которые я критиковал, готовились обрушиться на меня.

Но ночью… она была… Я тогда действительно спятил. Но я пришел в себя, неся голоса сотен немых. Я понял, каких высот я мог бы достичь, потому что видел надиры их оснований. Я понял,

как мелко все, что я написал до тех пор, понял, что все это не было поэзией. Видите ли, хороший поэт ранен речью и тщательно осматривает раны, чтобы знать, как их лечить. Плохой же поэт только разглагольствует о боли и воет об оружии, которое раздирает его. Великий поэт ощупывает обожженные края погубленной плоти ледяными пальцами, скользящими и точными, но в конечном счете его стихи — это отклик, двойной голос — сообщающий о повреждении. Раньше никто из нас не был ранен достаточно сильно. Ее скульптуры и живопись были столь же незначительны, как и мои прежние высказывания. Но если бы убили не ее, а меня, ее работа содержала бы все то, что теперь содержит моя. Вот почему я надеюсь, что я сумасшедший, и то, что я пишу, выходит из свихнувшегося мозга. Я думаю, что теперь мои стихи лучше, чем когда-либо, но надеюсь, что это суждение больного мозга — способность к критике разорвана скорбью. Потому что, если они великие… — он заговорил шепотом, — они стоят слишком дорого! Питаемые разрушением, зажиревшие от величия… Они не стоят этого!

Что-то щелкнуло в Джоне. Он увидел, что Алтер тоже почувствовала это, потому что ее пальцы туго сжались на его руке. Он выпустил ее плечи,

смущенный тем, что возникло в его мозгу. Он отступил назад, не зная, бороться ли с этим, не зная, как принять это. Он быстро пошел обратно. Что-то уже начало формироваться в холодных сводах его черепа и сверкало, как брошенный из мрака энергонож. Алтер и Ноник пошли следом.

Когда он ворвался в контрольное помещение, Кли и Рольф с удивлением посмотрели на него.

— Что с тобой, Джон? — спросила подошедшая Алтер.

Он схватил ее за плечи и медленно повернул вокруг себя. Оторопевший Ноник отступил к Кли и Рольфу.

— Я хочу сказать вам кое-что, — четко произнес Джон. — Вы знаете, что существовал план прекратить войну. Но… Но люди, создавшие и войну, и план, теперь умерли. Алтер и я были частью плана. И когда они умерли, мы с Алтер пытались остановиться, но не смогли. Мы должны были любыми средствами прийти сюда, в Тилфар, несмотря ни на что, на то, что они умерли… как будто мы были *рабами*! — он перевел дух. — *Пленниками*! Мы были частью плана для прекращения войны, а вы, Кли, Рольф, были частью войны. Нет, я знаю, вы плутовали, как могли, но все-таки вы были частью войны. Нет… Ты, Кли, помогала

строить компьютер, а вы, Рольф, *знали*, в каком состоянии была империя. Вы могли бы сказать об этом, оказать такую же помощь, какую вы оказали Городу Тысячи Солнц, когда проходили через него. Но вы ничего не сказали, но теперь это уже не важно. Я не знаю, чем был ты, Вал: добровольцем, точкой в случайном мире, или случайным наблюдателем в таком мире, где порядок есть самоуничтожение. Но и это теперь не важно. А я? Не важно, кто я? Неуклюжий мальчишка, заключенный или свободный теперь мужчина и не такой уже неуклюжий. Так вот, я хочу спросить, — он повернулся к Алтер, — тебя, потому что ты учила меня, и я люблю тебя, — он повернулся к Кли, Рольфу и Нонику, — и вас, потому что вы учили меня, и я уважаю вас… — Он вдруг повернулся к стене с циферблатами и закричал: — И тебя тоже, если ты можешь мне ответить, и я ненавижу тебя! — Он замолчал, ожидая, что машина уничтожит его, как уничтожила «агрессивный» гаечный ключ Катама, брошенный в нее. Но три голубых огня стали красными — только и всего. Джон снова повернулся к людям. — В этом случайном, хаотическом мире, наполненном обезьянами, полубогами и теми, кто в промежутке, где массовые убийства являются развлечением,

где любая структура, за которую вы ухватитесь, может тут же опрокинуться, где Город Тысячи Солнц может разрушить машина, которой командует психоз империи — я свободен… Я… Что я свободен делать?

СКАЖИТЕ МНЕ, ЧТО Я СВОБОДЕН ДЕЛАТЬ?

А в далекой вселенной города в пустыне в смятении:

— А прибудут ли агенты с Земли?

— Но один из них умер… Герцогиню убили.

— А из остальных — два на одном конце транзитной ленты, третий на другом конце в развалинах дворца…

— Мы выигрываем эту войну или проигрываем?

— Где Лорд Пламени? Вы говорили, что он постоянно будет в одном из четырех.

— Вы сказали, что Лорд Пламени предаст их. Как он вредит им, в ком он сейчас?

— Придет ли к нам Лорд Пламени, сможем ли мы сражаться с ним, сможем ли победить его?

Тройное Существо сделало успокаивающее движение. Все притихли.

— У нас еще есть время, пока не прибыли агенты с Земли. Один, правда, убит, а телепат Эркор все еще в Тороне…

— Вы говорили, — перебил один голос, — что Лорд Пламени будет переходить от одного агента к другому и заставлять саботировать каждого по очереди. В ком он сейчас? И что он делает?

— Он в Джоне? — спросил другой. — И потому Джон задает такой абсурдный вопрос?

Тройное Существо засмеялось.

— Он атаковал Джона первым, затем был в Алтер. Он обитал в герцогине перед ее смертью. Теперь он скрывается с Эркором в развалинах дворца.

— Зачем?

— Что он сделал с ним?

— Как Лорд Пламени наблюдал за этой войной, — ответило Тройное Существо, — так и мы наблюдали за ним, и многое узнали о нем. Вы помните, мы говорили, что он совершенно чуждой формы жизни, и такие идеи, как убийство, сострадание, разум чужды ему. Так вот, теперь мы достаточно близки к пониманию, почему это так, и в чем основное различие между ними и всеми нами. Основной фактор всей нашей природы тот, что мы индивидуумы, и как индивидуумы мы одиноки. Одиноки даже телепаты, потому что они до сих пор работают только с образами. Даже существа, близко связанные, как три доли нашего

разума, в основе своей индивидуумы и одиноки. Это одновременно и спасение наше, и проклятие, и противостоит этому врожденное желание сблизиться в нашем одиночестве с другими индивидуумами, ощутить их, как-то объединиться, многие из вас, би- или моносексуальные, имеют такое объединение в своих воспроизводственных ритуалах. Даже моносексуальные существа сохраняют это в сигизни. Конечное в одиночестве во всех наших культурах смерти. Многие из вас имеют симбиотические отношения, где один индивидуум будет полностью отделен от всех других, когда физически умрет.

А вот у Лорда Пламени эта полярность между изоляцией индивидуума и его желанием объединиться с другими индивидуумами обратна. Он отступает назад к истинной природе своей физической натуры, и его ответвления так же неуловимы, как и у всех рас этой вселенной. Прежде всего он состоит из энергии, созданной плазмами материи и антиматерии, содержащимися в стасисе. Он является коллективным сознанием, в котором индивидуумы не одиноки физически, потому что их энергия постоянно перемещается и чередуется. Материя и антиматерия, как известно тем из нас, чьи культуры

дошли до атомной физики, аннигилируют друг друга, если вступят в контакт. Как мы уравниваем одиночество со смертью, так Лорд Пламени уравнивает индивидуумов, уже находящихся в энергетическом унисоне со смертью, потому что, когда это происходит, эти физические вещества взрываются. Наоборот, воспроизведение происходит не при объединении индивидуумов, а при их разделении, так что они воспроизводятся сами на основе того, что материя и антиматерия распространяются при прохождении через гравитационное поле. Разветвления этой обратной полярности в их отношении к жизни и поведению бесконечности.

— И это существо готовится напасть на нас? — спросил один делегат.

— По-видимому. Но у нас есть преимущество: он не знает, что наши жизненные процессы не имеют ничего общего со стасисом материи и антиматерии. Антиматерия так редка в нашей вселенной, что шансы жизни в зависимости от нее невообразимо малы. Одна из причин, заставивших Лорда Пламени сосредоточиться на Торомоне — что там основным источником энергии является тетрон, радиоактивный кристалл урана в соединении с радиоактивным

йодом. Взрыв может произойти только при атомных температурах, как было в так называемом Великом Пожаре. Равновесие двух элементов дает возможность контролировать радиоактивный материал, и количество взрывчатой антиматерии в процессе чудовищно сравнимо со случайным позитроном или антипротоном, происходящим от бомбардировки космическими лучами. Лорд Пламени уверен, что узнает тайну наших жизненных форм, и цивилизации, используя увеличение количества антиматерии. Это в отношении химии. На более высшем уровне он также пытается обнаружить, насколько наше поведение при атаке отличается от его поведения. Другими словами — что такое война для нас.

— Влияет ли полярность, о которой вы говорили, на способ, каким мы сражаемся?

— Наверняка влияет.

— Более важно знать, как эта полярность повлияет на поведение в битве Лорда Пламени.

— В конечном счете, социальные травмы, причиненные войной, активизируют величайшую изоляцию громадного числа индивидуумов, которые все еще держатся в физической близости. Бедствия, голод, несправедливое распределение благ, эксплуатация, чрезмерный рост населения

отказывают индивидуумам в возможности их стремления к единству со всеми остальными индивидуумами. В большинстве наших культур во время сражения полы разъединены…

— Что компенсируется высоким подъемом роста населения непосредственно после, — прокомментировал один делегат.

— Предусмотрительно, — подтвердило Тройное Существо. — Но всем стратегам войны, как известно, выгодно, одиночество особей. Ударьте своего врага в его наиболее разбросанные силы. Изолируйте отряд — и вы сможете уничтожить его. Так вот, все эти факторы полностью противоположны в борьбе с Лордом Пламени. Если вы сведете вместе как можно больше его элементов, они аннигилируют друг друга, в то время, как изоляция вызовет их размножение. Отделите один индивидуальный компонент Лорда Пламени от остальных, и вы будете иметь против себя армию, которая уничтожит вас. Как мы, одинокие, стремимся к объединению, так все его компоненты жаждут быть одинокими. Поэтому его идея разрушительного действия есть…

— …сведение индивидуумов вместе, — воскликнул один делегат. — Теперь я понял, что это было сделано на Земле, в Торомоне.

— Пожалуйста, позвольте мне продолжать. Первая попытка Лорда Пламени сжать индивидуумов вместе была сделана, когда он усилил радиационный барьер и оттянул жителей Тилфара назад, на побережье и в Торон. Но элементы войны уже ферментировались в культуре. Его вторая попытка была, когда началась война. Вместо того, чтобы позволить Торомону обнаружить внезапно внешнего врага и сражаться, он поддержал идею создания компьютера, который будет фактически держать вместе жителей, находящихся под иллюзией сражения. Когда наши агенты на Земле сумели показать это народу, результатом явился момент телепатического контакта, накрывшего империю. В этот момент каждый индивидуум в Торомоне узнал кое-что. Узнал и Лорд Пламени. Люди узнали, как они одиноки. Некоторые мозги оказались способными иметь дело с Лордом Пламени, воспользовались этим и узнали, как им объединиться. Но для большинства результатом был террор, хаос. И Лорд Пламени начал получать некоторые намеки на то, как функционирует человечество, и, в конечном счете, жизнь в нашей вселенной. Чтобы дать нашим агентам все возможности учиться, мы несколько раз помещали всех вас в такой

близкий эмпатический контакт, какой могли смоделировать. Затем мы привели каждого из вас индивидуально в город и дали вам пятиметровое обозрение того, что было бы с вами, если… Мы надеялись, что этот контакт сможет удержать всех вас в объединении ваших сил, когда и если возникнет финальный контакт.

Но теперь Лорд Пламени изучает Землю и особенно Торомон, под микроскопом. Он сосредоточил свои наблюдения непосредственно на наших четырех агентах, и вместо действий, которые могли бы толкнуть все общество на заботу о себе самом, он понуждает индивидуумов объединяться и наблюдает за результатами. Сначала он атаковал Джона, понуждая его вернуться к отцу.

— А затем устроил Алтер свидание с теткой? — спросил один из делегатов.

— Нет, — ответило Тройное Существо. — В мире, где индивидуумы одиноки, нет двух сближений в том же опыте из того же направления. Встреча Алтер с теткой была для нее отнюдь не тем же, что у Джона с отцом. Лорд Пламени заставил ее разговаривать с сумасшедшей королевой, которая готовилась убить ее и Джона. Вот что он сделал ей. Затем он вошел в герцогиню Петру. Он заставил ее не только идти с королем, но на

момент согласился с идеями короля, таких отличных от ее собственных. Хотя, чуть позже они умерли. Лорд Пламени, вероятно, многое узнал от нее. Сейчас он двинулся в мозг Эркора, хотя последний об этом не знает, и вместе с ним ждет в развалинах дворца. У него еще будет встреча.

— Что узнал Лорд Пламени от каждого из агентов?

— Пока он узнал, что объединение делает их более способными переносить одиночество, более способными идти вместе с другими. Однако, он еще не вполне понял, почему одиночество является нежелательным в первую очередь там, где для него это самое желанное.

— А причем поэмы?..

— Объединенная теория поля?..

— История?..

— Вы говорили, что если они принесут их нам до того, как их возьмет Лорд Пламени, то мы узнаем, как отвести от нас эту великую войну.

— Ну, — ответило Тройное Существо, — Джон и Алтер всего в нескольких минутах от обладания всеми требуемыми работами, а Лорд Пламени на другом конце империи.

— Они все-таки должны прийти сюда, — напомнил один делегат, — а империя не расстояние

для существа, шагающего по галактикам за микросекунды.

— Это совершенно справедливо, — сказало Тройное Существо. — Давайте посмотрим.

Далеко от этой вселенной Рольф Катам нахмурился и сказал:

— Ну, Джон, я полагаю, что каждый человек имеет свой ответ на этот вопрос.

— Нет! — вскричала Алтер. — Вы должны кое-что рассказать ему …нам …мне. Вы должны! Иначе для чего вы? Разве вы не понимаете, что у вас есть что рассказать?

Рольф покачал головой.

— И я не могу.

— Попробуйте, — сказал Вал тихим голосом, сдерживая смех.

— Кли, — сказала Алтер, — ты помнишь, как однажды, когда мы с тобой работали в цирке, ты говорила мне, что способность оправдаться перед другими самая важная вещь в мире, когда так трудно оправдаться перед собой. Не знаю, но если это так, то… не можешь ли ты сказать кое-что сейчас?

— Я думаю… — смущенно начала Кли, — ты свободен быть всем чем хочешь — математиком, историком, поэтом — все, чем свободны быть

мы.

Джон покачал головой.

— Нет, это не то. Я не дурак, я получил некоторые знания в физике, в ментальной и физических дисциплинах, но я не художник, не экономист, не ученый, и говорить, что я могу ими стать, все равно, что сказать, будто я могу запрячь мух в колесницу и лететь на солнце.

За стеной с циферблатами что-то защелкало, и некоторые цвета изменились.

— Ну, ты, электронный младенец с ленточными глистами, можешь ответить ему? — спросил Вал.

— Нет, — был лаконичный ответ. Но щелканье продолжалось, в стене открылась панель и появились три пачки бумаги.

Рольф взял одну пачку и прочел:

— «Очертания моря», «Последний обзор истории Торомона». По-моему, чертовски хорошее название. Надеюсь, теория соответствует. — Он поднял вторую папку. — Здесь твоя теория поля, Кли.

— А что в третьей пачке? — спросила она.

— Я просил компьютер сделать копии всех стихов Вала, чтобы тоже иметь к ним доступ. — Он взял листы и повернулся к Джону: — Если бы вы были художником или ученым, я мог бы помочь

вам решить, что вы свободны делать.

— Ага, начали, — сказал Вал. — Послушаем.

— Когда вы пишете стихотворение, Вал, вы пишете его для идеального читателя, такого, который услышит все тонкости ритма, почувствует все образы, поймет все намеки и даже сумеет поймать вас на ошибках. Для такого читателя вы и работаете, шлифуя каждую строчку. Сейчас вы уверены, что в этом мире не слишком много таких читателей, но верите, что хоть один существует. Даже больше, потому что из любого человека можно воспитать идеального читателя. Если бы вы в это не верили, вы не старались написать идеальное стихотворение. Когда Кли создает свою теорию, она пытается сделать ее как можно яснее и точнее. Она знает, что мало кто сможет прочесть эту теорию и сделать из нее какое-то употребление, но она проверяет и перепроверяет теорию для кого-то одного, кто примет всю концепцию. Так и я проверяю свою историческую теорию культурных, сексуальных, эмоциональных уклонов для идеального человека, идеального прямого, без уклонов. Связать себя с этой концепцией вовсе не означает, что вы своей работой пытаетесь научить людей стать идеальными. Это пропаганды, а поскольку боль-

шинство художников и ученых сами далеки от идеала, они терпят неудачу с самого начала, если берутся за эту задачу. Надо понять, что человек даже в этом хаосе может быть идеальным, и надо делать свою работу ценной для него.

— Куда же это нас приводит? — спросил Джона Вал.

— К свободе пытаться достичь этого идеала, или же не пытаться. Но вы получили копии для вас троих.

Вал опять засмеялся.

— Значит, машина сделает копии этих работ и для вас?

— Конечно, — сказала Кли. — А что?

— Я хотел бы иметь копии всех их, — сказал Джон, — чтобы посмотреть, насколько я близок к идеальному человеку.

Кли нажала кнопку и шкафчик снова начал наполняться бумагой.

— Кли, — спросил Джон, — транзитная лента открыта с этого конца?

— Но она закрыта во дворце, — напомнила Алтер.

— Можно открыть ее отсюда?

— В принципе, можно, — сказала Кли.

— Я хочу немного почитать, и может быть,

стану по дороге идеальным читателем. И я хочу найти Эркора.

— Зачем?

— Кое-что насчет восприятия. — Джон взял бумаги. — Я хочу показать это ему, дать ему возможность приложить руку к идеальному читателю… и посмотреть не представляет ли он себе проблему.

— Какую?

— Следующую после этой. И когда мы получим ее, мы вернемся с ней к компьютеру.

Проверив ленту, Кли сказала:

— Лента функционирует. Несмотря на бомбежки, она каким-то образом все еще связана. Не знаю, что вы найдете на том конце, но на платформе окажешься.

Они поднялись по металлической лестнице и встали под кристаллом. В одной руке Джон держал бумаги, а другой — руку Алтер.

Кли шагнула к тетроновому прибору, нажала кнопку. Где-то зажужжал соленоид, и первый ряд красных кнопок встал в положение «включено».

— Я тоже хочу поехать, — неожиданно сказал Ноник.

— Сейчас нельзя, — сказала Кли. — Лента не может взять сразу так много.

Включился следующий ряд кнопок.

— Я хочу уйти из этого стального убежища, — сказал Ноник и уставился на фигуры на платформе, уже начавшие мерцать…

— Мы пошлем тебя сразу же, как закончим их отправку, — сказал Катам. — Превышая вес, мы не можем предсказать, дойдет ли он до места назначения…

Ноник взвыл и бросился вперед.

Он вцепился здоровой рукой за край платформы и подтянулся под кристалл.

— Вал!

Под шаром вспыхнуло белое сияние. Что-то громко щелкнуло, посыпались искры.

— Что случилось? — закричал Рольф.

— Этот дурак… — начала Кли. — Я теперь понимаю, что случилось. Ведь лента не рассчитана на такой большой вес. Я не знаю, куда они попадут, и попадут ли вообще куда-нибудь!

Платформа была пуста.

ГЛАВА 12

Эркор лежал на куче одежды в углу башни-лаборатории и смотрел на солнечный свет, проникающий сквозь проломленный потолок.

Громадный кристалл на конце транзитной ленты засветился. Затем Вал Ноник с воплем налетел на перила.

С первого взгляда Эркор увидел избитое тело. Рисунок мозга метнулся через комнату и заколыхался перед Эркором. Поврежденный раненный, длинные струи боли дрожали и диссонировали. Эркор попытался мысленно отвернуться.

— Чего ты хочешь? — спросил он, вставая.

— Я не хочу больше разговаривать. — Я не хочу… говорить.

— Чего же ты хочешь?

Ноник глядел на него горящими глазами.

— Ладно, — сказал Эркор, — пойдем.

Вал пошел за ним к двери. Мозг его ритмично завывал, пока они спустились во двор.

Эркор смотрел, как Вал спотыкался на выжженной мостовой, и думал: чего ради я должен тащиться за его изломанным мозгом и изломанным телом? Но все-таки шел. Через два квартала Ноник повернулся, поднял глаза к горелой линии неба, и Эркор постарался заблокироваться от того, что лилось в него из мозга Ноника.

…падение башен, о древний Христос, падение башен, и обнаженный нож входит в живот… Падение башен, и я слышу ее вопль, вижу, как ее тело

выгибается назад, вижу пыль и крошащийся камень, потоки мусора на улицах, падение башен…

— Чего ты хочешь? — спросил Эркор.

Ноник оглянулся. Страх вспыхнул в его глазах, и он бросился бежать. Но следовать за ним было трудно: его мысли рассыпались по разоренным улицам.

— Проснись, — сказал Эркор.

Ноник свернулся у стены, как большой кот. Эркору хотелось сказать: «Проснись и заткнись», но как заставишь человека перестать думать?

— Я нашел для тебя судно, как ты хотел.

Они пошли к пирсу, где стояло судно, пустое и заправленное горючим.

— Куда ты бежишь, Вал Ноник? Не говори, что не знаешь, иначе я не взял бы судно.

— Я… я… не хочу разговаривать, и изображение моего лица красным мелом на коричневой бумаге горело и обугливалось, пока красота не ушла из-за неистовства ярости.

Когда они высадились на материк, Ноник глянул наверх, на транзитную ленту, и пошел по берегу. Они прошли через пустую рыбачью деревню. «Ты попал в ловушку в тот яркий миг, когда узнал свою судьбу» было написано на разрушаю-

щейся стене дома.

— Смотри, Город Тысячи Солнц в той стороне. А в этой — каторжные рудники. — Эркор заметил, что Ноник смотрит на транзитную ленту. — Ты хочешь вернуться в Тилфар?

Ноник покачал головой и заковылял впереди.

— Остановись, — сказал Эркор.

Вечер сверкал на покрытой коркой равнине. Позади них был Тилфар.

— Остановись, — повторил Эркор, — ты идешь к смерти.

Ноник засмеялся. Смех перешел в шепот.

— Смерть? — он покачал головой. — Пружины капкана сомкнулись. Барьер…

— Мы уже перешли край барьера.

— Ты тоже умрешь?!

— Нет, я могу вынести больше радиации, чем ты.

В первый раз на лице Ноника отразились какие-то эмоции.

— Значит, я зашел уже слишком далеко?

— Возвращайся, Ноник.

Ноник опять засмеялся.

— Но ты ведь не выдашь границы места, перейдя которое, я уже не могу вернуться. Это место здесь? — он вдруг бросился вперед. — Ты же не

видишь, может, я уже перешел его. — Он медленно пошел обратно. — Это значит, я уже умер.

Все клетки моего тела уже мертвы, но может быть, с час я еще прошатаюсь, прикидываясь живым. Вот, значит, какое это ощущение — быть мертвым. Сначала я ослепну, потом начну шататься, как пьяный. — Он дотронулся до лица. — Начинается?! Я… я думал, что это пройдет незаметно…

Эркор схватил маленького дрожащего человека своими большими руками. Трепещущая, сверкающая плоть мозга повернулась к мозгу Эркора.

— Вал, пойдем обратно. Я вижу гораздо больше, чем ты. Ты знаешь так много и так мало. Ты не будешь свободен, если… если умрешь.

Ноник резко вырвался. Страх наполнил его лицо, его мозг наполнило лицо девушки. Он закричал и снова побежал вперед. Он бежал все дальше, в скалы.

Эркор повернулся и пошел обратно.

— Опять один! — закричал он.

ЭПИЛОГ

Пчелы… карбункул… серебро… Джон вздохнул резкость озона. Алтер схватила его за руку, глядя на белый песок. От внезапной смены гравитации Джон уронил бумаги, но Алтер помогла ему собрать их. Они посмотрели на город.

Дым падает серебряной чешуей на остов королевского дворца Торона. Остатки башен вжались в небо. Люди еще суетятся на улицах, но большая часть их уже идет к побережью.

Джон обнял Алтер за плечи и пошел по песку. Свет проходил сквозь их тела. Они шли как бы окруженные стеклом.

— Они принесли историю…

— Объединенную теорию поля…

— Стихи…

Делегаты в городе задавали множество вопросов.

— Они пришли?

— Мы победим в войне?

— Где Лорд Пламени?

И Тройное Существо ответило:

— Войны не будет!

Джон и Алтер остановились у края города и

прислушались.

— Лорд Пламени, — продолжало Тройное Существо, — наблюдал достаточно и понял, что война бесполезна, и если она произойдет, то сметет обе стороны.

— Мы должны были бы уничтожить друг друга? — спросил Джон.

— Сначала мы уничтожили бы себя. — Ответило Тройное Существо.

— Себя? — спросила Алтер. — Но как?

— Когда вред переходит определенную границу, жизнь не может существовать. Желание такого разрушения, как война, и есть такой вред. И если вред так велик, саморазрушение может стать необходимостью. Самоубийство — это клапан, чтобы болезнь сама избавилась от себя.

Джон и Алтер подошли к городу и увидели перед собой…

…каменистую равнину, где лежал Вал Ноник с ввалившимися, почерневшими глазами, раздувавшимся лицом. За ним на горизонте был силуэт Тилфара, и пока они смотрели, силуэт вдруг вспыхнул пламенем, и клубы дыма поднялись из падающих башен:

И Тройное Существо сказало:

— И такое случается всюду во вселенной!

— Что именно? — спросил Джон.

— То, что привело Ноника к самоубийству, заставило компьютер покончить со своим существованием с помощью бомб. Рану, наконец, прижгли, и вы можете теперь идти домой и попытаться залечить ее.

— А Лорд Пламени?

— Последний случайный фактор был замечен и поставлен на место. — Тройное Существо засмеялось. — Вы сказали бы, что Лорд Пламени осознал, что при всем своем отличии от нас, он все-таки родственен нам, и что у него тоже есть выход в смерти, и признал сходство. Теперь он пойдет на новые поиски, и здесь войны не будет.

— Значит, мы можем идти по домам? — спросили все делегаты.

— Достигнуть звезд… — прошептал Джон.

Алтер улыбнулась ему.

Перед ними был Город Тысячи Солнц на краю озера, и пока они на него смотрели, могла бы появиться семья Лога, и усталые Кли с Катамом. Могли бы прийти старики — Рэра и Кошер, и высокая фигура Эркора, может быть, подойдет к низкому дому с одной стороны, а лесная женщина тоже с тремя рубцами на щеке, подойдет с другой, и музыка их мозгов, уже соприкасавших-

ся, сольется в двойном звуке их имен — Эркор и Ларта…

Свободные строить или разрушать, Джон и Алтер приближались к городу Тысячи Солнц в голубом дыме, который внезапно пронзит свет, упавший с сети серебряного огня… Красный свет полированного карбункула… зелень пчелиных крыльев…

НОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ
СОЗВЕЗДИЕ ДРАКОНА, ТРИТОН, ГЕЕННА-3, 3172 г.

— Эй, Мышонок! Сыграй-ка что-нибудь, — крикнул от стойки один из стоявших там механиков.

— Так и не взяли ни на один корабль? — поинтересовался другой. — Твой спинной контакт того и гляди заржавеет. Иди, выдай номер!

Мышонок перестал барабанить пальцами по краешку стакана. Собираясь сказать «нет», он сказал «ладно». И вдруг он нахмурился.

Взгляды механиков тоже стали недовольными.

Это был старый человек.

Это был крепкий человек.

Руки Мышонка ухватились за край стола. Человек качнулся вперед. Его бедро шаркнуло по стойке. Носок ноги зацепил ножку стула, и тот отлетел в сторону.

Старый. Крепкий. И третье, что заметил Мышонок — слепой.

Он покачивался перед столом Мышонка. Его рука поднялась и желтые ногти коснулись щеки парнишки (паучья лапа?).

— Эй, парень…

Мышонок вглядывался в его глаза за тяжелыми, мигающими веками.

— Эй, парень! Ты знаешь, как это выглядит?

— *Должен* быть слепым, — подумал Мышонок. — Ходит как слепой. Голова вытянута вперед. А его глаза…

Человек опустил руку, нащупал стул и пододвинул его к себе. Стул скрипнул, когда он с размаху опустился на сидение.

— Ты *знаешь*, как это выглядело? Как это ощущалось, как это пахло, а?

Мышонок покачал головой. Пальцы опять коснулись его щеки.

— Мы возвращались, парень, имея слева три сотни солнц Плеяд, сверкающих как россыпь драгоценных камней, и абсолютную черноту — справа. Корабль был мной, а я — кораблем. Вот этими разъемами, — он коснулся контактов на запястье, — я был связан с управляющим устройством паруса. Потом, — щетина на его подбородке поднималась и опускалась в такт словам, — из-за тьмы — свет! Он был всюду, слепил наши глаза, мы словно находились внутри аннигилятора и не могли пошевелиться. Это выглядело так, будто вся Вселенная взорвалась и неистовствовала. Я

же не мог отключить свои ощущения! Я не мог даже отвернуться. Все цвета, которые только можно представить, переливались вокруг, прогнав ночь. И последнее: стены пели! Магнитная индукция заставляла их вибрировать, и корабль был полон грохота. А потом стало уже поздно: я ослеп. — Он откинулся на спинку стула. — Я слеп, парень. Но что это за забавная слепота: я могу видеть тебя. Я глух, но я понимаю большую часть того, что мне говорят. Обонятельные центры в моем мозгу мертвы и я не ощущаю вкуса пищи. — Его ладонь легла на щеку Мышонка. — Я не могу понять, какая у тебя кожа. Большинство осязательных центров также мертвы. Моя ладонь не ощущает: чего она касается — гладкую кожу, или щетину. — Он засмеялся и стали видны его желтые зубы и ярко-красные десны. — Что ни говори, а Дэн ослеп забавным образом. — Его рука скользнула по куртке Мышонка и ухватилась за шнурок на ней. — Да, забавным образом. Большинство людей слепнет в темноте. А у меня перед глазами огонь. Там, в черепе — съежившееся солнце. Свет хлещет мою сетчатку, вспыхивает радугой и заполняет каждый уголок мозга. Вот что у меня теперь перед глазами. А тебя я вижу частями. Ты — солнечная тень на фоне всего этого

ада. Кто ты такой?

— Понтико, — представился Мышонок. Голос скрипнул, будто рот был набит шерстью и песком. — Понтико Провечи.

Дэн поморщился.

— Твое имя… Как ты сказал? С головой у меня тоже не все в порядке. Там у меня как будто хор голосов, орущих мне в уши двадцать шесть часов в сутки. Это все нервы. С тех пор, как взорвалась эта звезда, они посылают в мозг один сплошной грохот. Вот почему я слышу тебя, как если бы ты кричал в сотне ярдов от меня. — Дэн закашлялся и откинулся на спинку стула. — Откуда ты? — спросил он, вытерев губы.

— Отсюда, из созвездия Дракона, — ответил Мышонок. — С Земли.

— С Земли? Не из Америки? Ты жил в маленьком беленьком домике на тенистой улочке, а в гараже у тебя стоял велосипед?

— Да, — подумал Мышонок, — и слепой, и глухой.

— Я… Я из Австралии. Из белого домика. Я жил под Мельбурном. Деревня. И велосипед у меня был.

— Давным-давно, не так ли, парень? Ты знаешь Австралию? Это на Земле.

— Бывал проездом.

Мышонок заерзал на стуле и думал, как бы ему смыться.

— Да. Так все и было. Но ты не знаешь, парень. Ты не можешь знать, каково это — коротать свой век с Новой в мозгах, вспоминая Мельбурн, вспоминая велосипед. Как ты сказал, тебя зовут?

Мышонок покосился налево — на окно, потом направо — на дверь.

— Не могу вспомнить. Это солнце все вышибло у меня из головы.

Механик, слушавший весь этот разговор, отвернулся к стойке.

— Ничего не могу больше вспомнить.

За соседним столиком темноволосая женщина и пришедший с ней блондин, ее спутник, тщательно изучали меню.

— Меня послали к докторам! Они сказали, что если перерезать нервы, зрительные и слуховые, отключить их от мозга, то грохот и сияние в глазах, возможно, прекратятся. *Возможно*? — он поднес руки к лицу. — А эти силуэты людей, которые я пока еще вижу — они тоже исчезнут? Имя! Скажи мне свое имя!

Мышонок давно уже держал наготове фразу:

— Я извиняюсь, но мне уже пора.

Дэн закашлялся, закрывая уши руками.

— А, это был свинячий полет, собачий полет, полет для авантюристов. Корабль назывался «РУХ», а я был киборгом Капитана Лока фон Рея. Он повел нас, — Дэн перегнулся через стол, — чуть ли, — его большой палец коснулся указательного, — *чуть ли* не в самый ад. И привел обратно. Он сделал достаточно для того, чтобы любой мог проклясть его и этот чертов иллирион. Любой, кто бы ни был. Откуда бы он ни был. — Дэн закашлялся, голова его затряслась. Руки его, лежащие на столе, подергивались.

Бармен оглядел зал. Кто-то из посетителей знаком потребовал себе еще выпивку. Губы бармена недовольно поджались, но сразу же расслабились и он только покачал головой.

— Боль, — Дэн поднял голову. — После того, как поживешь вот так некоторое время, боль исчезнет. Но появляется что-то другое. Лок фон Рей — сумасшедший! Он подвел нас так близко в грани между жизнью и смертью, как только смог. Теперь он бросил меня — мертвеца на восемьдесят процентов — здесь, на краю солнечной системы. А куда, — Дэн тяжело вздохнул, — куда теперь денется слепой Дэн?

Неожиданно он ухватился за край стола.

— Куда он теперь денется?

Стакан Мышонка упал на пол и разбился.

— Отвечай!

Он снова качнул стол.

Бармен прошел мимо них.

Дэн поднялся, отшвырнув стул и протер костяшками пальцев глаза. Он сделал два неуверенных шага через пятно солнечного света на полу. Еще два. За ним оставались большие, каштанового цвета следы.

Темноволосая женщина замерла. Ее спутник закрыл меню.

Один из механиков поднялся было, но другой удержал его за руку.

Дэн ударил по двери кулаком. Потом вышел.

Мышонок огляделся. Осколки все так же лежали на полу, но стало немного легче. Бармен подключил провод к своему запястью и из динамиков полилась мрачная музыка.

— Выпьешь что-нибудь?

— Нет, — голосовые связки повиновались Мышонку с трудом. — Хватит. Кто это?

— Был киборгом на «РУХЕ». С неделю назад начались неприятности. Его вышвыривают отовсюду, едва он переступает порог. Думаешь, просто наняться на корабль в настоящее время?

— Я никогда не летал к звездам, — голос все еще не совсем слушался Мышонка. — Всего два года, как я получил аттестат. До сих пор меня нанимали только мелкие фрахтовые компании для полетов по треугольнику внутри Солнечной системы.

— Я могу дать тебе совет, — бармен выдернул провод из своего запястья. — Но я воздержусь. Аштон Кларк ходит с тобой. — Он усмехнулся и вернулся на свое место.

Мышонок почувствовал себя очень неуютно. Сунув большой палец под ремень, идущий через плечо, он поднялся и направился к выходу.

— Эй, Мышонок! Иди, сыграй!

Дверь за ним захлопнулась.

Заходящее солнце золотило вершины гор. Нависший над горизонтом Нептун бросал на равнину рябой свет. Примерно в полумиле виднелись корпуса космических кораблей, стоящих в ремонтных доках.

Мышонок шел мимо то и дело встречающихся баров, дешевых отелей и забегаловок. Потерявший работу и всякую надежду, он часто бывал в этих заведениях, играл там на сиринксе, чтобы прокормиться, и ночуя в углу чьей-нибудь комнаты, когда ему приходилось всю ночь развлекать

какую-нибудь кампанию. В аттестате почему-то ни слова не говорилось о том, что ему придется заниматься подобными вещами. Все это ему страшно не нравилось.

Он обогнул стену, отгораживающую Геенну-3.

Для того, чтобы сделать поверхность спутника Нептуна пригодной для жизни, Комиссия созвездия Дракона решила установить здесь иллирионовые обогреватели, поддерживающие необходимую температуру ядра. При теперешней температуре поверхности около пятнадцати градусов Цельсия, осенней температуре, горы становились источниками атмосферы. Искусственная ионосфера удерживала воздух. Однако, вследствие разогрева ядра появились вулканические разломы коры, названные Гееннами и имеющие порядковые номера от 1 до 52. Геенна-3 имела в ширину около ста ярдов, глубину почти в два раза большую (обжигающий жар поднимался со дна разлома), и в длину около семи миль. Каньон мерцал и дымился под тусклым небом.

Мышонок шел рядом с пропастью и горячий воздух касался его щек. Он думал о слепом Дэне. Он думал о тьме за пределами орбиты Плутона, за пределами созвездия Дракона. И ему было страшно. Он сдвинул кожаный футляр на бок.

Созвездие Дракона, Земля, Стамбул, 3164 г.

Мышонку было десять лет, когда у него появился этот футляр. В нем находилось то, что он любил больше всего на свете.

Боясь, что его догонят, он стрелой вылетел из музыкального магазинчика под белой крышей, расположенного между лавками торговцев замшей. Прижимая футляр к животу, он перепрыгнул через подвернувшуюся под ноги коробку, из которой посыпались пеньковые трубки, споткнулся о точильный камень, нырнул в ближайший проход и через двадцать метров врезался в толпу людей прогуливающихся по Золотой Аллее, где бархатистые экраны дисплеев были полны света и золота.

Он отпрянул от наступившего ему на каблук мальчишки, несшего большой, с тремя ручками, поднос, полный стаканов чая и чашек кофе. Поднос качнулся, чай и кофе заплескались, но ничего не пролилось. Мышонок устремился дальше.

За следующим поворотом он наткнулся на целую гору расшитых туфель.

В следующую минуту грязь из выбоины забрызгала его парусиновые ботинки. Мышонок, задыхаясь, остановился и огляделся.

Он стоял на улице. Накрапывал мелкий дождик. Мышонок покрепче прижал к себе футляр, вытер мокрое лицо тыльной стороной ладони и направился вверх по изгибающейся улице.

Обгоревшая башня Константина, ветхая, ребристая черная, возвышалась над парком. Он вышел на главную улицу. Люди торопливо проходили мимо, разбрызгивая воду из многочисленных лужиц. Только сейчас Мышонок почувствовал, что ему жарко.

Хорошая погода? Ему следовало бы бежать проулками, сокращая путь. Но все же он продолжал идти по главной улице. Эстакада монорельса была хоть каким-то укрытием. Он прокладывал себе путь среди бизнесменов, студентов и носильщиков. По булыжникам прогромыхал автобус. Мышонок воспользовался случаем и вскочил на желтую подножку. Водитель усмехнулся — золотистый полумесяц на смуглом лице — и не стал его сгонять.

Через десять минут — сердце его все еще бешено колотилось — Мышонок соскочил с подножки и нырнул во двор Новой Москвы. Стоя под моросящим дождем, несколько мужчин мыли ноги в водостоке — у стены. Две женщины вышли из хлопнувшей за ними двери на крыльцо, подали

им ботинки и торопливо убежали с блестящих от дождя ступенек.

Однажды Мышонок спросил Лео, когда появилась Новая Москва. Рыбак из федерации Плеяд, который всегда ходил босиком, почесал свою густую светлую шевелюру и посмотрел на закопченные стены, поддерживающие своды зданий, на остроконечные минареты.

— Что-то около тысячи лет тому назад. Но это только предположение.

Теперь Мышонку нужен был именно Лео.

Он вышел из двора и пошел по мосту, увертываясь от грузовиков, автомобилей и троллейбусов, заполнивших проезжую часть. На перекрестке под фонарем он свернул, прошел железные ворота и сбежал вниз по лестнице. Маленькие рыбацкие суденышки ударялись бортами друг о друга в грязной воде.

Горчичного цвета вода Золотого Рога, вздымалась и опускалась за лодками, плескалась между сваями и доками, где стояли суда на подводных крыльях. На выходе из Золотого Рога, над Босфором расходились, образуя просветы, облака.

Вода искрилась под солнечными лучами, и след парома, направлявшегося к другой части света, казался огненной полосой. Мышонок задержался

на ступенях, глядя на сверкающий залив. Разрывов в облаках становилось все больше и больше.

Блестящие окна домов в туманной Азии бросались в глаза на фоне желтоватых стен. Именно вследствие этого эффекта греки две тысячи лет назад назвали азиатскую часть города Крисополисом, Золотым городом. Теперь этот район звался Ускудар.

— Эй, Мышонок! — позвал его Лео с красной вымытой палубы. Лео построил навес на своей лодке, расставил деревянные столики и вокруг них вместо стульев поставил боченки. Черное масло кипело в котле, подключенном к дряхлому генератору, заляпанному засохшей краской. В стороне, на куске желтоватой пленки, лежала груда рыбы. Жабры ее были растопырены, так что каждая рыбья голова торчала как бы из темно-красного цветка. — Эй, Мышонок, что это у тебя?

Когда погода была получше, рыбаки, докеры и грузчики приходили сюда обедать. Мышонок перебрался через леер. Лео бросил в котел еще две рыбины. Масло покрылось желтой пленкой.

— Это… Ну то, о чем ты рассказывал. Я взял… Я хочу сказать, что я думаю, что это та самая штука, о которой ты говорил, — слова вырывались, замирали, выражали сомнение и снова замирали.

Лео, которому его имя, волосы и грузная фигура достались от его предков немецкого происхождения и чья речь сохранила память о детстве, проведенном в рыбачьем поселке на побережье в мире, где звезд ночью было раз в десять больше, чем на Земле, выглядел смущенным. Смущение сменилось удивлением, когда Мышонок достал кожаный футляр.

Лео взял его в свои веснушчатые руки.

— Ты уверен? Ты где…

Двое рабочих поднимались на палубу. Лео заметил тревогу, мелькнувшую в глазах Мышонка, и перешел с турецкого на греческий.

— Ты где нашел это?

Фразы он строил одинаково, независимо от языка, на котором говорил.

— Спер, — даже когда слова сплошным потоком выходят из охрипшей глотки, десятилетний цыганенок разговаривает на полудюжине языков Средиземноморья гораздо лучше людей, которые, подобно Лео, изучают языки под гипнозом.

Строители, мрачные после работы (к счастью, разговаривающие лишь по-турецки), сели за стол, массируя запястья и потирая контакты на поясницах, где мощные машины подключались к их телам. Они заказали рыбу.

Лео наклонился и взмахнул рукой. Серебро блеснуло в воздухе и масло в котле затрещало.

Лео прислонился к поручню и открыл футляр.

— Да, — он говорил неторопливо. — Нигде на Земле, а тут особенно, не ожидал. Это взял ты откуда?

— На базаре, — ответил Мышонок. — Если где и можно что найти, так это на Большом Базаре, — он процитировал изречение, приносящее миллионы и миллионы Королеве Городов.

— Понятно, — сказал Лео. Затем добавил на турецком. — Вот, господа, обед, ваш, вот[1].

Мышонок взял лопатку и положил рыбу на пластиковые тарелки. Из серебристой рыба стала золотой. Строители достали ломти хлеба из корзины под столом и принялись есть прямо руками.

Мышонок подцепил из масла еще две рыбины и отнес их Лео, который сидел на поручне и, улыбаясь, разглядывал вещь, находящуюся в футляре.

— Изящный образ этой штукой создать, получится ли? Как знать. С того времени, как я рыбачил на метановых озерах Окраинных Колоний, в руках у меня такой вещи не было. А тогда

---

[1] Примечания: 1
Акцент Окраинных Колоний.

играть я неплохо мог, — футляр захлопнулся и Лео со свистом втянул воздух сквозь зубы. — Это хорошая вещь.

Предмет в футляре из мятой кожи мог быть арфой, мог быть и компьютером. С индукционной панелью как у Терменвокса, с ладами, как у гитары, с короткими, как у ситара, струнами, расположенными на одной стороне снизу. На другой стороне были длинные басовые струны, как у гитарины. Одни части были вырезаны из розового дерева, другие отлиты из нержавеющей стали. Имелись и подсоединительные гнезда из черного пластика, а сам предмет покоился на плюшевой подушечке.

Лео дотронулся до него.

Облака разошлись еще шире.

Солнечные лучи засверкали на стали, подчеркнули фактуру полированного дерева.

Строители застучали монетами по столу, поглядывая на Лео. Тот кивнул им. Они оставили деньги на засаленном столе и, удивленные, сошли на берег.

Лео что-то сделал с кнопками управления. Раздался удар гонга, воздух вибрировал, сквозь зловоние мокрых канатов и дегтя прорезался запах… орхидей?

Давным-давно, когда ему было лет пять или шесть, Мышонок однажды нюхал дикие орхидеи в поле у дороги. (Там была высокая женщина в ситцевой юбке, должно быть, мама, и трое усатых босых мужчин, одного из которых ему было велено называть папой, но это было в какой-то другой стране…) Да, именно орхидеи.

Рука Лео двинулась, дрожание воздуха сменилось мерцанием, которое сгустилось в голубой ореол, исходящий из пространства между ними, воздух пах уже розами.

— Работает! — прохрипел Мышонок.

Лео кивнул.

— Лучше, чем то, что я имел когда-то у себя. Иллирионовые батареи здесь новые совсем. Ту вещь, которую я на лодке играл тогда, еще могу исполнить. Удивительно, — лицо его сморщилось. — Так хорошо не думал, что получится. Без практики.

Смущение придало лицу Лео выражение, какого Мышонок никогда у него не видел. Лео тронул рукоятки инструмента.

Она появилась из голубого свечения, наполнявшего воздух, стоя между ними в полоборота.

Мышонок ослеп.

Она была полупрозрачной, но чуть большее

сгущение цвета там, где были ее подбородок, плечи, ноги, лицо, делало ее такой реальной! Она повернулась и бросила в него удивительные цветы. Мышонок засыпанный лепестками, зажмурил глаза. Он глубоко вздохнул воздух, но этот вдох не спешил переходить в выдох. Он продолжал вдыхать эти запахи, пока его легкие не уперлись в ребра. Сильная боль в груди заставила его выдохнуть. Резко. Затем он начал осторожный постепенный вдох…

Он открыл глаза.

Масло, желтая вода Рога, грязь. Воздух был пуст. Лео, постукивая обутой ногой — другая была босой — о поручень возился с какой-то рукояткой.

Она ушла.

— Но… — Мышонок шагнул, остановился, покачиваясь на носках. Произносить слово было трудно. — Как?..

Лео поднял голову.

— Грубовато, да? А однажды я неплохо исполнил. Но давно совсем это было. Один раз, один раз, а как нужно, эту вещь исполнил я.

— Лео… Не мог бы?.. Я хочу сказать, ты говорил, что ты… Я не знал… Я не думал…

— Что?

— Научи! Не мог бы ты научить… меня?

Лео взглянул на потрясенного цыганенка, которому он так часто рассказывал о своих скитаниях по океанам и портам дюжины миров, и поразился.

Пальцы Мышонка судорожно подергивались.

— Покажи, Лео! Ты должен показать мне!

Мысли Мышонка метнулись от александрийского языка к арабскому, и наконец, остановились на итальянском:

— Bellissimo, Лео, Beilissimo![2]

— Ну… — Лео вдруг подумал, что в Мышонке больше страха, чем жадности, по крайней мере, того, что сам Лео понимал, как страх.

Мышонок глядел на украденную вещь с благоговением и ужасом.

— Ты можешь показать мне, как играть на нем?

Внезапно осмелев, он взял инструмент с колен Лео.

А страх был чувством, которое сопровождало Мышонка всю его короткую, разбитую жизнь.

Овладев инструментом, он внутренне собрался, удивляясь. Мышонок покрутил инструмент в руках.

---

[2] Примечания: 2
Великолепно, Лео, Великолепно! (итал.)

Там, где пыльная улица, извиваясь по холму, позади железных ворот брала свое начало, Мышонок работал по ночам, разнося подносы с кофе и булочками в чайной среди множества мужчин, проходя туда и обратно сквозь узкие стеклянные двери, наклоняясь, чтобы рассмотреть женщин входящих внутрь.

Теперь Мышонок приходил на работу все позднее и позднее. Он оставался у Лео, пока была возможность. Далекие огни мигали за доками, протянувшимися на целую милю, и Азия мерцала сквозь туман, когда Лео показывал на полированном сиринксе, как надо управлять запахом, цветом, формой, структурой и движением. Глаза Мышонка начали понемногу открываться.

Двумя годами позднее, когда Лео объявил, что продал свою лодку и подумывает переселиться на другой конец Созвездия Дракона, возможно, на Новый Марс, половить песчаных скатов, игра Мышонка уже превосходила ту безвкусицу, которую Лео показал ему в первый раз.

Месяц спустя Мышонок покинул Стамбул, просидел под сочащимися водой камнями Эдернакапи, пока ему не представилась возможность на грузовике добраться до пограничного города Ипсады. Он пересек границу с Грецией в красном

вагоне, битком набитом цыганами, продолжая странствия, добрался до Румынии, страны, где он родился. Он прожил в Турции три года. Все, что он нажил за это время, не считая одежды на себе — это толстое загадочное серебряное кольцо, слишком большое, слишком толстое, чтобы надевать его на палец, и сиринкс.

Два с половиной года спустя, когда он покинул Грецию, кольцо все еще было у него. Он отрастил на мизинце ноготь, как это делают ребята, работающие на грязных улицах позади магазинчика Монастераки, продавая ковры, медные безделушки и прочий популярный среди туристов товар неподалеку от величественного купола, покрывающего квадратную милю, «Афинского супермаркета», и сиринкс был у него.

Круизный теплоход, на который его взяли мыть палубу, вышел из Пирея в Порт-Саид, прошел через канал и направился в Мельбурн, порт приписки.

Когда теплоход лег на обратный курс, на этот раз в Бомбей, Мышонок был уже исполнителем в ночном клубе: Понтико Провечи, создавший известные произведения искусства, музыки, графики, выступает специально для вас. В Бомбее он сошел на берег, вдребезги напился (ему уже было

шестнадцать лет) и брел по грязному, освещенному лишь луной, дрожащей и большой, пирсу. Он клялся, что никогда больше не будет играть в полную силу за деньги. («Поди-ка, мальчик, сделай нам мозаику с потолка Собора Святой Софии, а потом — фриз Парфенона, да покачай их малость!») Он вернулся в Австралию, опять моя палубу на теплоходе. Он сошел на берег со своим загадочным кольцом, длинным ногтем и золотой серьгой в левом ухе. Моряки, пересекавшие экватор в Индийском океане, говорили, что этой серьге полторы тысячи лет. Стюард, проткнувший мочку его уха с помощью иголки с ниткой и льда. И опять с ним был сиринкс.

Вернувшись в Мельбурн, он стал играть на улицах. Он проводил много времени в кофейне, куда частенько заглядывали ребята из Королевской Астронавтической академии. Двадцатилетняя девушка, с которой он жил, была уверена, что ему тоже не мешало бы учиться.

— Иди, вставь себе несколько контактов. Ты так или иначе когда-нибудь их вставишь, а тут ты получишь знания и умение применять их не для работы на заводе, а с большей пользой для себя. Ты любишь путешествовать. А после обучения ты сможешь летать к звездам или управлять

строительными машинами.

Когда он окончательно порвал с девушкой и покинул Австралию, у него уже имелся аттестат киборга кораблей всех типов. Кроме аттестата у него имелась золотая серьга, остриженный ноготь на мизинце, его массивное кольцо — и сиринкс.

Даже имея аттестат, было очень трудно попасть на корабль, улетающий с Земли. Пару лет он работал на мелких коммерческих линиях, образующих треугольник: Земля-Марс, Марс-Ганимед, Ганимед-Земля. Но теперь черные глаза были полны звездным светом. Несколько дней спустя после того, как он отметил свое восемнадцатилетие (это был день, который его бывшая девушка и он уговорились считать его днем рождения там, в Мельбурне), Мышонку удалось добраться до второй луны Нептуна, откуда начинались дальние коммерческие линии, ведущие к мирам созвездия Дракона, Федерации Плеяд и даже к Окраинным Колониям, Серебряное кольцо помогло ему.

Созвездие Дракона, Тритон, Геенна-3, 3172 г.

Мышонок миновал Геенну-3. Его сапог клацал, босая же нога ступала бесшумно (точно так же,

только в другом городе и в другом мире, ходил Лео). Эта особенность появилась у него в результате межпланетных полетов. Те, кто долгое время работал на межпланетных кораблях в состоянии невесомости, развивал цепкость пальцев, по крайней мере, одной, а то и обеих ног так, что по сноровке они превосходили пальцы рук. Носить обувь на таких ногах не рекомендовалось. Коммерческие же звездолеты имели искусственную гравитацию, так что их экипажи не нуждались в такой тренировке.

Мышонок шагнул под трепещущую под теплым ветром крону большого платана и вдруг ударился обо что-то плечами. Его схватили, встряхнули и развернули.

— Ты, слепой щенок, с крысиной мордой…

Его держали вытянутой рукой, крепко стиснув его плечо. Мышонок поднял глаза на человека, который его держал.

Казалось, его лицо было разъемным. Шрам шел от подбородка, сближал толстые губы, поднимался по щеке — желтые глаза глядели, необыкновенно энергично — рассекал левую бровь и исчезал в рыжей, кудрявой, как у негра, шевелюре — в шелковистом ярко-желтом пламени. Шрам был цвета меди, а кровеносные сосуды

— цвета бронзы.

— Где ты находишься, парень? Как по-твоему?

— Простите…

Куртка распахнулась, показав золотой офицерский диск.

— Боюсь, я не совсем видел…

Кожа на лбу задвигалась. Под кожей на щеках проступили желваки. Из горла вырвался смех, громкий и презрительный.

Мышонок раздвинул губы в улыбке, пряча ненависть.

— Боюсь, я не совсем видел, куда иду!

— Боюсь, что именно так, — рука дважды опустилась на его плечо. Капитан покачал головой и двинулся дальше.

Смущенный и встревоженный, Мышонок побрел в другую сторону.

Потом он вдруг остановился и огляделся. На золотом диске, прикрепленном к левому плечу капитана, значилось его имя: Лок фон Рей. Рука Мышонка потянулась к футляру на поясе.

Он откинул упавшие на лоб волосы, огляделся и забрался на изгородь. Обоими ногами, и обутой, и босой, он крепко уцепился за нижнее кольцо и вынул сиринкс.

Куртка была наполовину расшнурована, и, ко-

гда Мышонок потянул инструмент из-за спины, под курткой обозначились мускулы. Мышонок задумался, длинные его ресницы колыхнулись. Его рука, тонкая, чуть согнутая, опустилась на индукционную панель.

Воздух наполнился дрожащими фигурами…

ГЛАВА ВТОРАЯ
СОЗВЕЗДИЕ ДРАКОНА, ТРИТОН, ГЕЕННА-3, 3172 г.

Катин, высокий и умный человек, шаркая ногами, шел по направлению к Геенне-3. Голова его была опущена, а мысли заняты лунами.

— Эй, парень!

— А?

Небритый бродяга облокотился на перила, вцепившись в верхнюю планку шелушащимися руками.

— Откуда ты? — глаза бродяги были затуманены.

— С Луны, — ответил Катин.

— Из беленького домика на тенистой улочке, с велосипедом в гараже? У меня был велосипед.

— Мой дом был зеленым, — ответил Катин, — и под надувным куполом. Впрочем, велосипед у меня был.

Бродягу качнуло вперед.

— Ты не знаешь, парень. Ты не знаешь.

— Следует выслушивать сумасшедших, — подумал Катин. — Они становятся большой редко-

стью. И он вспомнил, что надо сделать запись.

— Так давно… Ну, пока! — старик, пошатываясь, побрел по улице.

Катин покачал головой и пошел дальше.

Он был неуклюж и на редкость высок: выше двух метров. Он достиг этого роста к шестнадцати годам, но собственный рост его никогда не интересовал. За последующие десять лет он приобрел привычку слегка горбить плечи. Его длинные руки были постоянно засунуты за ремень шортов, а локти при ходьбе все время ударялись о что-нибудь.

И снова мысли его вернулись к лунам.

Катин, рожденный на Луне, любил луны. Он всегда жил на лунах, за исключением того времени, когда он уговорил своих родителей, стенографистов в суде созвездия Дракона на Луне, позволить ему обучаться в университете Земли, учебном центре таинственного и загадочного Запада — Гарварде, по-прежнему притягивающего к себе людей богатых, эксцентричных и неординарных. (Последние два качества относились и к Катину).

Об изменениях, происходящих с земной поверхностью — снижении высоты Гималаев, обводнения Сахары — он знал только по сообщениям. Морозные лишайниковые чащи марсианских

полярных шапок, неистовые песчаные реки экватора Красной планеты, меркурианская ночь в сравнении с меркурианским днем — все это было ему известно только по посещениям психорамы.

Это было отнюдь не то, что Катин знал, что Катин любил.

Луны?

Луны невелики. Их красота заключается в вариациях подобного. Из Гарварда Катин вернулся на Луну, а оттуда направился на станцию Фобос, где подключился к куче самописцев, устаревших, с малым объемом памяти, компьютеров, ареографов, и стал работать регистратором. Через некоторое время он исследовал Фобос на тракторе, оборудованном источником поляризованного света. Деймос — светлый обломок скалы шириной в десять миль, дрожал в это время над непривычно близким горизонтом. В конце-концов, Катин сколотил экспедицию на Деймос также, и облазил буквально каждый квадратный фут поверхности этой крошечной луны. Потом он побывал на лунах Юпитера: Ио, Европа, Ганимед и Каллисто прошли перед его карими глазами. Луны Сатурна, освещенные рассеянным сиянием колец, подверглись его обследованию, когда он возвращался со станции приема кораблей, где он

тогда работал. Он изучал серые кратеры, серые горы, равнины и каньоны днями и ночами, портя свое зрение. Все луны одинаковы?

Если бы Катин очутился на любой из них, структура залегания нефтеносных пластов, кристаллическое строение и топография луны позволили бы ему незамедлительно узнать, где он находится, даже если бы ему завязали глаза. Высокий Катин сразу подмечал мельчайшие особенности каждого ландшафта. А вот особенности мира в целом или отдельного человека, из-за которых возникают всевозможные страсти, он знал, но не любил.

Он избавлялся от этой нелюбви двумя способами:

Во-первых, он писал роман. (Это он называл «внутренним способом»).

Записывающий кристалл, подаренный родителями по случаю окончания школы, болтался на цепочке в районе его живота. К настоящему времени он содержал несколько сотен тысяч слов заметок. Но пока еще не была начата даже первая глава.

Во-вторых, (внешний способ), он выбрал изолированный образ жизни в соответствии со своим образованием, а не только темпераментом. Он

потихоньку все дальше и дальше отдалялся от фокуса человеческой деятельности, которым была для него Земля. Он окончил курсы киборгов всего за месяц. На эту луну — крайнюю луну Нептуна и Солнечной системы он прибыл этим утром.

Его каштановые волосы были шелковистыми, нечесанными и достаточно длинными, чтобы в них можно было вцепиться в драке (если только у вас для этого был достаточный рост). Руки, засунутые под ремень, машинально мяли плоский живот. Он подошел к тротуару и остановился. Кто-то сидел на изгороди и играл на сенсо-ситринксе.

Несколько человек стояли и смотрели на это.

Цвета распирали воздух, колыхались, словно под свежим бризом опадали и возникали снова, светлый изумруд, тусклый аметист. Порывы ветра доносили запахи уксуса, снега, океана, имбиря, мака, рома. Осень, океан, имбирь, океан, осень, океан, океан, опять океанские волны, и свет вскипал размытой голубизной и падал на лицо Мышонка. Электрическое арпеджио, струящееся ручейком.

Дюжины две людей стояло около него. Они щурились, они вертели головами. Отсветы дрожали на их веках, ложились на губы, на наморщенные

лбы. Какая-то женщина закашлялась, потирая свое ухо. Какой-то мужчина ударил себя по ляжкам.

Катин глянул поверх голов.

Кто-то протискивался вперед. Не прерывая игры, Мышонок поднял голову.

Слепой Дэн, неуверенно ступая, выбрался из толпы, остановился, шагнул вперед, в пламя сиринкса…

— Эй, проходи, не стой…

— Проходи, старик, живее…

— Не мешай нам смотреть…

Войдя в самую гущу создаваемых Мышонком образов, Дэн качнулся, голова его мотнулась.

Мышонок засмеялся. Его коричневые руки легли на рукоятку проектора. Свет, звук, запах уступили место ярко окрашенному демону стоящему перед Дэном, блеющему, гримасничающему, хлопающему облезлыми крыльями, меняющими свой цвет с каждым взмахом. Голос его звучал, как из рупора, третий глаз бешено вращался, а сам он кривлялся, передразнивая Дэна.

Среди зрителей раздался смех.

Цвета вздымались и опадали, послушные пальцам Мышонка. Цыган недобро усмехнулся.

Дэн пошатнулся и взмахнул рукой, чтобы удер-

жать равновесие.

Завопив, демон повернулся к нему задом и нагнулся. Раздался хлопок и зрители заорали от невыносимой вони.

Катин, который облокотился на забор рядом с Мышонком, почувствовал, как кровь приливает к его щекам.

Демон подпрыгнул.

Катин нагнулся и положил ладонь на индукционную панель. Демон потерял четкость.

Мышонок резко поднял голову.

— Эй!..

— Не надо этого делать, — произнес Катин. Его большая рука полностью накрыла плечо Мышонка.

— Он же слепой, — возразил Мышонок. — Он не слышит, не чувствует запахов, он даже не знает, что тут происходит. — Его черные брови нахмурились, но играть он все же перестал.

Дэн одиноко стоял в центре толпы. Вдруг он вскрикнул. Потом еще раз. Звуки были какими-то неживыми, металлическими. Толпа подалась назад. Мышонок и Катин посмотрели туда, куда указывала рука Дэна.

В темно-синей куртке с золотым диском, капитан Лок фон Рей прошел сквозь толпу. Шрам

пламенел в падающем на его лицо свете.

Дэн, несмотря на свою слепоту, узнал его. Он повернулся, и пошатываясь, стал выбираться из круга людей. Задев боком мужчину, толкнув женщину в плечо, он выбрался из толпы.

Дэн ушел и сиринкс смолк, внимание переключилось на капитана. Фон Рей с силой хлопнул по бедру. Звук был такой, словно он ударил доской…

— Спокойно! Кончайте орать!

Голос его был тихим и уверенным.

— Я набираю команду киборгов для длительного полета. Возможно, в неисследованную область, — такие энергичные глаза! Часть лица под ржавого цвета шевелюрой, не тронутая шрамом, улыбалась. Но для того, чтобы определить выражение изуродованного рта и брови, требовалось время. — Ну, кто из вас хочет отправиться со мной на край ночи? Вы черви или звездопроходцы? Вот ты? — он ткнул пальцем в Мышонка, все еще сидящего на изгороди. — Ты хочешь отправиться в путь?

Мышонок слез с изгороди.

— Я?

— Ты со своей огненной штучкой-дрючкой. Если только ты будешь в состоянии видеть, куда

идешь. И время от времени проделывать передо мной свои фокусы. Берешься за эту работу?

Усмешка тронула утолки губ Мышонка.

— Конечно, — усмешка пропала. — Я согласен. — Слова звучали так, словно это говорил не он, а пьяный старик. — Конечно, я согласен, капитан. — Мышонок кивнул и его золотая серьга блеснула в исходящем из разлома свете. Горячий воздух из-за ограды тронул его черные волосы.

— У тебя есть приятель, с которым ты бы хотел быть вместе? Мне нужен экипаж.

Мышонок, который практически никого здесь не знал, поглядел на высокого парня, остановившего его игру с Дэном.

— Как насчет этого коротышки? — он ткнул пальцем в сторону изумленного Катина. — Я его не знаю, но он потянет на друга.

— Хорошо. Итого… — капитан фон Рей сощурил глаза, кинув взгляд на опущенные плечи Катина, его узкую грудь.

— Меня, капитан, взять не хотите?[3]

Человек протолкался вперед.

Что-то хлопнуло у него за плечами, словно парус.

---

[3] Примечания: 3
Они говорили на диалекте Плеяд.

Его соломенного цвета волосы взметнулись от ветра, дующего не от расщелины. Влажные крылья сомкнулись и расправились снова. Словно оникс, словно слюда. Человек протянул руку к плечу, на котором эполетом расположились черные когти, и ласково погладил подушечки лап большим пальцем.

— А еще друг, кроме этой твари, у тебя есть?

Ее маленькая рука легла в его. Она выступила вперед, следуя за ним на расстоянии их вытянутых рук.

Веточка ивы? Крыло птицы? Кружащий голову осенний ветер? Мышонок потянулся к сиринксу, чтобы сохранить ее лицо для себя. И остановился, не в силах нажать кнопку записи.

Ее глаза были цвета стали. Маленькие груди поднимались под кружевом блузки, напрягаясь при вздохе. Сталь блеснула, когда она обвела толпу взглядом.

Сильная женщина, — подумал Катин, разбиравшийся в подобных вещах).

Капитан фон Рей взмахнул рукой.

— Вы двое и эта зверюга?

— Мы шесть, капитан, зверей возьмем, — сказала она.

— А потом они разнесут корабль? Отлично. Но

учтите, что я выброшу за борт ваш зверинец при первой же такой попытке.

— Прекрасно, капитан, — ответил мужчина. Раскосые глаза на его красном лице сузились от смеха. Свободной рукой он обхватил бицепсы другой руки и провел сомкнутыми пальцами по светлым волосам, росшим на его предплечье и тыльной стороне ладони. Теперь обе его руки сжимали руку женщины. Это та самая пара, которая играла в карты в баре, — дошло вдруг до Мышонка.

— Когда вы нас на борту ждете?

— За час до рассвета. Мой корабль стартует с восходом солнца. Это «РУХ», он на шестнадцатой площадке. Как вас зовут ваши друзья?

— Себастьян. — Зверь задел краем крыла его золотистое плечо.

— Тай. — Тень пересекала ее лицо.

Капитан фон Рей нагнул голову. Его тигриные глаза блеснули из-под ржавого цвета бровей.

— А враги?

Мужчина засмеялся.

— Чертов Себастьян и его черные бестии.

Капитан фон Рей взглянул на женщину.

— А вас?

— Тай, — и мягче. — Пока.

— Кто еще? Ну, в чем дело? Боитесь покинуть этот колодец, выходящий в тусклое солнышко? — фон Рей мотнул головой в сторону ярко освещенных гор. — Кто из вас пойдет с нами туда, где ночь длится вечно, а утро — не более чем воспоминание?

Мужчина шагнул вперед. Кожа цвета королевского винограда, большеголовый, полнолицый.

— Я хочу.

Когда он говорил, было видно, как мускулы перекатываются под кожей его лица, челюстей и голого черепа.

— Один или с товарищем?

Еще один человек вышел из толпы. Его плоть просвечивала, как пена. Его волосы были подобны белой шерсти. Одного взгляда было достаточно, чтобы заметить сходство вышедших. Та же линия уголков толстых губ, та же чуть вздернутая верхняя губа, те же очертания выступающих скул. Близнецы. Второй человек повернул голову и Мышонок увидел мигающие розовые глаза, подернутые серебристой поволокой.

Альбинос положил свою тяжелую руку — мешок мускулов, суставов и изуродованных работой пальцев, и переплетенных до локтя толстыми мертвенно-бледными венами — на плечо брата.

— Мы отправимся вместе.

Их голоса, их манера растягивать слова — все было абсолютно одинаковым.

— Вы двое! — фон Рей обратился к близнецам. — Ваши имена!

— Это Айдас, — ответил альбинос и опять положил руку на руку брата.

— …а это Линчес.

— А что сказали бы ваши враги, если бы я спросил их о вас?

Черный близнец пожал плечами.

— Только Линчес…

— …и Айдас.

— Ты? — фон Рей кивнул Мышонку.

— Вы можете звать меня Мышонком, если вы мой друг, а если враг мое имя вам знать не обязательно.

Желтые глаза фон Рея полузакрылись, когда он посмотрел на высокого.

— Катин Кроуфорд, — для Катина его собственный волюнтаризм был большой неожиданностью. — Когда мои враги скажут мне, как они меня называют, я сообщу вам, капитан фон Рей.

— Мы отправляемся в долгий путь, — произнес фон Рей, — и вы встретитесь с врагами, о которых вы не слыхали. Ваши конкуренты — Принс и Руби

Ред. Мы отправимся на грузовом корабле. Туда — пустыми, обратно — если все будет в порядке — с полным грузом. Я хочу, чтобы вы знали: ранее были попытки предприняты. Две попытки. Одна плохо началась. В другой раз я был в двух шагах от цели. Но эти шаги показались слишком большими кое-кому из моего экипажа. На этот раз я намерен стартовать, взять груз и вернуться.

— Куда мы будем лететь? — спросил Себастьян. Зверь на его плече переступил с лапы на лапу и взмахнул крыльями, чтобы сохранить равновесие. Размах его крыльев был около семи футов. — И что об обратном пути, капитан?

Фон Рей поднял голову к небу, словно надеялся разглядеть цель своего путешествия. Потом он медленно опустил ее.

— На обратном пути…

У Мышонка вдруг появилось странное ощущение, что кожа у него на шее, под затылком, отстала от мяса и кто-то, забавляясь, сдвигает ее тонким прутиком.

— Где-то на обратном пути, — сказал фон Рей, — будет Нова.

Страх?

Мышонок бросил взгляд на небо и увидел вместо звезд большие глаза Дэна.

Катин всегда благополучно выкарабкивался из многочисленных дыр многочисленных лун, но теперь он стоял, прикрыв глаза, а в нижней части живота у него медленно сжималось солнце.

«Это был уже *настоящий* страх», — подумал Мышонок. — «Словно зверь, бьющийся о грудную клетку, стремящийся вырваться на волю».

«Это начало миллиона путешествий», — мелькнуло в голове у Катина. — «Впрочем, можно ли назвать их полет путешествием, если они будут передвигаться не пешком».

— Мы должны добраться до огненного края взорвавшегося солнца. Вся нова — это стремительно расширяющееся скрученное пространство. Мы должны добраться до края этого хаоса и принести пригоршню пламени. И постараться не зевать. Там, куда мы пойдем, законов не существует.

— Какие законы вы имеете в виду? — спросил Катин. — Законы человеческие, или законы природы?

Фон Рей помедлил.

— И те, и другие.

Мышонок потянул кожаный ремень, идущий через плечо и уложил сиринкс в футляр.

— Это гонки, — сказал фон Рей. — Повторяю еще раз. Принс и Руби Ред — наши противники.

Человеческих законов, с помощью которых я мог бы их придержать, не существует. Тем более, когда мы будем возле новы.

Мышонок тряхнул головой, откидывая упавшие на глаза волосы.

— Путешествие будет рискованным, а, капитан? — мускулы его круглого лица дернулись, задрожали и застыли в усмешке, сдерживая дрожь. Руки его внутри футляра потянулись к мозаике сиринса. — Настоящее рискованное путешествие. — Его глухой голос дрогнул. — Я могу играть про это путешествие. — Голос его опять дрогнул.

— Как это… Мы принесем пригоршню пламени, — начал Линчес.

— Полный груз, — уточнил капитан фон Рей… То есть семь тонн. Семь кусков, по тонне каждый.

Айдас возразил:

— Но нельзя же погрузить семь тонн огня…

— …так что же мы привезем, капитан, — закончил Линчес.

Экипаж ждал. Стоящие вокруг тоже ждали.

Фон Рей потер правое плечо.

— Иллирион, — сказал он. — И мы зачерпнем его прямо из солнца. — Рука опустилась. — Да-

вайте сюда свои классификационные номера. Ну, а теперь я хочу вас увидеть в очередной раз только на «РУХЕ» за час до восхода.

— Выпей…

Мышонок оттолкнул руку. Он находился в дансинге. Музыка рассыпалась колокольчиками, восемь красных огней над стойкой замигали.

— Выпей…

Мышонок постукивал ногой в такт музыке. Тай напротив него тоже отбивала такт, темные волосы покачивались за ее блестящими плечами. Глаза были закрыты, губы подрагивали.

Кто-то кому-то говорил:

— Нет, не могу я это пить. Хватит с меня.

Она хлопнула в ладоши, двинувшись к нему. Мышонок моргнул.

Тай начала мерцать.

Он опять моргнул.

И увидел Линчеса, державшего в своих белых руках сиринкс. Его брат стоял сзади, оба они смеялись. Настоящая Тай сидела у краешка стола за своими картами.

— Эй, — крикнул Мышонок и направился к нему. — Послушайте, не балуйтесь с инструментом! Если вы умеет играть, тогда пожалуйста. Только скажите сперва.

— А, — махнул рукой Линчес. — Ты тут единственный, кто в этом понимает…

— …переключатель стоял на солнечном луче, — перебил Айдас. — Мы извиняемся.

— О'кей, — сказал Мышонок, забирая сиринкс. Он был пьян и очень устал. Он вышел из бара и побрел вдоль пышущих жаром губ Геенны-3.

Потом он поднялся на мост, ведущий к семнадцатой площадке. Небо было черно. Он вел ладонью по поручню и его пальцы и предплечье были освещены идущим снизу оранжевым светом.

Кто-то стоял впереди, облокотившись о перила.

Он пошел помедленнее.

Катин задумчиво смотрел по ту сторону бездны, лицо его в исходящем из глубины свете, казалось маской.

В первый момент Мышонку показалось, что Катин с кем-то беседует. Потом он увидел у него на ладони записывающий кристалл.

— Проникните в человеческий мозг, — говорил Катин в аппарат. — Между головным и спинным мозгом вы найдете нервный узел, напоминающий человеческую фигурку, но всего около сантиметра высотой. Он связывает сигналы,

формируемые органами чувств, с абстракциями, формируемыми головным мозгом. Он приводит в действие наше восприятие окружающего мира и запас знаний, которым мы обладаем.

Проникните сквозь путаницу интриг, тянущихся от мира к миру.

— Эй, Катин!

Катин взглянул на него. Волна горячего воздуха поднималась снизу.

— …от звездной системы к звездной системе, заполнивших сектор созвездия Дракона с центральной звездой Солнце, Федерацию Плеяд, Окраинные Колонии, и вы увидите толчею дипломатов, официальных представителей — кем-то назначенных и самозванных, неподкупных или продажных в зависимости от ситуации, короче, образование, принимающее форму представляемого им мира. Его задача — воспринимать и уравнивать социальные, экономические и культурные изменения, влияющие на положение дел в Империи.

Проникните внутрь звезды, туда, где пламя окружает ядро из чистого ядерного вещества, сверхсжатого летучего, удерживаемого в этом состоянии весом окружающего вещества, имеющее сферическую или продолговатую форму, повторя-

ющую форму звезды. Вследствие внутризвездных процессов ядро испытывает сильнейшие сотрясения. Однако, происходящие на поверхности звезды изменения значительных масс вещества сглаживают эти толчки.

Случается, что расстраивается тонкий механизм балансировки внешних и внутренних сигналов в человеческом мозгу.

Часто правительства и дипломаты не в силах сдержать процессы, происходящие в подвластных им мирах.

А когда расстраивается механизм балансировки солнца, рвущаяся наружу звездная энергия порождает титанические силы, которые превращают это солнце в нову…

— Катин!

Он выключил свой аппарат и посмотрел на Мышонка.

— Чем это ты занят?

— Делаю заметки для своего будущего романа.

— Твоего чего?

— Это архаическая форма искусства, вытесненная психорамой. Она имела ряд ныне исчезнувших особенностей, которым последующие формы искусства уже не обладали. Я — анахронизм, Мышонок. — Катин усмехнулся. — Кстати,

спасибо за работу.

Мышонок пожал плечами.

— О чем это ты толковал?

— О психологии, — Катин опустил кристалл в карман, — политике и физике. О трех «П».

— Психология? — переспросил Мышонок. — Политика?

— Ты умеешь читать и писать? — спросил Катин.

— На турецком, греческом и арабском. На английском — хуже. С буквами не сделаешь того, что можно сделать со звуком.

Катин кивнул. Он был тоже слегка пьян.

— Хорошо сказано. Вот почему английский — очень подходящий для романов язык. Но я сильно упрощаю.

— Что там насчет политики и психологии? Физику[4] я знаю.

— В особенности, — произнес Катин, обращаясь к бурлящей, пышущей жаром ссадине на поверхности планеты, кровоточащей в двухстах метрах под ними, — психология и политика нашего капитана. Они прямо-таки интригуют меня.

— Но почему?

---

[4] Примечания: 4

По-английски физика начинается с «Р».

— Его психология на данный момент всего лишь любопытна, поскольку она неизвестна. У меня будет возможность понаблюдать за ним в полете. Но его политика обещает большие возможности.

— Да? А как это?

Катин сцепил пальцы и подпер ими подбородок.

— Я обучался в высшем учебном заведении одной некогда великой страны. Неподалеку от нас находилось строение с вывеской «ЛАБОРАТОРИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФОН РЕЯ». Сравнительно новое здание построенное лет сто сорок назад.

— Капитан фон Рей?

— Я полагаю, его дед. Лаборатория была подарена школе в честь тридцатилетия со дня вынесения судом созвездия Дракона решения о представлении независимости Федерации Плеяд.

— Так фон Рей из Плеяд? По его произношению этого не скажешь. Вот Себастьян и Тай — другое дело. А ты уверен в этом?

— Там находятся его фамильные владения. Скорее всего, сам он все время путешествует по Вселенной, от чего бы я тоже не отказался. Как

долго, ты думаешь, он владеет своим кораблем?

— А он не работает на какой-нибудь синдикат?

— Нет, если только этот Синдикат не принадлежит его семье. Фон Реи — наиболее влиятельное семейство в Федерации Плеяд. Я не знаю, является ли капитан любимым кузеном, любимым настолько, что ему позволено носить то же имя, или прямым родственником и наследником. Но я знаю, что это имя связано с управлением и организацией Федерации Плеяд в целом, это тот сорт семей, которые имеют дачу на Окраинных Колониях и дом или два для постоянного жительства — на Земле.

— Тогда он большой человек, — хрипло произнес Мышонок.

— Большой.

— А кто такие Принс и Руби Ред? О которых он говорил?

— Ты настолько глуп, или ты просто продукт сверхспециализации тридцать второго века? — удивился Катин. — Иногда я мечтаю о возвращении великих людей двадцатого столетия: Бертрана Рассела, Сюзанны Лэнгер, Педжета Давлина, — он посмотрел на Мышонка. — Кто производит все известные тебе транспортные средства, межпланетные и межзвездные?

— Ред-шифт лимитед… — Мышонок осекся.

— *Тот* Ред?

— Если бы это был не фон Рей, я бы подумал, что он говорит о ком-то другом. Но он фон Рей, и поэтому, скорее всего, он имеет в виду именно тех Редов.

— Черт, — пробормотал Мышонок. Фирменный знак Ред-шифт встречался настолько часто, что временами даже не привлекал взгляда, Ред-шифт производила технику для космических полетов, оборудование для ремонта и обслуживания космических кораблей, запасные части.

— Реды — семейство промышленников, корни которого уходят к заре космических полетов. Они очень прочно обосновались в созвездии Дракона, и в особенности на Земле. Фон Реи — это не такая старая, но не менее могущественная фамилия из Федерации Плеяд. А теперь они устроили гонки за семью тоннами иллириона. Твое политическое чутье не заставляет тебя содрогаться за исход этого дела?

— Почему это?

— Конечно, — сказал Катин, — артист, имеющий дело с самовыражением и воплощением своего внутреннего мира, должен помимо всего прочего, быть также и политиком. Но в *самом*

деле, Мышонок?

— О чем ты говоришь, Катин?

— Мышонок, что означает для тебя иллирион?

Мышонок подумал.

— Иллирионовая батарея приводит в действие мой сиринкс. Я знаю, что его используют для подогрева ядра этой луны. Да, он не имеет отношения к достижению свехсветовых скоростей?

Катин прикрыл глаза.

— Ты такой же зарегистрированный, проверенный, компетентный киборг, как и я. Правильно? — на последнем слове «правильно» глаза его открылись.

Мышонок кивнул.

— И когда же возродится система обучения, для которой понимание было неотъемлемой частью знания! — вопросил Катин в мерцающую темноту. — Где ты проходил обучение на киборга, в Австралии?

— Угу.

— Соображай, Мышонок. В батарее твоего сиринкса иллириона значительно меньше, раз в двадцать — двадцать пять, чем, скажем, радия в светящихся цифрах радиевых часов. Сколько времени служит батарея?

— Она рассчитана на пятьдесят лет. И она чер-

товски дорогая.

— Количество иллириона, необходимое для подогрева этой луны, измеряется граммами. Примерно столько же нужно космическому кораблю. Для того, чтобы разнести всю Вселенную, достаточно восьми-девяти тысяч килограммов. А фон Рей собирается добыть *семь* тонн!

— Я полагаю, что Ред-шифт здорово этим заинтересуется.

Катин энергично кивнул!

— Могут.

— Катин, а что вообще такое иллирион? Я спрашивал об этом, когда учился у Купера, но мне сказали, что это слишком сложно для меня.

— Мне сказали то же самое в Гарварде, — ответил Катин. — Психофизика номера семьдесят четыре и семьдесят пять. Я пошел в библиотеку. Наилучшее определение дано профессором Плавиневским в его труде, посланном сперва в Оксфорд в 2238 году, а потом уже — в Общество Теоретической Физики. Я цитирую: «В основном, джентльмены, иллирион — это что-то еще...» Можно было гадать, была ли это счастливая случайность вследствие недостаточного владения языком, или глубокое знание особенностей английского. Я полагаю, что определение в сло-

варе выглядит примерно так: «...общее название группы элементов с порядковыми номерами выше трехсотого, обладающих психоморфными свойствами, гетеротронные свойства которых аналогичны большинству известных элементов, в том числе и принадлежащих к воображаемой серии и имеющих номера от сто седьмого до двести пятьдесят пятого в периодической таблице». Как у тебя с субатомной физикой?

— Я ведь — всего-навсего только киборг.

Катин приподнял дрогнувшую бровь.

— Ты знаешь, что если двигаться по периодической системе, то, начиная примерно с девяносто восьмого номера, элементы становятся все менее и менее стабильными. В конце концов, мы доходили до забавных штучек, вроде Эйнштейния, Калифорния, Фермия с периодом полураспада в несколько сотых секунды, а даже и до стотысячных долей. Чем дальше мы идем, тем нестабильней элемент. По этой причине целая серия элементов с сотого по двести девяносто восьмой номер названа неправильновоображаемой. На самом деле они существуют. Но они не живут долго. А примерно с двести девяносто шестого номера стабильность начинает расти. Начиная с трехсотого мы возвращаемся к пе-

риоду полураспада, измеряемому десятыми, а через пять-шесть номеров элементов начинается новая серия с периодом полураспада, исчисляемого миллионами лет. Эти элементы имеют гигантское ядро и встречаются крайне редко. Давным-давно, еще в 1950 году, были открыты гипероны, элементарные частицы больше протонов и нейтронов. Эти частицы обладают энергией связи достаточной для того, чтобы удерживать такое сверхядро. Точно так же обычные мезоны удерживают ядра известных нам элементов. Эта группа сверхтяжелых, сверхстабильных элементов имеет общее наименование «иллирион». И опять я процитирую великого Плавиневского: «В основном, джентльмены, иллирион — это что-то еще». Как гласит Вебстер, он и психоморфен и гетеротронен. Я полагаю, будет правильнее сказать, что иллирион — это масса вещей для массы людей. — Катин прислонился к забору и взмахнул рукой. — Я желаю знать, что он значит для нашего капитана?

— А что такое *гетеротронный*?

— Мышонок, — сказал Катин, — к концу двадцатого столетия человечество стало свидетелем всеобщего взрыва того, что было позднее названо «современной наукой». Пространство оказа-

лось заполненным квазарами и неизвестными источниками радиоизлучения. Количество элементарных частиц превысило число состоящих из них элементов. Стабильные химические соединения, всегда считавшиеся невозможными, образовывались направо и налево, благородные газы оказались не такими уж благородными. Концентрация энергии, выдвинутая Квантовой теорией Эйнштейна, оказалась настолько верной и привела к такому количеству противоречий, как это случилось ранее с теорией трехсотлетней давности, гласившей, что огонь — это летучая жидкость, называемая флогистоном. Недруги науки — что за великолепное название! — с яростью набросились на новую теорию. Открытие психодинамики заставило каждого сомневаться всегда и во всем. А сто пятьдесят лет назад этот разнобой был приведен в относительный порядок великими умами синтетики и обобщенных наук. Их имена очень много говорят мне, но для тебя они — ничто. И ты, знающий только, когда какую кнопку нажать, хочешь, чтобы я — продукт многовековой системы обучения, основывающейся не только на получении информации, но и на целой теории общественной балансировки, сделал тебе пятиминутный обзор развития

человеческой мысли за последние десять веков? Ты хочешь знать, что такое гетеротронный элемент?

— Капитан сказал, что мы должны быть на борту за час до восхода солнца, — рискнул вставить Мышонок.

— Не обращай на это внимания. У меня просто привычка к такого рода экспромтам. Дай подумать. Сперва во Франции в двухтысячном году появился труд де Бло, в котором он предлагал новую пока еще грубую шкалу и свой в основном точный метод измерения психических изменений электрических…

— Не надо, — перебил Мышонок. — Я хочу узнать про фон Рея и иллирион.

Крылья всколыхнули воздух. Показались черные силуэты. Рука в руке, Себастьян и Тай поднимались по мостику. Их звери, переступающие с ноги на ногу, подняли головы. Тай подбросила одного из них, и он взлетел в воздух. Два других затеяли ссору из-за того, кому сидеть на плече Себастьяна. Один уступил, а другой, удовлетворенный, теперь лениво взмахивал, задевая светловолосую, восточного типа, голову.

— Эй, — хрипло окликнул их Мышонок. — И вы на корабль идете?

— Идем.

— Минуточку. Что для вас значит имя фон Рея? Вам оно знакомо?

Себастьян улыбнулся и Тай бросила на него взгляд своих серых глаз.

— Мы из Федерации Плеяд происходим, — ответила она. — Я и эти звери родились в одном месте — и хозяйка, и стая. Наше солнце — это Дим, умершая Сестра.

Плеяды в давние времена назывались Семью Сестрами, потому что с Земли видно только семь звезд, — пояснил, к недовольству Мышонка, Катин. — За несколько веков до нашей эры, одна из видимых звезд превратилась в нову, а затем исчезла. Сейчас в глубинах ее обугленных планет построены города. Там еще слишком жарко для нормальной жизни, но жить все-таки можно.

— Нова? — спросил Мышонок. — А что о фон Рее?

Тай сделала кругообразное движение рукой.

— Все, что угодно. Влиятельная, хорошая семья.

— Это относится и к капитану фон Рею? — спросил Катин.

Тай пожала плечами.

— А иллирион? — спросил Мышонок. — Что

вам о нем известно?

Себастьян опустился на корточки, окруженный своими питомцами. Крылья за его спиной сомкнулись. Его волосатая рука успокаивающе дотронулась до каждой головы.

— Федерация Плеяд не имеет. Система Дракона — тоже, — буркнул он.

— Говорят, что фон Рей — пират, — неуверенно сказала Тай.

Себастьян резко поднял голову.

— Фон Реи — хорошая и влиятельная семья. Фон Рей — хороший человек! Поэтому мы с ним и идем.

Тай, уже более мягко, с вежливым выражением лица, произнесла:

— Фон Реи — хорошая семья.

Мышонок увидел Линчеса, приближающегося к ним по мосту. А через десять секунд — и Айдаса.

— Вы двое, вы из Окраинных Колоний?

Близнецы остановились плечо к плечу. Розовые глаза мигали чаще карих.

— Из Аргоса, — сказал альбинос.

— Аргос на Табмене Б-12,— уточнил другой.

— Дальние Окраинные Колонии, — сказал Катин.

— Что вы знаете про иллирион?

Айдас прислонился к перилам моста, нахмурился, потом вспрыгнул на перила и сел.

— Иллирион? — он подогнул ноги и зажал ладони между колен. — У нас в Окраинных Колониях иллирион есть.

Линчес сел рядом.

— Тобиас, — сказал он. — У нас был брат, Тобиас. — Линчес подвинулся на брусе перил ближе к смуглому Айдасу. — У нас был брат по имени Тобиас там, в Окраинных Колониях. — Он взглянул на Айдаса, его коралловые глаза подернулись серебром. — На Окраинных Колониях, там, где и иллирион. — Запястья его рук сблизились, но пальцы смотрели в стороны как лепестки лилии.

— Миры Окраинных Колоний? — сказал Айдас. — Бальтус — с его снегом, полными грязи дырами и иллирионом. Кассандра — со стеклянными пустынями, огромными, словно земные океаны, бесчисленными джунглями голубых растений, с пенящимися реками галениума — и с иллирионом. Салинус — иссеченный пещерами и каньонами глубиной в милю, с континентами, заполненными мертвенно-красными болотами, с морями, со дна которых поднимаются города,

построенные из кварца — и с иллирионом…

— Окраинные Колонии — это миры со звездами, более молодыми, чем звезды Созвездия Дракона, и во много раз более молодыми, чем Плеяды, — перебил Линчес.

— Тобиас… он на одной из иллирионовых шахт Табмена, — сказал Айдас.

Голоса звучали напряженней, взгляды то опускались к почве, то сталкивались. Когда черная рука сжималась, разжималась белая.

— Айдас, Линчес, Тобиас, мы выросли на безводных камнях экваториальной части Табмена, в Аргосе, под тремя солнцами и красной луной…

— …и на Аргосе тоже есть иллирион. Мы были буйными. Нас называли буйными. Две черные жемчужины и одна белая, с шумом катающиеся по улицам Аргоса…

— …Тобиас был черным, как Айдас. Я один в городе был белым…

— …но не менее буйным, чем Тобиас, по его словам. И нам сказали, что мы бешеные однажды ночью, что мы потеряли головы от блаженства…

— …золотая пыль, скапливающаяся в трещинах скал, если ее вдохнуть, заставляет глаза мерцать немыслимыми цветами, и новые мелодии начинают звучать в ушах, и чувствуешь восторг…

— …под влиянием блаженства мы сделали портрет мэра Аргоса, прикрепили его к летательному аппарату с часовым механизмом и запустили над городской площадью, а из аппарата звучали стихи, высмеивающие влиятельных граждан города…

— …и за это были высланы из Аргоса в необитаемые места Табмена…

— …а за пределами города была только одна возможность прожить: спуститься в море и работать, пока не забудется позор, в подводных иллирионовых шахтах…

— …и мы трое, которые под влиянием блаженства ничего не делали, а только прыгали и смеялись, и не дразнили никого…

— …мы были наивными…

— …мы спустились в шахту. Мы работали в воздушных масках, в водолазных костюмах на подводных разработках Табмена целый год…

— …год на Табмене на три месяца длиннее, чем на Земле и там шесть времен года вместо четырех…

— …и в начале нашей второй, цвета морской волны, осени, мы решили уйти. Но Тобиас не пошел с нами. Его руки уловили ритмику волн, куски породы удобно ложились на его ладони…

— …и мы оставили нашего брата в иллириновой шахте, а сами двинулись в путь среди звезд, боясь…

— …понимаете, мы боялись, что раз наш брат Тобиас нашел что-то, что оттолкнуло его от нас, то один из нас тоже может найти что-то, что разделит и нас двоих…

— …поскольку мы считали, что нас троих разлучить нельзя, — Айдас посмотрел на Мышонка. — И нам не до блаженства.

Линчес моргнул.

— Вот что значит иллирион для нас.

— Еще несколько слов, — сказал Катин с другой стороны тротуара. — В Окраинных Колониях, включающих на сегодняшний день сорок два мира с населением около семи биллионов человек, практически каждый какое-то время занимается работой, имеющей отношение к добыче иллириона. Я полагаю, каждый третий работает в той или иной области, связанной с его производством и переработкой всю жизнь.

— Такова статистика, — подтвердил Айдас, — для Дальних Окраинных Колоний.

Черные крылья взметнулись, Себастьян поднялся и взял Тай за руку.

Мышонок почесал затылок.

— Ладно. Плюнем в эту реку и пойдем на корабль.

Близнецы спрыгнули с перил. Мышонок наклонился над пышущим жаром ущельем и сморщился.

— *Что* это ты делаешь?

— Плюю в Геенну-3. Цыган должен плюнуть три раза в каждую реку, которую переходит, — пояснил Мышонок Катину. — Иначе, непременно будут неприятности.

— Мы живем в тридцать первом столетии. Какие неприятности?

Мышонок пожал плечами.

— Я ни разу не плевал в реку.

— Может, это только для цыган?

— Я очень милым это нахожу, — сказала Тай и перегнулась через перила рядом с Мышонком. Себастьян стоял позади нее. Над ними, в струе теплого воздуха парил крылатый зверь. Вдруг он исчез в темноте.

— Что это? — вдруг показала Тай.

— Где? — выпрямился Мышонок.

Она показывала мимо него, на обрыв.

— Эй, — сказал Катин, — да ведь это тот слепой.

— Тот, который вмешался в твою игру.

Линчес протиснулся меж ними.

— Он болен, — он сузил свои цвета крови глаза. — Этот человек болен.

Завороженный мерцанием, Дэн огибал каменные глыбы, спускаясь к лаве.

— Он же обожжется! — воскликнул Катин.

— Но он не чувствует жара, — возразил Мышонок. — Он не видит, и, наверное, ничего не понимает!

Айдас, а за ним и Линчес, раздвинув остальных членов экипажа, побежали вверх по мосту.

— Бежим, — крикнул Мышонок, бросившись за ними.

Себастьян и Тай кинулись вдогонку, оставив позади Катина.

Спустившись на десять метров, Дэн остановился на камне, вытянув руки перед собой, готовясь нырнуть в огонь.

Они были на середине моста, а близнецы уже перелезали через ограждение, когда чья-то фигура появилась на обрыве над тем местом, где стоял старик.

— Дэн! — лицо фон Рея пламенело в обволакивающем его свете. Он прыгнул. Обломок сланца вылетел из-под его сандалий и разбился впереди него, когда он проехался по склону. — Дэн, не…

Дэн прыгнул.

Его тело, пролетев шестьдесят футов, рухнуло на выступ скалы, перевернулось еще раз и свалилось вниз.

Мышонок вцепился в ограждение, перегнулся, навалившись животом на перила.

Подбежавший Катин наклонился еще ниже.

— А-а-а-а, — выдохнул Мышонок, отворачиваясь.

Капитан фон Рей опустился на камень, с которого прыгнул Дэн. Он опустился на одно колено, оперся на стиснутые кулаки, вглядываясь вниз. Над ним мелькнули силуэты — Севастьяновы питомцы — и унеслись вверх, не отбрасывая тени. Близнецы остановились на выступе чуть выше него.

Капитан фон Рей поднялся. Посмотрел на свой экипаж. Он тяжело дышал. Потом он повернулся и стал карабкаться вверх по склону.

— Что случилось? — спросил Катин, когда они все уже были на мосту. — Почему он?..

— Я говорил с ним незадолго до этого, — ответил фон Рей. — Он был членом моего экипажа много лет. Но в последнем полете он… он ослеп.

Представительный капитан. Со шрамом капитан. А сколько ему могло быть? — подумал

Мышонок. Раньше Мышонок дал бы ему лет сорок пять — пятьдесят. Но замешательство сняло с него лет десять-пятнадцать. Капитан был в возрасте, но не стар.

— Я только что говорил ему, что устрою ему возвращение домой, в Австралию. Он повернулся и пошел назад, по мосту, к отелю, где я снимал ему комнату. Я оглянулся… на мосту его уже не было, — капитан поглядел на свой экипаж. — Идемте на «РУХ».

— Я полагаю, вы доложите об этом патрулю? — сказал Катин.

Фон Рей двинулся к воротам, на стартовое поле, над которым стометровой змеей извивался в темном небе Дракон. За ним следовал его экипаж.

— Здесь рядом, на мосту — видеофон…

Взгляд фон Рея заставил Катина замолчать.

— Я хочу взлететь с этого осколка скалы. Если мы пошлем сообщение отсюда, нас задержат и заставят каждого троекратно повторить рассказ.

— Я полагаю, сообщить можно и с корабля, — предложил Катин, — но после старта.

На мгновение Мышонок засомневался в точности своей оценки возраста капитана.

— Мы ничего уже не сможем сделать для этого старого печального дурака.

Мышонок бросил взгляд на расселину и заспешил вслед за Катином.

Поодаль от разлома ночь была прохладной и туман короной дрожал вокруг индукционно-флюоресцентных ламп, освещающих поле.

Катин и Мышонок были последними.

— Я думаю: что означает иллирион для большинства здешних жителей? — тихо спросил Мышонок.

Катин хмыкнул и засунул руки под ремень. Спустя минуту он спросил:

— Скажи, Мышонок, что ты думаешь об этом старике и его омертвевших чувствах?

— Когда они пытались добраться до новы в последний раз, — сказал Мышонок, — он слишком долго смотрел на звезду через сенсодатчик и все его нервные окончания были обожжены. Они не мертвы. Они повреждены длительным раздражением, — он пожал плечами. — Никакой разницы. Почти что мертвы.

— О, — сказал Катин и опустил взгляд.

Кругом стояли грузовые звездолеты. Меж них находились небольшие, метров сто высотой, частные корабли.

Некоторое время они молчали. Потом Катин спросил:

— Мышонок, тебе не приходило в голову, как много ты теряешь от этого путешествия?

— Да.

— И ты не боишься?

Мышонок дотронулся до руки Катина своими тонкими пальцами.

— Чертовски боюсь, — выдохнул он. Он откинул волосы, чтобы взглянуть на своего высокорослого товарища. — Ты знаешь, я не люблю таких вещей, которые произошли с Дэном. Я боюсь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Созвездие Дракона, Тритон, Геенна-3, 3172 г.

Какой-то киборг принес уголек и корявыми буквами вывел на панели компьютера аналогового преобразователя «ОЛЬГА».

— О'кей, — улыбнулся Мышонок машине, — так ты — Ольга?

Три огонька зеленых, четыре — красных, мигающих и тихонько гудящих. Мышонок начал скучную процедуру проверки величин напряжений и соответствия фаз.

Чтобы заставить корабль двигаться быстрее света, от звезды к звезде, вы должны использовать каждый изгиб пространства, каждое нужное вам искривление, совпадаемое с материей. Говорить о скорости света, как о предельной скорости движения объекта равносильно заявлению, что двенадцать-тринадцать километров в час — предел скорости пловца в море. Ведь если пловец будет использовать морские течения и силу ветра, как это делает парусник, ограничение скорости снимается. Звездолет имеет семь регуляторов потоков энергии, аналогичные парусам.

Шесть аналоговых преобразователей. Каждый компьютер контролируется киборгом. Капитан контролирует седьмой. Потоки энергии должны быть настроены соответственно рабочим частотам статических давлений. Тогда энергия иллириона разгоняет корабль. Такова работа Ольги и ее родных сестер. Но управление формой и положением паруса лучше поручить мозгу человека. Такова работа Мышонка (под контролем капитана). Кроме этого капитан осуществляет контроль над множеством дополнительных парусов.

Стены каюты были покрыты рисунками, оставшимися от предыдущих экипажей. Была там и койка. Мышонок заменил неисправную катушку индуктивности в ряду катушек-конденсаторов на семьдесят микрофарад, задвинул плату в стену и сел…

Он протянул руку к пояснице и нащупал разъем. Этот разъем подсоединили к его спинному мозгу у Купера. Он поднял экранированный кабель, петлей свернувшийся на полу и исчезавший в панели компьютера, и возился с ним до тех пор, пока все двенадцать штеккеров не вошли в гнездо на его пояснице. Он взял меньший, шестиштеккерный кабель и вставил его в гнездо на

внутренней стороне левого запястья, затем еще один — в гнездо на правом запястье. Теперь его периферическая нервная система была связана с Ольгой. На шее под затылком было еще одно гнездо. Он воткнул последний штеккер — кабель был тяжелым и слегка оттягивал шею — и увидел искры. Этот кабель посылал импульсы непосредственно в головной мозг, который при этом сохранял способность к восприятию зрительных и слуховых ощущений. Послышалось слабое гудение. Мышонок дотронулся до верньера на панели Ольги и подкрутил его. Гудение смолкло. Потолок, стены, пол — все было покрыто приборами управления. Каюта была достаточно мала, чтобы он смог дотянуться до большинства на них с койки. Но когда корабль стартует, он даже не сможет дотронуться до них. Зато он будет управлять двигателями только лишь с помощью нервных импульсов тела.

— Я всегда чувствую при этом, словно перед Большим Поворотом, — прозвучал в его ушах голос Катина. Киборги, разбросанные по своим каютам, находились в контакте между собой, когда подключались к компьютерам. — Поясница там, где входит кабель, словно омертвела. Все это больно уж походит на театр марионеток. Ты

знаешь, как все это работает?

— Если ты до сих пор этого не знаешь, — сказал Мышонок, — то это плохо.

Айдас:

— Спектакль на тему об иллирионе…

— …иллирионе и нове, — это Линчес.

— Скажи-ка, что ты сделал со своими зверями, Себастьян?

— Чашку молока они выпили.

— С транквилизаторами, — донесся нежный голос Тай. — Спят они сейчас.

Огни потускнели.

Капитан подключился к кораблю. Рисунки, царапины на стенах — все исчезло. Остались только красные огни на потолке, вспыхивающие один за другим.

— Приглашение поиграть, — сказал Катин, — со сверкающими камешками. — Мышонок пяткой задвинул под койку футляр с сиринксом и лег. Кабель он пристроил за спиной.

— Все в порядке? — услышали все голос фон Рея. — Выдвинуть четыре паруса.

Перед глазами Мышонка появился мерцающий свет.

…космопорт: огни по краям поля. Светящиеся разломы коры превратились в фиолетовое мерца-

ние. Но за горизонтом огни были сверкающими.

— Боковой парус на семь делений.

Мышонок согнул то, что прежде было его левой рукой. И боковой парус опустился, словно прозрачное крыло.

— Эй, Катин, — прошептал Мышонок. — Это уже кое-что! Посмотри…

Мышонок задрожал и согнулся под светозащитным экраном. Ольга улавливала его дыхание и пульс, когда нервные центры его спинного мозга управляли кораблем.

— За иллирионом и за Принсом и Руби Ред, — сказал один из близнецов.

— Смотри за парусом, — оборвал его капитан.

— Катин, гляди…

— Лежи и привыкай, Мышонок, — прошептал Катин. — Я как раз собираюсь заняться и подумать о прошлой жизни.

Пустота взревела.

— Чувствуешь, Катин?

— Ты можешь справиться с чем угодно, если постараешься.

— Вы двое, смотрите вперед, — сказал фон Рей.

Они посмотрели.

— Включить основные двигатели.

На мгновение перед Мышонком вспыхнули

огни Ольги. И пропали. Крылья распростерлись над ним. И они рванулись прочь от солнца.

— До свидания, Луна, — прошептал Катин.

И Луна исчезла на фоне Нептуна, а сам Нептун исчез на фоне Солнца. И Солнце начало уменьшаться.

Ночь обступила их.

Федерация плеяд. Арк. Нью-Арк. 3153 г.

Его звали Лок фон Рей и он жил на Экстол Парк-12, в большом доме на холме: Нью-Арк (Н. В. 78). Арк. Вот что надо говорить на улице, если потеряешься и тебе помогут найти твой дом. Улицы Арка были закрыты прозрачными щитами от ветра, и вечерами, с апреля по юмбру, разноцветные клубы расходились в стороны, взмывали вверх и сплетались над городом в скалах Тонга. Его звали Лок фон Рей и он жил… Это все детские воспоминания, наиболее прочные, наиболее запомнившиеся. Арк был крупнейшим городом в Федерации Плеяд. Мама и папа были важными людьми и часто говорили о созвездии Дракона и его центральной планете — Земле. Они говорили о перестройке, о будущей независимости Окраинных Колоний. Их гостями были: сенатор такой-то и представитель имярек. После того, как

Секретарь Морган женился на тете Циане, они пришли на обед, и Секретарь Морган подарил ему голографическую карту Плеяд, которая была совсем как обычный лист бумаги, но стоило осветить ее лазерным лучом, как начинало казаться, что смотришь ночью из окна на светящиеся точки, мерцающие на разном расстоянии.

— Ты живешь на Арке, второй планете этого солнца, вот здесь, — сказал его отец, показывая место на карте, которую Лок расстелил на каменном столе у стеклянной стены. По ту сторону ее паукообразные деревья корячились под вечерним ветром.

— А где Земля?

Отец в столовой рассмеялся громко и в одиночку.

— Ты не увидишь ее на этой карте, это ведь только Федерация. Плеяд.

Морган опустил свою руку на плечо мальчугана.

— В следующий раз я принесу тебе карту созвездия Дракона.

Секретарь, чьи глаза были похожи на миндаль, улыбнулся.

Лок повернулся к отцу:

— Я хочу в созвездие Дракона, — затем снова к

Секретарю Моргану. — Мне хочется на несколько дней слетать в созвездие Дракона.

Секретарь Морган разговаривал, как множество людей, в школе Косби, где учился Лок, как люди на улицах, помогающие ему найти дорогу домой, когда он заблудился в четырехлетием возрасте (но не как папа или тетя Циана) и мамочка, и папочка были так расстроены (Мы так горевали! Мы думали, что тебя украли! Ты не должен подходить к этим картежникам на улицах даже если они привели тебя домой!) Его родители улыбались, когда он говорил так с ними, но они не стали бы улыбаться сейчас, поскольку Секретарь Морган — гость.

Отец хмыкнул:

— Карта Дракона! Вот все, что ему нужно. Да, Дракон!

Тетя Циана засмеялась. Мама и Секретарь Морган тоже рассмеялись.

Они жили на Арке, но часто отправлялись и на другие планеты на больших кораблях. Там у вас есть каюта, где достаточно протянуть руку, к цветным панелям, чтобы в любое время заказать любую еду. Или вы можете спуститься на обзорную палубу и любоваться пустотой пространства, переведенной в сияние света под сводчатым

потолком, вспыхивающими и проносящимися среди звезд красками и знать, что вы летите все быстрее и быстрее. Быстрее, чем что-либо.

Время от времени его родители летали в Созвездие Дракона, на Землю, в города называющиеся Нью-Йорк и Пекин. Он мечтал о том времени, когда они возьмут его с собой.

Но каждый год, в последнюю неделю селюара, они на одном из крупнейших кораблей отправлялись на другой мир, которого тоже не было на карте. Он назывался Новой Бразилией и находился в Окраинных Колониях. Он тоже жил на Новой Бразилии, на острове Сяо Орини, так как у его родителей был дом неподалеку от разработок.

Окраинные Колонии. Новая Бразилия. Сяо Орини. 3154 г.

Первый раз он услыхал имена Принса и Руби Ред именно в доме на Сяо Орини. Он лежал в комнате, крича, чтобы закрыли свет.

Его мама, наконец, пришла, опустила сетку от комаров — в ней не было нужды, поскольку дом был оснащен аппаратурой для отпугивания крохотных красных жучков, после укуса которых несколько часов чувствуешь себя веселым, но мама предпочитала страховаться. (Мама взяла

его на руки.

— Ш-ш-ш-ш! Ш-ш-ш! Все хорошо. Тебе не хочется спать? Завтра будут гости. Ты не хочешь поиграть с Руби и Принсом?

Она походила по детской с ним, потом остановилась, чтобы нажать на настенный выключатель. Потолок начал поворачиваться, поляризованное стекло стало прозрачным. Сквозь пальмовые кроны, смыкающиеся над крышей, струили свой оранжевый свет две луны. Она уложила его, погладила жесткие рыжие волосы. Немного погодя она собралась уходить.

— Не выключай, мамочка!

Она убрала руку с выключателя. Улыбнулась, покачав головой. Ему стало тепло, он повернулся в постели и стал смотреть сквозь пальмовые листья на луны.

Принс и Руби Ред прибыли с Земли. Он знал, что родители его матери были с Земли, из страны называемой Сенегал. Предки его отца тоже были с Земли, из Норвегии. Фон Реи, светловолосые и буйные, спекулировали в Плеядах из поколения в поколение. Он не имел понятия чем, но, как он понимал, очень успешно. Его семья владела месторождением иллириона, разработки которого начинались сразу же за северной оконечностью

Сяо Орини. Отец как-то пошутил, что сделает его маленьким десятником разработок. Видимо, иллирион и означал «спекуляцию».

И луны ушли. И он заснул.

Он не помнил, чтобы его знакомили с голубоглазым, черноволосым мальчиком с протезом вместо правой руки, и его подвижной сестрой. Но он помнил, как они трое — он, Принс и Руби — играли на следующий день в саду.

Он показал им то место за бамбуковой рощей, где можно было забиться в высеченные из камня пасти.

— Что это? — спросил Принс.

— Драконы, — объяснил Лок.

— Драконов нет, — сказала Руби.

— Это драконы. Так сказал папа.

— О, — Принс ухватился за нижнюю губу чудовища искусственной рукой и, подтянувшись, уселся на камне. — Зачем они?

— Чтобы забираться туда. А потом спускаться вниз. Папа говорил, что их высекли люди, которые жили раньше.

— Кто жил здесь раньше? — спросила Руби, — и для чего нужны были драконы? Помоги мне забраться, Принс.

— Я думаю, они глупцы, — теперь и Руби, и

Принс стояли над ним меж каменных клыков. (Позднее он узнал, что «люди, которые жили раньше» — это раса, вымершая двести тысяч лет назад, их статуи пережили создателей и на этих обломках фон Реи воздвигли свой особняк).

Лок вскочил на камни под челюстью, уцепился за нижнюю губу и стал карабкаться.

— Дай руку.

Сейчас, ответил Принс. Затем, неторопясь, он поставил ногу на пальцы Лока и нажал.

Лок задохнулся от боли и повалился на траву, зажимая пальцы.

Руби хихикнула.

— Эй! — гнев пульсировал в нем, гнев и недоумение. Пальцы била дрожь.

— Нечего было издеваться над его рукой, — сказала Руби, — он этого не любит.

— А? — Лок впервые за все это время в упор поглядел на клешню из металла и пластика. — Я не издевался!

— Издевался, — враждебно сказал Принс. — Я не люблю людей, которые издеваются надо мной.

— Но я… — семилетний разум Лока старался как-то увязать эту бессмыслицу. Он поднялся. — А что у тебя с рукой?

Принс опустился на колени, потом ухватился

за край камня и повис, качаясь, на уровне головы Лока.

— Смотри!.. — он взлетел обратно. Механическая рука согнулась так быстро, что воздух засвистел.

— Не говори больше о моей руке! С ней ничего особенного! Совсем ничего!

— Если ты не будешь дразнить его, — добавила Руби, глядя на мальчика из каменной пасти, — он подружится с тобой.

— Ну, тогда все в порядке, — осторожно сказал Лок.

Принс улыбнулся:

— Тогда мы подружимся, — у него был слабый подбородок и мелкие зубы.

— Все в порядке, — сказал Лок. Он уже понял, что Принс ему не нравится.

— Если ты скажешь что-нибудь вроде «Дай руку», он побьет тебя. Он сделает это, хотя ты и старше его.

И старше Руби.

— Иди сюда, — пригласил его Принс.

Лок забрался в пасть и встал рядом с ними.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Руби. — Спускаться?

— Отсюда можно смотреть на сад, — сказал

Лок. — И на гостей.

— Кому интересно глядеть на этих стариков? — протянула Руби.

— Мне, — сказал Принс.

— О, — сказала Руби, — тебе. Ну, тогда ладно.

Там, за бамбуком по саду прогуливались гости. Они вежливо кланялись, говорили о последней психораме, политике, потягивая вино из высоких стаканов. Его отец стоял у фонтана, выясняя у спутников их отношение к предполагаемой независимости Окраинных Колоний — в конце-концов, у него здесь был дом и он должен был держать палец на пульсе общественной жизни. Это был год, когда убили Секретаря Моргана. Хотя Андервуд и был схвачен, существовали разные мнения о том, какая партия сильнее.

Женщина с серебряными волосами кокетничала с молодой парой, пришедшей с послом Сельвином, который был двоюродным братом Локу. Аарон Ред, мужчина осанистый, настоящий джентльмен, загнал в угол трех молодых леди и разглагольствовал о моральном вырождении молодежи. Мама ходила среди гостей, подол ее красного платья касался травы, за ней тихонько жужжа двигался буфет. Она останавливалась то тут, то там, чтобы предложить камаче, бокал ви-

на, свое мнение о предполагаемой перестройке. После года феноменального успеха тоху-боху, интеллигенция наконец приняла эту музыку, и теперь скрежещущие звуки метались по поляне. Световая фигура в углу извивалась, мерцала, вырастала в такт музыке.

Его отец громогласно засмеялся, привлекая всеобщее внимание.

— Послушайте! Послушайте, что сказал мне Лузуна! — он держал руку на плече у студента, пришедшего с молодой парой. Несдержанность фон Рея, очевидно, подсказала молодому человеку аргументы. Отец жестом велел ему говорить.

— Я только сказал, что мы живем в то время, когда экономические, политические и технологические перемены ведут к развалу культурных традиций.

— Господи, — засмеялась женщина с серебряными волосами, — и *всего-то*?

— Нет, нет, — отец сделал отрицательный жест. — Мы должны послушать, что думает младшее поколение. Продолжайте, сэр!

— Иссякла мировая и национальная солидарность. Даже на Земле, в центре созвездия Дракона. Последние шесть поколений стали очевидцами такого переселения народов в другие миры, ка-

кого еще не бывало. Это псевдоинтерпланетное общество, несущее новые традиции, пока еще очень влекущие, но на самом деле есть общество абсолютно пустое и прикрывает оно невероятный рост упадка, интриг, коррупции…

— Ну, право, Лузуна, — перебила его молодая женщина, — не надо демонстрировать нам свою образованность… — Она взяла бокал, переданный ей женщиной с серебряными волосами.

— …и пиратства…

(С последним словом даже трое детей, скорчившихся в пасти каменной ящерицы, поняли, что Лузуна зашел слишком далеко.)

Мама пересекла поляну, поддерживая платье кончиками пальцев с золочеными ногтями. Она, смеясь, взяла Лузуну под руку.

— Идемте. Продолжим эти социальные разоблачения после обеда. Нас ожидает полностью продавшийся манао-бонгуу с лозо ей мбиджи, не имеющей никаких традиций упадочный мнати а нсенчо, — мама всегда готовила для гостей старинные сенегальские блюда, — и если печь согласится с нами сотрудничать, под конец будет подана ужасная псевдоинтерпланетная тиба йока фламбе.

Студент огляделся и, поняв, что лучше обратить

все в шутку, улыбнулся. Держа студента под руку, мама пригласила гостей к обеду.

— Кажется, кто-то говорил мне, что вы закончили обучение в Институте Дракона в Центавре? Следовательно, вы человек образованный. Судя по вашему произношению, вы с Земли? Сенегал? О, я тоже оттуда. А из какого города?..

Папа с большим облегчением провел по своим цвета дуба волосам, и повел гостей в обеденный павильон, окна которого были закрыты жалюзи.

Стоя на каменном языке, Руби говорила брату:

— Не думаю, чтобы ты это сделал.

— Почему же нет? — спросил Принс.

Лок оглянулся на брата с сестрой. Принс поднял камень с пола пещеры пасти дракона и держал его в механической руке, на той стороне поляны были вольеры с белыми какаду, которых мама привезла из своего последнего путешествия, с Земли.

Принс прицелился. Пластик и металл блеснули в воздухе.

В сорока футах от них птицы с криками бросились в стороны. Одна из них упала и Лок даже с такого расстояния видел кровь на ее перьях.

— Это та, в которую я метил, — Принс улыбался.

— Эй, — сказал Лок. — Мама не… — он взглянул на металлический придаток, прикрепленный через плечо к обрубку руки, — Принс, скажи, а другой…

— Будь осторожен, — черные брови Принса надвинулись на осколки голубого стекла. — Я просил тебя оставить мою руку в покое. — Рука согнулась и Лок услышал звук моторчиков — упрр, клик, упрр — в запястье и локте.

— Он не виноват, что таким родился, — сказала Руби, — а обсуждать гостей невежливо. Аарон говорит, что все вы здесь варвары, правда, Принс?

— Правда, — он опустил руку.

Из динамика донесся голос:

— Дети, где вы? Идите ужинать. И поскорее.

Они спустились и направились к дому через бамбуковую рощу.

Лок лег в постель, возбужденный вечеринкой. Он лежал под двойными тенями пальм над потолком детской, прозрачным с прошлой ночи.

Шепот:

— Лок!

И:

— Ш-ш-ш! Не так громко, Принс!

Чуть тише:

— Лок?

Он отодвинул противомоскитную сетку и сел в постели. На полу светились фигуры тигров, слонов, обезьян.

— Что вам?

— Мы слыхали, как они выехали из ворот, — Принс стоял в дверях детской, на нем были шорты. — Куда они поехали?

— Мы тоже хотим туда, — сказала Руби из-под локтя брата.

— Куда они поехали? — повторил Принс.

— В город, — Лок встал и тихо прошел по сверкающему зверинцу. — Мама и папа всегда берут своих друзей в поселок, когда те приезжают в гости.

— Что они там делают? — Принс прислонился к косяку.

— Они… ну, они отправляются в город.

Там, где есть неведение в чем-то, всегда появляется любопытство.

— Мы расковыряли электронного сторожа, — сказала Руби. — Он не очень надежный и слишком уж прост. Здесь все такое старомодное! Аарон говорит, что только варвары из Плеяд могут жить здесь. Ты покажешь нам, куда они пошли?

— Ну, я…

— Нам хочется пойти туда, — сказала Руби.

— А разве ты сам не хочешь?

— Ладно, — вообще-то он собирался отказаться. — Я только обуюсь. — Но детское любопытство знать, чем занимаются взрослые, когда рядом нет детей, наложило на него свой отпечаток и впоследствии чувствовалось в его поступках, даже когда он повзрослел.

Деревья шелестели около ворот. Лок знал, что замок днем открывается от прикосновения руки и то, что ворота послушно разошлись в стороны сейчас, слегка удивило его.

Дорога уходила во влажную ночь. Луна висела над скалами, от нее по морю тянулась узкая дорожка цвета слоновой кости. Огни поселка мигали сквозь листву, словно сквозь огромную перфокарту. Горы, выбеленные светом высоко стоящей в небе меньшей луны, окаймляли дорогу. Кактусы вздымали к небу свои шипастые лопасти.

Около первого же встретившегося им придорожного кафе Лок поздоровался с горняком, сидящим за столиком около дверей:

— Маленький сеньор, — кивнул тот в ответ.

— Вы не знаете, где мои родители? — спросил Лок.

— Они прошли мимо, — пожал он плечами. —

Леди в красивых платьях и мужчины в жилетах и темных рубашках. Они прошли мимо полчаса-час назад.

— На каком это языке он говорит? — перебил Принс.

Руби хихикнула.

— Тебе это понятно?

Это было открытием для Лока. И он, и его родители, разговаривая с жителями Сяо Орини, использовали слова, отличающиеся от тех, которые они употребляли в разговорах между собой и с гостями. Он выучился местному португальскому языку, в котором начисто отсутствуют промежутки между словами, под мигающим огнем гипноучителя в раннем детстве, он и сам не помнил, когда.

— Куда они пошли? — повторил он вопрос.

Горняка звали Таво. В прошлом году, когда рудник закрывали, он целый месяц работал на лязгающем садовом агрегате, разбивая за домом парк. Между туповатым работником и опрятным мальчиком завязалось нечто вроде дружбы. Таво был грязным и глупым. Лок признавал это. Но его мама положила конец этим отношениям, когда в прошлом году он пришел из поселка и рассказал, как на его глазах Таво убил человека, потому что

он дразнил его, называя алкоголиком.

— Пойдем, Таво. Расскажешь, куда они пошли.

Таво пожал плечами.

Мошки вились вокруг светящейся надписи над входом в кафе.

Креповые ленты и папиросная бумага, оставшиеся на столбах, подпирающих навес, после Фестиваля Дня Независимости, бились на ветру. Была годовщина Дня Независимости Плеяд, и горняки праздновали ее здесь, поднимая стаканы за себя и за его мать и отца.

— А он знает, где они? — спросил Принс.

Тово пил соевое молоко из треснутой чашки, чередуя каждый глоток с глотком рома. Он похлопал по своему колену, и Лок, взглянув на Принса и Руби, сел.

Брат и сестра неуверенно поглядели друг на друга.

— Вы тоже садитесь, — сказал Лок. — На эти стулья.

Они сели.

Таво пододвинул Локу свою чашку с молоком. Лок отпил половину и протянул ее Принсу:

— Хочешь?

Принс поднес чашку ко рту, понюхал.

— И ты это пьешь? — он сморщился и резко

поставил чашку на стол.

Лок взял стакан рома.

— Предпочитаешь…

Таво отобрал у него стакан.

— Это не для тебя, Маленький Сеньор.

— Таво, где мои родители?

— В лесу, у Алонцы.

— Проводишь нас, Таво?

— Кого?

— Мы хотим найти их.

Таво задумался.

— Без денег туда не доберешься, — он взъерошил его волосы. — Эй, Маленький Сеньор, есть у тебя деньги?

Лок вытащил из кармана несколько монет.

— Этого мало.

— Принс, у тебя или Руби есть деньги?

Принс вынул два фунта местных стерлингов из кармана шорт.

— Дай их Таво.

— Зачем?

— Он отведет нас к моим родителям.

Таво перегнулся через стол и взял у Принса деньги. Брови его поднялись, когда он увидел сумму.

— Это все мне?

— Если отведешь нас, — ответил Лок.

Таво ткнул Лока пальцем в живот. Все засмеялись. Таво взял одну бумажку и сунул ее в карман. Он потребовал еще молока и еще рома.

— Молоко — тебе. А для твоих друзей?

— Идем, Таво. Ты обещал отвести нас.

— Не беспокойся, — сказал горняк. — Я думаю, сможем ли мы туда попасть. Ты знаешь, что мне завтра утром на работу?

Он дотронулся до разъема на своем запястье.

Лок положил в молоко соль и перец и отпил маленький глоточек.

— Я хочу попробовать, — попросила Руби.

— Оно отвратительно пахнет, — сказал Принс. — Ты бы не смогла его пить. Так он собирается вести нас?

Таво жестом подозвал владельца кафе.

— У Алонцы сейчас много народу?

— Сегодня пятница, сам знаешь, — ответил тот.

— Мальчик просит меня отвести его туда, — сказал Таво, — на вечер.

— Ты собираешься взять сына фон Рея к Алонце? — багровое родимое пятно на щеке владельца кафе дернулось.

— Там его родители, — пожал плечами Таво. —

Мальчик просит отвести их к ним. Он сказал, чтобы я отвел их, ты понял? Это интересней, чем сидеть здесь и давить этих красных жуков. — Он нагнулся, сцепил ремешки валявшихся рядом с ним сандалий и перевесил их через плечо. — Идем, Маленький Сеньор. Зови однорукого мальчика и девочку.

При упоминании о руке Принса Лок вздрогнул.

— Идем.

Но Принсу и Руби надо было перевести.

— Мы идем, — пояснил Лок. — Наверх, к Алонце.

— Что за Алонца?

— Это что-нибудь вроде тех пекинских заведений с нехорошими женщинами, о которых говорил Аарон?

— У них нет ничего похожего на Пекин, — сказал Принс. — Глупая, у них даже нет ничего похожего на Париж.

Таво взял Лока за руку.

— Будь рядом. Скажи своим друзьям, чтобы не отходили далеко. — Рука Таво была потной и мозолистой. Джунгли впереди были наполнены птичьими криками и шелестом деревьев.

— Куда мы пойдем? — спросил Принс.

— К маме и папе, — голос Лока прозвучал неуве-

ренно. — К Алонцо.

Таво обернулся при последнем слове и кивнул. Он показал на деревья, запятнанные светом двух лун.

— Это далеко, Таво?

Таво только похлопал его по шее, взял за руку и пошел дальше.

На вершине холма было светло: свет пробивался из-под брезентового навеса. Несколько мужчин, смеясь, пили с толстой женщиной, вышедшей на свежий воздух. Плечи и лицо ее были влажными. Груди при каждом вдохе просвечивались сквозь оранжевый ситец. Коса ее была растрепана.

— Стой, — шепнул Таво и отодвинул ребят рукой назад.

— Эй, почему…

— Мы должны стоять тут, — перевел Лок Принсу, шедшему сзади.

Принс огляделся, повернулся и подошел к Локу и Руби.

Присоединившись к мужчинам, Таво первым делом перехватил пущенную по кругу бутылку с ромом.

— Эй, Алонца, сеньоры фон Реи?.. — он ткнул большим пальцем в сторону навеса.

— Иногда они заходят, иногда с ними бываю их гости, — ответила Алонца. — Иногда им нравится смотреть…

— А сейчас, — перебил Таво, — сейчас они здесь?

Она взяла бутылку и кивнула.

Таво обернулся и жестом подозвал ребят.

Лок, сопровождаемый удивленными взглядами и приглушенным свистом, подошел к нему. Мужчины вернулись к прерванному разговору, заглушаемому криками и смехом, доносящимися из-под брезента. Ночь была жаркой. Бутылка прошла по кругу еще трижды. Лок и Руби тоже понемногу отхлебнули. На третий раз Принс скорчил гримасу, но все же отхлебнул.

Наконец, Таво подтолкнул Лока.

— Там.

Таво пришлось пригнуться в низких дверях. Лок, самый высокий из ребят, задел макушкой брезент.

На центральной балке раскачивался фонарь. Слепящий свет на крыше, слепящий свет на ушных раковинах людей, на кончиках их носов, на старых лицах. Чья-то голова провалилась в толпу, вызвав смех и проклятья. Влажный рот блеснул, словно горлышко бутылки. Волосы были

растрепаны и мокры от пота. Кто-то трезвонил в колокольчик, перекрывая шум. Лок почувствовал, что пальцы его возбужденно подрагивают.

Люди начали опускаться. Таво сел на корточки, за ним Принс и Руби. Лок, вцепившийся во влажный воротник Таво, сделал то же самое.

В яме, тяжело ступая, ходил взад и вперед человек в высоких ботинках, жестом заставляя всех сесть.

На той стороне, за ограждением, Лок вдруг заметил женщину с серебряными волосами. Она склонилась к плечу студента-сенегальца Лузуны. Ее волосы свисали на лоб словно изогнутые лезвия ножей. Рубашка студента была расстегнута. Жилета на нем не было.

Человек в яме снова задергал шнурок колокольчика. Пушинка опустилась на его блестящую руку и прилипла, хотя он жестикулировал и кричал в толпу. Потом он стал стучать коричневым кулаком по жестяной стенке, требуя тишины.

Сквозь щели ограждения просовывали деньги. Между планками набились люди, делающие ставки. Лок взглянул вдоль ограждения и увидел вдалеке молодую пару. Он тянулся вперед, стараясь поставить для нее.

Человек в яме тяжело ступал по клочкам вы-

сохшей кожи и перьям. Черного цвета ботинки доходили ему до колен.

Когда люди притихли, он направился к ближайшему краю ямы, невидимому Локу, и нагнулся.

Дверь клетки распахнулась. Человек с воплем вскарабкался на изгородь и ухватился за центральный столб. Зрители закричали и вскочили. Сидевшие на корточках стали подниматься. Лок попытался протиснуться вперед.

На той стороне, за ямой стоял его отец. Лицо его под светлой шевелюрой было перекошено. Он потрясал кулаком в сторону арены. Мама, держа одну руку около шеи, другой упиралась ему в грудь. Посол Сельвин пытался протиснуться между двумя горняками, вопящими около изгороди.

— Вон Аарон! — воскликнула Руби.

— Нет, — откликнулся Принс.

Теперь уже стояло столько людей, что Локу ничего больше не было видно. Таво поднялся и стал кричать на людей впереди, чтобы они сели. Кто-то передал ему бутылку, и он замолчал.

Человек стоял на ограде, над толпой. Прыгая, он задел плечом фонарь и по брезенту заплясали тени. Перегнувшись через балку, он недовольно поглядывал на раскачивающийся фонарь, потирая мускулистые руки. Заметил пушинку,

подчеркнуто осторожно снял ее и стал осматривать свою грудь и плечи.

У края ямы раздался шум, потом он смолк. И снова рев. Кто-то махал курткой. Человек, не найдя больше ничего, снова перегнулся через балку.

Возбужденный и в то же время несколько разочарованный, Лок, от выпитого рома и вони не очень хорошо себя чувствовал.

— Пойдем, — крикнул он Принсу. — Пойдем наверх, там виднее!

— Наверное, не стоит, — возразила Руби.

— Почему бы и нет, — Принс шагнул вперед. Но вид у него был испуганный.

Лок двинулся впереди него.

Вдруг кто-то схватил его за руку так, что он завертелся волчком.

— Что ты тут делаешь? — фон Рей, рассерженный и смущенный тяжело дышал. — Кто тебя только надоумил привести сюда этих ребят?

Лок оглянулся в поисках Таво. Таво не было.

Аарон Ред остановился позади отца.

— Я *говорил*, что надо кого-нибудь с ними оставить. Ваши электронные сторожа давно устарели. Любой мало-мальски сообразительный ребенок может разобраться в их схеме.

Фон Рей быстро повернулся к нему.

— О, с ребятами совершенно ничего не случилось. Но Лок хорошо знает, что ему не полагается выходить вечером в одиночку.

— Я отведу их домой, — вступила в разговор подошедшая мама. — Не расстраивайтесь, Аарон. С ними все в порядке. Я страшно сожалею, в самом деле… — Она повернулась к детям. — И кто только помог вам сюда забраться.

Кругом начали толпиться любопытствующие горняки.

Руби заплакала.

— Дорогая моя, чего ты теперь боишься? — с участием спросила мама.

— Ничего страшного, — произнес Аарон Ред, — она просто знает, что ей будет дома. Им известно, что бывает, когда они поступают плохо.

Руби, которая совсем не думала о том, что ей будет, заплакала по-настоящему.

— Почему бы не поговорить об этом завтра утром? — мама бросила на фон Рея отчаянный взгляд. Но папа был слишком расстроен слезами Руби и огорчен присутствием здесь Лока, чтобы заметить этот взгляд.

— Конечно, отвези их домой, Дана, — он поднял взгляд и увидел глазеющих на них горняков. — Отвези их прямо сейчас. Идемте, Аарон, нет

нужды беспокоиться.

— Сюда, — сказала мама. — Руби, Принс, давайте ваши руки. Идем, Лок, мы пойдем прямо…

Мама протянула ребятам руки.

Принс взялся за ее руку своим протезом и сжал ее пальцы…

Мама вскрикнула, пошатнулась, схватилась за запястье другой рукой. Ее пальцы попали в тиски из металла и пластика.

— Принс! — Аарон попытался схватить его, но тот увернулся, пригнулся и бросился бежать.

Мама опустилась на колени прямо на грязный пол, тяжело дыша, с трудом сдерживая слезы. Папа взял ее за плечи.

— Дана! Что он сделал? Что случилось?.

Мама отрицательно затрясла головой.

Принс бежал прямо на Таво.

— Задержи его! — закричал отец по-португальски.

Аарон крикнул:

— Принс!

Окрики, казалось, лишили мальчика всех сил. Он, с побелевшим лицом, упал прямо на руки Таво.

Мама уже стояла, уткнувшись исказившимся от боли лицом в папино плечо.

— …и одну из моих белых птичек, — услышал Лок.

— Принс, подойди сюда, — приказал Аарон.

Принс приблизился. Движения его были угловатыми и дерганными.

— А теперь, — сказал Аарон, — ты пойдешь домой с Даной. Она очень сожалеет, что упомянула про твою руку. Она не хотела оскорбить твои чувства.

Мама и Папа с удивлением взглянули на Аарона.

Аарон Ред повернулся к ним. Единственное, что Лок нашел у него красного[5], так это уголки глаз.

— Вы понимаете, — он выглядел очень усталым, — я никогда не упоминаю о его дефекте. Никогда, — он выглядел очень расстроенным. — Я не хочу, чтобы он чувствовал себя неполноценным. Я абсолютно никому не позволяю указывать на то, что он не такой, как все. Вы не должны говорить об этом в его присутствии. Понимаете? Совсем не должны.

Отец все еще порывался что-то сказать, но какое-то смущение не давало ему вымолвить ни слова.

---

[5] Примечания: 5
Ред — красный (англ.).

Мама глядела то на мужчин, то на свою руку. Она поддерживала ее другой и осторожно поглаживала.

— Дети, — сказала она, — идемте со мной.

— Дана, ты уверена, что сможешь…

Мама остановила его взглядом.

— Идемте со мной, — повторила она. Они вышли из-под тента.

Около входа стоял Таво.

— Я пойду с вами, сеньора. Я провожу вас до дома, если хотите.

— Конечно, Таво, — ответила мама. — Спасибо. — Руку она прижимала к животу.

— Этот мальчик с железной рукой, — Таво покачал головой. — И девочка, и ваш сын. Это я их привел сюда, сеньора. Но они попросили меня, понимаете. Они сказали, чтобы я привел их сюда.

— Я понимаю, — сказала мама.

Возвращались они не через джунгли, а по широкой дороге, проходящей мимо причала, с которого акватурбы доставляли рабочих на подводные рудники. Высокие конструкции покачивались на воде, отбрасывая на волны двойные тени.

Они дошли до ворот парка и Лок вдруг почувствовал боль в желудке.

— Подержи его голову, — велела мама Таво. — Видишь, это возбуждение не пошло тебе на пользу, Лок. И опять ты пил это молоко. Тебе стало лучше?

Он ничего не сказал о роме. И запах под навесом, и аромат, исходящий от Таво — все это помогало сохранить тайну. Принс и Руби спокойно смотрели на него, изредка поглядывая друг на друга.

Наверху мама привела электронного сторожа в порядок и проводила Принса и Руби в их комнаты. Потом она зашла в детскую.

— Мамочка, тебе все еще больно? — спросил Лок с подушки.

— Да. Ничего не сломано, хотя сама я удивляюсь, почему. Как только я уложу тебя, мне надо пройти обследование на медицинском аппарате.

— Они хотели пойти, — проговорил вдруг Лок. — Они сказали, что хотят посмотреть, куда вы все ушли.

Мама села на постель и стала гладить его по спине здоровой рукой.

— А тебе самому разве не хотелось посмотреть хотя бы самую капельку?

— Да, — признался он, помолчав.

— Я так и думала. Ну, как твой желудок? Мне не

нравится этот разговор. Я никак не могу понять, как это соевое молоко может быть тебе полезно?

Он опять ничего не сказал про ром.

— А теперь спи, — она направилась к двери детской.

Он помнил, как она коснулась выключателя.

Он помнил луну, затемняющуюся поворачивающейся крышей.

Федерация Плеяд. Арк. Нью-Арк. 3166 г.

Лок всегда ассоциировал Принса Реда с появлением света.

Он сидел раздетый около бассейна на крыше, к экзамену готовясь по петрологии, когда багряные листья около колеблющегося входа задрожали. Стеклянная дверь гудела от сильного ветра. Башни Арка, сплющенные, чтобы противостоять ветру, казались перекошенными за сверкающим на стекле инеем.

— Папа, — Лок выключил читающий аппарат и поднялся. — Эй, я считаюсь третьим по высшей математике. Третьим!

Фон Рей в отороченной мехом парке, прошел сквозь листья.

— И это называется ты готовишься к экзаменам. Не лучше ли было пройти в библиотеку? Разве

ты можешь сосредоточиться, когда все кругом тебя отвлекает?

— Петрология, — сказал Лок, поднимая свой диктофон. — Мне вообще-то и не надо к ней готовиться. Я уже имею отличную оценку по этому предмету.

Лок только в последние несколько лет научился обходить родительское требование быть совершенством. А научившись этому, понял, что эти требования являлись, по существу, ритуальными и ненужными, и если их отбросить, открывался путь к общению с сокурсниками.

— О, — сказал его отец, — уже имеешь, — и улыбнулся. Он расстегнул парку, изморозь на его волосах начала таять. — В конце-концов, ты занимаешься учебой, вместо того, чтобы копаться во внутренностях «КАЛИБАНА».

— Кстати, ты мне напомнил, папа. Я внес яхту в список регаты Нью-Арка. Вы с мамой придете посмотреть на финиш?

— Если сможем. Ты знаешь, мама последнее время не очень хорошо себя чувствует. Прошлое путешествие было не совсем благополучным. И она очень переживает за твои гонки.

— Почему? Они ведь не мешают учебе.

Фон Рей пожал плечами.

— Она знает, что это опасно, — он повесил парку на качалку. — Мы читали о твоем транторском призе прошлого месяца. Поздравляю! Она волнуется за тебя, но она была горда как куропатка, когда говорила этим набитым дурам из женского клуба, что это ее сын.

— Я хотел бы, чтобы вы пришли.

— Мы тоже хотели бы. Но решили, что это не повод, чтобы прерывать месячное путешествие. Идем, я тебе что-то покажу.

Лок пошел за отцом мимо ручейка, бегущего из бассейна. Они подошли к лестнице около небольшого водопада, спускающейся в дом, и отец положил ему руку на плечо. Они встали на верхнюю ступеньку и лестница поехала вниз.

— Мы в этот раз остановились на Земле. Провели день с Аароном Редом. Я уверен, что ты встречал его когда-то давно. Ред-шифт Лимитед.

— На Нове и Бразилии, — ответил Лок. — На руднике.

— Ты это помнишь? — лестница вытянулась в дорожку и понесла их по оранжерее. Какаду прыгали по ветвям, клевали прозрачные стены, за которыми лежал снег, перелетали на гигантские пионы и бросали на песок оборванные кроваво-красные лепестки. — С ним был Принс, мальчик

твоих лет, может быть, чуть старше. — До Лока время от времени доходили слухи о Принсе. Ведь обычно говорят о жизни детей друзей их родителей. Некоторое время тому назад Принс очень быстро сменил четыре школы, по слухам, просочившимся в Плеяды, только положение «Ред-шифт Лимитед» позволило заменить исключение переводом.

— Я помню его, — сказал Лок. — У него одна рука.

— Он носит теперь черную перчатку до плеча. Верхняя часть ее вся в драгоценных камнях. Этот юноша производит впечатление. Он сказал, что помнит тебя. Вы тогда попадали в разные истории. Он, наконец, кажется, поутих.

Лок пожал плечами, на которых лежала отцовская рука. И шагнул на белые ковры, устилающие зимний сад.

— Что ты хотел мне показать?

Отец подошел к одной из видеоколонн. Это была прозрачная четырехфутовая колонна, с капителью, поддерживающей стеклянную крышу. Капитель была из цветного стекла.

— Дана, ты не хочешь показать Локу, что у тебя есть для него?

— Минуточку, — в колонне появилась фигура

матери. Она сидела в кресле из целебного пуха. Она сняла зеленую ткань со стола и развернула ее на покрытых парчой коленях.

Камни, основой которых был сжатый под огромным давлением силикон, формировались так, что через каждый кристалл размером с детский кулак свет проходил голубыми прерывистыми лучами.

— Я приобрела их, когда мы остановились на Сигнусе. Мы провели несколько дней рядом с Пустыней Взрывов Крола. Нам было видно ее пламя за городскими стенами из окон отеля. Все это выглядело так эффектно, как это описывают. Однажды днем, когда папа был на конференции, я приобрела эту партию. Когда я их увидела, то сразу подумала о твоей коллекции и купила.

— Спасибо, — Лок улыбнулся фигуре внутри колонны.

Уже четыре года ни он, ни его отец не встречались с Даной фон Рей, его матерью. Жертва болезни памяти и болезни физической, что временами делало ее неспособной к какому-либо общению, она вся ушла в свой дом, в окружение лечащих и диагностических компьютеров. Она — а чаще один из ее андроидов, в котором были заложены ее основные реакции и фразы — появ-

лялась в видеоколонне и это появление заменяло ее непосредственное присутствие. Точно так же, с помощью андроидов и телерамы, она сопровождала фон Рея в его деловых поездках, в то время, как ее жизненное пространство ограничивалось скрытыми и изолированными комнатами, куда никому не разрешалось входить, кроме психотехника, приходившего раз в месяц.

— Прекрасно, — сказал он, подойдя ближе.

— Они будут у тебя в комнате сегодня вечером, — она взяла один из камней своими темными пальцами и повертела его, — они просто чаруют меня. Словно гипнотизируют.

— А здесь, — фон Рей повернулся к другой видеоколонне, — и у меня есть что тебе показать. Аарон довольно много наслышан о твоей страсти к гонкам и знает, что ты выступаешь весьма успешно. — В колонне начала проступать какая-то конструкция. — Два его инженера недавно разработали новый двухкоптурный ионолет. Они сказали, что он слишком чувствителен для коммерческих перевозок и непригоден для массового производства. Но Аарон полагает, что уровень чувствительности подходит для небольшого гоночного судна. Я попросил его продать ионолет, но он и слышать об этом не захотел. Он послал

его тебе в подарок.

— Вот как? — Лока охватила дрожь возбуждения от этого сюрприза. — Где он?

В колонне было видно, что на углу грубоватой платформы стоит что-то большое и запакованное. Ограда яхт-клуба Нью Лимани между опорными башнями уходила вдаль.

— На этом поле? — Лок опустился в зеленый гамак, свисающий с потолка. — Отлично! Я посмотрю его вечером, когда буду там. Надо подобрать экипаж для гонок.

— Ты хочешь набрать экипаж из людей, шатающихся вокруг космодрома? — мама покачала головой. — Это беспокоит меня.

— Мам, ведь любители гонок, ребята, интересующиеся гоночными кораблями, умеющие ими управлять — все они шатаются вокруг космодрома. Я в той или иной степени знаком с половиной населения Нью Лимани.

— Я все-таки хочу, чтобы ты подобрал экипаж из своих школьных друзей или людей твоего круга.

— А что плохого в людях, любящих эти разговоры? — он слегка улыбнулся.

— Я ничего не говорю об этом. Я только имею в виду, что ты должен подбирать экипаж из людей,

которых ты знаешь.

— А после гонок, — включился в разговор отец, — как ты намерен провести остаток каникул?

Лок пожал плечами.

— Ты не позволишь мне поработать на руднике Сяо Орини, как в прошлый год?

Брови отца поднялись, потом сошлись, образовав на переносице вертикальные складки.

— После того, что произошло с этой девчонкой? — брови опять разошлись. — Ты действительно *хочешь* вернуться туда?

Лок снова пожал плечами.

— Ты не подумал, чем бы ты хотел заняться? — это мамин голос.

— Аштон Кларк подберет мне что-нибудь. Сейчас я должен идти позаботиться об экипаже. — Он поднялся из гамака. — Мам, спасибо за камни. Мы поговорим о каникулах, когда учеба будет позади.

Он направился к мосту, прогнувшемся над водой.

— Ты не будешь очень…

— Ну, до вечера.

— Лок. Еще одно.

Лок остановился на середине моста и облоко-

тился на алюминиевые перила.

— У Принса будет вечеринка. Он приглашает и тебя. Это будет на Земле, в Париже, на Иль Сент-Луис. Но всего через три дня после регаты. Ты не успеешь туда…

— «КАЛИБАН» достигнет Земли за три дня.

— Нет, Лок! Не стоит проделывать весь путь на этой крохотной…

— Я никогда не был в Париже. Последний раз я был на Земле в пятнадцать лет. Ты тогда взял меня с собой в Пекин. А управлять кораблем в созвездии Дракона будет очень просто, — уходя он обернулся и предупредил. — Если я не найду экипаж, то в школу на той неделе не пойду. — И он скрылся за горбом моста.

Его экипажем стали два парня, согласившиеся помогать ему снимать упаковку с ионолета. Оба они не были уроженцами Федерации Плеяд.

Брайен, ровесник Лока, взял годичный отпуск в Университете созвездия Дракона, добрался до Окраинных Колоний и зарабатывал теперь на обратный путь. Ему приходилось прежде работать и капитаном, и членом экипажа, но только в яхт-клубе, находившемся под эгидой Университета. Их отношения, основывающиеся на общем интересе к гоночным кораблям, представляли из

себя в некотором роде взаимное благоговение. Лока повергали в молчаливое изумление сам способ, который Брайен избрал для возвращения на другой конец галактики и тот факт, что он путешествовал без заранее продуманных планов и денег. В то время, как Брайен, наконец, встретил в Локе одного из тех мифических богачей, которые обладали собственными кораблями и чье имя до сих пор было для него всего лишь абстрактным звукосочетанием на страницах спортивных газет: Лок фон Рей, один из наиболее молодых и импозантных капитанов новой плеяды гонщиков.

Дэну, последнему члену экипажа маленькой гоночной яхты с тремя заслонками, было за сорок. Он родился в Австралии, на Земле. Они наткнулись на него в баре, где он рассказывал нескончаемые истории о тех временах, когда он киборгом на больших грузовых кораблях и о капитанах гоночных судов, иногда включавших в свой экипаж его, хотя сам он никогда не был капитаном. Босой, в брюках, оборванных ниже колен и подпоясанных веревкой, Дэн был наиболее типичным из всех киборгов, слоняющихся по нагретым тротуарам Нью-Лимани. Высокие ветрозащитные купола гасили порывы ураган-

ного ветра, налетающего с Тонга на сверкающий Арк. Был юмбра, месяц, когда день длится всего три часа при двадцатипятичасовых сутках. Механики, офицеры и киборги обычно как следует напивались в барах и начинали обсуждать маршруты и гонки, регистрационных офицеров и ремонтные доки.

Брайен так отреагировал на предложение отправиться после гонок на Землю:

— Прекрасно. Почему бы и нет? Так или иначе, я успею вернуться в Университет к началу занятий.

А Дэн:

— Париж? От него очень близко до Австралии. У меня ребенок и две жены в Мельбурне, а я не очень-то желаю позволить им ухватиться за меня. Я полагаю, если мы не задержимся там надолго…

Федерация Плеяд — Созвездие Дракона. Полет «КАЛИБАНА»

Когда регата промчалась мимо наблюдательного спутника, кружащегося вокруг Арка, охватила петлей Дим, Умершую Сестру, и снова вернулась к Арку, было объявлено, что «КАЛИБАН» пришел вторым.

— Отлично. Уходим отсюда. На вечеринку Принса.

— Будь осторожен… — донесся из динамика голос его матери.

— Передай привет Аарону. И еще раз поздравляю, сынок, — сказал отец. — Если ты разобьешь эту железную бабочку, не проси купить тебе новую.

— Пока, пап.

«КАЛИБАН» рванулся из окружения кораблей, находящихся у смотровой станции, куда люди приходили поглазеть на участников регаты. Внизу пламенели пятидесятифутовые окна — за одним из них, около ограждения стояли его отец и андроид его матери, глядя на удаляющийся корабль. В мгновение ока он миновал Федерацию Плеяд и устремился к Солнцу.

На следующий день они потеряли шесть часов, попав в смерч пылевой туманности.

— Теперь, если у тебя будет настоящий корабль вместо этой игрушки, — сказал Дэн по интеркому, — для тебя пройти сквозь эту штуку будет раз плюнуть.

Лок увеличил частоту развертки сканнера Ионолета.

— На два с половиной деления вниз, Брайен.

Теперь — фазу — вверх! Пошел!

Но они частично наверстали время и вошли в график, попав в Приливные Течения.

Прошел день и появилось Солнце — блестящий растущий огонек на фоне космического неистовства.

Созвездие Дракона. Земля. Париж. 3166 г.

Напоминая формой цифру восемь, составленную из микенских щитов, космопорт Де Бло растянулся на несколько миль, окруженный складами, багажными и подсобными помещениями. Грузовые корабли, совершающие челночные рейсы, стартовали отсюда к большим звездным портам второй луны Нептуна. Через платформы бежала поблескивающая пятисотметровая пассажирская дорожка. «КАЛИБАН» опустился прямо на посадочную площадку, словно строенный воздушный змей. Лока осветили лучи солнца и он сел на койке.

— О'кей, марионетки. Обрывайте ниточки.

Он отключил гудящие внутренности «КАЛИБАНА» за секунду до того, как он коснулся Земли. Вокруг него медленно зажигалась россыпь огней.

Брайен, прыгая на одной ноге по кабине

управления, застегивал левую сандалию. Дэн, небритый, в расстегнутой куртке, выбрался из проекционной камеры.

— Полагаю, мы прибыли, капитан, — он согнулся, вычищая грязь между пальцами ног. — Что это за вечеринка, на которую вы, ребята, направляетесь?

Лок нажал кнопку и пол стал наклоняться. Рифленый чехол свернулся, когда нижний край пола коснулся травы.

— Я еще не знаю, — ответил Лок. — Я полагаю, что мы разберемся в этом, раз уж мы добрались сюда.

— О-х-х-х-х, нет, — протянул Дэн, когда они сошли на землю. — Я не собираюсь в эту благородную компанию. — Они вошли в тень, образованную кораблем. — Лучше найди мне бар, а потом забери меня оттуда, когда будешь возвращаться.

— Если вы оба не хотите идти, — произнес Лок, оглядываясь вокруг, — вы должны найти место, где вы можете перекусить, а потом вы можете остаться там.

— Я… ну, в общем, не прочь бы пойти. — Брайен выглядел разочарованным в своих ожиданиях. — Я никогда еще не был так близко к приемам,

устраиваемым Принсом Редом.

Лок поглядел на Брайена. Коренастый, с каштановой шевелюрой и кофейного цвета глазами, этот парень успел сменить рабочую кожаную куртку на чистую, всю в сверкающих цветах. Лок только сейчас начал понимать, как должен быть ослеплен этот парень, пересекший Вселенную, тем богатством, видимым и предполагаемым, которым обладал его ровесник, имеющий собственную гоночную яхту и возможность запросто побывать в Париже.

Но ему вовсе не пришло в голову сменить куртку.

— Пойдем туда, — сказал Лок. — Мы захватим Дэна на обратном пути.

— Только вы двое не напивайтесь настолько, чтобы быть не в состоянии доволочь меня до корабля.

Лок и Дэн засмеялись.

Брайен глядел на стоящие вокруг яхты.

— Эй, ты когда-нибудь работал на трехпарусном «Зефире»? — он тронул Лока за руку и показал на грациозную золотистую яхту. — Держу пари, это настоящий вихрь.

— Очень малая приемистость на низких частотах. — Лок повернулся к Дэну. — Ты должен четко

вернуться на борт завтра ко времени отлета. Я не собираюсь бегать и искать тебя.

— Это когда я нахожусь совсем рядом с Австралией? Не беспокойтесь, капитан, между прочим, вы не рассердитесь, если я приведу на корабль женщину? — он ухмыльнулся, глядя на Лока, и подмигнул ему.

— Скажи, — спросил Брайен, — а как у Бориса с управлением? Наш школьный клуб хотел произвести обмен с клубом, где имелся Борис, выпущенный десять лет назад. Но они хотели поиметь с нас еще и деньги.

— До тех пор, пока она не захочет покинуть корабль, прихватив с собой что-нибудь, чего у нее раньше не было, — ответил Лок Дэну. Потом он повернулся к Брайену. — Я никогда не ходил на Борисе, проработавшем более трех лет. У моего друга был Борис на пару лет постарше. Он работал неплохо. Но ему далеко до «КАЛИБАНА».

Они прошли в ворота посадочного поля и, спускаясь по лестнице, ведущей на улицу, пересекли тень колонны, обвитой гигантской змеей.

Париж остался более или менее горизонтальным городом. Единственное, что нарушало эту горизонтальность — Эйфелева Башня слева от них и шпили Ле Алль, семнадцать этажей магази-

нов за стеклянными панелями, перемежающихся в шахматном порядке с металлическими решетками — средоточие продуктов и промышленных товаров — для двадцати трех миллионов, населяющих город.

Они свернули на Рю де ле Астроно и шли под вывесками ресторанов и гостиниц. Дэн, просунув ладонь под веревку, поддерживающую его брюки, поскреб живот, потом откинул упавшие на глаза волосы.

— Где бы это можно здесь напиться бедному киборгу в рабочее время? — вдруг он указал на маленькую улочку. — Тут.

Там, где L-образная улочка поворачивала, был маленький бар-кафе с треснувшей витриной, «ЛЕ СПИДЕРАЛЬ». Дверь закрылась, впустив двух женщин.

— Прекрасно, — протянул Дэн и устремился к бару, оставив позади Лока и Брайена.

— Я никогда не завидую людям, вроде него, — тихо сказала Брайен Локу.

Лок с удивлением посмотрел на него.

— Вас в самом деле не заботит… Ну, я имею в виду, если он придет на корабль с женщиной?

Лок пожал плечами.

— Одну-то можно.

— О. Я полагаю, у вас есть яхта, вы никогда не имеете никаких проблем с девушками.

— Да, это упрощает дело.

Брайен покусал ноготь большого пальца и кивнул.

— Это было бы неплохо. Иногда я думаю, что девушки забыли о том, что я живу на свете. Пожалуй, все равно, есть яхта, или ее нет. — Он засмеялся. — А вы когда-нибудь, ну, приводили девушку на корабль?

Лок немного помолчал. Затем он произнес:

— У меня трое детей.

Теперь Брайен удивленно посмотрел на Лока.

— Мальчик и две девочки. Их матери — дочери рабочих с небольшой планетки в Окраинных колониях — Новой Бразилии.

— О, вы имеете в виду…

Лок взялся правой рукой за левое плечо, а левой — за правое.

— Мы ведем слишком разную жизнь, я думаю, — медленно проговорил Брайен. — Вы и я.

— И я думаю так же, — Лок улыбнулся.

Улыбка Брайена получилась несколько натянутой.

— Эй, вы, постойте! — донеслось сзади. — Подождите!

Они обернулись.

— Лок? Лок фон Рей?

Серебряного цвета перчатка вместо черной, описанной отцом Лока. Верх перчатки, доходящей почти до плеча, был усыпан алмазами.

— Принс?

Куртка, брюки, ботинки — все серебряного цвета.

— Я чуть было не пропустил тебя! — его симпатичное лицо под черной шевелюрой было оживленным. — Я просил, чтобы с космодрома мне сразу сообщили, как только вы подойдете к Нептуну. Гоночная яхта, а? Уверен, она отнимает все твое свободное время. Да, пока не забыл: Аарон просил меня, если ты прибудешь, сказать, чтобы ты передал его привет твоей тете Циане. Она провела с нами уик-энд на побережье Чоубе в прошлом месяце.

— Спасибо. Передам, когда увижу ее, — сказал Лок. — Раз вы встречались в прошлом месяце, ты видел ее позже меня. Она теперь не особенно задерживается на Арке.

— Циана… — начал Брайен, — …Морган? — закончил он почтительно. Но Принс уже продолжал:

— Слушай, — он положил руки на плечи Лока.

Лок постарался определить разницу нажима той и другой. — Мне надо добраться до горы Кеньюна и обратно к началу празднества. У меня есть любой транспорт, способный доставить людей куда угодно. Аарон не поможет. Он отказался принимать участие в подготовке празднества. Он считает, что это из рук вон плохая идея. Я боялся, что мне, чтобы сделать то, что надо, придется воспользоваться его именем в тех местах, которые он не одобряет. Но сейчас он где-то на Веге. Ты не подбросишь меня до Гималаев?

— Хорошо, — Лок подумал сначала, что Принс заменит Дэна в их полете. Но наверное из-за отсутствия руки он не сможет как следует управлять кораблем. — Эй, Дэн! — закричал он. — Для тебя опять есть работа!

Австралиец как раз открывал дверь бара. Он повернулся, покачал головой и зашагал обратно.

— Зачем тебе туда? — поинтересовался Лок, когда они шли к космодрому.

— Скажу по дороге.

Когда они прошли ворота — и колонну Дракона со змеей, блестящей в лучах заката — Брайен рискнул начать разговор.

— Весь экипаж в сборе, — сказал он Принсу.

— На Иль соберется целая толпа народу. Я хочу,

чтобы всякий мог знать, где я нахожусь.

— А эта перчатка — это новая мода, появившаяся на Земле?

У Лока внутри все похолодело. Он метнул взгляд на двух парней.

— Подобные новшества, — продолжал Брайен, — появляются на Центавре месяц спустя после того, как о них уже забывают на Земле. А я даже в созвездии Дракона не был уже десять месяцев.

Принс, повернув руку ладонью вниз, смотрел на нее.

Сумеречное небо было чистым.

Поверх ограды стали зажигаться огни. Резче обозначились складки на перчатке Принса.

— Это моя собственная мода, — он взглянул на Брайена. — У меня нет правой руки. Все это, — он сжал пальцы в кулак, — металл и пластик, приводимый в движение моторчиками. — Он резко рассмеялся. — Но она работает… Почти как настоящая.

— О, — смущение прозвучало в голосе Брайена. — Я не знал.

Принс засмеялся.

— Иногда я сам почти забываю. Иногда. Так где ваш корабль?

— Вон, — показал Лок. Он остро почувствовал

те двенадцать лет, которые прошли со времени их предыдущей встречи.

Созвездие Дракона. Земля. Непал. 3166 г.

— Все подключились?

— Вы должны заплатить мне, капитан, — прохрипел голос Дэна. — То подключайся, то отключайся.

— Готово, капитан, — от Брайена.

— Открывайте нижние заслонки.

Принс сидел позади Лока, положив ему руку (настоящую) на плечо.

— Приходит каждый, кому не лень, и вдобавок, ведет кого-нибудь с собой. Ты прилетел только что, а люди начали прибывать недели за две. Я пригласил человек сто. А теперь их уже сотни три. И становится все больше и больше. — Инерция навалилась на них, космопорт начал стремительно уменьшаться и заходящее солнце начало восходить на западе, заливая мир своим светом. Вспыхнула голубая кайма атмосферы. — Одна Че Онг притащила с собой целую ораву откуда-то с окраины созвездия Дракона…

Из динамика послышался голос Брайена.

— Че Онг — это та самая звезда психорамы?

— Студия предоставила ей недельный отпуск

и она решила побывать на моей вечеринке. А позавчера ей вдруг пришло в голову заняться скалолазанием и она упорхнула в Непал.

Солнце теперь светило сзади. Для того, чтобы попасть из одной точки планеты в другую, надо всего лишь подняться и опуститься куда нужно. Но на космическом паруснике надо подняться, потом обогнуть Землю три-четыре раза, и только потом снижаться. Добраться с одного конца города на другой или достичь другой стороны планеты — это одинаково отнимает у вас семь-восемь минут.

— Че связалась со мной днем по радио. Они одолели три четверти Кеньюны. Но ниже них сейчас вьюга, поэтому они не могут вызвать вертолет со спасательной станции в Катманду. И, конечно, вьюга не помешала ей найти меня на другой стороне планеты и пожаловаться на свои затруднения. Во всяком случае, я обещал ей придумать что-нибудь.

— Как же, черт побери, ты собираешься снимать их с горы?

— Ты опустишься на высоту двадцати футов и зависнешь, а я спущусь и доставлю их на корабль.

— Двадцать футов! — пятнистая планета мед-

ленно поворачивалась под ними. — Ты хочешь вернуться на вечеринку живым?

— Ты получил ионолет, посланный тебе Аароном?

— Мы на нем и находимся.

— Он должен быть чувствительным для таких маневров. А ты ведь дока по части управления кораблем. Так да или нет?

— Постараюсь, — осторожно произнес Лок. — Я еще больший дурак, чем ты. — И засмеялся. — Постараемся, Принс!

Снега и горы медленно плыли под ними. Лок ввел в компьютер координаты горы, сообщенные Принсом. Принс перегнулся через плечо Лока и настроил радио…

Женский голос ворвался в кабину:

— О, вон там! Посмотрите, это же они? Принс! Принс, дорогой, ты пришел, чтобы спасти нас? Мы, бедные, все покрылись гусиной кожей. Принс?.. — ее голос перебивала музыка и какой-то гомон.

— Спокойней, Че, — произнес Принс в микрофон. — Я же говорил, что сделаю что-нибудь. — Он повернулся к Локу. — Здесь! Они должны быть где-то здесь.

Лок изменил частоту и «КАЛИБАН» стал спус-

каться, слегка сносимый вбок гравитационными искажениями, создаваемыми горой. Скалы вырастали навстречу, иззубренные и пламенеющие.

— Эй, смотрите! Смотрите все! Разве я не говорила, что Принс не позволит нам пропустить вечеринку и помереть здесь со скуки?

И другие голоса:

— О, Сесил, я не могу сделать…

— Сделай музыку погромче…

— Но я *не люблю* анчоусы…

— Принс, — кричала Че, — поторопись! Опять начинается этот снег. Ты знаешь, Сесил, ничего бы этого не случилось, если бы ты не вздумал проделывать эти салонные штучки с…

— Иди сюда, солнышко, потанцуем!..

— Я сказала: нет. Тут рукой подать до обрыва!

Под ногами Лока, на экране в полу, светящимся естественным светом, в лунном сиянии под «КАЛИБАНОМ» проплывали снега, гравий, крупные глыбы.

— Сколько их там? — спросил Лок. — Корабль не так уж и велик.

— Ничего, как-нибудь втиснутся.

На заснеженном утесе, проплывающем по экрану, стала видна группа людей. Некоторые из них сидели на зеленом пончо, в окружении винных

бутылок и корзин с едой. Некоторые танцевали. Некоторые сидели в шезлонгах. Один вскарабкался на торчащий обломок скалы и щурился на спускающийся корабль.

— Че, — сказал Принс, — мы здесь. Запаковывайте все. Мы не собираемся болтаться здесь целый день.

— Благие небеса! Это ты! Эй, поднимайтесь все! Мы спасены! Это Принс!

На утесе сразу же была развита бурная деятельность. Молодые люди забегали, хватая вещи и упаковывая их в рюкзаки. Двое сворачивали пончо.

— Эдгар! Не выбрасывай! В нем сорок восемь градусов и такие бутылки на дороге не валяются. Да, Хиллари, ты можешь сменить музыку. Нет! Не выключай обогреватель, еще рано! Ох, Сесил, ты совсем дурак. Бр-р-р! Ну, полагаю, через минуту-две мы будем готовы. Конечно же я потанцую с тобой, милый. Только не рядом с обрывом. Подожди минутку. Принс! Принс!..

— Че, — позвал Принс, когда Лок опустился еще ниже. — У вас там есть какая-нибудь веревка? — Он закрыл микрофон ладонью. — Ты видел ее в «Дочерях Майами», где она играла тронувшуюся шестнадцатилетнюю дочь ботаника?

Лок кивнул.

— Это не было игрой, — он убрал ладонь с микрофона, — Че! Веревку! Есть у вас какая-нибудь веревка?

— Сколько угодно! Эдгар, куда задевались все эти веревки? Мы же поднялись сюда *на чем-то*! А, вот она! Что нам теперь делать?

— Вяжи большие узлы через каждую пару футов. Сколько до нас?

— Сорок футов? Тридцать? Эдгар, Сесил, Хосе! Вы слышали? Вяжите узлы.

На экране в полу Лок видел тень яхты, скользящую по скалам. Он еще немного опустил корабль.

— Лок, открой люк в двигательном отсеке, когда мы будем…

— Мы в семнадцати футах над ними, — спросил Лок через плечо. — Люк там, Принс, — показал он, — и он уже открыт.

— Прекрасно.

Принс, открыв дверь, нырнул через люк в двигательный отсек. Холодный воздух коснулся спины Лока. Дэн и Брайен удерживали корабль под порывами ветра.

На экране нижнего обзора Лок видел, как один из парней бросал веревку на корабль. Принс,

стоя у открытого люка, пытался поймать ее искусственной рукой. Третья попытка оказалась удачной. Сквозь ветер прорвался голос Принса:

— Отлично! Я привязал ее. Поднимайтесь!

И один за другим они начали карабкаться по веревке.

— Теперь ты. Посмотри…

— Парень, да здесь колотун! Стоит только выбраться из-под обогревателя…

— Я держу тебя. Как раз…

— Не думай, что мы бы это сделали. Эй, не хочешь ли сорока восьми градусов «Шатонеф дю Папе»? Че говорит, у тебя не может быть…

Голоса наполнили рубку. Затем:

— Принс! Какое счастье, что ты спас меня! У тебя на вечеринке не найдется турецкой музыки девятнадцатого века? Мы не могли поймать ни одной местной станции, только учебную программу Новой Зеландии. Веселенькое дельце! А Эдгар выдумал новый способ ходьбы. Надо опуститься на четвереньки и раскачиваться при этом вверх и низ. Хосе, не свалитесь обратно на эту дурацкую гору. Немедленно подойди сюда и поздоровайся с Принсом Редом. Это он устраивает вечеринку, а у его отца гораздо больше миллионов, чем у твоего. Теперь закрой дверь и

давайте выйдем из машинного отделения. Ох уж эти машины и прочие штуки. Они не для меня.

— Входи, Че, и отвлекай теперь капитана. Ты знакома с Локом фон Реем?

— О боже! Мальчик, который всегда побеждает на гонках? Ну почему у него больше денег, чем у тебя?..

— Ш-ш-ш! — прошептал Принс, так как они уже входили в централь управления. — Я не хочу, чтобы ему это стало известно.

Лок поднял корабль над горами и только тогда обернулся.

— Вот таким и *должен* быть тот, кто берет призы. Вы такой красивый!

Лыжный костюм Че Онг был абсолютно прозрачным.

— Вы побеждали на этой яхте?

Она оглядела кабину управления, все еще тяжело дыша после подъема на корабль по веревке. Подкрашенные соски слегка расплющивались при каждом вдохе, упираясь в винил.

— Мне здесь нравится. Я еще никогда не бывала на яхтах днем.

Позади нее послышались приближающиеся голоса.

— Никто не хочет сорока восьми градусного…

— Я никак не могу найти музыки. Почему здесь нет…

— Сесил, у тебя есть еще этот золотой порошок?

— Мы поднялись выше атмосферы, глупая, и электромагнитные волны не доходят до нас. Кроме того, мы движемся слишком быстро…

Че Онг повернулась к ним:

— О, Сесил, где же этот восхитительный золотой порошок? Принс, Лок, вы обязательно должны попробовать. Сесил — сын мэра…

— Губернатора…

— …одного из тех крошечных миров, о которых мы постоянно слышим и которые так далеко отсюда. У него есть золотой порошок, который собирают в трещинах скал. Ой, смотрите, он все вдыхает его и вдыхает!

Планета под ними начала вращаться.

— Смотри, Принс, ты вдыхаешь его, вот так: ххха! И все, что ты видишь, окрашивается в восхитительные цвета, все, что ты слышишь — наполняется невыразимыми звуками и мысли слегка разбегаются и лезут в промежутки между словами. Лок, вот…

— Посмотрите-ка на нее! — засмеялся Принс. — Он же ведет яхту в Париж!

— О, — воскликнула Че, — это ему не повредит. Разве что мы долетим немного быстрее, вот и все.

Позади них послышался разговор:

— Где, она говорила, эта чертова вечеринка начинается?

— На Иль Сент Луис, в Париже.

— Где?

— В Париже, детка, в Париже. Мы приглашены на вечеринку в…

Созвездие Дракона. Земля. Париж. 3166 г.

В середине пятого века, византийский император Юлиан, устав от суматохи Сите де Пари (население которого, насчитывающее тогда около тысячи человек, жило в шалашах из шкур, теснившихся вокруг построенного из камня и дерева храма Божьей Матери) удалился на небольшой островок.

В первой половине двадцатого века королева косметики, стремясь избежать претензий Правого Банка и эксцессов со стороны левых, основала здесь свой Париж пиеда терре, стены которого внутри с большим вкусом были увешаны сокровищами искусства — в то время, как на берегу, на месте деревянного храма, поднялись две башни

знаменитого собора.

В конце тридцать первого века центральная улица острова была залита светом фонарей, боковые улочки были заполнены музыкальными зоологическими питейными и ковровыми лавочками, а в небе вспыхивали фейерверки. Иль Сент Луис принимал гостей Принса Реда.

— Сюда! Через этот мост!

Они миновали трапециевидный мост. Внизу блестела черная Сена. Деревья на острове роняли листву на каменные баллюстрады. Украшенные скульптурами контрфорсы Нотр Дам, освещенные прожекторами, вздымались над деревьями парка Сите.

— Никто не имеет права ступить на мой остров без маски, — крикнул Принс.

Они как раз дошли до середины моста, когда Принс, прыгнув к перилам, ухватился за перекладину и поднял руку в серебряной перчатке.

— Вы в гостях! Вы в гостях у Принса! Каждый надевает маску!

Шары фейерверка, голубые и красные, вспыхнули в темноте, осветив его красивое лицо.

— Все это очень хорошо, — запротестовала Че, подбежав к перилам, — но если я надену маску, меня никто не узнает, Принс. А на студии ска-

зали, что я могу идти только в том случае, если будет реклама!

Он подскочил к ней, схватил ее виниловую перчатку и потащил вниз по ступеням. Там, на вешалке, поблескивали сотни масок, надевающихся на голову.

— Но у меня есть одна специально для тебя, Че, — он снял двухфутовую прозрачную крысиную голову. Уши окаймлены белым мехом, брови золотыми блестками, драгоценные камни подрагивали на кончиках позолоченных усов.

— Какая прелесть! — завизжала Че, когда Принс нахлобучил маску ей на голову.

Сквозь прозрачную морду было видно, как на ее собственном нежном зеленоглазом лице расплылась улыбка.

— А вот для тебя! — голова саблезубого тигра предназначалась Сесилу. Орлиная, со сверкающими перьями — Эдгару. Темноволосая голова Хосе была закрыта мордой ящерицы.

Лев — для Дэна протестующего против всеобщих уговоров и оставленного без внимания сразу же после того, как он прекратил сопротивление — и грифон для Брайена (которого никто упорно не замечал, хотя он ни на шаг не отставал от компании.)

— А для тебя, — Принс повернулся к Локу, — у меня есть особая маска. — Смеясь, он снял голову пирата. С черной повязкой на одном глазу, повязанную цветастым платком, со шрамом на щеке. В оскаленных зубах кинжал. Маска легко оделась на голову Лока. Через отверстия в шее можно было смотреть. Принс похлопал его по спине. — Пират — это как раз для фон Рея! — произнес он, когда Лок шагнул на булыжную мостовую.

И новый смех: это остальные появились на мосту.

Девушки с напудренными высокими прическами двадцать третьего века (когда еще не было Аштона Кларка), бросали с балкона конфетти. Человек в маске медведя прокладывал себе путь через толпу. Лок думал, что это просто костюм и маска, пока шерсть не коснулась его плеча и в ноздри ему не ударила вонь. Клацание когтей затихло. Толпа подхватила его.

Лок превратился в слух.

Лок превратился в зрение.

Блаженство охватило его и нервные волокна словно остекленели. Он шел по мощеной кирпичом, покрытой конфетти, улице, и все чувства его вдруг обратились внутрь — так выгибаются паруса космического корабля. Он почувствовал

присутствие своего внутреннего Я. Весь его внутренний мир теперь сфокусировался на том, что чувствовали его руки, ощущал его язык. Голоса вокруг ласкали его изощренный слух.

— Шампанское! Ну разве не прелесть! — крыса в прозрачной одежде прижала к столику с вином грифона с кружевными цветами. — Ты не знаешь анекдотов? Я так люблю их!

— Конечно, — отвечал Брайен. — Но я никогда не был на таких приемах. Такие люди, как Лок, Принс, вы — из тех людей, о которых только слышишь. Очень трудно поверить в то, что вы существуете на самом деле.

— Между нами говоря, у меня время от времени возникает та же проблема. И это хорошо, что есть ты, чтобы напомнить нам об этом. А теперь расскажи нам…

Лок шел от группы к группе.

— …на круизном судне, идущем из Порт-Саида в Стамбул, был рыбак из Плеяд, который исполнял восхитительные вещи на сенсо-сиринксе…

— и… ему пришлось на попутках добираться через весь Иран, потому что монорельс не работал. Я думаю, что Земля находится в стороне…

— …прекрасная вечеринка. Превосходная…

Очень молодые, — подумал Лок. — Очень бо-

гатые. Интересно, к каким крайностям могут привести эти обстоятельства?

Босой, подпоясанный веревкой, лев стоял, прислонившись к стене, и смотрел на проходящих.

— Ну, как, капитан?

Лок приветственно махнул ему рукой и пошел дальше.

Теперь он чувствовал внутри себя приподнятость и прозрачность. Музыка звучала внутри маски и голова его покоилась на звуке собственного дыхания. На возвышении какой-то человек играл на гапсихорде «Птичью Павану». Лок прошел мимо и голоса, звучащие в другой тональности, заглушили музыку. На помосте на другой стороне улицы два парня и две девушки, одетые по моде двадцатого столетия, воспроизводили какофонию в стиле «о мама, о папа». Свернув на боковую улицу, Лок оказался подхваченным толпой, которая принесла его прямо к возвышающейся куче электронных инструментов, извергающих скрежещущую, оглушающую мелодию тоху-боху. Музыка десятилетней давности вызывала чувство ностальгии и гости в красочных масках из папье-маше и пластика, разбившись на пары, тройки, пятерки и семерки, танцевали. Справа покачивалась голова лебедя.

Слева моталась из стороны в сторону голова лягушки. До его ушей донесся низкий голос, который он слышал в динамике, когда «КАЛИБАН» висел над Гималаями.

Они протискивались меж танцующих.

— Он сделал *это*! Ну разве Принс не прелесть! — они кричали и подпрыгивали. — Он раздобыл эту старую турецкую музыку!

Бедра, груди и плечи блестели под винилом — в материале были поры, раскрывающиеся в теплую погоду и прозрачный костюм становился прохладным, словно шелковым. Че Онг раскачивалась, опустив пушистые ресницы.

— Все вниз! На четвереньки. Мы покажем вам наш новый способ ходьбы! Вот так: покачивайте…

Лок шел сквозь кипящую, рвущуюся ночь, немного усталый, немного возбужденный. Он пересек улицу, опоясывающую остров и прислонился к камню около одного из прожекторов, освещающих здания на Иль Сент Луис. По ту сторону реки, на противоположной стороне набережной прогуливались люди. Парами и в одиночку, глядя на фейерверк или просто по сторонам.

Позади него громко засмеялась девушка. Он

обернулся к ней…

…голова райской птицы, голубые перья вокруг красных станиолевых глаз, красный клюв, пестрый гребешок…

…она отстала от своей группы, чтобы покачаться на парапете. Бриз шевелил ее одежду и она натягивалась там, где были вычурные медные застежки: — у плеча, у запястий и на бедрах. Она прислонилась к камню, упершись носком туфли в землю в дюйме от него. Подняв свои длинные руки к маске — ногти на них были малинового цвета — она сняла ее. Она положила маску на парапет и бриз сразу же растрепал ее темные волосы, рассыпал их по плечам, взметнул вверх. Вода подернулась мелкой рябью, словно кто-то бросил вниз горсть песку.

Он поглядел вперед. Поглядел назад. Нахмурился.

Две особенности придавали ей необычную красоту — ее лицо вызывало в нем желание, отчетливое, всепоглощающее. Во-первых, черты лица и линии ее тела отражали тот стандарт красоты, в котором никто не нашел бы изъяна. Это была красота манекенщиц и популярных актрис. Это была красота Че Онг. Во-вторых, вот что: ее глаза были словно разбившиеся диски из

голубого нефрита, ее скулы слегка выступали над впалыми щеками круглого лица. У нее были широкий подбородок, тонкие ярко-красные губы и прямой нос. Она вдыхала ветер, и, глядя на нее, он начал чувствовать запах реки, парижскую ночь, ветер, дующий из города. Черты лица несколько строгие и сильные для такой молодой женщины. Но сила, которая свела их, заставляла смотреть на нее снова и снова. Он помнил, как однажды он отвернулся, заставляла вспомнить, как однажды он ушел. На ее лице было выражение, которое заставляло воспринимать ее красоту с болезненной завистью.

Она взглянула на него:

— Лок фон Рей?

Он еще больше нахмурился.

Она облокотилась о парапет. Внизу был тротуар, обрывающийся у самой воды.

— Все они так далеко от нас, — она кивнула в сторону людей на набережной. — Они гораздо дальше, чем мы думаем или они думают. Что бы они стали делать на нашей вечеринке?

Лок снял маску и положил пирата рядом с хохлатой птицей.

Она взглянула на него.

— Так вот вы какой. У вас приятная внеш-

ность.

— Откуда вам известно, кто я такой? — думая, что просто не заметил ее в толпе людей, первыми прошедших через мост, он приготовился услышать что-нибудь насчет его фотографии, случайно попавшей сюда с края галактики, когда он выиграл гонку.

— Ваша маска. Вот как я узнала.

— В самом деле? — он улыбнулся. — Не понимаю.

Ее брови поднялись. Она засмеялась. Но смех, такой нежный, так быстро кончился!

— Кто вы? — спросил Лок.

— Я Руби Ред.

Она была довольно высокой. Когда-то давно маленькая девочка стояла возле него в пасти чудовища…

Лок засмеялся.

— Что там насчет моей маски, которая меня выдала?

— Принс не переставал ликовать, представляя, как он наденет на вас эту маску, с тех пор, как послал через вашего отца приглашение, хотя была очень маленькая вероятность, что вы прибудете. Скажите, что заставляет вас потворствовать его отвратительным шуткам и надеть эту маску?

Вежливость?

— Все остальные тоже в масках. Я думаю, что это хорошая идея.

— Понимаю. — Ее голос поднялся на тон выше, перестал быть таким, словно она делала официальное заявление. — Брат говорит, что мы встречались когда-то давно. — Голос ее стал прежним. — Я… я не узнала бы вас. Но я вас помню.

— И я вас помню.

— Принс тоже. Ему было семь лет. Значит, мне было пять.

— Что вы делали эти двенадцать лет?

— Росла и становилась грациозной в то время, как вы становились королем гоночных маршрутов Плеяд, и демонстрировали баснословное богатство ваших родителей.

— Смотрите! — он махнул рукой в сторону людей, глазеющих на них с того берега. Некоторые, видимо, подумали, что он машет им и замахали в ответ.

Руби засмеялась и тоже помахала рукой.

— Понимают ли они, насколько мы отличаемся от них? Я чувствую сейчас себя особенной, — она запрокинула голову назад. Глаза ее были зажмурены. Голубой фейерверк оттенил ее веки.

— Эти люди, они находились слишком далеко,

чтобы видеть, как вы красивы.

Она взглянула на него.

— Это правда. Вы…

— Мы.

— …очень красивы.

— Вы не подумали о том, что, возможно, опасно говорить такие вещи хозяйке, капитан фон Рей?

— Вы не подумали о том, что было опасно говорить такие вещи гостю?

— Но мы не такие, как все, молодой капитан. Если мы хотим того, почему бы нам не пококетничать с опас…

Уличные фонари погасли.

Из боковой улицы донесся крик, гирлянды разноцветных лампочек тоже погасли. Лок повернулся спиной к парапету и Руби положила руку ему на плечо.

По всему острову дважды мигнули огни и окна. Кто-то закричал. Иллюминация снова вспыхнула, а вместе с ней вернулся и смех.

— *Мой* брат! — Руби покачала головой. — Все говорят, что у него должны быть грандиозные затруднения, а он настаивает на том, чтобы весь остров освещался электричеством. Он решил, что электрическое освещение более романтичное, чем эти великолепные флюоресцентные труб-

ки, которые были здесь вчера и которые надо поставить на место завтра, по постановлению городских властей. Надо было видеть, как он раздобыл генератор. Но все же он его раздобыл. Великолепный музейный экспонат шестисотлетней давности размером с комнату. Я боюсь, что Принс — неисправимый романтик…

Лок положил свою ладонь на ее.

Она взглянула на него. Убрала руку.

— Я должна идти. Я обещала помочь ему, — ее смешок не слишком его обрадовал. Боль полоснула по его обострившемуся чувству. — Не носите больше эту маску, — она подняла с парапета голову райской птицы. — Как раз потому, что он решил оскорбить вас, не подавайте вида, что вы обижены.

Лок смущенно поглядел на голову пирата.

Станиолевые глаза блеснули из-под голубых перьев.

— Кроме того, — голос звучал приглушенно, — вы слишком привлекательны, чтобы закрывать лицо такой отвратительной маской. — И она, перейдя через улицу, затерялась в запруженной людьми аллее.

Он поглядел по сторонам и ему не захотелось больше стоять здесь.

Он пошел туда, куда ушла она, нырнул в ту же сторону и только пройдя полквартала, осознал, что идет следом за ней.

Она была прекрасна.

Это не было следствием его эйфорий.

Это не было следствием возбуждения от вечера.

Было ее лицо и то, как оно менялось, когда она произносила слова.

Внутри него была пустота, еще более заметная от того, что совсем недавно, пока они обменивались банальными фразами, он был полон ее лицом, ее голосом.

— …все эти трудности происходят от того, что нет прочной культуры, — Лок взглянул в ту сторону, где грифон обращался к серьезным броненосцам, обезьянам и выдрам. — Происходили такие грандиозные переселения с планеты на планету, что мы лишились подлинного искусства, а приобрели псевдоинтерпланетные…

У входа на земле лежали головы льва и лягушки. Внутри, в темноте, Дэн — спина его была мокрой после танцев — прижимал к себе девушку с золотыми блестками на плечах.

В половине квартала от него Руби поднималась по ступеням, полускрытая железными завитка-

ми ограды.

— Руби!

Он бросился вперед.

— Эй, гляди…

— Смотри по сторонам, когда ты…

— Потише…

Лок перепрыгнул через ограду и взбежал по ступенькам вслед за ней.

— Руби Ред! — и в дверь. — Руби?..

Ковры под высокими зеркалами приглушили его голос. Дверь позади мраморного стола была полуоткрыта. Поэтому он пересек фойе и распахнул ее.

Она обернулась навстречу брызнувшему свету.

Краски половодьем затопляли комнату, мерцали на гранях тяжелых, выточенных из черных кристаллов, ножках мебели Республики Вега, поднимаясь от пола. Теней в этой комнате было полно. Она отступила назад.

— Лок! *Теперь-то* что вы тут делаете? — она только что положила свою птичью маску на одну из круглых полок, которые двигались на разных уровнях через комнату.

— Я хотел еще поговорить с вами.

Ее брови черными дугами выгибались над глазами.

— Очень жаль. Принс планирует пантомиму на плоту, который причалит к острову в полночь. Я должна переодеться.

Прямо на него двигалась одна из полок. Прежде чем она успела среагировать на температуру его тела, и скользнуть в сторону, он снял с пронизанного жилками стекла бутылку.

— Вы хотите убежать? — он поднял вверх руку с бутылкой. — Я хочу понять, кто вы есть, чем вы заняты, о чем думаете. Я хочу рассказать о себе.

— Сожалею, — она повернулась к спиральному лифту, чтобы подняться на балкон.

Его смех остановил ее. Она повернулась, чтобы посмотреть, что его рассмешило.

— Руби?

Он подошел к ней по наклонному полу и положил ладони на гладкую ткань, спадающую с ее плеч. Пальцы сжали ее руки.

— Руби Ред! — то, как он произнес это, привело ее в замешательство, отразившееся на ее лице. — Бежимте со мной отсюда. Мы можем жить в другом городе другого мира, под другим солнцем. Разве эти звезды, не надоели вам? Я знаю мир, созвездия которого называются «Помет бешеной свиньи», «Большая и Малая Рысь», «Глаз Вадомина».

Она сняла рюмки с проплывшего мимо подноса.

— Что за высокопарные выражения! — она засмеялась. — Однако, это вам идет.

— Вы идете со мной?

— Нет.

— Почему нет? — он налил пенящийся янтарь в крошечные рюмки.

— Во-первых, — она протянула ему рюмку и он поставил бутылку на ближайшую полку. — Потому что это страшно неприлично для хозяйки — я не знаю, как это принято у вас на Арке — убегать от гостей раньше полуночи.

— А если после полуночи?

— Во-вторых, — она попробовала содержимое рюмки и наморщила нос. Он был удивлен и шокирован тем, что ее чистая и гладкая кожа может иметь морщинки, как у обычных людей. — Принс планировал вечеринку несколько месяцев и я вовсе не хочу расстраивать его тем, что не приду, как обещала, — Лок коснулся пальцами ее щеки. — В-третьих, — ее глаза скользнули с края непочатой рюмки на его пальцы, сжимающие ножку его рюмки. — Я дочь Аарона Реда, а вы — смуглый, рыжий и привлекательный сын, — она отвернулась, — светловолосого вора! — Холод-

ный воздух под его пальцами там, где только что была ее теплая рука.

Он взял ее лицо в ладони, погрузил пальцы в волосы. Она высвободилась из его рук и шагнула на спиральный лифт. Поднялась, потом вернулась, добавив:

— И у вас не так уж много гордости, если вы позволяете Принсу издеваться над собой.

Лифт стал подниматься и Лок шагнул внутрь.

Руби в удивлении отступила назад.

— Что значат все эти разговоры о ворах, пиратстве и издевательстве? — Он был рассержен. Не на нее, но на замешательство, причиной которого она была. — Я не понимаю, но мне эти высказывания не очень приятны. Я не знаю, как это принято на Земле, но на Арке никогда не высмеивают гостей.

Руби взглянула на свою рюмку, ему в глаза, снова на рюмку.

— Я сожалею, — снова ему в глаза. — Уходите, Лок. Через несколько минут здесь будет Принс. Я не должна была говорить вам, что…

— Почему? — комната опускалась, вращаясь. — Кому-то должны, кому-то не должны. Я не хочу сказать ничего плохого о вашем воспитании, но вы говорите, как если бы мы были обыкновенны-

ми людишками. — Он коротко и глухо рассмеялся и плечи его дрогнули. — Вы Руби Ред? — Он схватил ее за плечи и притянул к себе. На мгновение глаза ее закрылись. — И вы всерьез принимаете всю эту чепуху, которую болтают эти людишки?..

— Лок, вы бы…

— Я Лок фон Рей! А вы — Руби Ред! — лифт уже миновал первый балкон.

— Лок, пожалуйста. Мне надо…

— Вам надо уйти отсюда вместе со мной! Вы хотите жить в Арке, где ни вы, ни ваш брат не бывали? Или на Сяо Орини. Там есть дом, который вы должны помнить. Там, на краю галактики, — они проехали мимо второго балкона и начали, кружась, подниматься к третьему. — Мы будем играть на языках каменных ящериц за бамбуковой рощей…

Она закричала. Потому что стеклянная полочка пробила потолок лифта и разлетелась вдребезги рядом с ними.

— Принс! — она отпрянула от Лока и наклонилась, всматриваясь сквозь стену лифта.

— УБИРАЙСЯ ПРОЧЬ! — серебряная перчатка схватила еще один диск, покачивающийся в индукционном поле и метнула его в них. — Ты, ты, чертов… — его голос перехватило от злобы. —

Убирайся!

Второй диск просвистел у них над головой и разбился о балкон. Лок поднял руку, заслоняя лицо от осколков.

Принс побежал в левый угол комнаты к лестнице. Лок, выскочив из лифта, бросился через застекленную дверь к той же лестнице навстречу Принсу. Руби последовала за ним.

Они столкнулись на первом балконе. Принс держался за оба поручня лестницы, задыхаясь от злобы.

— Принс, что, черт побери, случилось…

Принс ударил Лока. Перила зазвенели от удара серебряной перчатки, где только что стоял Лок, медный брус прогнулся и треснул.

— Вор! Мародер! — шипел в бешенстве Принс. — Убийца! Подонок!

— О чем ты говоришь…

— …грязное отродье. Если ты только тронул мою… — его рука снова мелькнула в воздухе.

— *Нет*, Принс! — это Руби.

Лок перепрыгнул через балкон и с высоты двенадцати футов упал на пол. Он упал на четвереньки прямо в алое пламя, которое стало желтым, а потом вспыхнуло зеленым.

— Лок! — это снова Руби.

Он сделал сальто на мультихроме и увидел Руби, стоящую около поручня, закрывающую рот ладонями, затем Принс прыгнул с поручня, взвился в воздух и оказался рядом с ним. Серебряный кулак ударил в воздух в том месте, где только что была голова Лока.

Крак!

Лок откинулся назад, присел на корточки, переводя дыхание. Принс был совсем рядом.

Удар его кулака разбил мультихром. Осколки брызнули на ярд в разные стороны и легли на пол, словно взорванное солнце.

— Ты… — начал Лок. Прерывистое дыхание мешало произносить слова. — Ты и Руби, вы что ненормальные?..

Принс опустился на колени. Злоба и ненависть перекосили его лицо. Губы прыгали, обнажив мелкие зубы, бирюзовые глаза сузились.

— Ты клоун, ты свинья, ты заявился на Землю и осмелился дотронуться руками, *руками*! до моей сестры…

— Принс, пожалуйста!.. — прозвучал сверху ее голос. В нем была боль. Она плакала. На лице ее не осталось и следа от прекрасной властности.

Принс вскочил на ноги, схватил проплывающий мимо диск и с ревом метнул его.

Диск ударил Лока по руке и он вскрикнул. Диск врезался во французские двери.

Двери распахнулись и холодный воздух ворвался в комнату. С улицы доносился смех.

— Я еще доберусь до тебя, — Принс бросился к Локу. — Я убью тебя!

Лок повернулся, перепрыгнул через железную ограду и врезался в толпу.

Поднялся крик, когда он начал расталкивать людей. Руки задевали его лицо, толкали в грудь, хватали за плечи. Крики и смех — все больше и больше. Принс был сзади, потому что он слышал:

— Что они… Эй, оглянись…

— Они подрались! Смотрите, это же Принс…

— Держите их! Держите! Что они…

Лок выбрался из толпы и налетел на балюстраду. Перед глазами оказалась несущаяся Сена и мокрый камень. Он отпрянул и остановился.

— *Отойдите* от меня, — доносился из толпы голос Принса. — Отпустите мою руку! Мою *руку*, отпустите мою руку!

Происходящее поражало и потрясало. Удивление переходило в страх.

Ступени рядом с ним спускались к воде. Он бросился вниз и, спустившись, услышал чьи-то

шаги.

Свет ударил по глазам. Лок затряс головой. Луч света пересекал мокрый тротуар, замшелую каменную стену, около которой он стоял — кто-то включил прожектор.

— Не держите мою… — прорвался сквозь другие голоса голос Принса. — Я должен *догнать* его!

Принс сбежал по лестнице. Пятна света качались на каменной стене. Он остановился у воды, заслоняясь ладонью от блеска реки.

Его куртка сползла с одного плеча. В суматохе он потерял свою перчатку.

Лок отступил назад.

Принс замахнулся.

Медные провода и блестящие конденсаторы оплетали стержень из черного металла, тихо жужжали крошечные колесики.

Лок сделал еще шаг.

Принс ударил.

Лок отпрянул к стене. Два парня медленно закружились друг против друга.

Гости запрудили тротуар перед парапетом, протискиваясь поближе. Лисы и ящерицы, орлы и насекомые расталкивали друг друга, чтобы лучше видеть. Кто-то налетел на прожектор, и светлый коридор на воде закачался.

— Вор! — спазмы сжимали узкую грудь Принса. Вверху вспыхнула ракета. Чуть ниже послышался хлопок. — Ты мразь, Лок фон Рей. Ты хуже, чем…

Теперь уже ударил Лок.

Ярость была в его груди, глазах и руках. Один удар пришелся в ухо, другой — в живот. Чувство собственного достоинства восставало против перенесенного унижения, ярость сменила замешательство, заставляя сердце биться о ребра. Фантастические существа смотрели сверху на эту драку. Он ударил еще раз, не разбирая, куда.

Протез Принса мелькнул в воздухе.

Удар в подбородок. Кулак сломал челюсть, прошел через губу, щеку и лоб. Рваная рана изуродовала всю левую половину лица.

Лок вскрикнул и рухнул на берег. Изо рта у него текла кровь.

— Принс! — Руби — это она, проталкиваясь сквозь толпу, задела прожектор — стояла на парапете. Красное платье и темные волосы раздувались ветром с реки. — Принс, не надо!

Задыхаясь, Принс отступил на шаг. Еще на шаг. Лок лежал ничком, одной рукой в воде. Темное пятно — кровь — расплывалось по камню под ним.

Принс резко повернулся и пошел к ступеням.

Кто-то отвернул прожектор. Люди, собравшиеся на том берегу Сены, оказались освещенными. Луч, качнувшись вверх и вниз, остановился на здании.

Толпа у парапета начала расходиться.

Кто-то начал спускаться по ступеням навстречу Принсу, но повернул обратно. Крыса в прозрачной одежде отошла от парапета. Кто-то обхватил руками обтянутые винилом плечи и увел ее. Музыка дюжины эпох слышалась над островом.

Голова Лока покачивалась в темной воде. Река шевелила его руку.

Лев взобрался на парапет, спрыгнул на камень. Грифон сбежал с лестницы и опустился на колено рядом с ним.

Дэн стащил фальшивую голову и швырнул ее на ступени. Она глухо стукнулась около фута. За ней последовала голова грифона.

Брайен перевернул Лока.

У Дэна перехватило дыхание. Потом воздух со свистом вырвался из горла.

— У капитана неприятности, а?

— Дэн, мы должны найти полицию или еще кого-нибудь. Они не имеют права так делать.

Лохматые брови Дэна удивленно поднялись.

— Кто, черт возьми, сказал тебе, что не имеют?

Я работал на ублюдков, у которых было гораздо меньше денег, чем у Ред-шифт, и которые позволяли себе гораздо большее.

Лок застонал.

— Медицинский аппарат, — сказал Брайен. — Где здесь можно найти медицинский аппарат?

— Он не умер. Мы доставим его на корабль. Когда он придет в себя, я забираю свою плату и убираюсь с этой проклятой планеты! — Он скользнул взглядом от шпилей Нотр-Дам до противоположного берега. — Земля недостаточно велика, чтобы на ней находились одновременно я и Австралия. Мне пора убираться отсюда. — Он подсунул одну руку под колени Лока, другую — под плечо, и поднялся.

— Ты хочешь нести его?

— Ты думаешь, есть другой способ доставить его на корабль? — Дэн повернулся к лестнице.

— Но там должен быть… — Брайен последовал за ним. — Мы должны сделать…

На реке что-то засвистело. Брайен оглянулся.

Крылья скиммера, судна на подводных крыльях, скребли берег.

— Куда вы несете капитана фон Рея? — Руби, стоящая на переднем сидении, была одета в темный плащ.

— На его яхту, мэм, — ответил Дэн. — Похоже, его здесь не слишком хорошо приняли.

— Перенесите его на лодку.

— Я не думаю, чтобы мы рискнули оставить его в чьих-то руках в этом мире?

— Вы — его экипаж?

— Совершенно верно, — сказал Брайен. — Где вы собираетесь найти ему доктора?

— Я хотела доставить его в космопорт Де Бло. Вы должны покинуть Землю. И чем быстрее, тем лучше.

— Это мне подходит, — согласился Дэн.

— Кладите его сюда. Под сиденьем есть аптечка первой медицинской помощи. Если не удастся остановить кровотечение, воспользуйтесь ею.

Брайен шагнул на качающийся скиммер и начал рыться под сиденьем в тряпках и запасных цепях, пока не добрался до пластмассовой коробки. Скиммер опять накренился, когда Дэн шагнул на борт. Руби, сидящая впереди, взяла кабель управления и подсоединила к своему запястью. Они со свистом понеслись вперед. Суденышко поднялось над водой на подводных крыльях. Скиммер проносился сквозь тени. Пойт Сен-Мишель, Пойт Нефи, Пойт де Артс. Огни Парижа сверкали по обоим берегам.

Через минуту конструкция Эйфелевой Башни, усыпанная огнями, проступила над домами. Справа, за каменным парапетом, за сикоморами, последние запоздалые троллеры двигались по освещенной фонарями Але де Сигнес.

Федерация Плеяд. Арк. Нью-Арк. 3166 г.

— Хорошо, — согласился его отец. — Я расскажу.

— Я думаю, что ему надо что-то сделать со шрамом, — произнес фантом его матери из видеоколонны. — Прошло уже три дня, и чем дольше он будет оставлять шрам…

— Если он собирается ходить с таким видом, будто у него в голове произошло землетрясение — это его дело, — ответил отец. — Но сейчас я как раз хочу ответить на его вопрос. — Он повернулся к Локу. — Но, отвечая тебе, — он подошел к стене и взглянул на город, — я должен рассказать тебе одну историю. Она совсем не похожа на то, что ты встречал у Козби…

Лето на Арке было в разгаре.

За стеклянными стенами ветер нес розоватые облака. Когда порыв был слишком силен, голубые прожилки ветрозащитных оболочек сжимались в светлые пятна и расслаблялись, когда ветер со

скоростью восьмидесяти миль в час пролетал дальше.

Пальцы его матери, темные и унизанные перстнями, нервно шевелились у края чашки.

Его отец, сцепив руки за спиной, смотрел на клочья облаков, несущихся с Тонга.

Лок откинулся на спинку стула красного дерева и ждал.

— Что представляется тебе наиболее важным фактором современного общества?

Лок, помолчав, неуверенно произнес:

— Отсутствие прочных культурных…

— Забудь Козби. Забудь те вещи, о которых люди бубнят друг другу, когда хотят сказать что-то глубокомысленное. — Ты — человек, который однажды сможет управлять одним из крупнейших капиталов галактики. Если я задаю тебе вопрос, я хочу, чтобы ты, когда отвечаешь мне, помнил, кто ты есть. Это общество, в котором при получении какого-то продукта, половина его производится в одном мире, а другая половина, в тысяче световых лет от него. На Земле всего семнадцать элементов из сотен существующих вообще составляют девяносто процентов планеты. Возьми другой мир и ты найдешь дюжину других элементов, составляющих до девяноста

процентов всей массы. Двести шестьдесят пять обитаемых планет и спутников, входящих в сто семнадцать звездных систем, образуют созвездие Дракона. Здесь, в Федерации, мы имеем три четверти всего населения созвездия Дракона, заселяющего триста двенадцать миров. Сорок два заселенных мира Окраинных Колоний…

— Транспорт, — перебил Лок. — Перевозка людей между мирами. Ты это имел в виду?

Его отец перегнулся через каменный стол.

— Стоимость перевозки, вот что я имел в виду. И вот уже долгое время наиважнейшим фактором, влияющим на стоимость перевозок, является иллирион — единственное средство для получения количества энергии, достаточного для движения между планетами, между звездами. Когда моему деду было столько же лет, сколько тебе сейчас, иллирион производили искусственно, всего по нескольку биллионов атомов за раз, и цена была высокой. Вскоре было обнаружено, что существует ряд звезд, расположенных вдали от центра галактики, чьи планеты обладают небольшим количеством иллириона естественного происхождения. И примерно в то же время, когда ты родился, стала возможной крупномасштабная разработка месторождений на тех планетах, ко-

торые теперь образуют Окраинные Колонии.

— Лок знает это, — вмешалась мать. — Я думаю, что он должен…

— Ты знаешь, почему политически Федерация Плеяд в скором времени будет независима от созвездия Дракона? Ты знаешь, почему в скором времени Окраинные Колонии политически будут независимы от созвездия Дракона и от Федерации Плеяд?

Лок взглянул на свое колено, на ладонь, на другое колено.

— Пап, ты задаешь вопросы, но не отвечаешь на них.

Его отец вздохнул.

— Я стараюсь. До того, как на Плеядах появились поселения, переселение из созвездия Дракона производилось национальными правительствами Земли, корпорациями, подобными Ред-шифт — корпорациями и правительствами, которые устанавливали свою собственную стоимость перевозок. Новые колонии субсидировались, управлялись и принадлежали Земле. Они становились частью Земли, а Земля становилась центром созвездия Дракона. Как раз тогда инженеры Ред-шифт Лимитед решили такую техническую проблему, как создание конструкции

космических кораблей с высокочувствительным управлением, способных летать в таких областях космоса, как дрейфующие межзвездные туманности и звездные скопления наподобие Плеяд, с высокой концентрацией твердых тел. Какая-нибудь спиральная туманность до сих пор является источником хлопот, когда ты идешь на своей маленькой яхте. Но она была бы совершенно непроходима для корабля, построенного двести пятьдесят лет назад. Твой пра-прадедушка еще со времени начала исследования Плеяд хорошо осознавал то, что я тебе говорю: стоимость перевозок — это наиважнейший фактор нашего общества. А внутри Плеяд стоимость перевозок гораздо ниже, чем внутри созвездия Дракона.

Лок задумался.

— Ты имеешь в виду расстояния?

— В своем центре Плеяды имеют всего тридцать световых лет в ширину и восемьдесят в длину. Около трехсот солнц втиснуто в это пространство, причем многие из них находятся на расстоянии менее одного светового года друг от друга. Солнца же созвездия Дракона образуют целую ветвь галактики около шестнадцати тысяч световых лет длиной. Есть большая разница в стоимости, когда ты перепрыгиваешь на крохотные дистанции

внутри Плеяд, или преодолеваешь громадные расстояния созвездия Дракона. Поэтому существуют типы людей разные, переселившихся в Плеяды: мелкие дельцы, занимающиеся сразу всем понемногу, объединенные группы колонистов, даже частные граждане — богатые, но тем не менее, частные. Твой прадед прибыл сюда с тремя грузовыми кораблями, набитыми солониной, разборными щитами и утепленными домиками, горняцкими инструментами и сельскохозяйственным инвентарем. Товар годился для любого климата. Большинство этого добра он вывез из созвездия Дракона. Два корабля, между прочим были вскоре угнаны. Он вынужден был приобрести пару атомных пушек. Он мотался от поселения к поселению и предлагал свои товары. И каждый у него что-нибудь покупал.

— Они покупали под дулами пушек?

— Нет. Он просто предлагал им премию за покупку определенного количества солонины, и им было выгодно ее приобретать. Видишь ли, тот факт, что стоимость перевозок была низка, не препятствовал правительствам и крупным корпорациям в их старании проникнуть в Плеяды. Но любой корабль, снаряженный каким-нибудь мультимиллионером созвездия Дракона, а также

всех представителей монополий, стремящихся распространить свое влияние на новую территорию, твой дед просто вышвыривал вон.

— Он их еще и грабил впридачу? — спросил Лок. — Он шел к власти через обломки кораблей?

— Он никогда об этом не говорил. Я только знаю, что у него было мировоззрение, которое он демонстрировал всеми доступными способами при каждом удобном случае. В течение всей своей жизни он не позволял Плеядам стать частью созвездия Дракона. В независимости Плеяд он видел шанс стать наиболее влиятельным человеком в политической жизни, со временем могущей составить конкуренцию созвездию Дракона. Твой прадед достиг этого еще до того, как мой отец достиг твоего возраста.

— Я еще не понимаю, какое все это имеет отношение к Ред-шифт?

— Ред-шифт была одной из мегакомпаний, предпринимающих наиболее настойчивые попытки проникнуть в Плеяды. Они пытались отсудить ториевые разработки, которыми сейчас управляет отец твоего школьного товарища доктор Седзуми. Они собирались развернуть сбор пластичного лишайника на Секл-4. И каждый

раз прадедушка вышвыривал их. Ред-шифт — это перевозки, и когда стоимость перевозок упадет в сравнении с количеством производимых кораблей, Ред-шифт почувствует у себя на шее петлю.

— И это то, за что Принс Ред называет нас пиратами?

— Пару раз Аарон Ред-первый — отец Принса Аарон Ред-третий — посылал своих наиболее наглых племянников во главе экспедиций, пытающихся проникнуть в Плеяды. Я знаю о троих. Они не возвратились. Во времена моего отца эта вражда еще оставалась делом чести. Каждое действие вызывало ответное действие. И эти отношения улучшились только после того, как Федерация Плеяд получила в двадцать шестом году декларацию Независимости. Один из моих проектов, предложенных, когда я был в твоем возрасте, помог положить конец вражде. Мой отец перевел кучу денег Гарварду, построил там лабораторию и послал меня туда учиться. На Земле я женился на твоей матери и часто проводил время за разговорами с Ааароном, отцом Принса. Этого было не так уж трудно добиться, тем более, что Независимость Плеяд была общепринятым фактом на протяжении целого поколения, и Ред-шифт уже долгое время не приходилось опа-

саться прямых угроз с нашей стороны. Мой отец приобрел участок в Новой Бразилии — это было в то время, когда разработки месторождений в Окраинных Колониях только-только начинались — главным образом для того, чтобы иметь удобный повод завязать какие-то отношения с Ред-шифт. Я никогда не говорил тебе о вражде, потому что не видел в этом нужды.

— Принс, должно быть, приходит в бешенство от одной мысли об этой склоке, которую вы с Аароном затеяли еще до того, как мы появились на свет.

— Я ничего не могу сказать про настроения Принса. Но ты должен четко усвоить: что является важнейшим фактором, влияющим на стоимость перевозок?

— Залежи иллириона в Окраинных Колониях.

— Это опять же рука на глотке Ред-шифт, — сказал его отец. — Ты понимаешь это?

— Добыча природного иллириона гораздо дешевле, чем его производство.

— Даже если этой работой занимаются миллионы людей. Даже если три дюжины конкурирующих кампаний Созвездия Дракона и Плеяд рвутся разрабатывать месторождения иллириона Окраинных Колоний и субсидировать

широкое перемещение труда со всей галактики. Что ты считаешь главным отличием Окраинных Колоний от Созвездия Дракона и Плеяд?

— Это должен быть иллирион, который у них начисто отсутствует.

— Да. Но еще вот что, созвездие Дракона заселялось представителями имущих классов с Земли. Население Плеяд — люди со средним достатком. И хотя в Окраинных Колониях вкладывают капитал те, кто имеет деньги и в Плеядах, и в Созвездии Дракона, население Колоний составляют люди из беднейших слоев. Различия культур — и меня не заботит, что вам там говорили преподаватели общественных наук у Козби — и различия в стоимости перевозок — вот что гарантирует окончательную независимость Окраинных Колоний. И Ред-шифт снова бросается на каждого, кто имеет отношение к добыче иллириона, — он махнул рукой в сторону сына. — И вот ты избит.

— Но мы же владеем только одним рудником.

— Деньги поступают к нам с огромного количества предприятий Плеяд, небольшая часть — с недавних пор — из созвездия Дракона, а залежи на Сяо Орини — это такая мелочь…

— Все это так. Но ты когда-нибудь замечал, что есть отрасли, которыми мы не управляем?

— Что ты имеешь в виду, папа?

— У нас вложено очень мало денег в производство разборных домов и пищи. Мы имеем капитал в производстве компьютеров и мелкой техники. Мы делаем корпуса иллирионовых батарей, мы делаем разъемы и гнезда к ним, ведем широкую разработку месторождений на других планетах. Когда я встретился с Аароном Редом в последний раз, во время прошлого путешествия, я сказал ему, конечно, в шутку:

— Ты знаешь, если бы стоимость иллириона была вдвое меньше теперешней, то я в течение года смог бы начать производство космических кораблей по цене в два раза дешевле, чем продаешь ты.

И знаешь, что он мне ответил, тоже в шутку?

Лок покачал головой.

— Я знаю это уже десять лет.

Мать Лока поставила чашу.

— Я считаю, что ему нужно подумать о своем лице. Ты такой симпатичный мальчик. Лок, прошло уже три дня с тех пор, как этот австралиец привез тебя домой. Этот шрам может…

— Дана, — оборвал ее отец. — Лок, можешь ли ты придумать способ снижения стоимости иллириона в два раза?

Лок наморщил лоб.

— Зачем?

— Я считаю, что при нынешних темпах расширений разработки месторождений иллириона Окраинных Колоний, можно понизить через пятнадцать лет стоимость иллириона на четверть. Но за это время Ред-шифт постарается покончить с нами, — он немного помолчал. — Захватить все то, чем владеют фон Реи и в конце-концов, всю Федерацию Плеяд. Наше падение будет слишком долгим. И единственное наше спасение — покончить с ними первыми, а единственный способ сделать это состоит в том, чтобы найти возможность получать иллирион с половинными затратами, не дожидаясь, пока цена снизится до трех четвертей, и производить корабли, — отец сцепил руки за спиной. — Я не хотел, чтобы ты вмешивался во все это, Лок. Я считал, что это дело закончилось уже при моей жизни. Но Принс взялся нанести первый удар. Поэтому только к лучшему, что тебе стало известно о том, что произошло.

Лок глядел на свои руки. Помолчав, он сказал:

— Я верну ему этот удар.

— Нет, — вмешалась мать, — это не лучший способ решения проблемы, Лок. Ты не должен

встречаться с Принсом, ты не должен даже и думать о возвращении…

— Я и не собираюсь, — он поднялся и направился к занавеске. — Мам, пап, я пойду.

— Лок, — сказал его отец, расцепив руки, — я вовсе не хотел расстраивать тебя. Я просто хотел, чтобы ты знал…

Лок раздвинул занавесь.

— Я пойду на «КАЛИБАН». Пока.

Драпировка снова задернулась за ним.

— Лок…

Его звали Лок фон Рей и он жил в столице Федерации Плеяд, в Арке, на Экстол Парк-двенадцать. Он шел рядом с движущейся дорожкой. За ветрозащитными щитами цвели зимние сады города. Люди смотрели на него. Это из-за шрама. Он думал об иллирионе. Люди глядели, отворачивались, когда он оглядывался. Здесь, в центре Плеяд, он сам был центром, фокусом внимания. Однажды он попробовал подсчитать количество денег, проходящее через руки его семьи. Прогуливаясь мимо прозрачных стен крытых улиц Арка, слушая звуки, испускаемые блестящими лишайниками в зимних садах, он ощущал себя сосредоточием биллионов. Каждый пятый прохожий, так говорил один из статистиков его отца

— получал свое жалование, прямо или косвенно — у фон Реев. А теперь Ред-шифт была готова объявить войну той целостной структуре, которой являлись фон Реи и это сосредоточивалось на нем, как на наследнике фон Реев. В джунглях Сяо Орини водились шипящие, похожие на ящериц, существа с воротником из белых перьев. Горняки ловили их, морили голодом, а потом стравливали в яме, а сами делали ставки. Сколько миллионов лет прошло с тех пор, когда предки этих трехфутовых ящериц были гигантскими стометровыми зверями, и люди, населявшие раньше Новую Бразилию, поклонялись им и высекали их головы в натуральную величину у подножия храмов! Но этих людей не стало. А над потомками богов этих людей, измельчавших в процессе эволюции, издевались пьяные рабочие, в то время как ящерицы царапались, верещали и грызлись друг с другом. А он был Лок фон Рей. И так или иначе, стоимость иллириона надо было снизить в два раза. Можно заполнить рынок чем угодно. Но где можно раздобыть то, что является редчайшим веществом во вселенной? Нельзя же добраться до центра солнца и зачерпнуть его из пламени, в котором атомные ядра, объединялись в группы, образуя все известные в галактике элементы. Он

мельком взглянул на свое отражение в одной из зеркальных колонн и остановился, вспомнив свое появление в Нью-Лимани. Шрам пересекал его лицо, полногубое и желтоглазое. И там, где он изгибался красной петлей, Лок заметил кое-что. Вновь росшие волосы были такими же, как у его отца: мягкие и ярко-желтые, словно пламя.

— Где ты можешь достать такое количество иллириона? — он отвернулся от зеркальной колонны. — Где?

— Вы спрашиваете меня, капитан? — Дэн поднял кружку с вращающегося полукруга и поставил ее на колени. — Если бы я знал, то я не шлялся бы сейчас вокруг этого поля. — Он наклонился, взял кружку, которую держал, пальцами ноги и отпил половину. — Спасибо за выпивку. — Тыльной стороной ладони он вытер пену, осевшую на щетине вокруг рта. — Когда вы собираетесь штопать свое лицо?..

Но Лок откинувшись на спинку стула, смотрел сквозь потолок. Яркие огни вокруг поля позволяли видеть не более сотни звезд. Сквозь потолок был виден калейдоскоп сжимающихся оболочек ветровой защиты. А между них голубыми, изумрудными и красноватыми пятнами светились звезды.

— Скажите, капитан, если вы хотите подняться на балкон…

На втором этаже бара офицеры грузовых кораблей и члены экипажей лайнеров, смешанные со спортсменами, полускрытые падающей водой, обсуждали маршруты и условия работы в космосе. Нижний этаж был забит механиками и киборгами космических кораблей. В углу во всю шла карточная игра.

— Я должен найти работу, капитан. От того, что я ночую в кормовой каюте «КАЛИБАНА» и каждый вечер имею выпивку, толку мало. Я должен освободить вас от своего присутствия.

Снова налетел ветер. Задрожали оболочки, закрывая звезды.

— Дэн, — задумчиво произнес Лок, — ты когда-нибудь думал, когда мы летели меж звезд о том, что каждая из них — это гигантская печь, в которой расплавлены миры нашей Империи? Каждый из сотен существующих элементов создается в ней из чистого ядерного вещества. Возьми вот эту, — он ткнул пальцем в прозрачную крышу, — или любую другую: непосредственно в данный момент там появляется золото, радий, азот и сурьма — в количествах прямо-таки грандиозных, больших чем Арк, больших чем Земля.

И иллирион там тоже имеется, Дэн, — он засмеялся. — Предположим, что мы нашли какой-то способ нырнуть в одну из этих звезд и зачерпнуть там то, что мне надо — он снова рассмеялся. Смех застрял у него в груди. В нем слышались боль, отчаяние и ярость. — Предположим, что мы смогли остановиться у края одной из этих звезд перед тем, как она стала новой и ждать, пока то, что нам нужно, не выплеснется нам навстречу, и мы сможем захватить это время выброса. Но новы — это спадание, а не взрыв, а Дэн? — он, смеясь, толкнул Дэна в плечо. Жидкость в кружке плеснула через край.

— Мне, капитан, однажды приходилось быть внутри новы, — Дэн ударил ладонью по тыльной стороне другой ладони.

— Был недавно? — Лок вдавил голову в спинку кресла. Вверху мерцали окруженные ореолами звезды.

— Корабль, на который меня взяли, был затянут новой. Это было десять лет назад.

— Тебе, наверное, хотелось оказаться тогда где-нибудь в другом месте.

— Но я был именно там. Мы выбрались оттуда.

Лок глядел вниз сквозь прозрачный пол.

Дэн сел на зеленую скамью, упер локти в коле-

ни, кружка исчезла в его ладони.

— Вот как?

— Да, — он бросил взгляд на свое плечо, на кое-как пришитый шнурок форменки. — Мы свалились туда, а потом выбрались.

Лицо Лока сделалось задумчивым.

— Эй, капитан! Вы не очень-то хорошо выглядите.

Лок, уже пятый раз смотрясь в зеркало, обнаружил, что лицо его имеет вовсе не то выражение, которое он ожидал увидеть. Шрам делал лицо абсолютно чужим.

— В чем дело, Дэн?

Австралиец глядел в свою кружку. На дне не было ничего, кроме пены.

Лок надавил на контактную пластину на подлокотнике стула. Еще две кружки поплыли по кругу к ним. Над ними оседала пена.

— Что мне и было нужно, капитан, — Дэн протянул свою ногу. — Одна — вам. Идите сюда. Другая — мне.

Лок отхлебнул из кружки и вытянул ноги. Лицо его было неподвижно. Оно абсолютно ничего не выражало.

— Вам известен Институт Алкейна? — Дэн повысил голос, чтобы его было слышно через

веселые крики и смех из угла, где двое механиков, мужчина и женщина, начали бороться на трамплине. В стаканах зрителей покачивалось спиртное. — На Ворписе, в созвездии Дракона у них есть большой музей с лабораториями и всякой всячиной, и они изучают там вещи вроде новых.

— Там куратором моя тетя, — голос Лока был тихим, слова следовали друг за другом почти без пауз.

— Да? Во всяком случае, они посылают своих людей везде, где, по их сведениям, звезда становится активной…

— Смотри! Она побеждает!

— Нет! Видишь, он захватил ее руку!

— Эй, фон Рей, кто, по-вашему, победит: мужчина или женщина? — группа офицеров спускалась по пандусу, чтобы посмотреть схватку. Один из них положил руку Локу на плечо, потом перевернул ее ладонью вверх. В ней была зажата десятифунтовая банкнота.

— Я сегодня не делаю ставок, — Лок стряхнул руку с плеча.

— Лок, я ставлю два к одному на женщину…

— Я возьму свои деньги завтра, — ответил Лок. — Иди.

Юный офицер что-то недовольно пробурчал и, проведя ладонью по лицу, кивнул в сторону своих товарищей.

Но Лок ожидал от Дэна продолжения.

Дэн оторвался от бойцов.

— Кажется, сперва какой-то грузовик, затерявшийся в приливном течении, заметил кое-что забавное в спектральных линиях звезды в паре световых лет от корабля. Звезды состоят, в основном, из водорода, да, но тут во всю шло увеличение содержания тяжелых элементов в газах короны. Это было странным. Когда их нашли, они доложили о замеченном картографическому обществу Алкейна, которое высказало предположение, что это было такое: зарождение новы. Поскольку оболочки обычной звезды и новы абсолютно одинаковы, нельзя заметить начало перехода при помощи спектрального анализа и прочих таких штук. Алкейн послал целую команду наблюдать за новой. За последние пятьдесят лет они изучили их штук двадцать или тридцать. Они располагают кольца искусственных станций вокруг звезды примерно на таком же расстоянии, как расстояние от Меркурия до Солнца, станции посылают телевизионное изображение поверхности звезды, эти станции сгорают в тот

же миг, как начинается превращение звезды в нову. Они располагают кольца станций через определенные расстояния друг от друга. Эти станции посылают ежесекундные сообщения о происходящем. А на расстоянии световой недели они размещают обитаемую станцию, персонал которой покидает ее сразу же в момент вспышки. Так вот, я был на корабле, который должен был доставить персонал на одну из таких обитаемых станций, кружащуюся вокруг звезды в ожидании, когда она рванет. Вы знаете, что время, за которое звезда увеличивает при этом свою яркость в двадцать-тридцать раз — всего два-три часа.

Лок кивнул.

— Они до сих пор не умеют предсказывать, когда звезда, которую они наблюдают, собирается взрываться. До сих пор не могу понять, как это получилось, но солнце, к которому мы шли, взорвалось как раз тогда, когда мы подходили к станции. То ли складка пространства, то ли поломка приборов, но мы проскочили станцию и мчались прямо на солнце, которое взорвалось час назад. — Дэн вытянул губы, сдувая пену.

— Очень хорошо, — сказал Лок. — Жар должен был разложить вас на атомы еще тогда, когда вы были на таком же расстоянии от звезды, как

Плутон от Солнца. Вас должна была убить ударная волна. Возросшая гравитация должна была разломать корабль на куски. Количество радиации, обрушившейся на корабль, должно было, во-первых, разрушить все органические соединения внутри корабля и, во-вторых, превратить каждый атом в ионизированный водород…

— Капитан, я могу не задумываясь назвать еще семь таких же доводов. Конечно, ионизация должна была быть… — Дэн помолчал. — Но ничего такого не было. Наш корабль был засосан прямо в центр солнца — и выброшен наружу. Мы опомнились целые и невредимые в двух световых неделях от звезды. Капитан сразу же, как только понял, что произошло, сообразил отключить зрительные контакты, связанные со зрительными нервами, и мы падали вслепую. Часом позже он произвел проверку и был страшно удивлен, что все оказалось в порядке. Но приборы записали наш путь. Мы прошли прямиком сквозь нову, — Дэн докончил свою кружку и взглянул искоса на Лока. — Капитан, вы опять плохо смотритесь.

— И как это объяснить?

Дэн пожал плечами.

— После того, как мы попали в руки Института Алкейна, они там носились с кучей разных пред-

положений. Они бубнили насчет того, что при взрыве солнца, поверхность которого в два-три раза больше поверхности планеты средних размеров, температура достигает всего около тысячи градусов Цельсия. Такая температура может и не повредить корабль. Наверно, мы были затянуты одной из таких звезд. Некоторые полагали, что пульсации внутри новы поляризованы в одном направлении, тогда как что-то поляризовало пульсации энергии корабля в другом направлении, так что эти потоки не затронули друг друга. Была еще куча всяких теорий, старающихся все это увязать. Мне больше понравилась та, где говорилось, что когда время и пространство подвергаются таким напряжениям, как это происходит в нове, законы, управляющие механикой или физикой в известном нам виде, просто «неработоспособны», — Дэн снова пожал плечами. — Они ничего толком так и не решили.

— Гляди! Гляди! Он снова повалил ее!

— Раз, два… нет, высвободилась…

— Нет! Он заделал ее! Заделал!

Улыбающийся механик на трамплине перешагнул через свою соперницу. Полдюжины рук тянулись к нему со стаканами, по обычаю он должен был выпить столько, сколько сможет, а

проигравший — что останется. Несколько букмекеров спустились в зал, чтобы поздравить победителя и принять ставки на следующую схватку.

— Мне кажется… — задумчиво протянул Лок.

— Капитан, я знаю, что вы ничего не можете поделать, но все-таки *постарайтесь* не смотреть так!

— Мне кажется, что у Алкейна должны быть отчеты об этом полете к нове, Дэн.

— Думаю, что да. Я говорил, что это было лет десять…

Но Лок глядел вверх. Мембраны плотно сомкнулись под ветром, пронизывающим ночь Арка, и теперь полностью закрывали звезды.

Лок спрятал лицо в ладонях. У него непроизвольно отвисла челюсть, когда он полностью осознал, что за идея мелькнула у него в голове. Шрам, рассекший его лицо, придавал ему теперь выражение невыносимой боли.

Дэн стал снова что-то говорить. Потом он поднялся и с выражением неимоверного изумления на своем лице, ушел.

Его звали Лок фон Рей. Он должен был повторить это про себя, уверяясь в этом с каждым разом, идея, пришедшая ему в голову, расщепила

его сознание. Он сидел, глядя вверх и чувствовал себя совершенно разбитым. Эта мысль оставила в его мозгу такой же след, как рука Принса — на его лице. Он моргнул, стараясь разглядеть звезды. А звали его…

Созвездие Дракона. Полет «РУХА». 3172 г.

— Да, капитан фон Рей?

— Убери боковые паруса.

Мышонок повиновался.

— Мы попали в устойчивое течение. Боковые паруса убрать полностью. Линчес и Айдас, останетесь на своих местах и глядите в оба. Остальные пока могут отключиться, — голос Лока перекрывал звуки космоса.

Вынырнув из ярко-алого потока, сквозь который тускло виднелись звезды, Мышонок зажмурился. Открыв глаза, он оглядел каюту.

Ольга мигала огоньками.

Мышонок сел на койку, чтобы отключиться.

— Посмотрим, какие вы есть, — продолжал капитан. — И, Мышонок, захвати с собой свой…

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Созвездие Дракона. Полет «РУХА». 3172 г.

Мышонок вытащил кожаный футляр из-под койки и повесил его через плечо.

— …сенсо-сиринкс с собой.

Дверь мягко захлопнулась. Мышонок остановился на третьей ступеньке лестницы, спускавшейся в покрытый голубым ковром коридор «РУХА».

Спиральная лестница была испещрена тенями от изогнутых металлических языков под потолочными лампами, бросающих отблески на стены, и листьев филодендронов, закрывающих зеркальную мозаику.

Катин уже сидел перед игровой доской для трехмерных шахмат и расставлял фигуры. Последняя ладья со щелчком встала на свое место и пузырчатый стул-шар студенистого глицерина, обволакивающий сидящего на нем человека, тихонько закачался.

— Отлично. Кто хочет сыграть первым?

Капитан фон Рей стоял на верхней ступеньке спиральной лестницы. Он стал спускаться и его

разбитое отражение задвигалось в зеркальной мозаике стен.

— Капитан? — Катин поднял голову. — Мышонок? Кто из вас хочет сыграть?

Тай и Себастьян, выйдя из сводчатой двери, шли по пандусу над большим, занимающим треть помещения, облицованным липой бассейном.

Бриз.

Вода подернулась рябью.

Чернота раскрылась парусом над их головами.

— Ко мне! — это Себастьян.

Его рука заняла привычное положение и стального цвета свора метнулась к нему. Громадные звери, облепив его, внезапно уменьшились в размерах и теперь висели, словно тряпки.

— Себастьян? Тай? Будете играть? — капитан повернулся к пандусу. — Это моя постоянная страсть. Но игра мне всегда удается. — Он посмотрел вверх, снова взял ладью и стал рассматривать черную сердцевину кристалла. — Скажите, капитан, эти фигурки — подлинные?

Рыжие брови фон Рея поползли вверх.

— Нет.

Катин усмехнулся.

— О.

— Откуда они? — Мышонок пересек ковер и

остановился позади Катина. — Я никогда раньше не видел таких фигурок.

— Забавный для шахматных фигурок стиль, — произнес Катин. — Республика Вега. Ты, наверное, часто видел их мебель и архитектуру?

— Где это — Республика Вега? — Мышонок взял в руки пешку: внутри кристалла — звездная система — в центре драгоценный камень — с колеблющейся плоскостью вращения.

— Теперь — нигде. Это связано с восстанием в двадцать восьмом веке, когда Вега решила отделиться от созвездия Дракона. И потерпела неудачу. В искусстве и архитектуре этого народа много взято от наших достижений. Я считаю, что было нечто героическое во всех этих делах. Они, конечно, старались изо всех сил быть оригинальными — последняя подпорка культурной автономии и тому подобных вещей. И это, в конце-концов, превратилось во что-то вроде салонной игры в политику с тем, чтобы только оставить свой след в истории, — он взял другую фигурку. — Но мне нравятся некоторые деятели этого народа. У них тогда появилось трое великолепных музыкантов. Хотя только один из них имел отношение к восстанию. Но большинству людей это неизвестно.

— Вот как? — сказал Мышонок. — Отлично. Я сыграю с тобой. — Он обошел шахматную доску и сел на зеленый глицериновый шар. — Какие выбираешь, черные или желтые?

Фон Рей протянул руку над плечом Мышонка к панели управления, размещенной в подлокотнике кресла и нажал на микропереключатель.

Огоньки внутри игровой доски исчезли.

— Эй, почему?.. — хриплый шепот Мышонка огорченно прервался.

— Возьми свой сиринкс, Мышонок. — Лок подошел к каменной скульптуре на желтых изразцах. — Если бы я приказал тебе сделать нову, Мышонок, что бы ты сделал? — он присел на каменный выступ.

— Не знаю. Что вы имеете в виду? — Мышонок вынул из футляра инструмент. Большой палец чиркнул по клавишам. Пальцы прошлись по индукционной панели, розовый свет рассыпался по ее кнопкам.

— Я уже сказал. Сделай нову.

Мышонок помедлил. Внезапно его рука метнулась к сиринксу.

Грохот сразу же после вспышки. Цвета позади после-образа перекрывали его, закручивались в стягивающейся сфере, исчезали.

— Спокойно! — прикрикнул Себастьян. — Нука, спокойно!

Лок засмеялся.

— Неплохо. Иди сюда. Нет, возьми свою чертову арфу. — Он подвинулся, освобождая место. — Покажи, как она работает.

— Показать вам, как играть на сиринксе?

— Вот именно.

Целая гамма различных чувств отразилась на лице Мышонка, пропала. Только губы и веки подрагивали.

— Обычно я не разрешаю людям пользоваться моим инструментом, — губы и веки подрагивали.

— Расскажи.

Губы Мышонка сжались. Он попросил:

— Дайте руку, — голубое свечение появилось перед ними, как только он разместил пальцы рук капитана на панели образорезонатора. — Теперь глядите сюда. — Мышонок показал на переднюю часть сиринкса. — Эти вот линзы создают за собой голограммную решетку. Там, где сейчас голубой свет, фокусируется трехмерное голографическое изображение. Яркость и интенсивность регулируются вот тут. Поднимите руку вперед.

Свет стал ярче…

— Теперь — назад.

…и слабее.

— А как ты создаешь образ?

— Я обучался этому год, капитан. Смотрите дальше: эти струны управляют звуками. Каждая струна — это не своя нота, а своя текстура звука. Высота изменяется перемещением пальца вперед или назад. Вот так. — Он взял аккорд и медные инструменты и человеческие голоса зазвучали вибрируя и диссонируя… — Вы хотите, чтобы был запах? Смотрите сюда. А эта кнопка управляет плотностью образа. Вы можете сделать все это направленным с помощью…

— Предположим, Мышонок, что есть лицо девушки, которое я хотел бы воссоздать, звук ее голоса, произносящий мое имя, запах ее. Далее: у меня в руках твой сиринкс. — Он взял инструмент с колен Мышонка. — Что мне надо теперь делать?

— Практиковаться. Капитан, поймите, я действительно не люблю, когда люди балуются с моим инструментом…

Он потянулся за сиринксом.

Лок поднял сиринкс над головой. Рассмеялся.

— Держи.

Мышонок взял сиринкс и быстро отошел к

шахматной доске. Он рывком раскрыл футляр и положил туда свой инструмент.

— Практиковаться, — вторил Лок. — У меня нет времени. Если только я собираюсь вырвать у Принса Реда иллирион, а?

— Капитан фон Рей?

Лок поднял голову.

— Вы не хотите рассказать нам о том, что вы собираетесь делать дальше?

— Что ты хочешь знать?

Рука Катина задержалась на переключателе шахматной доски.

— Куда мы направляемся? Как мы туда доберемся? И зачем?

Лок помедлил некоторое время.

— О чем ты спрашиваешь, Катин?

Шахматная доска замигала огоньками, осветив подбородок Катина.

— Вы затеяли игру против компании Ред-шифт Лимитед. Какие в ней правила? И каков выигрыш?

Лок покачал головой.

— Спроси еще раз.

— Хорошо. Как мы возьмем иллирион?

— Да, как мы его возьмем? — нежный голос Тай заставил всех обернуться. Стоя рядом с Се-

бастьяном у пандуса, она тасовала колоду карт. Она перестала, когда на нее оглянулись. — В солнечную вспышку нырнув? — Она покачала головой. — Как, капитан?

Сцепленные ладони Лока обхватили колени.

— Линчес? Айдас?

На противоположной стороне висели два шестифутовых позолоченных каркаса. В одном, как раз над головой Мышонка, лежал на боку Айдас, освещенный огоньками своего компьютера. На другой стороне каюты, внутри такого же каркаса скорчился на кабелях Линчес.

— Когда вы ведете корабль, слушайте о чем мы говорим!.

— Понял, капитан, — пробормотал Айдас, словно сквозь сон.

Лок поднялся, сцепив руки за спиной.

— Прошло довольно много времени с того момента, как я впервые задал себе этот вопрос. Человеком, который ответил на него, был Дэн.

— Слепой Дэн? — это Мышонок.

— Дэн, который прыгнул? — это Катин.

Лок кивнул.

— Вместо этого здоровенного грузовика, — он взглянул вверх, туда, где изображения звезд, разбросанные по высокому темному потолку,

напоминали, что, окруженные бассейнами, папоротниками, каменными фигурами, они неслись между многочисленными мирами, — у меня была гоночная яхта, на которой Дэн был киборгом. Однажды ночью в Париже я слишком задержался на одной вечеринке и Дэну пришлось доставлять меня домой в Арк. Он вел яхту в одиночку. Другой мой киборг, один парнишка из колледжа, струсил и убежал. — Он покачал головой. — Это даже к лучшему. Но я-то там был. Откуда бы я взял столько иллириона, чтобы положить на лопатки Ред-шифт до того, как она положит на лопатки нас? Я задал этот вопрос Дэну, когда однажды вечером мы сидели в баре рядом с яхт-клубом. Зачерпнуть из солнца? Он ткнул пальцем себе в живот и, глядя на одну из мембран ветровой защиты, над баром, сказал: «Я был однажды затянут новой». — Лок обвел взглядом помещение. — Это заставило меня выпрямиться в кресле и слушать.

— Что с ним случилось? — спросил Мышонок. — Почему они мотались там столько времени и так близко, что позволили себя затянуть? Вот что меня интересует.

Катин вернул ладью на место и откинулся в своем студенистом кресле:

— Продолжайте: на чем прошел Дэн сквозь этот фейерверк?

— Он был в экипаже корабля, доставлявшего продовольствие и оборудование для одной из исследовательских лабораторий Института Алкейна, когда звезда грохнула.

Мышонок оглянулся назад, на Тай и Себастьяна, слушавших их, стоя около пандуса. Тай снова машинально тасовала карты.

— После тысячи лет познания, познания того, что под носом и того, что далеко, немного обидно, что мы многого не знаем о том, что происходит в центре грандиозных звездных катастроф. Состав поверхности звезды не меняется, но строение вещества внутри звезды нарушается процессами, которых мы до сих пор не в состоянии понять. Это может быть эффект приливных гармоник. Это могут быть шуточки демонов Максвелла. Самое длительное время превращения звезды в нову длится полтора года, но такие звезды, как правило, засекают только тогда, когда внутренние процессы уже идут вовсю. Обычно время, за которое нова достигает максимальной интенсивности, равно нескольким часам с момента вспышки. В случае сверхновой (а их в нашей галактике было замечено всего две — одна в триднадцатом веке,

в Кассиопее и одна безымянная звезда в двадцать четвертом веке, и ни одна из них не была изучена подробно) вспышка длится несколько дней, чаще всего двух, яркость сверхновой превосходит обычный уровень в несколько сотен тысяч раз. Яркость и уровень радиоизлучений сверхновой превышает суммарную световую светимость всех звезд галактики. Алкейн открыл некоторые другие галактики только потому, что сверхновая вспыхнула в них и почти полная аннигиляция одной звезды сделала видимой целую галактику.

Тай пересыпала карты из ладони в ладонь.

— А что случилось с Дэном, — спросил Себастьян, прижимая зверей к коленям.

— Его корабль затянуло и пронесло через центр солнца через полчаса после начала вспышки, а затем вышвырнуло наружу, — его желтые глаза остановились на Катине. Различать оттенки эмоций на изуродованном лице Лока было довольно сложным занятием.

Катин, напряженно вглядывавшийся в лицо Лока, опустил плечи и постарался расслабиться в своем кресле.

— На принятие решений оставались считанные секунды. Все, что капитан смог сделать, это отключить киборгов от всех внешних сигналов.

— Они вслепую летели? — спросил Себастьян.

Лок кивнул.

— Совершенно верно.

— Это была нова, в которой Дэн побывал до встречи с вами, нова номер один, — произнес Катин.

— Совершенно верно.

— Что случилось во второй?

— То же, что и в первой, за исключением одной вещи. Я отправился к Алкейну и просмотрел все, что имело отношение к этому случаю. Корпус корабля был исполосован следами движущейся звездной материи. То, что способно пробить защиту корабля, должно состоять из твердого ядерного вещества центра новы. То, что могло так выщербить защитный слой, должно было состоять из внутризвездной материи. Оно должно состоять из элементов с гигантскими, в три-четыре раза тяжелее чем у урана, ядрами.

— Вы хотите сказать, что корабль бомбардировали метеоры из иллириона? — перебил Мышонок.

— То, что произошло во второй нове, — Лок снова взглянул на Катина, — заключалось в том, что после того, как наша экспедиция была организована в полнейшей секретности, после того,

как другая нова была найдена через мою тетку с помощью Института Алкейна, причем никто не был в курсе того, зачем мы туда направляемся, после того, как экспедиция стартовала и была уже в пути, я постарался воспроизвести начальные условия первого случая, когда корабль Дэна падал на солнце, настолько точно, как только мог, то есть все маневры выполнялись вслепую, я отдал приказ экипажу отключить линии внешних сигналов. Дэн, поступив вопреки приказу, решил взглянуть на то, что ему не удалось в прошлый раз, — Лок поднялся и повернулся спиной к экипажу. — Мы даже еще не вошли в зону, где кораблю могла угрожать какая-либо физическая опасность. Вдруг я почувствовал, что один из парусов резко повело в сторону. А потом я услыхал вопль Дэна, — он обернулся к экипажу. — Мы развернулись, взяли направление на созвездие Дракона, добрались в попутном течении до Солнца и сели на Тритоне. Секретность кончилась два месяца назад.

— Секретность? — спросил Катин.

Лицо Лока перекосилось выражением, означающим улыбку.

— Ее больше нет. Я предпочел Тритон в созвездии Дракона Плеядам. Я распустил свой экипаж

с наказом рассказывать все, что они знают, как можно большему количеству людей. Я позволил этому сумасшедшему Дэну шататься вокруг космопорта и болтать все, что ему вздумается, пока Геенна-3 не проглотила его, затем я набрал вас прямо из толпы. Я рассказал вам обо всем, что я намерен делать. Кому рассказали вы? Сколько людей слышали, как я разговаривал с вами? Сколько людей бормотали, почесывая затылки: «Веселенькое это дельце, а?» — рука Лока ухватилась за каменный выступ.

— Чего же вы ждали?

— Известия от Принса!

— И получили его?

— Да.

— Что в нем говорится?

— А это важно? — Лок издал звук, напоминающий смех. Только исходил он откуда-то из живота. — Я еще не проигрывал его.

— Почему? — удивился Мышонок. — Вы не хотите знать, что он говорит?

— Я знаю, что делаю. Этого мне достаточно. Мы вернемся в Институт Алкейна, выберем другую… нову. Мои математики выдвинули дюжины две теорий, которые объясняют феномен, позволяющий нам пройти сквозь солнце. В каждой из них

этот эффект имеет место в течение нескольких часов, пока яркость звезды увеличивается до максимума.

— Сколько времени умирает нова? — спросил Себастьян.

— Несколько недель, иногда до двух месяцев. Сверхновая гаснет через год-два.

— Послание, — напомнил Мышонок. — Вы не хотите узнать, о чем говорит Принс?

— А *ты* хочешь?

Катин неожиданно навалился грудью на шахматную доску.

— Да.

Лок засмеялся.

— Отлично.

Он пересек каюту. Еще раз дотронулся до панели управления на кресле Мышонка.

Краски внутри двухметрового овала, обрамленного золотистыми листьями, потускнели.

— Так. Вот чем ты занимался все эти годы! — сказал Принс.

Мышонок посмотрел на его обтянутые кожей выступающие челюсти, стиснул зубы, он поднял взгляд на редкие, длинные волосы Принса и почувствовал, как стягивается кожа на лбу. Он подался вперед в своем кресле, его пальцы

дернулись — словно в руках у него был сиринкс — воспроизвести этот узкий нос, эти два голубых колодца.

Глаза Катина расширились. Он невольно откинулся назад, каблуки башмаков сгрудили ковер.

— Я не знаю, что ты там такое задумал сделать. Меня это мало заботит. Но…

— Это Принс? — прошептала Тай.

— …ты проиграешь. Поверь. — Принс улыбнулся.

Шепот Тай перешел в хриплое дыхание.

— Нет. Я даже не знаю, куда ты собираешься. Но смотри. Я буду там первым. А потом. — Он поднял руку в черной перчатке. — Посмотрим. — Он наклонился вперед так, что его ладонь заполнила весь экран. Пальцы метнулись вперед, посыпались осколки стекла.

Тай вскрикнула.

Принс ударил рукой по объективу камеры и разбил его.

Мышонок взглянул на Тай, она выронила свои карты.

Звери завозились, замахали крыльями, ветер разбросал карты Тай по ковру.

— Ничего, — сказал Катин. — Я соберу их, — он согнулся в своем кресле и стал шарить по полу

своими длинными руками. Лок снова засмеялся.

Карта упала на ковер у ноги Мышонка. Рисунком вверх. Трехмерное изображение внутри слоистого металла, над черным морем полыхало солнце. Небо над парапетом было освещено этой вспышкой. На берегу двое голых ребятишек держали друг друга за руки. Темноволосый щурился на солнце, его лицо выражало изумление. Курчавый глядел на их тени на песке.

Смех Лока, словно очередь взрывов, прогрохотала в каюте и в коридорах.

— Принс принял вызов, — он похлопал ладонью по камню. — Хорошо! Очень хорошо! Эй, и ты думаешь, мы встретимся под пылающим солнцем? — Его рука взметнулась вверх, сжалась в кулак. — Я почувствовал его хватку. Хорошо! Да, хорошо!

Мышонок быстро подобрал карту. Он перевел взгляд с капитана на экран, где калейдоскоп красок сменил лицо и руку. А на противоположных стенах лежали в своих каркасах темный Айдас и светлый Линчес. Его взгляд снова упал на двух ребятишек под неистовым солнцем.

Он смотрел, а пальцы его левой ноги скребли ковер, пальцы правой уперлись в подметку ботинка, страх исходил от этой карты, запуты-

вался в нервах и холодком расползался по спине. Неожиданно он быстро сунул карту в футляр с сиринксом. Его пальцы, скрытые футляром, вдруг вспотели. Невидимая карта внушала еще больший страх. Он вытащил руку и положил ее на бедро, потом оглянулся посмотреть, не заметил ли кто его действия.

Катин разглядывал собранные карты.

— Это те, которыми ты играешь, Тай? Тарот? — он поднял голову. — Ты цыган, Мышонок. Ручаюсь, тебе приходилось видеть эти карты и раньше. — Он повернул карты так, чтобы Мышонок смог разглядеть их.

Мышонок, не глядя, кивнул. Он изо всех сил старался удержать руку на бедре. (Женщина сидела у костра — в грязной ситцевой юбке — и усатые мужчины сидели вокруг в колеблющейся темноте и смотрели, как карты поблескивают и поблескивают в ее полных руках. Но это было…)

— Эй, — сказала Тай, — ты мне отдай их, — и протянула руку.

— Можно посмотреть всю колоду? — спросил Катин.

Ее серые глаза расширились.

— Нет.

Удивление слышалось в ее голосе.

— Я… прошу прощения, — начал смущенно Катин. — Я не собираюсь…

Тай взяла карты.

— Ты… ты по картам гадаешь?

На Катина словно дохнуло холодом.

Она кивнула.

— Гадание по Тароту очень распространено в Плеядах, — произнес Лок. Он сидел на скульптуре. — О послании Принса сказать твои карты что-нибудь могут? — он повернулся и его глаза вспыхнули словно яшма, словно золото. — Может, твои карты о Принсе и обо мне что-нибудь расскажут?

Мышонок был удивлен тем, как свободно перешел капитан на диалект Плеяд. На лице у того промелькнула улыбка.

Лок поднялся с камня.

— Что карты про эти блуждания в ночи говорят?

Себастьян, глядя из-под густых светлых бровей, привлек к себе своих питомцев.

— Я их посмотреть хочу. Да. Что мне и Принсу выпадет?

— Если она гадает, он, возможно, увидит поддержку в ее картах, — улыбнулся Катин. — Конечно, Тай. Погадай нам об экспедиции капитана.

У нее это хорошо получается, Себастьян?

— Тай не ошибается никогда.

— Ты несколько секунд только видела лицо Принса. В лице человека можно увидеть линии его судьбы, — сжатые руки Лока легли на колени. — Под моим шрамом можешь ты линии, о судьбе которые говорят найти?

— Нет, капитан… — ее взгляд упал вниз, на руки. Карты казались слишком большими для ее пальцев.

— Я карты лишь могу раскладывать и читать.

— Я не видел как гадают по Тароту с тех пор, как я учился. — Катин оглянулся на Мышонка. — На семинаре по философии ходил один парень из Плеяд, который в них разбирался. Я уверен, что рано или поздно ты упомянешь о любительском обществе почитателей «Книги Тота», как ее неправильно назвали в семнадцатом столетии. Я говорю, — он помедлил, ожидая подтверждения Тай, — о «Книге Грааля».

Молчание.

— Иди. Погадай мне, Тай, — Лок уронил руки и они расслабленно повисли.

Кончики пальцев Тай замерли на золотых рубашках карт. Со своего кресла около пандуса

(серые глаза полузакрыты эпикантусом)[6] она глядела в пространство между Катином и Локом.

— Хорошо, — произнесла она.

— Мышонок, — позвал Катин, — подойди и посмотри на это. И скажи, что думаешь ты о предстоящем…

Мышонок поднялся в свете игровой доски.

— Эй!..

Они обернулись на прервавший голос.

— Вы верите в это?

Катин поднял брови.

— Ты назвал *меня* суеверным, когда я плюнул в реку. А теперь вы собираетесь предсказывать будущее по картам! А-х-х-н-н! — это был не совсем звук, но нечто выражающее отвращение. Золотое кольцо в его ухе закачалось и засверкало.

Катин нахмурился.

Тай провела рукой по столу.

Мышонок уставился взглядом в середину ковра.

— Вы действительно хотите попытаться узнать будущее по картам? Это же просто глупо. Вот уж действительно предрассудки!

— Нет, Мышонок, — возразил Катин. — От ко-

---

[6] Примечания: 6

Эпикантус — утолщение на веке, остатки рудиментарной железы, более заметное у представителей монголоидной расы.

го угодно можно было этого ожидать, но уж от тебя…

Мышонок махнул рукой, отрывисто и хрипло рассмеялся.

— Ты, Катин, и эти карты! Это кое-что.

— Мышонок, карты на самом деле ничего не предсказывают. Они просто дают научный комментарий существующей ситуации…

— Карты не научны! Это просто металл и пластик. Они не могут знать!..

— Мышонок, семьдесят восемь карт Тарота являют символы и мифологические сюжеты, в которых отразились сорок пять веков человеческой истории. Каждый, кто понимает эти символы, может манипулировать диалогами и ситуациями. В этом нет никакого суеверия. И «Книга Перемен»[7], и даже халдейская «Астрология» становятся суевериями только тогда, когда ими злоупотребляют, пытаясь находить конкретные указания там, где существуют только советы и предположения.

Мышонок опять издал неопределенный звук.

— В самом деле, Мышонок! Эти рассуждения в высшей степени логичны. А ты говоришь так,

---

[7] Примечания: 7
Гадальная книга древних китайцев.

словно живешь тысячу лет назад!

— Эй, капитан! — Мышонок отвел взгляд от ковра, поднял глаза на уровень локтя капитана и покосился на колоду на коленях у Тай. — Вы верите во все эти вещи? — его рука упала на предплечье Катина. Только сжимая что-то, она могла оставаться неподвижной.

В тигриных глазах под рыжими бровями появилось выражение мучительной боли, Лок усмехался.

— Тай, мне на картах погадай.

Она перевернула колоду и стала пересыпать карты с ладони на ладонь.

— Капитан, вы одну выбирайте.

Лок опустился на корточки, чтобы видеть. Вдруг он остановил мелькающие карты пальцем.

— «Космос», она, пожалуй, подойдет, — назвал он карту, которую указал палец. — В этой гонке приз — Вселенная. — Он взглянул на Мышонка и Катина. — Как вы считаете, стоит начинать гадание с космоса? — высоко поднятые массивные плечи делали «боль» более отчетливой.

Мышонок в ответ только скривил темные губы.

— Продолжайте, — произнес Катин.

Лок вытянул карту.

Утренний туман колыхался меж берез, тисов и остролиста, на переднем плане прыгала и кувыркалась на фоне синего рассвета обнаженная фигура.

— А, — сказал Катин, — танцующий гермафродит, союз всех мужских и женских начал, — он потер ухо большим и указательным пальцами. — Знаете, лет триста назад, года с 1890 и до начала космических полетов существовали христианизированные карты Тарота, изобретенные другом Вильяма Батлера Иитса, ставшие чрезвычайно популярными и уничтожившие первоначальные изображения.

Лок согнул карту и изломанные изображения животных вспыхнули и исчезли в какой-то таинственной роще. Пальцы Мышонка сжали руку Катина. Он поднял голову в молчаливом вопросе.

— Звери апокалипсиса, — ответил Катин. Он ткнул пальцем через плечо капитана на четыре угла рощи. — Бык, Лев, Орел, а это забавное маленькое человекообразное существо — Бес, взятый из Египта и Анатолии, защитник женщин в их работе, бич скупости, щедрый и страшный бог. Есть очень известная его статуэтка: опустившийся на колени, ухмыляющийся, клыкастый,

совокупляется со львицей.

— Да, — прошептал Мышонок, — я видел эту статуэтку.

— Видел? Где?

— В каком-то музее, — он пожал плечами. — В Стамбуле, кажется. Меня взяли туда туристы, когда я еще был совсем ребенком.

— Увы, — вздохнул Катин, — я удовольствовался трехмерной голограммой.

— Только он не был карликом. Он, — хриплый шепот Мышонка оборвался, когда он взглянул на Катина, — был раза в два выше тебя. — Его зрачки, заметавшиеся от неожиданного воспоминания, сделали видимыми красные прожилки белков глаз.

— Капитан фон Рей, вам хорошо известны карты Тарота? — спросил Себастьян.

— Мне гадали раз шесть, — ответил Лок. — Моя мать не любила мои посещения гадалок, чьи маленькие столики стояли на улице под щитами ветрозащиты. Однажды, когда мне было лет пять или шесть, я умудрился потеряться. И вот, когда я бродил по той части Арка, где мне никогда не приходилось бывать, мне и предсказали мою судьбу, — он засмеялся. Мышонок, которому никак не удавалось правильно понять выражение

лица Лока, сейчас увидел гнев. — Когда я добрался до дома и рассказал об этом маме, она страшно расстроилась и велела мне никогда больше этого не делать.

— Она знала, что все это очень глупо! — прошептал Мышонок.

— О чем вам сказали карты? — поинтересовался Катин.

— Что-то о смерти в моей семье.

— И кто-нибудь умер?

Глаза Лока сузились.

— Спустя примерно месяц был убит мой дядя.

(Катин думал о произношении буквы «м»). Дядя капитана Лока фон Рея?

— Но хорошо карты вы не знаете? — снова спросил Себастьян.

— Только несколько названий: Солнце, Луна, Висельник. Но я об этих значениях никогда не спрашивал.

— А, — Себастьян кивнул. — Первую карту выбирайте всегда сами. Но «Космос» — карта к Большой Аркане принадлежит. Человеческую жизнь не может представлять. Нельзя ее выбирать.

Лок задумался. Замешательство на его лице выглядело как ярость. Сбитый с толку этим, Се-

бастьян умолк.

— Дело в том, — продолжил Катин, — что в Малой Аркане Тарота пятьдесят шесть карт: пятьдесят две обычные, только с валетами, рыцарями и королями каждой масти. Они связаны с обычными человеческими отношениями: любовью, смертью, жизненными невзгодами и тому подобными вещами. Большую Аркану составляют еще двадцать две карты, такие, как дурак и висельник. Они представляют космические события. Вы не можете выбрать одну из них, чтобы она представляла вас.

Лок некоторое время смотрел на карту.

— Почему? — он взглянул на Мышонка. Лицо его абсолютно ничего не выражало. — Мне нравится эта карта. Тай сказала выбирать, и я выбрал.

Себастьян поднял руку.

— Но…

Тонкие пальцы Тай легли сверху на его поросшую волосами кисть.

— Он выбрал, — сказала она. Металл ее глаз блеснул, когда она бросила взгляд на Себастьяна, на капитана, на карту. — Туда положите. — Она жестом показала, куда именно. — Капитан какую хочет карту может выбирать.

Лок положил карту на ковер, головой танцора к себе, ногами к Тай.

— Космос перевернутый, — пробормотал Катин.

Тай подняла голову.

— Перевернутый к тебе, а не ко мне, — голос ее прозвучал резко.

— Капитан, первая выбранная карта ничего не предсказывает, — сказал Катин. — В действительности же, результат гадания сказывается прямо противоположным тому, что означает первая карта.

— А что она означает? — спросил Лок.

— Здесь мужчина и женщина вместе, — сказала Тай. — Клинок и чаша, скипетр и блюдо соединены. Завершение полным успехом означает космическое воплощение божественного провидения. Победу.

— И всего этого в будущем я лишаюсь? — на лице Лока снова появилось выражение боли. — Прекрасно! Что это была бы за гонка, если бы я четко знал, что добьюсь победы?

— Перевернутая карта означает фантастическое стремление к какой-то цели, упорство, — вмешался Катин. — Отказ от следования…

Тай неожиданно смешала карты, собрала в

колоду.

— Ты, Катин, гадание закончилось?

— А… Я?.. Извини. Я не хотел… Я просто знаю значения всего дюжины карт… — Мочки его ушей налились кровью. — Я буду молчать.

Ветер пронесся по ковру.

Себастьян поднялся и спугнул своих питомцев. Один зверь захлопал у него крыльями на плече. Бриз, волосы упали Мышонку на лоб.

Все стояли на ногах, за исключением Лока и Тай, сидящих с танцующим гермафродитом между ними.

Еще раз Тай перетасовала карты и разложила их, на этот раз рисунком вниз.

— Выбирайте.

Широкие пальцы с толстыми ногтями ухватили карту, потянули:

Женщина, занятая работой, стояла под двойным каменным сводом, камнерез подключен к запястьям. Машина вырезала третью пятиконечную звезду. Солнечный свет падал на каменщицу и фасад здания. Позади двери сгущалась тьма.

— Тройка пятиконечников. Эту карту кладите сверху.

Мышонок глядел на правую руку капитана. Овальный разъем был почти полностью закрыт

сухожилиями.

Мышонок потрогал разъем на своей собственной руке. Пластиковая вставка была почти с четверть ширины запястья, оба разъема были одинакового размера.

Капитан положил тройку пятиконечников на космос.

— Еще выбирайте.

Карта была перевернута вверх ногами.

Юноша (или девушка? Мышонок не смог толком разобрать) в парчовой одежде, в кожаных ботинках опирался на рукоятку меча с серебряной, усыпанной драгоценными камнями ящерицей. Фигура стояла в тени скал.

— Валет мечей, перевернутый. Эту карту кладите накрест.

Лок положил карту на тройку пятиконечников.

— Еще выбирайте.

Над морским берегом, в чистом полном птиц, небе, рука, высовывающаяся из клубов тумана, держала пятиконечную звезду внутри круга.

— Туз пятиконечников. — Тай указала место ниже перекрещенных карт. Лок положил туда туза. — Эту карту вниз кладите. Выбирайте.

Высокий светловолосый юноша стоял на за-

брошенной тропинке в саду. Голова запрокинута вверх, одна рука сзади. Красная ниточка вилась рядом с его запястьем. На камнях сада были вырезаны девять звезд.

— Девятка пятиконечников, — она показала на ковер сбоку от лежавших карт. — Эту карту сюда положите.

Лок положил.

— Выбирайте.

Снова вверх ногами.

Между грозовыми тучами проступало фиолетовое небо. Молния высветила вершину каменной башни. Двое мужчин падали с верхнего балкона. На одном была богатая одежда. Можно было даже разглядеть драгоценные перстни и золотые застежки сандалий. Другой был в обычной рабочей куртке, босой и бородатый.

— Башня перевернутая… — прошептал Катин. — Ох-хо. Я знаю… — и остановился под взглядами Тай и Себастьяна.

— Башня перевернутая, — Тай показала на другую сторону. — Сюда кладите.

Лок положил карту и вытянул следующую.

— Двойка мечей, перевернутая.

Женщина с завязанными глазами сидела в кресле на берегу океана, скрестив мечи на груди.

— Эту впереди положите.

Три карты в центре и четыре вокруг. Первые семь карт образовали крест.

— Снова выбирайте.

Лок выбрал.

— Король мечей. Сюда кладите.

Король лег слева от креста.

— И еще одну.

Лок вытянул девятую карту.

— Тройка жезлов перевернутая.

Карта легла ниже короля.

— Дьявол…

Катин взглянул на руку Мышонка. Пальцы согнулись и ноготь мизинца впился в запястье Катина.

— …перевернутый.

Пальцы расслабились, Катин оглянулся на Тай.

— Сюда положите, — перевернутый дьявол лег под тройкой. — И выбирайте.

— Дама мечей. Эту последнюю карту сюда кладите.

Рядом с крестом выстроился вертикальный ряд из четырех карт.

Тай собрала оставшиеся карты.

Она подперла подбородок пальцами, наклонилась над живописными картинками и рыжие

волосы ее рассыпались по плечам.

— Ты видишь Принса здесь? — спросил Лок. — Ты видишь меня и солнце, за которым я иду?

— Вас я вижу. И Принса тоже. А также женщину, имеющую отношение к Принсу, темноволосую женщину…

— Темные волосы, но голубые глаза? — перебил Лок. — У Принса голубые глаза.

Тай кивнула.

— Ее я тоже вижу.

— Это Руби.

— Карты большей частью мечи и пятиконечники. Много денег вижу. И много борьбы за них и вокруг них.

— И семь тонн иллириона? — пробормотал Мышонок. — Не надо гадать по картам, чтобы…

— Ш-ш-ш ш, — остановил его Катин.

— Единственное положительное влияние от Большой Арканы — дьявол. Карта насилия, революций, борьбы… Но также начало духовного понимания она означает. Пятиконечники выпали вначале гадания. Это карты денег и богатства. Потом выпали мечи — карты силы и конфликта. Жезлы — символ интеллекта и созидания. Хотя их число — три и меньше, они выпали к концу. Хорошо это. Но отсутствие чаши — символа

чувств, в особенности, любви. Плохо. Хорошо, когда жезлы соседствуют с чашами, — она взяла центральные карты: космос, тройку пятиконечников и валета мечей.

— Так… — Тай замолчала. Четверо мужчин дышали в такт. — Вы себя как целый мир видите. Карта, покрывающая вас, о благородстве, аристократичности говорит. И еще о мастерстве, которым вы обладаете…

— Вы говорили, что были яхтсменом? — спросил Катин.

— Это ваше призвание карта означает. Но валет мечей стоит поперек вашего пути.

— Это Принс?

Тай покачала головой.

— Более молодой человек это. Кто-то, кто теперь уже достаточно вам близок. Кто-то хорошо известный вам. Темноволосый, очень молодой человек…

Катин первым посмотрел на Мышонка.

— …который как-то между вами и вашим солнцем встанет.

Теперь и Лок поглядел через плечо.

— Эй, вы подумайте… — Мышонок обвел взглядом окружающих. — Что вы теперь намерены сделать? Застрелить меня при первом же удоб-

ном случае из-за этих дурацких карт? Вы думаете, что я хочу стать вам поперек дороги?

— Если бы даже тебя он застрелил, — проговорила Тай, подняв голову, — это ничего бы не изменило.

Капитан похлопал Мышонка по колену.

— Не обращай внимания, Мышонок.

— Если вы не поверили в них, капитан, зачем же тратить время, слушая? — он остановился, потому что Тай перемешала карты.

— В вашем недавнем прошлом, — продолжила она, — туз пятиконечников лежит. Опять много денег, но помещенных с какой-то целью.

— Эта экспедиция может стоить руки и ноги, — добавил Катин.

— А также уха и глаза? — костяшками пальцев Себастьян поглаживал одного из своих зверей.

— В далеком прошлом девятка пятиконечников лежит. Тоже карта изобилия. Вам везло. Вы об этом любите вспоминать. Но в близком будущем у вас перевернутая башня. Обычно она означает…

— …дорогу прямиком в тюрьму. Которой нельзя избежать. Если… — глаза Катина сверкнули, потому что Тай, сощурясь, посмотрела на него, — не собрать двести фунтов местных кредитов. — Он кашлянул.

— Тюремное заключение эта карта означает, крушение большого дома.

— Дома фон Реев?

— Чей дом — не могу сказать.

Лок засмеялся.

— Выше перевернутая двойка мечей лежит. О неестественной страсти, капитан, говорит она.

— *Это-то* что означает? — прошептал Мышонок.

Но Тай уже перешла от креста из семи карт к вертикальному ряду.

— У цели твоих усилий король мечей стоит.

— Это мой дружок Принс?

— Он. На вашу жизнь он хочет повлиять. Он сильный человек и мудрость вам дать может, или смерть, — она подняла голову, черты ее лица неожиданно стали резкими. — И наши жизни тоже… Он…

Она умолкла и Лок спросил:

— Что, Тай?

Его голос уже успокоился, стал ниже и уверенней.

— Под ним…

— Что там, Тай?

— …лежит перевернутая тройка жезлов. Это предложение помощи. Лучшая поддержка об-

манутым надеждам. В основании дьявол лежит. Но перевернутый. К вам духовное понимание, о котором я говорила, придет. Когда…

— Эй, — Мышонок поднял глаза на Катина. — О чем это она?

— Ш-ш-ш-ш!

— …вступите в борьбу, суть вещей обнажится. Рабочие, что внизу, иностранцы и будут выглядеть иностранцами. И хотя король мечей действительно рушит стены, позади него королеву мечей вы обнаружите…

— Это… Руби? Скажи, Тай: ты видишь солнце?

— Никакого солнца. Только женщину, темноволосую и могущественную, как ее брат, ее тень падает…

— От света какой звезды?

— Ее тень на вас и на Принса падает.

Лок покачал рукой над картами.

— А солнце?

— Ее тень в ночи лежит. Звезды на небе вижу я. Но ни одного солнца…

— Нет, — не выдержал Мышонок, — все это глупость! Чепуха! Ничего, капитан! — его пальцы сжались и Катин отдернул руку. На ней остался след от ногтя. — Ничего она не может предсказывать с их помощью! — вдруг он повалился на

бок. Обутая нога лягнула воздух меж питомцев Себастьяна. Они рвались, вцепившись в удерживающие их цепочки.

— Эй, Мышонок! Что ты…

Он протянул босую ногу к разложенным картам.

— Эй!

Себастьян осадил взметнувшиеся тени.

— Ко мне! Спокойно!

Его рука металась от головы к голове, поглаживая темные уши и шеи.

Но Мышонок уже поднимался по пандусу над бассейном. И пока он не исчез, было видно, как футляр с сиринксом ударяет его по бедру при каждом шаге.

— Я догоню его, капитан, — Катин бросился к пандусу.

Крылья опали и Лок встал.

Тай, стоя на коленях, собирала рассыпанные карты.

— Вы двое на паруса. Линчеса и Айдаса я освобождаю. — Подобно тому, как выражение смеха на его лице трансформировалось в выражение боли, интерес выглядел как усмешка. — По своим каютам марш!

Лок взял руку Тай, как только она поднялась.

Три выражения, одно за другим сменились на ее лице: удивление, испуг, и еще одно, когда она взглянула на его лицо.

— За то, что в картах ты мне прочитала, Тай, я благодарю тебя.

Себастьян шагнул вперед, чтобы высвободить ее руку из руки капитана.

— Еще раз спасибо.

В коридоре за пандусом по черной стене плыли проекции звезд. Около синей стены, положив чемоданчик на колени, сидел по-турецки, Мышонок. Рука его рассеянно чертила загогулины на коже футляра. Взгляд его застыл на движущихся огоньках.

Катин, заложив руки за спину, прошел через холл.

— Что такое, черт возьми, с тобой стряслось? — дружелюбно спросил он.

Мышонок поднял голову, провожая взглядом звезду, выплывшую из-за уха Катина.

— Тебе определенно нравится усложнять себе жизнь.

Звезда скользнула вниз, исчезла в полу.

— И между прочим, что это за карту ты спрятал в футляр?

Мышонок от неожиданности вскинул голову.

Моргнул.

— Я очень хорошо замечаю такого рода вещи, — Катин прислонился к усыпанной звездами стене. Потолочный проектор, воспроизводящий ночь за бортом, отбрасывал пятна света на его круглое лицо и широкий плоский живот. — Это не лучший способ изменять капитана в лучшую сторону. У тебя какие-то странные идеи, Мышонок, признаюсь, они не лишены какого-то очарования. Если бы мне сказали, что я буду работать в таком вот экипаже сейчас, в тридцать втором столетии, с человеком, который совершенно искренне сомневается в Тароте, не думаю, чтобы я в это поверил. Ты на самом деле с Земли?

— Да, с Земли.

Катин покусал согнутый палец.

— Вообще-то, если подумаешь, действительно, такие допотопные идеи не могут возникнуть нигде, кроме как на Земле. Сразу же как только начались Великие Звездные Переселения, появились культуры достаточно сложно организованные для того, чтобы принять учение Тарота. Я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что в каком-нибудь городишке посреди пустыни монгольской найдется человек, верящий в то, что Земля покоится на громадном блюде, стоя-

щем на спине слона, который попирает змею, свернувшуюся на черепахе, плавающей в океане. И, хотя я рад, что родился не там, это местечко должно быть просто очаровательным. Там рождаются очень эффектные невротики. В Гарварде был один такой… — он остановился и взглянул на Мышонка. — Ты забавный парень. Вот ты управляешь звездолетом, продуктом технологии тридцать второго столетия и в то же время твоя голова забита отсталыми идеями тысячелетней древности. Покажи мне то, что ты стянул.

Мышонок засунул руку в футляр и вытащил карту. Он глядел на нее, пока Катин не потянулся за ней.

— Ты не помнишь, кто тебе сказал, что не надо верить Тароту? — Катин рассматривал карту.

— Моя… — Мышонок положил руки на край футляра. — Одна женщина. Когда я был совсем ребенком, лет пяти или шести.

— Она тоже цыганка?

— Да. Она заботилась обо мне. У нее были карты. Такие, как у Тай. Только не трехмерные. И старые. Когда мы скитались по Франции и Италии, она гадала женщинам. Она все знала: и что означают картинки, и вообще все. И рассказывала мне. Она говорила, что кто бы чего ни говорил,

все это — липа. Все это фальшь и на самом деле ничего не значит. Она говорила, что это цыгане распространили карты Тарота.

— Все так. Цыгане, по-видимому, перенесли их с Востока на Запад в одиннадцатом-двенадцатом веках. И способствовали их распространению в Европе в последующие пятьсот лет.

Вот что она говорила мне: карты первоначально принадлежали цыганам, и поэтому цыгане знают: они всегда лгут. И никогда не верят им.

Катин улыбнулся.

— Весьма романтичное примечание. Скажу только вот что: мысль, что все эти символы, пройдя через пять тысяч лет мифологии, являются практически бессмысленными и не имеют никакого отношения к человеческим мыслям и поступкам — всего лишь отголосок набата нигилизма. К несчастью, я знаю слишком много об этих символах, чтобы отмести их. Однако, мне интересно все, что ты сказал. Так эта женщина, с которой ты жил, когда был ребенком, она гадала по картам Тарота, но настаивала на том, что они лгут?

— Да, — он снял с колен футляр. — Только…

— Только что? — спросил Катин, когда Мышонок умолк.

— Только однажды ночью, перед самым рассветом. Кругом были одни цыгане. Мы сидели ночью в пещере и ждали. Мы все были очень напуганы, потому что что-то должно было случиться. Взрослые шептались об этом, но когда кто-нибудь из детей подходил близко — замолкали. И в эту ночь она гадала по картам — только так, как если бы они не лгали. А все сидели вокруг костра в темноте и слушали, что она читает по картам. А на следующее утро кто-то рано разбудил меня, когда солнце еще только поднималось над городом между гор. Все исчезли. Я шел не с мамой — женщиной, которая гадала по картам. Я никого больше не увидел из них. Те, с кем я шел, вскоре тоже исчезли. И я двинулся к Турции совсем один. — Мышонок в задумчивости провел большим пальцем по коже футляра. — Но той ночью, когда она гадала по картам, я помню, что я был сильно испуган. Они тоже были испуганы, понимаешь? И не говорили, чем. Но что-то напугало их до такой степени, что они решили, спрашивать совета у карт, хотя они знали, что карты — это липа.

— Я это понимаю так, что когда ситуация становится серьезной, люди вспоминают о своем здравом смысле и отбрасывают предрассудки,

пока опасность не минует, — Катин задумался. — Что, как ты думаешь, могло случиться?

Мышонок пожал плечами.

— Возможно, за нами гнались. Ты знаешь, как это бывает с цыганами. Все думают, что цыгане воруют. Это так. Может быть, за нами гнались из города. Никто на Земле не любит цыган. Вот почему мы не работаем.

— Ты-то работаешь, Мышонок, и работаешь много. Поэтому я и удивлялся, что ты ввязался во все эти ненужные дела с Тай. Ты потеряешь свое доброе имя.

— Я не был с цыганами с того времени, когда мне было лет семь-восемь. А кроме того, я заимел разъемы. Хотя их у меня и не было, пока я не поступил в Куперовскую Академию Астронавтики в Мельбурне.

— Правда? Тебе тогда должно было быть лет пятнадцать-шестнадцать. А это, конечно, много. На Луне мы обретаем свои разъемы годам к трем-четырем, так что мы можем подключаться к школьным обучающим компьютерам, — на лице Катина вдруг появилось ошеломленное выражение. — Ты хочешь сказать, что на Земле была группа взрослых мужчин и женщин, а с ними и дети, которые бродили от города к городу, из

страны в страну, и все они были *без* разъемов?

— Да. Именно так.

— Не так-то уж много работ можно делать, не имея разъемов.

— Конечно.

— Ничего удивительного, что твоим цыганам приходилось переходить с места на место. Группа странствующих взрослых людей, не имеющих возможность подключиться к машинам! — он покачал головой. — Но почему вы их не имеете?

— Таковы цыгане. У нас их никогда не было. Они нам никогда не были нужны. У меня есть разъемы, потому что я был одинок и… ну, я полагал, так будет легче. — Мышонок уронил руки на колени. — Но это все-таки не причина, чтобы выгонять нас из города, где мы остановились. Однажды, помню, они поймали двух цыган и убили их. Их избили до полусмерти, потом отрезали руки и повесили вниз головой, и они истекли кровью.

— Мышонок! — лицо Катина исказилось.

— Я был совсем ребенком, но я помню. Может быть, это и заставило, в конце концов, маму решиться спросить совета у карт, хотя она в них и не верила. Может быть, это и заставило нас разойтись в стороны.

— Только в созвездии Дракона, — выдавил Катин. — Только на Земле.

Смуглое лицо повернулось к нему.

— Почему, Катин? Продолжай, говори мне, почему с нами так обращаются? — в его словах не было вопроса. Только обида.

— Потому что люди глупы, узколобы и боятся всего непонятного. — Катин закрыл глаза. — Вот почему я предпочитаю луны. Даже на самой большой луне трудно встретить такое количество людей, чтобы могли произойти подобные вещи. — Глаза его раскрылись. — Мышонок, прими во внимание вот что. У капитана фон Рея есть разъемы. Он один из богатейших людей Вселенной. Они есть и у любого регистратора, горняка, дворника, бармена, и у тебя. В Федерации Плеяд и в Окраинных Колониях существуют феномены, возникающие вследствие слияния культур и проявляющиеся, в частности, в том, что все машины воспринимаются как непосредственное продолжение человека, это, как очевидное, признается всеми социальными слоями со времен Аштона Кларка. И до этого разговора я бы сказал, что феномен слияния культур имеет место и на Земле. Но ты напомнил мне, что в мире наших предков до сих пор существуют культурные анахрониз-

мы. Подумать только, что группа не имеющих разъемов цыган — истощенных, ищущих работу там, где никакой работы нет, предсказывающих судьбы способом, который сами они уже перестали понимать, в то время, как вся Вселенная достигла понимания того, чем обладали предки этих самых цыган пятнадцать веков назад, игнорирующих закон Еноха — входят в город и не расстраиваются тем, что у всех остальных мужчин и женщин имеются разъемы. Закон Еноха? Когда ты подключаешься к большой машине, это называется «стаддинг»: неизвестно, откуда пошло это выражение. Нет, я не понимаю, почему так случилось. Но немного понимаю — как. — Он покачал головой. — Земля — забавное место. Я там учился четыре года, но только сейчас до меня начинает доходить, как мало я в этом разбираюсь. Те из нас, кто родился не там, видимо, просто не в состоянии полностью это осознать. Вся остальная часть созвездия Дракона живет, по-моему, более простой жизнью. — Катин поглядел на карту в своей руке. — Ты знаешь, как называется эта карта?

Мышонок кивнул.

— Солнце.

— Ты знаешь, если бы ты ходил около разложен-

ных карт, гадание вышло бы неверным. Капитан очень хотел, чтобы ему попалась эта карта.

— Я знаю, — пальцы скользнули по ремню футляра. — Карты уже сказали обо мне, стоящем между капитаном и его солнцем, едва только я стащил одну. — Мышонок покачал головой.

Катин протянул ему карту.

— Почему бы тебе ее не отдать? Пока не поздно, извинись за то, что затеял всю эту суету.

С минуту Мышонок молча смотрел под ноги. Потом поднялся, взял карту и побрел через холл.

Катин глядел ему вслед, пока тот не исчез за углом. Потом он скрестил руки на груди, опустил голову и задумался. Он думал о блеклой пыли всех виденных им лун.

Катин сидел в затихшем холле, прикрыв глаза. Что-то вдруг потянуло за карман его шортов.

Он открыл глаза.

— Эй…

Линчес — за плечом — тенью — Айдас — подкрался к нему и вытащил за цепочку диктофон из кармана. Теперь он держал эту коробочку у себя в руке.

— Для чего…

— …эта штука? — закончил Айдас.

— А вы не хотите его вернуть? — причиной

раздражения Катина было то, что прервали его размышления. И их самонадеянность.

— Мы видели, как ты возился с этой штукой тогда в порту, — Айдас взял диктофон из бледных пальцев брата…

— Понимаешь… — начал Катин.

…и вернул Катину.

— Благодарю, — Катин стал засовывать его обратно в карман.

— Покажи нам, как он работает…

— …и для чего он тебе.

Катин, помедлив, достал диктофон.

— Это матричный диктофон, в который я надиктовываю свои наметки и регистрирую их. Он мне нужен, чтобы написать роман.

Айдас покачал головой.

— Ну, я знаю, что это такое…

— …и я. Почему ты хочешь…

— …сделать такой…

— …почему ты не хочешь создать психораму…

— …это же значительно легче… А мы…

— …тоже там есть?

Катин неожиданно поймал себя на мысли, что хочет сказать одновременно четыре вещи. И рассмеялся.

— Понимаете, ребята, я так не могу, — он на

мгновение задумался. — Я не знаю, почему я хочу писать. Конечно, проще создать психораму, когда уже есть необходимое оборудование, деньги и знакомства на студии. Но это совсем не то, чего я хочу. И я не знаю, будете ли вы «там» или нет. Я еще и не начинал думать о предмете. Я пока только делаю записи к роману. — Катин и близнецы посмотрели друг на друга. — Эти записи неэстетичны, если сравнивать с самим романом. Знаете, нельзя же просто сидеть и писать роман. Обязательно надо думать. Роман — это форма искусства. Я должен полностью его продумать, прежде чем начать писать. Но, так или иначе, это то, что я хочу создать.

— О, — протянул Линчес.

— Ты уверен, что знаешь, что такое…

— …конечно. Помнишь «Войну…

— …и мир». Да. Но это психорама…

— …с Че Онг в роли Наташи. Но она…

— …сделана по роману? Точно, я…

— …ты теперь вспомнил?

— Угу, — Айдас, стоящий позади брата, неторопливо кивнул. — Только, — теперь он обращался к Катину, — как же ты взялся за это дело, если не знаешь, о чем писать?

Катин пожал плечами.

— Тогда, может быть, ты напишешь что-нибудь про нас, раз ты до сих пор не знаешь…

— …мы можем просить его, если он говорит о чем-то, что не является…

— Эй, — вмешался Катин, — я должен найти тему, на которой строился бы роман. Я сказал, что не могу говорить о том, собираюсь я вас туда вставлять или…

— …что у тебя там на записи? — спросил из-за плеча Линчеса Айдас.

— А? Как я говорил, наметки. Для книги.

— Давай послушаем.

— Ну, вы ребята, не… — потом пожал плечами. Взялся за рубиновый рычажок на панели диктофона и перевел его на воспроизведение.

— Размышление наедине номер пять тысяч триста семь. Заруби на носу, что роман (назидательный, психологический или тематический — не имеет значения) всегда является отражением своего времени. — Голос звучал более высоко и быстро, чем обычно, но это только улучшало его восприятие. — Прежде чем написать книгу, я должен описать современное понимание истории.

Ладонь Айдаса черным эполетом лежала на плече Линчеса. Карие и коралловые глаза смотрели сосредоточенно, показывая свою заин-

тересованность.

— История? Тридцать пять веков назад ее изобрели Геродот и Фукидид. Они определили ее как изучение того, что происходило при их жизни. И последующую тысячу лет история была ничем иным. В Константинополе, пятнадцать веков спустя после греков, Анна Комнина в своем царственном блеске (и на том же языке, что и Геродот) определила историю как изучение тех событий в жизни людей, которые занесены в документы. Я сомневаюсь, чтобы эта очаровательная византийка верила лишь в те вещи, что были где-то записаны. Но события, документированные, в Византии просто не считались историческими. Концепция истории была целиком трансформирована. Последующее тысячелетие началось с первого глобального конфликта, а закончилось первым межпланетным столкновением. Сама собой возникла теория, что история является серией циклических взлетов и падений, происходящих, когда одна цивилизация поднимается до уровня другой. События, выпадающие из цикла, считались не имеющими исторической важности. Сейчас нам трудно оценить разницу между Спенглером и Тойнби, хотя в их времена эти теории считались полярно противоположными.

Для нас их споры о том, где и когда начинаются циклы, кажутся чистым соидизмом. Сейчас, когда прошло еще одно тысячелетие, мы можем спорить с де Эйлингом и Броблином, Альвином-34 и «Краспбургским обозрением». Просто потому, что они современники, я знаю, что они излагают одинаковую точку зрения. Но сколько восходов заставало меня в доках Шарля, расхаживающим и размышляющим, с кем я: с сондеровской ли теорией интегральной исторической конвекции, или все-таки с Браблином. Я уже имею достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что в последующем тысячелетии существующие разногласия будут казаться такими же несущественными, как и спор двух средневековых теологов о том, двенадцать или двадцать четыре ангела поместятся на острие иглы.

Размышление наедине номер пять тысяч триста восемь. Никогда не вынимай ворованные смоквы против красного…

Катин щелкнул выключателем.

— О, — сказал Линчес. — Это было что-то странное…

— …интересное, — вмешался Айдас. — Ты всегда описывал…

— …он говорит об истории…

— …современную историческую концепцию?

— Ну, конечно, это довольно интересная теория. Если вы сейчас…

— Я думаю, это должно быть, слишком сложно, — возразил Айдас. — Я хочу сказать…

— …для тех, кто живет сейчас, трудно…

— Что вы, на удивление легко, — это Катин. — Все, что вы должны сделать — это понять, как мы глядим…

— …может быть, на людей, которые будут жить потом…

— …это будет не так трудно…

— Действительно, — снова Катин, — когда-нибудь вы замечали, что общество в целом выглядит так, будто…

— Мы не слишком разбираемся в истории, — Линчес пригладил свои, похожие на светлую овечью шерсть, волосы. — Я не думаю…

— …что мы могли бы сейчас это понять…

— Конечно, смогли бы! — это Катин. — Я могу все это объяснить очень…

— Может быть, после…

— …в будущем…

— …это будет легче.

На смуглом и бледном лицах вдруг мелькнули улыбки. Близнецы повернулись и пошли прочь.

— Эй, — крикнул им вслед Катин, — разве вы?.. Я хочу сказать, я об… — потом. — Ох.

Он положил руки на колени и задумался, глядя вслед близнецам, бредущим по коридору. Темная спина Айдаса была экраном, на котором сияли куски каких-то созвездий. Минуту спустя Катин поднял свой диктофон, щелкнул рубиновым переключателем и тихо стал говорить:

— Размышление номер двенадцать тысяч восемьсот десятое. Интеллигентность становится вещью чужеродной и доставляющей неудобства в… — он выключил диктофон. Моргая, он глядел вслед близнецам.

— Капитан?

Лок, стоящий на верхней ступеньке, уронил руку с дверной ручки и поглядел вниз.

Мышонок засунул большой палец в дыру на брюках и почесал бедро.

— Э… капитан? — он достал карту из футляра сиринкса. — Вот ваше солнце.

Рыжие брови поползли вверх.

В желтых глазах блеснули огоньки.

— Я, э, позаимствовал ее у Тай. Я — верну ее…

— Подымайся сюда, Мышонок.

— Да, сэр, — он зашагал по винтовой лестнице. Вода у краев бассейна была покрыта рябью. Его

отражение поднималось вместе с ним, поблескивало на стене между филодендронами. Босая пятка и каблук ботинка выбивали синкопы.

Капитан открыл дверь и они вошли в его каюту.

Первой мыслью Мышонка было: его каюта не больше моей.

Второй: тут битком набито всего.

По сторонам от компьютера размещались проекционные экраны — на стенах, полу и потолке. И кроме этого — в каюте ничего личного, даже рисунков.

— Давай посмотрим эту карту, — Лок сел на свернувшиеся на койке кабели и стал рассматривать диораму.

Мышонок, которому не было предложено сесть на койку, отодвинул в сторону футляр с инструментом и сел на пол, скрестив ноги.

Неожиданно ноги Лока вытянулись, кулаки разжались, плечи дрогнули, мускулы лица напряглись. Спазм прошел и он снова выпрямился на койке. Он сделал глубокий вдох, туго натянувший шнуры на его кителе. — Садись сюда, — он похлопал по койке. Но Мышонок только подвинулся поближе к Локу, продолжая сидеть на полу.

Лок нагнулся и положил карту на пол.

— Это карта, которую ты стащил? — Выражение, которое было задумчивостью, разгладило его лоб. Но Мышонок смотрел только на карту. — Если бы это была первая экспедиция, которую я сколотил, чтобы измерить глубину этой звезды… — он рассмеялся. — Шесть обученных и умелых мужчин, изучивших свою профессию под гипнозом и знающих ее, как свои пять пальцев, спаянных крепче, чем металлы биметаллической пластинки. Кража среди этого экипажа? — он снова рассмеялся, тихо покачав головой. — Я был в них так уверен. В Дэне — больше всех, — он ухватил Мышонка за волосы и тихонько покачал его голову из стороны в сторону. — Этот экипаж нравится мне больше, — он показал пальцем на карту. — Что ты видишь здесь, Мышонок?

— Ну, мне кажется… двух ребят, играющих под…

— Играющих? — перебил Лок. — Разве похоже, что они играют?

Мышонок откинулся назад и прижал к себе свой инструмент.

— Что видите вы, капитан?

— Двое ребят, схватив друг друга за руки, собираются драться. Ты видишь, что один белый, а

другой темный? Я вижу любовь против смерти, свет против тьмы, хаос против порядка. Я вижу столкновение всех противоположностей под солнцем. Я вижу Принса и самого себя.

— Кто же есть кто?

— Не знаю, Мышонок.

— Что это за человек, Принс Ред, капитан?

Лок ударил кулаком левой руки о раскрытую ладонь правой.

— Ты видел его на визионном экране в цвете и трехмерном изображении. Ты еще спрашиваешь? Богатый, как Крез, балованный психопат, он однорукий, и его сестра так красива, что я… — он уронил руки. — Ты с Земли, Мышонок. С того же мира, что и Принс. Ты часто там бывал, я никогда там не жил. Наверное, ты знаешь, почему человек, родившийся на Земле, человек, все преимущества которого — следствие изобилия созвездия Дракона, мальчиком, юношей и мужчиной так… — кулак снова ударил по ладони. — Не обращай внимания. Возьми свою чертову арфу — сыграй что-нибудь. Начинай. Я хочу смотреть и слушать.

Мышонок залез в футляр. Одна рука на деревянном грифе, другая скользнула по полированным изгибам, он крепко сжал пальцы, губы и веки.

Сосредоточенность перешла в задумчивость, а потом — в озарение.

— Вы говорите, он однорукий?

— Под этой черной перчаткой, которой он так театрально расколотил камеру, нет ничего, кроме металла и пластика.

— Это значит, что у него нет разъема, — Мышонок перешел на хриплый шепот. — Я не знаю, как обстоят дела там, откуда вы родом, на Земле же это — худшее, что только может случиться с человеком. Капитан, цыгане тоже их не имеют и Катин всего несколько секунд назад прекратил свои воспоминания по поводу того, как это плохо. — Сиринкс был тем временем вынут. — Что бы вы хотели, чтобы я вам сыграл? — он взял несколько нот, несколько огней.

Но Лок опять разглядывал карту.

— Сыграй. Вскоре нам нужно будет подключаться, чтобы добраться до Алкейна. Давай. Быстрее. Играй, говорю тебе.

Рука Мышонка опустилась на…

— Мышонок?

…и отдернулась, не коснувшись струны.

— Почему ты украл *именно эту* карту?

Мышонок пожал плечами.

— Просто так получилось. Она упала на ковер

рядом.

— Но если бы это была другая карта: двойка кубиков или девятка жезлов — ты бы поднял ее?

— Думаю, да…

— Ты уверен, что в этой карте ничего нет, ничего особенного? Если бы там была другая карта — ты оставил бы ее лежать или тоже взял бы?

Откуда он пришел, Мышонок не знал. Но это опять был страх. Пытаясь побороть его, он резко повернулся и положил руку на плечо Лока.

— Ну, капитан! Не обращайте внимания на то, что говорят карты, я хочу *помочь* вам добыть эту звезду, понимаете? Я буду с вами и вы выиграете эту гонку. И не позволяйте этой сумасшедшей говорить противоположное!

В течение всего этого разговора Лок чувствовал себя несколько неопределенно. Сейчас же он глядел серьезно, глубоко задумавшись.

— Не забудь вернуть этой сумасшедшей ее карту, когда выйдешь отсюда. Мы скоро будем на Ворнисе.

Напряженность исчезла. Хриплый смех раздвинул темные губы.

— Я все же думаю, что они играют, капитан. — Мышонок откинулся на изголовье койки. Закинув босую ногу на ногу Лока, ставший страшно

похожим на марионетку рядом с кукловодом, он ударил по струнам.

Огоньки запрыгали по механизмам, желтые и рубиновые, в такт арпеджио, напоминающим звучание арфокорда. Лок глядел на карту у своих колен. Что-то произошло с ним. Он не знал причины. Но первый раз за очень долгое время он глядел на человека, которого позвал по причине, не имеющей ничего общего с его звездой. Он не видел, что было перед его глазами. Он откинулся назад и взглянул на то, что делал Мышонок.

Заполнив всю каюту, цыган двигал мириады ярчайших огней вокруг громадной сферы, создавая хрупкие фигуры торжественной диссонансной фуги.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Созвездие Дракона. Ворпис. Феникс. 3172 г.

— «Этот мир»?

«ВОРПИС».

— «Этот мир имеет много всего внутри и снаружи…»

«Добро пожаловать, путешественники…»

«…по сравнению с Луной», — подумал Катин, когда они вышли с посадочной площадки через освещенные восходом ворота. — «Луна имеет свое серое миниатюрное великолепие, заключенное в скалах и пыли».

«…день на Ворписе длится тридцать три часа, а гравитация достаточно высока, чтобы заставить пульс биться в три раз быстрее, чем на Земле, в течение шестичасового акклиматизационного периода».

Они прошли мимо стометровой колонны. Чешуйки, горящие в лучах восходящего солнца, слоистый туман, покрывающий плато: Змея — механистический символ всего этого сверкающего куска ночного неба — свернулась вокруг своего столба-постамента. Как раз в тот момент,

когда экипаж шагнул на движущуюся дорогу, алый солнечный свет окрасил последние пятна ночной синевы.

— …четыре города с более чем пятимиллионным населением. Ворпис производит пятнадцать процентов всего необходимого созвездию Драйона динапласта. В экваториальных отмельных зонах добываются минералы около трех дюжин наименований. Здесь, в тропических полярных областях, в каньонах плато, наши нетрайдеры охотятся на аэролатов и аквалатов. Ворпис знаменит на всю галактику своим Институтом Алкейна, расположенным в столице северного полушария, городе Фениксе…

Они миновали пределы слышимости и наступила тишина. Дорога превратилась в лестницу: Лок, окруженный экипажем, смотрел на площадь.

— Капитан, куда теперь мы идем? — Себастьян взял с корабля лишь одного из своих питомцев. Тот покачивался и переступал с лапы на лапу на плече у хозяина.

— Мы возьмем в городе краулер-туманник и отправимся в Алкейн. Кто хочет — может пойти со мной побродить вокруг музея или побыть несколько часов в городе. Если кто-то хочет

остаться на корабле…

— …и упустить возможность посмотреть Институт Алкейна?..

— …посетить его недешево стоит?..

— …но ведь там работает тетя капитана…

— …поэтому мы свободно можем пройти, — закончил Айдас.

— Об этом вы не беспокойтесь, — Лок, остальные за ним, соскочил с ленты к причалу, где были пришвартованы краулеры-туманники. Полярные области Ворписа были покрыты столовыми горами, некоторые из которых занимали площадь в несколько квадратных миль. Под ними постоянно клубился густой туман, взаимодействуя с азотно-кислородной атмосферой. Пыль, состоящая из окиси алюминия и сульфата мышьяка, соединяющаяся с испаряющимися гидрокарбонатами, вздымалась с бурлящей поверхности, скрывая все пространство между горами. Сразу же за плоскогорьем, на котором был космодром, виднелось еще одно, с ухоженными растениями южных областей Ворписа, являющееся чем-то вроде естественного парка. (Преобладали каштановые, рыжие и алые цвета). Феникс располагался на самой высокой и большой столовой горе.

Краулеры-туманники, внутреннее транспортное средство планеты, приводимые в движение статическими электрическими зарядами, возникающими между положительно ионизированной атмосферой и отрицательно ионизированным оксидом, бороздили поверхность тумана подобно речным судам.

В помещении главного вокзала за прозрачными блоками плыли цифры времени отправления, следуя за стрелами, указывающими толпам людей направление посадки: «ПАРК „АНДРОМЕДА“ — ФЕНИКС-МОНТЕКЛЕР» и огромные птицы, роняя огонь, скользили по мультихрому под ботинками, босыми ногами и сандалиями.

Катин, стоящий на палубе краулера, облокотился на поручень, глядя сквозь пластиковую стену, как белые волны, разбиваемые краулером-туманником, дробятся и выпрямляют свои завитки, закрывая солнце.

— Ты когда-нибудь думал, — спросил Катин подошедшего с леденцом во рту Мышонка, — о том, каким непонятным временем казалось бы человеку прошлого настоящее? Представь себе кого-нибудь, кто умер скажем, в двадцать шестом веке, воскресшим здесь. Можешь ты себе представить, насколько глубоко охватили бы его ужас

и замешательство, доведись ему просто пройти по этому краулеру-туманнику?

— Да? — Мышонок вынул изо рта леденец. — Не хочешь дососать? Мне он надоел.

— Благодарю. Подумай только, — челюсти Катина задвигались, разгрызая твердый шарик на льняной нити, — о чистоте. Существовал тысячелетний период — примерно с тысяча пятисотого по две тысячи пятисотый год, когда люди расходовали невообразимое количество времени и энергии на то, чтобы вещи были *чистыми*. С этим было покончено, когда последняя инфекционная болезнь стала не только излечиваемой, но и просто невозможной. Тогда существовало невозможное сейчас явление, называемое «повсеместным похолоданием», которое, можешь быть уверен, происходило по крайней море, раз в год даже в двадцать пятом столетии. Я полагаю, что тогда были причины превращать чистоту в фетиш, считалось, что есть связь между грязью и болезнью. Но когда заражение стало понятием устаревшим, соответственно, отпала и нужда в санитарии. Если бы тот человек, живший пятьсот лет назад увидел, как ты разгуливаешь по палубе в одном ботинке, а затем садишься, чтобы поесть с помощью босой ноги и не беспокоишься насчет

того, что ее надо помыть — ты можешь себе *представить*, как он был бы ошеломлен?

— Без дураков?

Катин кивнул.

Туман у подножия горы, искрясь, разошелся.

— Мысль нанести визит в Институт Алкейна подстегивает меня, Мышонок. Я разрабатываю полную теорию Истории. Это связано с моим романом. Ты не уделишь мне несколько минут? Я объясню. Мне приходило на ум, что если кто-то считает… — он остановился.

Прошло достаточно много времени, чтобы на лице Мышонка успела отразиться целая гамма различных чувств.

— Ну что? — спросил он, когда решил, что ничто в клубящейся серости не могло привлечь внимания Катина. — Что там с твоей теорией?

— Циана фон Рей Морган.

— Что?

— *Кто*, Мышонок. Циана фон Рей Морган. У меня появилась четкая идея: до меня только сейчас дошло кто такая тетя капитана, хранительница Музея Алкейна. Когда Тай гадала по Тароту, капитан упомянул про дядю, которого убили, когда он был еще ребенком.

Мышонок задумался.

— Да…

Катин покачал головой, недоверчиво посмеиваясь.

— Которого *что*? — спросил Мышонок.

— Морган и Андервуд.

Мышонок посмотрел вниз, потом по сторонам, как это делают обычно люди, которые чего-то не понимают.

— Это, наверное, случилось до того, как ты родился, — проговорил Катин, наконец. — Но ты должен был слышать об этом, или где-то видеть. Все это дело показывали психорамы всей галактики. Мне было всего три года, но…

— Морган убил Андервуда, — воскликнул Мышонок.

— Андервуд, — поправил Катин, — убил Моргана. Но это мысль.

— В Арке, — продолжал Мышонок. — В Плеядах.

— И биллионы людей всей галактики смотрели на все это дело по психораме. Мне было не больше трех лет тогда. Я был дома, на Луне, смотрел церемонию открытия вместе с родителями, когда этот импозантный тип в голубой куртке протолкнулся через толпу и побежал через Кронаини Плаза с этой проволокой в руке.

— Он его задушил! — воскликнул Мышонок. — Морган был задушен! Я видел это по психораме. Один раз в Марс-сити, в прошлый год, когда я летал по треугольнику, я видел сокращенную запись. Это была часть документальной программы не помню уже о чем.

— Андервуд почти оторвал Моргану голову, — пояснил Катин. — Когда я смотрел повтор, они уже вырезали момент самой смерти. Но пять биллионов человек смогли узнать все об эмоциях человека, приготовившегося быть избранным Секретарем Плеяд на второй срок и внезапно атакованного сумасшедшим и убитого. Все мы почувствовали, как Андервуд прыгнул нам на спины, мы услышали, как закричала Циана Морган и почувствовали, как она пытается оттащить его, мы услышали как представитель Кол-Сии крикнул, что-то о третьем телохранителе — это потом полностью спутало нас все расследование, и мы чувствовали, как Андервуд затягивает проволоку на наших шеях, почувствовали, как она врезается в плоть, мы оттолкнулись правыми руками, а наши левые руки держали миссис Тай, и мы умерли, — Катин покачал головой. — А потом этот дурак-оператор (его звали Намбни) и благодаря его идиотизму ему вскоре вышибла мозги

шайка психов, решивших, что он — участник заговора, перевел свой психомат на Циану — а мы могли бы узнать, кто он такой и куда намеревается бежать — и в течение последующих тридцати секунд мы были истеричкой, валяющейся на площади и хватающей еще не остывший труп своего мужа среди толчеи близких к истерике дипломатов, представителей и патрулей, смотрящих, как Андервуд продирается сквозь толпу и, в конце концов, исчезает.

— Они не показали эту часть в Марс-сити. Но я помню жену Моргана. Она и есть тетя капитана?

— Она, должно быть, сестра его отца.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, прежде всего по имени: фон Рей Морган. Я помню, что читал как-то, лет семь-восемь назад, что она чем-то занимается в Алкейне. Ее считали одаренной и чувственной женщиной. В течение примерно дюжины лет после убийства она была центром внимания той страшно извращенной части общества, постоянно перепархивая из Плеяд в созвездие Дракона и обратно, то она появлялась на Пламенном Берегу мира Коуби, то привлекала внимание к себе и своим двум маленьким дочерям на какой-нибудь космической регате. Она проводила много времени со своей кузиной

Лейлой Сильвин, которая сама была избрана Секретарем Плеяд на один срок. Информационные ленты буквально разрывались между желанием удержать ее на грани скандала и своим уважением к ней за весь этот ужас с Морганом. Сегодня, если она появляется на открытии выставки или участвует в каком-то общественном событии, то делает это скрытно, хотя за последние годы от нее немного поотстали. И если она — хранительница музея Алкейна, то скорее всего, она затеяла это дело ради собственной рекламы.

— Я слышал о ней, — кивнул Мышонок, подняв, наконец, голову.

— Это был период, когда она была, наверное, самой известной женщиной галактики.

— Ты думаешь, мы можем с ней встретиться?

— Эй, — Катин ухватился за поручень и оттолкнулся вперед, — это было-бы кое-что! Может быть, я могу основать свой роман на убийстве Моргана — черте современной истории.

— О да, — сказал Мышонок, — твоя книга.

— Меня удерживает то, что я не могу найти сюжет. Мне хочется увидеть реакцию миссис Морган на эту идею. О, я бы не стал делать ничего похожего на те сенсационные психограммы. Я хочу сделать тщательно подготовленный труд

в области искусства, используя сюжет для того, чтобы полностью поломать веру людей в упорядоченный и рациональный мир человеческих…

— Еще раз: кто кого убил?

— Андервуд — знаешь, так получилось, что ему тогда было столько же лет, сколько мне сейчас — задушил Секретаря Моргана.

— Просто я не хочу ошибаться, когда встречусь с ней. Его ведь поймали?

— Он оставался на свободе два дня, дважды выдал себя и дважды был укрыт людьми, которые потом признались в этом в течение сорока восьми часов, ему уже удалось добраться до космодрома, откуда он планировал отправить двух своих жен на одну из обслуживающих рудники станций Окраинных Колоний, когда его, наконец, смогли арестовать в Ведомстве по делам эмиграции. Здесь достаточно материала для дюжины романов. Мне нужен сюжет исторической значимости. Это, как ничто другое, сможет поддержать мою теорию. Что, как я говорил…

— Катин?

— Э… да? — его глаза, прикованные к медного цвета облакам, остановились на Мышонке.

— Что это?

— Где?

— Там.

В развороченных глыбах тумана блеснул металл. Черная сеть, колыхаясь, показалась в волнах. В тридцати футах от них сеть выпрыгнула из тумана. Человек, вцепившийся в ее середину руками и ногами, в развевающейся одежде, с черными волосами, выбивающимися из-под маски, направлял сеть в желоб, туман скрыл его.

— Это, — сказал Катин, — нетрайдер, охотящийся на местных аэролатов, или, возможно, на аквалатов, которые водятся в каньонах этого плато.

— Да? Ты бывал здесь?

— Нет. В университете я просмотрел дюжины выставок Алкейна. Каждая более или менее значительная школа с ними связана. Но сам я никогда здесь не был, и я просто слушал информатора на космодроме.

— О.

— Еще два нетрайдера с сетями.

Туман заискрился. Они опустились и появился четвертый и пятый, потом шестой.

— Словно целая стая.

Райдеры тянули за собой туман, полосы чистого пространства, электрические заряды, исчезали, чтобы появиться вновь.

— Сети, — задумчиво произнес Катин. Он облокотился на поручень. — Гигантская цепь, протянувшаяся среди звезд, сквозь время… — он говорил тихо и неторопливо. Нетрайдеры исчезли. — Моя теория: если представить общество как… — он быстро взглянул в направлении звука, похожего на дуновение ветра.

Мышонок достал свой сиринкс. Серые огни сталкивались и качались, выходя из-под смуглых, подрагивающих пальцев.

Сквозь свечение тумана сверкали золотые сети, обволакивая шеститоновую мелодию. Воздух был звенящим и прохладным, был запах ветра, но самого ветра не ощущалось.

Три, пять, дюжина пассажиров собрались вокруг. Вверху над ними снова появились нетрайдеры и кто-то, понявший, что подтолкнуло парня, начал было: — Ох-х-х-х, я понимаю, что он… — и остановился, потому что то же самое начал говорить кто-то другой.

Конец.

— Это было просто великолепно!

Мышонок поднял голову. Тай была полускрыта Себастьяном.

— Благодарю, — он усмехнулся и стал затискивать инструмент обратно в футляр. — О. — Он

что-то увидел и снова поднял голову. — У меня есть кое-что для тебя. — Он сунул руку в футляр. — Я нашел ее на полу в «РУХЕ». Мне кажется… ты выронила ее?

Он взглянул на Катина и постарался убрать с лица сосредоточенность. Потом взглянул на Тай и рот его раздвинулся в отражении ее улыбки.

— Я тебя благодарю, — она положила карту в боковой карман кофты. — Ты этой картой любовался?

— А?

— Ты на любой карте достичь можешь медитации?

— Ты это делал? — спросил Себастьян.

— А, да. Я очень долго смотрел на нее. Я и капитан.

— Это хорошо. — Она улыбнулась.

Но Мышонок уже возился с ремнем.

В Фениксе Катин спросил:

— Ты, в самом деле не хочешь идти?

Мышонок снова возился с ремнем футляра.

— Нет.

Катин пожал плечами.

— Я думал, тебе там понравится.

— Мне уже приходилось видеть музеи. Я хочу немного побродить.

— Ну, — сказал Катин, — тогда о'кей. Увидимся, когда вернемся в порт. — Он повернулся и побежал по каменным ступеням за капитаном и остальными. Они ступили на движущуюся ленту дороги и она понесла их сквозь скалы к сияющему Фениксу.

Мышонок глядел вниз, на туман, запутавшийся в сланцах. Большие краулеры — с такого они только что высадились — стояли на якорях слева, меньшие покачивались справа. Мосты, выгибающиеся между гор, пересекали ущелья, тут и там раскалывающие плоскогорье.

Мышонок тщательно поковырял в ухе и побрел прочь.

Юный цыган старался большую часть своей жизни прожить с помощью глаз, ушей, носа, пальцев рук и ног. И по большей части он в этом преуспевал. Но иногда — как, например, на «РУХЕ» во время гадания Тай, или в разговорах с Катином — он был вынужден признать, что то, что случалось с ним в прошлом, влияет на его действия в настоящем. Затем пришло время самоанализа. И после этого он обнаружил в себе старый страх. Теперь он знал, что страх имеет две причиняющие ему боль оболочки. Одну боль он мог еще как-то успокоить, касаясь чувствитель-

ных пластин своего сиринкса. Чтобы успокоить вторую, требовалось вполне конкретное самовнушение. Он подумал:

Восемнадцать, девятнадцать?

Может быть. Во всяком случае, прошло уже три года после, как его называют периода становления личности. Я могу быть избран в созвездии Дракона. Впрочем, я никогда к этому особенно не стремился. Я не стремился также снова прокладывать свой путь между скальными причалами чужих портов. Куда ты идешь, Мышонок? Где ты был и что будешь делать, когда достигнешь цели? Сядешь и поиграешь немного? Только это должно означать нечто большее. Да. Это что-то значит для капитана. Пожелайте, чтобы я смог увидеть это в небесном свете. Я почти смог, когда услышал его просьбу. Кто еще мог заставить мою арфу воспроизводить солнце? Большой огонь это должен быть. Слепой Дэн… я задумался, на что это похоже. Не хочешь разве провести пять пятых своей жизни с целыми руками и глазами? Зарыться в гору, спать с девушками и делать детей? Нет. Удивлюсь, если Катин счастлив со своими теориями и заметками, заметками и теориями. Что будет, если я попытаюсь играть на сиринксе точно так же, как он возится со своей

книгой? мыслями и измерениями? Одно хорошо: у меня не было бы времени задавать эти дурацкие вопросы. Как например: что думает обо мне капитан? Он перешагнул через меня, засмеялся, подобрал Мышонка и опустил его к себе в карман. Но это должно означать нечто большее! Капитан гоняется за своей идиотской звездой. Катин нанизывает на проволоку слова, которые никто не слушает. Я, Мышонок? Цыган с сиринксом, изменяющим голосовые связки. Что до меня, так мне этого недостаточно. Капитан, куда вы меня ведете? Смелее. Будьте уверены, я пойду. Нет другого такого места, где бы мне хотелось быть. Думаете, я пойму, кто я такой, когда мы доберемся туда? Или умирающая звезда в самом деле может дать столько света, чтобы я смог увидеть…

Мышонок сошел с очередного моста, большие пальцы — в карманах брюк, глаза опущены.

Звон цепей.

Он поднял голову.

Цепи наматывались на десятифутовый барабан, теряющий свои очертания в тумане. На скале перед раздевалкой мужчины и женщины возились с гигантской машиной. Управляющий лебедкой человек, сидящий в кабине, был все еще в маске. Из тумана поднималось запутавшееся в

сети животное, хлещущее своими плавниками-крыльями. Цепи грохотали.

Аэролат (или, может быть, аквалат) был двадцати метров длины. Меньшие лебедки опускали свои крючья. Нетрайдеры, стоя по бокам животного, придерживали их.

Мышонок двинулся сквозь толпу людей посмотреть на пропасть и услышал как кто-то сказал:

— Алекс ранен.

Ворот остановился и на помосте появились пять человек.

Зверь уже затих. Волоча сети легко, словно паутину, они освободили секцию колец. Нетрайдер в центре покачнулся.

Тот, кто поближе, уронил свою секцию, покалеченный нетрайдер привалился к голубому боку.

— Подержи там, Бо!

— Все в порядке! Держу!

— Поднимай его потихоньку!

Мышонок глядел вниз, в туман. Первый нетрайдер достиг скалы, кольца загремели по камню в десяти футах. Он подошел, волоча за собой свою сеть. Затем он развязал ремни на запястьях, отключил разъемы на руках, опустился на колени и отключил нижние разъемы на потных

лодыжках. Теперь он взвалил сеть на плечо и поволок ее через док. Туманные поплавки все еще принимали на себя большую часть веса сети, позволяя ей плыть в воздухе. Без них, — подумал Мышонок, — даже беря в расчет несколько более слабую гравитацию, вся эта ловушка весила бы, наверное, несколько сотен фунтов.

Еще трое нетрайдеров, поднимаясь от обрыва, — у двоих выбивающиеся из-под масок волосы были влажными и прямыми, у третьего — красными и завивающимися в кольца — волокли свои сети. Алекс ковылял между своими товарищами.

Следом шли еще четверо. Светловолосый коренастый мужчина как раз отсоединял сеть от левого запястья, когда поднял взгляд на Мышонка. Красные светофильтры его черной маски качнулись, когда он тряхнул головой.

— Эй, — гортанно произнес он, — на бедре твоем что? — Свободная рука откинула длинные волосы.

Мышонок поглядел вверх и вниз.

— А?

Человек пнул сеть, соскользнувшую с левой ноги. Правая нога была босой.

— Сенсо-сиринкс, а?

Мышонок улыбнулся.

— Да.

Мужчина кивнул.

— Парня однажды, кто как дьявол играть мог, я знал…

Он остановился, голова его опустилась. Он просунул большой палец под маску. Респиратор и светофильтры, отойдя в сторону, открыли лицо.

Когда это случилось, Мышонок почувствовал, что у него запершило в горле. Это было одной из сторон его речевого дефекта. Он стиснул челюсти и приоткрыл губы, потом — наоборот. Трудно, однако, при этом что-нибудь сказать. Он попытался изобразить на лице вопрос, но из горла у него непроизвольно вырвался хрип;

— Лео!

Раскосое лицо исказилось.

— Ты, ты — Мышонок!

— Лео, что ты?.. Но!..

Лео уронил цепь с другого запястья, выдернул разъем из лодыжки, схватил кольца в горсть.

— Ты со мной в дом, где цепи лежат, пошли! Пять лет… дюжину… больше!..

Мышонок все еще улыбался, потому что это было все, что он пока смог сделать. Он тоже подобрал кольца и они поволокли сеть с помощью туманных поплавков через скалу.

— Эй, Карло, Больсум, это — Мышонок!

Двое обернулись.

— Вы про парня, я говорил, помните? Он это. Эй, Мышонок, ты не подрос даже на полфута. Сколько лет — семь, восемь? И ты сиринкс еще носишь? — Лео оглядел футляр. — Готов спорить, ты хорошо играешь. Но ты и играл хорошо.

— А у тебя самого есть сиринкс, Лео? Мы бы поиграли вместе…

Лео покачал головой, смущенно улыбаясь.

— В Стамбуле последний раз я сиринкс держал. Потом никогда. А сейчас я все это забыл.

— О, — сказал Мышонок и почувствовал утрату.

— Эй, это сиринкс, который ты в Стамбуле стащил?

— Я всюду ношу его с собой.

Лео убрал с лица улыбку и положил руку на острые плечи Мышонка. Смех (не передалось ли ему чувство Мышонка?) прервал слова рыбака.

— А ты на сиринксе все это время играл? Ты сейчас мне сыграй. Конечно! Ты для меня запахи, звуки и цвета сделай! — его пальцы оставили большой синяк под рабочей курткой Мышонка. — Эй, Бо, Каро, вы настоящего исполнителя на сиринксе сейчас увидите!

Двое подошли поближе.

— Ты действительно играешь на этой штуке?

— Был здесь парень месяцев шесть назад, который мог кое-что пиликать… — он изобразил в воздухе две волнистые линии своими покрытыми шрамами руками, ткнул локтем Мышонка. — Понимаешь, о чем я говорю?

— Мышонок лучше, чем он играет, — убежденно сказал Лео.

— Лео без устали говорит о парнишке, которого он знал на Земле. Он говорил, что сам научил его играть, но когда мы дали Лео сиринкс… — он, посмеиваясь, покачал головой.

— Но вот этот парнишка, — похлопал Лео по плечу Мышонка.

— А?

— О.

— Мышонок это.

Они прошли в двойные двери здания.

С высоких вешалок свисали, образуя лабиринт, сети. Райдеры вешали свои сети на крючья, опускаемые с потолка воротом. Повесив сеть, райдер мог починить сломанные кольца, настроить датчики, посредством которых сеть двигалась и принимала определенную форму в соответствии с нервными импульсами, идущими из разъемов.

Два райдера выкатывали громадную машину со множеством зубьев.

— Что это?

— С ее помощью они аэролата разделывают.

— Аэролата? — Мышонок кивнул.

— Это то, что мы ловим тут. Аквалатов на Черном Плоскогорье добывают.

— О.

— Но, Мышонок, что здесь ты делаешь? — они пробирались сквозь длинькающие кольца. — Ты на сетях останешься? Ты поработаешь с нами? Я экипаж знаю, где новый человек нужен…

— Я сошел с корабля, который сделал здесь остановку. Это «РУХ» капитана фон Рея.

— Фон Рей? Корабль из Плеяд?

— Точно так.

Лео опустил крючья и стал развешивать сеть.

— Что в созвездии Дракона он делает?

— Капитан должен получить в институте Алкейна техническую информацию.

Лео потянул цепь лебедки и крючья поднялись на десять футов. Он начал развешивать следующий ряд.

— Фон Рей, да. Это хороший должен быть корабль. Когда я впервые в созвездие Дракона пришел, — он повесил черные кольца еще на

один крюк, — никто еще из Плеяд в созвездие Дракона не приходил. Один, может быть, два. Я одинок был… — Кольца встали на месте, Лео снова потянул цепь. Верх сети заслонил свет из окон под потолком. — Теперь много людей из Федерации Плеяд я встречаю. Десяток на этом берегу работает. А корабли ходят туда-сюда. — Он расстроенно покачал головой.

Кто-то крикнул через зал:

— Эй, где док? — голос эхом отразился от сетей. — Алекс ждет уже пять минут.

Лео подергал сеть, проверяя ее прочность. Все оглянулись на дверь.

— Не беспокойся. Он уже идет, — крикнул Лео.

Он взял Мышонка за плечо.

— Со мной иди.

Они пошли сквозь свисающие цепи. Другие райдеры все еще не покончили с развешиванием.

— Эй, ты сыграешь?

Они оглянулись.

Райдер наполовину спустился по кольцам и спрыгнул вниз.

— Я хочу посмотреть.

— Ну, конечно, — сказал Лео.

— Знаешь, вообще-то я… — начал Мышонок.

Насколько рад он был видеть Лео, настолько же он хотел сейчас музыки только для них двоих.

Хорошо! Потому что Лео не желал говорить ни о чем другом.

Они пошли дальше, райдер — следом за ними.

Алекс сидел у подножия лестницы, ведущей к балкону. Он держался за плечо, прислонившись головой к планкам перил. Время от времени он потирал свои небритые щеки.

— Смотри, — сказал Мышонок Лео, — почему бы нам просто не пойти куда-нибудь и не выпить? Мы можем поговорить. Я сыграю тебе перед тем, как…

— Сыграй сейчас, — настойчиво повторил Лео. — Позднее поговорим.

Алекс открыл глаза.

— Это тот парень, о котором ты говорил, Лео? — лицо его дернулось.

— Видишь, Мышонок. Прошло двенадцать лет, а у тебя здесь есть репутация, — Лео пододвинул перевернутую бочку со смазкой, проскрежетавшую по цементному полу. — Теперь садись.

— Пойдем, Лео! — Мышонок перешел на греческий. — Я действительно не готов. Твой друг плохо себя чувствует и не захочет, чтобы его беспокоили.

— Малакас! — пробормотал Алекс и сплюнул кровь меж колен. — Сыграй что-нибудь. Это отвлечет меня от боли. Где же этот чертов доктор?

— Что-нибудь Алексу сыграй.

— Это просто… — Мышонок взглянул на покалеченного нетрайдера, на прочих мужчин и женщин, стоящих у стены.

Усмешка на лице Алекса превратилась в гримасу боли.

— Выдай номер, Мышонок.

Ему не хотелось играть.

— Хорошо.

Он достал сиринкс из футляра и просунул голову через ремень.

— Док, по-видимому, будет здесь как раз к середине, — буркнул он.

— Надеюсь, что он скоро придет, — пробормотал Алекс. — Я знаю, что у меня по крайней мере сломана рука. Нога ничего не чувствует, а внутри какая-то кровавая… — он снова сплюнул кровь. — Я должен выйти на охоту через два часа. Пусть он меня подштопает по-быстрому. Если я не смогу вылететь после полудня, я подам на него в суд. Я плачу за свое чертово здоровье.

— Он склеит тебя, — вмешался один из райдеров. — Они не позволят, чтобы полис был

нарушен. Помолчи, и пусть парень играет… — он остановился, потому что Мышонок уже начал.

Свет падал на стекло и превращался в медь. Тысячи круглых стекол образовывали вогнутый фасад Алкейна.

Катин брел по тропинке над речкой, огибающей сад музея. Река — те же самые желтые туманы, что покрывают полярную часть Ворписа — слегка курились у берегов. Ниже по течению они скрывались под аркой в сверкающей стене.

Капитан шел впереди Катина и их тени, падающие на гладкие камни, двигались на одном уровне. Расположенный среди фонтанов подъемник возносил наверх платформу за платформой, по несколько сотен гостей на каждой. Но за считанные секунды все они разбредались по множеству тропинок, опоясывающих сверкающие кварцем горы. На бронзовом постаменте, в фокусе блистающих стекол, в нескольких сотнях ярдов перед музеем — ее мраморная, лишенная рук грациозная фигура была такой живой в это алое утро! — возвышалась Венера Милосская.

Линчес жмурил свои розовые глаза, отвернув лицо от сияния. Позади него Айдас глазел по сторонам, то назад, то вперед.

Тай, рука в руке Себастьяна, шла позади него,

волосы ее развевались с каждым движением зверя на его блестящем плече.

— Теперь свет, — подумал Катин, когда они прошли под аркой в имеющий форму линзы вестибюль, — стал голубым. Что правда, то правда: ни одна луна не имеет естественной атмосферы, достаточной, чтобы создать такую декоративную дифракцию. Однако, я упустил из виду лунное одиночество. Эта холодная конструкция из пластика, металла и камня была одним из крупнейших творений рук человеческих… Как далеко мы ушли от семнадцатого века. Найдется ли во всей галактике хотя бы дюжина зданий, крупнее, чем это? Две дюжины? Странное для академии положение: столкновение между традициями, воплощенными здесь и нелепостью современной архитектуры. Циана Морган свила себе гнездо в этом могильнике историй человечества. Вот на что это похоже: стервятник, сидящий на костях.

С потолка свисал восьмиугольный экран для публичных объявлений. Сейчас на нем переливалась красками очередная световая фантазия.

— Соедините меня с 739-Е-6,— обратился капитан фон Рей к девушке за информационным пультом.

Она повернула руку ладонью вверх и нажала

на миниатюрной панельке кнопки.

— Пожалуйста.

— Алло, Банни, — сказал Лок.

— Лок фон Рей! — воскликнула девушка за пультом, голосом, который не был ее собственным. — Ты пришел навестить Циану?

— Именно так, Банни. Если она не слишком занята, я бы поднялся и поговорил с ней.

— Минутку, сейчас я узнаю.

Банни, где бы она там ни находилась, в этом улье, несколько ослабила контроль и девушка удивленно подняла брови.

— Так вы к Циане Морган? — спросила она своим собственным голосом.

— Вот именно, — улыбнулся Лок.

В этот момент Банни снова включилась в разговор.

— Прекрасно, Лок. Она встретится с тобой на Юго-Западе, Двенадцать. Там не так многолюдно.

Лок повернулся к экипажу.

— Почему бы вам пока не побродить вокруг музея? Я получу то, что мне нужно, в течение часа.

— Можно ли ему взять эту, — девушка смотрела на Себастьяна, — *вещь* с собой в музей? У нас нет специального места для животных. — Банни ответила. — Это ведь человек из твоего экипажа,

Лок? Животные выглядят вполне домашними. — Она повернулась к Себастьяну. — Оно умеет быть смирным?

— Конечно, он будет смирным, — он почесал коготь, поблескивающий на его плече.

— Можете взять его с собой, — разрешила девушка. — Циана уже вышла к месту встречи.

Лок обернулся к Катину.

— Почему бы тебе не пойти со мной?

Катин постарался согнать удивление с лица.

— Конечно, капитан.

— Юго-Запад, двенадцать, — повторила девушка. — Вы можете подняться на этом лифте на один этаж. Больше никого?

— Никого, — Лок повернулся к экипажу. — Пока.

Катин последовал за ними.

Рядом со спиральным лифтом, на постаменте из мраморных блоков, высилась голова дракона. Катин задрал голову, разглядывая гребни вокруг каменной пасти.

— Мой отец подарил ее музею, — сказал Лок, когда они вошли в лифт.

— О?

— Она с Новой Бразилии, — они начали подъем вокруг центрального столба и оскал пасти

перестал быть виден, — когда я был ребенком, я играл внутри ее сородичей. — Внизу толпились туристы, казавшиеся отсюда крохотными.

Золотая кровля накрыла их.

Они вышли из лифта.

Картины, развешанные по галерее тут и там, освещались естественными источниками света. Многолинзовая лампа бросала на каждую висящую здесь раму свет — согласно предположениям нескольких ученых Алкейна — наиболее близкий к тому, под которым была написана каждая картина: искусственный или естественный, свет красного солнца или белого солнца, желтого или голубого.

Катин поглядел на дюжину людей, обозревающих выставку.

— Она будет здесь только через несколько минут, — сказал капитан. — Она только что вышла.

— О, — Катин прочитал название выставки.

«ЛИЦА МОЕГО НАРОДА»

Вверху был экран объявлений, меньший, чем в вестибюле.

Сейчас на нем светилась надпись, сообщавшая, что все представленные здесь картины и фотографии созданы за последние триста лет и

показывают мужчин и женщин разных миров за работой или развлечениями. Взглянув на перечень авторов, Катин вынужден был признать, что ему были известны лишь два имени.

— Я позвал тебя с собой, потому что мне надо поговорить с кем-то, кто может понимать суть сказанного.

Удивленный Катин поднял голову.

— Мое солнце — моя нова. В мыслях я почти привык к ее сиянию. Я стал человеком, освещенным ее лучами. Всю мою жизнь окружающие меня люди делали то, что я хочу. Если же нет…

— Вы заставляли их?

Лок сузил желтые глаза.

— Если же нет — я искал то, что они *могут* делать и использовал их для этого. И всегда находился кто-то еще, кто мог выполнять нужную мне работу. Я хочу поговорить с человеком, который может понять. Но разговор не выражает того, что я хочу сказать. Хотел бы я сделать что-нибудь, чтобы показать, что все это значит!

— Я… Я не думаю, что все это понятно.

— Поймешь.

«ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ» (Беллатрикс IV): одежды двадцатилетней давности. Она сидела у окна, улыбаясь, в золотом свете солнца, оставшегося за

рамой картины.

«С АШТОНОМ КЛАРКОМ» (не указано): старик. Его рабочий комбинезон вышел из моды лет двести назад. Он собирался отключаться от какой-то громадной машины. Но она была так велика, что нельзя было понять, что это такое.

— Удивительно, Катин. Моя семья — по крайней мере со стороны отца — происходит из Плеяд. Однако я с детства разговаривал у себя дома как выходец из созвездия Дракона. Мой отец принадлежал к тому обособленному ядру старой гвардии граждан Плеяд, которые позаимствовали множество идей у своих предков с Земли и из Созвездия Дракона, только это была Земля, которая умерла через пятнадцать лет после того, как старейший из этих художников взял в руки кисть. Когда я обзаведусь постоянной семьей, мои дети тоже будут так говорить. Не кажется ли тебе странным, что ты и я, похоже, ближе, чем я и, скажем, Тай и Себастьян?

— Я с Луны, — напомнил Катин. — Я знаю Землю только по продолжительному визиту на нее. Это не мой родной мир.

Лок не обратил на это внимания.

— Но в некоторых отношениях Тай, Себастьян и я очень похожи. В этих основных характерных

чувствах мы гораздо ближе, чем я и ты.

И снова Катину понадобилась целая секунда (довольно неприятная секунда), чтобы вспомнить, что означает выражение боли на рассеченном лице Лока.

— Некоторые наши реакции на возникающие ситуации будут понятны кому-то другому, а не тебе, да, я знаю, что так дальше не пойдет, — он замолчал. — Ты не землянин, Катин. Но Мышонок — с Земли. И Принс. Один — беспризорник, другой… — Принс Ред. Существует ли некая связь между ними, как между мной и Себастьяном? Цыган просто зачаровывает меня. Я не понимаю его. Но в том смысле, в каком, я думаю, я понимаю тебя. Принса я тоже не понимаю.

«ПОРТРЕТ НЕТРАЙДЕРА». Катин посмотрел на дату: задумчивый нетрайдер с негроидными чертами лица просеивал туман сквозь свою сеть двести лет назад.

«ПОРТРЕТ ЮНОШИ»: современника, конечно. Он стоял на опушке рощи… деревьев? Нет. Чем бы это ни было, но только не деревьями.

— В середине двадцатого века, в 1950 году, если быть точным, — Катин снова взглянул на капитана, — на Земле была маленькая страна, называемая Великобританией, в которой су-

ществовало пятьдесят семь довольно сильно разнящихся друг от друга диалектов английского языка. Была также большая страна, называемая Соединенными Штатами, с населением, в четыре раза большим, раскинувшаяся на в шесть раз большей территории. Там тоже существовали диалекты, но только две крошечные группы, включающие менее двадцати тысяч человек, употребляли язык, который мог быть непонятен человеку, владеющему только литературным английским: я привел этот пример, чтобы пояснить свою точку зрения: ведь обе страны говорили на одном и том же языке.

«ПОРТРЕТ ПЛАЧУЩЕГО РЕБЕНКА» (2852 год нашей эры. Вега-IV).

«ПОРТРЕТ ПЛАЧУЩЕГО РЕБЕНКА» (3052 год. Новая Бразилия).

— Что у тебя за точка зрения?

— Соединенные Штаты были продуктом коммуникационного взрыва, развития способов передвижения, перемещения людей, движения информации, развития радио и телевидения, что стандартизировало речь и образ мышления — не самых мыслей, однако, что означало, что персона A может понять не только персону B, но также и персон C, X и Y. Люди, информация и мысли пере-

секают сейчас галактику значительно быстрее, чем Соединенные Штаты в 1950 году. Возможность взаимопонимания значительно возросла. Наши родные миры разделяет треть галактики. За исключением случайных воскресных визитов в Университет созвездия Дракона — в Центавр — во время моей учебы, сейчас я впервые покинул пределы Солнечной системы. Однако, вы и я по способности к обмену информацией гораздо ближе друг к другу, чем уроженцы Уэльса и Корнуэлла тысячу лет назад. Помните об этом, когда размышляете о Мышонке или о Принсе Реде. Хотя Великая Змея свернулась вокруг колонны всего сотни миров, жители Плеяд и Окраинных Колоний признают ее, мебель Республики Вега то и дело напоминает то же самое о своих хозяевах, Аштон Кларк значит одинаково много как для вас, так и для меня. Морган убил Андервуда и это частично сделало наши познания… — он остановился, так как Лок нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что Андервуд убил Моргана?

— О, конечно же… Я имел в виду… — краска смущения проступила на его щеках. — Да… Но я не хотел…

Между картинами показалась женщина в

белом. Ее серебряные волосы были уложены в высокую прическу.

Она была высокой.

Она была старой.

— Лок! — она протянула навстречу ему руки. — Банни сказала, что ты здесь. Я думаю, нам следует подняться в мой офис.

Конечно! — подумал Катин. — Все ее портреты, которые он видел, были сделаны пятнадцать-двадцать лет назад.

— Спасибо, Циана. Мы и сами могли бы подняться. Я не хочу отвлекать тебя, если ты занята. Это не займет много времени.

— Ничего. Дойдемте. Я оцениваю сейчас полтонны не представляющей большого интереса скульптуры Веги.

— Периода Республики? — спросил Катин.

— Увы, нет. Тогда бы мы могли их сбагрить с рук. Но они слишком стары, чтобы чего-нибудь стоить. Идемте, — она уже двинулась мимо развешанных холстов, когда взглянула на широкий металлический браслет, закрывающий разъем на ее запястье. На нем мигал один из миниатюрых экранчиков.

— Простите, юноша, — повернулась она к Катину. — У вас с собой… диктофон или что-нибудь

подобное?

— Ну… д-да.

— Я должна попросить вас не использовать его здесь.

— Ох, я не хотел…

— Не каждый раз, но довольно часто я сталкиваюсь с вопросом обеспечения секретности, — она положила свою морщинистую руку на его. — Вы понимаете? Автоматически нарастающее поле стирает все записи с подобного рода аппаратов.

— Катин из моего экипажа, Циана. Но этот экипаж резко отличается от того, что был в прошлый раз. Секретов больше нет.

— Я так и поняла, — она убрала руку. Катин посмотрел, как та упала на белую парчу.

Она сказала — и оба они, и Лок, и Катин, взглянули на нее, когда она заговорила:

— Когда я пришла сегодня утром в музей, тебе поступило послание от Принса.

Они дошли до конца галереи.

Она резко повернулась к Локу.

— Я ловлю тебя на слове, насчет секретов, — брови ее выгибались гладкой светлой металлической полоской.

Брови Лока — ржавый металл, одна полоска была сломана шрамом. Катин подумал, что это,

должно быть, фамильная черта.

— Он на Ворписе?

— Понятия не имею, — дверь разошлась и они прошли внутрь. — Но он знает, что ты здесь. Разве это не важно?

— Мы совершили посадку каких-нибудь полтора часа назад. И улетаем вечером.

— Послание пришло час и двадцать пять минут назад. Оригинал был довольно сильно искажен, поэтому операторы откорректировали его не без труда. Они в курсе содержания и трудность теперь…

— Не беспокойся, — он повернулся к Катину. — Что же он скажет теперь?

— Мы все это скоро узнаем, — ответила Циана. — Ты сказал, что никаких секретов. Но я бы все-таки предпочла разговор у себя в офисе.

Эта галерея была вся забита: то ли запасник, то ли не разобранные еще материалы выставки.

Катин уже собирался спросить, но Лок опередил его.

— Циана, что это за хлам?

— По-моему, — он взглянула на дату в золотой окантовке на старинном деревянном ящике: «1923 год, „Эол Корпорейшн“». Да, это коллекция музыкальных инструментов двадцатого века.

Это — Онда Мартино, названный по имени изобретателя, французского композитора, жившего в 1942 году. Здесь у нас, — она наклонилась, читая табличку, — механический пианист, играющий в две руки, сделанный в 1931 году. А это… «Вислано Виртуозо Милда», построенное в 1916 году.

Катин разглядывал внутренности виолано сквозь стеклянную дверцу в передней части.

Струны и молоточки, стопоры, колесики проступали в тени.

— Что они делали?

— Стояли в барах, в парках, где не было оркестров. Люди опускали монету в прорезь и автоматически начинали играть установленная вот здесь скрипка в сопровождении фортепиано, программа задавалась перфолентой, — она провела серебряными ногтями по перечню. — «Шар Страттера…» — ноготь двигался вдоль кучи терменвоксов, банджо и шарманок. — Некоторые из новых академиков потребовали объяснений по поводу увлеченности института двадцатым столетием. Примерно одна из каждых наших четырех галерей посвящена этому времени. — Она скрестила руки на парче платья. — Возможно, их обидело то, что оно традиционно интересует ученых вот уже восемьсот лет, они отказываются

видеть очевидное. Вначале этого удивительного столетия человечество имело множество обществ, живших в одном мире, к концу же оно стало практически единым обществом, заселившим разные миры. С тех пор количество миров возросло, информационное единство и привело к нескольким грандиозным катастрофам, так как неоднократно изменяло природу общества, но все же наше общество существует. С тех пор, как человек стал чем-то очень, очень другим, это время является фокусом научного интереса: это было столетие, в котором происходило наше становление.

— Я не испытываю влечения к прошлому, — объявил Лок. — Я не располагаю временем для этого.

— Оно интересует меня, — вмешался Катин. — Я хочу написать книгу, возможно, она будет иметь к нему отношение.

Циана взглянула на него.

— Вот как? И что же за книгу?

— Роман, я думаю.

— Роман? — они проходили мимо серого экрана объявлений. — Вы хотите написать роман. Это просто прелестно. Несколько лет назад у меня был мой старый друг, который хотел попытаться

написать роман. Он закончил только первую главу. Но он говорил, что это осветило ему многочисленные стороны человеческой жизни и в большей мере помогло проникнуть в суть происходящих событий.

— Я уже работаю над ним некоторое время, — признался Катин.

— Восхитительно! Возможно, если вы закончите, вы позволите институту сделать под гипнозом психограмму процесса творения. У нас есть работоспособный печатный станок двадцатого века. Возможно, мы напечатаем несколько миллионов экземпляров и разошлем их в сопровождении документальных психограмм в библиотеки и учебные заведения. Я уверена, что мне удастся привлечь некоторый интерес к этой идее среди правления.

— Я еще не думал о том, чтобы сдать его в печать… — они прошли к следующей галерее.

— Вы можете сделать это только через институт Алкейна. Крепко это запомните.

— Я… запомню.

— Когда эту свалку разберут, Циана?

— Милый мой племянник, мы имеем материала гораздо больше, чем можем выставить. Его надо где-то разместить. В нашем музее двена-

дцать тысяч двенадцать публичных и семьсот частных галерей. А также три тысячи пятьсот хранилищ. Я поверхностно знакома с содержимым большинства из них. Но не всех.

Они шли под высокими ребрами. Позвоночник изгибался где-то под крышей. Холодные лампы под потолком отбрасывали на бронзовый пьедестал тени от зубов и глазных впадин черепа, размером со слоновую ногу.

— Это похоже на сравнительную остеологическую выставку (остеология изучает скелеты) рептилий с Земли и… — Катин всмотрелся в зияющую пещеру. — Не могу сказать, откуда *эта* штука.

Лезвия лопаток, тазовые кости, изгиб ключиц…

— Далеко еще до твоего офиса, Циана?

— Аэролату — около восьмисот ярдов. Мы поднимемся на лифте.

Они прошли сквозь аркаду в шахту лифта.

Спиральный подъемник вознес их на несколько десятков этажей.

Коридор из меди и плюша.

Еще коридор со стеклянными стенами…

Катин раскрыл рот от изумления: Феникс был виден отсюда целиком, от центральных башен

до покрытой туманом пристани. Хотя институт Алкейна был и не самым высоким небоскребом галактики, в Фениксе выше зданий не было.

Пандус поворачивался к центру здания. На облицованной мрамором стене висела серия из шестнадцати холстов Дехея: «Под Сириусом».

— Это?..

— Молекулярные копии Нильса Сэльвина, сделанные в двадцать восьмом веке на Веге. Довольно долгое время они были даже более знаменитыми, чем оригиналы — которые демонстрируются внизу, в Южном зале Зеленом — но так много событий связано с копиями, что Банни решила повесить их здесь.

Дверь.

— Вот мы и пришли.

Она открылась в темноту…

— Теперь, мой племянник, — лишь только они ступили в комнату, три луча упали на них откуда-то сверху, осветив черный ковер, — не будешь ли ты так добр объяснить мне, зачем ты вернулся сюда? И что у тебя за дела с Принсом? — она повернулась к Локу.

— Циана, мне нужна еще одна нова.

— Нужна *что*?

— Ты знаешь, что первая экспедиция не была

доведена до конца. Я собираюсь попытаться еще раз. Специальный корабль не нужен. Мы поняли это в тот раз. У меня новый экипаж и новая тактика. — Пятна света двигались по ковру следом за ними.

— Но Лок…

— Раньше все было тщательно спланировано, смазано, увязано и поддерживалось нашей общей слаженностью. Теперь же мы — разнородное сборище корабельных крыс, между которыми затесался Мышонок, единственное, что нас поддерживает — это моя ненависть. От нее страшно трудно избавиться, Циана.

— Лок, ты просто не сможешь повторить…

— Капитан тоже другой, Циана. «РУХОМ» раньше управлял получеловек, знакомый только с победами. Теперь я стал настоящим человеком. Я знаком и с поражением тоже…

— Но чего ты хочешь…

— Была еще одна звезда, которую изучал институт Алкейна, близкая к стадии новы. Я хочу знать название и когда лучше всего отправляться.

— Вот чего тебе надо! А как насчет Принса? Он знает, зачем ты ищешь нову?

— Меня это не волнует. Назови мою звезду, Циана.

Неуверенность и тревога. Она коснулась серебряного браслета.

Новый свет.

Из пола поднялся набор приспособлений. Она села на скамью, тоже поднявшуюся из пола, и поглядела сквозь огоньки индикаторов.

— Я не знаю, правильно ли я поступаю, Лок. Ненависть? Если бы решение не в такой большой степени повлияло на мою и твою жизнь, мне было бы легче сделать его в духе твоего требования. Аарон очень нужен мне для сохранения моего положения в институте.

Она снова коснулась пластины и вокруг них появились…

— До сих пор меня так же хорошо принимали в доме Аарона Реда, как и в доме моего брата. Но машина крутится на пределе. Ты поставил меня в трудное положение: необходимо принять решение, которое положит конец моей безбедной жизни.

…появились звезды.

Катин вдруг осознал размеры комнаты. Футах в шестьсот пятидесяти, покачивалось, медленно вращаясь, голографическое изображение галактики.

— Сейчас у нас работают несколько исследова-

тельских экспедиций. Нова, которую ты упустил, была здесь, — она нажала кнопку и одна звезда среди биллионов других вспыхнула так ярко, что Катин зажмурил глаза. Она потухла и опять купол астрариума стал полон света звезд. — Сейчас одна из экспедиций изучает развитие…

Она умолкла.

Потянулась и открыла маленький ящичек.

— Лок, я действительно беспокоюсь насчет всех этих дел…

— Продолжай, Циана. Мне нужно название звезды. Мне нужна лента с ее координатами. Мне нужно мое солнце.

— И я сделаю все, что смогу для тебя. Но ты должен простить старую женщину, — она достала из ящичка — Катин издал тихий возглас удивления и тут же проглотил его — колоду карт. — Я хочу посмотреть, какие указания даст Тарот.

— Мне уже гадали на картах насчет моего предприятия. Если они скажут мне полные координаты — отлично. В противном случае у меня просто нет на них времени.

— Твоя мать родилась на Земле и почти переняла смутное недоверие землян к мистицизму, хотя сама и признавала умом его силу. Надеюсь, что ты пошел в отца.

— Циана, мне уже гадали на картах. Второе гадание не скажет ничего нового.

Она разбросала карты картинками вниз.

— Возможно, оно скажет что-нибудь мне. Кроме того, я не хочу гадать полностью. Просто выбери одну.

Катин смотрел, как капитан вытаскивает карту и думал, что они вряд ли подготовили Циану к тому кровавому полудню на Кронаки Плаза четверть века назад. Колода карт не была того обычного трехмерного типа, как у Тай. Карты были желтыми. Фигуры — нарисованными. Их было легко датировать семнадцатым веком.

На карте Лока болтался на дереве обнаженный труп, подвешенный за ноги.

— Висельник, — она собрала остальные карты. — Перевернутый. Ну, не могу сказать, чтобы это меня удивило.

— Висельник означает, что наступит мудрость духа, ведь так, Циана?

— Перевернутый, — напомнила она. — Значит, за это придется дорого заплатить. — Она смешала карту с остальными и убрала колоду обратно в ящичек. — Это координаты твоей звезды. — Она нажала еще одну кнопку.

Рулон бумаги упал в ее ладонь. Маленький ме-

таллический секатор обрезал ленту. Она подняла кусок ленты, чтобы прочитать его.

— Здесь все координаты. Мы держим эту звезду под наблюдением два года. Тебе везет. Вспышка ожидается через десять-пятнадцать дней.

— Прекрасно, — Лок взял ленту. — Идем, Катин.

— Как насчет послания Принса, капитан?

Циана поднялась со скамьи.

— Ты не хочешь посмотреть послание?

Лок помедлил.

— Хорошо. Проиграй его. — И Катин увидел что-то живое на лице Лока. В то время, как Циана искала индекс послания, Катин подошел к консоли.

— Вот оно, — она нажала кнопку.

На той стороне комнаты Принс повернулся к ним лицом.

— Чем это, черт побери, — рука в черной перчатке смахнула со стола хрустальный кубок и чеканное блюдо, — ты думаешь, ты занят, Лок? — рука вернулась на место, нож и резная деревянная фигурка полетели на пол. — Циана, ты тоже помогаешь, не так ли? Ты сука и предательница. Я *зол*. Я в *ярости*! Я Принс Ред. Я — Дракон. Я — потревоженная Змея! Но я задушу

тебя. — Крышка дамасского стола крошилась в его черных пальцах, сверху был слышен звук ломающегося дерева.

Катин снова сглотнул.

Послание было трехмерным. Находящееся не в фокусе окно позади Принса бросало утренний свет — возможно солнечный — на раскиданный завтрак.

— Я могу сделать все, что захочу. Ты пытаешься помешать этому, — он навалился на стол.

Катин посмотрел на Лока, на Циану Морган.

Ее руки, бледные, с проступающими венами, мяли парчу.

Руки Лока, тяжелые и узловатые, лежали на аппаратуре, они двумя пальцами ухватились за тумблер.

— Ты вывел меня из себя, я могу быть очень злым, иногда просто из-за каприза. Ты помнишь этот прием, где я был вынужден разбить тебе голову, чтобы научить хорошим манерам? Твое существование — оскорбление для меня, Лок фон Рей. Я собираюсь посвятить свою жизнь тому, чтобы смыть это оскорбление.

Циана Морган неожиданно посмотрела на племянника, заметила его пальцы на тумблере.

— Лок, что ты делаешь?

Она схватила его запястье, но он свободной рукой отбросил ее руку.

— Я узнал о тебе очень много со времени первого послания, — сказал Принс из-за стола.

— Лок, убери руку с переключателя, — потребовала Циана. — Лок… — досада прервала ее голос.

— Когда я говорил с тобой в последний раз, я сказал, что собираюсь остановить тебя. Теперь я говорю, что если мне понадобится убить тебя, чтобы остановить, я сделаю это. Когда я буду говорить с тобой в следующий раз… — рука в перчатке застыла. Пальцы задрожали.

Экран погас и Циана рванула Лока за руку. Тумблер щелкнул: «ВЫКЛ.»

— Как называется то, что ты сделал?

— Капитан?..

Лок, окруженный вращающимися звездами, рассмеялся в ответ.

Циана рассерженно обратилась к нему:

— Ты прокрутил послание Принса через систему всеобщего оповещения! Этот поносящий меня сумасшедший был виден на всех экранах института! — она раздраженно ударила по сенсорной пластине браслета.

Огни погасли.

Аппаратура и скамейка ушли в пол.

— Спасибо, Циана, я получил то, за чем пришел.

Охрана музея ворвалась в офис. Луч света упал на него, когда он выходил из дверей.

— Простите меня, но я в страшном расстройстве, но это… погодите минутку, — он ударил ладонью по разъему на запястье. — Циана, не пойти ли тебе поправить свой парик?

— Ох, святые небеса! Банни — это была просто случайность!

— Случайность! Это был Принс Ред, не так ли?

— Конечно, он. Понимаешь, Банни…

Лок взял Катина за плечо.

— Идем.

Они оставили Циану объясняться с Банни и охраной.

— Почему?.. — рискнул спросить Катин из-за плеча капитана.

Лок остановился.

«ПОД СИРИУСОМ № 11» (копия Сэльвина) сверкала пурпурными каскадами за его плечом.

— Я говорил тебе, что не могу объяснить тебе, что я имею в виду. Это, возможно, что-то тебе показало. Теперь надо собирать остальных.

— Как мы их отыщем? Они же до сих пор бродят по музею.

— А ты как думаешь? — Лок двинулся дальше.

Нижние галереи были сплошным хаосом.

— Капитан… — Катин попробовал представить картину тысяч людей, оказавшихся лицом к лицу с неистовствующим Принсом, он помнил как сам видел его первый раз на «РУХЕ».

Гости толпились на ониксовом полу Салона Фитцджеральда. Сверкающие изображения гениев двадцатого столетия отбрасывали отблески на глянцевые сходящиеся стены вверху. Дети жались к родителям. Студенты взволнованно переговаривались между собой. Лок быстро шел меж ними. Катин старался держаться к нему поближе.

Они спускались в лифте в вестибюль, кружась над головой Дракона.

Что-то черное захлопало крыльями над толпой, метнулось назад.

— Остальные должны быть с ним! — крикнул Катин, показывая на Себастьяна.

Он побежал, огибая каменные челюсти. Лок догнал его.

— Капитан, мы только что видели…

— …Принса Реда, как тогда, на корабле…

— …на экране оповещения, это было…

— …было по всему музею. Мы вернулись…

— …сюда, чтобы не упустить вас…

— …когда вы пойдете обратно. Капитан, что…

— Идемте, — Лок остановил близнецов, положив им руки на плечи. — Себастьян! Тай! Нам надо вернуться на пристань и найти Мышонка.

— И отправиться отсюда к нашей нове!

— Пойдем сперва на пристань. А потом все вместе решим, куда двинемся дальше.

Они стали протискиваться сквозь толпу.

— Я полагаю, нам надо поторопиться, пока Принс еще не добрался сюда, — сказал Катин.

— Почему?

Это спросил Лок.

Катин попытался расшифровать выражение его лица.

Это было невозможно.

— Я должен дождаться третьего послания. Я хочу подождать его.

Они вышли в сад, в шумный и золотистый.

— Благодарю, Лок! — сказал Алекс. Он попробовал, как действует рука, сжал кулак, согнул ее в локте, помахал. — Эй, парень! — он повернулся к Мышонку. — Знаешь, ты действительно умеешь играть на сиринксе. Извини за то, что доктор пришел как раз в середине. Но все равно, спасибо. — Он усмехнулся, потом посмотрел на

стенные часы. — Думаю, я смогу теперь вылететь, Малакас! — он уверенно пошел вниз, пробираясь меж длиннющих завес.

Лео с грустью спросил:

— Теперь ты его в футляр уберешь?

Мышонок подтянул футляр за ремень и пожал плечами.

— Может быть, я еще поиграю попозже. — Он просунул руку за ремень. Пальцы его вдруг ухватились за створки футляра. — Что случилось, Лео?

Рыбак засунул левую руку под потускневшие кольца ремня.

— Из-за тебя сейчас я грусть чувствую, парень, — теперь правую, — потому что столько времени прошло, что ты не мальчик больше. — Лео опустился на ступени. Улыбка тронула его губы. — Я не очень-то счастлив здесь, я думаю. Может быть, снова время странствий пришло. Да! — Он кивнул. — Да!

— Ты так думаешь? — Мышонок повернулся на своей бочке лицом к Лео. — Почему сейчас?

Лео сжал губы. Выражение его лица было такое, словно он пожал плечами.

— Когда я старое вижу, я понимаю, как много нового мне надо. Кроме того, когда я долго живу

на одном месте, то много думать начинаю.

— И куда ты собрался?

— В Плеяды я отправляюсь.

— Но ты же сам из Плеяд, Лео. Я думал, ты скажешь, что хочешь посмотреть что-то новое.

— В Плеядах сотня миров. Я, может быть, на дюжине рыбачил. Я чего-то нового хочу, да, но все-таки, после этих двадцати пяти лет — домой.

Мышонок посмотрел на полное лицо, светлые волосы: сходство? О нем судишь так, словно ты — противотуманная маска, подумал Мышонок, а потом подбираешь лицо, на которое она наденется как раз. Лео очень изменился. Мышонок, в котором и так было мало детского, почувствовал себя повзрослевшим.

— Я тоже хочу нового, Лео. Но я не хочу домой… если только он у меня есть.

— Однажды, как я Плеяды, ты Землю или созвездие Дракона увидеть захочешь.

— Да, — он поправил ремень на плече. — Может быть. Через двадцать пять лет — почему бы и нет?

Эхо:

— Мышонок!

И:

— Эй, Мышонок!

И снова:

— Мышонок, ты здесь?

— Эй, — Мышонок поднялся и сложил ладони рупором. — Катин! — крик его был еще более неприятен, чем разговор.

Длинный и полный любопытства, Катин пробирался между сетями.

— Удивительно, удивительно. Я не думал, что найду тебя. Я шел от пристани, расспрашивая людей, не видел ли кто тебя? Какой-то парень сказал, что ты здесь.

— Капитан закончил свои дела в Алкейне? Он получил то, чего хотел?

— И еще кое-что. Послание от Принса Реда, ожидавшее его в институте. И он проиграл его через систему публичного оповещения. — Катин присвистнул. — Грандиозно!

— Он получил свою нову?

— Да. Только он здесь ждет еще чего-то. Не пойму, чего.

— Так мы отправляемся к звезде?

— Нет. Потом он собирается в Плеяды. У нас будет пара свободных недель. Но не спрашивай, что он там собирается делать.

— Плеяды? — спросил Мышонок. — Это то место, где вспыхнет нова?

Катин поднял руки вверх.

— Не думаю. Может быть, он считает, что будет безопаснее переждать дома.

— Минутку! — Мышонок опять повернулся к Лео. — Лео, может быть, капитан подбросит тебя до Плеяд?

— А? — Лео задумчиво склонил голову.

— Катин, как по-твоему, капитан фон Рей не разрешит Лео добраться до Плеяд на своем корабле?

Катин постарался изобразить на лице задумчивость. Выражение получилось довольно сложным и бессмысленным.

— Лео мой старый друг. Еще по Земле. Он научил меня играть на сиринксе, когда я был ребенком.

— У капитана много своих проблем…

— Да, но его не будет заботить, если…

— Но много лучше, чем я, он сейчас играет, — перебил Лео.

— Уверен, что капитан сделает это, если я попрошу его.

— Я не хочу доставлять твоему капитану никаких хлопот…

— Мы можем спросить его, — Мышонок передвинул футляр за спину. — Идем, Лео. Где

капитан, Катин?

Катин и Лео обменялись взглядами, какими незнакомые друг с другом взрослые обмениваются при виде энтузиазма молодежи.

— Ну? Пойдем!

Лео поднялся и пошел за Мышонком и Катином к двери.

Семьсот лет назад первые колонисты Ворписа высекли Эскларос дес Нуачес в склоне горы, на которой стоял Феникс. Между причалами для мелких судов и пристанями, где швартовались корабли нетрайдеров, спускались в белый туман ступени. Они были стерты многочисленными ногами и местами раскрошились.

В Фениксе обычная полуденная сиеста и Лок увидев, что лестница пустынна, стал спускаться меж поблескивающих кварцем стен. Туман скрывал нижние ступени, белые волны одна за другой накатывались из-за горизонта, голубые от тени слева, золотые от солнца справа, похожие на вставших на ноги ягнят.

— Эй, капитан!

Лок оглянулся назад.

— Эй, капитан, можно вас на минутку? — Мышонок боком спускался по ступеням. Сиринкс колотился о его бедро. — Катин сказал мне, что

вы собираетесь отсюда на Плеяды. Я только что наткнулся на человека, с которым был знаком на Земле, моего старого друга. Он учил меня играть на сиринксе. — Он ткнул футляр. — Я подумал, что раз мы летим в этом направлении, может быть, мы захватим его домой. Он действительно был моим хорошим…

— Хорошо.

Мышонок вскинул голову.

— А?

— До Плеяд всего пять часов лета. Если он будет на корабле к моменту старта и посидит в твоей каюте, то я не буду возражать.

Мышонок еще больше откинул голову и почесал в затылке.

— О. Хорошо. Превосходно, — он рассмеялся. — Спасибо, капитан. — Он повернулся и побежал вверх по лестнице. — Эй, Лео! — он запрыгал через ступеньку. — Катин. Лео. Капитан говорит, что все в порядке. — И снова назад. — Еще раз спасибо!

Лок спустился еще на несколько ступеней.

Остановился и сел, прислонившись к шершавой стене.

Он считал волны.

Когда число фигур достигло четырех, он оста-

новился.

Полярное солнце озаряло горизонт: золотого стало меньше, синего — больше.

Когда он увидел сеть, руки его скользнули и замерли на коленях.

Кольца позванивали о нижние ступени. Райдер поднялся, по пояс в белой круговерти. Туманные поплавки поддерживали сеть. Кварц отражал голубые искры.

Лок, привалившийся к стене, поднял голову.

Таинственный нетрайдер поднимался по ступеням. Паутина металла колыхалась сверху и сзади него. Кольца ударялись о стену и звенели. Не доходя ступенек шесть, он остановился и снял маску.

— Лок?

Его руки разжались.

— Как ты нашла меня, Руби? Я знал, что ты бы смогла это сделать. Расскажи, как?

Она тяжело дышала, непривычная к повышенной гравитации. Шнурки на ее груди натягивались, обвисали и снова натягивались.

— Когда Принс обнаружил, что ты покинул Тритон, он разослал свои письма в дюжин шесть различных мест, куда ты мог направиться. Циана была одним из них. Мне он предоставил следить

за сообщениями о том, где ты появишься. Я была на Мире Коуба, поэтому, когда ты проиграл ленту в институте Алкейна, я бросилась сюда, — сеть сгрудилась на ступеньках. — Раз я обнаружила, что ты на Ворписе, в Фениксе… ну, дальнейшее потребовало большой работы. Поверь, мне не хотелось бы проделывать ее еще раз. — Она оперлась рукой о стену. Сеть зашуршала.

— У меня есть шансы в этой игре, Руби. Я попробовал однажды просчитать на компьютере все возможные варианты. — Он покачал головой. — Теперь я использую только руки, глаза и уши. Так далеко я еще не заходил. Но так я продвигаюсь гораздо быстрее. Я всегда любил скорость. Это, наверное, единственная вещь, которая делает меня таким же, каким я был во время нашей первой встречи.

— Принс сказал мне однажды нечто очень похожее, — она подняла голову. — Твое лицо. — На ее лице промелькнула боль. Она стояла к нему достаточно близко, чтобы коснуться шрама. Ее рука дрогнула, затем упала. — Почему ты до сих пор?.. — она не закончила.

— Он полезен. Он заставляет каждую гладкую поверхность во всех этих смелых, новых мирах служить мне.

— Что это за служба?

— Он напоминает мне, зачем я здесь.

— Лок, — и раздражение в ее голосе стало отчетливей, — что ты делаешь? Чего ты или твоя семья думаете добиться?

— Надеюсь, что ни ты, ни Принс до сих пор не знаете этого. Я не стараюсь ничего скрывать. Но я отыскал свой ответ несколько архаичным способом. Как много времени, ты думаешь, надо слухам, чтобы преодолеть расстояние между мной и тобой? — Он снова прислонился к стене. — По крайней мере тысяча человек знает о том, что намерен предпринять Принс. Я проиграл утром его послание. Никаких секретов, Руби. Существует много мест, чтобы спрятаться, и только одно, где я могу подняться в свете солнца.

— Мы знаем, ты пытаешься сделать что-то, что погубит Редов. Это единственное, чему ты можешь уделять столько времени и усилий.

— Хотел бы я сказать, что ты ошибаешься, — он переплел пальцы. — Но вы пока не знаете, чего я хочу.

— Мы знаем, что это должно быть связано со звездой.

Он кивнул.

— Лок, я хочу кричать на тебя, визжать! Кто ты,

по-твоему, такой?

— Кто я такой, чтобы бросать вызов Принсу и прекрасной Руби Ред? Ты прекрасна, Руби, и я чувствовал себя очень одиноко перед твоей красотой, пока не начал ее понимать. Ты и я, Руби, миры, в которых мы родились, не приспособлены для того, чтобы что-то значить для нас. Если я останусь жив, то будет жить мир, сотня миров образ жизни. Если Принс… — он пожал плечами. — Все же это, наверно, игра. Нам твердят, что мы живем в обществе без цели, что наша жизнь лишена стержня. Миры шатаются вокруг нас, но, тем не менее, я хочу играть. Единственное, к чему я подготовлен — это к игре, игре всерьез, полностью выкладываясь, и с шиком.

— Ты для меня загадка, Лок. Принс так легко предсказуем… — она подняла брови. — Это удивляет тебя? Принс и я выросли вместе. Но ты сталкиваешь меня с неизвестным. На том приеме, давным-давно, когда ты захотел меня, было это тоже некоторого рода игрой?

— Нет… Да… Я думаю, что не соблюдал правил.

— А теперь?

— Я знаю, что единственно правильный путь — мой собственный. Руби, я хочу того, чем обладает Принс… нет. Я хочу *вырвать* то, чем обладает

Принс. Когда у меня будет это, я могу повернуться и выбросить это за ненадобностью. Но я хочу это получить. Мы схватились, и в результате на скольких жизнях и мирах это отражается! Да, все это я знаю. Ты тогда сказала: мы особенные люди, потому что у нас в руках сила. Если бы я попытался жить по этому принципу, я бы застрял на месте. Вот — я в данный момент, в данной ситуации, со всем тем, что я делаю. Все, что я усвоил — Руби — это как я имею право играть. Что я ни делаю — я, человек, каким я являюсь и каким меня вынуждают быть — я должен делать только ради одного: ради победы. Помни об этом. Ты опять проявила ко мне благосклонность. Я отвечаю тем же, предупреждая тебя. Вот почему я ждал здесь.

— Что же ты задумал сделать, если ты вынужден произносить такое напыщенное извинение?

— Я еще не знаю, — засмеялся Лок. — Оно звучит довольно странновато, это так, но оно искреннее.

Она глубоко вдохнула воздух. Высокий лоб покрылся морщинками, потому что ветер разбросал ее волосы по плечам. Глаза ее были в тени.

— Полагаю, что я должна тебе дать такое же предупреждение.

Он кивнул.

— Считай, что оно уже дано, — она отодвинулась от стены.

— Я так и считаю, — ответил он.

— Хорошо, — она завела руку за спину и взметнула ее вверх.

И триста квадратных футов цепей мелькнули над ее головой и с грохотом обрушились на него.

Кольца упали на его воздетые руки, покрывая их ссадинами. Он закачался под их весом.

— Руби!..

Она взметнула другую руку, упал еще один слой.

Она откинулась назад и сеть потянулась за ней, ударив его по ногам, так, что он поскользнулся.

— Не надо! Дай мне…

Сквозь движущиеся кольца он увидел, что она снова в маске, сверкнувшее стекло, ее глаза, рот и нос закрыты. Экспрессия была в ее узких плечах и внезапно обозначившихся маленьких мускулах. Она наклонилась, комбинезон на животе сморщился. Адаптерные кольца увеличивали силу ее рук раз в пятьсот. Лока поволокло вниз по ступеням. Он упал, цепляясь за стену. Руки и колени его были содраны о металл и камень.

То, что кольца помогали выиграть в силе,

проигрывалось в точности движения. По сети прокатилась дрожь, но он смог нырнуть и преодолеть две ступеньки. Но Руби резко дернула ногой назад, его поволокло на четыре ступеньки вниз. Лежа на спине и извиваясь, он поднялся на две ступеньки и еще на одну — на боку. Она сбросила его. Туман доходил ей почти до колен, она отступила дальше, наклонилась так, что ее черная маска оказалась у самой поверхности.

Он бросился вверх, но упал на пять ступенек вниз. Лежа на боку, он вцепился в кольца и резко рванул. Руби покачнулась, но он почувствовал, как острый осколок разодрал ему плечо.

Лок освободился от сетей, от с трудом сдерживаемого дыхания. Он снова попытался поднырнуть под свалившуюся на него тяжесть.

И услышал вскрик Руби.

Он отшвырнул кольца с лица и открыл глаза. Сверху что-то…

Оно неслось меж стен, черное и хлопающее крыльями.

Руби взмахнула рукой, чтобы отогнать его. И часть сетей соскользнула с Лока вверх, существо взмыло, уклоняясь от колец.

Пятьдесят футов металла упали в туман. Руби покачнулась, исчезнув из виду.

Лок сполз на несколько ступеней. Туман закрыл его по бедра. Соединения мышьяка налили голову свинцом. Он закашлялся и ухватился за скалу.

Черное существо парило теперь над ним. Тяжесть в голове на минуту пропала, он пополз по камням вверх. Глотая свежий воздух, задыхаясь и борясь с головокружением, он оглянулся назад.

Сеть парила над ним, борясь с крылатым зверем. Лок подтянулся до следующей ступеньки, пока существо еще не было поймано. Кольца тяжело упали на ногу, соскользнули с нее, проволоклись по ступеням и исчезли.

Лок сел и заставил себя посмотреть на полет зверя между скал. Тот приблизился к стенам, описал два круга и опустился на плечо Себастьяна.

Киборг, сидя на корточках, глядел вниз.

Лок, пошатнулся, встал на ноги, с силой зажмурил глаза и помотал головой, потом двинулся вверх по Эскларос дес Нуачес.

Себастьян закрепил стальное кольцо на лапе своего питомца, когда Лок поднялся на верхнюю ступеньку.

— Еще раз, — Лок глубоко вздохнул и уронил руку на золотистую материю на плече Себастьяна, — спасибо.

Они посмотрели на туман, который не трево-

жил сейчас ни один нетрайдер?

— Вы в опасности?

— Да.

Тай, подбежавшая со стороны пристани, остановилась сбоку от Себастьяна.

— Что случилось? — ее глаза, поблескивая, перебегали с одного на другого. — Черный друг, я видела, выпущен был!

— Он молодчага, — ответил ей Лок. — Все в порядке. Сейчас у меня столкновение с Королевой мечей было. Но ваш зверюга меня спас.

Себастьян взял руку Тай. Пальцы ее ощутили знакомое прикосновение, и она успокоилась.

Себастьян спросил:

— Время идти сейчас?

И Тай:

— Ваше солнце находить.

— Нет. Ваши.

Себастьян непонимающе взглянул на него.

— К Дим, Умершей Сестре, мы сейчас отправляемся, — объяснил Лок.

Тень и тень, тень и свет, через пристань шли близнецы. Можно было заметить удивление на лице Линчеса. Но только не у Айдаса.

— Но?.. — начал Себастьян. Ладонь Тай шевельнулась в его руке и он остановился.

Лок решил ответить на неоконченный вопрос:

— Собираем всех. Я то, чего ждал, получил. Да. Время сейчас идти.

Катин качнулся вперед и ухватился за кольца. Звон эхом отозвался в помещении, где нетрайдеры развешивали свои сети.

Лео засмеялся.

— Эй, Мышонок, в последнем баре твой длинный друг слишком много выпил, я думаю.

Катин удержал равновесие.

— Я не пьян, — он поднял голову и оглядел металлическую занавесь. — Мне надо выпить в два раза больше, чтобы быть пьяным.

— Забавно. А вот я пьян, — Мышонок раскрыл футляр. — Лео, ты хотел, чтобы я поиграл. Что ты хочешь увидеть?

— Что-нибудь, Мышонок. Что-нибудь, что любишь, сыграй.

Катин снова встряхнул сеть.

— От звезды к звезде, Мышонок, представь себе, гигантская паутина раскинулась во всей обитаемой галактике. Это зеркало, в котором отражается современная история. Понимаешь. Все так и есть. Это моя теория. Каждый индивидуум — узелок сети, а ее волокна между узелками — это культурные, экономические и психологические

связи, сближающие одного человека с другим. Каждое историческое событие, — он погремел кольцами, — словно колыхание сети. Оно движется через всю сеть, растягивая пли сжимая культурные связи, объединяющие каждого человека с другими. Если событие катастрофично, связи рвутся. В сети на время появляется дыра. Де Эйлинг и Альвин-34 не сходятся только в том, где начинается сотрясение и как быстро оно распространяется. Но в основном их точки зрения совпадают, понимаешь? Я хочу схватить такую волну и поместить эту сеть в свою… в свой роман, Мышонок. Я хочу, чтобы он показал сеть целиком. Но я должен найти тут центральный сюжет, то великое событие, которое сотрясает историю и заставляет кольца отталкиваться и сверкать передо мной. Луна, Мышонок, вернуться к прекрасным скалам, совершенствовать свое искусство, созерцать передвижение колец и всей сети — вот чего я хочу, Мышонок. Но тогда я не найду сюжет!

Мышонок сидел на полу, шаря по днищу футляра в поисках пропавшей рукоятки управления.

— Почему ты не напишешь о себе?

— Прекрасная идея! Но кто бы стал читать такой роман? Ты?

Мышонок нашел рукоятку и приладил ее на место.

— Не думаю, чтобы я смог прочесть такую длинную вещь, как роман.

— Но если бы сюжет был, скажем, столкновением между двумя могущественными семействами, например, между Принсом и капитаном, то ты все равно бы не захотел читать?

— Сколько записей ты уже сделал для своей книги? — Мышонок пустил по ангару пробный луч.

— Нет и десятой части того, что мне необходимо. Если даже она и обречена сразу же стать допотопной музейной реликвией, это будет искрящаяся драгоценными камнями, — он откинулся на сети, — искусная, — кольца загремели, голос его поднялся, — тщательная работа, безупречная.

— Я родился, — сказал Мышонок. — Я должен умереть. Я страдаю. Помоги мне. Я бы тогда написал тебе твою книгу вместо тебя.

Катин опустил глаза на свои длинные пальцы, слабые, но мужские. После недолгого молчания он сказал:

— Мышонок, иногда мне хочется плакать от твоих слов.

Запах тмина.

Запах миндаля.

Запах кардамона.

Падающие звуки перепутались меж собой.

Обкусанные ногти, распухшие суставы, ладони Катина подрагивали в такт осенним краскам, на цементном полу, в сети танцевала его тень.

— Эй, это ты там, — засмеялся Лео. — Ты играешь, да, Мышонок! Ты играешь!

И тень танцевала, пока ее не спугнули голоса.

— Эй, ребята, вы еще…

— …здесь? Капитан сказал нам…

— …велел найти вас. Время…

— …собираться. Идемте…

— …пора в путь!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Созвездие Дракона. Федерация Плеяд. Полет «РУХА». 3172 г.

— Паж жазлов.

— Справедливость.

— Приговор. Моя взятка. Дама чаш.

— Туз чаш.

— Звезда. Моя взятка. Отшельник.

— К козырям легла! — засмеялся Лок. — Смерть.

— Дурак. Моя взятка.

Теперь:

— Рыцарь монет.

— Тройка монет.

— Король мечей. Моя взятка.

— Дьявол.

— Маг. Моя взятка.

Катин смотрел на потемневший шахматный столик, где Себастьян, Тай и Лео после часа воспоминаний играли в три руки в Тарот-вист.

Он не слишком хорошо знал эту игру, но они-то этого не знали и он размышлял, почему его не пригласили. Он наблюдал за игрой через пле-

чо Себастьяна уже минут пятнадцать. Черное существо жалось к ногам хозяина, волосатые руки брали и сбрасывали карты, Катин старался свести воедино имеющиеся у него знания, чтобы вклиниться в их сферу.

Они играли так быстро…

Он поднялся.

Пошел к пандусу, на котором сидели Мышонок и Айдас, болтая ногами над бассейном, улыбнулся, сунул руку в карман и щелкнул переключателем диктофона, поставив его на запись.

Айдас в это время говорил:

— Эй, Мышонок, что если я поверну эту рукоятку?..

— Смотри! — Мышонок оттолкнул руку Айдаса от сиринкса. — Ты всех здесь ослепишь!

Айдас задумался.

— У того, который был у меня, когда я с ним баловался, не было… — голос прервался в ожидании привычного окончания фразы.

Ладонь Мышонка скользнула с дерева на металл, потом на пластик. Пальцы коснулись струн и извлекли несколько негромких нот.

— Ты ведь действительно можешь покалечить кого-нибудь, если будешь неправильно обращаться с этой вещью. Он обладает острой

направленностью и количество света и звука, которое можно извлечь отсюда, достаточно для того, чтобы повредить сетчатку или порвать барабанную перепонку. Для того, чтобы получать голограммное изображение, в этой штуке используется лазер.

Айдас покачал головой.

— Я никогда не играл ни на одном так долго, чтобы понять, как он внутри…

Он протянул руку и тронул струны.

— Этот, конечно, красивый…

— Хэлло, — сказал Катин.

Мышонок что-то буркнул и положил руку на звучавшие струны.

Катин уселся по другую сторону от Мышонка и некоторое время его разглядывал.

— Я сейчас думал, — сказал он, — что в девяти случаях из десяти, когда я просто говорю «Хэлло», проходя мимо кого-нибудь, или если человек, к которому я обращаюсь, сам куда-то спешит, я провожу последующие пятнадцать секунд воспроизводя случившееся и размышляя: то ли моя улыбка была принята за проявление чрезмерной фамильярности, то ли выражение моего лица получилось слишком холодным. Я повторяю снова, дюжину раз изменяя свой тон и пытаясь экстра-

полировать изменения, могущие приводить в реакции другого человека…

— Эй, — Мышонок взглянул поверх сиринкса. — Не расстраивайся. Ты мне нравишься. Я просто занят сейчас, вот и все.

— О, — улыбнулся Катин. Затем его улыбка сменилась раздумьем. — Знаешь, Мышонок, я завидую капитану. Он выполняет миссию. И его страсть сводит на нет все то, что возникает вокруг него, все, что другие думают о нем.

— Я иду через все это не так, как ты думаешь, — сказал Мышонок. — Совсем не так.

— А я так, — Айдас огляделся. — Где бы я ни был, я все делаю… — он опустил свою черную голову, разглядывая пальцы.

— Просто замечательно с его стороны позволить нам сейчас отдыхать, а самому вести с Линчесом корабль, — произнес Катин.

— Да, — согласился Айдас, — я полагаю… — и повернул руки, рассматривая темные линии на ладонях.

— У капитана есть о чем позаботиться, — вмешался Мышонок. — А он не хочет об этом и думать. На этом отрезке пути не ожидается ничего интересного, поэтому он должен чем-то заниматься, чтобы отогнать эти мысли. Вот что

я думаю.

— Ты считаешь, что у капитана тяжело на душе?

— Может быть, — Мышонок извлек из инструмента запах корицы, но такой резкий, что запершило в ноздрях и защипало нёбо. У Катина выступили слезы.

Мышонок замотал головой и увернул верньер, который трогал Айдас. — Прошу прощения.

— Валет… — на той стороне комнаты Себастьян взглянул поверх карт и сморщил нос, — …мечей.

Катин, единственный, у кого ноги были достаточно длинны, потрогал воду носком сандалии. Закачался разноцветный гравий, Катин вытащил диктофон и щелкнул кнопкой записи.

— Романы пишутся прежде всего о человеческих отношениях. — Говоря это, он вглядывался в мозаичный рисунок стены, полускрытый листьями. — Их популярность объясняется тем, что они наполняют одиночество людей, которые их читают, людей словно гипнотизирует то, что происходит в их собственных мыслях. Капитан и Принс, например, посредством своих стремлений связаны меж собой…

Мышонок быстро наклонился к диктофону и произнес:

— Капитан и Принс не сталкивались лицом к лицу, наверно лет десять.

Катин с досадой щелкнул переключателем. Попытался подыскать подходящую шпильку в ответ, не смог. Снова щелкнул тумблером.

— Помните, что общество, позволяющее таким вещам происходить, есть общество, способствующее вымиранию романа. Зарубите себе на носу, если вы напишите, что сюжет романа — это то, что происходит, когда люди встречаются лицом к лицу, когда они разговаривают друг с другом, — он снова выключил.

— Зачем ты пишешь эту книгу? — спросил Мышонок. — Я имею в виду, что ты хочешь с ней делать?

— Зачем ты играешь на сиринксе? Я думаю, примерно по той же причине.

— Только если я буду проводить все время за репетициями, я вряд ли что-нибудь сыграю, и это намек.

— Я начинаю понимать, Мышонок. Это для меня не цель, а только способ ее достижения, который перестает интересовать, как только цель достигнута.

— Катин, я *понимаю*, что ты делаешь. Ты хочешь создать нечто прекрасное. Но у тебя ничего

не получается. Я тоже должен долго практиковаться, прежде чем сыграть что-то. Но если ты собираешься сделать то, что задумал, ты должен заставить людей почувствовать, что такое окружающая их жизнь, заставить их бояться ее, даже если у них не будет причин к этому никаких, кроме того парня, который рыскает сейчас по подвалам Алкейна. И твоя вещь не получится, если ты сам не чувствуешь этого хотя бы немного.

— Мышонок, ты замечательный, хороший, прекрасный человек. Но что-то с тобой не так. Все эти прекрасные образы, которые ты извлекаешь из своей арфы… Я достаточно долго вглядывался в твое лицо и знаю, в какой большой мере они движутся страхом.

Мышонок вскинул голову, на лбу его прорезались морщины.

— Я могу часами сидеть и смотреть на твою игру. Но она только временами радость, Мышонок. Это происходит только тогда, когда все то, что человек знает о жизни, абстрагируется и подчеркивается в твоей многоголосой изукрашенной вещи, это и прекрасно и непреходяще. Да, внутри меня есть большая область, которую я не могу использовать для этой работы, и та, которая бьет ключом, фонтанирует в тебе, рвется из твоих

пальцев, но внутри тебя есть тоже большая часть, которая играет только для того, чтобы заглушить рвущийся наружу вопль. — Он кивнул, встретив нахмуренный взгляд Мышонка.

Мышонок издал неопределенный звук.

Катин пожал плечами.

— Я бы прочитал твою книгу, — сказал Айдас.

Мышонок и Катин повернулись к нему.

— Я читал… ну, разные книги, — он снова перевел взгляд на свои руки.

— Ты бы стал читать?

Айдас кивнул.

— Люди Окраинных Колоний читают книги, иногда даже романы. Только они не очень… ну, только старые… — он поглядел на каркас на стене: Линчес лежал словно неживой дух, капитан был в другом каркасе. Он отвел взгляд с выражением потери на лице. — В Окраинных Колониях иначе, чем… — он обвел рукой помещение, обозначая созвездие Дракона. — Скажи, ты знаешь место, где все было бы хорошо?

— Никогда там не был, — сказал Катин.

Мышонок покачал головой.

— Было бы просто глупо, если бы ты знал, не сможем ли мы где достать немного… — он опустил голову и посмотрел себе под ноги. — Не

обращай внимания…

— Спросил бы их, — сказал Катин, ткнув пальцем в игроков у той стены. — Это их дом.

— О, — сказал Айдас. — Да. Я полагаю… — он оттолкнулся от пандуса, плюхнулся в воду, поскользнулся на гравии, выбрался из бассейна и направился к картежникам, капая на ковер.

Катин посмотрел на Мышонка и покачал головой.

Но мокрые следы полностью поглощались голубым ворсом.

— Шестерка мечей.

— Пятерка мечей.

— Простите, никто из вас не знает…

— Десятка мечей. Моя взятка. Паж чаш.

— …на том мире, куда мы идем. Не знаете, нельзя ли…

— Башня.

— Хотел бы я, чтобы эта карта не была перевернутой, когда капитану гадали, — прошептал Катин Мышонку. — Поверь мне, она не предвещает ничего хорошего.

— Четверка чаш.

— Моя взятка. Девятка жезлов.

— …достать немного…

— Семерка жезлов.

— …блаженства?
— Колесо Фортуны Моя взятка.
Себастьян поднял голову.
— *Блаженства*?

Исследователь, решивший назвать внешнюю планету Дим, Умершей Сестры, Элизиум просто пошутил. Несмотря на все рельефоизменяющие машины, она оставалась продрогшим, крытым шлаком эллипсоидом на трансплутоновом расстоянии от ее блеклого света, голая и безжизненная.

Некто выдвинул однажды сомнительную гипотезу, что все три оставшиеся планеты, на самом деле были лунами, которые находились в момент катастрофы в тени гигантской планеты и поэтому избежали ярости, испепелившей их защитницу. Бедные луны, если вы действительно луны, — подумал Катин, когда они пролетали мимо. Быть мирами вам ничуть не лучше. Дело только в претенциозности.

Когда исследователь двинулся дальше, к нему вернулось чувство меры. Усмешка промелькнула на его лице при виде средней планеты, он назвал ее Дис. (Дис — отсутствие чего-либо).

Судьба рассудила, что остряк спохватился слишком поздно, рискнувший дразнить богов

получает классическую оплату. Около 19/25 испарилось в открытом пространстве, когда Дим, Умершая Сестра стала новой. В результате этого появилась суша, чуть более возвышенная, чем земная. Атмосфера, которой невозможно дышать, полное отсутствие органической жизни, сверхнизкие температуры. Пустяки по сравнению с наличием людей — настоящим подарком, это легко поправить. Поэтому человечество, лишь только начав обживать Плеяды, вторглось на обугленные замерзшие равнины. Старейший город Другого Мира — хотя и не самый крупный, поскольку коммерческие и экономические изменения за последние три столетия привели к перемещениям населения — был очень заботливо назван Городом Ужасной Ночи.

И вот «РУХ» опускался рядом с черным волдырем города, высящимся на Дьявольском Когте.

Федерация плеяд. Другой мир. Гун. 3172 г.

— …восемнадцать часов, — и это было окончание сообщения информатора.

— В достаточной ли мере это дом для тебя? — спросил Мышонок.

Лео оглядел поле.

— Никогда по этому миру я не ходил, — при-

знался он. Позади до самого горизонта простиралось море раскрошенного льда. — Но стаи иха по этому морю движутся. Шесть плавников у них и тело из больших сегментов состоит. Рыбаки на них с гарпунами длиной в пять ростов человеческих ходят. Это Плеяды, это достаточно дом. — Он улыбнулся и облачко дыхания сделало голубым сияние его глаз.

— Это ведь твой мир, правда, Себастьян? — спросил Катин. — Ты должен хорошо себя чувствовать, вернувшись домой.

Себастьян отвел черное крыло, заслонившее глаза.

— Мой, но… — он огляделся, пожал плечами. — Я из Тыола. Это город большой, в четверти всего пути вокруг Другого Мира лежит. Отсюда очень далеко он, и совсем другой. — Он взглянул вверх, на сумеречное небо. Сестра была высоко, тусклая жемчужина за пыльным облаком. — Совсем другой. — Он покачал головой.

— Наш мир, да, — сказала Тай. — Но вовсе не наш дом.

Капитан, шедший в нескольких шагах впереди, обернулся во время их разговора.

— Поглядите, — он показал на ворота. Лицо его ниже шрама заныло. — Нет дракона, свернувше-

гося на их коленях. Дом это. Для тебя, тебя и меня — дом это!

— Достаточно дом, — повторил Лео. Но его голос прозвучал осторожно.

Они последовали за капитаном сквозь лишенные змеи ворота.

В ландшафте преобладали цвета пожарища.

— Медь: окислилась до пятнистого желто-зеленого.

— Железо: черные и красные хлопья.

Сера: ее окислы были влажными, красновато-коричневыми.

Краски выползали из-за пыльного горизонта и пятнали стены и башни Города. Линчес смахнул серебряную бахрому с ресниц, чтобы поглядеть на небо, где сквозь толчею теней, подобных кошмарным черным листьям, мигало истощенное солнце, не способное даже в полдень создать ничего большего, чем вечер. Он обернулся, чтобы рассмотреть их зверя, сидящего на плече Себастьяна, который распростер свои крылья и загремел цепочкой.

— А как твои питомцы чувствуют себя дома? — он потянулся к восседавшему на плече Себастьяна зверю, но сразу же отдернул руку от черного когтя. Близнецы посмотрели друг на

друга и рассмеялись.

Они спускались в Город Ужасной Ночи.

На полпути Мышонок начал пробираться по краю эскалатора вверх.

— Это… это не Земля.

— А? — Катин проехал мимо, посмотрел на Мышонка и стал сам протискиваться к краю.

— Это твой первый полет вдаль от Солнца, не так ли?

Мышонок кивнул.

— Большой разницы ты не увидишь.

— Но только погляди на это, Катин!

— Город Ужасной Ночи, — задумчиво протянул Катин. — Все эти огни. Они, наверное, боятся ночи.

Они задержались еще немного, разглядывая грандиозную шахматную доску, орнаментированные фигуры, беспорядочная куча королей, ферзей и тур, заслоняющая офицеров и пешек.

— Идем, — сказал Мышонок.

Двадцатиметровые лезвия металла, образующие гигантские ступени, понесли их дальше.

— Лучше держаться поближе к капитану.

Улицы около стартового поля были полны гостиниц. Над тротуарами возвышались маркизы,

отмечая места нахождения дансингов и психорам. Мышонок поглядел сквозь прозрачные стены на людей, плавающих в бассейне какого-то клуба развлечения.

— Никакой разницы в этом по сравнению с Тритоном. Шесть пенсов местной валюты? Цены, впрочем, гораздо ниже.

Половина народу на улицах были либо офицерами, либо членами экипажей. Улицы были запружены народом. Мышонок слышал музыку. Она лилась из открытых дверей баров и еще откуда-то.

— Эй, Тай! — Мышонок ткнул пальцем в навес. — Ты когда-нибудь работала в таком заведении?

— В Тыоле да.

— «ОПЫТНАЯ ГАДАЛКА»: буквы на надписи блестящие, сморщенные и растянутые в ширину.

— Мы будем в Городе…

Они повернулись к капитану.

— …пять дней.

— Мы пойдем обратно на корабль? — спросил Мышонок. — Или в город, где место найти себе развлечения?

Возьмите шрам. Рассеките его тремя горизонтальными линиями: капитан наморщил лоб.

— Вы все понимаете опасность, которой мы подвергаемся, — он устремил взгляд поверх зданий. — Нет. Мы не останемся ни здесь, ни на корабле. — Он шагнул под арку коммуникационной кабины. Не заботясь о том, что панели входа не закрыты, он положил руку перед индукционными панелями. Это Лок фон Рей. Иогос Седуми?

— Я, если консультативная встреча кончилась, посмотрю его.

— Его андроид сойдет, — сказал Лок. — Совсем маленького одолжения я хочу.

— Он всегда с вами сам, мистер фон Рей, любит говорить. Подождите минуту, он свободен сейчас, думаю.

В визионной колонне материализовалась фигура.

— Лок, так давно я уже тебя не видел. Что для тебя я могу сделать?

— Кому-нибудь понадобится Таафит-на-Золоте в ближайшие десять дней?

— Нет. Я в Тыоле сейчас и буду еще месяц. Я понимаю, ты сейчас в Городе и нуждаешься в месте, где можно остановиться?

Катин уже заметил переход капитана на диалект.

В звучании голосов капитана и Седзуми бы-

ло сходство, характеризующее их обоих. Катин узнал обычную эксцентричность, которую он определил как своего рода акцент высших классов Плеяд. Он взглянул на Тай и Себастьяна узнать, обратили ли они на это внимание. Подрагивание мускулов около глаз хоть и совсем легкое, но было. Катин перевел свой взгляд на визионную колонну.

— Со мной народ, Иоги.

— Лок, мои дома — твои дома. Надеюсь, тебе и твоим людям понравится отдых.

— Спасибо, Иоги, — Лок шагнул из кабины.

Экипаж переглядывался между собой.

— Вполне вероятно, — сказал Лок, — что последующие пять дней, которые я проведу на Другом Мире, будут последними, которые я проведу где-либо вообще. — Он обвел взглядом экипаж, старательно наблюдая за реакцией. Не менее старательно они попытались скрыть свои чувства. — Мы можем вполне приятно провести время. За мной.

Монорельс карабкался вверх, пересекая Город.

— Это Золото? — спросила Тай Себастьяна.

Мышонок, стоявший сбоку от них, вдавил лицо в стекло.

— Где?

— Вон, — Тай показала через площадь. Позади домов Город огибала река расплавленного металла.

— Эй, совсем как на Тритоне, — сказал Мышонок. — Кора этой планеты тоже обогревается иллирионом?

Себастьян покачал головой.

— Для этого вся планета большая слишком. Только под каждым городом. Эта трещина Золотом названа.

Мышонок смотрел на хрупкие огненные трещинки, отходящие от основного разлома.

— Мышонок!

— А? — взглянул он на Катина, вытащившего свой диктофон. — Чего тебе!

— Сделай что-нибудь.

— Что?

— Я хочу попробовать провести эксперимент. Сделай что-нибудь.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Все, что взбредет на ум. Валяй!

— Ну… — Мышонок задумался. — Хорошо.

Он сделал.

Близнецы, стоящие в другом конце вагончика, повернулись посмотреть.

Тай с Себастьяном поглядели друг на друга,

снова на Мышонка.

— Характер, — произнес Катин в диктофон, — наиболее ярко проявляется в действии. Мышонок отступил от окна, описал резкий круг и еще круг. Из выражения его лица я могу заключить, что он размышляет насчет моего удивления стремительностью его действий, и в то же время хочет знать, удовлетворен ли я сказанным. Он уронил руки на стекло, дыша немного тяжело и просунул согнутые пальцы в…

— Эй, — сказал Мышонок, — я просто махнул рукой. Дыхание, пальцы, это не входит…

— …эй, — сказал Мышонок, сунув согнутые большие пальцы в карман брюк, — я просто махнул рукой. Дыхание, пальцы, это не входит…

— Черт возьми!

Мышонок разогнул пальцы, нервно сжал кулак и воскликнул:

— Черт возьми! — и расстроенный, ушел. — Существует три типа действий: целенаправленные, вошедшие в привычку и бесцельные. Люди для того, чтобы быть непосредственными и понятыми, должны попользовать все три типа, — Катин взглянул вперед.

Капитан смотрел сквозь гнутую панель, поддерживавшую крышу. Его взгляд был прикован

к чахлому свету, пульсирующему, словно глазок в дверце гигантской топки. Свет был таким слабым, что он даже не щурил глаза.

— Я ошибся, — признался Катин в диктофон, — тем не менее. Зеркало, отражающее мое видение мира, поворачивается, и то, что сперва казалось бессмысленным, я вижу достаточное количество раз, чтобы признать привычкой. То, что я полагал привычкой, теперь кажется частью великого замысла. В то время как то, что я принимал первоначально за цель, превращается в бессмыслицу. Зеркало поворачивается снова и снова, и показывает, что человек, который, как я думал, страстно идет к своей цели, превратил свою страсть в привычку. Его привычки в высшей степени бессмысленны, в то время, как те действия, которые я определил как бессмысленные, оказываются направленными к достижению демонической цели.

Желтые глаза отпустили усталую звезду. Лицо Лока, взглянувшего на Мышонка, исказилось под шрамом в какой-то усмешке, которую Катин не понял.

Ярость, подумал Катин. Ярость. Да. Он смеется. Но как можно отличить ярость от смеха на этом лице?

Но другие тоже смеялись.

— Что это за дым? — спросил Мышонок, обходя дымящуюся решетку в булыжной мостовой.

— Водосток, надо полагать, — сказал Лео. Рыбак поглядел на туман, поднимающийся вверх у столба, на котором висел яркий индукционно-флюоресцентный фонарь. У почвы пар скапливался и оседал, а около фонаря клубился и колыхался.

— Таафит — в конце этой улицы, — сказал Лок.

Они двинулись на холм мимо полудюжины еще таких же решеток дымящихся в ночных сумерках.

— Я думаю, Золото находится прямо…

— …прямо за этой вон стеной?

Лок кивнул близнецам.

— Что это за место Таафит? — спросил Мышонок.

— Место, где мне будет удобно, — слабая болезненная гримаса тронула лицо Лока, — и где нам с вами ни о чем не надо будет беспокоиться. — Лок протянул руку, чтобы похлопать его по плечу, но Мышонок увернулся. — Вот мы и на месте.

Двенадцатифутовые ворота с разноцветными стеклами, обрамленными витыми полосами металла, разошлись в стороны, когда Лок положил

руку на пластину замка.

— Меня приглашают.

— Таафит не ваш? — спросил Мышонок.

— Он принадлежит моему старому школьному другу Иогосу Седзуми, владеющему рудниками в Плеядах. Дюжину лет назад я часто пользовался им. Вот почему замок открылся от прикосновения моей ладони. Я сделал то же самое для него с несколькими моими домами. Мы давно не видели друг друга, но раньше мы были довольно близки.

Они вошли в сад Таафита.

Здешними цветами никогда не любовались при полном солнечном свете. Лепестки были темно-красными, каштановыми, фиолетовыми — цвета вечера. Похожие на слюду чешуйки паучьей тильды поблескивали на безлистых ветках. Было много низкорослого кустарника, но все более высокие растения были слишком гладкими и редкими, чтобы отбрасывать как можно меньше тени.

Передняя стена Таафита была изогнута и представляла собой стеклянную конструкцию. На довольно большом расстоянии не было никаких стен, поэтому сад и дом слились воедино. Нечто вроде тропы вело к чему-то вроде лестницы, вре-

занной в скалу под чем-то, похожим на входную дверь.

Когда Лок положил руку на панель, по всему дому замигали огни. Огни в окнах, в дальних концах коридоров, по углам. Они виднелись сквозь полупрозрачную стену, проступая жилками фиолетового нефрита и осколками черного янтаря. Даже внизу: одна из секций пола была прозрачна и они могли видеть огни, появившиеся в комнатах нижних этажей.

— Заходите.

Они прошли вслед за капитаном по бежевому ковру. Катин сразу направился к полкам с бронзовыми статуэтками.

— Бенин? — спросил он капитана.

— Думаю, что да. Иогос просто помешан на Нигерии тридцатого века.

Когда Катин повернулся к противоположной стене, глаза его расширились.

— А вот это не может быть оригиналом, — затем сузились. — Оригиналы ван-Мигрена?

— Нет. Боюсь, что это просто старые копии.

Катин прокашлялся.

— У меня засели в мозгу «Под Сириусом» Дихея.

Они пошли по холлу дальше.

— Думаю, что здесь должен быть бар, — Лок открыл какую-то дверь.

Огни доходили только до половины высоты комнаты из-за того, что находились под сорокафутовой стеклянной панелью.

Огни желтых ламп играли внутри помещения в бассейне опалесцирующего песка, заполненного обломками скал. Напитки уже двигались по полу комнаты на большем вращающемся круге. На парящих стеклянных дисках стояли тусклые статуэтки. Бронза Бенина в холле, здесь были ранние Киклады, блеклые и бесформенные.

За комнатой — река Золота.

Среди треснувших скал ярко, почти как солнце, вспыхивала лава.

Неспокойная поверхность реки качала тени скал среди деревянных потолочных балок.

Мышонок шагнул вперед и что-то беззвучно пробормотал.

Тай и Себастьян сощурили глаза.

— Ну не стоит ли на это…

— …на это посмотреть!

Мышонок, обогнув песчаный бассейн, подбежал к стеклу, прижался к нему заслоненным руками лицом. Затем осклабился через плечо:

— Это все равно, что быть в середине какой-ни-

будь тритоновской Геенны!

Существо упало, хлопая крыльями, с плеча Себастьяна, испуганно спряталось за своим хозяином: в Золоте что-то взорвалось. Опадающее пламя бросило свет на их лица.

— Который из напитков Другого Мира вы попробуете сначала? — спросил Лок близнецов, взяв с круга две бутылки.

— Тот, что в красной бутылке…

— … в зеленой бутылке неплохо смотрится…

— …не так хорошо, как то, что у нас было на Табмене…

— …готов поспорить, на Табмене у нас была штучка, называемая блаженством…

— …вы знаете, что такое блаженство, капитан?

— Блаженства нет, — Лок поднял руки с бутылками. — Красная или зеленая. Хороша и та, и другая.

— Я бы лучше взял…

— …я тоже. Но, надо думать, тут нет…

— …думаю, что нет. Поэтому я возьму…

— …красную…

— …зеленую…

— И ту, и другую. Получайте.

Тай тронула Себастьяна за руку.

— Что? — спросил Себастьян.

Она показала на стену: один из дисков проплывал мимо длинной картины.

— Вид из Тыола на Сырую Лощину это! — Себастьян сжал плечо Лео. — Смотри. Дом это!

Рыбак взглянул на картину.

— Ты из заднего окна дома, где я родился, смотришь, — сказал Себастьян. — Все, что видишь.

— Эй, — Мышонок дотронулся до плеча Катина.

Катин перевел взгляд со скульптур, которые он рассматривал, на смуглое лицо Мышонка.

— А?

— Стул вон там. Ты помнишь, что говорил о мебели Республики Вега тогда на корабле?

— Да.

— Этот стул тоже такой?

Катин улыбнулся.

— Нет. Все, что здесь есть, относится ко времени, когда еще не было межзвездных перелетов. Эта комната целиком довольно верная копия элегантного американского особняка двадцать первого или двадцать второго столетия.

Мышонок кивнул.

— О.

— Богатые часто увлекаются стариной.

— Я раньше не бывал в таких местах, — Мышо-

нок оглядел комнату. — Это кое-что, а?

— Да. Это так.

— Хлебните-ка этой отравы, — воззвал к ним Лок.

— Мышонок! Теперь на сиринксе поиграешь? — Лео, принесший две кружки, одну сунул Мышонку, другую — Катину. — Поиграй. Скоро я в ледяные доки уйду. Мышонок, поиграй еще.

— Сыграй что-нибудь, чтобы можно было танцевать…

— …и потанцуй с нами, Тай. Себастьян…

— …Себастьян, потанцуешь тоже с нами?

Мышонок раскрыл футляр.

Лео пошел взять бокал для себя, вернулся, сел на стул. Образы Мышонка были блеклыми из-за света Золота. Но музыка была орнаментована резкими, настойчивыми четвертями тонов. Она пахла словно вечеринка.

Сидящий на полу Мышонок, придерживая покачивающийся на его темной (подошва словно рот) босой ноге сиринкс, отбивал обутой ногой такт и раскачивался. Пальцы его взлетали над струнами. Свет Золота, комнатных ламп и сиринкса с яркостью хлестал лицо калитана. Спустя минут двадцать, капитан сказал:

— Мышонок, я хочу похитить тебя ненадолго.

Мышонок перестал играть.

— Что вы хотите, капитан?

— Общества. Я ухожу.

Лица танцующих вытянулись.

Лок повернул выключатель на вращающемся круге.

— Я включил запись.

Снова зазвучала музыка. И туманные видения, порожденные сиринксом, снова заплясали по комнате вместе с фигурами Тай, Себастьяна, близнецов, вместе со звуками их смеха…

— Куда пойдем, капитан? — спросил Мышонок. Он убрал сиринкс в футляр.

— Я об этом и думаю сейчас. Нам здесь надо кое-что. Я собираюсь достать немного блаженства…

— Вы хотите сказать, что знаете…

— …где его можно достать?

— Плеяды — мой дом, — ответил капитан. — Мы вернемся примерно через час. Идем, Мышонок.

— Эй, Мышонок, ты не оставишь…

— …нам сиринкс…

— …сейчас? Все будет о'кей. Не беспокойся, мы не позволим…

— …не позволим больше никому его трогать.

Мышонок, плотно сжав губы, посмотрел на инструмент, потом — на близнецов.

— Хорошо. Ты можешь играть на нем. Но только смотри!

Он пошел к Локу, стоявшему у дверей.

Лео присоединился к ним.

— Теперь время тоже мне идти настало.

Для Мышонка это прозвучало неожиданно, хотя он и понимал неизбежность этого момента. Он моргнул.

— За то, что подбросил, капитан, благодарю.

Они прошли через холл в сад Таафана. Выйдя из ворот, они остановились у дымящейся решетки.

— В ледяные доки вниз идти, — Лок ткнул пальцем в подножье холма. — Ты на монорельсе до конца с нами поезжай.

Лео кивнул, его голубые глаза встретились с глазами Мышонка и неуверенность проступила на его лице.

— Ну, Мышонок, может быть, через несколько дней мы еще встретимся, а?

— Да, — сказал Мышонок, — может быть.

Лео повернулся и пошел вниз по покрытой испарениями улице, ботинок звонко стучал по мостовой.

— Эйе, — окликнул его Мышонок.

Лео оглянулся.

Аштон Кларк.

Лео усмехнулся и пошел дальше.

— Знаете, — повернулся Мышонок к Локу, — я, наверное, никогда его в жизни больше не увижу. Пойдемте, капитан.

— Мы где-то недалеко от посадочного поля, капитан? — спросил Мышонок. Они спускались по забитым людьми ступеням станции монорельса.

— Можно дойти пешком. Мы в пяти милях ниже по Золоту от Таафита.

Только что прошли поливочные машины. Прохожие отражались в мокром тротуаре. Двое парней с ожерельями из кокольчиков смеясь, пробежали навстречу молодому мужчине. Он повернулся вслед, сбежал на несколько ступеней, махнул рукой. Потом повернулся назад и шагнул к Локу и Мышонку.

— Эй, старина! И ты! Поможете!? Завтра, завтра, в работу я впрягусь. Но сейчас…

Мышонок оглянулся на работягу, но Лок не позволил ему задерживаться.

— Что это там? — Мышонок показал на высокую арку огней. Перед дверью, на ярко освещенной улице, толпились люди.

— Блаженства здесь нет.

Они свернули за угол.

В том конце улицы, у ограды, стояли парочки.

Лок перешел улицу.

— Это другой конец Золота.

Под заваленными камнями склонами заворачивалось в ночь яркое полыхание. Одна парочка отошла от ограды, рука в руке: ярко освещенные лица.

Вспышки сквозь волосы, руки и плечи: человек в куртке из тонкой парчи шел по тротуару. Поднос с драгоценными камнями висел у него на шее. Парочка остановила его. Девушка купила у торговца камень и, смеясь, приложила его к своему мальчишескому лбу. Усыпанные блестками ленты, распускающиеся на центральной куче камней, относило назад резкими порывами ветра и они запутались в длинных ногах юноши. Парочка расхохоталась на всю улицу.

Лок и Мышонок подошли к концу ограждения. По каменным ступеням навстречу им поднималась группа мужчин в униформах Патруля Плеяд, позади них с криками бежали вверх по ступеням три девушки. Их догнали пять ребят и крики перешли в смех. Мышонок оглянулся и увидел, как они сгрудились вокруг торговцев драгоценностями.

Лок начал спускаться.

— А что там внизу? — Мышонок поспешил за

ним.

Сбоку от широких ступеней сидели за столиками кафе, врезанных прямо в камень, люди и пили.

— Похоже, что вы знаете, куда идти, капитан, — Мышонок дотронулся до локтя Лока. — Кто *это*? — он уставился на неторопливо бредущую девушку. Среди легко одетых людей она одна была в теплой парке, отороченной мехом.

— Она одна из рыбачек со льдов, — ответил капитан. — Лео тоже скоро наденет такую же парку. Они проводят большую часть времени вдали от обогреваемой части Города.

— Куда мы идем?

— Я думаю, внизу мы найдем то, что нужно, — они пошли вдоль невысокого выступа. В горе светилось несколько окон. Алые огни мерцали сквозь шторы. — Эти заведения меняют владельцев через каждую пару месяцев, а я не был в Городе лет пять. Если мы не найдем то, что я ищу, мы поищем то, что нас устроит.

— Что это за заведение?

Закричала женщина. Дверь распахнулась, она вывалилась наружу. Другая неожиданно высунулась из темноты, схватила ее за руку, шлепнула дважды и втащила обратно. Дверь отсекла второй

крик. Старик (вероятно, еще один рыбак) поддерживал юношу за плечи. — Мы тебя в комнату, которую ты снимаешь, доставим. Голову выше держи. Все в порядке будет. В комнату мы тебя доставим.

Мышонок смотрел, как они, качаясь, прошли мимо. Парочка остановилась около каменных ступеней. Девушка отрицательно качала головой. В конце концов, он кивнул и они повернули обратно.

— Заведение, о котором я думаю, кроме всего прочего, преуспевает в вербовке рабочих на рудники Окраинных Колоний, оно получает комиссионные с каждого рекрута. И все это совершенно легально, во Вселенной проживает огромное количество глупцов. Я был десятником на одном из рудников и видел все это с другой стороны. Во всем этом мало хорошего, — Лок взглянул на дверь. — Имя другое. А место то самое.

Они начали спускаться по ступенькам. Мышонок быстро глянул на капитана и поспешил вслед за ним. Они очутились в длинном помещении со сколоченными из планок стойками у одной из стен. Две-три панели мультихрома выдавали хилое свечение.

— И люди те же.

Мужчина постарше Мышонка, но помоложе Лока, со свалявшимися волосами и грязными ногтями, поднялся им навстречу.

— Что я могу сделать для вас, ребята?

— Что у вас есть для того, чтобы мы почувствовали себя хорошо?

Он прищурил глаз.

— Садитесь.

Неясные фигуры появились и замерли перед баром.

Лок и Мышонок опустились на стулья. Мужчина поднял за спинку еще один, повернул его, покачал головой и сел на край стола.

— Насколько хорошо вы хотите себя чувствовать?

Лок положил на стол руки ладонями вверх.

— Внизу у нас есть… — мужчина бросил взгляд на дверь в конце комнаты, сквозь которую взад и вперед сновали люди. — …патобат.

— Что это? — спросил Мышонок.

— Место с хрустальными стенами, отражающими цвет твоих желаний, — ответил Лок. — Ты оставляешь одежду около двери и плывешь среди колонн света в потоке глицерина. Он нагрет до температуры тела и скрадывает все твои ощуще-

ния. Через некоторое время, потеряв способность к физическому восприятию, ты теряешь разум. На первый план из подсознания выступают психические фантазии, — он посмотрел на мужчину. — Я хочу чего-нибудь, что можно взять с собой.

Зубы под тонкими губами мужчины резко сжались.

На сцену бара в коралловый круг света вышла раздетая девушка и принялась нараспев читать стихотворение. Сидящие в баре временами аплодировали ей.

Мужчина быстро поднял и опустил взгляд, смотря мимо Лока и Мышонка.

Лок сжал ладони.

— Блаженство.

Брови мужчины поднялись под его матерчатыми волосами, спадавшими на лоб.

— Я об этом же подумал, — его руки сблизились. — Блаженство.

Мышонок смотрел на девушку. Ее кожа неестественно блестела. Глицерин, подумал Мышонок. Да, глицерин. Он перегнулся через каменную стену и тут же отпрянул. С холодного каменного свода капала вода. Мышонок потер колено и оглянулся на капитана.

— Мы ждем.

Мужчина кивнул. Спустя мгновение, он спросил Мышонка:

— Чем ты и этот симпатяга зарабатываете на жизнь?

— Мы экипаж… грузовика, — капитан кивнул, выражая одобрение.

— Знаете, в Окраинных Колониях есть очень хорошая работа. Вы никогда не думали о том, чтобы попытать счастья на рудниках?

— Я работал на рудниках три года, — сказал Лок.

— О, — мужчина погрузился в молчание.

Через несколько секунд Лок спросил:

— Вы собираетесь послать за блаженством?

— Уже послал, — слабая улыбка тронула губы.

Ритмичные хлопки в зале сменились аплодисментами: девушка закончила стихотворение. Она спрыгнула со сцены и побежала к ним. Мышонок увидел, что она что-то быстро взяла у одного из сидящих в баре мужчин. Она обняла человека, сидящего с ними. Их руки соединились, она убежала в тень и Мышонок увидел, как руки мужчины упали на стол, а пальцы согнулись скрывая то, что лежало под ними. Лок положил свою ладонь на ладонь мужчины, полностью закрыв ее.

— Три фунта, — сказал мужчина, — в местной валюте.

Другой рукой Лок положил три фунта на стол.

Мужчина отвел свою руку и взял деньги.

— Идем, Мышонок, мы получили то, что хотели. — Лок поднялся из-за стола и пошел через помещение.

Мышонок догнал его.

— Эй, капитан, этот человек говорит не так, как в Плеядах!

— В подобных местах всегда говорят на твоем языке, каким бы он ни был, поэтому их дела всегда идут хорошо.

Когда они подошли к двери, мужчина окликнул их еще раз. Он кивнул Локу.

— Просто хотел напомнить, чтобы ты приходил, когда еще захочешь. Пока, красавчик.

— На себя погляди, урод, — Лок вышел из дверей. На верху лестницы он остановился, охваченный прохладой ночи, наклонился к сложенным ладоням и глубоко втянул в себя воздух.

— Иди сюда, Мышонок, — он развел ладони. — Понюхай, как я.

— Что я должен сделать?

— Сделай глубокий вдох, задержи дыхание, потом выдыхай.

Мышонок наклонился, на них упала тень, которая не была его тенью. Мышонок отпрыгнул.

— Отлично. Что это у вас?

Мышонок поглядел вверх, а Лок вниз на патрульного.

Лок сузил глаза и раскрыл ладони.

Патрульный, решивший проигнорировать Мышонка, глянул на Лока.

— О, — он прикусил губу. — Что-то опасное это должно быть. Что-то нелегальное, понятно?

Лок кивнул.

— Может, и так.

— Эти заведения вокруг — тут только смотри.

Лок снова кивнул.

Патрульный тоже.

— Скажи, как насчет того, чтобы немного обойти закон? Ты позволишь?

Мышонок увидел улыбку, которой раньше капитан не позволял появляться на своем лице. Лок протянул руки к патрульному. — Взбодрите себя.

Патрульный наклонился, втянул воздух, постоял.

— Благодарю, — сказал он и исчез.

Мышонок несколько секунд смотрел ему вслед, потом покачал головой, пожал плечами и, посмотрев на капитана, цинично усмехнулся.

Он взял руки капитана в свои, очистил свою гортань, потом заполнил ее. Потом задержал дыхание почти на минуту, резко выдохнул.

— *Теперь* что должно случиться?

— Об этом не беспокойся, — сказал Лок. — Уже случилось.

Они пошли обратно вдоль каменного выступа, поглядывая на синие окна.

Мышонок поглядел на яркое колыхание реки.

— Вы знаете, — сказал он наконец. — Хотел бы я сейчас иметь сиринкс. — Они почти дошли до лестницы с открытыми кафе. Оттуда слышался громкий звук музыкальных инструментов. Кто-то, сидящий за столом, уронил стакан, разбившийся о камень и звук потонул в яростных аплодисментах. Мышонок поглядел на свои руки.

— Эта дрянь заставляет зудеть мои пальцы, — они пошли вверх по ступенькам. — Когда я был ребенком, на Земле, в Афинах, там была совсем такая же улица Одос Мниciклаос, она начиналась прямо от Плаки. Я работал в паре заведений Плаки, знаете? Отели «ЗОЛОТАЯ ТЮРЬМА» и «О'КЕЙ». Вы поднимаетесь по ступенькам от Адрианоу, а над вами задний портик Эрехтейна, залитый светом прожекторов с Акрополиса, возвышаю-

щегося на вершине холма. А люди за столиками по краям улицы, они бьют тарелки, понимаете, и смеются. Вы бывали в Афинах в Плаке, капитан?

— Один раз и давно, — сказал Лок. — Я был тогда в твоем возрасте. Впрочем, это было вечером.

— Тогда вы не знаете ее окрестностей. Конечно, если вы были там только один вечер, — хриплый шепот Мышонка поднимался и опадал. — Вы идете вверх по каменным ступеням, пока открыты все ночные клубы, и там нет ничего, кроме грязи и гравия, но вы все идете, а стены развалин покрыты оспой. Потом вы попадаете в место, называемой Анафиотика. Это означает «Маленький Анафи», понимаете? Анафи был островом, который почти исчез после землетрясения много лет тому назад. Там есть маленькие домики, построенные прямо на склоне горы, и улицы восемнадцати дюймов шириной со ступеньками, по которой карабкаешься словно по приставной лестнице. Я знаю парня, у которого там был дом… А когда я кончал работу, я брал какую-нибудь девушку. И вина. Даже когда я был ребенком, я уже мог проводить время с девушками… — Мышонок покусал пальцы. — Вы поднимаетесь на крышу его дома по ржавой винтовой лестнице, начинающейся у входной двери, распугивая котов. А

после мы играли и пили вино и смотрели вниз, на город, раскинувшийся под горой подобно сотканному из огней ковру, и вверх на вершину горы с маленьким монастырем, похожим на обломок кости. Однажды мы играли слишком громко и старая женщина из домика сверху громко запустила в нас кувшином. Но мы только смеялись над ней и кричали еще громче и заставляли ее встать и спуститься вниз за стаканом вина. А небо уже становилось серым над горами, над монастырем. Мне нравилось, это, капитан. И то, что сейчас мне нравится тоже. Я играю гораздо лучше, чем умел тогда. Это от того, что я играю много. Я хочу играть то, что вижу вокруг себя. И я вижу вокруг себя много того, что вы не замечаете. И это я тоже должен сыграть. Просто это не чувствуете вы, это не трогает вас, я не хочу сказать, что вы это не видите, не слышите. Я иду туда — в одном мире, и сюда — в другом, и мне нравится то, что я вижу в обоих. Вы знаете, как лежит ваша ладонь в ладони человека, который вам всех ближе? Изгибы ладоней — это спирали галактики, задержавшиеся одна в другой. Вы знаете форму своей ладони, когда другая ладонь покидает ее и вы пытаетесь вспомнить ощущение, которое было? Другого такого изгиба не было и нет. Я хочу

сыграть ладонь в ладони. Катин говорит, что я боюсь. Всего, что вокруг меня. Потому, что все, что я вижу, я заталкиваю в свои зрачки, вонзаю в это мои пальцы и язык. Я люблю сегодня, это значит, что я должен жить в страхе. Потому что сегодня — страшно. Но, в конце концов, я не боюсь искать в страхе, жить в страхе. Катин, он все смешал с прошлым. Конечно, прошлое — это то, что делает сегодня, как сегодня делает завтра, капитан, мимо нас несется грохочущая река. Но мы можем спуститься к ней, чтобы напиться, только в одном месте, и это место называется «сейчас». Я играю на сиринксе, понимаете, и это — словно приглашение каждому спуститься и напиться. Когда я играю, я хочу, чтобы мне аплодировали. Потому что, когда я играю, я стою наверху, понимаете, держа натянутый страховочный трос, к которому они привязаны, балансируя на той сверкающей грани сумасшествия, где мой разум еще способен работать. Я танцую в огне. Когда я играю, я веду других танцоров туда, куда вы, и вы, — Мышонок тыкал пальцем в прохожих, — и он, и она не могут попасть без моей помощи. Капитан, три года тому назад в Афинах, когда мне было пятнадцать лет, я запомнил одно утро на крыше. Я стоял, прислонившись к решетке, по

которой вился виноград, с блестящими листьями на щеке, и огни города гасли перед приближающимся рассветом, и танцы затихли, и две девушки спали, завернувшись в красное одеяло, около железного столика. И я вдруг спросил себя: что я здесь делаю? И спросил опять: что я здесь делаю? Это было словно навязчивая мелодия, приходящая снова и снова. Я испугался, капитан. Я был возбужден и счастлив, и до смерти напуган, и готов поручиться, я широко ухмылялся, совсем как сейчас. Вот так все и началось, капитан. Не было никакого голоса, пропевшего или прокричавшего это. Но я играю на своей арфе. А что я делаю сейчас, капитан? Поднимаюсь по другой улице по каменным ступеням во многих мирах оттуда, восход тогда — ночь сейчас, счастливый и напуганный, как дьявол. Что я здесь делаю? Да. Что я делаю?

— Ты ударился в самокритику, Мышонок, — Лок обошел столб, стоящий на верху лестницы. — Давай вернемся в Таафит.

— О, конечно, капитан, — Мышонок неожиданно заглянул в искалеченное лицо. Капитан посмотрел на него. В глубине ломаных линий Мышонок увидел улыбку и сострадание. Он засмеялся. — Хотел бы я сейчас иметь с собой

сиринкс. Я бы сыграл ваши глаза отдельно от головы. Я бы вывернул нос через обе ноздри и вы бы стали в два раза уродливее, чем сейчас, капитан. — Потом он посмотрел на улицу. Внезапно мокрый тротуар, люди, огни, отражавшиеся калейдоскопом, завертелись пред наполнившимися слезами глазами. — Хотел бы я иметь сейчас сиринкс, — снова прошептал Мышонок, — иметь с собой… сейчас…

Они направились к остановке монорельса.

— Процессы питания, сна, передвижения: как я могу объяснить их современную концепцию кому-нибудь, скажем, из двадцать третьего века?

Катин сидел в стороне от остальных членов экипажа, глядя на танцующих, на себя меж ними, смеющихся у кромки Золота. И сейчас, и там он склонялся над диктофоном.

— Способы, которыми мы осуществляем эти процессы, абсолютно выше понимания человека, родившегося семьсот лет назад, даже если бы он смог понять, что такое внутривенное питание и концентрированная пища. Даже если он окажется поблизости от информатора, чтобы понять, как люди в этом обществе (за исключением очень богатых или очень, очень бедных) принимают пищу. Половина процессов окажется полностью

непонятной, другая половина — неприятной. Единственно процесс питья оказался прежним. За тот же период, когда имели место эти изменения — благословение Аштону Кларку — более или менее отмер роман, не удивляйтесь, если здесь существует связь. Раз уж я выбрал эту архаическую форму искусства, должен ли я рассчитывать на людей, которые прочтут мой роман завтра, или же адресовать его во вчера? Прошлое или будущее? Если я выпущу эти элементы из моего повествования, это может придать труду инертность.

Сенсо-рекордер уже ставили и на воспроизведение, и на повторное воспроизведение, поэтому комната была забита танцующими и их призраками. Айдас извлекал бесчисленные звуки и образы из сиринкса Мышонка. Разговоры, настоящие и записанные, заполняли комнату.

— Несмотря на всех тех, кто сейчас танцует около меня, я создаю свое искусство для мифологического разговора с одним единственным человеком. При каких иных обстоятельствах я могу рассчитывать на понимание?

Тай шагнула от Себастьяна.

— Катин, над дверью сигнал горит.

Катин щелкнул диктофоном.

— Мышонок и капитан должны вернуться. Не беспокойся, Тай. Я их встречу, — Катин вышел из комнаты и заспешил через холл к двери.

— Эй, капитан, — Катин широко распахнул дверь, — гости собираются… — он уронил руку с кнопки. Сердце стукнуло дважды где-то в горле и похоже, что остановилось. Он отступил от двери.

— Я полагаю, вы узнали меня и мою сестру? Тогда нет нужды представляться. Можно нам войти?

Катин тщетно пытался открыт рот, чтобы что-нибудь произнести.

— Мы знаем, что его нет. Мы подождем.

Железные ворота со стеклянными узорами закрывала лента пара. Лок взглянул на заросли, силуэтом выделявшиеся на янтаре Таафита.

— Надеюсь, что веселье еще идет, — сказал Мышонок. — Проделать такой путь и застать их дремлющими по углам!

— Блаженство встряхнет их, — начав подниматься в гору, Лок вытянул руки из карманов. Легкий ветер развевал полы его куртки, холодил кожу между пальцами. Он положил ладонь на диск дверной пластины. Дверь распахнулась. Лок шагнул внутрь. — Ни звука, словно они ушли.

Мышонок усмехнулся и с разбегу ворвался в

комнату.

Вечеринка была прокручена на рекордере, потом еще и еще. Многочисленные мелодии колыхали дюжину Тай в разных ритмах. Близнецы были растащены в стороны, Себастьян, Себастьян и Себастьян, на разных стадиях опьянения, глотали красную, голубую и зеленую жидкости.

Лок остановился позади Мышонка.

— Линчес, Айдас! Мы достали вашего… Я не могу понять, кто тут кто. Минуточку! — он нащупал на стене выключатель сенсо-рекордера…

С края песчаного бассейна на него глядели близнецы: белые руки висели по бокам, темные были сомкнуты вместе.

Тай сидела у ног Себастьяна, обхватив руками колени: серые глаза поблескивали сквозь полуприкрытые веки.

На длинной шее Катина подергивался кадык.

И Принс с Руби оторвались от созерцания Золота, повернулись к нему.

— Мы, чувствуется, испортили собравшимся веселье. Руби полагала, что они будут развлекаться и позабудут про нас, но… — он пожал плечами. — Я рад, что мы встретились здесь. Иоги так не хотел мне говорить, где ты находишься! Он тебе хороший друг. Но не такой друг, какой я — враг. —

Под расстегнутой черной виниловой курткой виднелось что-то элегантно-белое. Плотно сжав губы, он подчеркивал контраст черного и белого. Черные брюки, черные ботинки. Вокруг левой руки, там, где кончалась перчатка — белый мех.

Рука сдавила сердце Лока, еще и еще. Рука эта была внутри него.

— Ты много грозил мне и довольно интересным образом. Как ты намерен выполнить это?

Охвативший Лока страх был смешан с восхищением.

Принс шагнул вперед и крыло зверя Себастьяна коснулось его ноги.

— Пожалуйста… — Принс бросил взгляд на себастьянова питомца. Около песчаного бассейна он остановился, наклонился между близнецами, погрузил протез в песок и сжал кулак. — Ах-х-х… — дыхание со свистом вырывалось сквозь плотно сжатые губы. Он выпрямился, разжал кулак.

Кусок мутного стекла упал, дымясь, на ковер. Айдас отдернул ногу. Линчес только заморгал чаще обычного.

— Как это отвечает на мой вопрос?

— Считай это демонстрацией моей любви к силе и красоте. Ты понял? — он пнул осколки

горячего стекла по ковру. — Ба! Слишком много примесей, чтобы соперничать с Мурано. Я пришел сюда…

— Убить меня?

— С доводами.

— А что ты принес помимо доводов?

— Свою правую руку. Я знаю, у тебя нет оружия. Я же доверяю своему собственному. Давай послушаем друг друга, Лок. Аштон Кларк установил некоторые правила.

— Принс, что ты пытаешься сделать?

— Оставить все по-старому.

— Стасис — это смерть.

— Но он менее разрушителен, чем твои бешеные движения.

— Я пират, помнишь?

— Ты очень быстро продвигаешься к тому, чтобы стать величайшим преступником тысячелетия.

— Ты хочешь разъяснить мне вещи, которых я не понимаю?

— Искренне надеюсь, что нет. — К нашему благу, к благу окружающих миров… — Принс засмеялся. — По всей логике спора, Лок, я *прав* с той самой поры, как началась эта драка. Тебе не приходило это в голову?

Лок сузил глаза.

— Я знаю, ты хочешь иллирион, — продолжал Принс. — Единственное объяснение, зачем тебе это надо — это чтобы нарушить равновесие сил, в противном случае, это не имело бы для тебя никакой ценности. Ты знаешь, что тогда случится?

Лок разжал губы.

— Я скажу тебе: это разрушит экономику Окраинных Колоний. Хлынет гигантский вал перемещения рабочих. Они будут сталкиваться. Империя подойдет настолько близко к войне, как она не стояла со времени волнений на Веге. Ред-шифт поразит застой, это равносильно разложению. Это уничтожит такое количество рабочей силы, сколько людей в созвездии Дракона, то же самое застой моей компании значит и для Плеяд. Это не убеждает тебя?

— Лок, ты невозможен!

— Ты теперь понял, что я продумал абсолютно все?

— Я в ужасе!

— Есть еще аргумент, который ты можешь привести, Принс: ты сражаешься не только за созвездие Дракона, но и за экономическую стабильность Окраинных Колоний тоже. Если я одержу победу, треть галактики пойдет вперед,

а две трети назад. Если ты — две трети галактики останутся на прежнем уровне, а падет одна треть.

Принс кивнул.

— Теперь сокруши меня *своей* логикой.

— Я должен выжить.

Принс ждал. Нахмурился. Недоуменно засмеялся.

— Это все, что ты можешь сказать?

— Почему я должен дергаться и говорить тебе, что перемещение рабочих вопреки всему произойдет без каких-либо трудностей? Что войны не произойдет, так как для них существует достаточное количество миров и пищи — при правильном ее распределении, Принс. Что рост количества иллириона породит достаточное число новых проектов, в которое будут вовлечены все эти люди?

Черные брови Принса выгнулись дугой.

— Так много иллириона?

Лок кивнул.

— Так много.

Стоящая у громадного окна Руби подняла с пола несколько уродливых осколков стекла. Она разглядывала их и, казалось, не обращала внимания на разговор. Но вот Принс отвел руку и она

положила их ему на ладонь. Оказывается, она чутко ловила каждое слово.

— Я удивлюсь, — сказал Принс, глядя на куски, — если это сработает. — Его пальцы сжались. — Ты настаиваешь на возобновлении вражды между нами?

— Ты дурак, Принс. Силы, которые растревожили старые тени, оказали на нас свое действие еще когда мы были детьми. К чему же притворяться, что они только сейчас встали на нашем пути?

Кулак Принса начал часто дрожать. Ладонь раскрылась. Светлые кристаллы были прострочены голубым лучом.

— Гептодиновый кварц. Ты знаком с ним? Слабое давление, действующее на стекло с примесями, всегда приводит к появлению… Я сказал «слабое». Это с толки зрения геологии, там есть такой термин.

— Ты снова грозишь. Уходи. Или ты должен будешь убить меня.

— Ты не хочешь, чтобы я ушел. Мы маневрируем, стараясь избежать единоборства, которое определит, чьи миры и когда падут, — Принс сжал кристаллы. — Я могу очень аккуратно пробить одним из них тебе череп. — Он повернул руку ладонью вниз, снова на пол посыпались

осколки. — Я не дурак, Лок. Я обманщик. Я стараюсь заставить все миры вращаться у меня перед глазами. — Он поклонился и сделал шаг назад. Снова его нога задела зверя.

Зверь рванулся, натягивая цепь. Паруса крыльев рассекли воздух, заставляя дергаться руку хозяина…

— Назад! Назад сейчас же!..

…цепь вырвалась из руки Себастьяна. Зверь взмыл, метнулся взад и вперед под потолком. И упал на Руби.

Она заслонила голову руками. Принс прыгнул к ней, нырнул под крылья. Рука в перчатке взметнулась вверх.

Зверь вздрогнул, отброшенный назад. Принс снова выбросил руку навстречу черному телу. Оно забилось в воздухе и сжалось.

Тай закричала, подбежала к своему питомцу, который лежа на спине, слабо шевелил крыльями. Себастьян поднялся со стула, сжав кулаки. Он опустился на колени, осматривая своего покалеченного любимца.

Принс повернул руку в черной перчатке ладонью вверх. Пурпур запятнал ворс.

— Это было существо, напавшее на тебя на Эскларосе?

Руби поднялась, все еще безмолвная, откинула с плеч тяжелые волосы. Ее платье было белым, отороченным у воротника и рукавов черным. Она поправила его на груди, куда упали капли крови.

Принс посмотрел на слабо мяукающее существо между Тай и Себастьяном.

— Полутруп, Руби? — он потер руки: живую и окровавленную черную.

Он поглядел на покрытые пятнами пальцы.

— Лок, ты задал мне вопрос: когда я приведу в исполнение свои угрозы? Максимум через шесть секунд. Но между нами стоит солнце. Слухи, о которых ты говорил Руби, дошли до нас. Паранджа, которой укрылась Великая Белая Сука Севера, твоя тетушка Циана, довольно эффективна. Она упала в тот момент, когда ты покинул ее офис. Но мы подслушивали у другой замочной скважины и мы услышали новости о солнце, готовом стать новой. Оно или солнце, подобное ему, были центром твоего интереса определенное время, — его голубые глаза оторвались от испачканной ладони. — Иллирион. Я не вижу связи. Неважно. Люди Аарона работают над этим.

Напряжение, подобное боли, поднялось от бедер Лока до поясницы.

— Ты готовишься к чему-то. Давай. Не стес-

няйся.

— Я должен решить, как это сделать. Голой рукой, думаю… нет. — Брови Принса поднялись, он поднес к глазам темный кулак. — Нет, этой. Я ценю твои попытки оправдаться передо мной. Но как ты оправдаешься перед ними? — Окровавленными пальцами он сделал жест в сторону экипажа.

— Аштон Кларк принял бы твою сторону, Принс. И это было бы справедливо. Я здесь не потому, что желал такой ситуации. Я борюсь за то, чтобы разрешить ее. Вот причина, по которой я должен драться с тобой, я думаю, что могу победить. Других причин нет. Ты за стасис. Я — за движение. Все движется. Тут нет места этике, — Лок посмотрел на близнецов. — Линчес! Айдас!

Черное лицо обращено вверх, белое — вниз.

— Вы знаете, что рискуете в этом состязании?

Один перевел взгляд на Лока, другой в сторону, оба кивнули.

— Вы хотите списаться с «РУХА»?

— Нет, капитан, мы…

— …я хочу сказать, если все…

— …все изменится на Табмене…

— …в Окраинных Колониях, может быть…

— …может быть, Тобиас уйдет оттуда…

— …и присоединится к нам…

Лок рассмеялся.

— Я думаю, Принс взял бы вас с собой, если бы вы захотели?

— И того, который в смоле, и того, который в пуху, — сказал Принс. — И малокровного, и трубочиста. Ты пережил свои собственные мифы. Черт бы тебя побрал, Лок.

Руби шагнула вперед.

— Вы! — обратилась она к близнецам. — Вы действительно знаете, что случится, если вы поможете капиталу фон Рею и он достигнет успеха?

— Он может победить, — Линчес в конце своих слов отвернулся, серебряные ресницы задрожали.

Айдас повернулся, плотнее заслоняя брата.

— …или не победить.

— Что они скажут о полном культурном единстве? — это Лок. — Этот мир не таков, как ты о нем думаешь, Принс.

Руби резко обернулась.

— А ты уверен, что он — твой? — не дожидаясь ответа, она повернулась к Золотому. — Посмотри на него, Лок.

— Я гляжу. И что видишь ты, Руби?

— Тебя. Тебя и Принса, желающих управлять внутренним огнем, который отгоняет ночь от миров. А там огонь вырвался наружу. Он изувечил этот мир, этот город, как Принс изувечил тебя.

— Чтобы носить этот шрам, — задумчиво (Лок почувствовал, как его челюсти сжались, мускулы на лбу и у висков напряглись) произнес Принс, — ты должен быть сильнее меня.

— Чтобы носить его, я должен ненавидеть тебя.

Принс улыбнулся.

Мышонок, увидел Лок уголком глаза, отступил к косяку, руки за спиной. Ослабшие губы обнажали белые зубы, вокруг зрачков — белизна.

— Ненависть — это привычка. Мы ненавидим друг друга уже много лет, Лок. Я думаю, я покончу с этим сейчас, — пальцы Принса согнулись. — Ты помнишь, как это началось?

— На Сяо Орини? Я помню, ты был избалован и испорчен, как…

— Я? — Брови Принса снова выгнулись. — Испорчен? Ну, а ты был страшно глуп. Никогда не прощу тебе этого.

— За упоминание о твоей руке…

— За что? Странно, этого я не помню. Такого рода оскорбления я редко забываю. Но нет. Я говорю

тебе о том, что ты мне показал в джунглях. Звери, а мы так и не смогли увидеть в яме ни одного. Все они мотающиеся около края, потные, кричащие, пьяные — и озверелые. И Аарон был одним из них. Я помню его по сей день, лоб блестит, волосы растрепаны, лицо искажено в диком крике, он потрясает кулаком. — Принс сжал бархатные пальцы. — Да, его кулак. Тогда я первый раз увидел своего отца таким. Это испугало меня. Мы видели его с тех пор много раз, правда, Руби? — он взглянул на сестру. — Было сияние Де Тарго, когда он вышел вечером из комнаты правления… или скандал с Анти-Фламина семь лет назад. Аарон — приятный, культурный и абсолютно испорченный человек. Ты был первым, кто показал мне, как на его лице проступает порок. Я никогда не прощу тебе этого, Лок. Этот ваш план, или что там, со смешным солнцем… Я должен остановить его. Я должен остановить сумасшествие фон Реев. — Принс шагнул вперед. — Если Федерация Плеяд рухнет, когда рухнете вы, это только означает, что созвездие Дракона будет жить…

Себастьян обрушился на него.

Это произошло неожиданно для всех присутствующих.

Принс рухнул на одно колено. Рука упала на

кварцевые обломки, они разлетелись голубым огнем, Себастьян замахнулся и Принс метнул осколок, вжик! Он вонзился в волосатую руку киборга. Себастьян взревел, отшатнувшись назад. Рука Принса снова протянулась к ярким осколкам.

…вжик, вжик, вжик!

Кровь закапала из двух ран на животе Себастьяна и из одной на бедре. Линчес рванулся от песчаного бассейна.

— Эй, нельзя же…

— …можно ему, — Айдас сграбастал брата за плечо, белые пальцы безуспешно пытались отбросить черную преграду. Себастьян упал.

Вжик!..

Тай вскрикнула и рухнула на колени, закрывая руками свое обескровленное лицо и раскачиваясь над Себастьяном.

…вжик, вжик!

Он выгнул спину, задыхаясь. Раны на бедре, щеке и груди сочились кровью.

Принс остановился.

— А теперь я убью тебя, — он перешагнул через ноги Себастьяна, сгрудившие ковер. — Это ответ на твой вопрос.

Это пришло откуда-то из глубины, прятавшееся

до сих пор в закоулках его памяти. Наркотик помог появиться этому чувству, осветил его ярко и отчетливо. Что-то задрожало внутри его. Оно поднялось откуда-то снизу, вцепилось в живот, расперло грудную клетку, широко разлилось и вырвалось наружу, Лок взревел. Все чувства обострились под действием наркотика, он увидел сиринкс, оставленный на краю круга. Он схватил его…

— Не надо, капитан!

…когда Принс замахнулся, Лок нагнулся, прижимая инструмент к груди. Он до отказа вывернул рукоятку интенсивности.

Ребро ладони Принса проломило косяк, к которому минуту назад прислонялся Мышонок. В четырех-пяти футах выше луча полетели щепки.

— Капитан, это же мой!..

Мышонок прыгнул и капитан наотмашь ударил его ладонью. Мышонок полетел в песчаный бассейн.

Лок прыгнул в сторону и резко повернулся лицом к двери, где Принс, все еще улыбаясь, делал шаг вперед.

Лок рванул рукоятку музыки.

Вспышка.

Отражение вспышки на куртке Принса, луч

был сжат до предела, рука Принса рванулась к глазам. Он, моргая, затряс головой.

Лок снова рванул рукоятку.

Принс зажмурил глаза, отступил назад, вскрикнул.

Пальцы Лока рванули струны. Хотя звук был остронаправленным, по комнате, перекрывая крик, загрохотало эхо. Голова Лока под этим звуком ушла в плечи. Но он снова ударил по звуковой деке. И снова. С каждым падением его руки на инструмент, Принс отступал назад. Он наступил на ногу Себастьяна, но не упал. В разуме, еще частично свободном от ярости, появилась мысль, его среднее ухо уже *должно* выйти из строя… Затем ярость метнулась дальше. И не стало ни единой частички разума, свободной от нее. Еще раз.

Руки Принса обхватили голову. Его настоящая рука задела парящую полочку. Статуэтка упала.

Взбешенный Лок с размаху ударил по пластине запаха.

Отвратительная вонь поползла в ноздри, защипала полость носа; так, что выступили слезы.

Принс, зашатавшись, закричал. Кулак в перчатке ударил по стеклянной панели. Она треснула от пола до потолка.

Лок шел за ним по пятам, почти ничего не видя сам.

Теперь Принс ударил по стеклу обоими кулаками, стекло брызнуло в стороны. Его куски полетели на пол и на камни.

— *Нет*! — это Руби. Лицо ее было спрятано в ладонях.

Принс бросился наружу.

Жар охватил лицо Лока. Но он шагнул следом.

Принс, шатаясь и спотыкаясь, отступал к сиянию Золота. Лок осторожно спускался за ним по острым камням склона.

И ударил.

Свет хлестнул Принса. Он, видимо, сохранил часть своего зрения, потому что снова вцепился в свои глаза. Он упал на одно колено.

Лок пошатнулся. Плечо его задело горячий выступ. Он весь покрылся струйками пота, пот тек по лбу, задерживался на бровях, скатывался по шраму. Он сделал шесть шагов. И на каждом извлекал свет ярче Золота, звук громче грохотал чем лава, запах был резче запаха серных испарений, щипавших его глотку. Его ярость была настоящей и алой, ярче, чем Золото.

— Подоно… Дьявол… Отродье!

Принс упал в тот самый момент, когда его

настиг Лок. Его голая рука отдернулась от раскаленного камня. Голова приподнялась. Руки и лицо его были в порезах от осколков стекла. Рот открывался и закрывался, как у рыбы. Слепые глаза моргали, закрывались и снова открывались.

Лок отвел ногу назад и вдребезги разбил это задыхающееся лицо…

И все прошло.

Он вдохнул горячий газ. Глазам стало больно от жара. Он повернулся, руки его повисли по бокам. Земля под ним вдруг резко накренилась. Она разошлась и жар толкнул его в спину. Он, шатаясь, стал пробираться между изъеденными оспой камнями. Огни Таафита дрожали за мерцающей завесой. Он потряс головой. Мысли вертелись вокруг обожженной груди. Он закашлялся, звук был словно далекое мычание. И он уронил сиринкс…

Она приближалась к нему, обходя зазубренные острия.

Прохлада тронула его лицо, влилась в гортань. Лок заставил себя выпрямиться. Она пристально глядела на него. Ее губы трепетали, не произнося ни слова. Лок шагнул к ней.

Она подняла руку (он подумал, что она собирается ударить его, но отнесся к этому совершенно безучастно), и коснулась его напружинившейся

шеи.

Сглотнула.

Лок смотрел на ее лицо, ее волосы, забранные серебряным гребнем. В мерцании Золота ее бархатистая кожа приобрела цвет ореховой скорлупы, глаза ее над выступающими скулами были густо накрашены. Но главное заключалось в слабом наклоне подбородка, в выражении губ цвета меди, застывших между ужасной улыбкой и смирением с чем-то невыразимо грустным, в изломе пальцев на горле.

Ее лицо приблизилось к его лицу. Теплые губы коснулись его губ, стали влажными. Он почувствовал тепло обвивающихся вокруг него рук и прохладу перстня. Ее руки скользнули…

Сзади застонал Принс.

Руби, вскрикнув, метнулась в сторону. Ее ногти царапнули его плечо. Он шагнул сквозь разбитое стекло. Обвел взглядом экипаж.

— Черт бы все это подрал! Идем отсюда!

Под узловатой плотью, словно цепи ходили мускулы. Рыжие волосы поднимались и опускались на его блестящем животе при каждом вдохе.

— Идем!

— Капитан, что случилось с моим?..

Но Лок уже двинулся к двери.

Мышонок дико посмотрел на капитана, на колышущееся Золото. Он бросился через комнату и нырнул в разбитое стекло.

Лок уже собирался закрывать садовые ворота, когда Мышонок скользнул между близнецами. Сиринкс он прижимал одной рукой, футляр — другой.

— Идем на «РУХ», — говорил в это время Лок. — Мы улетаем с этого мира!

На одном плече Тай несла, придерживая рукой покалеченного зверя, на другое опирался Себастьян. Катин попытался ей помочь, но Себастьян был слишком низок для того, чтобы Катин мог оказать реальную помощь осклабившемуся от боли киборгу в блестящей одежде. В конце концов Катин засунул руки под ремень своих шортов.

Они торопливо шли по булыжникам Города Ужасной Ночи и туман клубился над уличными фонарями.

Федерация Плеяд — Окраинные Колонии.

Полет «РУХА». 3172 г.

— Паж чаш.
— Дама чаш.

— Колесница. Моя взятка. Девятка жезлов.

— Валет жезлов.

— Туз жезлов. Взятка к дураку идет.

Старт был очень плавным. Теперь Лок и Айдас вели корабль, остальной экипаж сидел в холле.

Катин глядел с пандуса, как Тай и Себастьян играли в карты.

— Парцифаль — вызывающий жалость дурак — покинул малую аркану и перешел в состав двадцать одной карты большой. Он изображается на обрыве утеса. Белый кот вцепился ему в зад. Невозможно сказать, падает ли он, или возносится. Но в позднейших сериях мы имеем уже карту, названную «отшельник»: старик с посохом и фонарем на том же самом утесе грустно смотрит вниз.

— О чем, черт возьми, ты разговариваешь? — спросил Мышонок. Его пальцы поглаживали шрам на полированном розовом дереве. — При мне хоть не говори. Эти чертовы карты Тарота…

— Я говорю об исследованиях, Мышонок. Я начинаю думать, что мой роман должен быть своего рода исследованием. — Он снова взял диктофон. — Рассмотрим первоначальные версии Грааля. Довольно странно что ни один из тех писателей, которые приступали к описанию

легенды о Граале во всей ее полноте, не дожили до завершения своего труда. Мэгеннинсон и Вагнер, создавшие наиболее популярные версии, исказили изначальный материал настолько, что мифологическая основа их версий является и неузнаваемой, и бесполезной (возможно, это и есть причина, по которой они избежали участи остальных). Но все правдивые пересказы версии о Граале: «Конте дель Грааль» Кретьена де Тройе в тринадцатом веке, «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха и «Прекрасная королева» Спенсера в шестнадцатом веке, все они неполны, потому что их авторы умерли. Я знаю что в конце девятнадцатого века американец Ричард Хови начал цикл из одиннадцати музыкальных произведений на тему Грааля и умер раньше, чем закончил пятую вещь. Аналогично Джордж Макдональд, друг Льюиса Кэррола, оставил незаконченными свои «Источники легенды о Святом Граале». То же самое с циклом поэм Чарльза Вильяма «Странствия через Логр». И столетие спустя…

— Заткнешься ты наконец, Катин? Если бы я занимался такой мозговой поденщиной, как ты, я бы свихнулся!

Катин вздохнул и щелкнул выключателем диктофона.

— Ах, Мышонок, я бы свихнулся, если бы думал столько же, сколько и ты.

Мышонок сунул инструмент обратно в футляр, положил руки на крышку крест-накрест и опустил на них свой подбородок.

— Продолжай, Мышонок. Видишь, я перестал болтать. Не грусти. Что это тебя так расстраивает?

— Мой сиринкс…

— На нем появилась царапина, только и всего. Они появлялись и раньше, и ты говорил, что это не сказывается на качестве воспроизведения.

— Не инструмент, — на лбу Мышонка появились морщинки. — Что капитан сделал с… — он потряс головой, отгоняя воспоминания.

— О.

— Не только это. — Мышонок выпрямился.

— А что — еще?

Мышонок снова потряс головой.

— Когда я выбежал сквозь разбитое стекло, чтобы подобрать свой сиринкс…

Катин кивнул.

— Жарища там была невыносимая. Еще три шага, и я подумал, что у меня ничего не выйдет. Потом я увидел, где капитан уронил его — на середине склона. Поэтому я зажмурил глаза и

пошел. Я думал, что мои ступни обгорят, и был вынужден половину пути скакать, во всяком случае, я добрался, подобрал его и… Я увидел их.

— Принса и Руби?

— Она пыталась вытащить его вверх по склону. Она остановилась, когда увидела меня. А я испугался, — он оторвал взгляд от своих рук. Пальцы их были стиснуты. Ногти глубоко впились в ладони. — Я повернул сиринкс на нее. Свет, звук, запах — все до упора. Капитан не знал, как сделать с помощью сиринкса то, что он хотел сделать. А я знал это. Она была слепая, Катин. И я, наверное, порвал ей обе барабанные перепонки. Луч лазера был настолько мощным, что ее волосы сразу охватило пламя, потом одежду…

— Ох, Мышонок…

— Я слишком испугался, Катин! После того, что случилось с капитаном и с ними. Но, Катин… — шепот Мышонка был словно скрежет сталкивающихся между собой глыб. — Никогда не стоит так пугаться…

— Дама мечей.

— Король мечей.

— Влюбленные. Моя взятка. Туз мечей.

— Тай, иди и замени на время Айдаса, — раздался из громкоговорителя голос капитана фон Рея.

— Да, сэр. Тройка мечей от дурака идет. Императрица от меня. Моя взятка, — она собрала карты, встала из-за стола и пошла в свою каюту.

Себастьян потянулся.

— Эй, Мышонок!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Окраинные Колонии. Полет «РУХА», 3172 г.

— Что?

Себастьян пересек голубой ковер, потирая лоб. Корабельный медицинский агрегат починил его сломанный локоть, за сорок пять секунд, затратив еще меньше времени на остальные раны. (Он замигал какими-то странными огнями, когда к нему поднесли черное существо со съежившимися легкими и перебитыми хрящами ребер. Но Тай возилась с программированием до тех пор, пока аппарат не загудел, над зверем.) Существо переваливалось теперь с лапы на лапу, торопясь следом за хозяином, зловещее и довольное.

— Мышонок, почему ты корабельному медику свое горло починить не разрешаешь? — он покачал свою руку. — Он хорошо знает свое дело.

— Нет. Пару раз мне пробовали это сделать, когда я был еще ребенком. Когда я вставлял разъемы, на это махнули рукой. — Мышонок пожал плечами.

Себастьян задумался.

— Не очень-то серьезно все это звучит в наше

время.

— Да нет, — сказал Мышонок, — это меня не очень-то беспокоит. Они просто не могут с этим справиться. Что-то там насчет невролгической кон… не помню, как дальше.

— А что это такое?

Мышонок молча развел руками.

— Невралгическая конгруэнтность, — ответил Катин. — Твои неработающие голосовые связки, должно быть, случай врожденной невралгической конгруэнтности.

— Да, так мне и сказали.

— Существует два вида врожденных дефектов, — сказал Катин. — В обоих случаях какой-то орган тела, внутренний или наружный, деформируется, атрофируется или с чем-то срастается.

— Мои голосовые связки в порядке.

— Но у основания мозга есть маленький нервный узел, который в поперечном разрезе напоминает, более или менее, фигурку человека. Если фигура целая, то мозг обладает полным набором нервной ткани для управления телом. Крайне редко фигурка имеет тот же дефект, что и тело, как это произошло в данном случае. Даже если физический недостаток исправлен, в мозгу отсутствуют нервные волокна, способные управлять

исправленным органом.

— То же самое, видимо, у Принса, с рукой, — сказал Мышонок. — Если бы он потерял ее при несчастном случае, можно было бы сделать другую, соединить вены, артерии, нервы и все остальное, и она была бы как новенькая.

— О, — протянул Себастьян.

Линчес сошел вниз по пандусу. Белые пальцы массировали жилистые запястья цвета слоновой кости.

— Капитан действительно оказывает нам большую любезность, управляя…

Айдас поднялся навстречу с края бассейна.

— Звезда, к которой он идет, где…

— …ее координаты говорят, что они на самом конце внутренней ветви…

— …в Окраинных Колониях…

— …дальше, чем даже Далекие Окраинные Колонии.

— Можно лететь туда, — сказал Себастьян. — И капитан весь путь туда один вести корабль будет.

— У капитана в голове куча вещей, о которых надо думать, — сказал Катин.

Мышонок снял с плеча ремень.

— И куча вещей, о которых думать не надо. Эй,

Катин, как насчет партии в шахматы?

— Так уж и быть, — сказал Катин. — Жертвую тебе ладью.

Они уселись за шахматную доску.

Они сыграли уже три партии, когда по холму разнесся голос Лока:

— Всем по своим проекционным камерам. По курсу — какое-то сложное боковое течение.

Мышонок и Катин выскочили из своих стульев-пузырей. Катин согнулся, пролезая в маленькую дверь под винтовой лестницей. Мышонок пробежал по ковру, перепрыгнул через три ступеньки. Он перешагнул через ящик с инструментами, бухту кабеля, три валяющихся колечка замороженных ячеек памяти — они таяли в тепле и там, где высыхали лужицы, выступала соль — и уселся на койку. Он схватил кабели и подключил их.

Ольга с готовностью замигала сверху, по бокам и сзади него.

Боковое течение: красные и серебряные блестки, зажатые в горсти. Капитан вел корабль поперек потока.

— Вы, должно быть, отличный гонщик, капитан, — произнес Катин. — На какой яхте вы ходили? У нас в школе был яхт-клуб, который арендовал три яхты. Я как-то собирался вступить

в этот клуб.

— Помолчи, и следи за своим парусом.

Здесь, на самом краю галактической спирали, было мало звезд. Гравиметрические изменения тут очень слабы. Полет в центре галактики с его более сильными течениями требует возни с дюжиной различных рабочих частот. А здесь капитану достаточно было напасть на следы скопления ионов.

— Куда, мы, по крайней мере, летим? — спросил Мышонок.

Лок показал координаты на неподвижной матрице и Мышонок прочитал их на движущейся.

— Где была эта звезда?

Возьмите понятия типа «далекая» и «уединенная» и «тусклая» и попробуйте дать им четкое математическое определение. Они при таком подходе теряют смысл.

Но до того, как это сделать, они дадут понятие о звезде.

— Моя звезда, — Лок прижал парус к борту, чтобы ее можно было разглядеть. — Это мое солнце. Это моя нова со светом восьмисотлетней давности. Смотри в оба, Мышонок, а теперь — пошел сразу вниз! И если твой парус захлопает, и это задержит меня хотя бы на секунду…

— Продолжайте, капитан.

— …я забью столик Тай тебе в глотку. Вверх пошел!

И Мышонок повел корабль вверх так, что потемнело в глазах.

— Капитаны из этих мест, — задумчиво произнес Лок, когда потоки поредели, — когда они попадают в мешанину течений центра, они не могут двигаться в потоках таких густых скоплений, как Плеяды. Они избегают мощных течений, начинают крутиться и по уши залезают во всякие сложные маневры. Половина несчастных случаев, про которые ты слыхал, произошла с эксцентричными капитанами. Я несколько раз говорил с такими. Они говорили, что здесь на краю, были капитаны из Плеяд, корабли которых почти затягивало в гравитационные воронки. «Вы чуть ли не спите на своих парусах», — говорили они. Он засмеялся.

— Знаете, вы ведете корабль уже очень долго, капитан, — сказал Катин. — Тут довольно чисто. Почему бы вам не отдохнуть немного?

— Я чувствую, что мои пальцы погружены в эфир достаточно глубоко, чтобы выдержать еще одну вахту. Ты и Мышонок остаетесь на местах. Остальным марионеткам — обрезать свои ве-

ревочки.

Паруса опали, сложились, каждый превратился в тонкий карандашик света. Потом и свет пропал.

— О, капитан фон Рей, о чем-то…

— …о чем-то мы должны поговорить…

— …сперва. Нет ли у вас еще…

— …не скажете ли, где у вас…

— …я хочу сказать, если все нормально, капитан…

— …блаженство?

Ночь легко вошла в их глаза. Паруса несли их к булавочному проколу в бархатной портьере.

— Они, наверное, здорово развлекались с его помощью на рудниках Табмена, — произнес через некоторое время Мышонок. — Я думал об этом, Катин. Когда капитан и я рыскали по склону Золота в поисках наркотика, нам встретился один тип, который старался уговорить нас остаться там. И я подумал: штеккер есть штеккер, а гнездо есть гнездо, и если я нахожусь на одном конце, то для меня нет большой разницы, будет ли на другом конце парус звездолета, сеть ли для охоты на аквалата или ротор рудничного комбайна. Я думаю, можно пойти туда на время.

— Да будет тень Аштона Кларка парить над

твоим правым плечом и охранять твое левое.

— Спасибо, — помолчав немного, Мышонок спросил, — Катин, а почему люди всегда вспоминают Аштона Кларка, когда кто-то собирается сменить работу? Нам говорили у Купера, что парня, который изобрел разъемы, звали Сокет или как-то наподобие…

— Соукат, — поправил Катин. — Он мог бы счесть твои слова за неудачную шутку (соукет — англ. — разъем, гнездо). Аштон Кларк был философом и психологом двадцать третьего века, чья работа помогла Владимиру Соукету разработать свои первые разъемы, присоединенные к нервам. Оба они пытались что-то сделать с понятием работы. Работа, как ее понимало человечество до Кларка и Соукета, очень отличалась от того, что мы имеем сейчас, Мышонок. Человек шел в офис и управлял компьютером, коррелировал грандиозную массу данных, поступающих из торговых отчетов о продаже, скажем, пуговиц. Или чего-нибудь столь же архаичного, в центральных районах страны. Работа этого человека была жизненно важна для производства пуговиц, по этой информации можно решить, какое количество пуговиц выпускать в следующем году. Но, хотя этот человек и делал важную работу для

производства пуговиц, имел пай фирмы, получал от нее материальное и моральное поощрение, но он мог работать неделю за неделей и не видеть ни одной пуговицы. Он получал определенное количество денег за управление компьютером, на эти деньги его жена покупала пищу и одежду для него и всей семьи. Но при этом не было *прямой* связи между тем, где он работал и тем, как он ел и проводил свое свободное время. Оплачивали ему не пуговицами. Поскольку фермерство, охота и рыболовство стали вовлекать в себя все меньшую часть населения, разделение между работой и образом жизни человека — что он ел, что надевал, где спал — становилось все больше и больше для всего большего числа людей. Аштон Кларк показал, что это приводит к психическим срывам. Для присущих всем чувств свободы действия и самоутверждения, которыми человек обладал, начиная с неолитической революции, когда он впервые стал сеять зерно, одомашнивать животных и жить в одном выбранном им самим месте, появилась серьезная угроза. Эта угроза появилась во времепа промышленной революции и многие люди увидели ее раньше Аштона Кларка. Однако Аштон Кларк шагнул еще дальше. Если в технологическом обществе сло-

жилась такая ситуация, что между человеческим трудом и модус вивенди не существует никаких иных *прямых* связей, кроме финансовых, в конце концов, работнику необходимо почувствовать, что он непосредственно изменяет вещи своей работой: придает вещам форму, производит вещи, которых раньше не было, перемещает вещи с одного места на другое. Он должен затрачивать энергию на свою работу и видеть происходящие изменения своими глазами. В противном случае он бы чувствовал, что жизнь его пуста.

Живи он, однако, в другом столетии, никто бы, возможно, и не слышал бы сейчас об Аштоне Кларке. Но технология достигла такого уровня, что можно было сделать кое-что из того, о чем говорил Аштон Кларк. Соукет изобрел штеккерные разъемы и усилители биотоков, и целую технологию, в соответствии с которой машины могут управляться непосредственно нервными импульсами, теми самыми импульсами, которые заставляют двигаться руку или ногу. И это было революцией концепции работы. Подавляющее большинство работы стало сводиться к труду, который вооруженный машиной человек выполнял «непосредственно». Раньше были фабрики, управляемые единственным скучающим чело-

веком, который включал тумблер утром, спал половину дня, записывал пару цифр перед обедом и выключал все перед тем как уйти. Теперь же человек шел на фабрику, подключался и мог подтаскивать исходные материалы левой ногой, делать тысячи тысяч точных деталей одной рукой, производить сборку другой и отправлять готовые изделия правой ногой, осматривая все их своими собственными глазами. И он был удовлетворен своим трудом в гораздо большей степени. По своей природе большинство труда могло быть преображено в работу, совершаемую с помощью подключения и выполняться с большей эффективностью, чем раньше. А в тех редчайших случаях, когда производительность труда была чуть менее эффективна, Аштон Кларк показал, что это психологически выгодно обществу. Аштон Кларк, как о нем говорили, был философом, вернувшим человечество к труду. При такой системе большинство эндемических психических расстройств объяснялось последствиями чувства отчуждения старого общества. Происшедшая трансформация превратила войны из событий крайне редких в невозможные вообще и (после первоначального потрясения) стабилизирует экономические связи между ми-

рами вот уже восемьсот лет. Аштон Кларк стал пророком рабочих. Вот почему до сих пор, когда человек собирается сменить работу, ты призываешь ему в помощь Аштона Кларка или его дух.

Мышонок глядел на звезды.

— Я вспоминаю, что цыгане его время от времени проклинают. — Он помолчал немного. — Я думаю, мы предпочитаем без разъемов.

— Существовали фракции сопротивления идеям Кларка, в особенности на Земле, которые были немного реакционными. Но они продержались не очень-то долго.

— Да, — сказал Мышонок. — Всего восемьсот лет. Не все цыгане предатели, вроде меня, — он улыбнулся уголками губ.

— В системе Аштона Кларка мне видится лишь один серьезный недостаток. И прошло уже достаточно много времени, чтобы он мог проявиться.

— Да? И что же это.

— Это то, о чем профессора годами твердят своим студентам. Ты хоть раз, да услышишь разговоры об этом в любом интеллектуальном обществе, куда мы приходим. Это то, что Республика Веги пыталась развить в двух тысяче восьмисотом году. Вследствие легкости работы и удовлетворенности своим трудом, вследствие

возможности работать там, где пожелаешь, за последние двенадцать поколений происходили такие грандиозные перемещения людей с одного мира на другой, что общество в течение дюжины поколений распалось на куски. И появилось современное мишурное интерпланетное общество, не имеющее никаких традиций за собой!.. — Катин остановился. — Я немножко воспользовался блаженством капитана перед тем, как подключиться. И пока я сейчас разговаривал, я мысленно перебирал всех людей, которые мне об этом говорили — от Гарварда и до Геенны-3. И знаешь что? Они не правы.

— Не правы?

— Не правы. Они все ищут социальные традиции, созревающие в течение столетий и уже достигшие своего пика в том, что наиболее присуще и важно сегодняшнему дню. И ты знаешь, кто воплощает эту традицию более, чем кто-либо, кого я знаю?

— Капитан?

— Ты, Мышонок.

— Вот как?

— Ты собрал орнаментовки дюжины существовавших до нас обществ и сделал их началами своих. Ты — продукт тех сил, которые сталкива-

лись во времена Кларка, и ты разрешаешь этот конфликт на своем сиринксе методами, присущими настоящему…

— Ах, перестань, Катин.

— Я искал сюжет для своей книги, обладающей как исторической важностью, так и человечностью. Это ты, Мышонок. Моя книга будет *твоей* биографией! Она расскажет о том, где ты был, что ты делал, что видел, и что показывал людям. В этом — мое социальное значение, моя широта исторического охвата, искра между кольцами, высвечивающая размеры сети…

— Катин, ты сошел с ума!

— Нет. Я в конце концов увидел, что я должен…

— Эй, вы там! Не зевать на парусах!

— Простите, капитан.

— Да, капитан.

— Никогда не болтайте, когда летите между звезд, если не можете при этом смотреть куда надо.

Киборги уныло перенесли свое внимание на ночь. Мышонок был очень возбужден. Катин — задумчив.

— Существует звезда, готовящаяся стать яркой и горячей. Она единственная на этом небе.

Помните это. Держите ее четко по курсу и не позволяйте ей отклониться. О культурном единстве можете болтать в свободное время.

На лишенном горизонта небе вырастала звезда.

На расстоянии, в двадцать раз превышающем расстояние от Земли до Солнца (или от Арка до его солнца) средних размеров звезда типа Г-2 не могла дать достаточно света, чтобы в атмосфере земного типа происходила дифракция. На таких расстояниях самый яркий объект на ночном небе выглядит как звезда, а не как солнце — как ярчайшая звезда.

Они были в двух биллионах миль или чуть больше, чем в десяти астрономических единицах от нее.

Это была ярчайшая звезда.

— Красиво, а?

— Нет, Мышонок, — ответил Лок. — Просто звезда.

— Откуда вы знаете…

— …что она будет новой?

— Вследствие накопления тяжелой материи на поверхности, — объяснил Лок близнецам. — Есть также слабое покраснение ее центра, говорящее о слабом уменьшении ее температуры поверхно-

сти. И слабый рост активности солнечных пятен.

— С поверхности одной из ее планет, однако, этого заметить нельзя?

— Конечно. Покраснение слишком слабо, чтобы его заметить невооруженным глазом. К счастью, эта звезда не имеет планет. Только разный хлам, обломки, подходящие, разве что, для Луны, плавающие слишком близко друг к другу, чтобы быть осколками бывшего мира.

— Луны? Луны! — вмешался Катин. — Нельзя иметь луны без планет. Планетоиды — может быть, но не луны!

Лок рассмеялся.

— Подходящие для луны, вот и все, что я сказал.

— О.

Все паруса теперь несли «РУХ» по кругу с радиусом в два биллиона миль вокруг звезды. Катин лежал в своей рабочей каюте, стараясь не потерять звезду среди других огней помещения.

— А что слышно об исследовательских станциях, запущенных Алкейном?

— Они дрейфуют поодиночке, как и мы. Мы услышим их в свое время. Но пока мы не нуждаемся в них, а они — в нас. Циана предупредила их, что мы приближаемся. Я найду эти станции

на подвижной матрице. Тогда ты сможешь увидеть их местонахождение. В большинстве своем это обыкновенные станции. Они в пятьдесят раз дальше от звезды, чем мы.

— Мы будем в опасной зоне, когда она рванет?

— Когда эта звезда начнет превращаться в нову, она проглотит громаднейший кусок неба и все, что внутри.

— И когда это начнется?

— Через несколько дней, как рассчитывает Циана. Но эти расчеты, как известно, дают точность плюс-минус две недели. У нас будет всего несколько минут на сближение, когда она взорвется. Мы сейчас примерно в двух с половиной световых часах от нее, — их обзорные экраны отражали не видимый свет звезд, а возмущения пространства, что позволяло им видеть синхронное изображение солнца.

— Мы увидим начало сразу же, как только все это начнется.

— А иллирион? — спросил Себастьян. — Как мы возьмем его?

— Это моя забота, — ответил Лок. — Мы возьмем его, когда наступит время. Пока все могут быть свободны.

Катин и Мышонок медлили дольше всех.

— Капитан, — спросил, наконец, Катин, — я так, ради интереса, Патруль сказал что-нибудь особенное, когда вы сообщили о… случае с Дэном?

Прошла почти минута, прежде чем Лок ответил:

— Я не сообщал им об этом.

— О, — сказал Катин, — я так и думал.

Мышонок три раза собирался сказать — На… — и все не мог начать.

— Принс, должно быть, получил доступ ко всем официальным сообщениям, проходящим через патруль созвездия Дракона. В конце концов, я должен исходить из того, что получил, мой компьютер изучает все, что проходит через Плеяды. Его же компьютер наверняка запрограммирован на регистрацию абсолютно всего, что хотя бы отдаленно связано со мной. Если бы он засек Дэна, он бы нашел нову. Я бы не хотел, чтобы он нашел ее таким образом. Я бы желал, чтобы он до сих пор не знал, что Дэн умер. Насколько я знаю, все люди, которым это известно, находятся на этом корабле. И мне это нравится.

— Капитан!

— Что, Мышонок?

— Что-то движется.

— Корабль, обслуживающий станции? — спро-

сил Катин.

— Он слишком далеко зашел. Они вынюхивают наши следы.

Лок молчал, пока неизвестный корабль двигался по координатной матрице.

— Отключайтесь и идите отдыхать. Я вызову вас.

— Но, капитан… — начал было Мышонок.

— Это семипарусный грузовой корабль, как и наш, только некоторые его признаки говорят о созвездии Дракона.

— Что он здесь делает?

— Отдыхать, я сказал.

Катин прочитал название корабля, когда его идентификационный луч развернулся на сетке экрана.

— «ЧЕРНЫЙ КАКАДУ»? Идем, Мышонок. Капитан говорит, что все свободны.

Они отключились и присоединились к остальным, стоящим около бассейна.

Дверь наверху загибающейся спиральной лестницы, ушла вверх. Лок шагнул к застекленным ступеням.

Мышонок смотрел на спускающегося фон Рея и на отражение капитана в зеркальной мозаике, и думал:

— Он движется устало, но это усталость атлета перед началом второго дыхания.

Лок был на середине лестницы, когда фантазия в золотистой раме на стене зала исчезла.

Они обернулись. У Мышонка вдруг участилось дыхание.

— Итак, — сказала Руби. — Близится развязка. Разве это справедливо? Ты все еще впереди. Мы не знаем, где ты собираешься взять приз. Эти гонки состоят из сплошных стартов и остановок. — Ее голубой взгляд пробежал по экипажу, задержался на Мышонке и снова остановился на Локе. — До этой последней ночи в Таафите я никогда не испытывала такой боли. Наверное, я жила слишком затворнической жизнью. Но каковы бы ни были правила, красивый капитан, — в ее словах звучало презрение, — мы тоже рождены для игры.

— Руби, я хочу поговорить с тобой… — Лок запнулся, — и с Принсом. Без посредничества техники.

— Я не уверена, что Принс захочет говорить с тобой. Время с того момента, как ты оставил нас на обрыве над Золотом, и до того, как мы добрались до медицинского агрегата, не является моим… *нашим* самым приятным воспоминанием…

— Скажи Принсу, что я отправлюсь на «ЧЕРНЫЙ

КАКАДУ». Я устал от этой страшной сказки, Руби. Есть вещи, о которых вы хотите узнать от меня. Есть вещи, о которых я хочу вам рассказать.

Рука ее нервно тронула волосы, упавшие на плечи. Высокий воротник темного плаща был наглухо застегнут. Минуту спустя она сказала:
— Хорошо. — И пропала.

Лок поглядел на экипаж.

— Вы слышали? Всем по местам. Тай, я наблюдал, как ты управляешься со своими веревочками. Ты, наверное, имеешь больше опыта вождения, чем все прочие здесь. Бери капитанские штеккеры. Если случится что-нибудь, независимо от того, вернулся я или нет — уводи «РУХ» отсюда побыстрей.

Мышонок и Катин взглянули друг на друга, потом на Тай.

Лок прошел по ковру, поднялся на пандус. На половине пути он остановился, вгляделся в свое отражение, потом сплюнул.

Он исчез раньше, чем круги от плевка достигли берегов бассейна.

Обменявшись недоуменными взглядами, все разошлись по углам.

Окраинные Колонии.

Полет «ЧЕРНОГО КАКАДУ». 3172 г.

Сидя на койке, Катин подключился, отключил сенсодатчики, находящиеся снаружи корабля, и обнаружил, что другой корабль подошел совсем близко.

Он увидел, что «ЧЕРНЫЙ КАКАДУ» дрейфует поблизости, готовый принять шлюпку.

— Мышонок?

— Да, Катин.

— Я беспокоюсь.

— За капитана?

— За нас.

«ЧЕРНЫЙ КАКАДУ», вспыхивая в ночи парусами, медленно поворачивался рядом с «РУХОМ», выходя на параллельную орбиту.

— Мы плывем по течению, Мышонок, ты и я, близнецы, Тай и Себастьян, все мы хорошие люди, только нет у нас цели. И вот охваченный страстью человек подбирает нас и приводит сюда, где край всего. И мы вынуждены признать, что его страсть навязывает некую цель нашей бесцельности, или, возможно, еще больший хаос. Что меня беспокоит, так это то, что я благодарен

ему. Мне бы буйствовать, отстаивать собственный порядок. Но нет. Я хочу, чтобы он победил в этой гонке за огнем. Я хочу, чтобы он победил, и пока он не победит или не проиграет, я не могу ничего по-настоящему желать для себя.

«ЧЕРНЫЙ КАКАДУ» принял шлюпку и это было похоже на пушечный выстрел наоборот. Освобожденный от необходимости идти параллельным курсом, корабль поворачивал в сторону. Катин не отрываясь смотрел на это темное вращение.

— Доброе утро.

— Добрый вечер.

— По Гринвичу сейчас утро, Руби.

— Я следую правилам хорошего тона и приветствую тебя по времени Арка. Иди сюда, — она подобрала свои одежды, пропуская его в черный коридор.

— Руби?

— Да? — ее голос доносился из-за левого плеча.

— Я удивляюсь одной вещи каждый раз, когда вижу тебя. Ты постоянно намекаешь на то, какая ты важная персона. Но ты блистаешь в тени, отбрасываемой Принсом. Много лет назад, когда мы разговаривали у Сены, меня поразила мысль: полюбить ее — словно бросить вызов.

— До Парижа — миры и миры, Лок.

— Принс управляет тобой. Это раздражает меня, но это я, в конце концов, могу ему простить. Ты никогда не высказываешь свое мнение, пока не услышишь его. Разве что единственный раз в Таафите, под этим истощенным солнцем Другого Мира. Ты думала, что Принс мертв. Я знаю, ты это помнишь. Я думал об этом. Ты поцеловала меня. Но он застонал и ты бросилась к нему. Руби, он пытается сокрушить Федерацию Плеяд. Все эти миры, кружащиеся вокруг трех сотен солнц, и сколько еще людей. Но это мои миры. Я не могу позволить, чтобы они погибли.

— Ты обрушишь колонну Дракона и заставишь Землю ползать в пыли, чтобы спасти их? Ты хочешь выбить экономическую опору из-под Земли и позволить осколкам падать в ночь? Ты хочешь швырнуть миры созвездия Дракона в эпоху Хаоса, гражданской войны и лишений? Миры созвездия Дракона — это миры Принса. Ты действительно предполагаешь, что он любит свои миры меньше, чем ты — свои?

— А что любишь ты, Руби?

— Не у тебя одного есть тайны, Лок. У Принса и у меня есть свои. Когда ты поднимался по обожженному склону, да, я думала, что Принс умер.

У меня есть полный зуб, наполненный стрихнином. Я хотела дать тебе последний поцелуй. Я бы сделала это, если бы Принс не застонал.

— Принс любит созвездие Дракона? — Лок резко обернулся, схватил ее поднятые руки и рванул к себе.

Ее грудь поднималась и опускалась около его груди. Их лица с широко открытыми глазами сблизились. Его толстые губы вступили в борьбу с ее тонкими, те в конце концов раскрылись и его язык коснулся ее зубов.

Ее пальцы вцепились в его жесткие волосы. Она пыталась закричать.

Едва только его руки ослабли, она сразу же вырвалась с широко раскрытыми глазами. Потом веки ее погасили голубой огонь, но ярость заставила его вспыхнуть снова.

— Ну, — спросил он, тяжело дыша.

Она запахнула плащ.

— Когда оружие отказывает мне, — голос ее был хрипл, как у Мышонка, — я выбрасываю его. Так или иначе, красивый пират, ты… — Уменьшилась ли ее хрипота? — Мы могли бы быть… Но теперь у меня другое оружие.

Холл «ЧЕРНОГО КАКАДУ» был маленьким и голым. На скамейках сидели два киборга. Еще

один стоял у двери своей рабочей каюты.

Резкие черты лица, белая униформа… Они напоминали Локу другой экипаж, с которым он работал. На плече у каждого была алая эмблема Ред-шифт Лимитед. Они взглянули на Лока и Руби. Стоящий у двери шагнул и удар дверной плиты долгим эхом отозвался в высоком помещении. Другие двое поднялись, чтобы тоже уйти.

— Принс спустится сюда?

Руби кивнула в направлении железной лестницы.

— Он встретится с тобой в капитанской каюте.

Лок начал подниматься. Сандалии его клацали по перфорированным ступеням. Руби шла следом.

Лок постучал в закрытую дверь.

Она распахнулась, Лок вошел и ладонь из пластика и металла, прикрепленная к появившейся с потолка телескопической руке, дважды хлестнула его по лицу.

Лок ударил плечом в дверь — она была обита изнутри кожей, которую держали гвозди с медными шляпками — так, что она загудела.

— Это, — провозгласил труп, — за то, что тянул руки к моей сестре.

Лок потер щеку и взглянул на Руби. Она стояла

у нефритовой стены. Валансонские кружева были того же цвета, что и ее плащ, цвета темного вина.

— Ты думаешь, что я не могу видеть все то, что происходит на корабле? — спросил труп. — Вы, плеядские варвары, и впрямь неуклюжи, как это всегда говорил Аарон.

В баке поднимались со дна два пузыря, скользили по струпьям обнаженной ноги, задерживались в ссохшемся паху, перекатывались по груди — сквозь почерневшие лохмотья кожи проступали ребра — и лопались у обожженной безволосой головы. В провале безгубого рта торчали обломки зубов. Носа не было. Трубки и провода обвивали треснутые разъемы. Трубки впивались в живот, бедро и плечо. Жидкость в баке циркулировала и единственная рука колыхалась из стороны в сторону, обожженные пальцы на ней были скрючены, словно кости.

— Тебе никогда не говорили, что подглядывать нехорошо? Ты, ведь, именно подглядывал.

Голос Принса доносился из громкоговорителя в стеклянной стене.

— Боюсь, что на другом Мире мне досталось гораздо больше, чем Руби.

Две подвижные камеры над баком перемести-

лись, когда Лок шагнул вперед.

— Для того, кто владеет Ред-шифт Лимитед, твой поворот на параллельный курс был не очень-то… — банальность слов не могла скрыть изумления Лока.

Кабели для управления кораблем были подключены к гнездам на стеклянной стене бака. Само стекло было частью стены. Кабели ложились кольцами на золотистый и черный кафель и исчезали в медной решетке, скрывающей панель компьютера.

На стенах, полу и потолке, в многочисленных рамах и экранах была одна и та же картина ночи:

Серая тень «РУХА» у края всего существующего.

В центре — звезда.

— Увы, — сказал труп, — я никогда не был спортсменом, вроде тебя. Впрочем, ты хотел поговорить со мной. Что ты имеешь сказать мне?

Лок снова поглядел на Руби.

— Я уже сказал большую часть Руби, Принс. Ты же все слышал.

— Почему-то я сомневаюсь, что ты притащил нас сюда, где вот-вот произойдет звездная катастрофа, лишь для того, чтобы высказаться.

Иллирион, фон Рей. Ни ты, ни я не забыли основную цель, приведшую тебя сюда. Ты не уйдешь, пока не скажешь, где ты собираешься взять…

Звезда начала превращаться в нову.

Неожиданно и необратимо.

В первую же секунду ее изображение из точек превратилось в прожектора. И прожектора становились все ярче.

Руби уткнулась в стену, зажав глаза ладонями.

— Слишком рано! — закричал труп. — Хотя бы еще несколько дней!..

Лок в три шага пересек комнату, вырвал из бака два штеккера и воткнул их в запястья. Третий он ввернул в спинной разъем. Движение корабля передалось ему. Он включил сенсодатчики. Комната заслонилась ночью. И ночь была охвачена огнем.

Преодолевая сопротивление киборгов, Лок развернул «КАКАДУ» и направил его прямо в центр пламени. Корабль рванулся вперед.

Камеры заметались, стараясь поймать его в фокус.

— Лок, что ты *делаешь*? — вскрикнула Руби.

— Останови его! — это труп. — Он ведет нас прямо на солнце!

Руби прыгнула к Локу, схватила его. Оба они

зашатались. Каюта и солнце стояли в глазах Лока, словно наложенные снимки. Руби схватила кольцо кабеля, набросила ему на шею, перекрутила и стала его душить. Кабель сдавил ему горло. Одной рукой он обхватил ее сзади, а другой уперся ей в лицо. Она вскрикнула и голова ее откинулась. Его рука давила в самый центр звезды. Ее волосы подались под его рукой, сдвинулись в сторону, парик упал, обнажив обожженную кожу черепа. Медицина всего лишь вернула ей здоровье. Косметическая пластиковая кожа, восстановившая ее лицо, лопнула под его пальцами. Резиноподобная лента слезла с ее покрытых пятнами впалых щек. Лок отдернул руку. Ее изуродованное лицо закричало сквозь пламя. Он оторвал ее руки от своей шеи и оттолкнул ее. Руби пошатнулась, наступила на свой плащ и упала. Он обернулся как раз во время: механическая рука двигалась прямо на него.

И она оказалась слабее его рук.

Он легко удерживал ее на расстоянии, пальцы ее тянулись к нему сквозь неистовствующее солнце.

— Стой! — прорычал он и в то же время вырубил сенсодатчики по всему кораблю.

Экраны стали серыми.

Сенсодатчики были отключены у всех шести киборгов корабля.

Огни в его глазах погасли.

— Святые небеса, что ты пытаешься *делать*, Лок?

— Нырнуть в этот ад и зачерпнуть иллирион голыми руками!

— Он сумасшедший! — завопил труп. — Руби, он сумасшедший! Он убьет нас, Руби! Все, что он хочет, это убить нас!

— Да! Я убью вас! — Лок отбросил руку. Она метнулась к кабелю, свисавшему с запястья, чтобы выдернуть штеккер из разъема. Лок снова перехватил руку, корабль тряхнуло.

— Господи, Лок, вытащи нас отсюда! — закричал труп. — Вытащи нас отсюда!

Корабль снова дернуло. Искусственная гравитация упала настолько, что жидкость коснулась крышки бака, потом гравитация вернулась к норме и жидкость опала, оставив капли на стекле.

— Слишком поздно, — прошептал Лок. — Мы попали в гравитационную воронку!

— Зачем ты это сделал?

— Просто, чтобы убить тебя, Принс. — Ярость на лице Лока уступила место смеху. — Ну вот и все, Принс! Это все, что я хочу сейчас сделать!

— Я не хочу умирать снова! — пронзительно закричал труп. — Я не хочу сгорать, словно мошка!

— Сгорать? — лицо около шрама исказилось. — О, нет! Это произойдет медленней, чем тогда. Десять, а то и двадцать минут. Уже становится тепло, не так ли? А в последующие пять минут станет просто невыносимо жарко. — Лицо Лока ниже золотистой линии потемнело. Судорога сводила губы на каждом слоге. — Ты сваришься в своей клетке, как рыба… — он сунул руку под куртку и потер живот. Оглядел каюту. — Что здесь может гореть? Занавески? Эти доски — они из настоящего дерева? И все эти бумаги?

Механическая рука вырвалась из рук Лока и метнулась через комнату. Пальцы сжали руку Руби.

— Руби останови его! Не позволяй ему убивать нас!

— Ты лежишь в жидкости, Принс, поэтому ты увидишь их в огне прежде, чем загнешься сам. Руби, обгорелая кожа не может выделять пота. Поэтому ты умрешь первой. И у него будет возможность смотреть на тебя, пока его жидкость не начнет кипеть, резина — гореть, а пластик — плавиться.

— Нет! — рука отпрянула от Руби, метнулась

через каюту и врезалась в крышку бака.

— Преступник! Вор! Бандит! Грабитель! Грабитель! Нет!..

Рука была слабее, чем тогда, в Таафите.

Стекло тоже.

Стекло разлетелось.

Питательная жидкость плеснулась на сандалии отскочившего Лока. Труп ворочался в баке, запутавшись в трубках и проводах.

Камеры дико раскачивались.

Рука царапала мокрые изразцы.

Пальцы замерли и Руби закричала и закричала снова. Она метнулась к баку, пробралась через разбитое стекло, схватила труп, прижала его к себе, поцеловала, вскрикнула, поцеловала еще раз, раскачиваясь из стороны в сторону. Плащ темнел, впитывая разлившуюся жидкость.

Крик оборвался. Она выронила тело, привалилась к стенке бака и схватилась руками за горло. Под ожогами и содранной косметической кожей к лицу вдруг прилила кровь. Она медленно скользнула по стенке. Когда она коснулась пола, глаза ее уже были закрыты.

— Руби?.. — порезалась она, или нет, пробираясь через стекло, не имело уже значения. Причиной был поцелуй. После таких сильнейших

ожогов прошло совсем немного времени, и она, должно быть, находилась в сверхлетаргическом состоянии. Чужеродные протеины питательной жидкости проникли в ее тело и вызвали грандиозную гистаминовую реакцию. Она умерла в считанные секунды от анафилактического шока.

И Лок засмеялся.

Смех сперва был словно грохот перекатывающихся внутри булыжников. Потом зазвучал во всю силу, отскакивая от высоких стен залитой каюты. Победа вызвавшая этот смех, была ужасна, и она была — его.

Он глубоко вобрал в себя воздух. Он держал корабль меж ладоней. Еще ничего не видя, он направил «КАКАДУ» во взрывающееся солнце.

Где-то внутри корабля плакал киборг…

Окраинные Колонии. Полет «РУХА». 3172 г.

— Звезда! — закричал Мышонок. — Она превращается в нову!

Голос Тай отрывисто прозвучал по главной линии:

— Отсюда уходим! Сейчас же!

— Но капитан! — закричал Катин. — Погляди на «ЧЕРНОГО КАКАДУ»!

— «КАКАДУ», боже мой…

— Лок падает прямо…

— …прямо в центр…

— …солнца!

— Всем поднять паруса! Катин, я сказала твой парус поднять!

— Боже… — выдохнул Катин. — Ох, не…

— Она слишком ярка, — решила Тай. — Выключить сенсоры надо!

«РУХ» стал удаляться.

— О боже! Они… они в самом деле… Они действительно падают! Она уже очень яркая! Они погибнут! Они сгорят, словно… они падают! Ох, Лок, останови их! Сделайте же хоть что-нибудь! Там же капитан. Надо что-то сделать!

— Катин, — крикнул Мышонок. — Выдерни эти чертовы сенсоры! Ты что, свихнулся?

— Они опускаются! Нет! Это словно черное отверстие в середине всего сущего. И они падают туда. Ох, они падают… они падают…

— Катин, — завопил Мышонок. — Катин, не смотри туда!

— Она разрастается, она так ярка… ярка… еще ярче! Я с трудом их различаю…

— Катин! — внезапно в голову Мышонка пришла мысль и он закричал. — Вспомни Дэна! Выдерни свои штеккеры!

— Нет! Нет, я должен это видеть! Что-то грохочет. Она прогнала ночь! Я чувствую, как пахнет горящая темнота. Мне их уже не видно… Нет, вон они!

— Катин, перестань! — Мышонок перегнулся через Ольгу. — Тай, отключи его входы.

— Не могу. Этот корабль против гравитации должна я вести. Катин! Выключи сенсоры! Я приказываю!

— Ниже… ниже… я снова их потерял! Мне их больше не видно. Свет сделался красным… Я больше…

Мышонок почувствовал, как корабль дернулся: парус Катина хлопнул.

Катин испуганно закричал:

— Я больше не вижу! — крик перешел в слезы. — Я *ничего* не вижу!

Мышонок скорчился на койке, закрывая глаза руками, плечи его затряслись!

— Мышонок! — рассердилась Тай. — Черт возьми, мы уже потеряли один парус. Отпусти немного свой.

Мышонок ничего не видя, приспустил свой парус. Слезы страха пробивались сквозь его веки, когда он прислушивался к всхлипываниям Катина.

«РУХ» удалялся от новы, а «ЧЕРНЫЙ КАКАДУ» падал на нее.

И это была нова.

Окраинные Колонии. Полет «ЧЕРНОГО КАКАДУ». 3172 г.

Ведущий свой род от пиратов, обгоревший в огне, называемый пиратом, убийцей, вором.

Стерплю.

Я возьму свои призы одним махом и стану человеком, лишившим созвездие Дракона его завтра. То, что это было сделано, чтобы спасти Федерацию Плеяд, не умаляло моего преступления. Сильные люди могут, в конце концов, совершать великие преступления. Здесь, на «ЧЕРНОМ КАКАДУ», я навсегда потерял свою любовь. Я говорил ей однажды, не приспособлены ни для осмысленной жизни, ни для осмысленной смерти (Это смерть, единственный смысл которой в том, что человек умер, чтобы предотвратить хаос, и они умерли…) Такая жизнь и такая смерть уменьшает значимость, снимает вину с убийцы и ореол с героя. Интересно, как другие преступники оправдывают свои преступления? Опустошенные миры порождают опустошенных сыновей, способных лишь к игре или драке. Достаточно ли этого для

победы? Я разрушил одну треть космоса, чтобы поднялась другая, и еще одна балансировала на краю, и я не чувствую на себе греха. Может быть, оттого, что я свободен и зол. Ну, хорошо, я свободен оплакивать ее, смеясь. Мышонок, Катин, кто из вас теперь слепец, не могущий видеть меня победителем под этим солнцем? Я чувствую, как огонь давит на меня. Как ты, Дэн, я буду балансировать между рассветом и вечером, но призом моим будет полдень.

Окраинные Колонии. Новая Бразилия-2, 3172 г.

Темнота.

Молчание.

Ничто.

Затем заворочалась мысль.

— Я думаю, так или иначе… я… я — капитан Кроуфорд? — он старался не думать об этом. Но мысль была им, он был мыслью. Не за что было уцепиться.

Мерцание.

Колокольчик.

Аромат тмина.

Это было начало.

Нет! Он зарылся в темноту. В ушах еще стоял чей-то крик: «Вспомни Дэна…», в глазах — карти-

на поплывшего оборудования.

Слабые звуки, запах, мерцание сквозь сомкнутые веки.

Он подумал о бессознательном страхе, об огненном потоке. Но страх исчез из сердца и участившийся пульс толкал его наверх, туда, где ждало его величие умирающей звезды.

Сон был убит.

Он задержал дыхание и открыл глаза.

Перед ним мерцали пастельные краски. Мягко нанизывались друг на друга высокие аккорды. Тмин, мята, кунжут, анис.

А позади красок — фигура.

— Мышонок? — Катин прошептал это и удивился тому, как отчетливо он себя слышит.

Мышонок убрал руки с сиринкса.

Исчезли и краски и аромат, и музыка.

— Проснулся? — Мышонок сидел на подоконнике, плечи и левая половина лица залиты мягким светом медным. Небо над ним было фиолетовым.

Катин закрыл глаза, вдавил голову в подушку и улыбнулся. Улыбка становилась шире и шире, обнажая зубы, и вдруг слезы исчезли.

— Да, — он расслабился и снова открыл глаза. — Да. Я проснулся. — Он резко сел. — Где мы?

На обитаемой станции института Алкейна? — Но он тут же увидел в окне пейзаж.

Мышонок слез с подоконника.

— Луна планеты, называемой Новой Бразилией.

Катин вылез из гамака и подошел к окну. За атмосферным куполом, за низкими зданиями, черно-серый гористый пейзаж покрывал близкий лунный горизонт. Он втянул прохладный воздух и повернулся к Мышонку.

— Ох, Мышонок, я думал, что я проснусь как…

— Дэн получил свое на пути к солнцу. А ты — когда мы удалялись. Все частоты были сдвинуты в сторону красного цвета. Это ультрафиолет разрушает сетчатку и приводит к таким вещам, как у Дэна. Тай все-таки улучила момент и отключила твои входные датчики. Знаешь, ты действительно был какое-то время слепым. Мы засунули тебя в медицинский аппарат сразу же, как только очутились в безопасности.

Катин задумался.

— А что мы тогда делаем здесь? Что произошло потом?

— Мы остановились около обитаемой станции и наблюдали за всем этим фейерверком с безопасного расстояния. Ей понадобилось чуть больше

трех часов, чтобы достичь наибольшей яркости. Мы разговаривали с экипажем станции, когда поймали сигнал капитана с «ЧЕРНОГО КАКАДУ». Поэтому мы покружили там, подобрали его и разрешили киборгам «КАКАДУ» убраться восвояси.

— Подобрали его! Ты хочешь сказать, что он *выбрался* оттуда?

— Да. Он в соседней комнате. Он хочет поговорить с тобой.

— Так это не вранье — насчет кораблей, входящих в нову и выходящих с другой стороны? — они оба направились к двери.

Выйдя, они пошли по коридору со стеклянной стеной, глядевшей на разломанную луну. Катин забылся от восторга, созерцая великолепие щебня, пока Мышонок не сказал ему:

— Сюда.

Они открыли дверь.

Полоса света пересекла лицо Лока.

— Кто здесь?

Катин проговорил:

— Капитан!

— Что?

— Капитан фон Рей!

— …Катин? — его пальцы вцепились в подлокотники кресла. Желтые глаза уставились прямо,

в сторону, снова в сторону, опять прямо.

— Капитан, что?.. — лицо Катина прорезали глубокие морщины. Он подавил панику и заставил лицевые мышцы расслабиться.

— Я сказал Мышонку, чтобы он привел тебя посмотреть на меня, когда ты будешь в полном здравии. С тобой… С тобой все в порядке. Хорошо. — Боль проступила на изуродованной плоти и исчезла. — Но это была именно боль.

Катин перестал дышать.

— Ты тоже старался увидеть. Я рад. Я всегда думал, что ты мог понять.

— Вы… рухнули на солнце, капитан?

Лок кивнул.

— Но как вы выбрались?

Лок вдавил голову в спинку кресла. Темная кожа, рыжие волосы, сквозь которые проступало несколько желтых, невидящие глаза — единственное в этой комнате, что имело цвет.

— Что? Выбрались, ты сказал? — он коротко рассмеялся. — Это теперь раскрытая тайна. Как я выбрался? — было видно, как на его лице подрагивают желваки. — Солнце. — Лок поднял руку, согнул пальцы, поддерживая воображаемую сферу, — вращается как миры или некоторые луны. Для предмета, имеющего массу звезды,

вращение означает существование неимоверной центробежной силы, приложенной к экватору. К концу стадии накопления тяжелых элементов на поверхности звезды, когда звезда начинает становиться новой, все это проваливается внутрь, к центру, — пальцы его задрожали. — Вследствие вращения материя полюсов проваливается быстрее, чем материя экватора, — он снова вцепился в подлокотники. — В течение нескольких секунд, после начала превращения сферы нет, а есть…

— Тороид!

На лице Лока обозначились складки. Он дернулся в сторону, словно спасаясь от сильного света. Затем пересеченное шрамом лицо вернулось в прежнее положение.

— Ты говоришь, тороид? Тороид? Да. Солнце стало бубликом с дырой, в которую без труда могли бы пролезть два Юпитера.

— Но ведь новы изучались институтом Алкейна почти столетие! Почему же *там* этого не знают?

— Перемещение вещества идет исключительно внутрь солнца. Перемещение энергии — наружу. Гравитационный сдвиг засасывает в дыру все, что оказывается поблизости, перемещение энергии поддерживает температуру внутри отверстия равной примерно температуре на поверхности

некоторых красных гигантов: менее пятисот градусов.

Хоть в комнате и было прохладно, Катин увидел, как на лбу Лока выступил пот.

— Форма тороида таких размеров — короны, которую могли видеть станции института Алкейна — почти полностью идентична сфере. Хотя размеры отверстия велики, но если сравнивать их с размерами разрастающейся сферы лучистой энергии, очевидно, что отыскать отверстие довольно трудно, если только не знаешь заранее, где оно находится… или пока не упадешь в него, — пальцы на подлокотниках неожиданно выпрямились. — Иллирион…

— Вы… вы взяли свой иллирион, капитан?

Лок снова поднес руку к лицу, на этот раз сжатую в кулак. Он попытался сфокусировать на ней взгляд. Другой рукой он попытался схватить кулак, наполовину промахнулся, снова схватил, и промахнулся полностью, попытался еще раз, раскрытые пальцы схватили кулак. Руки его тряслись, словно у паралитика.

— Семь тонн! Единственная материя, достаточно плотная, чтобы находиться в дыре — это элементы, тяжелее трехсотого номера. Иллирион! Он плавает там, ожидая того, кто нырнет

туда и вытащит его на поверхность. Направьте свой корабль внутрь, поглядите, где он там есть и черпайте его парусами. Он стягивается к излучениям. Иллирион почти без примесей, — руки разошлись в стороны. — Только… включите наружные сенсодатчики и посмотрите вокруг, чтобы увидеть, где он. — Его лицо сделалось хмурым. — Она лежала так и ее лицо… ее лицо словно великолепные развалины в центре ада. И я протянул все семь моих рук в ослепший день, чтобы отщипнуть несколько кусочков ада, плывущего рядом с… — он снова поднял голову. — Там, на Новой Бразилии, есть иллирионовый рудник… — за окном, высоко в небе, висела гигантская и пестрая планета. — У них есть оборудование для производства иллирионовых ракетных двигателей. Но поглядел бы ты на их лица, когда мы приволокли наши семь тонн. А, Мышонок? — он снова громко рассмеялся. — Ты говорил мне, как они глазели, а? Мышонок!

— Все отлично, капитан!

— Все отлично, Мышонок, — Лок кивнул, глубоко дыша. — Катин, Мышонок, ваша работа окончена. Забирайте свои рекомендации. Корабли улетают отсюда регулярно. Вам не составит труда устроиться на один из них.

— Капитан, — рискнул спросить Катин. — Что вы намерены делать?

— На Новой Бразилии находится дом, в котором в детстве я провел немало приятного времени. Я вернусь туда… чтобы ждать.

— Может быть, вам там надо что-нибудь сделать, капитан? Я глядел и…

— Что? Говори громче.

— Я сказал, что со мной все в порядке, а я глядел, — голос Катина прервался.

— Ты глядел удаляясь. Я глядел приближаясь к звезде. Все нервные центры мозга нарушены. Неврологическая конгруэнтность, — он покачал головой. — Мышонок, Катин, Аштон Кларк с вами…

— Но капитан…

— Аштон Кларк.

Катин поглядел на Мышонка, потом снова на капитана. Мышонок возился с ремнем своего футляра. Потом он поднял голову. Они повернулись и покинули темную комнату.

За дверью они снова остановились перед лунным пейзажем.

— Итак, — проговорил в раздумье Катин, — фон Рей выиграл, а Принс и Руби — нет.

— Они погибли, — сказал Мышонок. — Капитан

говорил, что он убил их.

— О, — Катин глядел на ландшафт. Спустя некоторое время он сказал. — Семь тонн иллириона — и равновесие нарушено. Созвездие Дракона падет, в то время, как Федерация Плеяд поднимется. Окраинным Колониям тоже предстоят изменения. Благодаря Аштону Кларку, перемена места приложения труда теперь не сопряжена с трудностями. Однако, ожидается возникновение некоторых проблем. Где Линчес и Айдас?

— Уже ушли. Они получили сообщение от своего брата и отправились к нему, как только мы добрались до Окраинных Колоний.

— От Тобиаса?

— Вот именно.

— Бедные двойняшки. Бедные тройняшки. Когда этот иллирион начнут использовать, начнутся перемены… — Катин покусал пальцы. — Конец блаженству. — Он поглядел на небо, с которого постепенно исчезали звезды. — Мы переживаем исторический момент, Мышонок.

Мышонок вычистил серу из уха ногтем мизинца. Серьга на его ухе сверкнула.

— Да. Я тоже так думаю.

— Что ты теперь собираешься делать?

Мышонок пожал плечами.

— Не знаю. Поэтому я и попросил Тай погадать мне на Тароте.

Катин поднял брови.

— Они с Себастьяном сейчас внизу. Их питомцы разбежались по бару. Расцарапали всех до полусмерти и чуть не разнесли заведение, — он хрипло рассмеялся. — Поглядел бы ты на это. Как только она кончила приводить в чувство владельца, они поднялись ко мне, чтобы погадать. Я, наверное, буду где-то летать. Нет большого смысла думать только о рудниках, — пальцы Мышонка стиснули кожаный футляр под мышкой. — Вокруг много всего, на что стоит посмотреть, о чем стоит сыграть. Может быть, некоторое время мы будем с тобой вместе, устроимся на какой-нибудь корабль. Ты забавен, как черт-те что. Но я не люблю тебя раза в два меньше, чем не люблю остальных людей. А у тебя что за планы?

— У меня просто не было времени подумать об этом, — руки Катина скользнули под ремень, он задумался.

— Что с тобой?

— Думаю.

— О чем?

— Что я нахожусь на прекрасной луне, я только

что закончил работу, поэтому некоторое время можно будет не волноваться. Почему бы не сесть и не заняться моим романом? — поднял он взгляд. — А ты знаешь, Мышонок? Я в самом деле не знаю, хочу ли я написать книгу.

— Как это?

— Когда я глядел на эту нову… нет, потом, в тот самый момент, когда я проснулся и думал, что вынужден буду провести весь остаток жизни слепым, с заткнутыми ушами и носом, пока я был словно сумасшедший, я понял, что многого не видел, многого не слышал, не нюхал, не пробовал… Как мало я знаю о тех основах жизни, которые держишь буквально у себя в ладонях. А затем капитан…

— Дьявольщина, — сказал Мышонок. Босой ногой он счищал пыль с ботинка. — Ты не собираешься ее писать после всей той работы, которая уже сделана?

— Мышонок, я бы этого хотел. Но у меня все еще нет сюжета. И я только готовлюсь искать и найти его. В данный момент я просто умный парень, имеющий что сказать, но не знающий, о чем конкретно.

— Это дезертирство, — пробурчал Мышонок. — Как насчет капитана и «РУХА»? И ты говорил, что

хотел написать обо мне. О'кей, смелее. И напиши о себе тоже. Напиши о близнецах. Ты действительно думаешь, что они бы прочли книгу? Они — довольные поросята, оба. Я хочу, чтобы ты написал ее, Катин. Может, я не смогу прочитать ее, но, будь уверен, я бы стал слушать, если бы ты прочитал ее мне.

— Ты бы стал слушать?

— Будь уверен. После того, как ты зашел так далеко, ты никогда не будешь по-настоящему счастлив, если бросишь это дело.

— Мышонок, ты искушаешь меня. Я теперь не буду больше ничего хотеть годы и годы, — он засмеялся. — Нет, — Мышонок. Я все же в большей степени мыслитель. Последнее путешествие «РУХА»? Я слишком осведомлен о первопричинах, приведших к нему. Я теперь вижу, что его можно рассматривать как аллегорические поиски Грааля. Только так я могу с этим справиться, рассыпав по книге всевозможные мистические символы. Вспомни обо всех тех писателях, которые умерли раньше, чем закончили свои пересказы Грааля!

— Катин, это же сплошная чепуха. И ты хочешь включить это в свою книгу?

— Чепуха вроде Тарота? Нет, Мышонок. Я боюсь за свою жизнь, начиная это предприятие, — он

снова оглядел пейзаж. Луна, так хорошо знакомая ему, на миг примирила его со всем, что было ему неизвестно. — Я хочу. И я это действительно сделаю. Но я должен бороться с дюжиной всяких бед. Может быть я смог бы. Но не уверен, единственный способ защитить себя от напастей, я думаю — это просто не обращать на них внимания, пока не дойдешь до конца.

Афины, июнь 1966 г. —
Нью-Йорк, май 1967 г.